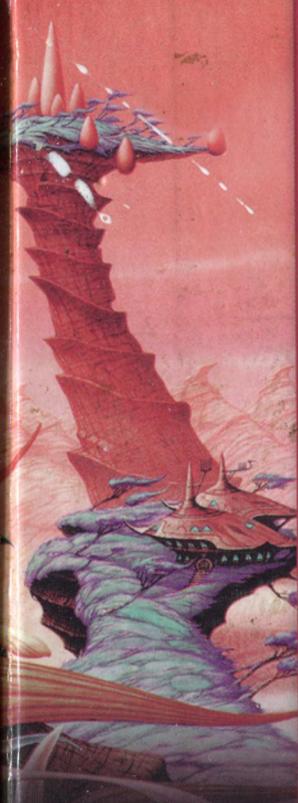

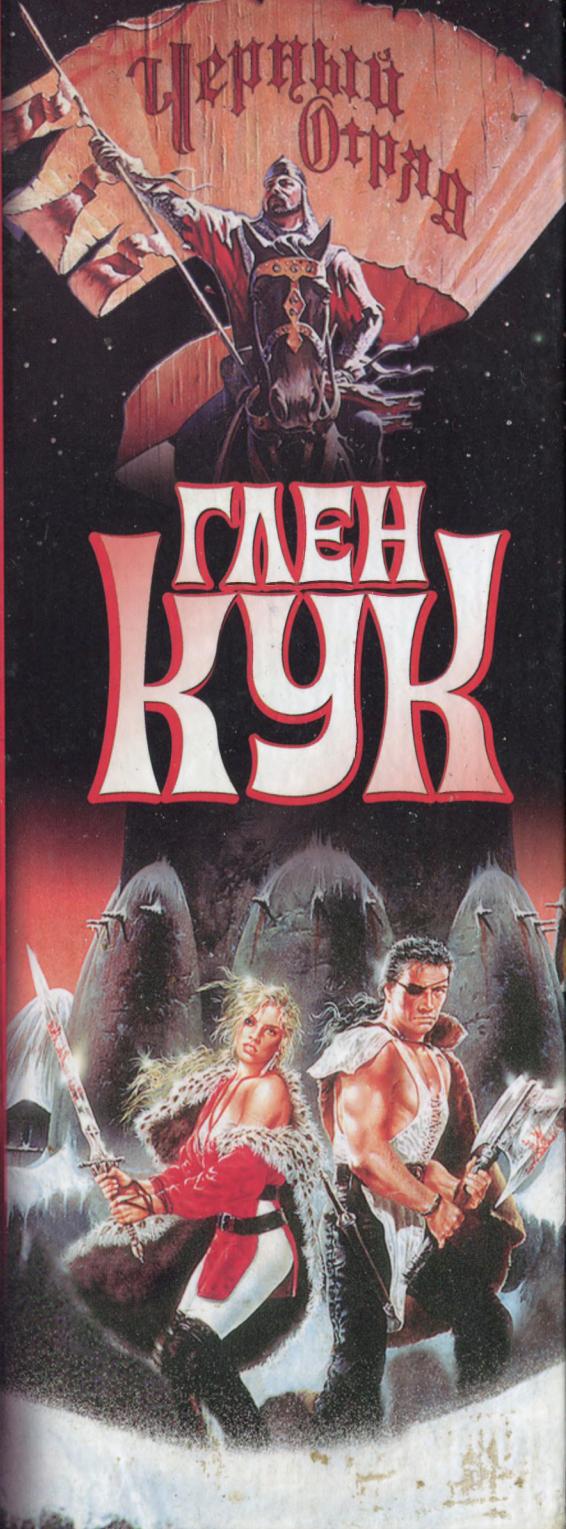
Белая Роза
Игра теней

ГЛЕН
KУК

Белая Роза
Игра теней

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ.

GLEN

COOK

The White Rose

Shadow Games

ГЛЕН
КУК

Белая Роза

Игра теней

аст
издательство
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

К89

Glen Cook

THE WHITE ROSE

1985

SHADOW GAMES

1989

Перевод с английского Д. Смутковича, Д. Старкова

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов

Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 05.12.02. Формат 84×108 1/32.

Усл. пч. л. 33,60. Тираж 2500 экз. Заказ № 794.

Кук Г.

К89 Белая Роза. Игра теней: Фантаст. романы / Г. Кук; Пер. с англ. Д. Смутковича, Д. Старкова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 632, [8] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-010931-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-7921-0305-4 (TF)

Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искроместный юмор балагана и высокая геронка эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда — лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшой ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© Glen Cook, 1985, 1989

© Перевод. Д. Смуткович, 1996

© Перевод. Д. Старков, 1997

© ООО «Издательство АСТ», 2003

® TERRA FANTASTICA

Белая Роза

*Для Нэнси Эдвардс,
просто так.*

А. Новиков, перевод, © 1996

Глава 1 Равнина Страха

Неподвижный воздух пустыни действовал как линза. Всадники, казалось, застыли, двигаясь и не приближаясь. Мы пересчитывали их по очереди, и никому не удавалось получить одно и то же число два раза подряд.

Легкий ветерок простонал в кораллах, шевельнул листья Праотца-Дерева, и те зазвенели золотыми колокольчиками. За северным горизонтом полыхнула молния перемен — точно отблеск дальней схватки богов.

Хрустнул песок. Я обернулся. Молчун изумленно пялился на появившийся за последнюю пару секунд говорящий менгир. Каменюги подые. Им бы все веселиться.

— Чужаки на равнине,— сказал менгир.

Я подскочил. Камень хихикнул. Жутче менгиров только сказочные бесы хихикают. Тихо рыча, я спрятался в тень камня.

— Жарко.— И добавил: — Это Гоблин и Одноглазый, возвращаются из Кожемяк.

Камень был прав, ошибался я. Слишком узко я смотрел. Но патруль задерживался почти на месяц, и мы все волновались. В последнее время войска Госпожи все чаще вторгались в пределы равнинны Страха.

Каменный столб хохотнул снова. Он возвышался надо мной — все тринадцать футов. Средненъкий. Те, в ком побольше пятнадцати, движутся редко.

Всадники скакали к нам, не приближаясь. Нервы, конечно; мерещится. Для Черного Отряда наступили тяжелые времена. Жертв мы не можем себе позволить. Любой погибший окажется давним другом. Я вновь пересчитал конников. Вроде бы столько, сколько было. Но один конь — без седока... Несмотря на жару, я поежился.

Спрятавшись внутри огромного рифа, мы наблюдали, как Отряд спускался по тропе к ручью, футах в трехстах. Бродячие деревья близ брода зашелестели, хотя ветра не было.

Всадники погоняли усталых коней. Те упрямились, даже зная, что дом уже близок. Они вошли в ручей — заплескала вода. Я ухмыльнулся, хлопнул Молчуна по спине. Все на месте, все до одного — и еще один. Молчун отбросил обычную сдержанность, улыбнулся в ответ. Ильмо выбрался из кораллов, пошел встречать наших соотечественников. Мы с Маслом и Молчуном поспешили за ним. Утреннее солнце висело за нашими спинами огромным кровавым шаром.

Ухмыляясь, солдаты спешились. Но выглядели они невеселыми — больше всех Гоблин и Одноглазый. Впрочем, они вступили на земли, где их колдовская сила бесполезна. Так близко от Душечки они ничем не сильнее нас.

Я обернулся. Душечка стояла на выходе из туннеля, похожая на белый призрак в тени.

Наши люди обнимались недолго; старая привычка взяла вверх, и все принялись делать вид, будто ничего не случилось.

— Тяжело пришлось? — спросил я Одноглазого, рассматривая прибывшего с ними незнакомого парня.

— Да. — Тощий, низкорослый негр усох за время поездки еще больше, чем мне показалось поначалу.

— Ты в порядке?

— Стрелу поймал. — Он потер бок. — Между ребер.

— Нас едва не взяли, — пискнул Гоблин из-за спины Одноглазого. — Месяц гнали, а мы их никак стряхнуть не могли.

— Пошли в Дыру, — приказал я.

— Нет там заражения. Я прочистил.

— Все равно хочу глянуть. — Он был моим помощником с тех пор, как я стал отрядным лекарем. Его суждениям я верю. Но здоровье каждого бойца — все же моя ответственность.

— Нас ждали, Костоправ.

Душечка скрылась в туннеле, ведущем в глубь нашей подземной крепости. Восходящее солнце оставалось багровым — наследство проходящей бури перемен; что-то большое проплыло по его диску. Летучий кит?

— Засада?

Я перевел взгляд на патрульный отряд.

— Нет, на нас в особенности. Просто неприятностей ждали.

Отряд получил двойное задание: связаться с сочувствующими в Кохемяках, чтобы выяснить, не начинают ли войска Госпожи после долгого перерыва активные действия, и совершить налет на гарнизон, дабы доказать, что в наших силах нанести удар по империи, подмявшей под себя полмира.

— Чужаки на равнине, Костоправ, — повторил менгир, когда мы проходили мимо.

Ну почему это всегда случается со мной? Со мной и камни говорят чаще, чем с остальными. Но дважды? Я призадумался. Чтобы менгир повторился, он должен считать свою весть исключительно важной.

— Погоня есть? — спросил я Одноглазого.

Тот покал плечами:

— Не сдаются.

— Что в мире творится? — Прячась на равнине, я с таким же успехом мог бы похоронить себя заживо.

Лицо Одноглазого оставалось непроницаемым.

— Шпагат расскажет.

— Шпагат? Тот парень, которого вы привезли? — Имя я слыхал, но носителя его видел впервые. Один из наших лучших шпионов.

— Да.

— Не лучшие новости?

— Вот-вот.

Мы нырнули в туннель, ведущий в наше логово, в нашу вонючую, сырую, тесную, осыпающуюся кроличью нору,

носящую название крепости. Мерзкая дыра, душа и сердце восстания новой Белой Розы. Новая Надежда, как шепотом кличут ее покоренные. Насмешка над надеждой для нас, живущих здесь. В Дыре не лучше, чем в любом кишашем крысами подземелье,— хотя выйти отсюда можно. Если ты согласен вернуться в мир, где на тебя готова обрушиться вся мощь империи.

Глава 2 Равнина Страха

Шпагат был в Кожемяках нашими глазами и ушами. У него везде связные, а против Госпожи он воюет уже несколько десятилетий. Он был среди тех, кто избежал ее гнева при Чарах, где она подавила прежнее восстание. Немалую долю ответственности за тот разгром нес Отряд. В те дни мы были ее правой рукой. И загнали ее врагов в ловушку.

При Чарах погибло четверть миллиона человек. Никогда прежде не бывало битв столь страшных и великих — и столь решающих. Даже кровавый разгром Властелина в Древнем лесу пожрал вполовину меньше жизней.

Судьба заставила нас сменить лагерь — когда мы поняли, что нам больше не поможет никто.

Рана Одноглазого оказалась чистой, как он и утверждал. Я отпустил его и поковылял к себе. Прошел слух, что Душечка, прежде чем выслушать доклад патрульных, заставила их отдохнуть. Я поежился в нехорошем предвкушении дурных известий.

Усталый старик — вот кто я теперь. Куда делись огонь, воля, амбиции? Когда-то у меня были мечты, почти позабытые теперь. В приступах грусти я стряхиваю с них пыль и ностальгически любуюсь, снисходительно удивляясь их юношеской наивности.

Древность пропитывает мою комнату. Мой великий проект — восемьдесят фунтов старинных бумаг, отбитых у генерала Шепот в те времена, когда она была мятежницей, а мы служили Госпоже. В них якобы содержится ключ к поражению Госпожи и ее Взятых. Уже шесть лет они

лежат у меня. И за шесть лет я не нашел ничего. Сплошной провал. Теперь бумаги нагоняют на меня такую тоску, что я все чаще просто перебираю их, а потом сажусь за Анналы.

Со временем нашего бегства из Арчи Анналы превратились в мой личный дневник. То, что осталось от нашего Отряда, не вызывает энтузиазма, а новости извне так редки и ненадежны, что я не часто утруждаюсь их записыванием. Кроме того, после победы над своим супругом у Арчи Госпожа, по-моему, катится по наклонной плоскости еще шибче, чем мы.

Конечно, внешность обманчива. Суть Госпожи — иллюзия.

— Костоправ!

Я оторвал взгляд от сотню раз перечитанной странички на древнем теллекурре. В дверях стоял Гоблин, похожий на старую жабу.

— Ну?

— Там наверху что-то заваривается. Меч бери.

Я взял лук и кожаную кирасу. Староват я для рукои-пашной. Если уж мне придется воевать, предпочитаю стоять в сторонке и пускать стрелы. Следуя за Гоблином, я вспоминал историю этого лука — его подарила мне сама Госпожа во время битвы при Чарах. Ох, моя память... Этим луком я помог убить Взятую по имени Душелов, которая привела Отряд на службу Госпоже. Те времена уже почти отошли для нас в область преданий.

Мы вылетели на свет. За нами бежали остальные, прячась в кактусах и кораллах. Всадник на тропе — а она в здешних местах одна — никого не заметит.

Всадник был один, безоружный; ехал он на побитом молью муле.

— И весь шум из-за старика на ишаке? — осведомилась я.

Среди кактусов и кораллов сновали наши люди, производя немыслимый шум, — даже этот старец не мог их не заметить.

— Лучше бы нам потренироваться не гадеть.

— Вот-вот.

Я подскочил, оборачиваясь. За моей спиной, прикрыв глаза от солнца, стоял Ильмо, такой же старый и усталый, каким чувствовал себя я. Каждый день напоминает мне, что мы уже немолоды. Черт, мы все были немолоды, уже когда явились на север, переплы whole море Мук.

— Нам нужна свежая кровь, Ильмо.

Он фыркнул.

Да, к тому времени, как все это закончится, мы станем намного старше. Если доживем. Ведь мы выкупаем время. Если повезет — десятки лет.

Всадник пересек ручей, остановился. Поднял руки. Вокруг него из пустоты вынырнули наши люди, небрежно помахивая оружием. Одинокий старик в самом центре Душечкиной безмагии не может быть опасен.

Мы с Гоблином и Ильмо начали спускаться.

— Как вы с Одноглазым — развлеклись в отлучке?

Эти двое враждуют издавна, но тут присутствие Душечки не дает им пользоваться колдовскими штучками.

Гоблин ухмыльнулся. Улыбка раскалывает его голову напополам, от уха до уха.

— Я его расслабил.

Мы подошли к всаднику.

— Потом расскажешь.

Гоблин пискляво хихикнул — точно вода булькнула в чайнике.

— Ага.

— Ты кто? — спросил Ильмо старика.

— Фишки.

Это было не имя. Это был пароль посыльного с западных окраин. Давно мы не получали оттуда вестей. Вестникам с запада приходилось добираться до равнины через наиболее прирученные Госпожой провинции.

— Да? — переспросил Ильмо. — Ну так и что? Слезай.

Старик сполз с ишака, предъявил свои верительные грамоты — Ильмо признал их подлинными, — потом объяснял:

— Двадцать фунтов приволок. — Он похлопал по седельной суме. — Каждый городишко норовит добавить.

- Всю дорогу сам проделал? — спросил я.
- Каждый фут, от самого Весла.
- Весла? Но это...

Больше тысячи миль. Я и понятия не имел, что у нас там кто-то есть. Впрочем, я многоного не знаю об организации, которую создала Душечка. Я трачу все свое время, выдавливая из чертовых этих бумаг то, чего там, может, и вовсе нет.

Старик посмотрел на меня, точно взвешивая мои грехи:

- Ты лекарь? Костоправ?
- Да, а что?
- Есть для тебя. Личное.— Он открыл курьерскую сумку.

На мгновение все напряглись — мало ли что. Но старик вытащил пакет, завернутый в промасленную кожу так, что и конец мира ему нипочем.

— Вечно там моросит,— объяснил он, отдавая пакет мне.

Я взвесил сверток в руке — если не считать кожи, легкий.

- От кого?
- Старик покал плечами.
- Где ты его взял?
- У капитана ячейки.

Само собой. Душечка действовала с осторожностью, так организовав своих подчиненных, что Госпожа не могла уничтожить больше малой доли подпольщиков. Гениальная девочка.

Ильмо взял остальное.

— Отведи его вниз и найди камору,— приказал он Маслу.— А ты, старик, отдохни. Белая Роза поговорит с тобой позже.

Интересный будет вечер, если докладываться будут и Шпагат, и этот старикан.

— Пойду гляну, что там,— сказал я Ильмо, взвешивая пакет в руке. Кто бы мог его послать? За пределами равнины у меня знакомых нет. Разве что... Но Госпожа не станет посыпать письмо в подполье. Или станет?

Укол страха. Пусть давно это было, но она обещала держать связь.

Говорящий менгир, предупредивший нас о курьере, все еще торчал у тропы.

— Чужаки на равнине, Костоправ,— сказал менгир, когда я проходил мимо.

Я замер.

— Что? Еще?

Но камень, как обычно, промолчал.

Никогда не пойму эти древние каменюги. Черт, да я все еще не понимаю, почему они на нашей стороне. Чужаков они ненавидят по-разному, но всех с равной силой. Как и прочие диковатые разумные твари равнинны.

Я тихонько вернулся к себе, снял тетиву с лука и прислонил его к стене. Потом сел за стол и развернул пакет.

Почерка я не узнал, а подписи в конце не было. Я начал читать.

Глава 3 Прошлогодний рассказ (из послания)

Снова эта баба орет. Боманц потер виски. Пульсирующая боль не стихала.

— Сайта, сайта, сата,— пробормотал он, прикрыв глаза; согласные зло шипели, как змеи.

Он прикусил язык. Не стоит насытить чары на собственную жену. Последствия юношеской глупости следует переносить с достоинством и смирением. Но какое искушение! И повод какой! Хватит, дурак! Займись проклятой картой.

Ни Жасмин, ни головная боль не унимались.

— Да чтоб тебе провалиться! — Боманц смахнул грузики с утолков карты, намотал тонкий шелк на стеклянный стержень, а тот спрятал в древке поддельного антикварного копья. Древко блестело от долгого обращения.

— Бесанд в минуту бы учゅял,— пробормотал он.

Боманц заскрипел зубами — язва куснула желудок. Чем ближе конец, тем больше опасность. Нервы на пределе.

Токар был торговцем из Весла и приятелем сына Боманца, Шаблона. Боманц старательно обманывал себя, видя в непочтительной прямоте и честности торговца призрак собственной юности.

— А я не рассчитывал так быстро вернуться, Бо. Но антиквариат сейчас идет на «ура». Просто невероятно.

— Что, нужна еще партия? Уже? Да ты меня обчистишь. — Еще одна невысказанный жалоба: Боманц, тебе придется пополнять запасы. Отрывать время от изысканий.

— Эпоха Владычества сейчас в моде. Кончай тянуть, Бо. Делай деньги. В следующем году рынок может сдохнуть, как Взятые.

— Они не... Наверное, старею, Токар. Перепалки с Бесандом уже не приносят мне радости. Черт, да десять лет назад я его искал, чтобы развеять скуку добрым скандалом! Да и землекопом работать нелегко. Я выдохся. Хочу просто сесть на крылечко и смотреть, как жизнь проходит мимо.

Болтая, Боманц выкладывал на прилавок лучшие стариинные мечи, части доспехов, солдатские амулеты, почти отлично сохранившийся щит. Ящик наконечников от стрел с выгравированными розами. Пара копий с широкими клинками — стариинные наконечники, насаженные на копии древков.

— Я могу прислать тебе пару человек. Покажешь им, где копать. Я тебе комиссионные выплачу. И делать ничего не надо. Отличная у тебя секира, Бо. Теллекурре? Оружия теллекурре я хоть баржу могу продать.

— Да нет, ючителле. — Укол язвы. — Нет, помощников не надо. — Именно этого ему недостает. Чтобы банда молодых оболтусов копала, а он делал съемку местности.

— Я просто предложил.

— Извини. Не обращай внимания. Жасмин утром на меня взъелась.

— Ты не находил ничего, связанного со Взятыми? — тихо спросил Токар.

Боманц вскинулся, изображая ужас, как делал это на протяжении десятилетий.

— Взятыми? Я что, идиот? Я не притронулся бы к этому, даже если бы смог пронести мимо Наблюдателя.

Токар заговорщики улыбнулся:

— Конечно. Мы же не хотим оскорбить Вечную Стражу. Тем не менее... Есть в Весле один человек, который хорошо заплатил бы за вещь, которая могла принадлежать Взятым. А за одну из вещей Госпожи он продал бы душу. Он в нее влюблен.

— Она этим славилась.— Боманц избегал взгляда своего молодого товарища. Что ему наболтал Шаб? Или Бесанд на рыбалке подглядел? Чем старше становился Боманц, тем меньше ему нравилась игра. Его нервы не выдерживали двойной жизни. Он испытывал искушение сознаться во всем, просто чтобы облегчить душу.

Нет, проклятие! Сн вложил слишком много. Тридцать семь лет. Каждую минуту копая и отскребая. Обманывая и привирая. В крайней нищете. Нет. Он не сдается. Не сейчас. Не теперь, когда он так близко.

— Я тоже ее по-своему люблю,— признался он.— Но мне хватает здравого смысла. Если бы я нашел что-нибудь, то позвал бы Бесанда, да так громко — в Весле услышали бы.

— Ладно. Как скажешь.— Токар ухмыльнулся.— Хватит держать тебя в напряжении.— Он вытащил кожаный мешочек.— Письма от Шаблона.

Боманц вцепился в мешочек.

— Я от него не получал известий с тех пор, как ты последний раз заезжал.

— Могу я загружаться, Бо?

— Конечно. Давай.— Боманц рассеянно вытащил из ящика стола текущий список товаров.— Пометь, что будешь брать.

Токар хохотнул:

— В этот раз — все. Только назови цену, Бо.

— Все? Да тут половина — сущий мусор.

— Я тебе говорил, эпоха Владычества в большой моде.

— Ты видел Шаба? Как он? — Боманц добрался уже до середины первого письма. Ничего существенного сын

не сообщал — его послание переполняли будничные мелочи. Письма по обязанности. Весточки родителям от сына, неспособные пересечь бездну времени.

— Здоров до омерзения. Скучет в университете. Читай дальше. Там будет сюрприз.

— Токар заезжал, — сообщил Боману и ухмыльнулся, переминаясь с ноги на ногу.

— Этот ворюга? — Жасмин скривила гримасу. — Ты деньги у него не забыл получить?

Ее подное, оплывающее лицо застыло в вечном неодобрении. Рот ее обычно бывал недовольно сжат.

— Привез письма от Шаба. Вот. — Он протянул ей пакет, но не сумел сдержаться: — Шаб едет домой.

— Домой? Не может быть. У него же работа в университете.

— Он взял академический отпуск. Приезжает на лето.

— Зачем?

— Нас повидать. В лавке помочь. Диссертацию закончить в тишине.

Жасмин проворчала что-то. Писем читать она не стала. Она так и не простила сына за то, что он, как и отец, интересовался эпохой Владычества.

— Он приезжает, чтобы помочь тебе совать нос туда, куда нос совать не положено, так ведь?

Боману украдкой глянул в окна. В его положении паранойя была вполне простительна.

— Приходит Год Кометы. Духи Взятых восстанут, чтобы оплакать падение Владычества.

Этим летом Комета, явившаяся в час падения Властелина, вернется в десятый раз. Десять Взятых проявят себя сильно.

Боману уже наблюдал одно прохождение, в то лето, когда он поселился в Древнем лесу, задолго до рождения Шаблона. Духи, шагающие по Курганью, очень впечатляли.

От предвкушения засосало под ложечкой. Жасмин может не понять этого, но это лето — последнее. Конец долгим поискам. Не хватает только одного ключа. Найдя его,

он сможет установить связь и брать, вместо того чтобы отдавать.

— Зачем я только в это влезла? — фыркнула Жасмин. — Мама ведь меня предупреждала.

— Мы говорим о Шаблоне, женщина. О нашем сыне.

— Ох, Бо, только не называй меня жестокой старухой. Конечно, я буду рада его увидеть. Я ведь тоже его люблю.

— Неплохо бы это показывать иногда.— Боманц осмотрел остатки товара.— Самая дрянь осталась. От одной мысли о том, сколько придется копать, ноют мои старые кости.

Кости ныли, но дух рвался вперед. Пополнение запасов — достоверный предлог побродить по окраинам Курганья.

— Хоть сейчас начинай.

— Пытаясь меня из дома выставить?

— Не огорчусь.

Вздохнув, Боманц оглядел лавку. Несколько кусков изъеденной временем брони, сломанное оружие, череп — неизвестно чей, потому что характерной для офицеров Властелина треугольной вмятины на нем не было. Собиратели не интересовались останками простых солдат или последователей Белой Розы.

«Интересно, почему нас так привлекает зло?» — подумал он. Белая Роза проявила больше героизма, чем Властелин или Взятые. Но ее забыли все, кроме людей Наблюдателя. А любой крестьянин может назвать половину Взятых. Курганье, где непрерывно шевелится зло, обходит стражка, а могила Белой Розы утеряна.

— Ни там, ни здесь,— пробормотал Боманц.— Пора в поле. Вот-вот. Лопата. Волшебный жезл. Мешки... Может, прав был Токар? Может, стоит помощника найти? Кисточки. Чтобы помогал таскать все это. Теодолит. Карта. Это бы не забыть. Что еще? Заявочные ленточки. Конечно. Этот паршивец Мен-фу...— Он запихал, что мог, в сумку, а остальным обвешался. Взвалил на плечо лопату, грабли и теодолит.— Жасмин! Жасмин!! Отвори мне эту проклятую дверь!

Его жена выглянула из-за занавески, отгораживавшей жилую комнату.

— Надо было отпереть ее сначала, придурок.— Она проковыляла через лавку.— Когда-нибудь, Бо, тебе придется лечиться от безалаберности. Наверное, после моей смерти.

— После твоей смерти,— бурчал он, бредя по улице.— Это ты точно сказала. Я тебя быстренько закопаю, чтоб не передумала и не встала.

Глава 4 Недавнее прошлое: Грай

Курганье лежит далеко к северу от Чар, в Древнем лесу, столь прославленном в легендах о Белой Розе. Грай пришел в город на следующее лето после того, как Властелин едва не сбежал из могилы через Арчу. Соратников Госпожи он нашел в прекрасном расположении духа. Великого зла из Великого кургана можно было не опасаться. Последних мятежников отлавливали в лесах. У империи не осталось более серьезных врагов. И Великая Комета, предвестница всех катастроф, не вернется еще десятки лет.

Оставался лишь единственный очаг сопротивления — дитя, якобы воплощающее Белую Розу. Но оно сбежало вместе с остатками предателей из Черного Отряда. Не стоит бояться беглецов. Превосходящие силы Госпожи сметут их.

Грай прихромал в город по дороге из Весла, в одиночку, с мешком на спине, крепко сжимая посох. Он назывался ветераном, раненным в Форсбергской кампании Хромого. Ему хотелось работать. Для человека, не обремененного гордостью, работы хватало. Вечной Страже платили хорошо. А обязанности их выполняли нередко наемные слуги.

В то время гарнизон стоял в Курганье. Вокруг казарм без счета роились гражданские. Грай затерялся среди них, и, когда отряды и батальоны разъехались, он уже стал частью ландшафта.

Он мыл тарелки, обихаживал лошадей, выгребал навоз из конюшен, разносил письма, оттирал полы, чистил ово-

ши, брался за всякое дело, которым мог заработать пару медяков. То был высокий молчаливый, мрачный тип; ни с кем не сближался и ни с кем не враждовал. И почти ни с кем не общался.

Через пару месяцев он попросил разрешения — и получил его — занять развалюху, принадлежавшую некогда колдуну из Весла и оттого никому не нужную. По мере сил и возможностей он отстроил дом заново. И, как колдун до него, работал ради того, что привело его на север.

Десять, двенадцать, четырнадцать часов в день Грай работал в городе, а потом приходил домой и работал снова. Люди удивлялись: когда же он спит?

Если что-то и умаляло достоинства Грая, так это его неспособность принять роль полностью. Большая часть чернорабочих подвергалась немалым унижениям. Грай унижений не терпел. Оскорби его, и глаза Грая становились холодными, как сталь зимой. Только один человек попытался задеть его после того, как Грай на него глянул так. Грай избил его безжалостно, сильно и умело.

Никто не подозревал, что Грай ведет двойную жизнь. Вне дома он был Граем-поденщиком, и не более того. Эту роль он играл превосходно. Дома, когда за ним могли следить, он был Граем-обновителем, создающим новый дом из старого. И только в самые глухие часы, когда не спит лишь ночной патруль, он становился Граем-человеком с миссией.

Грай-обновитель нашел в стене колдуновой кухни сокровище. И отнес его наверх, где вышел из глубин Грай-одержимый.

На клочке бумаги красовалась дюжина выведенных дрожащей рукой слов. Ключ к шифру.

На тощем мрачном, неулыбчивом лице пошел ледоход. Вспыхнули темные глаза. Руки зажгли лампу. Грай сел за стол и почти час смотрел в пустоту. Потом, все еще улыбаясь, спустился по лестнице и вышел в ночь. Повстречав ночной патруль, он приветствовал его взмахом руки.

Теперь его знали. И никто не мешал ему хромать по окрестностям и наблюдать за движением светил.

Когда нервы его успокоились, он вернулся домой. Но не спать. Он разложил бумаги и принялся изучать, расшифровывать, переводить, писать длинное письмо, которое не достигнет адресата еще долгие годы.

Глава 5 Равнина Страха

Заглянул ко мне Одноглазый, сказал, что Душечка собирается допросить Шпагата и курьера.

— Совсем она взвинтилась, Костоправ, — заметил он. — Ты ее видел?

— Видел. Давал советы. Она не слушает. Что еще я могу сделать?

— До появления Кометы еще двадцать два года. Зачем ей загонять себя до смерти?

— Ты это у нее спроси. Мне она просто твердит, что все решится задолго до прихода Кометы. Это гонка со временем.

Она верит в это. Но остальные не могут вспыхнуть ее огнем. Мы здесь, на равнине Страха, отрезаны от мира, и борьба с Госпожой порой отходит на второй план — нас слишком занимает сама равнина.

Я поймал себя на том, что обгоняю Одноглазого. Эти похороны прежде смерти плохо на него повлияли. Без своей магии он слабеет и физически. Возраст сказывается. Я притормозил.

— Как вы с Гоблином — развлеклись по дороге всласть? Одноглазый не то усмехнулся, не то скривился.

— Опять он тебя достал?

Их вражда тянется с незапамятных времен. Начинает каждую стычку Одноглазый, а выигрывает обычно Гоблин.

Он пробормотал что-то.

— Что? — переспросил я.

— Эй! — вскричал кто-то. — Свистать всех наверх! Тревога! Тревога!

— Второй раз за день? Какого беса?! — Одноглазый сплюнул.

Я понял, к чему он клонит. За последние два года тревогу не объявляли и двадцати раз. А теперь две за день? Невозможно.

Я кинулся за своим луком.

В этот раз мы рассыпались по кустам с меньшим шумом. Ильмо высказал свое очень болезненное неудовлетворение в нескольких личных беседах.

Снова солнце. Как удар. Вход в Дыру обращен на запад, и, когда мы выходили, свет бил нам в глаза.

— Ах ты, раздолбай проклятый! — орал Ильмо. — Что ты, твою мать, туттворишь?

На поляне стоял молодой солдатик, указывая в небо. Я поднял глаза.

— Проклятие,— прошептал я.— Дважды проклятие. Одноглазый тоже увидел это.

— Взятые.

Точка в небесах поднялась повыше, сделала круг над нашим укрытием, по спирали пошла на снижение. Внезапно качнулась.

— Да. Взятые. Шепот или Странник?

— Приятно видеть старых друзей,— заметил Гоблин, присоединяясь к нам.

Мы не видели Взятых с той поры, как достигли равнины. А до того они постоянно висели у нас на хвосте, гоня нас непрерывно все четыре года пути от самой Арчи.

Они — прислужники Госпожи, постигшие ее науку ужаса. Некогда их было десять. Во времена Владычества Госпожа со своим мужем поработила величайших из своих современников, сделав их своими орудиями: то были Десять Взятых. Когда четыре века назад Белая Роза победила Властелина, они легли в могилу вместе с ним, а два оборота Кометы назад восстали вместе с Госпожой. И в сражениях друг с другом — поскольку часть из них осталась верна Властелину — почти все погибли.

Но Госпожа создала новых рабов. Перо. Странник. Перо и последний из прежних, Хромой, пали при Арче, когда мы сорвали попытку Властелина вернуться к жизни. Остались двое. Шепот и Странник.

Ковер-самолет качнулся, достигнув границы, за которой безмагия Душечки могла преодолеть его стремление к полету. Взятый развернулся, соскальзывая вниз, отлетел достаточно далеко, чтобы вновь подчинить себе ковер.

— Жаль, что он не полетел прямо, — сказал я. — И не рухнул камнем.

— Они не так глупы, — возразил Гоблин. — Они просто разведывают. — Он покачал головой, передернул плечами. Он знал что-то, чего не знал я. Наверное, выяснил что-то во время путешествия за пределы равнины.

— Назревает кампания? — спросил я.

— Ну да, — ответил он и рявкнул на Одноглазого: — А ты что там делаешь, филин слепой? В небо гляди!

Чернокожий пигмей не обращал внимания на Взятого. Он вглядывался в пуганицу выточенных ветром утесов к югу от Дыры.

— Наша задача — выжить, — заявил Одноглазый так самодовольно, что ясно было — он собирается поддеть Гоблина. — А это значит, что не следует отвлекаться на первый же цирковой трюк, который тебе покажут.

— Какого беса ты имеешь в виду?

— Имею в виду, что, пока вы гляделки проглядывали на того клоуна наверху, другой проскользнул за утесами и кого-то ссадил на землю.

Мы с Гоблином поглядели в сторону красных скал. Никого.

— Слишком поздно, — сказал Одноглазый. — Улетел. Но кому-то придется идти хватать лазутчика.

Одноглазому я верил.

— Ильмо! Иди сюда!

Я объяснил ему, в чем дело.

— Зашевелились, — пробормотал Ильмо. — А я только начал надеяться, что про нас забыли.

— Нет, не забыли, — возразил Гоблин. — Никак уж не забыли.

И снова я почувствовал — что-то у него на уме.

Ильмо оглядел пространство между нами и утесом. Он хорошо знал эти места. Как и все мы. В один прекрасный день наши жизни будут зависеть от того, кто знает их лучше — мы или противник.

— Ладно,— сказал он себе.— Посмотрим. Четверых возьму. Только с Лейтенантом посоветуюсь.

Лейтенанта по тревоге не гнали. Он и еще двое стояли на страже у входа в жилище Душечки. Если враг и доберется до нее, то лишь через их трупы.

Ковер-самолет умчался на запад. Я удивился: почему твари равнины его не преследуют? Подойдя к менгиру, который заговорил со мной утром, я спросил об этом. Но вместо ответа менгирик произнес:

— Начинается, Костоправ. Запомни этот день.

— Ладно. Запомню.

И я называю этот день началом, хотя часть этой истории произошла много лет назад. Это был день первого письма, день Взятого, день, когда пришли Следопыт и пес Жабодав.

Последнее слово менгирик оставил за собой:

— Чужаки на равнине.

Защищать летающих тварей за то, что они не напали на Взятого, камень не стал.

Вернулся Ильмо.

— Менгирик говорит,— сказал я,— что к нам могут пожаловать еще гости.

Ильмо поднял брови:

— Следующие часовые — ты и Молчун?

— Ага.

— Будь внимательнее. Гоблин, Одноглазый — ко мне!

Они пошептались втроем, потом Ильмо взял с собой четверых юнцов и пошел на охоту.

Глава 6 Равнина Страха

Когда наступила моя вахта, я вышел наверх. Ильмо и его людей я не заметил. Солнце стояло низко, менгирик исчез, и тишину нарушил только шепот ветра.

Молчун сидел в тени тысячекораллового рифа; солнечные лучи, пробиваясь сквозь переплетение ветвей, усеивали его пятнами. Коралл служит хорошим укрытием. Немногие обитатели равнины не опасаются его яда. Для часовых местная экзотика опаснее врагов.

Я прополз, пригибаясь, между смертоносными колючками, чтобы присоединиться к Молчуну. Это высокий, тощий, немолодой мужчина; его черные глаза, казалось, видят мертвые сны. Я отложил оружие.

— Есть что-то?

Он покачал головой в кратком отрицании. Я разложил принесенные подстилки. Вокруг нас изгибались и карабкались вверх, на высоту вдвадцать футов, коралловые ветви и веера. Видели мы только брод через ручей, несколько мертвых менгиров да бродячие деревья на дальнем склоне. Одно стояло у ручья, опустив в воду насосный корень, но, словно почувствовав мой взгляд, медленно отступило.

С виду равнина совершенно пуста. Есть обычные пустынные обитатели — лишайники и саксаул, змеи и ящерицы, скорпионы и пауки, дикие псы и земляные белки — но их немного. Встречаются они, как правило, там, где меньше всего нужны. Это и к другим обитателям равнины относится. По-настоящему странные вещи происходят именно в самый неподходящий момент. Лейтенант утверждает, что самоубийца может провести здесь много лет без малейших неудобств.

Основными цветами тут являются красный и коричневый — песчаник угесов всех оттенков ржавого, охряного, кровавого и винного с редкими оранжевыми слоями. Там и сям разбросаны белые и розовые коралловые рифы. Настоящей зелени нет — листья бродячих деревьев и саксаула имеют серо-зеленый цвет, в котором от зеленого осталось одно название. Менгиры, как живые, так и мертвые, в отличие от всех прочих камней равнины, имеют мрачную серо-бурую окраску.

По заросшей осыпи, огибая угесы, скользнула тень, огромная — много акров — и слишком темная для облака.

— Летучий кит?

Молчун кивнул.

Кит пролетел высоко, со стороны солнца, и я так и не разглядел его. Я уже много лет ни одного не видел. В прошлый раз мы с Ильмо пересекали равнину вместе с Шепотом, по приказу Госпожи... Так давно? Время летит и радости не приносит.

— Странны воды под мостом, друг мой. Странны воды под мостом.

Он кивнул, но ничего не сказал. Он — Молчун.

За все годы, что я его знаю, он не произнес ни слова. И за все годы службы в Отряде — тоже. Но и Одноглазый, и мой предшественник-анналист утверждают, что он отнюдь не нем. Сведя воедино накопившиеся за долгие годы намеки, я пришел к твердому убеждению, что в юности, еще до прихода в Отряд, он дал великую клятву молчания. Но в Отряде действует железное правило — не лезть в прошлое вступившего, — и почему он принял такое решение, я так и не смог выяснить.

Я видел, как с его губ едва не срывались слова, когда что-то злило или веселило его, но всякий раз он останавливал себя в последний момент. Его долго пробовали подловить, пытаясь заставить нарушить клятву, но большинство быстро оставило попытки. У Молчуна находилась сотня способов отбить охоту к шуткам — например, подпустить клопов в постель.

Тени удлинялись. Расползались пятна темноты. Наконец Молчун встал, перешагнув через меня, и вернулся в Дыру, двигаясь во мраке одетой в тьму тенью. Странный человек Молчун. Он не просто не говорит — он не сплетничает. Как к такому подступиться?

Однако он — один из самых старых и близких моих друзей. Почему — непонятно.

— Эй, Костоправ. — Голос был гулок, как у призрака.

Я дернулся, и в кораллах раскатился злобный смех. Ко мне опять подкрался менгир. Я повернулся. Камень стоял на тропе, которой ушел Молчун, — все двенадцать футов уродства. Недоделок.

— Привет, каменюга.

Повеселившись за мой счет, менгир теперь меня игнорировал. Молчит как камень. Ха-ха.

Менгиры — основные наши союзники на равнине. Они ведут переговоры с другими разумными существами. Но о том, что творится вокруг, сообщают нам только если это им удобно.

— Как там Ильмо? — спросил я.

Никакого ответа.

Волшебные ли они? Нет, наверное. Иначе не выживали бы посреди безмагии, которую излучает Душечка. Но что они тогда? Тайна. Как и большая часть здешних странных тварей.

— Чужаки на равнине.

— Знаю, знаю.

Появилисьочные звери. Порхали и мерцали над головой светящиеся точки. Летучий кит, чью тень я видел на закате, проскользил высоко на востоке, и я смог рассмотреть только его светящееся брюхо. Скоро кит снизится, выпустит шупальца и станет ловить все, что попадется на пути.

Поднялся ветерок. Ноздри мне щекотали пряные запахи. Ветер посвистывал, хихикал, шептал и бормотал в кораллах. Издалека доносился звон ветровых колокольцов Праотца-Дерева.

Он единственный в своем роде — первый ли, последний, не знаю. Но вот он стоит, двадцать футов в высоту и десять — в обхвате, хмурится у ручья, вызывая чувство, близкое к страха; корни его впились в самый центр равнины. Молчун, Гоблин и Одноглазый пытались понять, что же он такое. И никому это не удалось. Дики из немногочисленных племен равнины обожествляют его. Они говорят, что он стоит тут с начала времен. Глядя на него, можно в это поверить.

Встала луна, легла на горизонт, ленивая и брюхатая. Мне показалось, что ее диск пересекло что-то. Взятый? Или одна из тварей равнины?

У входа в Дыру послышался шум. Я застонал. Только их мне не хватало. Гоблин и Одноглазый. С полминуты я злобно мечтал, чтобы они убрались.

— Заткнитесь. Слышать не хочу вашего бреда.

Из-за рифа показался Гоблин, ухмыльнулся, подначивая меня. Выглядел он отдохнувшим и набравшимся сил.

— Дергаешься, Костоправ? — спросил Одноглазый.

— Точно. Вы-то тут что делаете?

— Свежим воздухом дышим.— Он склонил голову к плечу, глянул на контуры дальних утесов. Ясно. Беспокоится за Ильмо.

— Все с ним будет в порядке,— сказал я.

— Знаю,— ответил Одноглазый.— Собрал я. Душечка нас послала. Она чувствует, как что-то ворочается на западной окраине безмагии.

— И?

— Не знаю я, что это, Костоправ.— Внезапно тон его стал извиняющимся. Горьким. Если б не Душечка, он знал бы. Он чувствует то же, что ощущал бы я, оставшись без своих медицинских приспособлений,— неспособный заниматься тем, чему учился всю жизнь.

— И что делать будете?

— Костер разложим.

— Что?

...Костер ревел. Одноглазый расстарался: добытого им сущняка хватило бы, чтобы обогреть пол-легиона. Пламя оттеснило темноту на пятьдесят футов в стороны, до самого ручья. Последние бродячие деревья склонились. Наверное, учゅали Одноглазого.

Они с Гоблином приволокли упавшее дерево — обычное. Бродячих мы не трогаем — разве что ставим вертикально тех, кто от неуклюжести споткнулся на собственных корнях. Но это бывает редко. Они нечасто путешествуют.

Колдуны скандалили, выясняли, кто из них отлынивает от работы, а потом и вовсе уронили дерево.

— Исчезаем,— скомандовал Гоблин, и через секунду обоих колдунов и след простыл.

Я ошарашенно поглядел в темноту, но ничего не увидел. И ничего не услышал.

Я изо всех сил старался не заснуть, и, чтобы не скучать, я наколол дров. А потом ощутил что-то странное.

Я замер с занесенным топором. Давно ли на границе освещенного круга собираются менгиры? Я насчитал четырнадцать. Тени их были длинны и темны.

— В чем дело? — спросил я. Нервы мои были изрядно напряжены.

— Чужаки на равнине.

Что ж они все одну песню тянут? Я пристроился спиной к огню, кинул за спину пару полёньев, подкармливая

пламя. Круг света расширился. Я насчитал еще десяток менгиров.

— Это уже не новость,— произнес я наконец.

— Один идет.

А вот это новость. И сказано таким тоном, какого я^у менгиров еще не слышал.

Пару раз мне мерещилось какое-то слабое движение, но сказать, что это, я не мог — свет костра обманчив. Я подкинул еще дров.

В самом деле движение. За ручьем. Ко мне медленно приближалась человеческая фигура. Устало. Я устроился поудобнее, изображая скуну. Незнакомец подошел поближе. На правом плече он волок седло, в левой руке — одеяло, а в правой сжимал длинный, отполированный до блеска деревянный ящик, семи футов длиной и четыре на восемь дюймов в поперечнике. Забавно.

Когда незнакомец пересек ручей, я заметил собаку. Дворняга, потрепанная, грязная, белого цвета, за исключением черного круга под глазом и нескольких черных пятен. Пес хромал на переднюю лапу. В его глазах я поймал кровавый отблеск пламени костра.

Незнакомцу я бы дал лет тридцать, а росту в нем было футов шесть. Двигался он, несмотря на усталость, легко. И мышцы завидные. Порванная рубашка открывала иссеченные шрамами руки и грудь. Лицо его было совершенно лишено выражения. Подойдя к костру, он посмотрел мне в глаза — без улыбки, но и без враждебности.

Меня пробрала дрожь. Серьезный парень, но недостаточно серьезный, чтобы в одиночку преодолеть равнину Страха.

Первое, чем мне следует заняться, — задержать его. Скоро меня сменит Масло. Мой костер его встревожит. Потом он заметит чужака и поднимет всю Дыру на ноги.

— Привет,— сказал я.

Незнакомец остановился, переглянулся с дворнягой. Та медленно вышла вперед, понюхала воздух, глядываясь в обступившую нас ночь. В нескольких футах от меня пес остановился, встряхнулся и лег на брюхо. Незнакомец подошел к нему.

— Плечи пожалей, — заметил я.

Парень стряхнул с плеча седло, опустил на землю ящик, сел сам. Ноги его свело, и он с трудом поджал их под себя.

— Коня потерял?

— Ногу сломал, — кивнул незнакомец. — К западу отсюда, милях в пяти-шести. С тропы сбился.

На равнине есть тропы. Некоторые из них равнина почитает безопасными. Иногда. В соответствии с формулой, известной только жителям равнинны. И только отчаянный человек или дурак пойдет по тропе один. А этот человек не походил на идиота.

Пес фыркнул, и хозяин почесал его за ухом.

— Куда путь держишь?

— В место под названием Крепость.

Так называют Дыру в легендах и пропаганде. Хорошо рассчитанная приманка для привлечения далеких сторонников.

— Звать как?

— Следопыт. А это пес Жабодав.

— Рад познакомиться, Следопыт. Привет, Жабодав.

Пес заворчал.

— Называй его полным именем, — предупредил Следопыт. — Пес Жабодав.

Сохранить серьезность мне удалось только потому, что собеседник мой был человек крупный, мрачный и к веселью не склонный.

— А где эта Крепость? — спросил я. — Первый раз слышу.

Следопыт оторвал тяжелый, недобрый взгляд от псины и усмехнулся:

— Да, говорят, где-то близ Фишек.

Второй раз за день? Или сегодня все дважды случается? Нет, вряд ли. И человек этот мне не нравился. Слишком он напоминал мне нашего бывшего друга Ворона — лед и сталь. Я нагнулся, чтобы скрыть ошеломление.

— Фишки? Что-то не припомню такого. Должно быть, это гораздо восточнее. Кстати, а что у тебя там за дело?

Следопыт снова усмехнулся, псуна открыла один глаз и злобно глянула на меня. Мне явно не поверили.

- Письма везу.
- Вижу.

— Пакет один. Парню по кличке Костоправ.

Я втянул воздух сквозь зубы, неторопливо вгляделся во тьму. Круг света сжался, но менгиры не уходили. Я недоумевал: где же Одноглазый с Гоблином?

— А вот это имя мне знакомо,— произнес я.— Лекаришка один.

Пес снова глянул на меня — на сей раз, как мне показалось, саркастически.

Из темноты за спиной Следопыта выступил Одноглазый, меч его был занесен для удара. Проклятие, но я даже не заметил, как он подкрался. И без всякого колдовства.

Я выдал Одноглазого, дернувшись от изумления,— Следопыт и его псины обернулись. Обоих появление колдуна удивило. Пес вскочил, вздыбив шерсть, потом повернулся так, чтобы держать нас обоих в поле зрения, и снова опустился на землю.

Но тут столь же незаметно появился Гоблин. Я улыбнулся. Следопыт глянул через плечо, глаза его задумчиво сузились, как у человека, сообразившего, что шулера, с которыми он сел играть, хитрее, чем ему казалось.

— Очень хочет. Костоправ,— хихикнул Гоблин,— повели его вниз.

Рука Следопыта дернулась к сумке. Псины зарычала. Следопыт закрыл глаза, а когда открыл, то уже полностью овладел собой. Улыбка его вернулась.

— Костоправ, да? Так я нашел Крепость?

— Нашел, приятель.

Медленно, чтобы никого не встревожить, Следопыт вытащил из сумки завернутый в промасленную кожу сверток — двойник того, который я получил утром,— и протянул мне. Я засунул сверток за пазуху.

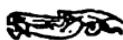
— Где ты его взял?

— В Бесле.

Он рассказал такую же историю, как и первый вестник. Я кивнул.

— Из такой дали пришел?

— Да.

— Придется его вести вниз, — сказал я Одноглазому.

Тот понял меня. Мы столкнем обоих вестников лицом к лицу. И посмотрим, не полетят ли искры. Одноглазый ухмыльнулся. Я посмотрел на Гоблина. Тот не возражал.

Но никому из нас Следопыт не понравился. Не знаю почему.

— Пошли, — сказал я.

Вставая, я оперся на руку, которой держал лук. Следопыт глянул на мое оружие, открыл было рот, но от реплики удержался — словно узнал его. Я усмехнулся, отворачиваясь. Может, он подумал, что попал к Госпоже в лапы?

— Иди за мной.

Следопыт пошел. Гоблин и Одноглазый следовали за нами, но вешей новоприбывшего братья не стали. Пес ковылял рядом, уткнувшись носом в землю. Прежде чем зайти в пещеру, я озабоченно глянул на юг: когда же вернется Ильмо?

Следопыта и дворнягу мы посадили в камеру под охраной. Они не возражали. Разбудив проспавшего Масло, я отправился к себе; попытался заснуть, но проклятый пакет неслышно вопил на столе.

Я вовсе не был уверен, что хочу прочесть его содержимое, но пакет победил.

Глава 7 Второе письмо (из послания)

Боманц глянул в крорези теодолита, наводя диоптр на верхушку Великого кургана. Потом отступил, заметил угол, развернул одну из приблизительных полевых карт. Именно в этом месте он откопал секибу теллекурре.

«Если бы только описания Оккулеса были не столь туманны. Тут, вероятно, стоял фланг их строя. Ось строя должна быть параллельна остальным — значит, Меняющий и его рыцари должны были стоять вон там. Проклятие».

Земля в этом месте чуть бугрилась. Это хорошо — грунтовые воды меньше повредят погребенные предметы. Но вот

подлесок... Падуб. Шиповник. Ядовитый плющ. Особенно ядовитый плющ. Боману ненавидел это вездесущее растение. От одной мысли о нем волшебник начинал чесаться.

— Боману!

— Что? — Он обернулся, поднимая грабли.

— Эй, спокойно! Не бушуй, Бо.

— Да что с тобой такое? Что за привычка подкрадываться? Это не смешно, Бесанд. Или мне граблями с твоей морды идиотскую ухмылку содрать?

— Ой, какие мы сегодня злы. — Бесанд был тощим стариком, примерно ровесником Боманца. Плечи его горбились, голова выдавалась вперед, точно он выплюхивал след. По рукам змеились толстые синие вены, кожу испещряли печеночные пятна.

— А ты чего ожидал? Кидаешься на людей из кустов...

— Кустов? Каких кустов? Тебя, часом, не совесть мукает, Бо?

— Бесанд, ты пытаешься подловить меня с незапамятных времен. Что бы тебе не бросить эту затею? Сперва меня пропесочила Жасмин, потом Токар скупил у меня все, что мог, так что мне придется откапывать новый запас, а теперь я еще с тобой любезничать должен? Сгинь, я не в настроении.

Бесанд ухмыльнулся широко и криво, обнажив частокол гнилых зубов.

— То, что я тебя не поймал, Бо, не значит, что ты невиновен. Это значит только, что я тебя не поймал.

— Если я виновен, то ты, должно быть, полный кретин, раз за сорок лет не поймал меня за руку. Ну какого черта ты не можешь облегчить жизнь нам обоим?

— Скоро я у тебя с шеи слезу, — хохотнул Бесанд. — Ухожу на пенсию.

Боману оперся на грабли и внимательно поглядел на стражника. Бесанд исходил кислой вонью боли.

— Правда? Мне жаль.

— Верю. Может, у моего сменщика хватит ума взять тебя за жабры.

— Расслабься. Хочешь знать, что я делаю? Прикидываю, где полегли рыцари теллекурре. Токар требует ши-

карные вещи, а это лучшее, что я могу ему дать, не забираясь на курганы и не давая тебе повода меня повесить. Передай мне лозу.

Бесанд протянул ему раздвоенный ивовый прут.

— Курганы грабить, да? Это не Токар предложил?

В позвоночник Боманцу вонзились ледяные иглы. Это был не простой вопрос.

— Никак остановиться не можем? После долгого приятельства, может, хватит уже играть в кошки-мышки?

— Я развлекаюсь, Бо.

Бесанд тащился за ним до самого заросшего пригорка.

— Надо будет тут все расчистить. Руки никак не доходят. Людей нет, денег тоже нет.

— Не можешь расчистить сейчас? Я покопаться хочу. А тут плющ ядовитый.

— Ох, обходил бы ты стороной плющи, Бо, — съехидничал Бесанд. Каждое лето Боманц с проклятиями прокладывал себе дорогу сквозь многочисленные ботанические бедствия. — Так насчет Токара...

— Я не веду дел с нарушителями закона. Это мое твердое правило. Ко мне уже больше никто не подкатывает.

— Уклончиво, но принимаю.

Лоза в руках Боманца дернулась.

— Я увяз в деньгах. По самые уши.

— Точно?

— Гляди, как прыгает. Наверное, их всех в одну яму свалили.

— Так насчет Токара...

— Ну что насчет него, будь ты проклят? Хочешь повесить его — вперед. Только предупреди, чтобы я мог найти себе перекупщика не хуже.

— Не хочу я никого вешать, Бо. Я тебя хочу предупредить. В Весле ходят слухи, что он из воскресителей.

Боманц выронил лозу и со всхлипом вдохнул.

— Действительно? Воскреситель?

Наблюдатель смерил его внимательным взглядом.

— Просто слух. Болтают всякое. Я подумал, тебе будет интересно. Мы тут вроде как близкие знакомые.

Боманц принял оливковую ветвь.

— Да как будто. Честно говоря, мне он и намеком не обмолвился. О-ох! Обвинение-то тяжелое.— И обдумать его нужно хорошенько.— Только не говори никому, что я нашел. Этот ворюга Мен-фу...

Бесанд снова хохотнул. Веселье его имело могильный привкус.

— Любишь ты свою работу, да? Изводить людей, которые не осмеливаются дать сдачи?

— Поосторожнее, Бо. А то загребу для допроса.

Бесанд развернулся и пошел прочь. Боманц сстроил рожку ему в спину. Конечно, Бесанду нравилась работа — она позволяла ему изображать диктатора. Он мог сделать что угодно и с кем угодно, не неся никакой ответственности.

После того как Властелин и его приспешники пали и были погребены в курганах за барьераами, которые возвели величайшие из чудотворцев своего времени, указом Белой Розы на границе могильника поставили Вечную Стражу, неподотчетную никому. В обязанность ей вменялось предотвратить воскрешение не-мертвого зла в курганах. Белая Роза знала людскую натуру. Всегда найдутся те, кто увидит выгоду в служении Властелину или попробует его использовать. Всегда найдутся поклонники зла, стремящиеся освободить своего героя.

Воскресители появились едва ли не раньше, чем просла трава на курганах.

«Токар — воскреситель? — подумал Боманц.— Словно других забот мне мало. Теперь Бесанд разобьет лагерь у меня на шее».

Боманц не хотел будить древнее зло. Он просто намеревался связаться с одним из лежащих под курганами, чтобы пролить свет на кое-какие из древних тайн.

Бесанд уже скрылся из виду. Теперь утащится к себе в хибару. Так что будет время провести несколько запретных наблюдений. Боманц установил теодолит на новом месте.

Курганье выглядело не особенно страшным — только очень заброшенным. За четыре сотни лет погода и расти-

тельность перестроили некогда замечательное сооружение. Курганы и жуткий ландшафт вокруг них почти скрылись под кустарником. У Вечной Стражи уже не хватало сил на поддержание порядка. Наблюдатель Бесанд вел отчаянный арьергардный бой с самим временем.

На Курганье ничего толком не росло. Кустарник был скрученным и низким, но очертания курганов таяли в нем, как менгиры и фетиши, сковывавшие Взятых.

Боманц потратил всю свою жизнь, определяя, кто в каком кургане лежит, чей курган где стоит и где расположены менгиры и фетиши. Главная карта, его шелковое сокровище, была почти завершена. Он почти мог пройти лабиринт. Он подошел так близко к разгадке, что его одолевало искушение попробовать еще до того, как все будет полностью готово. Но Боманц не был глупцом. Он собирался подоить очень брыкучую корову, и ошибки быть не должно. С одной стороны ему угрожал Бесанд, с другой — отправное древнее зло.

Но если ему удастся... О, если бы ему удалось. Если бы он сумел связаться и выведать тайны... Человеческий кругозор расширился бы необозримо. Он стал бы величайшим из живущих магов. Его слава разнеслась бы по всему миру. Жасмин получила бы все, за отсутствие чего браница мужа. Если он сумеет связаться.

Сумеет, черт возьми! Ни страх, ни старческая немощь уже не остановят его. Еще несколько месяцев, и последний ключ будет у него в руках.

Боманц так долго жил своей ложью, что нередко лгал сам себе. Даже в минуты особой искренности он никогда не признавал, что самым важным мотивом была его интеллектуальная привязанность к Госпоже. Именно она заинтересовала его с самого начала, та, с кем он хотел связаться, та, что делала бесконечно интересными старые книги. Из всех повелителей времен Владычества она была самой загадочной, самой легендарной, наименее исторической. Некоторые ученые называли ее величайшей красавицей в мире, утверждая, что, раз увидев ее, человек становился ее рабом до смерти. Кое-кто говорил, что именно она была движущей силой Владычества. Некоторые признавались, что их

источники — немногим больше, чем романтические бредни. Остальные не признавались ни в чем, хотя явно приви-рали. И еще студентом Боманц был очарован ею.

Забравшись к себе на чердак, он развернул шелковую карту. День прошел не совсем впустую — он обнаружил неизвестный дотоле менгир и определил, какие заклятия он крепил. И нашел захоронение телекурре.

Он буравил глазами карту, точно пытаясь силой воли выжать из нее нужные сведения.

Диаграмм было две. Верхняя представляла собой пятиконечную звезду, вписанную в круг. Так выглядело Курганье сразу после постройки. Звезда возвышалась над окружающей местностью на высоту человеческого роста; ее поддерживали известняковые стены. Кругом изображался наружный берег рва, выброшенная из которого земля составляла курганы, звезду и пятиугольник внутри звезды. Ныне от рва осталась только топкая полоса — предшественники Бесанда не могли держаться наравне с природой.

Внутри звезды располагался пятиугольник той же высоты; углы его лежали в точках, где стороны звезды сходились. Он также сохранился, но стены его рухнули и заросли. В центре пятиугольника, посередине линии север—юг, лежал Великий курган, где покоялся Властелин.

Боманц пронумеровал лучи звезды нечетными числами от одного до девяти, начиная сверху по часовой стрелке. Рядом с каждым числом стояло прозвание: Душелов, Меняющий Облик, Крадущийся в Ночи, Зовущая Бурю, Костогод. Насельников пяти внешних курганов он установил. Пять внутренних точек нумеровались четными числами, начиная от правой стороны северного луча. Номером четвертым шел Ревун, восьмым — Хромой. Могилы троих Взятых оставались безымянными.

— Ну кто же в этой проклятой шестой могиле? — пробормотал Боманц. — Проклятие! — Он удариł кулаком по столу. Четыре года, а он и намека не нашел на это имя. Мaska, скрывавшая прозвание лежащего там, оставалась последним серьезным препятствием. Все остальное было делом техники — отключить охранные

заклятия и войти в контакт с тем, кто лежит в срединном кургане.

Маги Белой Розы исписали много томов, похваляясь своими успехами в колдовском искусстве, но ни единого слова не сказали о том, где же лежат их жертвы. Такова человеческая природа. Бесанд хвастал, какую рыбу и на какую наживку он поймал, но редко демонстрировал соответствующий чешуйчатый трофей.

Под звездой Боману нарисовал крупным планом срединный курган — вытянутый с севера на юг прямоугольник, окруженный и заполненный рядами значков. У каждого угла стояли символы менгириов — двадцатифутовых колонн, увенчанных головами двуликих сов. Один лик глядел внутрь, второй — наружу. Угловые менгиры замыкали первый круг заклятий, ограждавших Великий курган.

Вдоль его сторон располагались ряды кружков, обозначавших деревянные шесты — большая часть из них уже сгнила и рухнула, а вместе с ними и заклятия. В Вечной Страже не числилось колдуна, способного восстановить или заменить их.

На самом кургане значки образовывали три прямоугольника. Символы внешнего ряда изображали пехотинцев, среднего — рыцарей, а внутреннего — слонов. Гробницу Властелина окружали могилы тех, кто отдал свои жизни ради его гибели. Их духи были средней линией обороны мира от древнего зла, которое он способен вызвать. Боману не ожидал от них особенных неприятностей. По его мнению, призраки должны были только пугать обычных гробокопателей.

Внутри третьего прямоугольника Боману изобразил дракона, кусающего себя за хвост. Легенда гласила, что вокруг могилы свился кольцом великий дракон, более живой, чем сгинувшие Госпожа или Властелин, дремлющий многие века в ожидании попытки воскресить пойманное в ловушку зло.

Боману не знал способа справиться с драконом и не нуждался в нем. Он собирался установить связь с обитателем могилы, а не выпускать его.

Проклятие! Если бы только ему удалось заполучить амулет старого стражника... Когда-то Вечная Стража имела

амулеты, позволявшие проникать на Курганье для наведения порядка. Амулеты все еще существовали, хотя давно не использовались. Один из них Бесанд носил при себе, а остальные спрятал.

Бесанд. Этот безумец. Этот садист.

Боманц считал Наблюдателя своим ближайшим приятелем — но не другом. Нет, ни в коем случае не другом. Печальный итог жизни — самый близкий к нему человек только и ждет шанса запытать или повесить его.

Что он там болтал об отставке? Неужто о Курганье вспомнили за пределами этого богами забытого леса?

— Боманц! Жрать будешь?!

Боманц выпедил несколько проклятий и свернул карту.

Той ночью к нему пришел Сон. Боманц слышал зов сирены. Он снова был молод, холост, он шел по дорожке мимо своего дома. Его окликнула женщина. Кто она? Он не знал. Все равно. Он любил ее. Смеясь, он побежал к ней... Полетел. Шаги не приближали его к ней. Лицо ее помрачнело, и она растаяла... «Не уходи! — воскликнул он.— Пожалуйста!» Но она исчезла и унесла с собой его солнце.

Беспространная тьма поглотила его сон. Боманц колыхался в воздухе — на поляне в невидимом лесу. Медленно, очень медленно над деревьями взошло нечто серебристое. Большая звезда с огромной серебристой гривой. На его глазах она росла, заполняя небо.

Укол неуверенности. Тень страха. «Она падает на меня!» Он скорчился, закрывая лицо рукой. Серебристый шар заполнил небо, и у него было лицо. Женское лицо...

— Бо! Прекрати!

Жасмин пихнула его снова.

— А? Что? — Он сел на постели.

— Ты кричал. Опять тот кошмар?

Боманц прислушался, как гремит в груди сердце, вздохнул. Долго ли еще терпеть? Он стар.

— Тот самый.

Повторяющийся через неопределенные промежутки времени.

— В этот раз намного сильнее.

— Может, тебе стоит пойти к шаману?
 — Здесь-то? — Боманц с отвращением фыркнул.— Не нужен мне никакой шаман.

— Точно. Тебя, наверное, совесть заела. За то, что выманил Шаблона из Весла.

— Не выманивал я его... Спи.

К его изумлению, супруга повернулась на другой бок, не желая продолжать спор.

Боманц глядел в темноту. Этот сон был намного ярче. Едва ли не слишком ясным и очевидным. Не таится ли второй смысл за предупреждением не соваться в курганы?

Так же медленно вернулось чувство, с которого начался сон: ощущение, что его зовут, что до исполнения заветных желаний всего один шаг. Сладкое чувство. Боманц расслабился и заснул с улыбкой.

Бесанд и Боманц наблюдали, как стражники выкорчевывают кустарник на будущем месте раскопок.

— Да не жги его, идиот! — Боманц внезапно сплюнул.— Останови его, Бесанд.

Бесанд покачал головой. Стражник с факелом отшатнулся от кучи веток.

— Сынок, ядовитый плющ не жгут. Яд с дымом расходится.

Боманц уже чесался. И размышлял, почему это его спутник так говорчив.

— От одной мысли зуд пробирает, да? — ухмыльнулся Бесанд.

— Да.

— Ну так позуди еще.— Наблюдатель указал пальцем, и Боманц увидел наблюдающего с безопасного расстояния Мен-фу, своего давнего конкурента.

— Я никогда и никого не ненавидел,— прорычал он,— но этот тип вводит меня в искушение. У него нет ни морали, ни совести, ни сомнений. Вор и лжец.

— Знаю я его. К твоему счастью.

— Скажи-ка ты мне, Бесанд, Наблюдатель Бесанд, почему ты ему на пятки не наступаешь, как мне? И что значит «к счастью»?

— Он обвинил тебя в воскресительских настроениях. А не преследую я его потому, что его многочисленные добродетели включают трусость. У него наглости не хватит откапывать запретные вещи.

— А у меня, значит, хватит? И этот прыщ на меня доносит? У головищу приписывает? Да не будь я стари ком...

— Он свое получит, Бо. А у тебя смелости бы хватило. Только на намерении я тебя еще не поймал.

— Ну вот, опять.— Боманц поднял очи горе.— Скрытые обвинения...

— Не такие уж скрытые, дружище. Есть в тебе попустительство, нежелание признать существование зла. Оно не хуже мертвяка смердит. Дай ему волю, и я тебя поймаю, Бо. Злодеи хитры, но в конце концов предают сами себя.

На мгновение Боманцу показалось, что мир вокруг него распадается, потом он понял, что Бесанд закидывает удочку. Наблюдатель был заядлым рыбаком.

— У меня в глотке твой садизм стоит! — резко ответил Боманц, дрожа.— Если бы ты и вправду что-то заподозрил, то набросился бы на меня, как муха на дермо. Закон всегда был не про вас, стражников, писан. И насчет Мен-фу ты, наверное, соврал. Ты бы собственную мать посадил по доносу и не такого мерзавца. Ты псих, Бесанд, ты это знаешь? Больной. Вот тут.— Он постучал пальцем по виску.— Ты не можешь обходиться без жестокости.

— Ты испытываешь свою удачу, Бо.

Боманц попятился. Сейчас им владели страх и ярость. Бесанд по-своему выказывал ему особое снисхождение. Словно он, Боманц, был необходим для душевного здоровья Наблюдателя. Бесанду требовался хоть один человек, помимо стражников, кого он не преследовал. Кто-то, чья неприкословенность подтверждала нечто... Может быть, он, Боманц, олицетворял для Наблюдателя всех им защищаемых? Колдун фыркнул. Жирно будет.

«И этот разговор об отставке. Не сказал ли он больше, чем я расслышал? Может, уезжая, он сворачивает все дела?

Может, у него тяга к шикарным концовкам. Может, он хочетувековечить свойход на пенсию.

И кто его сменщик? Еще одно чудовище, которое не ослепить той паутиной, которой я заплел Бесанду глаза? Или новичок кинется на меня, точно бык на арене? И Токар — предполагаемый воскреситель... Это как понимать?»

— В чем дело? — озабоченно спросил Бесанд.

— Язва беспокоит.— Боманц потер виски, надеясь, что хоть мигрень не проявит себя.

— Поставь вешки. Иначе Мен-фу тут же набросится.

— Ага.

Боманц вытащил из мешка поддюжину колышков. На каждом привязана полоска желтой ткани. Он воткнул их в землю. Согласно обычая, участок, огороженный подобным образом, переходил к нему для раскопок.

Мен-фу, однако, все равно стал бы копаться тут и ночью, и днем, и Боманц не мог привлечь его к ответственности. Заявки не признавались законом — только обычаем. У искателей древностей были собственные способы убеждения. А Мен-фу понимал из всех способов только грубую силу. Его воровские повадки ничто не меняло.

— Жаль, Шаблона нет,— произнес Боманц.— Он бы ночами сторожил.

— Я прикрикну на паршивца. На пару дней это его остановит. Я слышал, Шаблон возвращается домой?

— Да, на лето. Мы так рады. Мы его четыре года не видели.

— Он, кажется, с Токаром дружен?

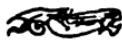
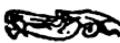
— Будь ты проклят! — Боманц развернулся на месте.— Никогда не сдаешься, да?

Он говорил без воплей, ругани и заламывания рук, как обычно в напускном гневе, а тихо, в настоящей ярости.

— Ладно, Бо. Сдаюсь.

— Хорошо бы. Очень хорошо бы. Я тебе не позволю за ним ползать все лето. Не позволю, слышишь?

— Я же сказал, что сдаюсь.

Глава 8

Курганье

По казармам Стражки Грай гулял когда вздумается. На стенах в здании штаба красовалась дюжина старых пейзажей Курганья. Моя пол, Грай часто поглядывал на них и вздрагивал — и не он один. Попытка Властелина сбежать через Арчу сотрясла всю империю Госпожи. А рассказы о его жестокости кормились сами собой и жирели за века, прошедшие с тех пор, как Белая Роза сокрушила его.

Курганье молчало. Смотрители его не замечали ничего необычного. Боевой дух поднимался. Древнее зло потратило выстрел впустую.

Но оно ждало.

Если понадобится, оно будет ждать вечно. Ему не умереть. Последняя его надежда была тщетна — Госпожа тоже бессмертна. И она никому не позволит открыть могилу своего мужа.

Картины изображали последовательное разложение. Последнюю рисовали вскоре после воскрешения Госпожи. Даже тогда Курганье выглядело намного лучше.

Порой Грай подходил к окраине городка и, глядя на Великий курган, покачивал головой.

Некогда существовали амулеты, позволявшие стражникам проникать за границу смертельных заклятий, ограждавших курганы, чтобы поддерживать там порядок. Но они исчезли. И Стража теперь могла только смотреть и ждать.

Ковыляло время. Медлительный, бесцветный, хромой Грай стал городской достопримечательностью. Говорил он редко, но иной раз оживлял посиделки в «Синелохе» несусранными байками времен Форсбергской кампании. В те минуты в глазах его вспыхивал огнь, и никто не сомневался, что Грай на самом деле там бывал, хотя рассказы свои изрядно приукрашивал.

Друзей у него не было. Ходили слухи, что Грай поигрывал в шахматы с Наблюдателем, полковником Сиропом, которому оказывал некоторые услуги личного свойства. И, конечно, был еще рекрут Кожух, жадно выслушивавший

все побасенки Грая и сопровождавший его на прогулках. Ходил слух, что Грай умеет читать, и Кожух тоже хотел научиться.

На второй этаж своего дома Грай не пускал никого. Глухими ночами именно там он распутывал предательскую паутину истории, которую время и ложь исказили до полной потери связей с истиной.

Лишь малая часть ее была зашифрована. Остальное составляли торопливые каракули на теллекурре, основном языке времен Владычества. А некоторые абзацы писались на ючителле, местном диалекте теллекурре. Иной раз сражавшийся с этими абзацами Грай мрачно улыбался. Возможно, он единственный из живущих мог разгадать смысл этих, порой обрывочных фраз. «Преимущества классического образования», — бормотал он чуть саркастически. А потом начинал задумываться, вспоминать и уходил на одну из своих полночных прогулок, чтобы отогнать непрошенные воспоминания. Собственное прошлое — это дух, который не желает изгоняться. Единственный экзорцизм для него — смерть.

Грай казался себе ремесленником. Кузнецом. Оружейником, бережно кующим смертоносный меч. Как и прежний обитатель дома, он всю свою жизнь посвятил поискам осколков знания.

Зима выдалась жестокая. Первый снег выпал рано, после столь же ранней и необычайно сырой осени. Снег валил часто и густо. А весна пришла не скоро.

В лесах к северу от Курганья, где обитали лишь разрозненные кланы, жизнь стала невыносима. Лесовики приходили менять шкуры на еду. Обосновавшиеся в Весле торговцы мехами плясали от радости.

Старики говорили, что такая зима не к добру, но старикам нынешняя погода всегда кажется суровей, чем в прежние дни. Или мягче. Но такой же она никогда не бывает.

Проклонулась весна. Резкая оттепель привела в бешенство ручьи и реки. Великая Скорбная река, протекавшая в трех милях от Курганья, разлилась на много миль, похитив

десятки и сотни тысяч деревьев. Половодье выдалось такое примечательное, что горожане десятками выходили поглядеть на разлив с вершины холма.

Большинству новшество вскоре наскучило. Но Грайковаял туда каждый день, когда Кожух мог сопровождать его. Кожух еще не разучился мечтать. Грай потакал ему в этом.

- Чем тебя так река тянет, Грай?
- Не знаю. Может быть, величавостью.
- Чем-чем?

Грай повел рукой:

— Размером. Неутихающей яростью. Видишь, как много мы на самом деле значим?

Бурая вода бешено вгрызась в холм, перебирая груды плавника. Менее бурные протоки обнимали холм, щупали лес за ним.

Кожух кивнул:

- Вроде того, как я на звезды гляжу.
- Да. Да. Но это — более личное. Ближе к дому.

Разве нет?

— Может быть.— Голос Кожуха прозвучал неуверенно, и Грай улыбнулся. Наследство крестьянской юности.

— Пошли домой. Вроде унимается, но с этими облаками я ни за что не поручусь.

Дождь и в самом деле грозил пролиться. Если река поднимется еще, то холм превратится в остров.

Кожух помог Граю перебраться через топкие места и залезть на гребень невысокой насыпи, не позволявшей разливу добраться до расчисток. Большая часть поля тем не менее превратилась в озеро, достаточно мелкое, чтобы его мог перейти вброд осмелившийся на это дурак. Под серыми небесами громоздился Великий курган, темной тушей отражаясь в воде. Грая передернуло.

— Кожух, он еще там.

Юноша оперся на копье, оглянувшись только потому, что это было интересно Граю. Сам он хотел побыстрее забраться под крышу.

— Властелин, парень. И все, что сбежать не успело. Ждут. И копят ненависть к живущим.

Кожух глянул на старика. Грай весь напрягся — кажется, от страха.

— Если он вырвется — бедный наш мир.

— Но разве при Арче Госпожа его не убила?

— Она его остановила. Не уничтожила. Это может быть и вовсе нереально... Нет, должно быть. У него должно быть уязвимое место. Но если Белая Роза не смогла повредить ему...

— Роза не так и сильна. Она и Взятым-то не навредила. Или их прислужникам. У нее хватило сил только связать их и похоронить. Госпожа и мятежники вместе...

— Мятежники? Сомневаюсь. Это сделала она.

Грай двинулся вперед, вдоль берега, приволакивая ногу и не отрывая взгляда от Великого кургана.

Кожух боялся, что Курганье зачарует Грая. Как стражника, его это не могло не волновать. Хотя Госпожа истребила всех воскресителей во времена его деда, курган еще не потерял мрачной притягательности. Наблюдатель Сироп дрожал при мысли о том, что кому-то придется в голову возродить эту глупость. Кожух хотел предупредить Грая, но не смог составить достаточно вежливую фразу.

Ветер шевельнул гладь озера, со стороны кургана показалась рябь. Грай и Кожух вздрогнули.

— Что б этой погоде не кончиться? — пробормотал Грай. — Чай пить не пора?

— Пора.

Сырость и холода продолжались. Лето пришло поздно, а осень — рано. Когда Великая Скорбная вернулась наконец в свои берега, она оставила грязную равнину, усеянную обломками вековых деревьев. Русло реки сместилось на полмили к западу.

А лесовики продолжали продавать меха.

Находишь то, чего не ищешь. Грай почти закончил ремонт. Теперь он восстанавливал шкаф. Снимая деревянную вешалку, он выронил ее. Ударившись об пол, шест разломился надвое.

Грай нагнулся. Грай посмотрел. Сердце его заколотилось. На свет показался узкий рулон белого шелка... Не-

жно, медленно Грай сложил половники шеста и отнес их наверх.

Осторожно, осторожно... он вытащил и развернул шелковое полотнище. Желудок его сжался в комок.

То была составленная Боманцем карта Курганья, со всеми пометками — где лежали Взятые, где и почему стояли фетиши, какова мощь защитных заклятий,— с известными местами вечного успокоения тех прислужников Взятых, что полегли вместе с хозяевами. Очень детальная карта. С надписями в основном на теллекурре.

Помечены были и захоронения вне Курганья. Большая часть павших легла в общие могилы.

Битва захватила воображение Грая. На мгновение он увидел, как держатся и гибнут до последнего человека войска Властелина. Он увидел, как волна за волной орда Белой Розы отдает жизни, чтобы загнать мрак в ловушку. Над головой пламенным ятаганом сияла Великая Комета.

Он мог только воображать. Достоверных источников не сохранилось.

Грай посочувствовал Боманцу. Бедный дурачок — мечтатель, искатель истины. Он не заслужил своей дурной славы.

Всю ночь Грай просидел над картой, позволяя ей пропитать свои тело и душу. Перевод надписей в этом не очень помог, зато прояснил кое-что в отношении Курганья. И очень многое — в отношении колдуна, столь преданного своему делу, что он всю жизнь провел в изучении Курганья.

Утренний свет пробудил старика. На мгновение Грай засомневался в самом себе. Не станет ли и он жертвой той же гибельной страсти?

Глава 9 Равнина Страха

Поднял меня Лейтенант. Лично.

— Ильмо вернулся, Костоправ. Перекуси и являйся в зал совещаний.

Мрачный он человек, и с каждым днем все мрачнее. Иной раз я жалею, что голосовал за него, когда Капитан

погиб в Арче. Но так пожелал Капитан. Это была его последняя просьба.

— Как только, так сразу, — ответил я, выкарабкиваясь из постели без обычных стонов. Сгреб одежду, пошелестел бумагами, неслышно посмеялся над собой. Мало ли я жалел, что голосовал за Капитана? А ведь когда он хотел уйти на покой, мы ему не позволили.

Комната моя вовсе не похожа на берлогу лекаря. У стен до самого потолка навалены книги. Большую часть я прочел — изучив предварительно языки, на которых они написаны. Некоторые — ровесники самого Отряда, летописи древних времен. Иные — генеалогии благородных семейств, украшенные из старых храмов и чиновничих гнезд разных стран. А самые редкие и интересные повествуют о взлете и падении Владычества.

Самые редкие — те, что написаны на теллекурре. Последователи Белой Розы оказались не слишком снисходительны к побежденным. Они сжигали книги и города, вывозили женщин и детей, оскверняли знаменитые святынища и великие произведения искусства. Обычный след великих событий.

Так что осталось не много ключей к языку, истории, образу мыслей побежденных. Некоторые из наиболее ясно написанных документов в моей библиотеке остаются совершенно непонятными.

Как я хотел бы, чтоб Ворон был с нами, а не в могиле. Он свободно читал на теллекурре. Немногие, помимо ближайших соратников Госпожи, могут похвастаться этим.

В дверь просунул голову Гоблин:

— Ты идешь или нет?

Я начал ему жаловаться. Не первый раз. И никакого прогресса. Он только посмеялся:

— Своей подружке поплачся в жилетку. Вдруг она поможет.

— Никогда не сдаетесь, ребята?

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как я написал последний простодушно-романтический рассказ о Госпоже. Это было перед долгим отступлением, приведшим мяtekни-

ков к разгрому у Башни в Чарах. Но старые друзья ничего не забывают.

— Никогда, Костоправ, никогда. Кто еще из нас провел с ней ночь? Или прокатился на ковре-самолете?

Я предпочел бы об этом забыть. То были минуты скорее ужасные, а не романтические.

Госпожа узнала о моих исторических потугах и попросила описать и ее сторону. Более-менее. Она не указывала и не сокращала; настаивала только, чтобы я держался фактов и оставался беспристрастным. Я тогда думал, что она ожидает поражения и хочет, чтобы где-то сохранилась история, не зараженная предрассудками.

Гоблин глянул на гору пергаментов:

— Все никакой зацепки?

— Я уже не уверен, что она есть вообще. Что ни переведу — все пустышки. Чай-то перечень расходов. Календарь встреч. Список кандидатов на повышение. Письмо какого-то офицера приятелю-придворному. И все намного старше, чем то, что я ищу.

Гоблин поднял бровь.

— Но я буду искать.

Ведь что-то там есть! Мы захватили эти бумаги у Шепот, когда она была мятежницей. Она очень дорожила ими. И наша тогдашняя наставница, Душелов, была убеждена, что эти документы способны поколебать империю.

— Иногда целое больше суммы частей,— глубокомысленно произнес Гоблин.— Может, тебе стоит искать то, что связывает эти бумаги.

Эта мысль мне тоже приходила в голову. Имя, повторяющееся то здесь, то там, вскрывающее чье-то прошлое, Может, я его и найду. Комета не вернется еще долго.

Но я сомневался в этом.

Душечка еще молода — чуть старше двадцати. Но цвет ее юности уже облетел. Суровые годы громоздились на не менее суровые. Женственного в ней не много — не было случая развиться в этом отношении. Даже проведя два года посреди равнины, никто из нас не воспринимал ее как женщину.

Душечка высока — до шести футов ей не хватает пары дюймов. Глаза ее имеют блекло-голубой цвет и нередко кажутся пустыми, но когда Душечка встречает препятствие, они превращаются в ледяные клинки. Светлые, точно выщетные на солнце волосы сбиваются в лохмы и колтуны, если за ними не приглядывать, поэтому лишенная тщеславия Душечка остригает их короче обычного. Да и одевается она подчеркнуто практично. Многих посетителей по первому разу оскорбляет ее мужской костюм, но скоро они убеждаются — дело она знает.

Роль пришла к ней против желания, но Душечка приимирилась с ней, вошла в нее с упрямой убежденностью. Она выказывает мудрость, необычную для своих лет и при ее немоте. Ворон хорошо учил ее в те немногие годы, когда приглядывал за ней.

Когда я вошел, она прохаживалась взад и вперед. Земляные стены зала совещаний продырялены — даже пустой, он кажется переполненным. В нем стоит застарелая вонь множества немытых тел. Был там старик из Бесла. Были Следопыт, Шпагат и еще несколько пришлых. И большая часть Отряда. Я сделал жест приветствия. Душечка обняла меня по-сестрински, спросила, как продвигаются мои исследования.

— Я уверен, — произнес я для всех и показал знаками ей, — что в Облачном лесу мы нашли не все документы. Не только потому, что не могу найти то, что ишу. Все они слишком стары.

Черты лица Душечки правильны, нет в них ничего выдающегося. Но все же ощущаются в этой женщине характер, воля, несгибаемость. Ребенком она побывала в аду, и он не затронул ее. Не трогал он ее и теперь.

Но это ей не понравилось.

— У нас не будет времени, на которое мы рассчитывали, — прожестикулировала она.

Я отвлекся немного. Я ждал, что между Следопытом и вторым вестником с запада полетят искры. В глубине души Следопыт мне очень не нравился. Я бессознательно надеялся найти подтверждение своей неприязни.

Ничего.

И ничего удивительного. Система ячеек надежно ограждает наших последователей друг от друга.

Следующими Душечка пожелала выслушать Гоблина и Одноглазого.

— Все, что мы слышали,— правда,— пропищал Гоблин.— Они усиливают гарнизоны. Но это лучше Шпагат расскажет. А наша миссия провалилась. Они ждали нас. И гнали по всей равнине. Нам повезло, что смогли оторваться. И помочи никакой.

Менгиры и их жутковатые приятели считаются нашими союзниками. Но, по-моему, они слишком непредсказуемы. Они помогают нам или нет, следя каким-то своим правилам.

Детали провалившегося рейда Душечку не интересовали. Она перешла к Шпагату.

— По обе стороны равнинны собираются армии,— сообщил тот.— Под водительством Взятых.

— Взятых? — переспросил я.

Я знал только двоих. А Шпагат говорил о многих.

Тогда страшно. Давно уже ходили слухи, что Госпожа потому оставила нас в покое, что собирала новый урожай Взятых. Я в это не верил. Наш век до скорбного лишен личностей, наделенных той великолепной и злобной силой, что и взятые Властелином во время оно: Душелов, Повешенный, Крадущийся в Ночи, Меняющий Облик, Хромой и прочие. То были злодеи эпического масштаба, почти столь же буйные в своем коварстве, что и Госпожа с Властелином. Наши слабосильные времена породили лишь Душечку и Шепот.

— Слухи оказались верны, мой господин,— стыдливо ответил Шпагат.

Господин. Я. Только потому, что стою у истоков мечты. Ненавижу это, но проглатываю.

— Да?

— Эти новые Взятые, конечно, не Ревуны или Зовущие Бурю.— Шпагат чуть заметно улыбнулся.— Лорд Зануда заметил, что прежние Взятые были непредсказуемы и опасны, как молния, а новые — предсказуемый ручной гром бюрократии, если вы меня понимаете.

— Понимаю. Продолжай.

— Считают, что новых шестеро, господин. Лорд Зануда полагает, что их вот-вот спустят с цепи. Потому и накапливают войска вокруг равнины. Лорд Зануда думает, что Госпожа сделала соревнование из нашей гибели.

Зануда. Наш самый верный лазутчик. Один из немногих, переживших долгую осаду Ржи. Ненависть его не знает границ.

Вид у Шпагата был странный. Многозначительный такой. Сказано было явно не все, и худшее осталось напоследок.

— Давай, — приказал я. — Колись.

— Прозвания Взятых начертаны на звездах, установленных над их ставками. Командующего во Рже прозывают Благодетель. Звезду поставили после того, как ночью прилетел ковер. Но самого Благодетеля никто не видел.

Это требовало выяснения. Только Взятый может управляться с ковром. Но никакой ковер не долетит до Ржи, не миновав равнины Страха. А ментиры нам ни о чем не докладывали.

— Благодетель? Интересное прозвище. А другие?

— В Шмяке на звезде начертано «Волдырь».

Смешки.

— Прежние, описательные прозвания мне нравились больше, — сказал я. — Вроде Хромого, Луногрыза или Безликого.

— В Стужке сидит один по имени Аспид.

— Уже лучше.

Душечка косо глянула на меня.

— В Руте появился Ученый. А в Лузге — Ехидный.

— Ехидный? Это мне тоже нравится.

— Западную границу равнины держат Шепот и Странник; ставки обоих в деревушке Плюнь.

Я, как вундеркинд-математик, подвел итог:

— Двое старых и пятеро новых. А где еще один?

— Не знаю, — ответил Шпагат. — Кроме этих есть только главнокомандующий. Его звезда установлена в воинской части подо Ржой.

Его слова били мне по нервам. Шпагат побледнел и начал трястись. Мной овладело нехорошее предчувствие. Я понял, что следующие его слова мне очень не понравятся. Но:

— Ну?

— На стеле стоит знак Хромого.

Как я был прав. Это мне совсем не нравится.

И не только мне.

— Ой-й! — взвизгнул Гоблин.

— Твою мать, — произнес Одноглазый тихо и потрясенно; сдержанность его голоса передавала больше, чем крик.

Я сел. Посреди комнаты. На пол. И обхватил голову руками. Мне хотелось плакать.

— Невозможно, — пробормотал я. — Я убил его. Собственными руками. — И, сказав, я уже не верил в это, хотя многие годы полагал именно так. — Но как же?..

— Хорошего парня легко не убьешь, — проворчал Ильмо.

Реплика эта свидетельствовала о том, что Ильмо потрясен. Без причины он и слова не вымолвит.

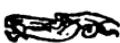
Хромой враждует с Отрядом еще с той поры, когда мы прибыли на север через море Мук. Именно тогда к нам записался Ворон, таинственный уроженец Опала, когда-то очень влиятельный человек, лишенный титула и имущества приспешниками Хромого. Но Ворон был человек бешеный и совершенно бесстрашный. Взятый там или нет — Ворон ответил ударом на удар, убив своих обидчиков, в том числе самых умелых помощников Хромого. Так мы впервые перешли Взятым дорожку. И каждая наша встреча только ухудшала дело...

В сумятице после Арчи Хромой решил свести с нами счеты. Я устроил ему ловушку. Он в нее влез.

— Я на что угодно ставлю — я убил его!

Так жутко я себя еще никогда не чувствовал. Словно на краю обрыва стою.

— Истерик не закатывай, Костоправ, — посоветовал Одноглазый. — Мы от него и раньше живыми уходили.

— Он — один из старых, придурак! Из настоящих Взятых! Из тех времен, когда были еще истинные колдуны. Ему еще ни разу не позволяли взяться за нас со всей силой. Да еще помощников... — Восемь Взятых и пять армий атакуют равнину Страха. А нас в Дыре редко бывало больше семи десятков.

Перед моими глазами проносились чудовищные видения. Пусть это второсортные Взятые, но их слишком много. Их ярость выжжет пустыню. Шепот и Хромой уже вели бои здесь и знают об опасностях равнины. Собственно, Шепот дралась тут и против Взятых, и против мятежников. Она выиграла большую часть знаменитых битв восточной кампании.

Потом рассудок взял свое, но будущее осталось мрачным. Подумав, я пришел к неизбежному выводу, что Шепот знает равнину слишком хорошо. Возможно, у нее даже остались здесь союзники.

Душечка коснулась моего плеча, и это успокоило меня лучше, чем слова друзей. Ее уверенность заразительна.

— Теперь мы знаем, — показала она и улыбнулась.

Но время тем не менее стало готовым опуститься молотом. Долгое ожидание Кометы потеряло смысл. Выжить надо было здесь и сейчас.

— Где-то в моей груде пергаментов было истинное имя Хромого, — сказал я, пытаясь найти в ситуации хоть что-нибудь хорошее. Но опять пришла на ум проблема. — Но, Душечка, там нет того, что я ищу.

Она подняла бровь. Из-за немоты ей пришлось обзавестись одним из самых выразительных лиц, какие мне доводилось видеть.

— Нам надо будет сесть и поговорить. Когда у тебя будет время. И выяснить точно, что случилось с этими бумагами, пока они были у Ворона. Некоторых не хватает. Когда я передал документы Душелову, они там были. Когда я получил бумаги обратно, они там были. Я уверен, что они были там, когда бумаги взял Ворон. Что с ними случилось потом?

— Вечером, — показала Душечка. — Время будет.

Казалось, она внезапно потеряла интерес к разговору. Из-за Ворона? Он много значил для нее, но за такой срок боль могла и склонуть. Если только я не пропустил чего-то в их истории. А это вполне возможно. Понятия не имею, во что вылились их отношения после того, как Ворон ушел из Отряда. Его смерть ее явно еще мучит. Своей бессмыслицей. Пережив все, что обрушилась на него тень, он утонул в общественной бане.

Лейтенант говорит, что по ночам она плачет во сне. Он не знает почему, но подозревает, что дело в Вороне.

Я расспрашивал ее о тех годах, что они провели без нас, но она не отвечает. У меня сложилось впечатление, что она испытала печаль и жестокое разочарование.

Теперь она отбросила старые заботы и обернулась к Следопыту и его дворняге. За ними ежились в предвкушении те, кого Ильмо поймал у обрыва. Их очередь была следующей, а репутацию Черного Отряда они знали.

Но мы не дошли до них. Даже до Следопыта с писом Жабодавом. Дозорный опять завопил, объявляя тревогу.

Это становилось утомительным.

Когда я заходил в кораллы, всадник уже пересекал ручей. Плескалась вода под копытами загнанного, взмыленного коня. Эта лошадь уже никогда не будет бегать как прежде. Мне жаль было видеть, как губят скакуна, но у всадника была на то веская причина.

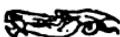
На самой границе безмагии метались двое Взятых. Один метнул лиловый разряд, который растаял, не достигнув земли. Одноглазый кудахнул и сделал непристойный жест.

— Всю жизнь об это мечтал, — пояснил он.

— Ох, чудо чудное, — пискнул Гоблин, глядя в другую сторону.

С розовых утесов сорвалась и ушла ввысь стая огромных исчерна-синих мант — около дюжины, хотя сосчитать их было трудно: они постоянно маневрировали, чтобы не отнять у соседа ветер. То были великаны своей породы — футов сто в размахе крыльев. Поднявшись достаточно высоко, они парами начали пикировать на Взятых.

Всадник остановился, упал. В спине его торчала стрела.

— Фишки! — выдохнул он и потерял сознание.

Первая пара мант, двигаясь, казалось, медленно и величаво,— хотя на самом деле летят они вдесятеро быстрее бегущего человека,— проплыли мимо ближайшего Взятого, едва не выскоцив за границы Душечкиной безмагии, и каждая пустила по сверкающей молнии. Молния может лететь там, где тает колдовство Взятых.

Один разряд попал в цель. Ковер со Взятым качнулся, коротко вспыхнул; пошел дым. Ковер дернулся и косо пошел к земле. Мы осторожно ликовали. Потом Взятый восстановил равновесие, неуклюже поднялся и улетел.

Я опустился на колени рядом с курьером. Молодой, почти мальчишка. Жив. Если я возьмусь за него — еще не все потеряно.

— Одноглазый, помоги.

Манты парами плыли по внутренней границе безмагии, швыряя молнии во второго Взятого. Тот легко уклонялся, не предпринимая ответных мер.

— Это Шепот, — сказал Ильмо.

— Ага, — согласился я. Она свое дело знает.

— Ты мне-то будешь помогать или нет? — хмыкнул Одноглазый.

— Ладно, ладно.

Мне не хотелось пропускать представление. Первый раз вижу так много мант. И в первый раз они нам помогают. Хотелось посмотреть еще.

— Ну вот, — проговорил Ильмо, утихомиривая лошадь мальчишки и одновременно шаря по седельным сумкам, — еще одно письмешко нашему достопочтенному анналисту.

Он протянул мне еще один пакет в промасленной коже. Я ошаращенно сунул пакет под мышку и вместе с Одноглазым поволок курьера в Дыру.

Глава 10 История Боманца (из послания)

— Боманц! — От визга Жасмин звенели окна и скрипели двери. — Слезай! Слезай немедленно, ты меня слышишь?!

Боманц вздохнул. Пять минут нельзя побыть в одиночестве. Зачем он только женился? Зачем это вообще делают? Остаток жизни после этого проводишь на каторге, делаешь не то, что хочешь ты, а то, чего хотят другие.

— Боманц!

— Иду, черт тебя дери! — И вполголоса: — Проклятая дура высморкаться не может без того, чтоб я ей платок подержал.

Боманц вообще часто говорил вполголоса. Чувства нужно было выпускать, а мир — поддерживать. Он шел на компромисс. Всегда на компромисс.

Он протопал по лестнице, каждым шагом выражая раздражение. «Когда тебя все бесит,— посмеялся он над собой,— понимаешь, что ты стар».

— Чего тебе? Где ты есть?

— В лавке. — В голосе Жасмин звучали странные ноты. Кажется, подавленное возбуждение.

В лавку Боманц ступил очень осторожно.

— Сюрприз!

Мир ожил. Ворчливость сгинула.

— Шаб!

Боманц кинулся к Шаблону, могучие руки сына сдавили его.

— Уже здесь? Мы ожидали тебя только на следующей неделе.

— Я рано уехал. А ты толстеешь, пап. — Шаблон включил и Жасмин в тройное объятие.

— Все стряпня твоей мамы. Времена хорошие, едим регулярно. Токар был... — Мелькнула блеклая уродливая тень. — А как ты? Отойди-ка, дай на тебя глянуть. Когда уезжал, ты был еще мальчишкой.

И Жасмин:

— Ну разве он не красавец? Такой высокий и здоровый! А одежка-то какая! — Насмешливая забота: — Ни в какие темные дела, часом, не впутался?

— Мама! Ну куда может впутаться младший преподаватель? — Шаблон встретился взглядом с отцом и улыбнулся, как бы говоря: «А мама все та же».

Двадцатипятилетний Шаблон был на четыре дюйма выше отца и, несмотря на свою профессию, сложен хорошо — скорее авантюрист, чем будущий профессор, как показалось Боманцу. Конечно, времена меняются. С его университетских дней прошли эпохи. Быть может, стандарты изменились.

Боманцу вспомнил смех, и шутки, и ужасно серьезные полночные дистпуты о значении всего на свете, и бес тоски укусил его. Что стало с тем хитроумным, лукавым юнцом? Какой-то незримый стражник рассудка заключил его в кургане на задворках мозга, и там он лежит в мертвом сне, пока его место занимает лысый, мрачный, толстобрюхий гном... Они крадут нашу юность и не оставляют нам иной, кроме юности наших детей...

— Ну, пойдем. Расскажешь нам о своих исследованиях.— «Кончай лить слезы над собой, Боманцу, старый ты дурак». — Четыре года, а в письмах одни прачечные да споры в «Дельфине на берегу». Еще бы не на берегу — в Весле-то. Хотел бы я перед смертью увидеть море. Никогда не видал. — «Старый дурак. И это все, на что ты способен — мечтать вслух? Интересно, будут ли они смеяться, если сказать им, что в глубине души ты еще молод?»

— У него бред,— пояснила Жасмин.

— Это кто тут, по-твоему, впал в маразм? — возмутился Боманцу.

— Папа, мама — дайте мне передохнуть. Я только что приехал.

Боманцу глубоко вдохнул.

— Он прав. Мир. Тишина. Перерыв. Шаб, ты судья. Знаешь, боевых коней вроде нас нелегко отучить.

— Шаб обещал мне сюрприз, прежде чем ты спустился,— сказала Жасмин.

— Ну? — осведомился Боманцу.

— Я помолвлен. Скоро женюсь.

«Как так? Это мой сын. Мое дитя. На прошлой неделе я менял ему пеленки... Время, ты — безжалостный убийца, я чую твое ледяное дыхание, я слышу гром твоих железных копыт...»

— Хм. Юный глупец. Извини. Ну так расскажи о ней, раз больше ни о чем говорить не можешь.

— Расскажу, если смогу вставить хоть слово.

— Помолчи, Боманц. Расскажи о ней, Шаб.

— Да вы уже кое-что знаете, наверное. Она сестра Токара, Слава.

Желудок Боманца рухнул куда-то в пятки. Сестра Токара, возможного воскресителя.

— В чем дело, пап?

— Сестрица Токара, да? Что ты знаешь об их семье?

— А в чем дело?

— Ни в чем. Я спросил, что ты о них знаешь.

— Достаточно, чтобы знать, что хочу жениться на Славе. Достаточно, чтобы считать Токара своим лучшим другом.

— Достаточно?! А если они — воскресители?

На лавку обрушилась тишина. Боманц глядел на сына. Шаблон смотрел на отца. Дважды пытался ответить, но молчал. В воздухе повисло напряжение.

— Папа...

— Так думает Бесанд. Стражка следит за Токаром. И за мной. Пришло время Кометы, Шаб. Десятое возвращение. Бесанд чует большой заговор воскресителей. И давит на меня. После этой истории с Токаром будет давить еще больше.

Шаблон втянул воздух сквозь зубы. Вздохнул.

— Может, мне не следовало возвращаться домой. Вряд ли я чего-то добьюсь, уворачиваясь от Бесанда и сражаясь с тобой.

— Нет, Шаб,— возразила Жасмин.— Твой отец не будет скандалить. Но, ты не будешь скандалить. Не будешь.

— Гм-м.— «Мой сын помолвлен с воскресительницей?»

Боманц отвернулся, глубокий вдохнула, тихо выбранил себя. Делаем поспешные выводы? По чьему слову — Бесанда?

— Извини, сынок. Он меня просто заездил.

Боманц покосился на Жасмин. Бесанд был не единственным его проклятием.

— Спасибо, пап. Как твои исследования?

Жасмин что-то бормотала.

— Сумасшедший какой-то разговор,— заметил Боманц.— Все задают вопросы, и никто на них не отвечает.

— Дай денег, Бо,— потребовала Жасмин.

— Зачем?

— Вы двое «здрасьте» не скажете, пока не начнете свои заговоры плести. А я пока на рынок схожу.

Боманц ждал. Жасмин обошлась без обычного арсенала ядовитых фразочек о горькой женской судьбе. Боманц покал плечами и высыпал горсть монет в ладонь жены.

— Пойшли наверх, Шаб.

— Она стала мягче,— заметил Шаблон, когда они поднялись на чердак.

— Я что-то не заметил.

— Ты тоже. А дом совсем не изменился.

Боманц зажег лампу.

— Все так же тесно,— посетовал он, берясь за копьетайник.— Надо будет новую сделать. Эта уже потерлась.— Он разложил карту на маленьком столике.

— Добавлений немного.

— А ты попробуй избавиться от Бесанда.— Боманц постучал по шестому кургану.— Вот. Единственное препятствие у меня на пути.

— Это единственный возможный путь, папа? Может, легче взять верхние два? Или даже один? Тогда у тебя будет шанс пятьдесят на пятьдесят угадать два оставшихся.

— Я не гадаю. Мы же не в карты играем. Если при первой сдаче сыграешь неправильно — второй не будет.

Шаблон подтащил табурет, глянул на карту. Побарабанил по столу пальцами. Боманца передернуло.

Прошла неделя. Семейство приспособилось к новому ритму жизни — включая жизнь под все более внимательным взглядом Наблюдателя.

Боманц чистил секири из захоронения теллекурре. Сокровищница. Сущая сокровищница. Общая могила, прекрасно сохранившиеся оружие и доспехи. В лавку вошел Шаблон.

— Тяжелая была ночь? — Боманц поднял глаза.

- Не слишком. Он, кажется, готов сдаться.
- Мен-фу или Бесанд?
- Мен-фу. Бесанд раз шесть заглядывал.

Сторожили отец с сыном посменно. Оправданием служил ворюга Мен-фу, но на самом деле Боманц надеялся вымотать Бесанда еще до появления Кометы. Трюк не срабатывал.

- Мама приготовила завтрак.— Боманц принял складывать мешок.
- Подожди, папа. Я тоже с тобой.
- Отдохнул бы.
- Да ладно. Охота мне в земле поковыряться.
- Ну давай.— «Что-то мучит парня. Может, он готов поговорить?»

Они редко беседовали. До университета их отношения были одним сплошным скандалом, где Шаблон всегда только защищался... За эти четыре года он вырос, но в глубине души оставался все тем же мальчишкой. Он не был еще готов встретиться с отцом как мужчина с мужчиной. А Боманцу недостаточно постарел, чтобы не видеть в Шаблоне того мальчишку. Так постареть нелегко. Когда-нибудь его сын посмотрит на своего сына и подумает: «Как же он вырос...»

Продолжая очищать булаву от наростов грязи, Боманцу криво усмехнулся самому себе. «Об отношениях он думает. Разве это на тебя похоже, старый ты пень?»

— Эй, пап! — позвал Шаблон из кухни.— Чуть не забыл. Прошлой ночью я видел Комету.

Когтистая лапа вцепилась Боманцу в живот. Комета! Нет, не может быть. Не сейчас. Он еще не готов.

— Наглый, мелкий ублюдок! — Боманцу сплюнул. Он и Шаблон сидели в кустах, наблюдая, как Мен-фу вышвыривает из раскопа предметы.— Я ему ногу сломаю!

- Подожди минутку. Я обойду кругом и перехвачу его, когда он побежит.
- Нечего руки марать.— Боманцу фыркнул.
- Очень хочется, папа. Счеты бы с ним свести.
- Ладно.

Мен-фу высунул из ямы уродливую головку, нервно огляделся и снова ушел в землю. Боманц двинулся вперед.

Подойдя поближе, он услыхал, как вор разговаривает сам с собой:

— Ох, чудненько. Чудненько. Каменное сокровище. Каменное сокровище. Эта жирная мартышка его не заслуживает. Все к Бесанду подлизывается, подлый.

— Мартышка, говоришь, жирная? Ну погоди.— Боманц сбросил с плеч мешок и инструменты, покрепче взялся за лопату.

Мен-фу выбрался из раскопа, держа в руках охапку древностей. Глаза его широко распахнулись, губы беззвучно зашевелились. Боманц размахнулся.

— Ну, Бо, только не...

Боманц ударил. Мен-фу отрыгнулся, получил лопатой по ноге, взвыл, уронил свою ношу, замахал руками, свалился в раскоп и вылез с дальней стороны ямы, привизгивая, как недорезанная свинья. Боманц проковылял за ним, нанес могучий удар по ягодицам супостата, и Мен-фу побежжал. Подняв лопату, Боманц метнулся за ним с воплем:

— Стой, ворюга, сукин ты сын! Будь мужиком, ты!

Он нанес последний мощный удар и, промахнувшись, не удержался на ногах. Боманц вскочил и, воздев лопату, продолжил погоню.

На Мен-фу кинулся Шаблон, но вор протаранил его и исчез в кустах. Боманц врезался в сына, и они вместе погнались по земле.

— К черту,— пропыхтел Боманц.— Все равно сбежал.

Он распростерся на спине, тяжело дыша. Шаблон захохотал.

— Что смешного, черт тебя дерни?

— Лицо у него было...

Боманц хихикнула:

— Не много же от тебя было помоши.

И они оба расхохотались.

— Пойду лопату свою отыщу,— выдавил на конец Боманц.

Шаблон помог отцу встать.

— Если бы ты мог себя видеть, пап!

— Хорошо, что не видел. А то меня удар бы хватил.—
Боманц снова начал хихикать.

— Ты в порядке, пап?

— Да. Просто... не могу одновременно смеяться и переводить дыхание. Ох-хо-хо... Если я сейчас сяду, то уже не встану.

— Пошли копать. Это тебе поможет. Ты вроде тут лопату обронил?

— Вот она. Отсмеявшись Боманц не мог все утро. Стоило ему вспомнить позорное бегство Мен-фу, и он не мог удержаться от хохота.

— Пап! — Шаблон работал на дальнем краю раскопа.— Глянь сюда. Наверное, поэтому он нас и не заметил.

Подхромав поближе, Боманц увидел, что Шаблон считает землю с превосходно сохранившимся нагрудника, черного и блестящего, как полированный оникс. В центре его сверкал серебром сложный узор.

— Угу.— Боманц выглянул из ямы.— Никого не видно. Получеловек-полузверь. Это Меняющий Облик.

— Он вел теллекурре.

— Но его не могли похоронить здесь.

— Это его доспехи, папа.

— Черт, я и сам вижу.— Он снова высунулся, как любопытный еж. Никого.— Сиди тут и сторожи. А я его откопаю.

— Ты сиди, папа.

— Ты всю ночь здесь торчал.

— Я намного моложе тебя.

— Я себя превосходно чувствую, спасибо.

— Какого цвета небо?

— Голубое. Что за идиотский...

— Ур-раа! Мы хоть в чем-то согласны. Ты самый упрямый старый козел...

— Шаблон!

— Извини, пап. Копать будем по очереди. На первую кинем монетку.

Боманц проиграл и устроился на краю раскопа, подложив рюкзак под спину.

— Надо будет расширить раскоп. Если мы и дальше будем идти вглубь, первый же хороший дождь все зальет.

— Да, грязища будет немало. Стоило бы и дренажную канаву сделать. Эй, пап, в этих доспехах никого нет. Зато есть и остальные части.— Шаблон извлек латную перчатку и часть поножи.

— Да? Придется сдавать.

— Сдавать? Почему? Токар даст за это целое состояние!

— Может быть. А если наш друг Мен-фу заметит? Он же нас из вредности сдаст Бесанду. А с Бесандом нам надо оставаться приятелями. Эта штука нам не нужна.

— Не говоря уже о том, что он мог сам ее и подложить.

— Что?

— Ну, ее тут не должно быть, верно? И тела в доспехах нет. И почва рыхлая.

Боманц помычал. Бесанд вполне был способен на обман.

— Оставь все как есть. Я пойду приволоку его.

— Кисломордый старый придурок,— пробормотал Шаблон, когда Наблюдатель отбыл.— Об заклад бьюсь, что он нам эту штуку подсунул.

— Что толку ругаться, если сделать мы ничего не можем.— Боманц опять прислонился к рюкзаку.

— Что ты делаешь?

— Бью баклуши. Расхотелось мне копать.— Все тело Боманца ныло. Утро выдалось тяжелое.

— Надо сделать сколько сможем, пока погода не испортилась.

— Вперед.

— Папа...— Шаблон замялся, потом начал снова: — Почему вы с мамой все время ругаетесь?

Боманц задумался. Истина слишком хрупка, а Шаблон не застал их лучших лет...

— Наверное, потому, что люди меняются, а никто не хочет этого.— Он не мог выразиться точнее.— Ты видишь

женищину: чудесную, удивительную, волшебную, как в песне. Потом ты узнаешь ее поближе, и восхищение проходит. На его место становится привычка. Потом исчезает и она. Женщина оплывает, седеет, покрываются морщинами, и ты чувствуешь, что тебя обманули. Ты ведь помнишь ту озорную скромницу, с которой ты встречался и болтал, пока ее отец не пригрозил тебя выставить пинком. Тычураешься этой незнакомки — и начинаешь скандалить. У твоей мамы, наверное, то же. В душе мне все еще двадцать, Шаб. Я понимаю, что постарел, только заглядывая в зеркало или когда тело не подчиняется мне. Я не замечаю брюха, и варикозных вен, и остатков седых волос. А ей со мной жить.

Каждый раз, заглядывая в зеркало, я поражаюсь. Я думаю — что за чужак отнял мое лицо? Судя по виду — гнусный старый козел. Из тех, над которыми я так издевался в двадцать лет. Он пугает меня, Шаб. Он вот-вот умрет. Я пойман им, но я еще не готов уходить.

Шаблон присел. Его отец редко говорил о своих чувствах.

— И так должно быть всегда?

Может, и не должно, но всегда бывает...

— Думаешь о Славе, Шаб? Не знаю. От старости не сбежишь. И от перемен в отношениях — тоже.

— Может, все будет иначе. Если нам это удастся...

— Не говори мне «может быть», Шаб. Я тридцать лет жил этим «может быть». — Язва попробовала желудок на зуб. — Может, Бесанд и прав. Насчет ложных причин.

— Папа! О чем ты? Ты отдал этому всю жизнь!

— Шаб, я хочу сказать, что напуган. Преследовать мечту — это одно. Поймать — совсем другое. Того, что ожидал, никогда не получаешь. Я предчувствую несчастье. Может, это мертворожденная мечта.

Лицо Шаблона последовательно сменило несколько выражений.

— Но ты должен...

— Я не должен ничего, кроме как быть антикваром Боманицем. Мы с твоей мамой долго не протянем. Эта яма обеспечит нас до конца.

— Если ты дойдешь до конца, ты проживешь еще долго и намного более...

— Я боюсь, Шаб. Боюсь сдвинуться с места. В старости такое бывает. Страх перемен.

— Папа...

— Мечты умирают, сынок. Те немыслимые, дикие сказки, которые заставляют жить, — невозможные, неисполнимые. Мои светлые мечтания умерли. Все, что я вижу, — это гнилозубая ухмылка убийцы.

Шаблон выкарабкался из раскопа. Сорвал стебелек сладкой травы, пососал.

— Пап, как ты себя чувствовал, когда женился на маме?

— Обалдевшим.

Шаблон рассмеялся:

— Ладно, а когда шел просить ее руки? По дороге?

— Думал, что на месте обмочусь. Ты своего дедушку не видывал. О таких, как он, и рассказывают в сказках про троллей.

— Что-то вроде того, как ты себя чувствуешь сейчас?

— Примерно. Да. Но не совсем. Я был моложе, и меня ждала награда.

— А теперь — разве нет? Ставки повысились.

— В обе стороны. И на выигрыш, и на проигрыш.

— Знаешь что? У тебя просто кризис самоуверенности. И все. Через пару дней ты снова будешь быть копытом.

Тем вечером, когда Шаблон снова ушел, Боманц сказал Жасмин:

— У нас с тобой умный сын. Мы с ним поговорили сегодня. По-настоящему, в первый раз. Он удивил меня.

— С чего бы? Он же твой сын.

Сон был ярче, чем когда-либо, и пришел он раньше. Боманц просыпался дважды за ночь. Больше заснуть он не пытался. Вышел на улицу, присел на ступеньках, залитых лунным светом. Ночь выдалась ясная. По обе стороны грязной улочки виднелись неуклюжие дома.

«Ничего себе городок, — подумал Боманц, вспомнив красоты Весла. — Стражка, мы — гробокопатели, и еще пара человек, кормящих нас да путников. Последних тут и

не бывает почти, несмотря на всю моду на времена Владычества. У Кургана такая паршивая репутация, что на него никто и глядеть не хочет».

Послышались шаги. Надвинулась тень.

— Бо?

— Бесанд?

— Угу.— Наблюдатель опустился на ступеньку.— Что делаешь?

— Заснуть не могу. Думаю, как случилось, что Курганные превратилось в такую дыру, что даже уважающий себя воскреситель сюда не полезет. А ты? Не в ночной же дозор ходишь?

— Тоже бессонница. Комета проклятая.

Боманц пошарил взглядом по небу.

— Отсюда не видно. Надо обойти дом. Ты прав. Все о нас забыли. О нас и о тех, кто лежит в земле. Не знаю, что хуже. Запустение или просто глупость.

— М-м? — Наблюдателя явно что-то мучило.

— Бо, меня снимают не потому, что я стар или неловок, хотя, думаю, так и есть. Меня снимают, чтобы освободить пост для чьего-то там племянника. Ссылка для паршивых овец. Вот это больно, Бо. Это больно. Они забыли, что это за место. Мне говорят, что я угробил всю жизнь на работе, где любой идиот может дрыхнуть.

— Мир полон глупцов.

— Глупцы умирают.

— А?

— Они смеются, когда я говорю о Комете или воскресительском перевороте этим летом. Они не верят, как я. Они не верят, что в курганах кто-то лежит. Кто-то живой.

— А ты приведи их сюда. Пусть прогуляются по Курганию после заката.

— Я пытался. Говорят: «Прекрати ныть, а то лишим пенсии».

— Ну так ты сделал все, что мог. Остальное на их совести.

— Я дал клятву, Бо. Я давал ее серьезно и держу до сих пор. Эта работа — все, что у меня есть. У тебя-то есть Жасмин и Шаб. А я жил монахом. И теперь они вышвыр-

нули меня ради какого-то малолетнего... — Бесанд издал какой-то странный звук.

«Всхлип?» — подумал Боманц. Наблюдатель плачет? Человек с каменным сердцем и милосердием акулы?

— Пошли, глянем на Комету. — Он тронул Бесанда за плечо. — Я ее еще не видел.

Бесанд взял себя в руки.

— Действительно? Трудно поверить.

— Почему? Я допоздна не сижу. Ночные смены берет Шаблон.

— Неважно. Это я по привычке подкапываюсь. Нам с тобой следовало стать законниками. Мы с тобой прирожденные спорщики.

— Может, ты и прав. Я в последнее время много размышлял, что же я тут делаю.

— А что ты тут делаешь, Бо?

— Собирался разбогатеть. Хотел порыться в старых книгах, раскопать пару богатых могил, вернуться в Весло и купить дядюшкино извозное дело.

Боманц лениво раздумывал, какие части вымышленного прошлого убеждали Бесанда. Сам он так долго жил выдумкой, что некоторые придуманные детали казались ему реальными, если только он не напрягал память.

— И что случилось?

— Лень. Обыкновенная старомодная лень. Я обнаружил, что между мечтой и ее исполнением — большая разница. Было намного проще откапывать ровно столько, чтобы хватало на жизнь, а остальное время бездельничать. — Боманц скривился. Это была почти правда. Все его исследования в определенном смысле лишь предлог, чтобы ни с кем не соперничать. В нем просто не было энергии Токара.

— Ну, не так плохо ты и жил. Пара суровых зим, когда Шаб был еще щенком. Но через это мы все прошли. Немного помочи, и все мы выжили. — Бесанд ткнул пальцем в небо: — Вон она.

Боманц всхлипнул. Точно такая, как он видел во сне.

— Зрешище еще то, да?

— Подожди, пока она не подойдет поближе. На полнеба разойдется.

— И красиво.

— Я бы сказал «потрясающе». Но она еще и предвестник. Дурной знак. Древние писатели говорят, что она будет возвращаться, пока Властелин не восстанет.

— Я жил этим всю жизнь, Бесанд, и даже мне тяжело поверить, что это не просто болтовня. Подожди! Курганье и мне давит на душу. Но я просто не могу поверить, что эти твари восстанут, проведя в могиле четыре сотни лет.

— Бо, может, ты и честный парень. Если так, держи совет. Когда уйду я — беги. Подхватывай теллекуррские штучки и дуй в Весло.

— Ты начинаешь говорить как Шаб.

— Я серьезно. Если тут возьмет власть какой-нибудь неверующий идиот, ад вырвется на свободу. В буквальном смысле. Уноси ноги, пока это возможно.

— Может, ты и прав. Я подумывал вернуться. Но что я там буду делать? Весло я позабыл. Судя по рассказам Шаба, я там просто потеряюсь. Черт, да здесь теперь мой дом. Я никак этого не понимал. Эта свалка — мой дом.

— Я тебя понимаю.

Боманц поглядел на громадный серебристый клинок в небе. Скоро...

— Кто там? Кто это? — донеслось со стороны черного хода. — А ну уматывай! Сейчас стражу позову!

— Это я, Жасмин.

Бесанд рассмеялся:

— И Наблюдатель, хозяйка. Стража уже на посту.

— Что ты делаешь, Бо?

— Болтаю. Гляжу на звезды.

— Я пойду, — сказал Бесанд. — Завтра увидимся.

По его тону Боманц понял — завтра его ждет очередной заряд преследований.

— Поосторожнее.

Боманц устроился на мокрой от росы черной ступеньке, и прохладная ночь омыла его. В Древнем лесу одинокими голосами кричали птицы. Весело заверещал сверчок. Влажный ветерок едва пошевеливал остатки волос на лысине. Жасмин вышла и присела рядом с мужем.

— Не могу заснуть, — сказал он.

— Я тоже.

— Это все она.— Боманц глянул на Комету, вздрогнул от нахлынувших воспоминаний.— Помнишь то лето, когда мы приехали сюда? Когда остались посмотреть на Комету? Была такая же ночь.

Жасмин взяла его за руку, их пальцы переплелись.

— Ты читаешь мои мысли. Наш первый месяц. Мы были такими глупыми детьми.

— В душе мы такими же и остались.

Глава 11 Курганье

Теперь Граю разгадка давалась легко. Когда он занимался делом. Но старая шелковая карта притягивала его все больше и больше. Эти странные древние имена. На телекурре они звучали сочнее, чем на современных языках. Душелов. Зовущая Бурю. Луногрыз. Повешенный. На древнем наречии они казались куда мощнее.

Но они мертвые. Из всех великих остались только Госпожа да то чудовище под землей, которое и заварило кашу.

Он часто подходил к маленькому окошку, смотрел на Курганье. Дьявол под землей. Зовет, наверное. Окруженный защитниками — не многие из них упомянуты в легендах, и еще меньше — тех, чьи прозвания определил старый колдун. Боманца интересовала только Госпожа.

Столько фетишей. И дракон. И павшие рыцари Белой Розы, чьи духи поставлены вечно охранять курган. Все этоказалось куда серьезнее нынешней борьбы.

Грай рассмеялся. Прошлое всегда кажется интереснее настоящего. Тем, кто пережил первое великое противостояние, оно тоже, наверное, казалось ужасающее медийальным. Лишь о последней битве складывались легенды и предания. О нескольких днях из десятилетий.

Теперь Грай работал меньше — у него были добрый кров и кое-какие припасы. Он мог больше гулять, особенно ночами.

Как-то утром, прежде чем Грай проснулся окончательно, пришел Кожух. Грай впустил юношу.

- Чую?
- Давай.
- Нервничаешь. Что случилось?
- Тебя требует полковник Сироп.
- Опять шахматы? Или работа?
- Ни то, ни другое. Его беспокоят твои ночные прогулки. Я ему уже сказал, что гуляю с тобой и что тебя интересуют только звезды да всякая ерунда. По-моему, он параноик.

Грай натянуто улыбнулся:

- Просто делает свое дело. Наверное, я кажусь странным. Не от мира сего. Выжившим из ума. Я и правда веду себя как маразматик? Сахару?

— Пожалуйста.— Сахар был деликатесом. Стражка его себе позволить не могла.

- Торопишься? Я не завтракал еще.
- Ну он вроде не подгонял.
- Хорошо.

«Больше времени на подготовку. Дурак. Следовало догадаться, что твои прогулки привлекут внимание. Стражник — по профессии параноик».

Грай приготовил овсянку с беконом, поделился с Кожухом. Как бы хорошо ни платили стражникам, питались они скверно. Из-за дождей дорогу на Весло развезло совершенно. Армейские маркитанты сражались с дорсткой мужественно, но обеспечивать всех не могли.

— Ну, пойдем, повидаемся с ним,— сказал наконец Грай.— Кстати, этот бекон — последний. Полковнику стоило бы подумать о том, чтобы кормиться самим.

— Говорили уже об этом.— Грай подружился с Кожухом отчасти и потому, что тот служил при штабе. Полковник Сироп играл с Граем в шахматы и вспоминал добрые старые времена, но планов не раскрывал.

- И?
- Земли недостаточно. И фуражка.
- Свиньи и на желудях жиреют.
- Свинопасы нужны. Иначе все лесовики прихватят.
- Да, наверное.

Полковник принял Грая в личном кабинете.

— Когда же вы работаете, сударь? — пошутил Грай.

— Работа сама движется. Как двигалась уже веками. У меня проблема, Грай.

Грай сморщился.

— Проблема?

— Обличья, Грай. Мир живет восприятиями. А ты не соответствуешь своему облику.

— Сударь?

— В прошлом месяце у нас был гость. Из Чар.

— Я не знал.

— И никто не знал. Кроме меня. Это было нечто вроде длительной неожиданной проверки. Такое случается.

Сироп уселся за стол, отодвинул в сторону шахматную доску, на которой они так долго соревновались. Он вытащил из укромного местечка за правой ножкой стола длинный лист бумаги. Грай заметил паучий почерк.

— Взятый? Сударь?

Грай каждый раз почти забывал добавить «сударь», и привычка эта Сиропа очень беспокоила.

— Да. От Госпожи, со всеми полномочиями. Он не пережимал, нет. Но рекомендации делал. И упоминал людей, чье поведение кажется ему неприемлемым. Твое имя стояло в списке первым. Какого беса ты шляешься по окруже всю ночь?

— Думаю. Заснуть не могу. Война сделала что-то... Я многое видел. Повстанцы. Мы не ложились спать из страха, что они атакуют. А если уснешь — во сне видишь кровь. Горящие дома и поля. Визг скотины и детей. Это было хуже всего. Плачущие дети. Я все еще слышу их плач.— Он почти не преувеличивал. Каждый раз, ложась в постель, он слышал детский плач.

Он говорил правду, вплетая ее в ложь. Детский плач. Дети, чьи голоса преследовали его, были его собственными невинными младенцами, брошенными из боязни ответственности.

— Знаю,— ответил Сироп.— Знаю. Во Рже убивали детей, чтобы те не попали к нам в руки. Самые жестокие из солдат плакали, видя, как матери бросают со стены сво-

их младенцев и кидаются вслед за ними. Я никогда не был женат, и детей у меня нет. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. У тебя дети были?

— Сын,— ответил Грай тихо и сдавленно, едва не вздрогивая от боли,— и дочь. Двойняшки. Давно и далеко отсюда.

— И что стало с ними?

— Не знаю. Надеюсь, что они еще живы. Они примерно ровесники Кожуху.

Сироп поднял бровь, но промолчал.

— А их мать?

Глаза Грая стали железом. Раскаленным железом клейма.

— Умерла.

— Мне жаль.

Грай промолчал; выражение лица его наводило на мысль, что ему вовсе не жаль.

— Ты понимаешь, что я говорю, Грай? — спросил Сироп.— Тебя приметил Взятый. А это нездороно.

— Понял. А кто из них?

— Не знаю. Кто у нас из Взятых интересуется мятежниками?

— Какими мятежниками? — фыркнул Грай.— Мы их при Чарах стерли с лица земли.

— Может быть. Но есть еще эта Белая Роза.

— Я думал, ее вот-вот возьмут.

— Да, ходит такой слух, что ее еще до конца месяца в кандалы закуют. С тех пор, как мы о ней впервые услышали, так он и ходит. Она быстро бегает. Может быть, достаточно быстро.— Улыбка Сиропа померкли.— Ну, когда Комета вернется, меня тут уже не будет. Брендзи?

— Да.

— Шахматишкис? Или на работу спешишь?

— Да пока нет. Одну партию.

На середине игры Сироп напомнил:

— Не забудь мои слова. Взятый сказал, что улетает. Но это его слова. Может, он тут за кустами прячется.

— Буду осторожен.

Еще бы. Только внимания Взятого ему не хватало. Он слишком далеко забрался, чтобы рисковать по пустякам.

Глава 12

Равнина Страха

Была моя вахта. В жёлудке стояла глохущая, свинцовая тяжесть. Высоко в небе весь день кружили точки. Парочка вертелась — патрулировала — там и сейчас. Постоянное присутствие Взятых было недобрым знаком.

Чуть ниже планировали в послеполуденных небесах две пары мант. На восходящих потоках они поднимались, потом, кружка, опускались, подразнивав Взятых, пытаясь подманить их поближе к границе. Они недолюбливали пришельцев вообще, а этих — особенно, потому что те раздавили бы мант, если бы не другой чужак, Душечка.

За ручьем прохаживались бродячие деревья. Блестели мертвые менгиры, пробужденные каким-то образом от обычной спячки. Что-то назревало на равнине — нечто, чего ни один чужак не поймет.

За пустыню зацепилась огромная тень. В вышине плыл, бросая вызов Взятым, одинокий летучий кит. Порой до земли долетал едва слышный низкий рев. Первый раз слышу, чтобы кит говорил. Для них это признак ярости.

Забормотал, зашептался в кораллах ветер. Праотец-Древо пропел возражение киту.

— Скоро твои враги придут, — произнес менгир рядом со мной.

Я вздрогнул. Его слова напомнили мне недавний ночной кошмар, не запомнившийся, но полный ужаса.

Я не позволил себе пугаться подвой каменюги. Сильно пугаться.

Что они? Откуда пришли? Почему отличаются от обычных камней? И если уж на то пошло — почему равнина так дико отличается от всего мира? Почему она так жестока? Покамест нас терпят как союзников против более серьезного врага. Но посмотрим, сколько продержится эта дружба, когда Гослюжа падет.

- Когда?
- Когда будут готовы.
- Великолепно, каменюга. Объяснил.

Мой сарказм не прошел незамеченным — просто его не откомментировали. Менгиры сами славятся сарказмом и ядовитым языком.

— Пять армий, — пояснил голос. — Долго ждать не будут.

Я ткнул пальцем в небо:

— А Взятые летают как хотят. Беспрепятственно.

— Они не чинят препятствий.

Сущая правда. Но извинение слабое. Союзники должны быть союзниками. Летучие киты и манты обычно считают одно появление на равнине достаточным препятствием. Мне пришло в голову, что Взятые могли их подкупить.

— Неправда. — Менгир подвинулся. Теперь его тень падала мне на ноги. Я наконец оглянулся. В нем было каких-то десять футов. Недоросль.

Он прочитал мои мысли. Черт.

Менгир продолжал сообщать мне то, что я и без него знал.

— Не всегда можно вести дела с позиции силы. Будь осторожен. Народы собрались, чтобы переоценить целесообразность вашего присутствия на равнине.

Ах вот как. Этот бульжник-трепач, оказывается, посланник. Местные испуганы. И некоторые думают, что избавятся от неприятностей, выставив нас за дверь.

— Да.

Слово «народы» не слишком точно описывает тот межвидовой парламент, что принимает тут решения, но лучшего не подобрать.

Если верить менгирам — а они лгут только путем умолчания или обобщений, — то равнину Страха населяют более сорока разумных видов. В число известных мне входят менгиры, ходячие деревья, летучие киты и манты, горстка людей (как дики, так и отшельники), два вида ящериц, птица вроде сарыча, большая белая летучая мышь и исключительно редкая тварь наподобие перевернутого верблюдокентавра. Я хочу сказать, что человеческая часть у него задняя. Бегает оно вперед тем местом, которое у всех других существ называется задницей.

Наверное, я встречал и других, но не узнавал.

Гоблин утверждает, что в сердце больших коралловых рифов живет маленькая мартышка, в точности похожая на Одноглазого в миниатюре,— но когда речь заходит об Одноглазом, Гоблину верить нельзя.

— Я обязан принести весть,— сказал менгир.— Чужаки на равнине.

Я задал вопросы. Не получив ответа, раздраженно обернулся. Менгир уже исчез.

— Чертова каменюга...

У входа в Дыру стояли, наблюдая за Взятыми, Следопыт и пес Жабодав.

Мне передавали, что Душечка тщательно допросила Следопыта — я-то пропустил эту часть — и допрос ее удовлетворил.

Я тогда спорил с Ильмо, которому Следопыт понравился.

— Напомнил мне Ворона,— заявил Ильмо.— Пара сотен Воронов нам бы пригодилась.

— Мне он тоже напоминает Ворона. Именно это мне и не нравится.— Но что толку спорить? Так не бывает, чтобы все всем нравились. Душечка полагает, что с ним все в порядке. Ильмо с ней согласен. Лейтенант его принял. Почему я дергаюсь? Черт, если он слеплен из того же теста, что и Ворон, то у Госпожи большие неприятности.

Скоро его проверят. Что-то у Душечки на уме. Подозреваю, упреждающий удар. Вероятно, по Рже.

Ржа. Где поднял свою звезду Хромой.

Хромой. Восставший из мертвых. Я сделал с ним все, что можно, только что тела не скжег. А надо было, наверное. Проклятие.

Самое страшное — подумать: «А один ли он?» Не избежали ли прочие верной смерти? Не прячутся ли где-то, чтобы изумить мир своим появлением?

На ноги мне упала тень. Я очнулся от раздумий. Рядом со мной стоял Следопыт.

— Ты выглядишь расстроенным,— сказал он.

Должен признать, был он отменно вежлив.

Я глянул на кружющие в небе напоминания о битве.

— Я солдат,— ответил я,— старый, усталый и запутавшийся. Я сражаюсь дольше, чем ты живешь на свете. И все жду, когда мы чего-нибудь добьемся.

Он улыбнулся — слабо, почти скрытно. Мне стало неуютно. Мне было неуютно от всего, что он делал. Даже от его проклятой собаки, хотя она почти все время дрыхла. Как она одолела дорогу от Весла при такой лени? Работа то нелегкая. А этот пес — клянусь! — даже жрать не торопился.

— Можешь быть уверен, Костоправ, — ответил Следопыт, — она падет. — Он говорил абсолютно убежденно. — У нее не хватит сил приручить весь мир.

И снова мне стало не по себе. Прав он или нет, но фразу он построил жутковато.

— Мы сокрушим их всех. — Он указал на Взятых. — Это самозванцы, не то что прежние.

Пес Жабодав обчищал Следопыту ботинок. Следопыт посмотрел вниз — я думал, что он пнет дворнягу, но он нагнулся и почесал скотине за ухом.

— Пес Жабодав. Что за имя такое?

— О, это старая шутка. Тех времен, когда мы были намного моложе. Ему понравилось. Теперь он на этом имени настаивает.

Казалось, что Следопыт со мной только наполовину. Глаза его были пусты, взгляд блуждал где-то, хотя он продолжал смотреть в сторону Взятых. Странно.

По крайней мере, он признал, что был когда-то молод. Есть в этом намек на человеческую уязвимость. В таких, как Ворон и Следопыт, меня бесит именно то, что их задеть невозможно.

Глава 13 Равнина Страха

— Эй, Костоправ! — Из Дыры вылез Лейтенант.

— Что?

— Пусть Следопыт тебя сменит. — До конца моей вахты оставалось еще несколько минут. — Душечка тебя требует.

Я глянул на Следопыта. Тот пожал плечами:

— Давай.

Он повернулся лицом на запад и встал в стойку. Клянусь, выглядело это так, словно он включил бдительность, в одно мгновение став идеальным стражем.

Даже пес Жабодав приоткрыл глаз и принял наблюдатель.

Я почесал псине темы, надеясь, что жест будет принят за дружелюбный. Пес заворчал.

— Счастливо оставаться,— сказал я и последовал за Лейтенантом..

Обычно бесстрастный, Лейтенант показался мне взволнованным.

— В чем дело?

— У нее очередная дикая идея.

О-х-хонюшки.

— Куда теперь?

— Во Ржу.

— Ну чудно! Прекрасно! Давай выкладывай. Я-то подумал, что ты трепещешься. Отговорить ее ты, надеюсь, пытался?

Можно было бы подумать, что после стольких лет воин начинает казаться приемлемой, но, когда мы спустились в Дыру, нос мой задергался. Я невольно задержал дыхание. Просто невозможно набить толпу народа в подземелье и не проветривать его. А проветривали у нас не часто.

— Пытался. Она говорит: «Грузи фургон, а то, что мул слепой,— это моя забота».

— Обычно она права.

— Она военный гений, ядрена вошь! Но это не значит, что она может провернуть каждый из примерещившихся ей недоделанных планов! Мало ли что примерешится... Черт, Костоправ,— там же Хромой.

В зале совещаний мы с этого и начали. Ношу взяли на себя мы с Молчуном — как Душечкины любимцы. Редко приходилось мне видеть такое единодушие среди моих соратников. Даже Гоблин и Одноглазый сошлись — а уж эти двое в подень могут спорить, ночь на дворе или день.

Душечка расхаживала по комнате, как дикий зверь. Она сомневалась. Сомнения изводили ее.

— Во Рже двое Взятых, — доказывал я. — Это по словам Шпагата. И один из них — наш самый старый и опасный враг.

— Если сломить этих двоих, весь план их кампании лопнет, — возразила Душечка.

— Сломить их? Девочка, мы о Хромом говорим. Я уже доказал, что он непобедим.

— Нет. Ты доказал, что Хромой выживает, если не добить его. Мог бы сжечь тело.

Точно. Или разрезать на кусочки и скормить рыбам, или отправить в плавание по котлу с кислотой, или засыпать негашеной известью. Но на это уходит время. А на нас надвигалась сама Госпожа. Хорошо, хоть ноги в тот раз унесли.

— Предположим, что нам удалось пробраться туда незамеченными — во что я ни на грош не верю — и застать их врасплох. Долго ли всем Взятым собраться и нас прихлопнуть? — Я отчаянно жестикулировал, более рассерженный, чем испуганный. Я никогда еще не отказывал Душечке. Но в этот раз я был готов и на такое.

Глаза Душечки вспыхнули. В первый раз в жизни я заметил, что она не может справиться с собой.

— Если ты не хочешь подчиняться приказам, — показала она наконец, — тебе нечего здесь делать. Я не Госпожа. Я не жертвуя пешками ради малой выгоды. Я согласна — этот налет очень рискован. Но гораздо меньше, чем ты полагаешь. И результаты его могут быть намного серьезнее, чем тебе кажется.

— Убеди меня.

— Не могу. Ты не должен знать, на случай, если тебя схватят.

Я уже завелся:

— То есть ты хочешь сказать, что Взятым этого хватит, чтобы сесть нам на хвост?

Может, я был испуган сильнее, чем мог себе сознаться. А может, на меня просто нашел дух противоречия.

— Нет, — ответила она. Хотела сообщить что-то еще, но удержалась.

Молчун положил мне руку на плечо. Он сдался. Лейтенант присоединился к нему.

— Перегибаешь, Костоправ.

— Если ты не будешь исполнять приказ, Костоправ, — уходи, — повторила Душечка.

Она говорила серьезно. Совершенно! У меня от удивления отвисла челюсть.

— Ладно! — Я вышел, стуча каблуками, отправился к себе, пошелестел этими упрямыми старыми бумагами и, конечно, ничего нового не нашел.

На некоторое время меня оставили в покое. Потом подошел Ильмо. Вошел не стучась — просто я поднял глаза, а он уже стоял в дверях. К тому времени я и сам почти устыдился своей выходки.

— Ну?

— Почта пришла. — Он кинул мне очередной пакет в промасленной коже.

Я подхватил пакет в воздухе. Ильмо ушел, не объяснив, откуда он взялся. Я положил сверток на стол и долго глядел на него. Откуда? Я же никого в Весле не знаю.

Или в этом есть какой-то подвох?

Госпожа терпелива и умна. Я бы не сбрасывал со счетов некий использующий меня великий план.

Наверное, я раздумывал об этом с час, прежде чем неохотно развернул пакет.

Глава 14 История Боманца (из послания)

Боманц и Токар стояли в углу лавки.

— Ну как тебе? — спросил Боманц. — Дорого дадут?

Токар посмотрел на шедевр новой коллекции Боманца: скелет воина теллекурре в полностью реставрированных доспехах.

— Это просто чудо, Бо. Как ты это сделал?

— Скрутил суставы проволокой. Видишь драгоценный камень на лбу? Я не знаток геральдики времен Владычества, но рубин — это, кажется, знак именитых людей?

- Царей. Это будет череп царя Слома.
- И кости его. И броня.
- Ты богач, Бо. С этого я возьму только комиссионные. Подарок всей семье на помолвку. А ты серьезно принял мою просьбу расстаться.
- Лучшее конфисковал Наблюдатель. Мы откопали доспехи Меняющего Облик.

В этот раз Токар привез помощников — пара мрачных обезьяноподобных громил перетаскивала древности в фургоны на улице. Наблюдая, как они снуют, Боманц начинал нервничать.

- Правда? Проклятие! Я бы левую руку за это отдал.
- Боманц, извиняясь, развел руками:
- А что я мог поделать? Бесанд меня держит на коротком поводке. И ты же знаешь, как я стараюсь себя вести. Чтобы иметь дело с братом будущей невестки, приходится чем-то жертвовать.

— Это как?

«Вот я и вляпался», — подумал Боманц. И кинулся в омут.

— Бесанд прослышил, что ты воскреситель. Совсем нас с Шабом извел.

— Ах ты ж, погань! Извини, Бо. Воскреситель! Много лет назад я не уследил за своим языком и ляпнул, что даже Властелин правил бы в Весле лучше, чем наш мэр-шут. Одна идиотская фраза! Но эти же не забывают. Мало им того, что они отца моего в могилу свели, теперь еще надо меня и моих друзей мучить!

Боманц понятия не имел, о чём говорит Токар. Надо будет спросить Шаблона. Но Токар успокоил его подозрения — а это главное.

— Оставь прибыль с этой штуки себе, Токар. Для Шаба и Славы. Как свадебный подарок. Они уже назначили день?

— Точно — еще нет. После его отпуска и защиты. Зимой, наверное. Собираешься приехать?

— Собираюсь вообще податься в Весло. У меня не хватит сил сражаться с новым Наблюдателем.

— Да следующим летом мода на времена Владычества и без того склоняет. — Токар хихикнул. — Попробую при-

смотреть тебе mestечко. Если ты все будешь делать так блестяще, как этого короля, то нигде не пропадешь.

— Тебе правда нравится? Я подумывал, а не посадить ли его на коня.— Боманц почувствовал прилив гордости за свое мастерство.

— Коня? Точно? Они похоронили его вместе с конем?

— С доспехами и всем прочим. Не знаю, кто хоронил теллекурре, но мародеров там не было. У меня целый ящик монет, драгоценностей и гербов.

— Монет Владычества? Вот это самый шик! Их же по большей части переплавили. Хорошо сохранившаяся монета времен Владычества стоит в пятьдесят раз больше номинала.

— Ну так оставь этого царя Имярек у меня. Я сделаю коня, а ты заберешь его в следующий раз.

— Долго тебе ждать не придется. Разгружусь и сразу назад. Кстати, где Шаб? Я хотел ему привет передать.— Токар потряс очередным кожаным пакетом.

— Слава?

— Слава. Ей бы романы писать. Она меня на бумаге разорит.

— Шаб копает. Пошли. Жасмин! Я повел Токара на раскопки.

На улице Боманц постоянно поглядывал через плечо. Комета стала такой яркой, что была видна и днем.

— Чертовски красивый будет вид, когда она достигнет пика,— предсказал он.

— Да уж наверное.

От улыбки Токара у Боманца по спине побежали мурашки. «Мерецится»,— подумал он.

Дверь лавки Шаблон открыл спиной и сбросил на пол груду оружия.

— Похоже, рудник истощился, пап. Сегодня один мусор.

Боманц отогнул медную проволоку, выпутался из каркаса, поддерживавшего конский скелет.

— Так пусть Мен-фу этим займется. В доме и без того места нет.

По лавке действительно было не пройти. Бомани мог ничего не делать годами, будь у него такое желание.

— Хорошо смотрится,— одобрил Шаблон коня, прежде чем отправиться за очередным грузом оружия из одолженной тачки.— Придется тебе показать, как взгромоздить нашего короля наверх, чтобы я смог его собрать, когда вернусь.

— Я и сам могу.

— Думал, ты остаешься.

— Может быть. Не знаю. Когда ты диссертацию-то начнешь?

— Я уже работаю. Делаю заметки. Как только соберусь, смогу записать вот так! — Шаблон щелкнул пальцами.— Не беспокойся. Времени у меня предостаточно.— Он снова вышел.

Жасмин принесла чай.

— Я думала, тут Шаб.

— На улице.— Бомани мотнул головой.

Жасмин оглянулась в поисках места для чайника и чашек.

— Надо прибрать тут все.

— Я это себе давно говорю.

Вернулся Шаблон.

— Тут хватит частей и обломков, чтобы собрать целые доспехи. Только носить их нельзя будет.

— Чая? — спросила у него мать.

— Конечно. Пап, я проходил мимо штаба — прибыл новый Наблюдатель.

— Уже?

— Тебе он понравится. Привез экипаж и три фургона с одеждой для своей любовницы. И взвод слуг.

— Что? Ха! Он сдохнет, когда Бесанд покажет ему квартиру.

Наблюдатель жил в келье, более подходившей монаху, чем самому могущественному человеку в провинции.

— Он того заслуживает.

— Ты его знаешь?

— Понаслышке. Вежливые называют его Шакал. Если бы я знал, что это он... Ну что я мог сделать? Ничего. Ему повезло, что семья отослала его сюда. Останься он в городе, его бы кто-нибудь прирезал.

- Не слишком популярен, да?
- Сам узнаешь, если останешься. Возвращайся, пап.
- У меня есть дело, Шаб.
- И надолго?
- Пара дней. Или вечность. Ты же знаешь. Я доберусь до этого имени.

— Мы могли бы попытаться сейчас, папа. Воспользоваться смятением.

— Без экспериментов, Шаб. Только уверенность. Я не желаю играть со Взятыми в кости.

Шаблон явно хотел еще поспорить, но вместо этого глотнул чаю. Потом снова вышел к тачке.

— Токар должен уже появиться,— сказал он, вернувшись.— Может, он привезет не два фургона.

Боманц хихикнул:

— Может, он не только фургоны привезет, но и сестренку?

- Да, я и об этом думал...
- Как же ты будешь диссертацию писать?
- Ну, выпадают минуты...

Боманцу протер тряпочкой драгоценность на упряжи коня мертвого царя.

— Ладно, хватит на сегодня. Пошли к раскопу.

— Сделаем крюк, поглядим на суету? — предложил Шаблон.

— Не пропущу ни за какие деньги.

Ближе к вечеру к раскопу пришел Бесанд. Боманца он застал дремлющим.

— Что такое? — спросил он.— Спим на работе?

Боманцу выпрямился:

— Ты же меня знаешь. Я только из дома вышел. Я слыхал, новенький приехал.

Бесанд плюнул:

- Не напоминай.
- Плохо?

— Хуже, чем я ожидал. Попомни мои слова, Бо,— сегодня начинается конец света. Эти дураки еще пожалеют.

— Ты уже решил, что будешь делать дальше?

— Рыбачить. Рыбачить, мать его за ногу. В самой глухой глухи. День подожду, чтоб этого типа в курс ввести, и пойду на юг.

— Я всю жизнь мечтал осесть в одном из Самоцветных городов. Никогда не видел моря. Так ты уезжаешь, да?

— Только не надо об этом с такой радостью, ладно? Ты с твоими дружками-воскресителями победил, но я-то знаю, что меня побили на чужой земле.

— Последнее время мы не слишком много спорили. Не стоит наверстывать упущенное.

— Ладно-ладно. Само собой вылетело. Извини. Это от разочарования. Все вокруг рассыпается, а я ничего не могу поделать.

— Ну, не настолько же все плохо.

— Настолько. У меня свои источники, Бо. Я же не псих-одиночка. Есть в Весле многие умные люди, которые разделяют мои страхи. Говорят, что воскресители готовят что-то. Ты еще увидишь. Если только не унесешь ноги.

— Наверное, унесу. Шаблон этого типа знает. Но я не могу уйти, пока не закончу раскопки.

Бесанд, прищурившись, глянул на приятеля.

— Бо, мне бы следовало заставить тебя все здесь убрать. Тут словно черти блевали.

Боманџ не был аккуратным работником. На сотню футов вокруг раскопа землю усеивали кости, обломки древних доспехов и прочий мусор. Жуткое зрелище. А он и не замечал.

— Да к чему мучиться? За год все зарастет. Кроме того, я не хочу, чтобы Мен-фу переработался.

— Бо, ты сама сердечность.

— Стараюсь.

— Еще увидимся.

— Ладно.

Боманџ попытался сообразить, что он сделал не так, за чем приходил Бесанд и чего не нашел. Потом пожал плечами, улегся на траву и закрыл глаза.

Женщина манила его. Никогда еще сон не был так ярок. И так удачен. Боману подошел к женщине, взял за руку, и она повела его тенистой тропинкой между деревьями. Тонкие лучики солнечного света пронзали кроны, в них плясали золотые пылинки. Женщина говорила, но слов было не разобрать. Ему было все равно. Покой.

Золото стало серебром. Серебро отлилось в громадный тупой клинок, что пробивал ночное небо, затмевая слабые звезды. Комета снижалась, снижалась... Великанское лицо женщины глянуло на него. Она кричала. Зло кричала. А он не слышал...

Комета исчезла. Полная луна скользила по усеянному алмазами небу. Тень закрыла звезды, смела Млечный Путь. Голова, разобрал Боману. Силуэт головы. Волк, глотающий луну... И тень исчезла. Снова рядом с ним была женщина, снова он шел по лесной тропе, спотыкаясь о солнечные зайчики. Она обещала ему что-то...

Он проснулся: Жасмин трясла его за плечи.

— Бо! У тебя снова кошмар. Проснись.

— Я... в порядке,— пробормотал он.— Не так и страшно.

— Не надо было тебе есть столько лука. В твоем возрасте и при твоей язве...

Боману сел, похлопал себя по животу. В последнее время язва его не беспокоила. Может, дела отвлекали его от хворей? Он спустил ноги с кровати и уставился в темноту.

— Ты что?

— Думаю спуститься к Шабу.

— Отдохнул бы.

— Чушь. В моем-то возрасте? Старикам отдых не нужен. Я не могу так тратить время.— Он нашарил ботинки.

Жасмин по привычке пробормотала что-то нехорошее. Боману не обратил внимания. Равнодушие он довел до степени искусства.

— Поосторожнее,— добавила она.

— А?

— Поберегись, говорю. Что-то не по себе мне, раз Бенсанда нет.

— Так он только утром уехал.

— Да, но...

Боманц вышел из дома, бормоча под нос что-то о суперных старухах, которые боятся любых перемен.

Путь он выбрал кружной, по временам останавливался, глядя на Комету. Удивительное зрелище. Полотнище блеска. Интересно, что может означать тот сон? Тень, пожирающая луну. Не слишком много, решил он.

На околице Боманцу услышал голоса. Он пошел потише — обычно в такой час люди по улице не бродят.

Голоса доносились из заброшенного сарая. Внутри мерцала свеча. Паломники, предположил Боманц. Он пристроился к щели, но не увидел ничего, кроме чьей-то спины. Что-то в этих сутулых плечах... Бесанд? Нет, слишком широкие. Скорее уж один из Токаровых громил...

Голосов он тоже не узнал — в сарае больше перешептывались, — но один из них был подозрительно похож на вечное нытье Мен-фу. Слова, однако, он слышал вполне отчетливо.

— Слушай, мы сделали все, что могли. Когда у мужика отбирают дом и работу, он мог бы и понять, что ему тут не место. Но ведь не уходит же!

Второй голос:

— Значит, пришло время серьезных мер.

Нытик:

— Это уже слишком.

— Трус. — Презрительное фырканье. — Я это сделаю.

Где он?

— Забрался на старую конюшню. На чердак. Устроил себе там подстилку, как старый пес в углу.

Кто-то, ворча, встал. Шаги. Боманц схватился за живот и поспешно отсеменил в тень. Дорогу пересекла сутулая фигура. Сияние Кометы отразилось от обнаженного клинка.

Боманц перебрался в тень подальше и принял думать.

Что все это значит? Убийство, само собой. Но чье? И зачем? Кто поселился в заброшенной конюшне? Палом-

ники и просто путники вечно ночевали в пустых строениях... И кто эти заговорщики?

На ум приходили разные варианты, но Боману отбросил все — слишком уж они были мрачные. Когда самообладание вернулось к нему, он побежал к раскопу.

Лампа Шаблона стояла на месте, но самого парня не было видно.

— Шаб? — Нет ответа.— Шаблон! Где ты? — Опять нет ответа.— Шаблон! — вскрикнул Боману почти панически.

— Пап, это ты?

— Где ты?

— Спу.

Боману со вздохом сел. Секундой позже вылез из кустов сын, утирая пот со лба. Странно: ночь прохладная.

— Шаб, неужели Бесанд передумал? Этим утром он вроде уехал. А я только что слышал, как несколько мужиков говоривались убить кого-то, и вроде бы его.

— Убить? Кто?

— Не знаю. Трое или четверо. Одним из них мог быть Мен-фу. Он не возвращался?

— Не знаю. Тебе не прымерещилось часом? Что ты вообще тут делаешь посреди ночи?

— Опять кошмары. Не мог заснуть. И мне не прымерещилось. Эти типы собирались убить кого-то, потому что тот не уехал.

— Это же бессмыслица, пап.

— Да мне пле... — Боману резко развернулся. Что-то зашуршало за его спиной. В круг света вышла, пошатываясь, фигура, сделала три шага и упала.

— Бесанд! Это Бесанд. А я что тебе говорил!

Грудь бывшего Наблюдателя пересекала кровавая рана.

— Я в порядке, — прошептал он. — В порядке. Просто шок. Не так страшно... как кажется.

— Что случилось?

— Пыгались меня убить. Я же говорил — скоро начнется. Говорил, что они играют по-крупному. Но в этот раз я их надул. И убийцу ихнего срезал.

— Я думал, ты уезжаешь. Я видел, как ты уходил.

— Передумал. Не могу уехать. Я клятву дал, БО. Работу у меня отняли, но не совесть же. Я должен их остановить.

Боманц посмотрел сыну в глаза. Шаблон покачал головой:

— Пап, глянь на его запястье.

Боманц посмотрел.

— Ничего не вижу.

— В том-то и дело. Амулета нет.

— Он же его сдал, когда уходил. Разве нет?

— Нет,— ответил Бесанд.— Потерял в драке. И в темноте не смог найти.— Он снова издал тот странный звук.

— Папа, он серьезно ранен. Я сбегаю в бараки.

— Шаб,— выдохнул Бесанд,— только ему не говори.

Скажи капитану Хрипку.

— Ладно.— Шаблон умчался.

Свет Кометы наполнял ночь призраками. Курганье, казалось, корчится и ползет. Тени проскальзывали среди кустов. Боманц поежился и попытался убедить себя, что это лишь игра воображения.

Близилось утро. Бесанд вышел из шока и теперь прихлебывал присланный Жасмин супчик. Пришел капитан Хрипок, доложил результаты расследования.

— Ничего не нашел, сударь. Ни тела, ни амулета. Даже следов драки нет. Словно и не было ничего.

— Ну не сам же я себя порезал!

Боманц призадумался. Если бы он не подслушал заговорщиков, то просто не поверил бы Бесанду. Этот человек способен организовать покушение на себя, чтобы вызвать сочувствие.

— Я вам верю, сударь. Я только рассказываю, что нашел.

— Они потеряли свой лучший шанс. Теперь мы предупреждены. Будьте внимательны.

— И не забывайте, кто ваш новый начальник,— встремля Боманц.— Не наступайте ему на мозоли.

— Этот недоумок. Сделай что можешь, Хрипок. И не шарь вокруг курганов.

— Слушаюсь.— Капитан отбыл.

— Возвращайся домой, пап,— предложил Шаблон.— Ты весь серый.

Боманц поднялся.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Отлично,— ответил Бесанд.— Не беспокойся обо мне. Солнце-то встало. Эти твари на дневном свету ни на что не годятся.

«Не слишком на это рассчитывай,— подумал Боманц.— Если это истинные почитатели Властелина, они и ясный полдень могут превратить в ночь».

— Я тут думал этой ночью, пап,— произнес Шаблон, как только они отошли.— До начала заварушки. О твоей проблеме с прозваниями. И меня осенило. Есть в Весле такой старый камень — здоровый, с рунами и резьбой. Черт знает, сколько он там стоит. Никто не помнит, кто егоставил или зачем. Всем наплевать.

— Ну и?

— Давай покажу, что на нем нарисовано.— Шаблон подобрал веточку, расчистил клочок земли, начал рисовать.— На верхушке — неровная звезда в круге. Потом несколько строк — руны, которые никто прочитать не может. Их я не помню. Потом картинки.— Он поспешно чертил линии.

— Довольно грубо.

— Они такие и есть. Но посмотри. Вот этот. Человечек со сломанной ногой. Здесь. Червь? Тут — человек поверх контура зверя. Тут — человек с молнией. Понимаешь? Хромой. Крадущийся в Ночи. Меняющийся Облик. Зовущая Бурю.

— Может быть. А может быть, ты торопишься с выводами.

— Пускай.— Шаблон продолжал рисовать.— Вот так они расположены на камне. Четверо, кого я назвал. В том же порядке, что у тебя на карте. Смотри сюда. На твоих пустых местах. Это могут быть те Взятые, чьи могилы мы еще не определили.— Он указал на пустой кружок, человечка со склоненной набок головой, голову зверя с крутом во рту.

— Позиции сходятся,— признал Боманц.

— И?

— Что «и»?

— Папа, ты прикидываешься идиотом. Круг — это может быть ноль. А может быть знак прозывавшегося Безлиkiem или Безымянным. Этот — Повешенный. А тут — Луногрыз, или Лунный Пес?

— Вижу, Шаб. Но я не уверен, что хочу видеть.— Он рассказал Шаблону свой сон — огромная волчья пасть, заглатывающая луну.

— Вот видишь! — сказал Шаблон.— Тебе собственное сознание подсказывает. Проверь свидетельства. И посмотри, все ли сходится.

— Не стоит.

— Почему?

— А я их наизусть помню. Сходится.

— Так в чем дело?

— Я уже не уверен, что хочу это сделать..

— Папа... Папа, если не ты, то я это сделаю. Я не позволю тебе выбросить зря тридцать семь лет. Что изменилось? Ты отдал почти все, чтобы попасть сюда. Неужели ты можешь все это просто списать?

— Я привык к такой жизни. Меня она не тяготит.

— Папа... Я ведь встречался с твоими знакомыми по прежней жизни. Все они говорят, что ты мог бы стать великим волшебником. Они изумлялись, что с тобой произошло. Они знают, что у тебя был какой-то тайный великий план и ты отправился исполнять его. Они думают, что ты мертв, потому что иначе о человеке твоих способностей было бы известно. И теперь я начинаю подумывать, что они правы.

Боману вздохнул. Шаблон никогда не поймет его. Пока не постареет в тени виселицы.

— Я серьезно, пап. Я сделаю это.

— Нет, не сделаешь. Тебе не хватит ни знаний, ни мастерства. Я сделаю это сам. Так, наверное, предрешено.

— Пошли!

— Не торопись ты так. Не на посиделки собираешься. Это опасно. Мне нужен отдых и время, чтобы прийти в соответствующее состояние. Собрать оборудование, приготовить сцену.

- Пап...
- Шаблон, кто тут специалист? Кто этим займется — ты или я?
- Ты, наверное.
- Тогда заткнись. И держи рот на замке. Самое раннее — завтра ночью. Если твое расположение прозваний меня удовлетворит.
- Шаблон глянул на него обиженно и нетерпеливо.
- В чем дело? Что у тебя за спешка?
- Я просто... Я думаю, что вместе с Токаром приедет Слава. Я хотел, чтобы она приехала уже к завершению.
- Боманц в отчаянии заломил брови.
- Пошли домой. Я с ног ваюсь.— Он обернулся. Бесанд, напрягшись от ярости, глядел в сторону Курганья.— И держи его от меня подальше.
- Пару дней ему будет просто не встать.
- Чуть позже Боманц пробормотал:
- Что это все может значить? Неужели и вправду воскресители?
- Воскресители — это миф, на котором наживается Бесандова банда,— ответил Шаблон.
- Боманц вспомнил некоторых своих университетских знакомых.
- Не будь так в этом уверен.
- Дома Шаблон сразу пошел на чердак — изучать карту. Боманц перекусил и, прежде чем лечь, сказал Жасмин:
- Приглядывай за Шаблом. Что-то он странно себя ведет.
- Странно? Это как?
- Не знаю. Просто странно. Слишком его Курганье интересует. Не давай ему отыскать мои вещи. Он может попытаться сам открыть путь.
- Он не станет.
- Я уж надеюсь... но все же приглядывай за ним.

Глава 15

Курганье

Услыхав, что Грай вернулся, Кожух немедля побежал к старику домой. Грай обнял его.

— Как поживаешь, парень?

— Мы уж думали, что ты сгинул.— Грай не было дома восемь месяцев.

— Пытался вернуться, но тут у вас дорог совсем не осталось.

— Знаю. Полковник попросил Взятых сбрасывать припасы с ковра-самолета.

— Слыкал. Военный губернатор в Весле на дыбы встал, как это услышал. Целый полк отправил на строительство новой дороги. Уже на третью сделана. Я по ней сюда и шел.

Кожух посеръезнел.

— Это действительно была твоя дочь?

— Нет,— ответил Грай.

Уходя, он заявил, что хочет встретиться с женщиной, назвавшейся его дочерью. Он заявил, что отдаст все свои сбережения человеку, который найдет его детей и приведет в Весло.

— Ты, кажется, разочарован.

Так оно и есть. Исследования не дали почти ничего.

Слишком многих летописей не хватает.

— Как перезимовали, Кожух?

— Плохо.

— Там, внизу, тоже было не лучше. Я за вас беспокоился.

— У нас с племенами были неприятности. Самое худшее из всего. Знаешь, всегда можно сидеть в доме, припеврев дверь бревном. Но когда воры забрались в твой погреб, есть уже нечего.

— Я так и думал, что до этого дойдет.

— Мы присматривали за твоим домом. Лесовики разграбили пару пустующих.

— Спасибо.— Глаза Грая сузились. Чужие в его доме? Насколько внимательно они смотрели? Если хорошо поискать, можно найти достаточно, чтобы повесить его.

Грай выглянул из окна:

— Кажется, дождь идет.

— Да тут всегда дождь идет, кроме тех дней, когда идет снег. Зимой на двенадцать футов насыпало. Люди волнуются. Что с погодой случилось?

— Старики рассказывают, что после Великой Кометы всегда так — пара очень суровых зим. В Весле таких холодов не было, но снегопадов — изрядно.

— Сильных морозов и у нас не бывало. Только снегу так навалило, что из дома не выйти. Я чуть с ума не сошел. Курганье — ровно озеро замерзшее. Даже Великого кургана не видать.

— Да? Ну мне еще мешок разобрать надо. Так что давай-ка расскажи всем, что я вернулся. Все деньги порастратил. И работа мне нужна срочно.

— Ладно, Грай.

Грай смотрел из окна, как Кожух бредет к казармам стражников по настилу,енному уже после отъезда Грая. Понятно, почему положенному, — под настилом хлюпала грязь. Кроме того, полковник Сироп не позволял своим людям бездельничать. Когда Кожух исчез из виду, Грай поднялся на второй этаж.

Ничего не тронуто. Отлично. Он глянул в окошко на Курганье.

Как оно изменилось за какую-то пару лет. Еще немногого, и его вовсе будет не разглядеть.

Грай фыркнул, приглядевшись внимательнее. Потом вытащил из тайника шелковую карту, посмотрел на нее, потом снова на Курганье. Затем выудил из-за пазухи намокшие от пота бумаги, те, что таскал с собой с того момента, как украл их из университета в Весле, разложил их поверх карты.

Ближе к вечеру он встал из-за стола, накинул плащ и, взяв палку, на которую теперь опирался, вышел. Ковыляя по грязи, лужам и слякоти, он добрался до холма над Великой Скорбной рекой.

Река, как всегда, разлилась. Русло ее продолжало петлять. Через некоторое время Грай выругался, врезал тростью по старому дубу и повернулся к дому.

Спустились серые сумерки. До темноты он домой не успеет.

— Черт, как же все сложно,— пробормотал Грай.— Я никогда на это не рассчитывал. Что же мне теперь делать?

Рискнуть. Сделать шаг, которого он стремился по возможности избежать, хотя именно в предчувствии его и зимовал в Весле.

В первый раз за многие годы Грай подумал, а стоит ли игра свеч.

Но что бы он ни решил, до темноты ему домой не успеть.

Глава 16 Равнина Страха

Если с перепугу накричать на Душечку, можно много чего пропустить. Ильмо, Одноглазый, Гоблин, Масло — вся компания обожает меня подкалывать. И посвящать меня в подробности они не собирались, нет! Привлекли к этому делу всех — даже Следопыт, который, кажется, очень привязался ко мне и болтал со мной больше всех остальных, вместе взятых, не обмолвился словом. Так что назначенный день я встретил в торжествующем невежестве.

Я собрал полную боевую выкладку. Мы вообще-то, согласно традиции, тяжелая пехота, хотя в последнее время больше ездим верхом. Большинство из нас слишком стары, чтобы таскать восемьдесят фунтов баракла на горбу. Я отволок свои сумы в пещеру, которая служит у нас конюшней и воняет, как прабабушка всех хлевов, — и не нашел там ни одного оседланного коня. Впрочем, кроме коня Душечки.

Мальчишка-конюший только ухмыльнулся, когда я спросил его, что творится.

— Поднимайтесь наверх, — посоветовал он. — Сударь.

— Да? Ублюдки вонючие. Я им покажу, как в игрушки со мной играть. Я им напомню, кто тут ведет Анналы.

Я матерился и стенал, пока не выбрался в сплетение слабых лунных теней вокруг входа в туннель. Там собра-

лась остальная банда — с облегченной выкладкой. У каждого только оружие и мешок сущеной жратвы.

— Ты куда собрался, Костоправ? — осведомился Одноглазый, с трудом сдерживая смех. — Ты, похоже, все свое барахло в мешок увязал. В черепаху превращаешься? Носишь домик на спине?

— Мы не переезжать собирались. — Это Ильмо. — Просто отправляемся в налет.

— Да вы просто банда садистов!

Я вышел в полосу тусклого света. Луна через полчаса должна была сесть. Вдалеке плыли в ночи Взятые. Эти сукины дети серьезно относились к своему дозору. А чуть поближе к нам собралась целая толпа менгиров. Их было столько, что равнина походила на пустынное кладбище. И бродячих деревьев немало.

Больше того — несмотря на полный штиль, я слышал звон Праотца-Дерева. Это явно что-то значило. Менгир мог бы объяснить мне, но эти каменюги очень молчаливы, когда дело касается их самих и их братьев по разуму. Особенно Праотца-Дерева. Многие из них даже не признаются, что он существует.

— Лучше разгрузись, Костоправ, — приказал Лейтенант, но объяснять тоже ничего не стал.

— И ты с нами? — удивленно спросил я его.

— Ага. Пошевеливайся. Времени у нас немного. Оставь только оружие и аптечку. И быстрее — одна нога здесь, другая там.

Спускаясь, я столкнулся с Душечкой. Она улыбнулась. Как я ни был зол, а все же улыбнулся в ответ. Не могу на нее злиться. Я ведь ее знаю с той поры, как она была во-от такусенькая. Когда Ворон спас ее от головорезов Хромого в Форсбергской кампании. И я не могу смотреть на эту женщину, не видя в ней того ребенка. Сентиментален я становился и мягок.

Поговаривают, что я страдаю романтическим параличом мысли. Вспоминая прошлое, я почти готов с этим согласиться. Все эти глупости, что я писал о Госпоже...

Когда я вернулся наверх, луна касалась горизонта. По толпе гулел возбужденный шепоток. Была там и Душечка

на своей белой кобыле, гарцевавшая вокруг и объяснявшаяся с теми, кто понимал язык знаков. А в небе плыли невиданно низко сияющие пятна, какие встречаются только на шупальцах летающих китов. Такое бывает только в страшных рассказах об изголодавшихся китах, которые спускают шупальца до самой земли и пожирают каждое растение и животное на своем пути. — Эй! — окликнул я наших. — Посторожнее там! Этот ублюдок снижается.

Огромная тень затмевала тысячи звезд. И расползлась. Вокруг нее вились манты. Большие, маленькие, средние — столько их я никогда не видел.

Мой оклик вызвал только смех. Я снова помрачнел и принялся обходить ударную группу, изводя товарищей проверкой наличия обязательных пакетов первой помощи. К концу обхода я почувствовал себя намного лучше — пакеты были у всех.

Летучий кит спускался.

Луна села, и в тот же миг менгиры начали двигаться. И светиться — той стороной, что повернута к нам и не видна Взятым.

Душечка проехала по отмеченной менгирами дороге. Когда она проезжала мимо менгира, тот гас и, как я полагаю, передвигался к дальнему концу шеренги.

Времени проверять у меня не было. Ильмо и Лейтенант построили нас в колонну. Ночь над нашими головами наполняли хлопанье крыльев и писк теснящихся в воздухе мант.

Летучий кит оседдал ручей.

Мой бог, он был огромен. Огромен! Я и не подозревал... Он на пару сотен ярдов уходил в кораллы на дальней стороне ручья. А всего в нем было четыре-пять сотен ярдов. И в ширину от семидесяти до сотни.

Менгири сказал что-то, но я не разобрал слов. Колонна двинулась вперед.

Через минуту мои худшие подозрения подтвердились. Мы карабкались по огромному боку на спину кита, туда, где обычно сидят манты.

Кит пах, и сильно. Запах этот не походил ни на что мне знакомое. Мощный запах, можно сказать. Не то что-

бы неприятный, но очень сильный. И спина кита... странная на ощупь. Не мохнатая, не чешуйчатая, не роговая. Не слизистая по-настоящему, но гладкая и упругая, точно переполненная кишк. Ухватиться было за что. Наши башмаки и пальцы не беспокоили зверя.

Менгир ворчал, как старый сержант, одновременно передавая приказы и китовые жалобы. У меня создалось впечатление, что летучий кит был от природы брюзглив и процедура нравилась ему не больше, чем мне. Не могу его за это винить.

Наверху нас ждали неуклюже взгромоздившиеся на китовую спину другие менгиры. Когда я поднялся, менгир отправил меня к одному из своих собратьев, а тот указал, где сесть. Через пару минут к нам присоединились последние ребята.

Менгиры исчезли.

Мне стало нехорошо. Поначалу я подумал, что это оттого, что кит поднимается; когда я летал с Госпожой, Шепот или Душеловом, мой желудок протестовал постоянно. Но эта болезнь была иного рода...

Безмагия Душечки слабела. Она так долго была со мной, что стала частью моей жизни...

В чем дело?

Мы поднимались. Я чувствовал, как меняется ветер. Торжественно вращались звезды. И — внезапно — весь север вспыхнул.

Манты атаковали Взятых. Вся стая. Удар был неожиданным, хотя Взятые не могли не ощущать их присутствия. Но манты поступили не так, как я предполагал...

«О черт,— подумал я,— они загоняют их в нашу сторону...»

Я усмехнулся. Не к нам. К Душечке и ее безмагии, в довушку.

В ту же секунду я увидел вспышку бесплодного колдовства, увидел, как кренится и уходит к земле ковер. За ним устремилась стая мант.

Может, Душечка не так поглупела, как мне казалось. Может, от этих Взятых мы и отделаемся. И то утешение, даже если все остальное провалится с треском.

Но мы-то чем занимаемся? Вспышка молнии осветила моих спутников. Ближе всех ко мне сидели Следопыт и пес Жабодав. Следопыт, похоже, скучал, но пес Жабодав насторожился небывало. Он сидел, обозревая пейзаж. До толе я видел его сидящим только за едой.

Пес высунул язык. Тяжело дышал. Будь он человеком, я сказал бы — ухмылялся.

Второй Взятый попытался показать мантам свою силу. Но его превосходили числом. А Душечка внизу двигалась. Взятый неожиданно вошел в безмагию. И рухнул. За ним устремились манты.

Падение, конечно, Взятые переживут. Но окажутся они при этом в самом центре настороженной равнины. И вряд ли оттуда выберутся.

Летучий кит поднялся уже на пару тысяч футов и двигался на северо-восток, набирая скорость. Сколько до ближайшего ко Рже края равнины? Миль двести? Отлично. До рассвета мы, может быть, и доберемся туда. Но как насчет последних тридцати миль, за пределами равнины?

Следопыт запел — поначалу тихо. Песня была старая. Солдаты северных стран пели ее уже много поколений. То был гимн, предсмертная песнь в память о готовых пасть. Я слышал, как в Форсберге ее пели обе стороны. Потом песню подхватил новый голос. И еще один, и еще. Из сорока солдат ее знали человек пятнадцать.

Летучий кит мчался на север. Далеко-далеко внизу проплыvalа невидимая равнина Страха.

Хотя наверху было прохладно, меня прошиб пот.

Глава 17

Ржа

Первый раз я ошибся, подумав, что Хромой будет дома, когда мы нанесем ему визит. На это намекал и Душечкин маневр со Взятыми. Мне следовало бы припомнить, что Взятые способны связываться друг с другом на расстоянии — разум к разуму. Хромой и Благодетель промелькнули мимо нас, когда мы мчались на север.

— Ложись! — взвизгнул Гоблин, когда до окраины равнины оставалось миль пятьдесят. — Взятые! Всем лежать.

Старый Костоправ, как всегда, посчитал, что для него закон не писан. Все ради Анналов. Я подполз поближе к боку нашего ездового чудовища, глянув в ночь. Чуть ниже и позади нас в ночи неслись две тени. Когда они скрылись, я получил хороший выговор от Ильмо, Лейтенанта, Гоблина, Одноглазого и всех, кто удосужился открыть рот. Я вновь сел рядом со Следопытом. Тот ухмыльнулся и промолчал.

Чем ближе к бою, тем живее он становился.

Второй раз я ошибся, полагая, что летучий кит высадит нас на краю равнины. Когда мы приблизились к границе, я снова поднялся, игнорируя ехидные реплики в свой адрес. Но кит не опускался. И не садился еще довольно долго. Вновь усевшись на свое место, я начал тихонько бредить.

Следопыт открыл свой дотоле таинственный сундучок. Там содержался небольшой арсенал. Следопыт проверил клинки. Один длинный нож его не удовлетворил, и Следопыт взялся за точильный камень.

Сколько раз так же поступал Ворон в тот краткий год, что он провел с Отрядом?

Кит сел внезапно. Ильмо и Лейтенант передали приказ: слезать быстро.

— Держись за мной, Костоправ, — бросил Ильмо. — И ты, Следопыт. Одноглазый, есть там, внизу, что-нибудь?

— Нет. У Гоблина сонное заклятие наготове. Когда мы спустимся, их часовые будут дрыхнуть.

— Если не проснутся и не поднимут тревогу, — пробурчал я. Черт, ну почему я такой пессимист?

Никаких проблем. Мы сели. Солдаты покатились с китовых боков и рассыпались, точно на параде. Может, пока я дулся, они тренировались?

— А я мог делать только то, что приказал Ильмо.

Поначалу мне это все напомнило другой налет — давным-давно, к югу от моря Мук, прежде чем мы нанялись на службу к Госпоже. Мы вырезали городские когорты Самоцветного города Берилла, пока те хрюпали под чарами наших колдунов.

Не скажу, чтобы мне нравилась такая работа. Большая часть этих парней — мальчишки, записавшиеся на службу, чтобы избежать худшей участи. Но они были врагами, а мы делали широкий жест. Более широкий, чем я мог ожидать от Душечки.

Небо начало светлеть. Этой ночи не пережил ни один из солдат гарнизона, кроме разве что пары самовольщиков. С главного плаца казарм, расположавшихся далеко за городской чертой, доносились крики Ильмо и Лейтенанта: «Быстро, быстро, дел по горло. Этот взвод — сломать звезды Взятых. Этот — разграбить местный штаб. Еще один — приготовить казармы к поджогу. И еще один — обыскать личные покой Хромого на предмет документов. Быстро, быстро. Закончить надо, пока Взятые не вернулись. Душечка не может их вечно за нос водить».

Кто-то, естественно, лопухнулся. Так всегда бывает. Слишком рано подпалил бараки. Поднялся дым.

В самой Рже, как мы тут же выяснили, стоял еще один полк. Через минуту к нам уже скакал конный эскадрон. И опять кто-то лопухнулся. Ворота были не заперты. Всадники навалились на нас почти без предупреждения.

Кричали люди. Звенели клинки. Летели стрелы. Ржали кони. Солдаты Госпожи откатились, оставив половину своих.

Вот теперь Ильмо и Лейтенант действительно заторопились. Всадники вернутся с подмогой.

Покуда мы расшивыривали противников, летучий кит взлетел. Забраться на него успело с подюжины солдат. Кит поднялся над крышами и направился на юг. В сумерках его никто не заметил.

Можете представить, сколько шума и ругани последовало за этим. Даже пес Жабодав нашел в себе силы зарычать. Я обмяк, чувствуя наше поражение, пристроился на коновязи и помотал головой. Несколько человек пустили стрелы вслед киту. Тот даже не заметил.

Рядом со мной оперся на коновязь Следопыт.

— Кто мог знать, что такая здоровая тварь струсит, — проворчал я.

Я хочу сказать, летучий кит город может снести.

— Не приписывай свои мотивы существу, которого не понимаешь. Посмотри с его точки зрения.

— Ну и?

— Даже не зрения... Слова не подберу. — Он напоминал мне четырехлетнего малыша, сражающегося с трудным понятием. — Он на чужой земле. За границами, которые, как полагают враги, удерживают его. Он бежал из страха, что его заметят и раскроют его тайну. Он никогда не сотрудничал с людьми. Куда ж ему вспомнить о них в отчаянную минуту?

Возможно, он был прав. Но в тот момент он интересовал меня куда больше его теории. Теорию я и сам придумал бы, посидев немного. Но у него эта мысль выглядела необычайно сложной и важной.

Я призадумался о его рассудке. А не полудурок ли он? Может, его вороноподобное поведение — продукт не индивидуальности, а скудоумия?

Лейтенант стоял на плацу, уперев руки в бедра, и смотрел, как уплывает летучий кит, оставляя нас в руках врага.

— Офицеры! — гаркнул он через минуту. — Собраться!

— Нам конец, — заявил он, когда мы собирались. — Я вижу только один шанс. Если этот ублюдок здоровый свяжется с менгирами, когда вернется, а те решат, что нас стоит спасать. Так что нам надо продержаться до заката. И надеяться.

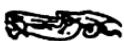
— А по-моему, пора ноги уносить. — Одноглазый издал непристойный звук.

— Да? Чтобы имперцы нас высledили? Сколько нам до дома добираться? Сможешь ты дойти, если Хромой и его парни повиснут у нас на хвосте?

— Они и здесь нам будут головы откручивать.

— Возможно. А возможно, мы им сами все пооткручиваем. По крайней мере, здесь они нас сразу найдут. Ильмо, осмотри стены. Прикинь, сможем ли мы их сдержать. Гоблин, Молчун, погасите огонь. Остальным — собрать документы Взятых. Ильмо! Карапузы расставь. Одноглазый — ты выясни, как мы можем получить помощь из Ржи. Костоправ, помоги ему. Ты знаешь, кто у нас тут есть. Давайтешевелитесь!

Хороший солдат — Лейтенант. Он сохраняет спокойствие, даже когда ему, как и нам всем, хочется бегать кругами и ворить.

На самом деле у нас не было ни одного шанса. Нам пришел конец. Даже если мы сдержим городские войска, остаются Благодетель и Хромой. Гоблин, Одноглазый и Молчун против них не подмога. Лейтенант это тоже знал. Поэтому-то и разделил колдунов — чтобы думали поменьше.

Унять огонь мы не смогли. Баракам пришлось дать выгореть дотла. Пока я оказывал помощь двоим раненым, остальные приводили гарнизон в пригодное для защиты состояние. Покончив с лекарскими делами, я проглядел бумаги Хромого, но ничего интересного не нашел.

— Сотня солдат идет к нам из Ржи! — закричал дозорный.

— Делаем вид, что никого нет! — рявкнул Лейтенант. Солдаты закопошились, выполняя приказ.

Я глянул со стены на кустарник к северу от нас. Там полз к городу Одноглазый, надеясь связаться с кем-нибудь из друзей Шпагата.

Даже после трех великих осад, опустошивших город, и долгих лет оккупации Ржа оставалась непоколебима в своей ненависти к Господу.

Имперцы попались предусмотрительные. Они послали к стене разведчиков. Выслали вперед небольшой отряд, открывший огонь. И только через час осторожных маневров они вошли в полуоткрытые ворота.

Прежде чем опустить решетку, Лейтенант впустил пятнадцать человек, тут же полегших под ливнем стрел. Потом мы кинулись на стену и принялись стрелять в тех, кто остался снаружи. Упала еще дюжина. Остальные отступили за пределы досягаемости. Там они кружили, ругались и решали, что же делать дальше.

Все это время Следопыт оставался рядом со мной. Он выпустил только четыре стрелы. И каждая пробила насквозь вражеского солдата. Может, он и не мудрец, но с луком обходиться умеет.

— Будь у них ума побольше, — пояснил я ему, — они выставили бы кордон и стали бы ждать Хромого.

Нет смысла гибнуть, если он с нами расправится без труда.

Следопыт хмыкнул. Пес Жабодав приоткрыл один глаз и что-то басисто проворчал. Неподалеку сидели на корточках Гоблин с Молчуном, переговаривались, по временам выглядывая из-за парапета. Думаю, строили планы.

Следопыт встал, снова хмыкнул. Я глянул сам. Из Ржи выходили новые подразделения. Несколько сот человек.

В течение часа ничего не происходило — только прибывали войска. Нас окружали.

Гоблин и Молчун принялись колдовать. Их чары приняли облик тучи мошкеры. Откуда мошки появлялись, я не разобрал, — просто кружили вокруг наших колдунов. Потом, когда их набралось с тысячу, улетели.

За стеной некоторое время раздавались дикие вопли. Когда крики стихли, я подошел к помрачневшему Гоблину и спросил:

— Что случилось?

— У кого-то из них есть талант, — пропищал колдун. —

Почти нам ровня.

— У нас неприятности?

— Неприятности? У нас? Да мы их надрали, Костоправ. В хвост и в гриву. Только они этого еще не знают.

— Я имел в виду...

— Он не ответит. Не хочет себя выдавать. Нас-то двое, а он один.

Имперцы принялись собирать пушки. Гарнизон не строился с расчетом на бомбардировку.

Время шло. Солнце ползло по небу. Мы все смотрели вверх. Когда же прилетит на ковре-самолете наша погибель?

Лейтенант, уверенный, что имперцы не станут нападать немедленно, послал нескольких человек перенести все награбленное на плац, подготовить к погрузке на кита. Верил Лейтенант сам в это или нет, но он упорно обещал, что нас вывезут после заката. Той возможности, что первыми прилетят Взятые, он даже не рассматривал.

Боевой дух он поддерживал прекрасно.

Первый снаряд прилетел через час после полудня. Огненный шар шлепнулся оземь в двадцати футах от стены. Следующий перелетел через стену и приземлился на плацу, шипя и разбрасывая искры.

— Хотят нас выкурить,— пробормотал я Следопыту.

Прилетел третий снаряд и радостно заполыхал — тоже на плацу.

Следопыт и пес Жабодав встали и глянули через парапет — псу для этого понадобилось подняться на задние лапы. Потом Следопыт сел, открыл свой ящик, вытащил оттуда полдюжины очень длинных стрел. Затем снова встал, глянул на команды пушкарей, положил стрелу на тетиву.

Даже из собственного лука я дострелил бы до пушек. Но я мог бы пускать стрелы хоть весь день и не попасть.

Следопыт так сосредоточился, что почти впал в транс. Он поднял лук, натянул тетиву до уха и отпустил.

Вопль раскатился по склону. Артиллеристы собирались вокруг одного из своих товарищей.

Следопыт пускал стрелы быстро и ловко. Мне показалось, что он выпускает их чуть ли не по четыре за раз. И каждая находила цель.

Потом он сел.

— Все.

— Что-что?

— Стрел больше нет хороших.

— Может, этого хватит, чтобы их отпугнуть.

Хватило. Но недолго. Ровно настолько, чтобы отступить и вернуться со щитами. Потом снаряды посыпались снова. Один из них попал в здание. Жар гладил кожу.

Лейтенант непрерывно прохаживался по стене. Я присоединился к его молчаливой молитве — только бы имперцы с перепугу не кинулись на штурм. Потому что остановить их мы не сможем.

Глава 18 Осада

Солнце садилось. Мы были еще живы. Ковры Взятых пока не пикировали на нас со стороны равнины. Мы начинали верить, что еще есть шанс.

Кто-то заколотил в ворота, да так громко, словно гремели молоты рока.

— Впустите, мать вашу за ногу! — послышался вопль Одноглазого.

Кто-то сбежал вниз и отпер ему. Одноглазый взобрался на стену.

— Ну? — осведомился Гоблин.

— Не знаю. Слишком много имперцев. Слишком мало мятежников. Хотят все обдумать.

— Как ты добрался? — спросил я.

— Пешком! — рявкнул Одноглазый и добавил помягче: — Тайна ремесла, Костоправ.

Колдовство. Ну конечно.

Лейтенант остановился, чтобы выслушать доклад Одноглазого, потом возобновил свое хождение. Я наблюдал за войсками противника. По всем признакам, они теряли терпение.

Одноглазый подтвердил мое подозрение фактами, потому что они с Гоблином и Молчуном тут же сели разрабатывать план атаки.

Я не совсем понял, что они сотворили. Не мошек, но результат оказался примерно тот же. Быстро стихающие дикие вопли. Но теперь на нас работали трое шаманов. Третий следил за имперцем, нейтрализовавшим заклятие.

В сторону города кинулся горящий человек. Гоблин с Одноглазым победно взывали. И двух минут не прошло, как взорвалась пушка. Потом еще одна.

Я внимательно наблюдал за нашими колдунами. Молчун вел себя по-деловому, но Гоблина и Одноглазого понесло. Они веселились вовсю. Я испугался, что они зайдут слишком далеко и имперцы начнут штурм в надежде смести нас.

Атака действительно началась, но позже, чем я ожидал. Противник дождался ночи. И даже тогда они вели себя осторожнее, чем следовало.

А пока над полуразваленными стенами Ржи заклубился дымок. Миссия Одноглазого увенчалась успехом. Кто-то за что-то взялся. Часть войск Госпожи снялась с места и поспешила в город.

— Думаю, мы скоро узнаем, прав ли Лейтенант,— сказал я Следопыту, когда на небе простили звезды.

Он только брови удивленно поднял.

Запели рога. Войска двинулись на приступ. Мы со Следопытом взялись за луки, пытаясь прицелиться почти в полной темноте, при свете тонкого месяца.

— А какая она, Костоправ? — спросил он из пустоты.

— Что? Кто? — Я спустил тетиву.

— Госпожа. Говорят, ты с ней встречался.

— Да. Давно.

— Ну и какая она? — Следопыт пустил стрелу. Звону тетивы отклинулся чей-то крик. Следопыт казался совершенно спокойным. Точно не он мог умереть через пару минут. Это меня тревожило.

— Такая, как ты и ожидаешь,— ответил я. А что еще можно сказать? От той нашей встречи у меня остались только смутные воспоминания.— Жестокая и прекрасная.

Ответ его не удовлетворил. Он никого не удовлетворяет. Но это лучший ответ, какой я могу дать.

— Как она выглядит?

— Не знаю, Следопыт. Я перепугался до чертиков. И она что-то сотворила с моим рассудком. Я видел молодую красивую женщину. Но таких везде полно.

Звякнула тетива его лука, ответил еще один вопль. Следопыт покал плечами.

* — Просто интересно.

Он начал стрелять быстрее. Имперцы подошли совсем близко.

. Я готов поклясться, что он ни разу не промахнулся. Я пускал стрелы туда, где мне что-то мерещилось, а он... Глаза у него как у совы. Я не видел ничего, кроме теней на фоне теней.

Гоблин, Одноглазый и Молчун делали что могли. Их колдовство испепчило поле боя краткими вспышками огня и всплями. Но они сделали слишком мало. Лестницы ударялись о стену. Большая часть отскакивала, но по нескольким уже карабкались люди. Потом прибавилась еще дюжина лестниц. Я выпустил в темноту все стрелы почти наугад, так быстро, как мог, и вытащил меч.

Так же поступили и остальные.

— Вот он! — вскричал Лейтенант.

Я бросил взгляд в небо. Да. Огромная тень затмила звезды. Она снижалась. Лейтенант оказался прав.

Теперь осталось только залезть на кита.

Некоторые из молодых солдат кинулись на плац. Проклятия Лейтенанта их не остановили. Как и угрозы и крики Ильмо. Лейтенант приказал остальным следовать за бегущими.

Гоблин и Одноглазый сотворили что-то особенно мерзкое. На мгновение мне показалось, что они призвали какого-то злобного демона. Выглядело это прежутко. Имперцев оно задержало. Но, как и в большей части их магии, материального в их творении было немного — больше для отвода глаз. Враг вскоре это понял.

Но мы получили передышку. И достигли плаца, прежде чем имперцы опомнились. Те взревели, думая, что наконец-то поймали нас.

Я метнулся к опускающемуся летучему киту, попытавшись взобраться ему на спину. Молчун дернул меня за рукав и показал на разбросанные бумаги.

— О черт! Не время!

Пока я раздумывал, кто-то уже вскарабкался на кита. Я закинул наверх лук и меч и принялся подавать связки бумаг Молчуну, который перебрасывал их кому-то на спине кита.

На нас бросился взвод имперцев. Я кинулся было к брошенному мечу, понял, что не успею, подумал: «О черт... не здесь, не сейчас...»

Дорогу им заступил Следопыт. Словно вышел из легенды. Он убил троих в мгновение ока и ранил еще троих, прежде чем имперцы наконец решили, что встретились с

явлением сверхъестественным. Несмотря на численное превосходство врага, Следопыт кинулся на них. Никогда я не видел, чтобы мечом владели с таким искусством, умением, легкостью и изяществом. Меч был частью его тела и продолжением мысли. Не устоял никто. На мгновение я поверил в старые легенды о волшебных мечах.

Молчун пнул меня в зад, показал: «Кончай плятиться, шевелись». Я щвырнул последние два тюка и начал карабкаться на спину чудовища.

К противникам Следопыта прибыло подкрепление. Он отступил. Сверху кто-то пустил несколько стрел. Но я не думал, что Следопыт прорвется. Я пнул карабкавшегося за ним имперца. На его месте появился другой, бросился на меня...

Из ниоткуда возник пес Жабодав. Он сомкнул челюсти на горле нападавшего, и тот булькнулся, словно не дворняга в него вцепилась, а бульдог. Не продержался и секунды.

Пес Жабодав рухнул вместе с ним. Я вскарабкался на несколько футов, стараясь прикрывать Следопыту спину. Тот подтянулся, я схватил его за руку и втянул наверх.

В темноте нестройно загомонили, заверещали имперцы. Полагаю, это Гоблин, Молчун и Одноглазый отрабатывали свой хлеб.

Следопыт прополз мимо меня, уцепился покрепче, помог мне. Я вскарабкался еще на пару футов, глянул вниз.

До земли было футов пятнадцать. Кит быстро поднимался в небо. Имперцы, разинув рты, стояли на плацу. Я пробрался наверх.

Я глянул вниз еще раз — когда кто-то поднял меня повыше. Под нами — в нескольких сотнях футов — полыхали пожары во Рже. Поднимались мы быстро. Не удивительно, что у меня мерзли руки.

Но не от холода я дрожкал, опустившись на спину кита.

— Есть раненые? — спросил я, оправившись немножко от страха. — И где моя аптечка?

— И где Взятые? Как это мы провели день без нашего драгоценного врага Хромого?

На обратном пути я видел больше, чем по дороге на север. Я ощущал под собой жизнь, гул и рокот внутри ле-

тучного зверя. Я видел, как выглядывают детеныши мант из гнезд, скрытых между отростками, покрывающими частью китовую спину. И в лунном свете я по-иному увидел равнину.

Это был иной мир, казавшийся то хрустальным, то сияющим, то сверкающим и блестящим. На западе виднелось нечто похожее на лавовые озера. За ними горизонт озаряли вспышки и проблески бури перемен. Думаю, мы пересекали ее след. Потом, когда мы углубились в равнину, пустыня стала более привычной.

Нашим конем послужил в этот раз не тот трусоватый кит, а другой, поменьше, и не такой пахучий. Был он, кроме того, полегче и поживее.

Милях в двадцати от дома Гоблин пискнул: «Взятые» — и все легли. Кит набрал высоту. Я глянул вниз.

Да, Взятые, но нами они вовсе не интересовались. Внизу вспыхивало и гремело. Часть пустыни горела. Я видел длинные ползущие тени бродячих деревьев на марше, силуэты мант на фоне огня. Сами Взятые уже спешились, кроме отчаянного одиночки, сражавшегося с мантами. То были не Хромой — его бурые лохмотья я узнал бы даже с такого расстояния.

Шепот, конечно. Пытается вывести остальных с вражеской территории. Отлично. На пару дней это их займет.

Кит начал снижаться. (Ради этих Анналов хотел бы я, чтобы мы летели днем — тогда я смог бы заметить побольше деталей.) Вскоре он коснулся земли.

— Спускайтесь, быстро, — приказал менгир.

Слезть оказалось сложнее, чем забраться. Раненые сообразили, что им больно. Все устали, руки и ноги затекли. А Следопыт не шевелился.

Он впал в кататонию. Пробудить его не удавалось. Он просто сидел, глядя в пустоту.

— Что за черт? — спросил Ильмо. — Что с ним случилось?

— Не знаю. Может, его ранило. — Я был совершенно ошеломлен. И изумился еще больше, когда мы перенесли его на свет, где я осмотрел его. Физически он был в полном порядке. Ни единого синяка.

Из Крепости вышла Душечка.

— Ты был прав, Костоправ,— показала она.— Извини. Я думала, что таким смелым ударом мы воспламеним весь мир. Сколькох потеряли? — спросила она у Ильмо.

— Четверых. Не знаю, убиты они или просто потерялись.— В голосе его звучал стыд. Черный Отряд своих братьев не оставляет.

— Пес Жабодав,— произнес Следопыт.— Мы бросили пса Жабодава.

Одноглазый обматерил дворнягу. Следопыт сердито поднялся. У него не осталось ничего, кроме меча. Замечательный сундучок с арсеналом остался во Рже вместе с дворнягой.

— Эй, вы! — рявкнул Лейтенант.— Хватит. Одноглазый, пошел вниз. Костоправ, приглядывай за Следопытом. Ильмо, спроси Душечку, вернулись ли те, что сбежали вчера.

Спросили мы с Ильмо вдвоем.

Ответ ее нас не обнадежил. По словам менгиров, огромный трусоватый кит сбросил их в сотне миль к северу. Спасибо, хоть спустился, прежде чем их высадить.

Солдаты возвращались домой пешком. Менгиры обещали защитить их от естественных опасностей равнины.

Мы спустились в Дыру, переругиваясь. Ничто так не подогревает страсти, как хорошее поражение.

Поражение, само собой, относительное. Ущерб врагу мы нанесли значительный. Отголоски нашего рейда не затихнут еще долго. Взятых изрядно потрепали. Мы захватили столько документов, что им придется переписывать заново весь план атаки. Но миссия все равно провалилась. Теперь Взятые знали, что летучие киты способны залетать за традиционные свои границы. Теперь Взятые знали, что у нас есть иные ресурсы, кроме тех, о которых они подозревали.

А когда играешь, карты на стол до последней ставки не выкладываешь.

Я побродил вокруг, нашел захваченные бумаги, отволок к себе. Мне не слишком хотелось участвовать в собрании. Там будет невесело — даже если все придут к единому мнению.

Я убрал оружие, запалил лампу, подхватил тючок документов, повернулся к столу. Там лежал еще один пакет с запада.

Глава 19 История Боманца (из послания)

Боманц бродил по царству сна вместе с женщины. Она что-то говорила, но он не понимал ее слов. Зеленая тропа надежд вела мимо гложущих луну псов, повешенных и безликих стражей. Сквозь разрывы в листве он видел распластершуюся на все небо Комету.

Спал он плохо. Стоило ему задремать, как сон находил его. Боманц не понимал, почему не может заснуть без сновидений. Кошмар был *не слишком страшный*.

Большая часть символов была знакома ему, и он отказался их признать.

Уже настала ночь, когда Жасмин принесла чай, спросив при этом:

— Всю неделю собрался тут провалиться?

— Возможно.

— Спать-то думаешь сегодня?

— Я лягу поздно. Поработаю в лавке. Где Шаб?

— Подремал немного, приволок с раскопа кучу барахла, поел; потом кто-то прибежал, сказал, что Мен-фу опять к вам залез, и Шаб снова туда отправился.

— Как Бесанд?

— Весь город гудит. Новый Наблюдатель ярится, что Бесанд не ушел. Говорит, что ничего не может поделать. Стражники его прозвали конской задницей и приказов его не исполняют. Так что он только с ума сходит.

— Может, хоть чему-то научится. Спасибо за чай. Поесть ничего не осталось?

— Только курица. Возьми сам. Я спать пошла.

Боманц, ворча, обгладал холодные жирные куриные крылья, запив тепловатым пивом. Он обдумывал сон. Желудок куснула язва. Заболела голова.

— Начинается, — пробормотал он и потащился наверх.

Он провел несколько часов, обновляя ритуалы, с помощью которых собирался покинуть тело и проскользнуть мимо многочисленных опасностей Курганья... Будет ли проблемой дракон? Судя по указаниям, тот предназначался для охраны от физического вторжения. И наконец:

— Сработает. Если только в шестом кургане Лунный Пес.

Боману вздохнул, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Пришел сон. И не успел он дойти до середины, как Боману обнаружил, что смотрит в зеленые змеиные глаза. Мудрые, жестокие, насмешливые глаза. И проснулся.

— Пап? Ты тут?

— Да. Заходи.

В комнату протолкнулся Шаблон. Выглядел он ужасно.

— Что случилось?

— Курганье... Призраки ходят.

— Да, так бывает, когда приближается Комета. Я не ожидал их так рано. Должно быть, на сей раз будет красиво. Это не повод тревожиться.

— Да не в этом дело. Этого я ожидал. Нет, я о Бесанде и Мен-фу.

— Что?!

— Мен-фу попытался залезть в Курганье с амулетом Бесанда.

— Я был прав! Этот мелкий... Ну продолжай!

— Он был у раскопа. И нашел амулет. Перепугался до смерти. Увидел, что я иду, и притустил по склону. Когда он добежал до того места, где должен был находиться ров, выскочил откуда-то Бесанд, крича и размахивая мечом. Мен-фу побежал, Бесанд — за ним. Луна светит ярко, но, когда они забежали за курган Ревуна, я потерял их из виду. Должно быть, Бесанд его поймал. Я слышал, как они орут и ворочаются в кустах. А потом раздались вопли.

Шаблон замолк. Боману ждал.

— Не знаю, как их описать. Никогда раньше не слышал ничего подобного. Все духи собрались на кургане Ревуна. И это длилось долго. Потом вопли начали приближаться.

Боманцу показалось, что Шаблон потрясен. Выбит из колеи, как человек, чья вера разрушена. Странно.

— Что дальше?

— Это был Бесанд. Он отобрал амулет, но это не помогло. Он не перешел рва. Уронил амулет, и духи на него набросились. Вся Стражка была там... И ничего не могли сделать, только смотрели. Наблюдатель не дал им амулетов, чтобы они смогли его забрать.

Боманц сложил руки на столе, глянул на сына.

— Теперь у нас два трупа. Три, если считать того типа прошлой ночью. Сколько их будет завтра? Может, мне придется отбиваться от полка новых призраков?

— Ты готов к завтрашнему вечеру?

— Да. Теперь, когда Бесанда нет, нет и причин откладывать.

— Папа... может быть, не стоит? Может, оставим это знание в земле?

— Что-о? Мой сын повторяет мои сомнения?

— Пап, давай не будем цапаться. Может, я и вправду перегнулся палку. Может, я был не прав. Ты лучше меня знаешь Курганье.

Боманц посмотрел на сына.

— Я это сделаю,— произнес он, вложив в эти слова больше отваги, чем чувствовал сам.— Пора отбросить сомнения и разделаться с этим. Вот список. Просмотри и скажи, не забыл ли я чего.

— Пап...

— Не спорь со мной, мальчик.— Он угробил весь вечер, чтобы сбросить личину Боманца и вывести на поверхность так давно и тщательно скрываемого колдуна. Теперь колдун вырвался.

Боманц отошел в угол, где валялось несколько невинных на первый взгляд вещей. Он стал выше ростом, двигался точнее, быстрее. Принялся громоздить вещи на стол.

— Когда вернешься в Весло, расскажешь моим бывшим одноклассникам, что со мной стало.

Он слабо улыбнулся. Еще и сейчас он мог припомнить кое-кого, кто содрогнется от ужаса, узнав, что он, Боманц,

учился на лоне Госпожи. Он ничего не забывал и не прощал. И это знали.

Бледность Шаблона прошла. Теперь он казался неуверенным. Этой стороны своей натуры отец не проявлял с тех пор, как родился сын. Шаблону такого видеть не доводилось.

— Хочешь сходить туда, папа?

— Главное ты рассказал. Бесанд мертв. Мен-фу мертв.

Стражка не забеспокоится.

— Я думал, он был твоим другом.

— Бесанд? У него не было друзей. У него было дело...

На что ты там пляшишься?

— Человек с миссией?

— Возможно. Что-то же его тут держало. Отнеси все это вниз. Работать будем в лавке.

— Куда положить?

— Куда хочешь. Бесанд единственный смог бы отличить это от мусора.

Шаблон вышел. Закончив серию мысленных упражнений, Боманц чуть удивился, где же мальчик, — Шаб так и не вернулся. Он покал плечами и продолжил гимнастику мыслей.

И улыбнулся. Он готов. Все будет просто.

Город бурлил. Стражники пытались убить нового Наблюдателя. Тот от ужаса и изумления заперся у себя. Множились безумные слухи.

Боманц шел по городу с таким спокойным достоинством, что люди, знавшие его годами, поражались перемене. Он прошел к окраине Курганья, посмотрел на своего давнего противника. Бесанд лежал на том же месте, где и умер. Над ним клубились мухи. Боманц бросил горсть земли, и насекомые разлетелись. Колдун задумчиво кивнул. Амулет Бесанда снова исчез.

Боманц отыскал капрала Хрипка.

— Если не сможете его оттуда вытащить, забросайте землей.

— Слушаюсь, — ответил капрал и только потом запоздало удивился собственной покорности.

Боманц обошел границы Кургана. Солнечный свет странно пробивался сквозь хвост Кометы. Цвета менялись. Но духов колдун не заметил. Нет причин откладывать попытку связи. Он вернулся в деревню.

Перед лавкой стояли фургоны. Грузчики проворно кидали туда товар. В доме верещала Жасмин, проклиная кого-то, ухватившегося за не подлежащую продаже вещь. «Будь ты проклят, Токар,— пробормотал Боманц.— Ну почему именно сегодня? Почему ты не мог до завтра подождать?» На минуту это озабочило его. Нельзя полагаться на Шаба, когда у того мысли блуждают боги знают где.

Боманц вошел в лавку.

— Великолепно! — Токар ткнул пальцем в коня.— Совершенно удивительно! Бо, ты гений.

— А ты шило в заднице. Что тут творится? И кто, мать твою, эти люди?

— Мои возницы. Мой брат Клит. Моя сестра Слава. Шаблонова Слава. И наша сестренка Проныра. Мы ее так зовем, потому что она за нами всегда подглядывает.

— Рад познакомиться. Где Шаб?

— Я его послала купить что-нибудь на ужин,— ответила Жасмин.— На такую ораву придется начать готовить пораньше.

Боманц вздохнул. Только этого ему не хватало в эту ночь ночей. Полный дом гостей.

— Ты, положи откуда взял! Ты... Проныра?.. Не трогай руками.

— Что с тобой, Бо? — спросил Токар.

Боманц поднял бровь, посмотрел торговцу в глаза и не ответил.

— Где тот широкоплечий возница?

— Он у меня больше не работает.— Токар нахмурился. — Я так и думал. Если что-то случится — зовите меня, я наверху.

Боманц протопал через лавку, взобрался по лестнице, устроился в кресле и заставил себя заснуть. Сон его был неровен. Ему показалось, что он наконец слышит голос, но, проснувшись, забыл все, что слышал...

На чердак вошел Шаблон.

— Ну и что нам делать? — осведомился Боманц.— Эта толпа нам все испортит.

— Много тебе понадобится времени, папа?

— Если получится один раз — пусть хоть неделями шляются тут каждую ночь.— Боманца обрадовало, что к Шаблону вернулась смелость.

— Не можем же мы их выгнать!

— И сами уйти не можем.— Стражники ходили мрачные и злые.

— Шуметь ты сильно будешь, пап? Не сможем ли мы все тут и сделать?

— Думаю, стоит попробовать. Тесно только. Принеси вещи из лавки. А я приберусь.

Когда Шаблон вышел, плечи Боманца опустились. Он начинал нервничать. Не из-за того, что собирался сделать, а из-за собственного предвидения. Ему постоянно казалось, будто он что-то забыл. Но он просмотрел записи четырех десятилетий и не нашел изъянов в избранном подходе. Его формулам сможет последовать любой мало-мальски способный ученик. Он сплюнул в угол. «Трусость антиквара,— пробормотал он.— Старомодный страх перед неизвестным».

Вернулся Шаблон.

— Мама заняла их игрой в метянки.

— А я-то думал, почему Проныра так визжит. Все принес?

— Да.

— Отлично. Спускайся вниз и веселись. Я все установлю и тоже приду. Начнем, когда они улягутся.

— Ладно.

— Шаб! Ты готов?

— В порядке, пап. Прошлым вечером у меня просто истерика была. Не каждый день видишь, как человека убивают призраки.

— Лучше привыкай к подобным зрелищам. Всякое случается.

Лицо Шаблона потеряло всякое выражение.

— Учился ведь украдкой в Черном универсе? — Черным универом называли то подпольное отделение, где учи-

лись своему ремеслу колдуны. Официально его не существовало. С точки зрения закона он был запрещен. И тем не менее существовал. Боманц закончил его с отличием.

Шаблон коротко кивнул и вышел.

— Так я и думал, — прошептал Боманц и подумал про себя: «И насколько же тебя зачернили, сынок?»

Он возился до тех пор, пока не перепроверил все трижды и не понял, что просто ищет предлог не выходить к гостям. «Ну ты даешь», — пробормотал он себе.

Последний взгляд. Карта развернута. Свечи. Чаша ртути. Серебряные ножи. Травы. Курильницы... Неуверенность все еще мучила его. «Что, черт побери, мог я пропустить?»

Метянки, по сути, были шашками на четверых. Доска тоже была вчетверо больше обычной. Каждый играл сам за себя. Элемент случайности добавлялся тем, что перед каждым ходом игроки бросали кости. Если игрок выбрасывал шесть очков, то мог передвинуть любые свои шашки на шесть клеток. В остальном действовали правила шашек, если не считать того, что шашку противника можно было не брать.

— Они меня бьют вместе! — возвала к Боманцу Проныра в тот миг, когда колдун спустился с чердака.

Она сидела напротив Жасмин, между Славой и Токаром. Боманц последил немного за игрой. Токар и старшая сестра явно играли на пару. Обычная тактика выживания.

Поддавшись импульсу, Боманц заставил игральную кость выдать для Проныры шестерку. Девочка радостно взвигнула и принялась двигать шашки. Боманц попытался вспомнить, было ли когда-то и в нем столько же юношеского энтузиазма и оптимизма. Он искоса глянул на девчонку. Сколько ей лет? Четырнадцать?

Он заставил Токара выбросить единицу, позволил Жасмин и Славе получить то, что подаст судьба, потом подсунул Проныре ее шестерку, а Токару — опять единицу. На третий раз Токар проворчал: «Это уже смешно». Равновесие игры нарушилось. Слава была готова оставить его и переметнуться к сестре против Жасмин.

Когда Проныра выбросила еще одну шестерку, Жасмин посмотрела на мужа косо. Боманц моргнул и оставил

Токара в покое.. Выпала двойка. «Удача возвращается», — проворчал Токар.

Боманц зашел в кухню, нацедил себе кружку пива. Вернувшись, он вновь обнаружил Проныру на грани поражения. Играла она так отчаянно, что для выживания ей требовалось выбрасывать всякий раз не меньше четверки.

Токар же был игроком консервативным, наступал только колоннами, пытаясь занять центральные ряды клеток соседних игроков. Боманцу почудилось сходство с самим собой — сначала удостовериться, что не проиграешь, а потом уже пытаться выиграть.

Токар выбросил шесть очков и пустил шашки гулять замысловатыми кренделями, оттяпав по дороге три шашки у Славы, своего номинального союзника.

«Склонен к предательству,— подумал Боманц.— Это тоже стоит иметь в виду».

— Где Клит? — спросил он Шаблона.

— Решил остаться с грузчиками,— ответил ему Токар.— Думает, что мы тебя очень стесняем.

— Понимаю.

Эту партию выиграла Жасмин, а следующую — Токар, после чего заявил:

— С меня хватит. Садись на мое место, Бо. Увидимся утром.

— С меня тоже хватит,— поддержала его Слава.— Пойдем погуляем, а, Шаб?

Шаблон покосился на отца. Тот кивнул:

— Далеко не заходите. Стражка ярится.

— Не зайдем,— ответил Шаблон.

Боманц усмехнулся, глядя на нетерпение сына. Такими же были и они с Жасмин, давным-давно.

— Милая девочка,— заметила Жасмин.— Повезло Шабу.

— Спасибо,— ответил Токар.— Нам кажется, что ей тоже повезло.

Проныра скрочила рожицу. Боманц позволил себе крикую усмешку. Кому-то в этой комнате Шаб тоже нравился.

— Сыграем на троих? — предложил он.— За «болвана» играем по очереди. пока кто-нибудь не вылетит.

Игрокам он позволил кидать как кидается, а «болвану» подворачивал шестерки и пятерки. Проныра пересела на свободное место. Жасмин это позабавило. Выиграв, Проныра радостно завизжала.

— Слава, я выиграла! — поделилась она радостью с сестрой, когда та и Шаблон вернулись с прогулки.— Я их побила!

Шаблон глянул на доску, потом на отца:

— Пап...

— Я сражался, как мог. Но ей с костями везет.

Шаблон недоверчиво улыбнулся.

— Хватит, Проныра,— сказала Слава.— Пора спать. Мы не в городе. Тут ложатся рано.

— У-уу...— Пусть с жалобами, но спать Проныра пошла.

Боманц вздохнул. Тяжелая работа — общение.

Сердце его забилось в предвкушении ночных трудов.

Шаблон по третьему разу прочел свои инструкции.

— Все понял? — спросил Боманц.

— Наверное.

— Время тут большой роли не играет. Только торопиться нельзя. Вот если бы мы какого-нибудь идиотского демона вызывали, ты бы у меня свою роль неделю зубрил.

— Роль? — Шаблону полагалось только зажигать свечки и смотреть. И помогать, если отец попадет в беду.

Последние два часа Боманц провел, нейтрализуя заклятия вдоль избранной им тропы. Имя Лунного Пса стало золотой жилой.

— Открыто? — спросил Шаблон.

— Настежь. Почти втягивает. К концу недели сам по-пробуешь.

Боманц глубоко вдохнул, выдохнул. Оглядел комнату. Его не покидало гложущее чувство, что он что-то забыл. И намека нет, что именно.

— Ладно.— Он устроился в кресле, закрыл глаза.— Дамни,— пробормотал он.— Ум муджи дамни. Хайкон. Дамни. Ум муджи дамни.

Шаблон бросил травы на угли в крошечной курильнице. Комнату наполнил ароматный дым. Боманц расслабился, отдался во власть летаргии. Разделился он легко, вслыва, повисел под потолочными балками, наблюдая за Шаблоном. Многообещающий паренек.

Боманц проверил связь с телом. Хорошо. Отлично! Он мог слышать как физическими, так и духовными ушами. Сплывая по лестнице, он попутно проверял собственную двойичность. Каждый произведенный Шаблоном звук доносился до него все так же ясно.

В лавке он задержался, глядя на Славу и Проныру. Завидуя их юношеской невинности.

Снаружи ночь полнилась кометным светом. Боманц ощущал, как мощь ее сотрясает землю. Какой же великолепной станет она, когда мир окунется в ее гриву?

Внезапно появилась она, нетерпеливо поманила. Боманц перепроверил свою связь с плотью. «Да. Все еще в трансе. Не сплю». Он ощущал некое смутное беспокойство.

Она провела его к Курганью открытоим же тропой. Боманца шатало от захороненной тут могучей силы, от излучаемой менгирами и фетишами мощи. С его духовной точки зрения, они казались жуткими, кровожадными чудовищами, прикованными на коротких цепях.

По Курганью бродили призраки, выли за спиной Боманца, пытаясь прорвать его заклятия. Сила Кометы и могущество охранных заклинаний слились в единый гром, пронизывавший всю сущность Боманца. «Как же могучи были древние,— подумал он,— если все это продержалось столько лет».

Они приближались к мертвым воинам, тем, что на карте обозначались пешками. Боманцу показалось, что он слышит шаги за спиной... Он обернулся — никого — и понял, что слышит Шаблона в своем доме.

Призрак рыцаря предстал перед ним. Ненависть духа была столь же безвременной и неустанной, как удары прибоя о холодный голый берег. Боманц обошел призрака боком.

Уперся взглядом в огромные зеленые глаза. Древние, мудрые, безжалостные глаза, наглые, насмешливые, презрительные. Дракон в усмешке обнажил зубы.

«Вот так,— подумал Боманц.— Это я и прогустил...» Но нет. Дракон не коснется его. Боманц ощутил раздражение зверя, убежденного, что во плоти волшебник стал бы лакомым кусочком. Он поспешил вслед за своей спутницей.

Никакого сомнения. Это Госпожа. Она тоже пыталась достичь его. Лучше поостеречься. Ей нужен не просто благодарный собеседник.

Они вошли в гробницу. Огромную, просторную, забитую всей мишурой, что и в жизни принадлежала Властелину. И жизнь эта была отнюдь не спартанской.

Боманц последовал за женщиной, обогнул гору мебели — и не нашел своей спутницы.

— Где?..

Он увидел их. Бок о бок на каменных плитах. Скованные. Окутанные потрескивающим, звенящим пологом. Не дышат, но и не смертно бледны. Застывшие, скользящие мимо времени.

Легенда почти не преувеличивала. Даже в нынешнем состоянии Госпожа потрясала неимоверно. «Бо, у тебя же взрослый сын!» Часть его требовала встать на задние лапки и выть, как подросток в течке.

Снова шаги. Черт бы побрал этого Шаблона! Он что, постоять смирино не может? Шумит за троих.

Глаза женщины открылись. На губах заиграла торжествующая улыбка. Боманц забыл о Шаблоне.

«Добро пожаловать,— произнес голос в его голове.— Мы долго ждали, не так ли?»

Он только кивнул ошеломленно.

«Я следила за тобой. Да, я вижу все в этой всеми забытой глупши. Я пыталась помочь. Слишком много барьеров, слишком сильны они. Эта проклятая Белая Роза была отнюдь не глупа».

Боманц глянул на Властелина. Огромный прекрасный царь-воитель спал. Боманц позавидовал его физическому совершенству.

«Его сон глубже моего».

Послышалась ли ему насмешка? Выражения ее лица он не мог понять. Слишком много красоты. Боманц подо-

зревал, что не он один так думал и что она воистину была движущей силой Владычества.

«Так и было. И в следующий раз...»

— В следующий раз?

Веселье окутalo его, как звон колоколыев на слабом ветерке.

«Ты пришел учиться, о колдун. Как отплатишь ты своей учительнице?»

Ради этой минуты он жил. Его ждал триумф. Еще один шаг...

«Ты искусен. Ты был так осторожен, так медлителен, что даже Наблюдатель сбросил тебя со счетов. Я аплодирую тебе, колдун».

Самое сложное — подчинить себе это создание. Смех колоколыев. «Ты не хочешь поторговаться, колдун? Ты собираешься принуждать?»

— Если придется.

«И ты ничего не дашь мне?»

— Я не могу дать тебе то, чего ты желаешь.

Снова веселье и серебряные колокольцы. «Тебе не под силу подчинить меня».

Боманц пожал воображаемыми плечами. Она не права. У него есть рычаг. Он наткнулся на него еще в юности, тут же осознал его значение и вступил на долгий, только сейчас завершившийся путь.

Он нашел шифр, раскрыл его и узнал отчество Госпожи — вполне обычное для времен до эпохи Владычества. Обстоятельства подсказывали, что одна из дочерей этой семьи стала Госпожой. Немного исторических розысков завершили дело.

Вот так он разгадал тайну, перед которой останавливались тысячи в течение столетий.

Зная истинное ее имя, он мог принудить Госпожу к чему угодно, ибо в колдовстве истинное имя суть предмет...

Я чуть не заорал. Мой корреспондент, похоже, закончил письмо на самой грани того откровения, которое я искал многие годы. Будь проклято его черное сердце!

В этот раз к письму прилагался постскриптум — куда меньше самого рассказа. Писавший добавил в конце какие-то каракули. Осмысленные — в этом я не сомневался. Но расшифровать их не мог.

И, как всегда, ни подписи, ни печати не было.

Глава 20 Курганье

Дождь не утихал. Большую часть времени это была легкая морось, а в хорошую погоду — едва ли больше, чем медленно оседающий туман. Но полностью он не прекращался никогда. Грай все равно гулял, хотя часто жаловался на боли в ноге.

— Если тебя так погода беспокоит, что ты тут делаешь? — спросил Кожух. — Ты же говорил, что у тебя вроде бы дети живут в Опале. Почему не отправиться туда и не выяснить? По крайней мере, там погода приличная.

Вопрос сложный. Грай еще не придумал на него убедительного ответа. То, что приходило в голову, и его самогоТо не убеждало, не говоря уже о врагах, которые могут этот вопрос задать.

Грай не боялся ничего. В иной жизни, под иным именем, он бесстрашно выступил против самих творцов ада. Ни сталь, ни колдовство, ни смерть не могли остановить его. Боялся он только людей и любви.

— По привычке я тут, наверное, — пробормотал он. — Может, я мог бы жить в Весле. Может быть. Я плохо схожусь с людьми, Кожух. Я их не настолько люблю. Не выношу я Самоцветных городов. Я не говорил, что уже бывал там?

Эту историю Кожух слышал уже несколько раз. Он подозревал, что Грай не просто бывал там. Он полагал, что один из Самоцветных городов был родиной Грая.

— Да. Когда мятежники начали большое наступление в Форсберге. Ты еще говорил, что на обратном пути видел Башню.

— Правильно. Видел. Память слабеет. Города. Не люблю я их, парень. Слишком много народа. И здесь-то их, на

мой вкус, многовато. То есть было, когда я сюда пришел. Теперь-то в самый раз. В самый раз. Может быть, просто из-за мертвяков столько суеты.— Он указал подбородком в сторону Кургана.— А в остальном все в порядке. С парой из вас, ребят, поболтать можно. А больше мне никто на дороге не попадается.

Кожух кивнул. Он думал, что понимает, хотя ничего не понял. Он знал других ветеранов. У большинства из них были свои странности.

— Эй, Грай, а ты с Черным Отрядом сталкивался, когда был на севере?

Грай застыл, уставился на своего спутника с таким вниманием, что молодой солдат раскраснелся.

— Э... в чем дело, Грай? Я что-то не то сказал?

Грай продолжал идти, хромота не замедляла его гневно-быстрых шагов.

— Странно. Ты словно мысли мои читаешь. Да. Сталкивался. Нехорошие люди. Очень нехорошие.

— Отец мне рассказывал о них. Он был с ними во время отступления к Чарам. Лорды, Ветреный Край, Лестница Слез — все битвы. Когда он вышел на пенсию после сражения при Чарах, то вернулся домой. И рассказывал об этих парнях страшные истории.

— Эту часть я пропустил. Остался в Розах, когда Менящий Облик и Хромой проиграли битву. А с кем был твой отец? Ты о нем что-то не много рассказывал.

— С Крадущимся в Ночи. А рассказывал мало потому, что мы с ним не слишком ладим.

Грай улыбнулся:

— Сыновья редко ладят с отцами. Это говорит голос опыта.

— А кем был твой отец?

Тут Грай расхохотался:

— Вроде как крестьянином. Но о нем я бы предпочел не рассказывать.

— Что мы тут делаем, Грай?

«Перепроверяем обмеры Боманица». Но этого Грай сказать парню не мог. И придумать убедительной лжи — тоже.

— Гуляем под дождем.

- Грай...
- Давай помолчим немного, а, Кожух? Пожалуйста.
- Ладно.

Хромая, Грай обошел все Курганье на почтительном расстоянии, так, чтобы это не бросалось в глаза. Инструментов он не использовал — тогда полковник Сироп прибежал бы сломя голову. Вместо этого он сверялся с заученной наизусть картой колдуна. Кarta сияла в его мозгу, таинственные знаки теллекурре мерцали собственной дикой и опасной жизнью. Изучая остатки Курганья, Грай нашел едва ли третью отмеченного на карте. Остальное смели время и погода.

Обычно Грая нервы не беспокоили. Но теперь он боялся.

- Кожух, я хочу, чтобы ты оказал мне услугу,— сказал он к концу прогулки.— А может, и две.

- Сударь?
- Сударь? Ты же звал меня Граем?
- Ты так серьезно говоришь.
- Это и есть серьезно.
- Тогда говори!
- Ты умеешь держать язык за зубами?
- Если надо.
- Я хочу, чтобы ты дал мне клятву молчания.
- Не понимаю.
- Кожух, я хочу сказать тебе кое-что. На случай, если со мной что-то произойдет.

— Грай!

— Я уже немолод, Кожух. И изрядно болен. Я немало пережил. Это все оказывается. Я не ожидаю смерти так скоро. Но... всякое бывает. Если что-то случится, я не хочу, чтобы моя тайна умерла со мной.

— Ладно, Грай.

— Если я предложу кое-что, ты сможешь оставить это при себе? Даже если и не должен был бы? Сможешь кое-что для меня сделать?

— Ты бы лучше сказал, о чем речь.

— Знаю, это нечестно. Но, кроме тебя, я могу довериться только полковнику Сиропу. А в его положении такие клятвы давать невозможно.

— Это незаконно?

— Да в общем-то нет.

— Так я и подумал.

— Лучше не думай, Кожух.

— Ну ладно. Даю слово.

— Хорошо. Спасибо. Я очень тебе признателен, не со-
мневайся. Итак, две вещи. Первое: если со мной что-то слу-
чится, подымись в комнату на втором этаже моего дома.
Если я оставлю там пакет в промасленной коже, проследи,
чтобы его отправили в Весло, кузнецу по прозванию Песок.

Кожух выглядел растерянным и сомневающимся.

— И второе. После того как сделаешь это,— только
после того,— скажи полковнику, что не-мертвые пробуж-
даются.

Кожух замер.

— Кожух! — В голосе Грая проскользнула приказная
нотка, которой юноша раньше не замечал.

— Да. Ладно.
— Вот и все.
— Грай...
— Пока никаких вопросов. Через несколько недель я,
наверное, все объясню. Хорошо?
— Ну ладно.
— А пока ни слова. И запомни. Пакет — кузнецу
Песку в Весле. Потом сообщение полковнику. И вот что
еще. Если успею, я и полковнику письмо оставлю.

Кожух только кивнул.

Грай глубоко вздохнул. Двадцать лет прошло с той поры,
как он накладывал простейшее предсказательное заклятие.
Ничего подобного тому, что предстояло ему сейчас, он в
жизни не делал. В те древние времена, когда он был дру-
гим человеком, мальчишкой, волшебство служило развле-
чением богатых юнцов, предпочитавших играть в волшеб-
ников, а не заниматься законным обучением.

Все готово. Необходимые колдовские инструменты раз-
ложены на столе — в комнате — на втором этаже — в
доме, который построил Боманц. Казалось подобающим
идти по стопам предшественника.

Грай потрогал пакет в промасленной коже — для Песка, запечатанное письмо — для Сиропа, помолился, чтобы рука юноши не коснулась их. Но если его подозрения верны, то лучше пусть узнает враг, чем зло весь мир застанет врасплох.

Не оставалось ничего иного, кроме как приступать. Грай выпил полчашки холодного чая, уселся в кресло. Закрыл глаза, принялся повторять заклятие, которое выучил, еще когда был моложе Кожуха. Его способ отличался от методов Боманица, но был не менее эффективен.

Тело отказывалось расслабиться, упорно отвлекало его. Но наконец летаргия охватила Грая. Его ка отцепило десять тысяч крючьев, сцеплявших его с плотью.

Часть его рассудка настаивала, что он поступает безумно, берясь за подобное дело, не имея искусства мастера. Но у него не было времени учиться, как учился Боманиц. Все, что смог, он выучил за время отлучки из Древнего леса.

Свободный от плоти, но в то же время соединенный с нею невидимыми нитями, что притянут его обратно. Если ему повезет. Двигался он очень осторожно. Тщательно придерживался правила тел. Воспользовался лестницей, дверью, положенными Стражей настилами. Поддерживай иллюзию плоти, и тебе будет труднее позабыть о ней.

Мир выглядел по-иному. У каждого предмета появилась своя аура. Трудно становилось сосредоточиться на главной задаче.

Грай добрался до окраин Курганья. Вздрогнул под ударом звенящих древних заклятий, что еще связывали Владелина и нескольких его прислужников. Что за мощь! Он осторожно обошел границу, пока не обнаружил открытый Боманицем путь — еще не полностью затянувшийся.

Он перешагнул через черту.

Мгновенно обратили на него внимание все духи, добрые и злые, что были скованы в пределах Курганья. Их было куда больше, чем ожидал Грай. Больше, чем указывала карта. Эти фигурки пешек, окружавшие Великий курган... Это не статуи. Это люди, солдаты Белой Розы, оставленные духами-хранителями на границе между миром и

тварью, готовой этот мир сожрать. Какой же волей обладали они! Какой преданностью своему делу!

Тропа петляла, огибая прежние места успокоения Взятых, внешний круг и внутренний. Во внутреннем круге Грай различил истинные обличья нескольких чудовищ поменьше, из слуг Властелина. Тропа тянулась струйкой серебристого тумана. За спиной Грая туман густел, шаги его укрепляли путь.

Заклятия впереди были сильнее. И люди, легшие в землю вокруг Властелина. И за ними — великий страх. Тот дракон, на Боманцевой карте, свернувшийся вокруг гробницы в центре Великого кургана.

Духи кричали на него на телекурре и ючителле, на языках, которых он не знал, и языках, смутно напоминавших нынешние. И все они проклинали его. А он не обращал внимания на них. Там, в пещере под величайшим из курганов, лежала тварь. И он должен выяснить, так ли беспокоен ее сон, как ему кажется.

Дракон. О да, во имя всех небывших богов, дракон настоящий. Настоящий, живой, во плоти, но он чувствовал и видел Грая. Серебристая тропа вела мимо гигантских челюстей, в разрыв между хвостом и головой. Дракон хлестнул его своей ощутимой волей. Но Грай не остановился.

Нет больше стражей. Только гробница. И чудовище, томящееся внутри. Худшее он пережил...

Древний дьявол, должно быть, спит. Разве не победила его Госпожа, когда он попытался бежать через Арчу? Разве не загнала его обратно?

Просто гробница, как многие другие. Может, побогаче. Белая Роза шикарно хоронила своих противников. Саркофагов, однако, не было. Вот. Пустой стол, на котором, видно, покоилась Госпожа.

На втором столе красовался спящий. Крупный красивый мужчина, но даже в безмятежном его лице проступал зверь. Лицо, полное жаркой ненависти или бессильного гнева.

Значит, так. Его подозрения беспочвенны. Чудовище все же спит...

Властелин сел. И усмехнулся. Улыбка его была самой жуткой из всех, виденных Граем в жизни. Не-мертвый приветственно протянул руку. И Грай побежал.

Насмешливый хохот преследовал его.

Паника была почти незнакома Граю — слишком редко он испытывал ее. И бороться с нею тоже не умел. Он почти не обращал внимания, что пробегает мимо дракона, мимо исполненных ненависти теней солдат Белой Розы. Едва ощущал, как воют радостно твари Властелина за спиной.

Даже в панике он держался туманной тропы. Он сделал лишь один неверный шаг...

Но этого хватило.

Над Курганьем разразилась буря — самая страшная на памяти ныне живущих. Молнии сверкали с яростью небесных воинств, как огненные молоты, и копья, и мечи, раскалывающие небо и землю. Шел дождь, непрерывный и непроглядный.

Одна могучая молния ударила в Курганье. На сотни ярдов в воздух взмыли земля и кустарники. Вечная Стражка в ужасе бросилась к оружию, уверенная, что древнее зло сломало свои оковы.

А на Курганье в гаснущем свете молнии проявились две тени — одна двуногая, а другая четвероногая. Через секунду они уже мчались по извилистой тропе, не оставляя следа на жидкой грязи. Они пересекли границу Курганья и скрылись в лесу.

Никто не видел их. Когда Курганья достигла стражи — с оружием и фонарями, обятая страхом, — буря утихла. Молнии прекратили похваляться своими подвигами. Но дождь все еще продолжался.

Полковник Сироп и его люди несколько часов обыскивали окрестности Курганья. Никто ничего не нашел.

Проклиная погоду и всех богов, Вечная Стражка вернулась в казармы.

На втором этаже Граева дома тело Грая продолжало дышать — один вдох в пять минут. Сердце едва билось. Оно еще долго будет умирать, лишенное души.

Глава 21 Равнина Страха

Я потребовал встречи с Душечкой и аудиенцию получил немедленно. Она ожидала, что я подниму хай насчет плохо спланированных военных действий в условиях, когда потери недопустимы. Она ожидала наставлений о важности работы с кадрами и дисциплины. Я удивил ее — не стал делать ни того, ни другого. Она была готова вынести худшие упреки, перетерпеть и вернуться к делу; я обманул ее ожидания.

Вместо того я подал ей письма из Весла, содержанием которых не делился еще ни с кем. Душечка показала: «Любопытно».

— Прочти, — предложил я.

Времени на чтение ушло немало. В комнату заглядывал Лейтенант, раз от разу все нетерпеливее. Душечка закончила, посмотрела на меня:

— Ну?

— Эта история — самое сердце тех документов, которых мне не хватает. Именно за этой историей я охочусь и еще кое за чем. Душелов дала мне понять, что секрет оружия, которое мы ищем, скрыт в этом рассказе.

— Рассказ не закончен.

— Да. Но разве подумать над ним не стоит?

— У тебя есть какие-нибудь мысли насчет того, кто писал их?

— Нет. И никакого способа выяснить. Разве что отправиться поглядеть на этого писателя: Или писательницу. — На самом деле у меня имелись кое-какие подозрения, но... одно невероятнее другого.

— Они поступают регулярно и быстро, — заметила Душечка. — После стольких лет. — Мне показалось, что одно из моих подозрений пришло в голову и ей — «после стольких лет».

— Курьеры полагают, что писались эти послания в течение долгого времени, а отправлялись одно за другим.

— Интересно, но не слишком полезно. Пока мы не получили остальные письма.

— Но поразмыслить над ними не мешает. Особенно над концовкой последнего. Не могу ничего разобрать. А понять надо. Это может оказаться важным. Если только эта белиберда писалась не для того, чтобы сбить с толку тех, кому письмо может попасть в руки.

Душечка вытащила последний лист, глянула на него. Лицо ее внезапно озарилось.

— Это язык жестов, Костоправ, — показала она. — Буквы. Видишь? Говорящая рука, показывает буквы.

Я глянул через ее плечо. Теперь я видел — и ощутил себя неимоверным идиотом оттого, что пропустил это. Как только появился ключ, письмо читалось легко. В нем говорилось:

«Это мое письмо может оказаться последним, Костоправ. Я должен сделать кое-что, и риск очень велик. Шансы против меня, но я должен попытаться. Если вы не получите завершающего письма, о последних днях Боманица, вам придется забрать его самим. Один экземпляр я спрячу в доме колдуна, как написано в этой истории. Второй вы найдете в Бесле, у кузнеца по имени Песок.

Пожелайте мне удачи. К нынешнему времени вы, должно быть, нашли уже безопасное убежище. Я не пытался бы выгнать вас оттуда, если бы от этого не зависела судьба всего мира!»

Подписи опять не было.

Мы с Душечкой взорелись друг на друга.

— Что ты думаешь? — спросил я. — Что мне делать?

— Ждать.

— А если следующих писем не будет?

— Идти и искать.

— Да. — Ужас. Весь мир ополчился против нас. Налет на Ржку привел Взятых в состояніе мстительной ярости.

— Это великая надежда, Костоправ.

— Курганье, Душечка. Только Башня может быть опаснее.

— Может быть, мне стоит пойти с тобой?

— Нет! Тобой мы рисковать не можем. Ни при каких обстоятельствах. Восстание переживет потерю одного старого лекаришки. Без Белой Розы ему крышка!

Душечка крепко обняла меня, отстранилась, вздохнула.

— Я не Белая Роза, Костоправ. Та уже четыре века мертвa. Я — Душечка.

— Наши враги зовут тебя Белой Розой. Наши друзья зовут тебя Белой Розой. В имени есть сила.— Я изобразил несколько букв.— В этом все дело. В имени. Ты должна быть тем, кем тебя зовут.

— Я — Душечка,— настаивала она.

— Для меня — может быть. Для Молчуна. Еще для нескольких наших. Но для всего мира ты Белая Роза, надежда и спасение.— Мне пришло в голову, что имени у нее-то и нет. Того, что носила Душечка прежде, чем приститься к Отряду. Для нас она осталась Душечкой, потому что так ее называл Ворон. Знала ли она свое данное имя? Если и так, это уже неважно. Она в безопасности. Она последняя из живущих, кто его помнит. В разграбленной войсками Хромого деревушке, где мы нашли ее, вряд ли вились записи рождений.

— Иди,— велела она.— Смотри. Думай. И надейся. Скоро ты где-нибудь отыщешь нить.

Глава 22 Равнина Страха

Пришли наконец те, кто бежал из Ржи на трусливом летучем ките. Мы выяснили, что Взятые с равнины все же выбрались и буйствовали теперь из-за того, что уцелел лишь один ковер. Атака будет отложена до той поры, пока ковры не заменят. А из всех волшебных предметов ковры-самолеты — одни из самых сложных и дорогих. Полагаю, Хромой долго будет объясняться перед Госпожой.

Я привлек к разросшемуся проекту Одноглазого, Гоблина и Молчуна. Я переводил. Они выискивали подлинные имена, сводили их в таблицы. Зайти в мою комнату стало почти невозможно. А жить в ней — тем более, потому что Гоблин и Одноглазый здорово поизапались за пределами Душечкиной безмагии. И теперь постоянно держали друг друга за глотку.

У меня начались кошмары.

Как-то вечером я поставил перед колдунами задачу: отчасти потому, что нового курьера так и не было, отчасти — чтобы они меня с ума не свели.

— Возможно, мне придется покинуть равнину, — сказал я. — Не сможете вы что-нибудь сотворить, чтобы я не привлекал особого внимания?

Они начали задавать вопросы. Я отвечал честнейшим образом. Они так хотели отправиться со мной, словно поход на запад уже был установленным фактом.

— Черта с два вы со мной пойдете, — отрубил я. — Тысяча миль этакого дерьяма? Да я тогда покончу с собой, еще не выбравшись с равнины. Или кого-то из вас прикончу. Эта мысль уже приходит мне в голову.

Гоблин пискнул, изображая смертельный ужас.

— Подойдешь ко мне хоть на десять футов, — предупредил Одноглазый, — в ящерицу превращу.

Я фыркнул:

— Ты еду в деръмо-то едва превращаешь.

Гоблин закудахтал:

— У коров и цыплят получается лучше. Пользуйся лучше их навозом.

— Откуда в тебе столько слов, недомерок? — рявкнул я.

— Склочным он стал к старости, — заметил Одноглазый. — Рюматизм, наверно. Есть у тебя рюматизм, Костоправ?

— Если он не уймется, то будет мечтать о ревматизме, — пообещал Гоблин. — Мало мне с тобой разбираться. Но ты хоть предскажуем.

— Предскажуем?

— Как времена года.

Они опять взялись за свое. Я бросил на Молчуна умоляющий взгляд. Сукин сын не обратил внимания.

На следующий день ко мне приковылял самодовольно ухмыляющийся Гоблин.

— Мы кое-что придумали, Костоправ. На случай, если ты надумаешь прогуляться.

— И что?

— Нам твои амулеты понадобятся.

Два амулета они подарили мне еще давно. Один служил, чтобы предупреждать меня о приближении Взятых. Работал он надежно. Второй амулет был, естественно, защищенным, но он еще и позволял нашим колдунам определять на расстоянии, где я нахожусь. По нему следил за мной Молчун, когда Душелов послала нас с Вороном устроить засаду Хромому и Шепот в Облачном лесу, в то время как Хромой пытался перейти на сторону мятежников.

Давно, далеко. Воспоминания юного Костоправа.

— Хотим внести несколько исправлений. Чтобы тебя нельзя было обнаружить магически. Давай сюда. Потом придется выйти наружу, проверить их.

Я пришурился.

— Ты пойдешь с нами,— объяснил он,— чтобы мы могли попытаться тебя найти.

— Да? А мне кажется, что это просто попытка выбраться за пределы безмагии.

— Может быть.— Он ухмыльнулся.

Душечке эта идея, однако, понравилась. На следующий вечер мы с колдунами брали вверх по ручью, обходя Праотца-Дерево.

— Что-то он выглядит встревоженным,— заметил я.

— Во время стычки его задело заклятие Взятого,— пояснил Одноглазый.— Ему очень не понравилось.

Дерево зазвенело. Я остановился, оглядел его. Должно быть, ему несколько тысяч лет. На равнине деревья растут медленно. Что за истории он мог бы поведать!

— Пошли, Костоправ! — позвал Гоблин.— Старик не разговаривает.— Он скривился в своей лягушачьей улыбке.

Слишком хорошо они меня знают. Знают, что, когда я вижу нечто древнее, тут же начинаю раздумывать, сколько оно повидало. Ну их всех к бесам.

В пяти милях от Дыры мы свернули от ручья на запад, в пустыню, где кораллы особенно густы и опасны. Я полагаю, их там около полутора тысяч разновидностей, сросшихся в почти непролазные рифы кричащих цветов. Выступы, выросты, ветви кораллов взмывали ввысь футов на тридцать. Я всегда поражался, как их ветер не ломает.

Одноглазый объявил привал на окруженном кораллами песчаном пятаке.

— Достаточно. Здесь мы будем в безопасности.

Меня он не убедил. По дороге за нами следили манты и стервятникообразные. А эти тварям я никогда не доверюсь полностью.

Давным-давно, после битвы при Чарах, Отряд пересек равнину по пути на восток. Я видел тогда ужасные вещи. И не могу избавиться от воспоминаний.

Гоблин с Одноглазым то склокничали, то занимались делом. Мне они напоминали веселых ребятишек. Постоянно что-то ковыряют ради того, чтобы руки занять. Я лег на спину и принял глядеть на облака. И вскоре заснул.

Разбудил меня Гоблин. Он вернул мне амулеты.

— Теперь поиграем в прятки, — заявил он. — Мы тебе дадим фору. Если все в порядке, то найти тебя не сможем.

— Замечательно! — возмутился я. — И долго мне тут бродить, неприкаянному? — Но я просто скандалил. Дыру я найти сумею. У меня мелькнула мысль жестоко разыграть колдунов и отправиться прямиком туда.

Но мы не в игры играем.

Я направился на юго-запад, к утесам. За западной тропой я спрятался в роще неподвижных бродячих деревьев. Вылез я только после темноты и пошел в Дыру, раздумывая, что же случилось с моими спутниками.

Придя на место, я перепугал часового:

— Гоблин и Одноглазый пришли?

— Нет. Я думал, они с тобой.

— Были. — Озабоченный, я спустился вниз, чтобы посоветоваться с Лейтенантом.

— Пойди и отыщи их, — приказал он.

— Как?

Он посмотрел на меня как на недоумка.

— Оставь амулеты здесь, выйди за границу безмагии и жди.

— О... Ладно.

Я снова вышел и, чертыхаясь, побрел вдоль ручья. Ноги болели. Не привык я к долгим прогулкам. Вот и хорошо,

напомнил я себе. Надо привести себя в форму, на случай, если судьба заставит в Весло пешком идти.

Я добрался до окраин коралловых рифов.

— Гоблин! Одноглазый! Где вы?!

Нет ответа. Искать их я не собирался. Кораллы убывают меня. Я двинулся на север, рассчитывая, что колдуны пошли в сторону от Дыры. Каждые несколько минут я опускался на колени, надеясь засечь силуэт менгира. Менгиры знали бы, куда эти двое провалились.

В один момент мне показалось, что краем глаза я замечаю блеск молний, и я не раздумывая метнулся туда, думая, что там скандалит Гоблин с Одноглазым, но, присмотревшись, понял, что это ярится буря перемен.

Я запоздало остановился, вспомнив, что ночью на равнине только смерть торопится.

Мне повезло. Через несколько шагов песок стал рыхлым, неверным. Я присел на корточки, понюхал горстку. Песок пах древней смертью. Я осторожно отступил. Мало ли кто может поджидать там, в глубине.

«Лучше остановиться где-нибудь и подождать рассвета», — пробормотал я. Я и сам не знал, куда меня занесло.

Я нашел несколько скал, чтобы защититься от ветра, немного сушняка для костра и развел огонь. Костер нужен был не для тепла — ночь не принесла прохлады, — а чтобы звери не приближались.

На равнине огонь имеет символическое значение.

Когда костер разгорелся, я обнаружил, что это место использовали и до меня. Скалы почернели от копоти. Вероятно, местные дикари. Они кочуют небольшими стаями. Мы с ними почти не общаемся — битвы мира их не интересуют.

На втором часу меня сморило, и я заснул.

Кошмар нашел меня. Не защищенного безмагией или амулетами.

Явилась она.

Столько лет прошло. Последний раз она объявила мне об окончательном поражении своего мужа под Арчой.

Золотое облако, как пылинки, танцующие в солнечном луче. Кажется, что ты бодрствуешь во сне. Спокойствие, и

одновременно страх. Невозможность пошевелиться. Знакомые симптомы.

В облаке показалась прекрасная женщина, женщина-мечта. Та, которую надеешься встретить когда-нибудь, зная, что не встретишь. Не припомню, что было на ней надето, да и было ли хоть что-то. Мой мир сжался до ее лица и ужаса, им внушаемого.

Улыбка ее не была холодной. Давным-давно, по каким-то своим причинам, она заинтересовалась мной. Подозреваю, что часть этой привязанности сохранилась с течением лет, как любовь к давно сдохшей собаке.

— Лекарь. — Шелест камышей у реки вечности. Шепот ангелов. Но она никогда не могла заставить меня забыть реальность, рождавшую этот голос.

И соблазнить меня — обещаниями или собой — у нее тоже не хватало дерзости. Возможно, поэтому я полагаю, что она привязана ко мне. Используя меня, Госпожа говорила мне об этом прямо.

Я не мог ответить.

— Ты в безопасности. Давно, по твоим меркам, я обещала, что буду поддерживать с тобой связь. Но я не могла. Ты отрезал меня. Я пытаюсь уже несколько недель.

Кошмары объясилиась.

— Что? — пискнула я, как Гоблин.

— Приди ко мне в Чары. Будь моим летописцем.

Как всегда при разговоре с ней, я смущился. Она, казалось, воспринимает меня не только как участника борьбы, но и как человека, стоящего вне ее. На Лестнице Слез, перед самой страшной колдовской битвой, которую мне только довелось наблюдать, Госпожа пришла, чтобы обещать мне безопасность. Казалось, ее занимало мое побочное ремесло анналиста. Еще тогда она потребовала, чтобы я записывал события в точности так, как они происходили. Не ради чьего-то одобрения. Так я и делал, с поправкой на свои предубеждения.

— Вздымается жар на перекрестке, лекарь. Твоя Белая Роза искусна. Ее атака на Хромого — сильный удар. Но незаметный в больших масштабах. Ты не согласен?

Как мог я спорить? Я молча кивнул.

— Как, без сомнения, сообщили ваши шпионы, пять армий стоят лагерем, готовые очистить равнину Страха. Эта земля необычна и непредсказуема, но натиска моих сил она не выдержит.

И снова я не мог спорить — я ей верил. Я мог только подчиниться многократно повторенному приказу Душечки: выигрывать время.

— Ты будешь удивлена.

— Возможно. В мой план включены и неожиданности. Выходи из своих холодных пустошей, Костоправ. Приди в Башню. Стань моим летописцем.

Большего искушения в общении со мной она никогда раньше себе не позволяла. Она обращалась к той части меня, которую я и сам не понимал, части, готовой предать давних друзей. Если я пойду, то так много узнаю. Получу столько ответов.

— Вы сбежали от меня к мосту Королевы.

Шея моя горела. За время нашего многолетнего бегства войска Госпожи несколько раз настигали Отряд. У моста Королевы нам пришлось хуже всего. Там полегла сотня наших братьев. И, к стыду своему, я оставил там Анналы, зарытые на речном берегу. Бросил четыре сотни лет истории Отряда.

Мы не смогли унести все. Тё бумаги, что лежат сейчас в Дыре, были ключом к выживанию. И вместо Анналов я взял с собой их. Но я часто испытываю приступы вины. Я должен ответить перед духами давно ушедших братьев. Анналы и есть Черный Отряд. Пока существуют они — Отряд жив.

— Бежали, сбежали и будем сбегать. Так предрешено.

Она улыбнулась — я позабавил ее.

— Я читала твои Анналы, Костоправ. И новые, и старые.

Я подкинул сушняка на угли костра. Не сплю...

— Они у тебя?

До сих пор я подавлял вину обещаниями когда-нибудь их вернуть.

— Их нашли после боя. Они попали ко мне. Мне понравилось. Ты честен, как подобает историку.

— Спасибо. Я стараюсь.
— Приди в Чары. В Башне для тебя найдется место.
Отсюда ты сможешь видеть всю картину мира.

— Я не могу.
— Я не сумею защитить тебя здесь. Если останешься, с тобой случится то же, что и с твоими друзьями-мятежниками. Эту кампанию ведет Хромой. Я не вмешиваюсь. Он уже не тот, что был. Ты причинил ему боль. А потом он претерпел боль снова, чтобы спастись. Он тебе не простил этого, Костоправ.

— Знаю.— Сколько раз она употребила мое прозвание? За все наши предыдущие разговоры она произнесла его единожды.

— Не позволь ему схватить тебя.

В глубине моей души блеснул осколок чувства юмора.

— Ты неудачница, Госпожа моя.
Она отшатнулась.

— Я, дурак, записывал в Анналы свой романтический бред. Ты их читала. Знаешь, что я никогда не называл тебя черной, как назвал бы, наверное, твоего супруга. Подозреваю, что под этой романтической ерундой лежит неосознанно воспринятая истина.

— Да ну?

— Я не думаю, что ты зла по природе. Ты просто очень стараешься. Думаю, несмотря на все твои преступления, ребенок в твоей душе остался жив. Огонек теплится, и потушить его тебе не под силу.

Возражений не последовало, и я осмелел:

— Думаю, меня ты избрала, чтобы я символически поддерживал этот огонек. Я призван удовлетворить твою тайную жажду чести, подобно тому, как мой друг Ворон подобрал ребенка, ставшего Белой Розой. Ты читала Анналы. Ты помнишь, до чего опустился Ворон, слив всю свою честь в одну чашу. Лучше бы он был бесчестен изначально. Арча могла бы остаться стоять. А Ворон — жить.

— Арча была язвой, которую давно следовало выжечь. Я пришла не для того, чтобы меня высмеивали, лекарь. Я не позволю себе выглядеть слабой, даже перед аудиторией из одного человека.

Я начал было протестовать.

— Насколько я тебя знаю, этот разговор тоже останется в твоих Анналах.

Она меня знала. Впрочем, именно она провела меня перед Оком.

— Приди в Башню, Костоправ. Я не требую клятвы.

— Госпожа...

— Даже Взятые налагаю на себя страшные клятвы.

Ты можешь быть свободен. Лишь делай что делаешь. Исцеляй, и записывай правду. Делай то, чем ты и так занимешься. Ты слишком ценен, чтобы тратить свои способности здесь.

Вот с этим я готов был согласиться всецело. Взять бы эту фразу да ткнуть в нее кое-кого носом.

— Что там?

Госпожа начала было отвечать. Я предупреждающе поднял руку. Говорил я сам с собой. Шаги? Да. Что-то большое. Медлительное и усталое.

Госпожа тоже ощутила его приближение. Миг — и она исчезла, забрав что-то из моих мыслей, и я уже не был уверен, что мне не привиделась эта встреча, пусть даже каждое ее слово осталось высеченным в камне моей памяти.

Я подкинул веток в костер, забился в трещину, выставив вперед кинжал — единственное оружие, которое у меня хватило ума захватить с собой.

Оно приблизилось. Остановилось. Снова двинулось вперед. Сердце мое заколотилось. Что-то выступило из темноты на свет костра.

— Пес Жабодав! Эй, что за черт?! Ты что тут делаешь? Иди ляг в тепле. — Слова посыпались из меня, унося страх. — Как Следопыт-то обрадуется. Что с тобой случилось?

Пес осторожно приблизился. Был он вдвое потрепанней обычного. Он лег на брюхо, положил морду на лапы и прикрыл один глаз.

— Еды у меня нет. Я, знаешь, сам вроде как потерялся. Но тебе чертовски повезло, что ты сюда добрался, — это ты знаешь? Равнина — не лучшее место для прогулок в одиночестве.

Пес, казалось, со мной согласен. Язык позы, если хотите. Он выжил, но далось ему это нелегко.

— Как солнце встанет,— сказал я ему,— пойдем домой. Гоблин с Одноглазым тоже потерялись, но это уже их дело.

После прихода пса Жабодава я расслабился. Наверное, люди тоже помнят прежнюю верность. Я был уверен, что пес предупредит меня в случае опасности.

Утром мы отыскали ручей и направились к Дыре. Я, как делаю нередко, подошел к Праотцу-Дереву, поболтать немного в одностороннем порядке о том, чего он навидался за годы своего дозора. Пес за мной не пошел. Странно. Ну и что? Странности на равнине в порядке вещей.

Гоблина и Одноглазого я нашел спящими. И храпящими. В Дыру они вернулись вскоре после того, как я отправился их искать. Ублюдки. Я с ними еще поквитаюсь.

Я их чуть с ума не свел — ни словом не обмолвился о ночи в пустыне.

— Сработало? — осведомился я.

Внизу, в туннеле, След чыт шумно приветствовал свою псину.

— Почти,— ответил Гоблин без особого энтузиазма.

— Почти? Что значит почти? Работает или нет?

— Ну, у нас небольшая сложность. Защитить тебя, чтобы Взятые тебя не засекли, мы можем. Так сказать, плащом прикрыть.

Многословие у этого типа — верный знак неприятностей.

— Но? Только без «но», Гоблин.

— Если ты покидаешь безмагию, невозможно скрыть, что ты снаружи.

— Чудно. Прекрасно. На кой бес вы, ребята, вообще нужны?

— Ну не настолько же все плохо,— встремял Одноглазый.— Ты не привлечешь ничьего внимания, если только они не узнают о твоем уходе из других источников. Я хочу сказать, тебя же специально искать не будут, верно? Причины нет. Так что мы получили почти все, чего желали.

— Бред! Лучше молитесь, чтобы следующее письмо пришло. Потому что, если я уйду и меня там прикончат,— угадайте с трех раз, к кому мой призрак будет являться?

— Душечка тебя не пошлет.

— Спорим? Да, она будет терзаться совестью дня тричтыре, но пошлет. Потому что последнее письмо даст нам ключ.

Внезапный страх. А не прочла ли Госпожа мои мысли?

— В чем дело, Костоправ?

От лжи меня избавил подошедший Следопыт. Он тряс и тискал мою руку как ошелелый.

— Спасибо, Костоправ! Спасибо, что вернул его! — воскликнул он и отошел.

— Что за черт? — спросил Гоблин.

— Я вернул его собаку.

— Странно.

Одноглазый подавился.

— Чайник кастрюлю черной назвал.

— Да-а? Дерьмо ящериное. Рассказать тебе кое-что о странностях?

— Хватит, — приказал я. — Если меня пошлют в поход, я хочу до отбытия привести в порядок этот развал. Хоть бы у нас был человек, способный это прочесть.

— Может, я помогу? — Это вернулся Следопыт. Здоровый безмозглый обалдуй. С мечом он сузий волшебник, но имя свое вряд ли сумеет записать.

— Как это?

— Прочитаю кое-что. Я знаю некоторые древние языки. Отец научил.

Он ухмыльнулся, будто сказал невесть что смешное. Взял документ на теллекурре и прочел вслух. Древние слова слетали с его губ естественно; так говорили на нем прежние Взятые. Потом он перевел. Это оказалась записка дворцовому повару — приготовить обед заезжим вельможам. Я с мучениями продрался через текст. Его перевод был безупречен. Лучше моего. Я трети слов просто не понимал.

— Н-ну... добро пожаловать в команду. Я скажу Душечке. — Под этим предлогом я ускользнул, обме-

нявшись за спиной Следопыта удивленным взглядом с Одноглазым.

Все загадочней и загадочней. Что он за человек? Помимо того, что странный. При первой встрече он напомнил мне Ворона и вполне подходил на эту роль. Когда я начал считать его могучим, медлительным и неуклюжим, он стал подходить и на эту роль. Неужели он таков, каким мы его себе рисуем?

Но добрый боец, благослови его боги. Лучше десяти наших.

Глава 23 Равнина Страха

Пришло время ежемесячного собрания. Общего сбираша, которое ничего не решает. Каждый носится со своим любимым проектом, осуществить который невозможно. Через шесть-восемь часов болтовни Душечка прекращает прения и объясняет, что нам делать.

Как всегда, на стенах висели карты. Одна показывала, где, по мнению наших лазутчиков, сейчас находятся Взятые. Другая — указанные менгирами места вторжений. На обеих выделялись огромные белые пятна — неизвестные нам области равнинны. На третьей карте были отмечены бури перемен за этот месяц — любимый проект Лейтенанта. Он искал закономерности. Как обычно, бури бушевали на окраинах. В этом месяце их было необычайно много, и больше обычного — в центральных областях. Сезонные колебания? Действительный сдвиг? Кто знает? Мы недостаточно долго наблюдаем за ними. А менгиры такие мелочи объяснять не удосуживаются.

Душечка немедленно кинулась в атаку.

— Налет на Ржу, — показала она, — произвел то действие, на которое я надеялась. Наши люди сообщают о по-всеместных антиимперских выступлениях. Это отвлекает внимание властей от нас. Но армии Взятых продолжают усиливаться. Особенно агрессивна в своих вторжениях Шепот.

Имперские войска входят на равнину почти каждый день, пытаются вызвать контратаку и подготовить солдат к

опасностям равнины. Шепот, как всегда, действует очень профессионально. С военной точки зрения, ее стоит бояться куда больше Хромого.

Хромой — неудачник. В основном не по своей вине; но ярлык прилип к нему намертво. Но неудачник он или победитель, он против нас.

— Этим утром пришло сообщение, что Шепот оставила гарнизон в дне пути от границы. Она возводит укрепления в ожидании нашего ответа.

Стратегия Шепот была ясна. Создать на равнине сеть поддерживающих друг друга крепостей; надстраивать ее медленно, пока равнина не запутается в ней. Опасная женщина. Особенно если она подсказала эту стратегию Хромому и так поступят все армии.

Эта стратегия уходит корнями в незапамятные времена и используется снова и снова каждый раз, когда регулярная армия сталкивается с партизанами в диких местах. Она рассчитана на длительный срок и требует от победителя большого упорства. Если оно есть, стратегия оправдывает себя; если его нет — терпит провал.

В нашем случае она сработает. У врага было двадцать с лишним лет, чтобы выкорчевать нас. И ему не надо удерживать равнину, разделавшись с нами.

С нами? Лучше сказать — с Душечкой. Остальные в уравнение не включены. Если Душечка потерпит поражение — восстания не будет.

— Они отнимают наше время, — продолжала Душечка. — Нам нужны десятилетия. Надо что-то сделать.

«Вот мы и приехали», — подумал я. Читая на лице ее — сейчас выйдут на свет результаты долгих утрызений совести. Так что я не был особенно удивлен, когда она сообщила:

— Я посылаю Костоправа добыть завершение рассказа, содержавшегося в посланиях ему. — О письмах уже знали. Душечка растрезвонила. — С ним пойдут двое помощников — Гоблин и Одноглазый.

— Что? Да никогда...

— Костоправ.

— Не буду! Посмотри на меня. Я никто. Меня и не заметят — так, бродит себе старикан. Таких на

свете полно. Но трое! Один из них негр! Другой карлик с...

Гоблин и Одноглазый окинули меня испепеляющими взорами.

Я хихикнул. Моя выходка поставила их в неловкое положение. Идти они хотели не больше, чем я иметь их под боком, но согласиться со мной на людях им гордость не позволяла. Хуже того — им пришлось бы согласиться друг с другом. Самолюбие!

Но я был прав. Гоблин и Одноглазый — фигуры известные. Я, впрочем, тоже, но меня, как я верно сказал, трудно приметить.

— Опасность заставит их сотрудничать, — показала Душечка.

Я отступил на последний рубеж обороны:

— В ту ночь, когда я был один в пустыне, со мной связалась Госпожа. Она ждет меня, Душечка.

Душечка подумала секунду.

— Это ничего не меняет. Мы должны получить остаток рассказа, прежде чем Взятые доберутся до нас.

Она была права. Но...

— Пойдете вы трое, — прожестикулировала она. — Будьте осторожны.

Следопыту наш спор переводил Масло.

— Я пойду, — предложил Следопыт. — Я знаю север. Особенно Великий лес. Там я получил свое имя. — Пес Жабодав у его ног зевнул.

— Костоправ? — спросила Душечка.

Я еще не примирился со своим уходом. Я вззвали решение на нее.

— Как тебе угодно.

— Тебе пригодится боец, — показала она. — Скажи ему, что ты его берешь.

Я хмыкнул, побурчал себе под нос и повернулся к Следопыту:

— Она говорит, что ты тоже пойдешь.

Его это порадовало.

Душечка сочла вопрос закрытым. Все решено. Собрание переключилось на доклад Шпагата, намекающий на

то, что Кожемякам не повредил бы налет вроде того, что пережила Ржака.

Я исходил злостью и паром, и никто не обращал на меня внимания, кроме Гоблина и Одноглазого. По их взорам я понял, что еще пожалею о своих оскорблений.

Мы не задержались. Мы отправились в путь четырнадцать часов спустя. Все для нас уже было готово. Из постели меня выволокли чуть за полночь, и вскоре я уже прятался в кораллах, наблюдая, как спускается небольшой летучий кит. За моим плечом вякал менгир, наставляя, как обижаживать болезненное китово самолюбие. Я не обращал внимания. Слишком быстро все происходит. Меня усадили в седло, прежде чем я решился ехать. Я отстал от событий.

Оружие, амулеты, деньги, провизия — все, что могло мне понадобиться, уже было собрано. Гоблин и Одноглазый, помимо этого, волокли с собой целый арсенал тавматургической мишуры. После того как кит высадит нас за вражескими позициями, мы собирались купить фургон и путешествовать на нем. «Чтобы везти всю эту ерунду», — ворчал я, — нам потребуются два фургона».

Следопыт путешествовал налегке. Еда, набор оружия из того, что в арсенале нашлось, и дворняга.

Кит взлетел. Нас окутала ночь. Я ощущал себя потерявшимся. Меня даже не обняли на прощание.

Кит поднимался до тех пор, пока воздух не стал холодным и разреженным. На востоке, юге и северо-западе я различил блеск бурь перемен. Они действительно становились все чаще.

Полеты на китах меня совершенно пресытили. Я скользился, дрожка, и, не обращая внимания на непрерывно болтающего о каких-то мелочах Следопыта, заснул.

В себя я пришел оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Ко мне нагнулся Следопыт.

— Проснись, Костоправ, — повторял он. — Проснись. Одноглазый говорит, что у нас неприятности.

Я вскочил, ожидая увидеть кружящих за бортом Взятых.

Нас и вправду окружали — четыре летучих кита и пара десятков мант.

— Откуда эти взялись?

— Прилетели, пока ты дрыхнул.

— Так в чем проблема?

Следопыт ткнул пальцем в сторону того, что на корабле было бы штирбортом.

Буря перемен. Проявляется.

— Просто вынырнула ниоткуда. — Ко мне подошел Гоблин. Он слишком нервничал, чтобы злиться. — Серьезная, если судить по скорости роста.

Сейчас буря имела в поперечнике не больше четырехсот ярдов, но ярость пастельных молний в ее сердцевине предсказывала: рasti бури будет быстро и страшно. Похоже обычного кошмара. Многоцветные вспышки раскрашивали мант и китов в немыслимые тона. Наш конвой поменял курс. На летучих китов бури влияют меньше, чем на людей, но они предпочитают все же избегать опасности. Ясно было, однако, что хоть краем, но буря нас заденет.

Пока я додумывался до такой мысли, буря росла. Шестьсот ярдов в поперечнике. Восемьсот. Цвета кипели и бурлили в чем-то, похожем на черный дым. Змеи неслышных молний, беззвучно шипя, кидались друг на друга.

Нижний край бури коснулся земли.

Молнии обрели голос. А буря разрасталась все быстрее, расплескивая во все стороны тот прирост, что должен был уйти в землю. Сила ее была невероятна.

Бури перемен редко приближались к Дыре больше чем на восемь миль. Даже на таком расстоянии они весьма внушительны — когда искры трещат в волосах и нервы идут враздрай. В те времена, когда мы еще служили Господже, я беседовал с ветеранами кампаний Шепот, и те рассказывали о своих муках во время этих бурь. Я никогда не верил их байкам до конца.

Когда край бури настиг нас, я поверил каждому слову.

Одну из мант захлестнуло. Она стала прозрачной, забелила в накатившей тьме кости. Потом она изменилась.

Изменялось все. Камни и деревья поплыли. Надоедавшие нам мелкие тварюшки оборачивались чем-то еще...

По одной из гипотез, странные твари равнины обяза-
ны своим происхождением бурям перемен. Предполага-
лось также, что бури создали и саму равнину. Что каждая
из них оттяпывает еще один кусочек нормального мира.

Киты уже не пытались обогнать бурю. Они нырнули к
земле, к границе бури, чтобы, если их превратят в нечто к
полету неспособное, падение было бы не слишком долгим.
Наилучшая тактика при любой буре перемен. Лежи и не
рыпайся.

Ветераны Шепот поговаривали о ящерицах, выраста-
ющих со слона, о пауках-чудовищах, о появляющихся у
ядовитых змей крыльях, о разумных существах, теряющих
рассудок и убивающих все, что попадается им на глаза.

Я испугался.

Впрочем, не настолько, чтобы не смотреть по сторо-
нам. Показав нам косточки, манта обрела нормальный
облик, но выросла. Как и вторая, когда буря захлестнула
ее. Не свидетельствует ли это о тенденции к росту на гра-
ницах бури?

Перемена достигла нашего кита — тот спускался мед-
леннее остальных. Несмотря на молодость, кит пытался не
сбросить нас. Волосы мои звенели. Мне показалось, что
нервы окончательно отказывают мне. Взгляд, брошенный
мной на Следопыта, подтвердил, что сейчас разразится эпи-
демия паники.

Кто-то из колдунов — то ли Гоблин, то ли Одноглазый
— попытался поиграть в героя и остановить бурю. Проще
остановить морской прилив. Грохот и рев заклятия сгину-
ли в гневе бури.

Когда край бури настиг нас, на мгновение наступила
тишина. А потом — адский рев. Ветер внутри потрясал
своей яростью. Мне хотелось только одного — вцепиться
во что-нибудь и держаться. Вокруг меня летали вещи, пре-
вращаясь друг в друга по пуги. Потом я бросил взгляд на
Гоблина. Меня едва не стошило.

Действительно, Гоблин. Голова его раздулась вдесяте-
ро. А все остальное точно наизнанку вывернулось. Вокруг
кишела орда паразитов, из тех, что живут на спинах лету-
чих китов, некоторые размером с голубя.

Следопыт и пес Жабодав выглядели еще хуже. Дворняга стала со слоненка ростом, клыки вытянулись, глаза светились невиданной злобой. На меня пес смотрел с леденящей душу голодной страстью. А Следопыт стал чем-то вроде демона, напоминающего обезьяну, но много разумнее. Оба походили на самый жуткий кошмар художника или колдуна.

Меньше всего изменился Одноглазый. Раздулся немногоЛо, но остался Одноглазым. Может быть, это оттого, что он за свои годы слишком укоренился в этом мире. Сколько мне известно, ему скоро полтора века стукнет.

Тварь, что была пском Жабодавом, двинулась ко мне, скала зубы... Летучий кит коснулся земли, и от толчка все мы полетели вверх тормашками. Вокруг завывал ветер. Странная молния сковала небо и землю. Сама почва, которой мы касались, пыла. Ползли камни. Корчились деревья. Звери этих частей равнины все выбрались наружу и метались, теряя облик, и жертва кидалась на хищника. Жуткое зрелище освещалось переменчивым призрачным светом.

Потом нас окутала пустота в сердце бури. Все застыло в той форме, которую только что приобрело. Ничто не двигалось. Следопыт и пес Жабодав, сброшенные толчком, валялись на земле. Одноглазый и Гоблин сидели нос к носу, готовые позволить своей вражде выйти за пределы обычных перебранок. Прочие киты, с виду не изменившиеся, лежали невдалеке. Из цветных лент в небе вылетела манта, упала и разбилась.

Пауза продолжалась минуты три. В тишине рассудок вернулся к нам. Потом буря перемен начала сворачиваться.

Распад бури происходил медленнее, чем рост, но и спокойнее. Терпеть пришлось несколько часов. Потом все сгинуло. Единственной жертвой оказалась разбившаяся манта. Но боги, как же мы все были потрясены.

— Нам чертовски повезло, — заметил я, пока мы перебирали багаж. — Могло и вовсе убить.

— Удача тут ни при чем, Костоправ, — ответил Одноглазый. — Как только наши чудовища почуяли бурю, они

тут же направились в безопасное место. Туда, где ничто не сможет убить нас. Или их.

Гоблин кивнул. Больно часто они друг с другом соглашаются в последнее время. Но мы все помнили, что они только что друг друга чуть не прикончили.

— А на что я походил? — спросил я. — Сам я никаких перемен не почувствовал, только нервничал очень. Вроде как напился, накурился и умом тронулся одновременно.

— Очень было похоже на Костоправа, — задумчиво ответствовал Одноглазый. — Только вдвое уродливее.

— И скучнее, — добавил Гоблин. — Ты произнес очень вдохновляющую речь о доблести Черного Отряда в сражениях со Жвачкой.

Я расхохотался:

— Бросьте.

— Нет, правда. Ты так и остался Костоправом. Может, от тех амулетов и есть толк.

Следопыт перебирал оружие. Пес Жабодав дрыхнул у его ног. Я показал пальцем.

— Не видел, — прожестикулировал Одноглазый.

— Он вырос, — добавил Гоблин, — и когти отрастил.

Их это, кажется, не беспокоило. Я решил последовать их примеру. В конце концов, китовые вши были немногим лучше дворняги.

Летучие киты остались на земле — вставало солнце. Спины их приобрели бурый с охрыными пятнами цвет, и мы стали ждать ночи. Манты пристроились на спинах остальных четырех китов. К нам они не приближались. Пожале, люди вызывали у них неприязнь.

Глава 24 Мир вокруг

Вечно мне ничего не рассказывают. И стоит ли жаловаться? Тайна — наша броня. Без нее никак. И весь про чий мусор. В наших условиях это железное правило выживания.

Наш эскорт не просто должен был проводить нас до границ равнины. У них было свое задание — то, о ко-

тором мне не сказали. Они должны были атаковать штаб Шепот.

Шепот ничто не предупредило. На границе равнины наши киты-спутники медленно спустились к земле. Манты последовали за ними. Ловя попутный ветер, они медленно продвигались вперед. А мы карабкались все выше, дрожа и хватая ртами воздух.

Манты нанесли удар первыми. По две, по три они проскальзывали над верхушками деревьев, пуская молнии в штаб-квартиру Шепот. Бревна и камни летели, как пыль из-под копыт. Вспыхнул огонь.

А воздушные чудовища плыли следом, чтобы испустить новый заряд молний, когда на улицы высыпали солдаты и горожане. Но настоящим ужасом были их щупальца.

Киты набивали пасти людьми и животными. Они рушили дома и укрепления. Вырывали с корнем деревья. И молотили по Шепот своими разрядами.

Тем временем манты поднялись на тысячу футов и снова парами и тройками пикировали, атакуя наносящую ответный удар Шепот.

Ответ ее, хотя и выжег широкую полосу в боку летучего кита, позволил мантам засечь Взятую и хорошо отделать ее, хотя одну манту та все же сбила.

Мы пролетали над полем боя, вспышки и пожары освещали брюхо нашего кита. Если кто-то и увидел чудовище с земли, вряд ли на его спине заметили нас. Гоблин и Одноглазый не засекли ничего, кроме инстинкта выживания.

Мы пролетели над городом, а бой все продолжался. Гоблин заявил, что Шепот сбежала, слишком озабоченная собственным спасением, чтобы помогать своим людям.

— Хорошо, что на нашу долю боя не досталось,— заметил я.

— Это трюк одноразовый,— возразил Гоблин.— В следующий раз они будут готовы.

— После Ржи — могли бы и сейчас подготовиться.

— Может, у Шепот проблемы с самолюбием?

Не «может», а «совершенно точно». Я с ней встречалася. Это ее слабое место. Она не была готова к атаке, пола-

гая, что мы ее слишком боимся. В конце концов, она самая талантливая из Взятых.

Наш могучий скакун вспахивал ночь, отмечая назад звезды, гудя, булькая, шевелясь. Я становился оптимистом.

На заре мы опустились в каньоне посреди Ветреного Края, еще одной пустыни — в отличие от равнинны Страха, нормальной. Продутый ветрами простор. Мы поели и отоспались. А с наступлением ночи продолжили путь.

Пустыню мы покинули южнее Лордов, свернули к северу над Облачным лесом, избегая человеческого жилья. За Облачным лесом кит нас высадил. Дальше мы пошли пешком.

Жаль, что мы не могли проделать по воздуху весь путь. Но ни Душечка, ни сами киты не соглашались рисковать больше необходимого. Дальше лежали края густонаселенные, мы не смогли бы незамеченными пережидать день. Отсюда нам предстояло путешествовать по старинке.

В пятнадцати милях впереди лежал свободный город Розы.

Свободными — республиканская плутократия — Розы были с незапамятных времен. Даже Госпожа решила не нарушать традиции. Во время нашей северной кампании невдалеке разразилась великая битва, но место выбирали мятежники, не мы. Мы тогда проиграли, а Розы на несколько месяцев потеряли независимость. Потом победа Госпожи при Чарах покончила со властью мятежников. Так что в общем и целом Розы относились к Госпоже дружелюбно.

Хитрая сука.

Добирались мы на попутных. Угробили целый день. Мы с Гоблином и Одноглазым были не в лучшей форме. Слишком долго бездельничали. И постарели.

— Глупо это все, — сказал я, когда мы подходили к воротам в красноватой от заката городской стене Роз. — Мы тут все бывали прежде. Вас двоих точно припомнят, после того как вы полгорода обобрали.

— Обобрали? — возмутился Одноглазый. — Кто кого обобрав?

— Вы, шуты гороховые. Продавали свои безотказные амулеты, когда мы охотились за Загребущим.

Загребущий был когда-то генералом мятежников. На севере он вышиб из Хромого дух с кишками; потом Отряд с небольшой помощью Душелова заманил его в ловушку у Роз. На горожанах тогда нажились и Гоблин, и Одноглазый. Последний особенно преуспел в этом. На юге, когда мы еще служили на берегах моря Мук, он участвовал в каждом сомнительном деле, какое мог найти. И большую часть грязных денег тут же проигрывал в карты. Он, помоему, худший картежник в мире.

Уж за пятьдесят один-то год можно научиться очки считать.

Планировали мы остановиться на каком-нибудь паршивом постоялом дворе, где лишних вопросов не задают. На следующий день мы со Следопытом должны были купить фургон и упряжку. А потом подъехать к месту высадки, забрать те вещи, которые мы не смогли утащить на спинах, и обогнуть город по пути на север.

Это был план. Но Гоблина с Одноглазым он не стеснил.

Первое правило солдата: выполнять приказ. Задание прежде всего.

Гоблин и Одноглазый полагают, что все правила созданы, чтобы их нарушать. Вернулись мы со Следопытом (пес Жабодав лениво тащился следом) уже ближе к вечеру. Фургон мы оставили перед входом; Следопыт остался стояржить, а я поднялся наверх.

Ни Гоблина, ни Одноглазого.

Содержатель постоялого двора сообщил, что колдуны ушли вскоре после нас, обсуждая, где бы найти баб.

Моя вина. Я тут главный. Следовало предусмотреть. Слишком долго мы были в пустыне. Я заплатил за две ночи вперед — на всякий случай. Потом отогнал фургон с упряжкой в стойло, поужинал с молчаливым Следопытом и отправился в комнату с несколькими квартирами пива. Вылакали мы его вместе — я, Следопыт и пес Жабодав.

— Будешь их искать? — спросил Следопыт.

— Нет. Если они не вернутся через два дня или не устроят в городе погром, отправимся без них. Не хочу,

чтобы меня с ними видели. Слишком многие тут их еще помнят.

Мы уже были здорово навеселе. Пес Жабодав под столом глотал пиво совершенно по-человечески. Пиво он обожал. Даже вставал и ходил ради него без особой нужды.

На следующее утро Гоблин так и не пришел. Как и Одноглазый. Зато слухов ходило изрядно. В общий зал мы зашли поздно, после утренней свалки и до обеденной горячки. Разносчику больше не с кем было беседовать.

— Эй, парни, не слыхали, что вчера вечером приключилось на восточной окраине?

Я застонал, прежде чем он перешел к сути дела. Я понял.

— Да. Сущая война. Пожары, колдовство, толпа буйствует. Такого в старом городе не видывали со времен того генерала... как биши его?.. которого Госпожа схватить хотела.

Когда разносчик отошел доводить следующего клиента, я сказал Следопыту:

— Нам пора уносить ноги.

— А что с Гоблином и Одноглазым?

— Сами о себе позаботятся. Если подвернулись под самосуд — очень хорошо, а я ради них головой рисковать не намерен. А если вывернулись — план они знают. Догонят.

— Я думал, Черный Отряд не оставляет своих мертвых.

— Так и есть,— ответил я, но не уступил. Пусть наши волшебники варятся в том зелье, которое сами сварганили. Я не сомневался — выживут. Они уже попадали в переделки, тысячу раз. Долгий пеший переход должен благотворно повлиять на их отношение к дисциплине.

Покончив с завтраком, я сообщил хозяину, что мы со Следопытом уезжаем, а вот друзья наши останутся. Потом оттащил протестующего Следопыта к фургону, запихал внутрь и, когда мальчишка отвязал поводья, двинул к западным воротам.

Ехали мы долго, по извилистым улочкам, через дюжину кругоспинных мостиков через каналы, но от вчерашних глу-

постей все же удалялись. По пути я рассказывал Следопыту, как мы загнали Загребущего в петлю. Ему понравилось.

— Это торговая марка Отряда, — заключил я. — Заставить врага совершить ошибку. В бою мы были лучшими, но дрались мы только когда ничто другое не помогало.

— Но вам платили, чтобы вы дрались.

Все для него черно-белое. По-моему, он слишком долго в лесах жил.

— Нам платили за результат. Если мы могли добиться его без боя, тем лучше. Нужно только изучить своего врага. Найти слабость и воспользоваться ею. Душечка в этом мастерица. Хотя со Взятыми в этом отношении проще, чем кажется. У них у всех самолюбие болезненное.

— А Госпожа?

— Сказать не решусь. Не нашел я у нее слабостей. Немного тщеславия, но я не знаю, как за него зацепиться. Может, ее желание властвовать. Пусть захватит больше, чем сможет удержать... Не знаю. Она осторожна. И умна. Вспомни, как она раздалась с мятежниками при Чарах. Убила одним камнем трех птичек. Она не просто избавилась от мятежников; она выявила ненадежных Взятых и подавила попытку Властелина выбраться с их помощью.

— А как с ним?

— Пока это не проблема. Но он, вероятно, уязвимее Госпожи. Он не мыслитель. Он вроде быка. Так силен, что ума не надо. Ну немного хитрости, как под Арчой, но большей частью — прямой удар кувалдой.

Следопыт задумчиво кивнул:

— А в этом, наверное, что-то есть.

Глава 25

Курганье

Грай просчитался. Он забыл, что не только Кожуха заинтересует его судьба.

Искать его начали, когда он не появился на работе, — в разных местах. Колотили в дверь, стучали в окна — ответа не было. Кто-то подергал за дверную ручку. Заперто. Тут забеспокоились всерьез.

Одни предлагали пойти разбираться к высокому начальству, другие — действовать решительно. Последние победили. Замок был выломан, и собравшиеся очутились в доме.

Меблировка оказалась скучной, а чистота — почти противоестественной.

— Вот он! — заорал первый, кто поднялся на чердак. — У него вроде удар!

Толпа набилась на чердак. Грай сидел за столом; перед ним лежали пакет в промасленной коже и книга.

— Книга! — удивился кто-то. — Ну как есть странный тип!

Кто-то пощупал Граево горло, обнаружил, что слабенький пульс есть, что Грай дышит, — но куда реже и поверхностней, чем спящий.

— Да, наверное, удар. Сидел тут, почитывал, а его и скрутило.

— С моим дядей так было, — поддержал другой мужик. — Когда я пацаном был. Сидел, сказку баял, потом побелел и скопытился.

— Да он жив еще. Надо сделать что-то. Может, поправится еще.

Все, спотыкаясь и толкаясь, ринулись вниз.

Кожух узнал о случившемся, когда толпа ввалилась в штаб. Был он в тот момент на дежурстве, и новости поставили его в безвыходное положение. Он дал слово Граю... но и уйти с поста не мог.

Сироп интересовался Граем лично, и оттого новости достигли его тут же. Полковник вышел из кабинета, углядел потрясенного Кожуха.

— Слышал? Пошли глянем. А вы цирюльника приведите. И коновалы.

Стоит задуматься о ценности человеческой жизни, когда в армии числятся коновалы, но нет врачей.

Начинался тот день знаменательно — редкостно ясным небом. Теперь набежали тучи, на деревянных настилах остались пятнышки первые дождевые капли. Следяя вместе с дюжиной солдат за полковником, Кожух едва слышал замечания Сиропа о необходимости их починки.

Дом Грая окружала толпа.

— Дурные вести не сидят на месте, сударь,— заметил Кожух.

— Да ну? Посторожите, ребята. Заходим.— Внутри полковник задержался.— У него всегда было так чисто?

— Так точно. У него был пункттик насчет порядка и распорядка.

— Странно. Егоочные прогулки едва ли не выходят за рамки.

Кожух пожевал губу и подумал, не стоит ли передать полковнику послание Грая. Решил, что еще не время.

— На чердаке? — спросил полковник одного из тех, кто нашел Грая.

— Да, сударь.

Кожух уже взлетел наверх. Заметив пакет в промасленной коже, он, не раздумывая, сунул его за пазуху.

— Сынок...

Кожух обернулся. В дверях стоял нахмуренный Сироп.

— Ты что делаешь?

Полковник был самой устрашающей фигурой, какую мог себе вообразить Кожух,— даже страшнее жестокого и требовательного отца. Как ответить, юноша не знал. Он стоял и трясся.

Полковник протянул руку. Кожух отдал ему пакет.

— Так что ты делал, сынок?

— Э... сударь... однажды...

— Ну? — Полковник осмотрел Грая, не прикасаясь к телу.— Ну давай рассказывай.

— Он просил меня отправить письмо, если с ним что-то случится. Ему казалось, что его время истекает. И он сказал, что письмо будет в кожаном пакете — на случай дождя и все такое. Сударь.

— Понимаю.— Полковник кончиками пальцев приподнял подбородок Грая. Пакет он положил на стол, потом приподнял веко Грая. Зрачок был не больше булавочной головки.— Хм-м-м.— Полковник пощупал лоб пострадавшего.— Хм-м-м.— Он нажал на несколько рефлекторных точек. Никакой реакции.— Странно. На удар непохоже.

— А что же это такое, сударь?

Полковник Сироп выпрямился:

— Может, ты мне подскажешь?

— Простите?

— Ты говорил, будто Грай ожидал чего-то.

— Не совсем. Он чего-то боялся. Говорил, что стар и что его время вышло. Может, у него была какая-то болезнь, а он никому не признавался?

— Может быть. А, Всхолм.— Явился коновал.

Проделав те же манипуляции, что и полковник, он выпрямился и покал плечами:

— Не по моей части, полковник.

— Лучше перенести его туда, где за ним присмотреть можно. Этим ты и займешься, сынок,— приказал полковник Кожуху.— Если он вскоре не придет в себя, придется кормить его насилино.— Он побродил по комнате, глянул на корешки дюжины томов.— Человек ученый. Так я и думал. Гора контрастов. Я все раздумывал, кто же он на самом деле.

Кожух начал опасаться за Грая.

— Мне кажется, сударь, что он когда-то был важной персоной в одном из Самоцветных городов, но потерял все и был вынужден вступить в армию.

— Об этом поговорим, когда перенесем его. Пошли.

Кожух последовал за очень задумчивым полковником. Может, все-таки стоило передать предупреждение Грая?

Глава 26 По дороге

На исходе третьего дня, когда мы со Следопытом успели вернуться к месту высадки, загрузить фургон и двинуться на север по дороге на Клин, я начал подумывать, а не подвела ли меня логика. Ни Гоблина, ни Одноглазого.

А беспокоиться не стоило. Настигли они нас близ Мейстрикта, крепости в Клину, которую Отряд, будучи на службе у Госпожи, когда-то удерживал. Мы съехали с дороги в рощу и готовились к ужину, когда услыхали перебранку.

— А я настаиваю, что ты во всем виноват,— верещал голос, принадлежащий, несомненно, Гоблину,— ты, червебразный заменитель рыбачьей наживки! Да я бы тебе мозги в кисель превратил за то, что ты втравил меня в это дело, если бы только у тебя были мозги!

— Я виноват. Я виноват?! О боги, да он даже себе не способен сказать правду! Это я его втравил в им же придуманное дело?! Слушай, ты, пожиратель навоза, за этим холмом — Мейстрикт. Там нас помнят еще лучше, чем в Розах. А теперь я спрашиваю тебя еще раз: как пройти через город, чтобы нам глотки не перерезали?

Сдержав понятное облегчение, я не стал кидаться к дороге.

— Верхом едут,— сообщил я Следопыту.— Как по-твоему, где они взяли коней? — Я попытался отыскать хоть что-то светлое.— Может, выиграли в карты, шулера несчастные? Если Одноглазый не лез Гоблину под руку.— Одноглазый такой же паршивый шулер, как и картечник. Иногда мне кажется, что он склонен к самоубийству.

— А все ты с твоим проклятым амулетом! — пискнул Гоблин.— Госпожа не сможет его найти! Отлично! Так и мы не можем.

— Мой амулет? Мой амулет?! Да кто, чтоб ты сдох, вообще ему амулет подарил?

— А нынешнее заклятие кто придумал?

— А накладывал кто? Ну, скажи мне, жабий сын, скажи!

Я выбрался к опушке. Колдуны уже миновали нас. Следопыт полз за мной. Ради такого зрелища с места двинулся даже пес Жабодав.

— Стоять, мятежники! — взревел я.— Первый, кто ~~дышится~~, — мертвей!

Глупо, Костоправ. Очень глупо. Ответили они быстро и весело. Чуть меня не прикончили.

Колдуны исчезли в сияющих облаках. А вокруг нас со Следопытом возник гнус. Оказывается, на свете намного больше жучков, чем я себе представлял, и каждый из них стремился мной пообедать.

Пес Жабодав зарычал и принялся щелкать челюстями.

— Хватит, шуты базарные! — взвыл я.— Это я, Костоправ!

— Какой Костоправ? — спросил Одноглазый у Гоблина.— Ты знаешь какого-нибудь Костоправа?

— Да. Но останавливаться не стоит,— ответил Гоблин, высунувшись из облачка, чтобы проверить.— Он свое заслужил.

— Точно,— согласился Одноглазый.— Но Следопытто ни при чем. А я не могу перенести чары на одного Костоправа.

Гнус вернулся к своим гнусным делишкам — наверное, принялся жрать сам себя. Я сдержал гнев и поприветствовал колдунов. Оба изобразили оскорбленных невинных овечек.

— Ну что скажете в свое оправдание, ребята? Хорошие у вас кони. Интересно, а хозяева их не хватятся?

— Погоди! — пискнул Гоблин.— Ты нас обвиняешь...

— Я вас знаю. Слезайте с коней и пошли есть. Завтра решим, что с ними делать.

Я повернулся к колдунам спиной. Следопыт уже вернулся к походному костру и раскладывал по тарелкам ужин. Я принялся помогать ему, внутренне все еще кипя. Придурки конокрады. Мало им того шума, что они и без того подняли... У Госпожи везде свои люди. Мы, может быть, и не худшие из ее врагов, но уж какие ни на есть. Кто-то обязательно придет к выводу: Черный Отряд вернулся на север.

Заснул я с мыслью о возвращении. Меньше всего нас будут искать на дороге к равнине Страха. Но я не мог наплевать на приказ. Слишком многое от нас зависело. Хотя первоначальный мой оптимизм подвергался серьезной опасности.

Черговы безответственные клоуны.

Наверное, когда-то сгинувший под Аркой Капитан чувствовал то же самое. У него хватало на это поводов.

Я приготовился к золотым снам. Дремал я беспокойно, но сновидения так и не пришли.

Следующим утром я запихал Гоблина и Одноглазого в фургон, под мешки с той ерундой, что мы сочли жизненно

важной в экспедиции, отвязал их коней и направил фургон в Мейстрикт. Пес Жабодав трусил под колесами, Следопыт шел рядом. Я правил. Гоблин и Одноглазый шипели и матерились под мешками. Стража в форте поинтересовалась, куда мы направляемся, с такой скучой в голосе, что я понял — на все им наплевать.

Эти земли были приручены еще в те времена, когда мы проходили тут с Отрядом. Здешний гарнизон и помыслить не мог, что беда вновь поднимет голову.

Успокоившись, я свернула на дорогу, уходившую к Вязу и Веслу. И к Великому лесу за ними.

Глава 27 Весло

— Уймется эта погода когда-нибудь? — проныл Одноглазый.

Уже неделю мы тащились на север, поливаемые ежедневными дождями. Дороги развезло и обещало размыть совсем. Попрактиковавшись в форсбергском диалекте на встречных крестьянах, я выяснил, что такая погода стоит в здешних краях годами. Урожай трудно было доставить в город, а пуще того — вырастить. В Весле уже случилась вспышка антонова огня — болезни, связанной с поражением зерна головней. И мошки прибавилось — комарья в особенности.

Зимы же, пусть снежные и слякотные, были мягче, чем когда Отряд стоял тут лагерем. А мягкие зимы обещают плохой урожай. С другой стороны, меньше стало и дичи — звери не могли кормиться в глубоком снегу.

Циклы. Просто циклы, так учат нас древние. После прохождения Великой Кометы наступают плохие зимы. Но этот цикл был всем прочим цикл.

А сегодня погода была особенно впечатляющей.

— Сделка, — объявил Гоблин.

Он ничем не торговал — впереди громоздилась крепость, давным-давно отбитая Отрядом у мятежников. Дорога петляла под ее ухмыльчивыми стенами. Меня мучили

предчувствия, как обычно, стоило нам оказаться под стенами имперского бастиона. Но в этот раз для беспокойства не было причин. Госпожа была столь уверена в Форсберге, что огромная крепость оказалась оставлена. Следовало бы сказать — заброшена. Соседи, как это в обычае крестьян по всему миру, растиаскивали ее по кусочку. Поглаю, это единственное, что они получали в обмен на свои налоги.

— Завтра в Весло,— сказал я, когда мы вылезали из фургона у придорожного постоялого двора в паре миль от Сделки.— И в этот раз чтоб никаких выходок. Все слышали?

У Одноглазого хватило совести изобразить смущение. Но Гоблин начал возмущаться.

— Поговори-поговори мне,— посоветовал я.— А Следопыт тебя тем временем оглушит и свяжет. Мы не в игры играем.

— Жизнь — это игра, Костоправ,— ответил Одноглазый.— Ты слишком серьезно ее воспринимаешь.

Тем не менее они вели себя прилично — как той ночью, так и на следующий день, когда мы въехали в Весло.

Я нашел постоялый двор для мелких торговцев и путешественников в районе, куда мы прежде не заглядывали. Внимания мы не привлекли. Мы со Следопытом присматривали за колдунами, но те вроде бы не собирались делать глупостей.

На следующий день мы со Следопытом отправились искать кузнеца по имени Песок. Гоблин и Одноглазый остались на постоялом дворе под угрозой самых страшных кар, какие я только мог придумать.

Найти заведение Песка оказалось несложно. В своем деле он был давно известен и снискал уважение. Мы следовали полученным указаниям. Проходили по знакомым мне улицам. Тут Отряд претерпел немало приключений.

По дороге я обсуждал те приключения со Следопытом.

— Здесь немало новых домов,— заметил я.— Мы тут изрядно накуролесили.

Пес Жабодав шел с нами — последнее время у него случались приступы активности. Внезапно он остановился,

подозрительно огляделся, сделал несколько осторожных шажков и опустился на брюхо.

— Неприятности, — перевел Следопыт.

— Какие?

На вид — ничего особенного.

— Не знаю. Говорить-то он не умеет. Просто показывает: «поберегись».

— Ладно. Осторожность денег не просит.

Мы свернули в лавочку, где торговали и чинили упряжь. Следопыт поболтал с приказчиком — якобы нужно ему охотничье седло, на крупного зверя идти. Я стоял в дверях и осматривал улицу.

Опять-таки — ничего примечательного. Люди, как обычно, носятся по обычным своим делам. Но чуть погодя я заметил, что у лавки Песка не толпится народ. И звона кузнечного не слыхать — а ведь, по идее, Песку полагалось бы присматривать за толпой подмастерьев и учеников.

— Эй, хозяин! А что у того кузнеца случилось? В последний раз, как мы заглядывали, он нам кой-какую работенку делал. А сейчас пусто вроде.

— Серые мальчики с ним случились. — Шорник явно чувствовал себя не в своей тарелке. Серые мальчики — это имперцы. На севере они носят серые мундиры. — Мало дураку было прежде. Мятежник он.

— Паршиво. Кузнец-то хороший. Был. И что нормальных-то мужиков на политику тянет? Нам бы хоть на жизнь заработать.

— Да я понимаю, братец. — Шорник помотал башкой. — Вот что скажу. Если вам к кузнецу, идите-ка вы со своими делами отсюда подальше. Серые тут все время ошиваются, кто ни спросит — тут же забирают.

В этот самый момент из-за кузни вышел имперец и пристроился рядом с торговцем пирожками.

— Чертовски неуклюже, — заметил я. — И неумно.

Ремесленник глянул на меня косо, но Следопыт, прикрывая меня, отвлек его. Не так он и туп, как мне показалось сперва. Просто необщителен.

Потом Следопыт сказал, что подумает над предложением шорника, и мы отошли.

— Что теперь? — спросил Следопыт вполголоса.

— Можно после заката приволочь Гоблина с Одноглазым, чтоб те наложили сонное заклятие, зайти и посмотреть. Но вряд ли имперцы оставили что-то интересное. Можно выяснить, что они сотворили с Песком, и попытаться на него выйти. Или можно отправиться в Курганье.

— Что самое безопасное.

— С другой стороны, мы не будем знать, что нас ждет. Мало ли почему арестовали Песка. Лучше обсудить с остальными. Одна голова — хорошо...

Следопыт хмыкнул:

— Много ли времени пройдет, прежде чем этот торгаш нас заподозрит? Чем дольше он думает, тем вернее приходит к мысли, что интересовались мы кузнецом.

— Может быть. Но сон из-за этого я терять не собираюсь.

Весло — город размеров немалых. Перенаселенный. Полный соблазнов. Теперь я понимал, чем Розы соблазнили Гоблина и Одноглазого. Последним крупным городом, который Отряд осмелился посетить, была Труба. Шесть лет назад. А с той поры только глушь и деревни. Я с трудомправлялся с собственными искушениями. Я знал в Весле пару местечек...

На прямой линии меня удерживал Следопыт. Никогда раньше не встречал человека, менее интересующегося обычными ловушками на людей.

Гоблин считал, что нам следует имперцев усыпить и допросить. Одноглазый хотел срочно убраться из города. Солидарность их исчезла, как мороз на ясном солнышке.

— Логически размышляя, — сказал я, — ночью охрана должна быть сильнее. Но если вас туда сейчас тащить, кто-нибудь непременно вас узнает.

— Тогда надо отыскать старца, что приволок первое письмо, — не сдавался Гоблин.

— Хорошая мысль. Но. Подумай: даже если ему очень повезло, ему до здешних мест еще ой как далеко. Его-то не подбрасывали по пути, как нас. Не-ет. Уходим. Нервничая я в Весле.

Слишком много искушений, слишком много шансов быть узнанными. И слишком много народу. На равнине я привык к одиночеству.

Гоблин хотел еще спорить. Он слыхал, дескать, что северные дороги отвратительны.

— Знаю,— парировал я.— А еще я знаю, что армия строит новый тракт на Курганье. И провела его на север достаточно далеко, чтобы торговцы могли им пользоваться.

Споров больше не было. Выбраться из города им хотелось не меньше, чем мне. Неохотно согласился лишь Следопыт — тот самый, кто первым предложил уходить.

Глава 28 В Курганье

В Весле погода была маловдохновляющей. Севернее она становилась скиснувшим убожеством, пусть даже имперские инженеры сделали все, чтобы дорога оставалась проходимой. Большая часть тракта была покрыта уложенными встык просмоленными досками. В местах, где снега бывали особенно высоки, виднелись каркасы снегозащитных экранов.

— Размах впечатляет,— признал Одноглазый.

— Угу.— Предполагалось, что после триумфа Госпожи при Арче на Властелина можно наплевать. Не слишком ли много чести — поддерживать дорогу в таком состоянии?

Новая дорога проходила намного западнее прежней — Великая Скорбная река меняла русло и продолжала менять. В результате путь от Весла до Курганья стал на пятнадцать миль длиннее. Последние сорок пять миль дороги оставались недостроены, и там нам пришлось несладко.

Порой попадались торговцы — все едущие на юг. Они качали головами и говорили, что мы тратим время зря. Сказочные сокровища испарились. Дикари выбили всю пушную дичь.

С момента нашего отъезда из Весла Следопыт был не в себе, и я не мог понять отчего. Может быть, суеверие? Для форсбергского простонародья Курганье остается символом

ужаса. Властелином матери пугают ребятишек, как букой. Четыреста лет его нет на свете, но печать не стерта до сих пор.

Последние сорок пять миль мы преодолевали неделю. Я начинал беспокоиться. Мы могли и не вернуться домой до зимы.

Мы только что выехали из леса на поляну вокруг курганов. Я остановил фургон.

— Тут все поменялось.

Из-за моей спины выползли Гоблин и Одноглазый.

— Тыфу! — Гоблин икнул. — Точно.

Курганье казалось заброшенным. Просто болото, хотя самые высокие точки прежнего Курганья оставались заметны. Во время нашего последнего посещения орда имперцев неутомимо и непрестанно расчищала, чинила, осматривала все вокруг.

Теперь здесь правила тишина. Она беспокоила меня еще больше, чем упадок Курганья. Неторопливый, неухвающий дождь моросят с темно-серого неба. Холод. И тишина.

Дорога тут тоже была завершена. Мы покатили вперед. До самого города — краска слезала с рассыпающихся домов — не встретили мы ни единой живой души.

— Стойте и назовитесь, — окликнул нас кто-то.

Я остановил фургон.

— А ты где?

Необычайно активный пес Жабодав прохромал к одной из развалюх и принюхался. На дождь вышел бурчащий стражник.

— Тут.

— Ох, напугали вы меня. Фитиль я, из товарищества «Фитиль, Кузнец, Кузнец, Портной и сыновья». Торговцы мы.

— Да? И эти тоже?

— Кузнец и Портной — в фургоне. А это Следопыт. Он на нас работает. Мы из Роз. Прослышали, что дорога на север опять открыта.

— Теперь-то разобрались, что к чему? — Стражник фыркнул. Я выяснил, что в хорошем настроении он пребы-

вал по случаю погоды. День, по тутошим меркам, выдался ясный.

— Как у вас тут дела делаются? — спросил я. — Нам где-то в определенном месте останавливаться?

— Кроме «Синелоха», вам приткнуться негде. Там посетителям рады будут. Устраивайтесь. Завтра к утру доложитесь в штабе.

— Хорошо. А где «Синелох»?

Стражник объяснил. Я дернулся за вожжи, фургон тронулся.

— Не слишком строго, — заметил я.

— А куда бежать-то? — возразил Одноглазый. — Они знают, что мы здесь. Путь отсюда только один. Не станем играть по их правилам — заткнут горлышко, и все.

Ощущение возникало именно такое.

И еще погода вносила свою лепту. Мрачность. Уныние. Улыбки были редки, да и те по большей части дежурные.

Трактирщик в «Синелохе» даже имен не спросил — только деньги вперед. Другие торговцы на нас не обращали внимания, хотя торговля мехами традиционно была монополией Весла.

На следующий день несколько местных явились поглязеть на наши товары. Загрузились мы тем, что, как я слыхал, пользуется тут спросом, но покупателей было немногого. Расходилось только спиртное. Я спросил, как связаться с лесовиками.

— Ждать, — ответили мне. — Придут, когда придут.

Разделавшись с этим, я направился в штаб Вечной Стражи. Само здание не изменилось, хотя окружавшие его бараки несколько подразвались.

Первым, кого я встретил, оказался приветствовавший нас днем раньше стражник. С ним мне и предстояло вести дела.

— Фитиль меня зовут, — повторил я. — Из товарищества «Фитиль, Кузнец, Кузнец, Портной и сыновья», из Роз. Торговцы мы. Мне велено тут доложиться.

Стражник странно глянул на меня, точно пытался что-то припомнить. Что-то его беспокоило. Как дырка в зубе.

Я не хотел, чтобы стражник беспокоился. Еще вспомнит, не дай бог.

— С тех пор как я отслужил свое, тут многое переменилось.

— Все к псам катится,— проворчал стражник.— К псам. С каждым днем хуже. Ты думаешь, кому-то не на плевать? Да мы сгнием тут. Сколько твоих?

— Четверо. И собака.

Неверно. Стражник скривился. Чувства юмора нет.

— Как называются?

— Фитиль. Один Кузнец. Портной. Следопыт. Он на нас работает. И пес Жабодав. Этого надо звать полным именем, а то обижается.

— Да ты у нас шутник?

— Эй, не обижайся. Уж больно у вас тут мрачно.

— Ага. Читать умеешь?

Я кивнул.

— Правила вывешены во-он там. У тебя есть выбор: подчиняться им — или сдохнуть. Кожух!

Из соседней комнаты выбежал солдат:

— Да, сержант?

— Новый торгаш. Проверь его. Ты в «Синелохе», Фитиль?

— Да.

Правила не изменились. Даже лист пергамента тот же, выцветший настолько, что почти не прочесть. Говорилось там в основном: «Не лезь в Курганье. Если оно тебя не прикончит — это сделаем мы».

— Сударь? — переспросил рядовой.— Когда вы будете готовы?

— Да я уже готов.

Мы вернулись в «Синелох». Солдат перебрал наши вещи. Единственное, что заинтересовало его,— мой лук и количество оружия в фургоне.

— Зачем столько оружия?

— Слыкали, что с дикарями стычки бывают.

— Брешут да заливают. Только воровство у них.

Гоблин и Одноглазый особого внимания не привлекли.

Вот и отлично.

— Правила вы читали. Их и держитесь.

— Я их давно знаю,— ответил я.— Когда я в армии служил, мы тут гарнизоном стояли.

Солдат пришурился на меня, кивнул и ушел.

Все мы облегченно вздохнули. Гоблин снял скрывающее заклятие с колдовских принадлежностей, которые они с Одноглазым наволокли. Пустой угол за спиной Следопыта наполнился вещами.

— Он может вернуться,— запротестовал я.

— Не стоит держать заклятие дольше необходимого,— разъяснил Одноглазый.— Кто-нибудь может ощутить его присутствие.

— Согласен.— Я захлопнул ставни на единственном окне. Заскрипели петли.— Смазать бы,— предложил я, глядя на город.

Мы находились на третьем этаже самого высокого здания в городе, если не считать казарм стражи. Я увидел дом Боманица.

— Ребята. А ну-ка, гляньте.

Они глянули.

— А он в чертовски хорошем состоянии.— Когда я последний раз видел этот дом, его впору было сносить. Суеверный страх отваживал жильцов. Помнится, я туда пару раз заглядывал.— А не пройтись ли нам, Следопыт?

— Нет.

— Ну как хочешь («Интересно, есть ли у него тут враги?»), но мне было бы спокойнее с тобой.

Он пристегнул ножны к перевязи. Вместе мы вышли на улицу — если так можно было назвать эту лужку грязи. Дорожный настил доходил только до казарм, с веткой на «Синелох». По всему же городу имелись лишь пешеходные дорожки.

Мы изображали зевак. Я рассказывал Следопыту истории о прежних своих визитах сюда — почти правдивые. Я пытался натянуть на себя иную личину — многословного и веселого парня. Интересно, а не трачу ли я время зря? Речи мои явно никого не интересовали.

Дом Боманица был любовно восстановлен. Но жилым не выглядел. И охраняемым — тоже. И на постамент его

не ставили. Странно. За ужином я спросил об этом хозяина — тот уже определил меня как ностальгического при-дурка.

— Какой-то мужик туда переехал лет пять назад. Ка-лека. Подрабатывал в Страже. А в свободное время привел дом в порядок.

— А что с ним случилось?

— Ну, месяца четыре назад, если меня память не под-водит, его вроде удар хватил. Нашли его еще живым, но вроде овоща. Отвезли в казармы — он, сколько я знаю, и посейчас там. Кормят как младенца. Вам надо было того парнишку, что с вами приходил, спросить. Они с Граем большие приятели были.

— С Граем? Спасибо. Еще кувшин.

— Пошли, Костоправ, — прошептал Одноглазый. — Плюнь ты на пиво. Он его сам варит. Вкус премерзкий.

Колдун был прав. А я начал привыкать к напряжен-ным раздумьям.

Мы обязаны попасть в этот дом. А это значит — ночь и колдовские штучки. И самый большой риск после той эскапады в Розах.

— Как ты полагаешь, это не овладение? — спросил Гоблина Одноглазый.

Гоблин пососал губу:

— Подумать надо.

— Вы о чем? — осведомился я.

— Чтобы быть уверенным, мне надо посмотреть само-му, Костоправ, но то, что случилось с этим Граем, на удар не похоже.

Гоблин кивнул.

— Вроде как его из тела выдернули и поймали.

— Может быть, мы сможем устроить с ним встречу. Так как насчет дома?

— Для начала надо удостовериться, что там нет серьез-ного овладения. Вроде духа Боманца.

От таких разговоров у меня мурашки по коже бегают. Не верю я в духов. Или не хочу верить.

— Если его схватили или выдернули, нам придется вы-яснить, как и зачем. Стоит иметь в виду, что жил там

раньше Боманц. Любая оставшаяся с тех времен веуль могла овладеть Граем. И с нами может то же приключиться, если полезем очертя голову.

— Сложности,— пробурчал я.— Вечно сложности.

Гоблин хихикнул.

— Нишкни,— предупредил я.— А то с торгов пущу.

Часом позже началась настоящая буря. Она выла и молотила в стены. Под напором ливня протекала крыша. Когда я намекнул на это хозяину, тот закатил истерику. Чинить что бы то ни было в нынешних условиях было непросто, но необходимо — иначе дом просто развалится.

— Хуже всего с этими проклятыми дровами на зиму,— жаловался он.— На улице-то их оставить нельзя — или снегом заносит, или так водой промочит, что просушить невозможно. Через месяц тут до потолка дрова будут навалены. По крайней мере, чем меньше места, тем легче его прогреть.

Около полуночи, когда ночная смена Вечной Стражи уже успела утомиться и клевала носом, мы вышли на улицу. Гоблин проверил — вся гостиница спала.

Впереди трусил пес Жабодав — искал ненужных свидетелей. Одного нашел, но о нем тоже позаботился Гоблин. В такую ночь никто на улицу не полезет. Кроме нас, придуров.

— Удостоверьтесь, что света не увидят с улицы,— приказал я, когда мы проскользнули внутрь.— Я полагаю, надо подняться наверх.

— А я полагаю,— возразил Одноглазый,— что надо проверить, нет ли там ловушек или духов.

Я глянул на дверь. Когда я ее открывал, мне это и в голову не пришло.

Глава 29 Курганье в прошлом

Явившийся по приказу полковника Кожух трясся, как осиновый лист.

— Придется тебе ответить на пару вопросов, малыш,— сказал Сироп.— Начни с того, что ты знаешь об этом Гре.

Кожух слогнул:

— Слушаюсь, господин полковник.

Он рассказал. И рассказал еще раз, когда Сироп потребовал вспомнить каждое услышанное слово. Он рассказал обо всем, кроме сообщения и пакета.

— Загадочно,— промолвил полковник.— Весьма. И это все?

Кожух нервно переступил с ноги на ногу.

— А к чему это все, господин полковник?

— Скажем так: письмо в пакете оказалось очень интересным.

— Простите, сударь?

— Очень длинное, хотя прочесть его никому не удалось. Совершенно незнакомые письмена. Возможно, язык Самоцветных городов. Интересует меня другое — кому предназначалось письмо? Одно оно, или их было несколько? Наш приятель в большой беде, Кожух. Если он придет в себя, у него начнутся неприятности. Серьезные. Потому что настоящие бродяги писем не пишут.

— Но, как я говорил, он пытался найти своих детей. И он мог быть родом из Опала...

— Знаю. Этому есть кое-какие свидетельства. Может быть, он сумеет убедить меня в этом, когда очнется. С другой стороны, мы в Курганье, и все необычное — подозрительно. А теперь вопрос, сынок. И ответь на него хорошо, или у тебя тоже будут неприятности. Почему ты пытался спрятать пакет?

Момент истины. От которого нет спасения. Кожух молился, чтобы этот момент не наступил. И теперь, оказавшись с ним лицом к лицу, понял, что его верности Граю недостаточно.

— Грай просил меня, если с ним что-то случится, передать письмо в Весло. Письмо в пакете из промасленной кожи.

— Так он ожидал чего-то?

— Не знаю. И что было в письме, и зачем Грай его посыпал — тоже не знаю. Он просто назвал мне имя. И просил, когда я отправлю пакет, кое-что сообщить вам.

— И?

— Я не припомню точных его слов. Но он просил сказать вам, что тварь в Великом кургане уже не спит.

Сироп взвился со стула, как ужаленный.

— Ах так? Откуда он узнал? Неважно. Имя! Немедленно! Кому следовало отправить пакет?

— Кузнец по прозванию Песок. В Весле. Это все, что я знаю, сударь. Клянусь.

— Хорошо.— Казалось, Сироп не обратил внимания на последние слова.— Возвращайся на свой пост, парень. И вызови ко мне майора Клифа.

— Слушаюсь.

На следующее утро Кожух наблюдал, как конный отряд под предводительством майора Клифа отправился арестовывать кузнеца Песка. Он чувствовал себя очень виноватым. Но он же никого не предал, верно? Если бы Грай оказался шпионом, Кожух мог предать сам себя.

Он пытался сгладить вину, ухаживая за Граем с почти религиозной самоотверженностью. Больной всегда был на-кормлен и чист.

Глава 30 Курганье ночью

Гоблин и Одноглазый осмотрели дом за пару минут.

— Ловушек нет,— объявил Одноглазый.— И призраков. Отголоски старой волшбы накладываются на свежие. Пошли наверх.

Я вытащил клочок бумаги, где были нацарапаны выдержки из истории Боманца. Мы поднялись по лестнице. При всей своей уверенности Гоблин и Одноглазый пустили вперед меня. Тоже мне, приятели.

Прежде чем зажечь огонь, я удостоверился, что ставни захлопнуты.

— Приступайте. А я осмотрюсь.

Следопыт и пес Жабодав остались на лестнице. Комната была очень маленькая.

Прежде чем приступить к поискам, я глянул на корешки книг. У этого парня эклектичные вкусы. Или он просто собирал что подешевле.

Никаких бумаг. И нет следов обыска.

— Одноглазый, ты сможешь сказать, побывали ли тут ишьейки?

— Вряд ли. А зачем?

— Бумаг тут нет.

— Ты смотрел в тайниках? Тех, что он упоминал?

— Во всех, кроме одного.

Копье стояло в углу. Стоило мне повернуть древко, как верхняя часть отвалилась, открыв внутреннюю полость. Вывалилась не раз упомянутая карта. Мы разложили ее на столе.

По спине у меня побежали мурashki.

Это была сама история. Эта карта создала наш нынешний мир. Несмотря на весьма слабое знание теллекурре и еще более ограниченное — колдовских символов, я ощутил обрисованную картой силу. То, что излучала эта карта, поставило меня на зыбкую грань, отделяющую страх от ужаса.

Гоблин и Одноглазый не ощущали ничего. Или были слишком заинтригованы. Склонившись над картой, они изучали путь, которым Боманц прошел к Госпоже.

— Тридцать семь лет работы, — произнес я.

— Что?

— Чтобы собрать эти сведения, ему потребовалось тридцать семь лет. — И тут я кое-что заметил. — А это еще что? — Судя по рассказу, этого знака тут быть не должно. — А, понял. Наш писатель добавил кое-что от себя.

Одноглазый посмотрел на меня. Потом на карту. Потом снова на меня. Потом нагнулся к карте, чтобы разглядеть тропу.

— Вот так оно и было. Никаких вариантов.

— Что-что?

— Я знаю, что случилось.

Следопыт нервно вздрогнул.

— Ну?

— Он попытался пройти туда. Единственным путем.

И не смог выбраться.

В письме говорилось, что автор собирается сделать что-то очень опасное. Неужели Одноглазый прав?

Храбрец.

И никаких бумаг. Если только они не спрятаны лучше, чем я мог предположить. Хорошо бы заставить наших колдунов поискать. Вместо этого я велел им сложить карту и вернуть ее на место, а потом сказал:

- Какие будут предложения?
- Насчет чего? — пискнул Гоблин.

— Насчет того, как нам утащить этого парня у Вечной Стражи. И как вернуть ему душу, чтобы задать пару вопросов. Примерно так.

Я их не вдохновил.

— Кому-то придется отправиться туда и выяснить, что пошло не так, — заметил Одноглазый. — Потом выдернуть этого парня и отвести домой за ручку.

— Понимаю. — Чудно. Сначала нам нужно заполучить тело. — Обшарьте тут все сверху донизу. Может, найдете что-нибудь.

На поиски мы угrobили полчаса. Я чуть истерику не устроил.

- Слишком долго, слишком долго, — повторял я.

На меня не обращали внимания.

Поиски позволили обнаружить в одной из книг старый клочок бумаги с шифром — не слишком-то и спрятанный. Я прихватил его с собой. Попробую прочесть с его помощью бумаги в Дыре.

Мы вышли из дома. До «Синелоха» мы добрались незамеченными. Закрывшись в комнате, мы хором вздохнули от облегчения.

- Что теперь? — спросил Гоблин.

— Спать. Волноваться начнем завтра. — Я ошибался, конечно. Я уже начал.

С каждым шагом все сложнее и сложнее.

Глава 31 Ночью в Курганье

Громы и молнии явились по-прежнему, проникая сквозь стены, точно через бумагу. Спал я беспокойно — нервы мои пострадали в тот день больше, чем стоило. Остальные спали как убитые. Почему я дергаюсь?

Это началось как укол света, как золотая мошка в углу. Мошка росла. Я хотел кинуться к колдунам и измоловить их в фарш, обозвав лжецами. Предполагалось, что амулет сделает меня невидимым...

Слабый, призрачный шепот, как вопль привидения в огромной темной пещере:

— Лекарь, где ты?

Я не ответил. Мне хотелось залезть под одеяло с головой, но пошевелиться я не мог.

Фигура Госпожи оставалась расплывчатой, неопределенной, смутной. Быть может, ей сложно засечь меня? Когда ее лицо на мгновение материализовалось полностью, на меня она не глянула. Смотрела, точно слепая.

— Ты ушел с равнины Страха,— произнесла она тем же далеким голосом.— Ты где-то на севере. Ты оставил заметный след. Ты поступаешь глупо, друг мой. Я найду тебя. Разве ты не понял этого? Тебе не скрыться. Даже пустоту можно увидеть.

Она не знает, где я. Значит, я был прав, что промолчал. Она хочет, чтобы я выдал себя.

— Мое терпение небезгранично, Костоправ. Но ты еще можешь прийти в Башню. Торопись же. Твоей Белой Розе осталось жить недолго.

Я ухитрился наконец дотянуть одеяло до подбородка. Ну и зрелище же я собой представлял — теперь мне кажется, что забавное. Как мальчишка, боящийся призраков.

Сияние медленно угасло. А с ним исчезла и нервозность, мучившая меня с той минуты, как мы покинули дом Боманица.

Укладываясь спать, я бросил взгляд на пса Жабодава. Молния отразилась в единственном открытом его глазу.

Вот так. В первый раз у меня появился свидетель посещения. Псина.

Полагаю, мне никто не верил, когда я рассказывал о них, пока то, что я говорил, не начинало сбываться.

Потом я заснул.

Разбудил меня Гоблин:

— Завтрак.

Мы поели. Мы устроили целое представление — искали рынок сбыта своих товаров и постоянных покупателей на будущее. Дела шли паскудно, только хозяин постоянного двора регулярно предлагал подвезти ему спирта. Вечная Стражка потребляла его изрядно — что еще делать солдатам, как не пить?

Обед. Пока мы жевали и готовились к предстоящему совещанию, на постоянный двор завернули солдаты. Спрашивали хозяина, не выходил ли кто из постоянцев ночью. Бравый старикан отверг такую возможность с ходу. Заявил, что спит на редкость чутко и непременно услышал, если б кто-то выходил.

Солдаты этим удовлетворились и ушли, а я спросил у хозяина, когда тот пробегал мимо:

— В чем дело?

— Кто-то вломился в дом Грая этой ночью, — ответил тот, и глаза его сузились. Он вспомнил остальные мои вопросы. Я сделал ошибку.

— Странно, — бросил я. — Кому это надо?

— Да, действительно. — Хозяин отошел по своим делам, но задумчивости в нем не убавилось.

Я тоже задумался. Как Стражка засекла наш визит? Мы же старались не оставлять следов.

Гоблин и Одноглазый тоже забеспокоились. Только Слепопыт сидел как ни в чем не бывало. Неуверенно он чувствовал себя только близ Курганья.

— Что делать будем? — спросил я. — Мы окружены, нас превосходят числом и вдобавок, кажется, подозревают. Как нам добыть этого Грая?

— Это не проблема, — ответил Одноглазый. — Проблема — уйти после этого живыми. Если бы мы могли вызвать к нужному времени летучего кита...

— Ну так скажи мне, почему это так просто?

— В полночь залезаем в казармы, накладываем сонное заклятие, забираем и парня, и его бумаги, вызываем его душу и выводим тело. А вот что потом? А, Костоправ? Потом-то что?

— Куда бежать? — задумчиво пробормотал я. — И как?

— Один ответ,— вмешался Следопыт.— Лесу стражники нас не найдут. Если сумеем переправиться через Великую Скорбную — мы в безопасности. На большую охоту у них сил не хватит.

Я начал грызть ноготь. В чем-то Следопыт был прав. Полагаю, лес и лесные племена он знал достаточно, чтобы мы смогли выжить там, даже с паралитиком. Но потом у нас опять начнутся проблемы.

До равнины Страха останется еще тысяча миль. И вся империя будет нас разыскивать.

— Подождите меня,— приказал я и вышел.

Добежав до имперских казарм, я вошел в комнату, где меня принимали в первый раз, отряхнулся и принял изучать карту на стене. Ко мне тут же подошел парнишка, проверявший нас на предмет контрабанды.

— Могу я вам чем-то помочь?

— Вряд ли. Я просто хочу свериться с картой. Она довольно точная, да?

— Уже нет. Речное русло сместилось в этом месте почти на милю. И на большей части равнины леса уже нет. Смыло.

— Хм-м.— Я прикинул на пальцах.

— А для чего вам это нужно?

— Для дела,— соврал я.— Я слыхал, что у места, называемого Орлиные Скалы, можно торговать с одним из крупных племен.

— Да это в сорока пяти милях. Не доберетесь. Убьют и ограбят. Стражу и дорогу они оставили в покое только потому, что мы под защитой Госпожи. Но если следующая зима будет не лучше нескольких предыдущих, их и это не остановит.

— Хм-м. Ну это была только идея. Ты, часом, не Кожух?

— Да, это я.— Глаза его подозрительно сощурились.

— Я слыхал, ты тут ухаживаешь за одним...— Я осекся. Не ожидал я такой реакции.— В городке поговаривают. Спасибо за совет.

Я вышел с неприятным чувством, что я прокололся.

Вскоре я узнал это с полной определенностью.

Через пару минут после моего возвращения в гостиницу заявился взвод под командованием майора. Нас арестовали прежде, чем мы успели сообразить, что вообще творится. Гоблин с Одноглазым едва успели наложить скрывающее заклятие на свои причиんだлы.

Мы валяли дурочку. Мы ругались, и ворчали, и ныли. Безрезультатно. Наши конвоиры знали о причине ареста меньше нас самих. Они просто выполняли приказ.

По взгляду хозяина я понял, что он на нас настучал. Подозреваю, что сообщение Кожуха о моем визите стало последней каплей. Как бы там ни было, мы направлялись в тюрьму.

Через десять минут после того, как за нами захлопнулась дверь камеры, к нам зашел лично командир Вечной Стражи. Я вздохнул с облегчением. Раньше он тут не служил. По крайней мере, мы его не знали. И он нас, вероятно, тоже.

У нас было время договориться на языке глухонемых. Следопыт, естественно, исключался, но он и без того сидел как пришибленный. Его разлучили с его возлюбленной псиной. Он очень злился. Солдат, что пришли нас арестовывать, он перепугал до смерти. Один момент казалось, что с ним придется драться.

Командир присмотрелся к нам, потом представился:

— Я полковник Сироп. Командую Вечной Стражей.— За его спиной маячил нервный Кожух.— Я приказал доставить вас сюда потому, что вы вели себя достаточно необычно.

— Быть может, мы по небрежности нарушили какое-то из неизвестных широкой публике правил? — осведомился я.

— Ни в коем разе. Ни в коем разе. Это дело совершенно незначительное. Я бы назвал его сокрытием намерений.

— Не понимаю вас.

Полковник принял расхаживать взад и вперед по коридору за порогом камеры. Взд-вперед.

— Есть старая поговорка про дела, которые говорят громче слов. К мне поступили сведения из нескольких ис-

точников. О вашей избыточной любознательности в вопросах, с торговлей отнюдь не связанных.

Я по мере сил изобразил изумление:

— А что необычного в том, что люди задают вопросы в незнакомых местах? Мои компаньоны тут не бывали вовсе. Я последний раз тут был много лет назад. Многое изменилось. Да и вообще это одно из самых интересных мест в империи.

— И самых опасных, торговец... э-э, Фитиль, так? Господин Фитиль, вы служили в этих местах. В каком подразделении?

На этот вопрос я мог ответить без колебаний.

— «Драконий гребень», второй батальон полковника Рока.

Я там действительно служил.

— Да. Бригада наемников из Роз. Каков был любимый напиток полковника?

Ох, боги.

— Я был простым копейщиком, полковник. Я с офицерами не пил.

— Правильно.— Полковник продолжал расхаживать.

Я не понял, сошел ли мой ответ за правду. «Драконий гребень» — это же не элитное, шикарное подразделение вроде Черного Отряда. Кто сейчас о нем помнит? После стольких лет.

— Поймите и мое положение. Когда там покоятся эта тварь, паранойя становится профессиональной болезнью.— Он ткнул в направлении Великого кургана. И ушел.

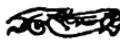
— Да что это за черт? — вопросил Гоблин.

— Не знаю. И не хочу знать. Но мы ухитрились влезть в большие неприятности.— Это для слухачей.

Гоблин принял предложенную роль.

— Черт, Фитиль, я тебе говорил — не надо сюда тащиться. Я тебе говорил, что у этих весельцов со Стражей все схвачено!

Тут влез Одноглазый, и вдвоем они меня пропесочили — дай боже. Тем временем на языке знаков мы обсудили положение и решили подождать, что решит полковник.

Единственный выход — иначе осталось только положить карты на стол.

Глава 32 Пленники в Курганье

Плохо. Намного хуже, чем мы думали. У этих стражников поголовно паранойя. Я хочу сказать, они понятия не имели, кто мы такие, но это их ни в малейшей степени не беспокоило.

Внезапно примчалось полвзвода. Звон и грохот под дверью. Никаких разговоров. Мрачные лица. У нас неприятности.

— Вряд ли нас отпустят, — с тоской произнес Гоблин.
— На выход! — рявкнул сержант.

Мы вышли. Все, кроме Следопыта. Следопыт так и остался сидеть в камере.

— По дворняге своей скучает. — Я попытался схомить. Никто не рассмеялся.

Один из стражников двинул Следопыта в плечо. Следопыт медленно повернулся к нему, глянул совершенно невыразительно.

— Вот этого делать не надо было, — заметил я.
— Заткнись, — бросил сержант. — Взять его.

Парень, ударивший Следопыта, попытался повторить свой подвиг.

С тем же успехом он мог изображать нежное похлопывание. Следопыт обернулся, потянулся к приближающемуся кулаку, поймал запястье и переломил. Стражник взвизгнул. Следопыт отшвырнул его. Лицо его оставалось совершенно бесстрастным. Взгляд запоздало упал на отлетевшего стражника. Казалось, происходящее Следопыта очень удивляет.

Прочие стражники развязали рты. Потом пара человек кинулась на Следопыта, обнажив мечи.

— Эй! Спокойно! — заорал я. — Следопыт...

Следопыт, не выходя из прострации, отобрал у них оружие, кинул в угол и чуть не вышиб из обоих дух. Сержант разрывался между гневом и восхищением.

Я попытался успокоить его.

— Он, знаете, не слишком умен. Нельзя на него так бросаться. Ему все нужно объяснять спокойно, по два-три раза.

— Я ему сейчас объясню! — Сержант собрался было послать в камеру остальных стражников.

— Если он разозлится, то кого-нибудь пришибет, — быстро предупредил я, изумляясь взаимоотношениям Следопыта с его псиной. Стоило дворняге отойти, как Следопыт превращался в дебила. С навыками профессионального убийцы.

Сержант позволил здравому смыслу возобладать над гневом.

— Вот ты его и успокой.

Я постарался. Я понимал, что в ближайшем будущем солдаты вряд ли будут относиться к нам мягко, но не слишком беспокоился на этот счет. Гоблин и Одноглазый смогут справиться с такими мелочами. А пока нам надо сохранить здравый смысл и головы.

Я собрался было помочь троим раненым, но не осмелился. Одного вида Гоблина и Одноглазого хватит, чтобы навести противника на мысль о том, кто же мы на самом деле. Нет смысла оставлять лишние улики. Я сосредоточился на Следопыте. Стоило мне привлечь его внимание, как остальное оказалось несложно — успокоить его, объяснить, что мы идем вместе с солдатами.

— Не надо им было так со мной делать, Костоправ, — сказал Следопыт тоном обиженнего ребенка. Я сморшился, но стражники, кажется, не обратили внимания.

Нас тут же окружили, хватаясь за мечи, — исключение составили те, кто относил раненых товарищам к коновалу, служившему у стражников и лекарем. Некоторым явно хотелось сквитаться. Я старательно успокаивал Следопыта.

Место, куда нас приволокли, энтузиазма у меня не вызвало. То был сырой подвал штаба, пародирующий камеру пыток. Полагаю, что камере следовало внушать ужас. Я видывал настоящие пытки и настоящие пыточные приспособления, а потому понимал — половина железок тут буффорские или совершенно антикварные. Имелись, прав-

да, и пригодные к употреблению. Мы с колдунами переглянулись.

— Не нравится мне тут,— сообщил Следопыт.— Наружку хочу. К псу Жабодаву.

— Стой спокойно. Мы тут пробудем недолго.

Гоблин кривовато улыбнулся — своей знаменитой улыбкой. Да. Скоро мы выйдем. Возможно, ногами вперед, но выйдем.

Был там и полковник Сироп. Наша реакция его не обрадовала.

— Я хочу поговорить с вами,— сказал он.— В прошлый раз вы были не слишком расположены к беседе. Возможно, здешняя обстановка вам нравится больше?

— Отнюдь. Зато навевает мысли. Это что, наказание дерзнувшим наступить на пятки господам торговцам из Весла? А я и не знал, что Стражка охраняет их монополию.

— Игры. Не надо юлить, господин Фитиль. Отвечайте прямо. И сейчас. Или следующие несколько часов станут для вас исключительно неприятными.

— Задавайте вопросы. Но у меня появляется нехорошее предчувствие, что я не смогу дать те ответы, которые вы хотите услышать.

— Вам же хуже.

Я глянул на Гоблина. Тот впал в транс.

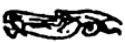
— Я не верю, что вы просто торговцы,— продолжал полковник.— Ваши вопросы выдают необычный интерес к человеку по прозванию Грай и к его дому. Следует заметить, что Грай подозревается либо в мятеже, либо в воскресительстве. Вот о нем и расскажите.

— Я о нем никогда не слышал до того, как приехал сюда,— сказал я правду — почти всю.

Думаю, полковник мне поверил. Но он медленно помотал головой.

— Видите? Вы не верите мне, даже когда знаете, что я не вру.

— Но говорите ли правду? В этом весь вопрос. Организация Белой Розы разделена на ячейки. Вы можете представления не иметь, кто такой Грай, и все же искать именно его. Он что, давно вестей не посыпал?

 Хитрый, гад.

Наверное, я слишком перестарался с безразличием. Полковник кивнул сам себе, оглядел нашу четверку, сосредоточился на Одноглазом.

— Негр. Немолод уже, а?

Меня удивило, что цвет кожи Одноглазого не привлек внимания раньше. Негры очень редко попадаются в краях севернее моря Мук. Полковник, скорее всего, первый раз сталкивался с чернокожим. А то, что одним из столпов Черного Отряда является очень старый негр, никак уж не тайна.

Я не ответил.

— С него и начнем. Он, пожалуй, послабее остальных.

— Убить его, Костоправ? — спросил Следопыт.

— Закрой рот и стой смирино, вот и все.

Черт. Но Сироп не обратил внимания на мое имя. Или я не так известен, как полагаю, и нуждаюсь в усекновении самолюбия.

А вот самоуверенность Следопыта полковника поразила.

— На дыбу его,— приказал он, ткнув пальцем в Одноглазого.

Одноглазый хохотнул и подставил подошедшими стражникам запястья. Гоблин хихикнул. Их веселье тревожило всех, не исключая и меня — я-то знаю, какое у них чувство юмора.

— Им это кажется забавным? — Сироп посмотрел мне в глаза: — Почему?

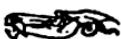
— Если вам не взбредет в голову вести себя цивилизованно, узнаете сами.

Полковник преодолел искушение отступить, решив, очевидно, что мы просто блефуем по-крупному.

Одноглазого повели на дыбу. Он, ухмыляясь, полез на нее сам.

— Тридцать лет ждал, чтобы ты на дыбе оказался,— пискнул Гоблин.— Что за нездача — дождался, а ворота не повернуть!

— Еще посмотрим, кто кому вкручивать будет, яблоко ты лошадиное,— огрызнулся Одноглазый.

Колдуны скандалили, мы со Следопытом стояли как столбы, а имперцы беспокоились все сильнее. Сироп явно раздумывал, а не снять ли ему с дыбы Одноглазого и не взяться ли за меня.

Одноглазого раздели. Гоблин кудахтал и танцевал джигу.

— Растигните его футов на десять, парни, — советовал он. — Мозги-то все равно комариные!

Кто-то попытался отвесить Гоблину оплеуху. Тот едва заметно отклонился. Стражник промахнулся совершенно, даже рука обороны ющегося Гоблина едва задела его, но когда стражник поднес ладонь к лицу...

Десять тысяч кровавых точек. Складывавшихся в узор. Почти татуировку. Две сплетенные змеи, влившиеся друг другу в шеи. Если у змеи шея — это место сразу за головой.

Отвлечение. Я-то сразу понял. Через мгновение я перевел взгляд на Одноглазого. Тот ухмылялся.

Стражники, которым полагалось его растягивать, после грозного рыка полковника вернулись к своему занятию. Сироп чувствовал себя исключительно неуютно. У него уже зародилось подозрение, что дело тут нечисто, но пугаться он отказывался.

Палачи подступили к Одноглазому. Живот негра вспучился. И из пупка показался здоровенный премерзкий паук. Он подтянулся на двух лапках, потом вылез и расправил остальные. Брюшко его было с фалангой моего большого пальца. Паук отошел в сторонку, и на свет вылез еще один. Первый тем временем проковылял по ноге Одноглазого к музыку, державшему ворот, к которому прикреплялись ноги колдуна. Глаза стражника вылезли из орбит. Он повернулся к начальнику.

В подвале воцарилась абсолютная тишина. По-моему, имперцы забыли даже, как дышать.

Из раздувшегося брюха Одноглазого вылез еще один паук. И еще. С каждой новой тварью колдун чуть заметно уменьшался в размерах. Лицо его менялось, медленно превращаясь в морду паука, каким тот видится вблизи, — если у вас хватит духу посмотреть.

Гоблин хихикнул.

— Круги ворот! — взревел Сироп.

Стражник в ногах Одноглазого попытался. Паук вскарабкался по рычагу ему на руку. Стражник заорал и взмахом руки отшвырнул восьминогого в тень.

— Полковник,— проговорил я самым обиженным голосом, на какой был способен,— это уже зашло достаточно далеко. Давайте не доводить до травм.

Стражников была целая толпа, а нас — только четверо, и Сиропу очень хотелось на это положиться. Но несколько его людей уже двинулись к выходу. Большинство отступило от нас. И все смотрели на полковника.

Проклятый придурок Гоблин. Энтузиазм его занес.

— Притормози, Костоправ,— пискнул он.— Это же такой шанс. Пусть немного потянут Одноглазого.

Я заметил, как озарился взгляд Сиропа, как тот ни пытался это скрыть. — Чтоб ты провалился, Гоблин. Ты же нас выдал! Ну, поговорим мы еще с тобой! Ну так что, полковник? Мы сильнее. Как вы теперь поняли.

Сироп избрал лучшую часть доблести.

— Освободить его,— приказал он палачу.

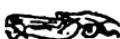
Одноглазый был весь покрыт пауками. Теперь они вылезали у него изо рта и ушей. От избытка энтузиазма он порождал самые яркие разновидности — охотников, прыгунов, плетельщиков паутины. Все большие и гнусные. Стражники к нему подходить отказывались.

— Постой в дверях,— приказал я Следопыту.— Никого не выпускай.

Это он понял без труда. Я отвязал колдуна. Пришлось напоминать себе, что пауки — всего лишь иллюзия.

Ничего себе миражик. Я ощущал этих тварюшек.. С некоторым запозданием я сообразил, что легионы Одноглазого идут на Гоблина маршем.

— Черт побери, Одноглазый! Ты когда-нибудь повзрослеешь? — Мало этому сукину сыну имперцам головы дурить, он еще с Гоблином должен в игрушки играть. Я повернулся к Гоблину: — Если ты хоть что-нибудь сейчас сотворишь, хрен ты мне еще из Дыры вылезешь! Полковник Сироп. Не могу сказать, что ваше гостеприимство меня

порадовало. Не соизволите ли отойти в сторону? И мы вас покинем.

Сироп неохотно махнул рукой. Половина его людей отказались идти мимо пауков.

— Одноглазый, шутки кончились. Сейчас ноги уносим. Ну?

Колдун сделал жест. Его восьминогие войска метнулись в тень под дыбой и скрылись в той безумной бездне, откуда подобные твари вылезают. Сам Одноглазый встал рядом со Следопытом. Вид у него был петушиный. Мы теперь неделями будем слушать, как он нас спас. Если выживем.

Я отправил к ним Гоблина, потом подошел сам.

— Я хочу покинуть эту комнату бесшумно,— сказал я колдунам.— И чтобы дверь была закупорена не хуже стены. А потом мне нужно найти пресловутого Грая.

— Ладно,— ответил Гоблин и с бесовским блеском в глазах добавил: — Пока, полковник Очень было весело.

Сироп не стал сыпать угрозами. Очень разумно с его стороны.

Колдуны закупоривали комнату минут десять — на мой взгляд, подозрительно долго. У меня зародились подозрения, но тут же исчезли, когда колдуны заявили, что дело сделано, а нужный нам человек — в соседнем здании.

А следовало прислушаться к моим подозрениям.

Через пять минут мы стояли на пороге дома, где предположительно находился Грай. Добрались мы туда без всяких трудностей.

— Секундочку, Костоправ,— бросил Одноглазый. Он повернулся к дому, откуда мы вышли, и щелкнул пальцами.

Дом рухнул.

— Ты ублюдок,— прошептал я.— Какого беса ты это сделал?

— Теперь никто не знает, кто мы такие.

— А по чьей милости они это узнали?

— Мы отрубили змее голову. Кроме того, в такой суматохе мы могли бы украсть и драгоценности самой Госпожи.

— Да? — Обязательно найдется кто-то, видевший, как нас привели. И, повстречав нас на свободе; этот кто-то очень удивится.— Скажи мне, о гений, нашел ли ты нужные мне бумаги, прежде чем разносить эту халупу? Если они там, ты их у меня руками будешь откапывать.

Лицо Одноглазого вытянулось. Этого следовало ожидать. Такое уж мое невезение. А у Одноглазого — характер. Он всегда вначале делает, а потом — думает.

— Сперва разберемся с Граем,— сказал я.— Пошли.

Выломав дверь, мы обнаружили внутри выбежавшего на шум Кожуха.

Глава 33 Пропавший

— Эй, приятель,— сказал Одноглазый, тыкая пальцем в грудь Кожуху. Тот отступил.— Да-да, это твои старые друзья.

Следопыт за моей спиной пялился во двор. Штаб рухнул совершенно, под развалинами бился и трещал огонь. Из-за угла выхромал пес Жабодав.

— Ты только посмотри.— Я ткнул Гоблина в плечо.— Да он бежит.— Я повернулся к Кожуху: — Веди нас к своему приятелю, Граю.

Очень ему не хотелось подчиняться.

— Спорить не надо. Не в настроении мы. Шевелись, или мы пройдем по твоим костям.

Двор заполняли орущие солдаты. Нас никто не замечал. Приковылял пес Жабодав, обнюхал Следопытова лодыжки, басисто рыкнул. Следопыт просиял.

Мы протолкались мимо Кожуха в дом.

— К Граю,— напомнил я ему.

Солдатик провел нас в комнату, где единственная масляная лампа освещала лицо лежащего на аккуратно застеленной кровати. Кожух подкругтил лампу.

— Ох, срань господня! — пробормотал я и плюхнулся на край кровати.— Это невозможно. Одноглазый? — Но Одноглазый впал в транс. Он так и стоял, раззявив рот. Как и Гоблин.

— Но он же мертв! — пискнул наконец Гоблин. — Он умер шесть лет назад.

Грай оказался Вороном. Тем самым, что сыграл такую роль в прошлом Отряда. Тем Вороном, что направил Душечку нынешним путем.

Даже я был убежден, что Ворон мертв, а я изначально относился к нему с подозрением. Он уже выделявал подобные номера.

— Девять жизней,— заметил Одноглазый.

— Нам следовало заподозрить, как только мы услышали прозвание «Грай»,— сказал я.

— Почему?

— Шуточка в его духе. Вороны что делают? Каркают, сиречь грают. Он нам под нос разгадку подсунул.

Увидев его, я раскрыл тайну, мучившую меня все эти годы. Теперь я знал, почему спасенные мной бумаги не складывались. Самые важные Ворон перед своей мнимой смертью изъял.

— В этот раз не знала даже Душечка,— пробормотал я.

Потрясение несколько склонило. Я припомнил, что, когда начали поступать письма, мне уже несколько раз приходило в голову, что Ворон жив.

Тут же начали появляться вопросы. Душечка не знала. Почему? На Ворона не похоже. И больше того — зачем оставлять ее на наше попечение, когда прежде он так долго старался охранить ее от нас?

Что-то тут нечисто. Не может быть, что Ворон просто сбежал, чтобы покопаться в тайнах Кургана. К сожалению, ни одного из своих свидетелей допросить я не мог.

— Давно он так? — осведомился Одноглазый у Кожуха.

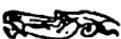
Глаза у солдата были как блюдца. Он уже понял, кто мы. Может, мое самолюбие и не нуждается в усекновении.

— Несколько месяцев.

— Было письмо. Бумаги,— произнес я.— Где они?

— У полковника.

— И что с ними сделал полковник? Сообщил Взятым? Или самой Госпоже?

Солдату захотелось поупрямиться.

— Малыш, у тебя большие неприятности. Мы не хотим причинять тебе вреда. Ты был добр к нашему другу. Говори.

— Полковник никому не сообщал, это точно. Он не мог их прочесть. Ждал, пока Грай очнется.

— Долго б ему пришлось ждать,— проговорил Одноглазый.— Подвинься, Костоправ. Первым делом надо найти Ворона.

— Есть в здании кто-нибудь в такой час? — спросил я Кожуха.

— Разве что пекари за мукой приехали. Но мука хранится в подвалах с другой стороны. Сюда не заглянут.

— Хорошо.— Интересно, насколько можно доверять его словам? — Следопыт — вы с писем Жабодавом стойте на страже.

— Одна проблема,— встярал Одноглазый.— Чтобы начать, нам нужна карта Боманца.

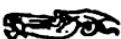
— О черт.

Я вышел в коридор, выглянул за дверь. Штаб горел, неохотно полыхая под дождем. Большая часть стражников сражалась с огнем. Я вздрогнул. Бумаги наши находились там. Если Госпоже повезет, там они и сгорят. Я вернулся в комнату.

— У тебя есть более срочное задание, Одноглазый. Мои бумаги. Отправляйся за ними. А я доставлю карту. Следопыт — смотри за дверью. Мальчишку не выпускай, никого не впускай. Ясно?

Следопыт кивнул. Когда пес Жабодав находился рядом, уговаривать его не требовалось.

Я выскользнул наружу, в суматоху. Никто не обратил внимания. Быть может, стоит, пользуясь случаем, вынести Ворона? Из казарм я вышел беспрепятственно, кинулся по слякоти в «Синелох». Хозяин, кажется, был очень удивлен моим появлением. Я не стал задерживаться, чтобы сообщить ему, что думаю о его гостеприимстве, а сразу взобрался наверх, пошарил в скрывающем заклятии, пока не нашупал полое копье. И обратно. Один убийственный взгляд хозяину, и снова в дождь.

Когда я вернулся, пожар уже угас. Солдаты начали разбирать завалы. Меня все еще никто не останавливал. Я проскользнул в дом, где лежал Ворон, передал Одноглазому копье.

— С бумагами сделал что-нибудь?

— Еще нет.

— Чтоб тебя...

— Они в коробке, в кабинете полковника. Какого еще бесса тебе надо, Костоправ?

— Тыфу. Следопыт, выведи парня в коридор. Вы двое — мне нужно такое заклятие, чтобы он делал что прикажут, нравится ему это или нет.

— Что-что? — переспросил Одноглазый.

— Я хочу послать его за этими бумагами. Можете сделать так, чтобы он после этого еще и вернулся?

Кожух стоял в дверях и тупо слушал.

— Без проблем.

— Приступайте. Понял, сынок? Одноглазый наложит на тебя чары. Будешь расчищать там завалы, пока не наткнешься на коробку. Принеси ее сюда, и мы снимем чары.

Ему снова захотелось поупрямиться.

— У тебя, конечно, есть выбор. Ты еще можешь умереть крайне мучительной смертью.

— По-моему, он тебе не верит, Костоправ. Показать ему?

Выражение лица Кожуха подсказало мне, что он верит каждому слову. Чем больше он думал о том, кто мы, тем сильнее пугался.

Неужели мы заработали такую жуткую репутацию? Наверное, истории в пересказе обрастают подробностями.

— Мне кажется, он будет сотрудничать. Правильно, сынок?

Упрямство сдохло, и Кожух кивнул.

Хороший парень. Жаль, что он верен нашим противникам.

— Начинай, Одноглазый. Чем быстрее, тем лучше.

— Что будем делать, когда закончим с этим? — спросил Гоблин, пока Одноглазый труdiлся.

— Черт, не знаю. Будем играть на слух. О конях пока волноваться не станем, главное — фургон загрузить. Шаг за шагом.

— Готово, — объявил Одноглазый.

Я поманил юношу, отворил входную дверь.

— Иди и принеси эту штуку, малыш. — Я шлепнул его по ягодице. Кожух отбыл, бросив на меня смертоубийственный взор.

— Он тобой недоволен, Костоправ.

— К бесу его. Иди к Ворону и займись своим делом. Не трать время. После рассвета тут станет более оживленно.

Я следил за Кожухом. Следопыт караулил дверь в комнату. Никто нам не мешал. Кожух нашел наконец то, что от него требовалось, ускользнул от очередного задания.

— Молодец, малыш, — сказал я ему, принимая коробку. — А теперь марш к своему другу в комнату.

Мы появились за несколько секунд до того, как Одноглазый вышел из транса.

— Ну? — спросил я.

Колдун сориентировался не сразу.

— Будет сложнее, чем я ожидал. Но, думаю, вытащим. — Он показал на разложенную Гоблином на груди Ворона карту. — Он вот тут, застрял у самого внутреннего круга. — Колдун покачал головой. — Он никогда не говорил, что у него есть опыт?

— Нет. Но мне так иногда казалось. Вроде того случай в Розах, когда он выследил Загребущего в снежный буран.

— Он где-то чему-то научился. То, что он сделал, — не базарные трюки. Но сил не хватило. — На мгновение колдун задумался. — Странно там, Костоправ. Действительно жутко. Он ведь не один там. В деталях рассказывать не стану, пока сами там не побывали, но...

— Что? Стой! Что значит — пока сами не побывали?

— Я думал, ты сообразишь. Нам с Гоблином придется туда лезть. Чтобы его вытащить.

— Почему обоим?

— Чтобы один мог прикрыть второго, если тот попадет в передрягу.

Гоблин кивнул. Настроение у них было деловое — это значит, что перепугались они до смерти.

— И много времени это займет?

— Понятия не имею. Немало. Сначала надо отсюда выбраться. Уйти в лес.

Мне хотелось спорить, но я не стал. Вместо того я вышел и посмотрел во двор.

И завалов начали вытаскивать тела. Я поглядел немножко, потом у меня появилась мысль. Через пять минут мы с Кожухом вышли из дома с носилками. Одеяло скрывало нечто, похожее на изуродованное тело великана. С одной стороны высывалась голова Гоблина, старательно изображавшего труп, с другой — ноги Одноглазого. Следопыт нес Ворона.

Бумаги лежали под одеялом вместе с колдунами.

Я и не ожидал, что мы сумеем проскользнуть. Но мрачная кутерьма вокруг развалин слишком занимала Стражку. Они как раз добрались до подвала.

Остановили нас только у ворот казармы, но Гоблин применил свое сонное заклятие. Сомневаюсь, что нас запомнили. Гражданские сновали взад и вперед, то помогая, то мешая спасателям.

Были и плохие новости. В подвале оставались живые.

— Гоблин, вы с Одноглазым заберите наши вещи. И парня возьмите. Мы со Следопытом подгоним фургон.

Все шло хорошо. Даже слишком, подумал я, будучи пессимистом от рождения. Мы погрузили Ворона в фургон и направились на юг.

— Ну вот мы и выбрались, — произнес Одноглазый, как только мы въехали в лес. — Так что с Вороном будем делать?

Понятия не имею.

— Ты и скажи. Далеко вы должны находиться от курганов?

— Очень близко. — Он понял — я думаю, как бы нам вначале выбраться из здешних краев. — Душечка?

Не стоило ему об этом напоминать.

Не скажу, что Ворон был центром ее мира. Она не говорит о нем иначе как вскользь. Но бывают ночи, когда

она плачет во сне от каких-то воспоминаний. Если из-за гибели Ворона, то мы не можем привезти его домой в таком виде. Это разобьет ее сердце.

В любом случае он нам нужен немедленно. Он лучше нас разбирался в происходящем.

Я обратился за помощью к Следопыту — никаких предложений. Его вообще не устраивал наш план действий. Точно он опасался соперничества со стороны Ворона.

— У нас есть он. — Одноглазый указал на Кожуха, которого мы взяли с собой, чтобы не оставлять на смерть. — Его и используем.

Хорошая мысль.

За двадцать минут мы оттащили фургон с дороги на каменистую осыпь, чтобы он не утонул в грязи. Колдуны сплели вокруг скрывающее заклятие и закидали фургон ветками. Вещи мы рассовали по рюкзакам, Ворона уложили на носилки, которые тащили мы с Кожухом. Следопыт и пес Жабодав вели нас через лес.

Идти нам было не больше трех миль, но к концу пути у меня болело все, что может болеть. Слишком я стар. И вышел из формы. Да и погода высшей степени мерзопакостности. Я на всю жизнь напился дождя.

Следопыт провел нас к самой восточной окраине Курганья. Сто ярдов вниз по склону, и я оказался бы на его остатках. Сто ярдов в другую сторону, и я очутился бы в виду Великой Скорбной. От Курганья ее отделяла только узкая полоска земли.

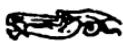
Мы поставили палатки и накидали внутрь веток, чтобы не сидеть на сырой земле. В меньшей палатке корпели Гоблин с Одноглазым, мы все залезли во вторую. Поскольку дождь на меня не капал, я решил просмотреть спасенные документы. Первым, на что я наткнулся, был пакет в промасленной коже.

— Кожух, это письмо просил тебя доставить Ворон?

Парень мрачно кивнул. С нами он не разговаривал.

Бедняга. Он убежден, что совершают предательство. Надеюсь, что приступ героизма его минует.

Что ж, пока колдуны занимаются своим делом, я займусь своим. Начнем с самого простого.

Глава 34
История Боманца
(из послания)

Боманц глянул на Госпожу под иным углом, заметил призрак страха на ее несравненном лице.

— Ардат,— произнес он и увидел, как страх сменяется покорностью.

«Ардат была моей сестрой».

— У тебя была сестра-близнец. Ты убила ее и приняла ее имя. Твое истинное имя — Ардат.

«Ты пожалеешь об этом. Я найду твое имя...»

— Зачем ты угрожаешь мне? Я не желаю тебе зла.

«Зло уже в том, что ты удерживаешь меня. Дай мне свободу».

— Ну-ну, не будем ребячиться. Зачем заставлять меня? Мы только зря потратим время и силы. Я хочу только восстановить знания, похороненные с тобой. Если ты обучишь меня — это ничего не будет тебе стоить и не повредит. Это может подготовить мир к твоему возвращению.

«Мир уже готовится, Боманц!»

Он хихикнул.

— Это лишь маска, как и торговец древностями. Это не мое имя, Ардат. Будем сражаться?

«Мудрецы говорят, что неизбежность следует встречать с изяществом. Что ж, попробую быть изящной».

«И свиньи летают», — подумал Боманц.

Госпожа улыбнулась насмешливо. Послала что-то — Боманц не уловил что. Иные голоса наполнили его разум. На мгновение ему померещилось, что просыпается Властелин, но голоса звучали в физическом мире, у него дома.

— О черт!

Веселье колокольцев.

— Клит на месте. — Голос принадлежал Токару.

Присутствие торговца на чердаке взбесило Боманца, и тот пустился бегом.

Раздался голос Шаблона:

- Помоги мне вытащить его из кресла, Слава.
 — Ты его не разбудишь?
 — Его дух в Курганье. Он ничего не узнает, если только мы не столкнемся там.

«Врешь,— подумал Боманц.— Врешь, ты, подлый, неблагодарный прыщ. Твой стариk не так глуп. Он отзывается даже на то, на что закрывает глаза».

Дракон повернул голову ему вслед, окатив насмешкой. Ненависть павших рыцарей молотами била его, когда он пробегал мимо.

— Оттащи его в угол. Токар, амулет в горке мусора под очагом. Чума на голову этого Мен-фу! Он едва не завалил все. Придушить бы того придурка, что послал его сюда. Этот жадюга только о себе и думал.

— По крайней мере он забрал с собой Наблюдателя,— отозвалась Слава.

— Чистая случайность. Удача.

— Время, время,— напомнил Токар.— Люди Клита напали на бараки.

— Тогда выматывайся. Слава, ну не пьялься ты на старика, сделай что-нибудь. Мне надо добраться дотуда прежде, чем Токар доберется до Курганья. Нужно сообщить Великим, что мы делаем.

Боманц подбежал к кургану Лунного Пса. Ощутил шевеление внутри. Промчался мимо.

Призрак танцевал рядом с ним, сутулый злобный призрак, проклинавший его на тысячу ладов. «Нет времени, Бесанд. Но ты был прав».

Боманц пробежал мимо старого рва, мимо своего раскопа. Чужаки усеивали равнину. Воскресители. Откуда они взялись? Прятались в Древнем лесу?

«Быстрее. Надо торопиться,— повторял он себе.— Этот дурак Шаб собирается пойти вслед за мной».

Он бежал как угорелый, и каждый шаг, казалось, длился вечность. Сверкала Комета, отбрасывая ясные тени.

— Перечитай указания, чтобы убедиться,— говорил Шаблон.— Время тут большой роли не играет. Только торопиться нельзя.

— Может, связать его? На всякий случай.

— Времени нет. Не беспокойся ты о нем. Он не очнется, пока не будет уже поздно.

— Он мне действует на нервы.

— Так налей его ковриком и иди сюда. И говори потише. Маму разбудишь.

Боманц достиг городских огней... Тут ему пришло в голову, что в этом состоянии ему вовсе не обязательно быть коротконогим одышливым толстячком. Он изменил самовосприятие, и скорость увеличилась. Вскоре он наткнулся на Токара, трусящего к Курганью с Бесандовым амулетом. По его мнимой медлительности Боманц оценил собственную скорость. Он двигался очень быстро.

Штаб пытал. Вокруг бараков кипел бой. Нападавших вели грузчики Токара. Несколько стражников выскоились из кольца. Бой распространялся на город.

Боманц достиг лавки.

— Начинаем, — сказал Славе Шаблон и, когда Боманц взлетел по лестнице, завел: — Дамни. Ум муджи дамни.

Боманц вломился в собственное тело. Принял управление всеми мышцами, рванулся с пола.

Взвизгнула Слава.

Боманц швырнул ее к стене. В падении она расколотила несколько бесценных древностей.

Боманц пискнул от боли — все хвори дряхлого тела достигли сознания. Черт! Опять язва грызет кишki!

Развернувшись, он схватил сына за глотку, прервав незавершенное заклинание.

Шаблон был сильнее и моложе. Он встал. Слава кинулась на Боманца. Колдун отпрыгнул назад.

— Всем стоять! — рявкнул он.

Шаблон потер глотку и что-то прохрипел.

— Не думал, что я на такое способен? Попробуй еще раз. Мне плевать, кто ты. Ты не выпустишь в мир эту тварь.

— Откуда ты узнал? — выдавил Шаблон.

— Ты странно себя вел. У тебя странные друзья. Я надеялся, что ошибаюсь, но я не полагаюсь на случай. Тебе следовало бы помнить.

Шаблон вытащил нож. Глаза его похолодели.

— Извини, пап. Есть вещи важнее, чем люди.

В висках у Боманца заныло.

— Сиди тихо. У меня нет на тебя времени. Я должен остановить Токара.

Слава тоже вытащила нож, сделала шаг вперед.

— Ты испытываешь мое терпение, сынок.

Девушка прыгнула. Боманц произнес слово силы. Слава врезалась в стол, соскользнула на пол с почти противоестественной гибкостью. В следующее мгновение она стала еще гибче. И мгнула, как раненый котенок.

Шаблон упал на колени.

— Прости, Слава! Прости!

Боманц не обращал внимания даже на собственную душевную боль. Он собрал расплесканную по столу ртуть обратно в чашу, произнес слова, превращающие ртуть в зеркало далеких событий.

Токар прошел две трети пути до курганов.

— Ты убил ее,— прошептал Шаблон.— Ты убил ее.

— Я предупреждал — это серьезное дело. Ты сделал ставку и проиграл. Так что сиди тихо и не высывайся.

— Ты убил ее.

Раскаяние ударило его еще до того, как Шаблон вынудил его действовать. Боманц пытался смягчить удар, но растворение костей — это все или ничего.

Шаблон упал на тело своей возлюбленной.

И его отец упал на колени рядом.

— Зачем вы заставили меня? Вы дураки. Проклятые дураки! Вы использовали меня. У вас не хватило здравого смысла убедиться в моей безопасности, а вы вздумали с Госпожой торговаться? Не знаю. Не знаю. Что я скажу Жасмин? Как объясню? — Он оглянулся, как загнанный зверь.— Убить себя. Вот все, что мне остается. Пусть она не узнает, что ее сын был... Не могу. Я должен остановить Токара.

На улице шел бой. Боманц не обращал внимания. Он глядел в ртуть.

Токар стоял на краю рва, глядел на Курганье. Боманц ощущал его страх и неуверенность.

Но Токар нашел в себе смелость. Вцепившись в амулет, он пересек черту.

Боманц начал выстраивать смертную насылку.

Он бросил взгляд на дверь, заметил в темноте перенутую Проныру.

— Ох, детка. Иди отсюда, детка.

— Я боюсь. Они там снаружи убивают друг друга.

«Мы внутри — тоже», — подумал колдун. — Уходи, пожалуйста».

— Найди Жасмин.

Из лавки донесся жуткий треск. Проклятия. Звон стали о сталь. Голос одного из Токаровых грузчиков организовывал оборону дома.

Стражи нанесла ответный удар.

Проныра всхлипнула.

— Держись отсюда подальше, малышка. Иди лучше к Жасмин.

— Я боюсь.

— Я тоже. И я ничего не смогу сделать, если ты будешь путаться под ногами. Иди вниз, пожалуйста.

Девочка скрипнула зубами и скатилась по ступенькам. Боманц вздохнул. Чуть не сорвалось. Если бы она заметила Шаблона и Славу...

Шум усилился. Люди кричали. Боманц услышал, как отдает приказы капрал Хрипок. Он обернулся к чаше. Токар исчез. Найти его колдун не мог. Он бегло осмотрел все пространство между городом и Курганьем. Несколько воскресителей торопились к месту схватки, явно на помощь своим. Остальные отступали с боем. Их преследовали остатки Стражи.

Протопотали по лестнице сапоги. Снова Боманц прервал насылку. В дверях стоял Хрипок. Боманц попытался было выставить капрала, но тот был не в настроении спорить — поднял огромный окровавленный меч...

Боманц метнул в него слово силы. И вновь человеческие кости обратились в желе. Потом снова и снова пытались отомстить за своего командира рядовые. Боманц снял четверых, прежде чем атака прекратилась.

Он попытался вернуться к насыланию...

В этот раз его прервало не физическое явление, а вибрация, пришедшая по тропе, ведущей в гробницу Госпожи. Токар вошел в Великий курган и связался с обитающим там созданием.

— Слишком поздно,— пробормотал Боманц.— Слишком поздно, проклятие.— Он все равно послал смерть. Вдруг Токар скончается, прежде чем успеет выпустить чудовищ.

Выругалась Жасмин. Завизжала Проныра. Боманц прошел по мертвым стражникам, кинулся вниз по лестнице. Проныра вновь завизжала.

Бо вбежал в спальню. Один из людей Токара держал нож у горла Жасмин. Двое стражников пытались обойти его сбоку.

Терпение Боманца лопнуло. Он убил всех троих.

Дом сотрясся. Зазвенели чашки в кухне. Несильная дрожь, но Боманц распознал в ней предвестницу...

Его насылка опоздала.

— Выходите из дома,— приказал он, смирившись.— Будет землетрясение.

Жасмин косо глянула на него, сжимая в объятиях бьющуюся в истерике девочку.

— Потом объясню. Если выживем. А пока марш из дома.

Он развернулся и выбежал на улицу. И помчался к Курганью.

Теперь бесполезно было воображать себя высоким, стройным и быстроногим. Он был Боманцем во плоти, невысоким, старым, толстым и склонным к одышке. Дважды он падал, когда город сотрясалась дрожь. С каждым разом — все сильнее.

Пожары еще полыхали, но бои прекратились. Выжившие с обеих сторон поняли, что решать спор мечами поздно. Они глядели на Курганье, ожидая развития событий.

Боманц присоединился к смотрящим.

Комета сияла так ярко, что Курганье было залито ее светом.

Жуткая судорога рванула землю. Боманца шатнуло. В Курганье раскололся холм, где покоялась Душелов. Изнут-

ри струился болезненный свет. Из развалин поднялась фигура — силуэт на фоне сверкания.

Люди молились или ругались — кому что больше по душе.

Судороги продолжались. Открывался курган за кургаником. Один за другим выходили в ночь Десять тех, кто был взят.

— Токар, — пробормотал Боманц, — чтоб ты сгнил в аду.

Оставался только один шанс. Один немыслимый шанс. Мир покоился на собенных временем плечах растерявшего свои силы маленького старичка.

Боманц вспомнил мощнейшие свои заклятия, величайшие свои чары, все колдовские трюки, разработанные им за тридцать семь лет одиноких ночей. И шагнул в сторону Курганья.

Протянулись руки — остановить его. Они не могли ухватиться.

— Нет, Бо! Пожалуйста! — крикнула старуха из толпы.

Он продолжал идти.

Курганье кипело. Выли среди руин духи. Потрясал горбом Великий курган. Земля взрывалась и плевала огнем. В ночь взмыл огромный крылатый змей, страшно вскричав, и потоки драконьего пламени окатили Курганье.

Мудрые зеленые глаза следили за Боманцем.

В этот ад шагнул невысокий толстяк, выплеснув весь арсенал своих чар. И пламя поглотило его.

Глава 35 Курганье. Чем дальше в лес

Сунув письмо Ворона обратно в пакет, я разлегся на куче веток и расслабился. Как красиво рассказывал обо всем этом Ворон. Интересно, откуда он сведения-то брал? Жена? Кто-то ведь должен был записать конец этой истории и спрятать так, чтобы потом ее нашли. Что вообще стало с его женой? В легенде о ней не упоминалось. Как,

кстати, и о сыне. Всеобщую известность получило только имя Боманца.

Но было там что-то... что я пропустил? А, да. Кое-что из моего личного опыта. Имя, на которое рассчитывал Боманц. И которое оказалось недостаточно могучим.

Я его уже слышал. При равно бурных обстоятельствах.

В Арче, когда борьба Госпожи и Властелина близилась к завершению — она окопалась в башне на одном краю города, а Властелин пытался сбежать через вторую башню, на другом конце,— мы выяснили, что Взятые намерены избавиться от Отряда, как только кризис склынет. Мы дезертировали — по приказу Капитана. Мы захватили корабль. Сражение дошло до критической точки в тот миг, когда мы отчаливали. Супруги схватились над пылающим городом, и Госпожа оказалась сильнее.

Глас Властелина потрясал мир, выплескивая последние капли отчаяния. Он назвал Госпожу именем, которое полагал властительным и Боманц. Как оказалось, даже Властелин не застрахован от ошибок.

Одна сестра убила другую и — может быть — заняла ее место. Как выяснилось во время битвы при Чарах, еще одной сестрой была Душелов, наша учительница, пытавшаяся занять место Госпожи. Три сестрички. По меньшей мере. Одну звали Ардат, но явно не ту, что стала Госпожой.

Может, тут и кроется ключ. Все те списки дома, в Дыре. Генеалогии. Найти женщину по имени Ардат. Выяснить, кто были ее сестры.

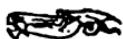
— Это ключ,— пробормотал я.— Слабенький, но ключ.

— Что?

Я и забыл про Кожуха. Мальчишка не пытался воспользоваться этим. Наверное, слишком перепугался.

— Ничего.

Снаружи темнело. Дождь не утихал. Над Курганьем плыли призрачные огни. Что-то в них было не то. Интересно, как там Гоблин с Одноглазым? Идти спрашивать я не осмеливался. В углу тихо похрапывал Следопыт. Пес Жабодав положил башку ему на живот и изображал дрыхнущую дворнягу, но, уловив блеск в его глазах, я понял, что пес не спит.

Я перенес внимание на Кожуха. Птенец трясясь, и не только от холода. Он уверен, что мы его прикончим. Я положил руку ему на плечо.

— Все нормально, сынок. Мы не причиним тебе вреда. Мы обязаны тебе за то, что ты присмотрел за Вороном.

— Он действительно Ворон? Тот Ворон, что был отцом Белой Розы?

Наслушался парень легенд.

— Именно. Только приемным отцом.

— Тогда он не обо всем лгал. Он все же был под Форсбергом.

Это меня почему-то позабавило.

— Сколько я знаю Ворона, — ответил я, хихикнув, — он вообще почти не лгал. Он только недоговаривал правду.

— Вы меня действительно отпустите?

— Когда окажемся в безопасности.

— Угу. — Это его не обнадежило.

— Скажем так — когда доберемся до равнины Страха. Там много твоих приятелей собралось.

Паренек хотел завести со мной квазиполитическую дискуссию — почему это мы идем против Госпожи. Я отказался. Я не миссионер, обращениями в свою веру не занимаясь. Слишком занят самокопаниями и самоуглублениями. Может, Ворон ему объяснит, когда Гоблин и Одноглазый приведут его в чувство.

Ночь казалась бесконечной, но через три вечности, тянувшиеся до полуночи, я услыхал неровные шаги.

— Костоправ?

— Заходи, — ответил я.

Это был Гоблин. В темноте я не мог различить выражения его лица, но понял — новости неугешительные.

— Проблемы?

— Да. Нам его не вытащить.

— Ты что такое лопочешь? Какого чертаг?

— У нас мастерства не хватит. Таланта. Тут нужен кто-то посильнее нас. Мы ведь не великие маги, Костоправ. Мы фокусники. С парой заклятий под рукой. Может, Молчун тут смог бы помочь. У него иная магия.

— Сядь, а то упадешь. Одноглазый где?

— Отдыхает. Ему тяжело пришлось. То, что он там увидел, его чуть не доконало.

— Что именно?

— Не знаю. Я его только подстраховывал. И вытаскивал, прежде чем он там тоже не застрял. Одно знаю — без помощи нам Ворона не вытащить.

— Дерьмо,— произнес я.— Сраное, вонючее, говенное дерьмо. Гоблин, без Ворона нам не победить. У меня тоже не хватит сил. Половину тех документов я не переведу никогда.

— Даже с помощью Следопыта?

— Он читает на телекурре. И все. Это и я могу, только хуже. А Ворон знал диалекты. Кое-что из переведенного им писалось именно на них. И еще — мы так и не знаем, что он делал тут. Зачем притворился мертвым и сбежал. От Душечки.

Может быть, я делал поспешные выводы. Со мной случается. Или поддался обычной человеческой слабости упрощения — вот вернется Ворон, и все встанет на свои места.

— Что же нам теперь делать? — спросил я вслух.

— Не знаю, Костоправ.— Гоблин встал.— Пусть Одноглазый очухается и расскажет, с чем мы столкнулись. Оттуда и начнем.

— Ладно.

Колдун вышел. Я лег и попытался заснуть.

Стоило мне отключиться, как ко мне приходил кошмар: тварь, барахтающаяся в оставшемся от Курганья болоте.

Глава 36 Трудные времена

Смотрелся Одноглазый жутко.

— Тяжело пришлось,— сказал он.— Давай карту, Костоправ.— Я повиновался. Колдун ткнул в карту пальцем.— Вот тут он застрял. Похоже, что он прошел путь до самой середины, по следу Боманица, а возвращаясь, вляпался.

— Как? Я вообще не понимаю, что там творится.

— Жаль, что тебе там не побывать. Царство жутких теней... Наверное, и к лучшему, что не для тебя это. Ты бы сунулся.

— Это шутка?

— Я хочу сказать, что ты слишком любишь совать нос куда не следует. Как старина Боманц. Нет. Стой.— Он помолчал секунду.— Костоправ, около тропы Боманца покоилась какая-то тварь, из прислужников Взятых. Колдун ей был не по зубам. Но Ворон-то дилетант. Думаю, мы с Гоблином и Молчуном едва справились бы с этой тварью, а мы поискуснее Ворона будем. Он недооценил опасность и переоценил себя. Когда он уходил, эта тварь заняла его место, и он остался там.

Я нахмурился, не совсем понимая.

— Она использовала его, чтобы сохранить равновесие старых заклятий,— объяснил Одноглазый.— Ворон застрял в сети очень древнего колдовства. А она среди нас.

Сердце мое ушло в пятки. Почти отчаяние.

— Она вышла? И вы не знаете...

— Ничего. Карта ничего не показывает. Боманц не обращал внимания на лиходейскую мелочь. Дюжину он точно не отметил; может, их там несколько десятков.

Судя по летописям, так и есть.

— Что он тебе сказал? Смогли вы с ним связаться?

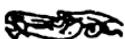
— Нет. Он заметил нас, но он в колдовской яме. Я не мог связаться с ним, не угодив туда сам. Похоже, то, что вышло наружу, чуть больше того, кто остался, и я попробовал этим воспользоваться. После этого Гоблин меня и вытаскивал. Я ощущал дикий ужас Ворона — и не из-за того положения, в котором он оказался, это вызывало в нем только гнев. Думаю, он попался только потому, что слишком торопился и не обращал внимания на то, что творится вокруг.

До меня дошло. Он был в центре — и дрался. Что находится в центре?

— Ты полагаешь, что тварь, которая выползла, могла попытаться открыть Великий курган?

— Могла попытаться это подстроить.

Я попробовал родить идею.

— Может, доставить сюда Душечку? Она могла бы...

Одноглазый посмотрел на меня: «Не глупи». Правильно. В безмагии освободится не только Ворон.

— Тому типу очень понравится,— хихикнул Гоблин.— Очень.

— Мы тут ничего для Ворона сделать не сможем,— произнес Одноглазый.— Может, когда-нибудь найдется колдун, который на это способен. А пока...— Он пожал плечами.— Лучше организовать заговор молчания. Если об этом узнает Душечка, она может и позабыть о своей миссии.

— Согласен,— ответил я.— Но...

— Что «но»?

— Я вот думаю: Ворон и Душечка... чего-то мы не понимаем. Ну, вы знаете его, да? Так почему он сбежал тайком и примчался сюда? Вроде бы чтобы обойти Госпожу и ее банду с тылу. Но почему он оставил Душечку в неведении? Понимаете, к чему я? Может, она не так и взволнуется, как мы думаем. Или по другой причине.

На лице Одноглазого отразилось сомнение. Гоблин кивнул. Следопыт, как всегда, ничего не понял.

— Что с телом? — спросил я.

— Сущее бремя,— ответил Одноглазый.— Я, конечно, не уверен, но, если мы потащим его на равнину, связь тела и души может порваться.

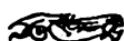
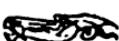
— Стой!

Я посмотрел на Кожуха. Тот глянул на меня. Вот и еще одна двойная связь.

У меня был один радикальный способ решить проблему с телом Ворона. И с его вывозом. Выдать его Госпоже. Это решит сразу несколько проблем. В том числе проблему той беглой твари и попытки Властелина освободиться. И может дать Душечке время, пока внимание Госпожи отвлечено.

Но что тогда станет с Вороном?

Он мог быть ключом к нашему успеху... или провалу. Выдать или спасти? Сыграть в расчете на тот невероятный случай, что мы сможем заполучить его назад до того, как его знания смогут быть применены против нас? Опять сложности. Вечно сложности.

— Давайте попробуем еще раз,— предложил Гоблин.— Теперь я пойду вперед, а Одноглазый меня прикроет.

По кислой роже Одноглазого я понял, что этот спор у них уже возникал. Я не вмешивался. Они — знатоки, им и решать.

— Ну? — потребовал ответа Гоблин.

— Если ты думаешь, что тебе удастся...

— Думаю. И терять нам нечего. Может, следует посмотреть на всю проблему с новой точки зрения? Вдруг Одноглазый чего-то не заметил.

— Я одноглазый, а не слепой,— рявкнул второй колдун.

Гоблин скривился. Этот спор тоже возникал не раз.

— Не тратьте времени,— приказал я.— Мы не можем торчать здесь вечно.

Иногда решения принимаются за тебя.

Глухая ночь. Ветер в ветвях. Холод просачивался в палатку, я просыпался, дрожа, и засыпал снова. Мерно барабанил по крыше дождь, но его шум не успокаивал. Боги, как я устал от дождя. Как только стражникам удается не свихнуться окончательно?

Кто-то потряс меня за плечо. Следопыт.

— У нас гости,— прошептал он.— Неприятные.

Пес Жабодав стоял у входа, вздыбив шерсть.

Я прислушался. Ничего. Но я предпочел поверить Следопыту. Лучше быть трусом, чем трупом.

— Как Гоблин с Одноглазым?

— Еще не закончили.

— Ох-хо.— Я нашарил одежду, оружие.

— Я пойду выслежу их,— пробормотал Следопыт,— попытаюсь сбить со следа или увести подальше. А ты предупреди остальных. И готовьтесь бежать.

Он выскользнул из палатки вслед за дворнягой. Вот теперь эта псина зашевелилась!

Наш шепот разбудил Кожуха. Мы оба молчали. Интересно, на что он отважится? Я набросил одеяло на голову и вышел. Довлеет дневи злоба его.

В соседней палатке колдуны еще не вышли из транса.

— Проклятие! И что теперь? — Осмелиться разбудить Одноглазого? Очень тихо: — Одноглазый. Это Костоправ. Дела наши плохи.

Ага. Здоровый глаз открылся. Мгновение колдун не мог прийти в себя, потом шепотом гаркнул:

— Ты что тут делаешь?

— У нас неприятности. Следопыт говорит, что в лесу кто-то есть.

Сквозь пелену дождя донесся вопль. Одноглазый взвился.

— О силы! — плеснул он. — Какого дьявола?

— Что такое?

— Кто-то только что метнул заклятие, достойное Вяз-того.

— Сможешь вывести Гоблина? Срочно?

— Могу... — Лес сотрясся очередным воплем, длившим-ся, как мне почудилось, бесконечно, несшим боль и отчаяние. — Вытащу.

Казалось, он потерял всякую надежду.

Взятые. Несомненно. Напали на наш след. И приближаются. Но крики... Первый — кого Следопыт застал врасплох. А второй? Застиали врасплох Следопыта? Не его это голос.

Одноглазый лег, прикрыл глаз и через несколько секунд вновь погрузился в транс, несмотря на отражавшийся на его лице ужас. А он силен — войти в транс в таком напряжении.

Из леса донесся третий вопль. Я высунулся под дождь и ошеломленно огляделся. Ничего не видно. Через несколько секунд зашевелился Гоблин.

Он был жутко вымотан, но Одноглазый уже просветил его, и маленький колдун упорно пытался встать, хотя ясно было, что ему это еще не по силам. Он открывал и закрывал рот — кажется, пытался что-то мне сказать.

Одноглазый вышел из транса вслед за ним, но оправился намного быстрее.

— Что нового? — спросил он.

— Еще один вопль.

— Бросаем все и уносим ноги?

— Мы не можем. Кое-что из этого мы обязаны доставить на равнину. Иначе мы с таким же успехом можем сдаться на месте.

— Ты прав. Собирайся. А я сложу все здесь.

Собраться-то несложно, я и мешков-то не разбирал...
Кто-то взревел в лесу. Я замер.

— Что за дьявол?

Казалось, эта тварь большие четырех львов. А мгновением позже послышались крики.

Бессмыслица. Полный бред. Я мог представить себе, как Следопыт отвлекает стражников шумом,— но не тогда, когда со стражниками идет Взятый.

Колдуны выбрались наружу, я начал сворачивать палатку. Гоблин все еще выглядел как восставший мертвец, и половину его барабана волок Одноглазый.

— Где мальчишка? — спросил он.

Я не обратил внимания на отсутствие Кожуха — оно меня не слишком удивило.

— Удрал. Как мы Ворона понесем?

Ответ явился из леса. Следопыт. Несколько потрепанный, но живой. Пес Жабодав был в крови по самый хвост и казался небывало деятельным.

— Убираемся, — сказал Следопыт и взялся за один конец носилок.

— А твои вещи?

— Времени нет.

— А фургон? — Я взялся за другой конец.

— Забудь о нем. Уверен, что они его нашли. Вперед.

Мы двинулись. Следопыт показывал путь.

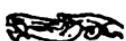
— Что это был за шум? — спросил я.

— Я застал их врасплох.

— Но...

— Врасплох можно застать даже Взятого. Побереги дыхание. Он еще жив.

Несколько часов мы, не оборачиваясь, месили грязь. Следопыт гнал нас нещадно. Наблюдатель в дальнем углу моего рассудка отметил, что пес Жабодав с легкостью держится наравне с ним.

Первым рухнул Гоблин. Пару раз он пытался догнать меня и сказать что-то, но у него просто не хватало сил. Когда колдун упал, Следопыт остановился, оглянулся раздраженно. Пес Жабодав, ворча, улегся на мокрых листьях. Следопыт покал плечами и опустил свой конец носилок.

Для меня это послужило сигналом. Я упал. Как столб. И плевать на дождь и грязь — мокрее, чем есть, я уже не стану.

Боги, как болели мои руки и плечи! Огненные иглы впились в меня, растянутые мышцы подобрались к самой шее.

— Так не пойдет,— пробормотал я, чуть отышавшись.— Слишком мы стары и слабы.

Следопыт взглядывался в лес. Пес Жабодав поднялся, понюхал ветер. Я нашел в себе силы, приподнявшись, глянуть вдоль тропы, по которой мы шли, чтобы прикинуть, куда же нам бежать теперь.

На юг, конечно. На север — бессмысленно, на западе или востоке мы упремся либо в реку, либо в курганы. Но, направляясь на юг, мы выйдем на старый Веселый тракт там, где он сворачивает к Великой Скорбной. И этот участок непременно будет под наблюдением.

Немного приди в себя — дыхание уже не отдавалось в ушах громом,— я услышал, как булькает и плещется река. До нее было не больше сотни ярдов.

— Хитростью, Костоправ.— Следопыт встряхнулся.— Хитростью.

— Жрать хочу,— сообщил Одноглазый, и я понял, что вполне с ним солидарен.— И, кажется, захочу еще больше.— Он слабо улыбнулся. У него хватило сил осмотреть Гоблина.— Костоправ, иди сюда. С ним все в порядке?

Интересно, как они забывают свою вражду, стоит за-пахнуть жареным.

Глава 37 Лес и за лесом

Прежде чем мы смогли поесть (Следопыт добыл дичи), прошло два дня. Два дня мы бегали от патрулей. Следопыт

знал эти леса превосходно. Мы исчезли в чащце и, уже менее торопливо, двинулись на юг. Через два дня Следопыт почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы мы смогли разжечь костер. Небольшой — найти способное гореть дерево само по себе являлось проблемой. Костер грел не столько наши тела, сколько души.

Теперь, когда появилась надежда, неудобства переносились легче. По Древнему лесу мы топали две недели. Будь я проклят, если мы по пересеченной местности двигались не быстрее, чем, направляясь сюда, — по дороге. Достигнув южной опушки леса, мы испытывали почти оптимизм.

Мне, однако, хотелось оставаться в болоте. Мы спорили о Вороне. И Гоблин, и Одноглазый утверждали, что мы только вредим ему, но не могли предложить ничего иного, кроме как тащить Ворона с собой.

И еще один холодный комок поселился у меня в брюхе.

Той, второй ночью, пока Следопыт и пес Жабодав охотились, ко мне подполз Гоблин.

— Я забрался дальше, чем Одноглазый, — прошептал он. — Почти к самому центру. Я знаю, почему Ворон остался там.

— Ну?

— Он слишком много увидел. Наверное, именно за этим он и отправился. Властелин не спит. Я... — Его передернуло, и он помолчал секунду, приходя в себя. — Я видел его, Костоправ. И он видел меня. И смеялся. Если бы не Одноглазый... я попался бы, как Ворон.

— О боги, — прошептал я едва слышно. Выводы зудели в мозгу. — Жив? И действует?

— Да. И молчи об этом. Никому не говори, пока мы не сообщим Душечке.

Я ощутил в нем некий фатализм. Он сомневался, что проживет достаточно долго. Это меня испугало.

— Одноглазый знает?

— Я ему скажу. Надо, чтобы эту весть кто-то принес домой.

— Почему не сказать всем?

— Только не Следопыту. Что-то в нем не то... И еще, Костоправ. Этот древний колдун — он еще там.

— Боману?

— Да. И он жив. Точно заморожен. Не мертв, но бес-силен... Дракон... — Колдун заткнулся.

Из кустов вышел Следопыт с охапкой белок. Мы со-жрали их почти сырыми.

Прежде чем пересекать границу освоенных земель, мы день передохнули. Отныне нам придется перебежками ки-даться от одного хлипкого убежища к другому, ночами, как мышам. «Какого дьявола мы суетимся», — подумал я. Равнина Страха с тем же успехом могла бы находиться в другой вселенной.

И той же ночью ко мне явился золотой сон.

Я не запомнил ничего, кроме одной вещи — она каса-лась меня, пыталась предупредить о чем-то. Думаю, связь получилась слабой не из-за амулета, а из-за моей усталости. До меня не доходило ничего. Я проснулся со смутным чув-ством, будто упустил какие-то безумно важные сведения.

Финиш. Конец игры. Через два часа после выхода из Великого леса я понял, что наше время на исходе. Темнота оказалась недостаточным прикрытием. И мои амулеты — тоже.

В воздухе кружили Взятые. Я ощутил их присутствие, как только возвращаться в лес стало поздно. И они зна-ли — их добыча идет пешком. Издалека доносилось бря-цание металла — батальоны перекрывали нам путь к отступлению в лес.

Амулет предупреждал меня, когда Взятые пролетали над нами. Когда он оказывался бессилен, — а это случалось неред-ко, видимо, новые Взятые на него не действовали, — нам под-сказывал пес Жабодав. Он этих ублюдков чуял за милю.

Помогал и второй амулет. И он, и способность Следо-пыта заметать следы.

Но круг сужался. И опять сужался. Мы знали — еще немногого, и в нем не останется щелей, в которые мы смог-ли бы проскользнуть.

— Что нам делать, Костоправ? — спросил Одноглазый дрожащим голосом.

Он знал, но предпочитал услышать это из моих уст. А я не мог ни отдать этот приказ, ни исполнить.

Эти люди — мои друзья. С ними я провел всю свою сознательную жизнь. Я не мог приказать им совершить самоубийство. И не мог убить их.

Но и предать их в руки врага я тоже не мог.

В моем мозгу начала выкристаллизовываться идея. Не слишком умная — порождение отчаяния, а не рассудка. Ну что толку?

Потом что-то коснулось меня, и я всхлипнул. Остальные тоже ощутили это. Даже Следопыт с его псиной взвился, точно ужаленные.

— Здесь она, здесь, — всхлипнул я снова. — О проклятие! И тогда я решился. Я смогу выгадать немного времени для друзей.

Прежде чем я успел все обдумать и как следует перетрусить, я сорвал амулеты, сунул их Гоблину, драгоценные бумаги кинул Одноглазому.

— Спасибо, ребята. Не поминайте лихом. Может,увидимся.

— Какого беса ты вытворяешь?!

Сжимая в руке лук — тот самый, что подарила мне она так давно, — я кинулся во тьму, слыша за спиной слабые протесты. Кажется, Следопыт требовал объяснить, что творится. Потом звуки утихли.

Невдалеке проходила дорога, а над головой мерцал осколок луны. При свете последнего я выбрался на первую и побрел, выжимая последние капли сил из измученного тела, пытаясь как можно дальше отойти от своих товарищей, прежде чем произойдет неизбежное.

Она защитит меня — так я надеялся. И, пойманный, я, быть может, смогу как-то помочь остальным.

Мне было очень жаль их. У колдунов не хватит сил тащить Ворона. Следопыт один с носилками не управится. Если они и доберутся до равнины Страха, им все же придется объяснять все это Душечке.

Интересно, хватит ли у них сил прикончить Воро-

на?.. В горле у меня встала желчь. Ноги подкашивались. Я попытался очистить рассудок от мыслей, сосредоточился на дороге в трех шагах от собственных ног, которыми я перебирал, тяжело дыша. Считай шаги. Сотнями, снова и снова.

Конь. Я могу украсть коня, повторял я себе, медитировал на этой мысли, проклиная колотье в боку, пока впереди не замаячили тени и не послышались вопли имперцев. Тогда я нырнул в пшеничное поле, а гончие Госпожи лаяли мне вслед.

Я чуть не ушел от них. Чуть-чуть. Но с небес обрушилась тень, засвистел вокруг ковра ветер, и мгновением позже тьма поглотила меня.

Я обрадовался: она избавит меня от мучений — как я надеялся, навсегда.

Когда я пришел в себя, было светло. Комната была холодной, но на севере вообще тепло не бывает. Зато сухо. В первый раз за много недель — сухо. Я припомнил свой бег и луну над головой. Небо очистилось достаточно, чтобы появилась луна. Чудо из чудес.

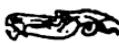
Я приоткрыл один глаз. Комната с каменными стенами. Похоже на тюремную камеру. Поверхность подо мной казалась сухой и мягкой. Когда же я последний раз лежал в сухой постели? В «Синелохе», вот когда!

Я ощутил запах. Запах еды! Что-то горячее в тарелке, на подставке в нескольких дюймах от моей головы. Вроде разварившейся похлебки. Боги, какой аромат!

Я вскочил так спешно, что у меня закружилась голова и я едва не потерял сознания. Еда! И к дьяволу все остальное. Я ел как изголодавшийся зверь, которым себя и чувствовал.

Я еще не закончил, когда дверь распахнулась внутрь. Взорвалась внутрь, со звоном ударившись о стену. В помещение протопала огромная темная фигура. Я так и замер, не донеся ложку до рта. И эта штука — человек?

«Оно» отошло в сторону, подняв меч. За ним последовали четверо имперцев, но я едва заметил их — так заворожил меня великан. Это все же был человек, но самый

могучий из всех, кого я видывал. И двигался он при всем своем весе легко, как эльф.

Имперцы встали парами по обе стороны двери, взяли «на караул».

— Что? — возмутился я, намереваясь смеяться гадам в лицо.— А где фанфары? И барабаны?

Я предположил, что сейчас встречусь со своим тюремщиком. Так оно и оказалось. В камеру вошла Шепот.

Ее появление поразило меня еще больше, чем торжественный вход великана-телохранителя. Предполагалось, что она удерживает западную границу равнины... если только... и думать немыслимо! Но червь сомнения все же гло-дал мою душу. Новостей я не слыхивал долго.

— Где бумаги? — осведомилась она безо всяких предисловий.

По моей физиономии расплзлась улыбка. Я преуспел. Остальных еще не поймали... Но возбуждение быстро склынуло. За Шепот вошли еще несколько имперцев. На носилах они несли Ворона. И грубо свалили его на койку напротив моей.

Гостей тут принимают знатно. Очень шикарная клетка. Есть даже где ноги размять.

Я восстановил ухмылку.

— Ну не надо сразу такие вопросы задавать. А то мамочка рассердится. Помнишь, что случилось в последний раз?

Шепот всегда была очень спокойна. Даже ведя войска повстанцев, она никогда не проявляла своих чувств.

— Твоя смерть может оказаться очень неприятной,— напомнила она мне.

— Мертвым все равно.

Ее бесцветные губы медленно изогнулись в улыбке. Шепот и так-то была не слишком симпатична, и гнусная улыбочка ее отнюдь не украшала.

Мысль ее я уловил. В глубине моего рассудка что-то верещало и билось, как обезьяна на костре. Я сопротивлялся голосу ужаса. Вот теперь самое время действовать как настоящему члену Черного Отряда. Тянуть время. Пусть остальные уйдут подальше.

Похоже, Шепот читала мои мысли.

— Далеко они не уйдут,— сообщила она, все так же улыбаясь.— От колдовства они могут спрятаться, а вот от гончих — вряд ли.

Сердце мое ушло в пятки.

Курьер появился точно по волшебству. Он сообщил что-то Шепот, та кивнула и повернулась ко мне:

— Сейчас я пойду их ловить. А ты в мое отсутствие припомни Хромого. Когда я получу от тебя все, что хочу, я ведь могу тебя и ему отдать.— И снова эта улыбка.

— Да уж, дамой ты никогда не была,— ответил я — правда, дрожащим голосом и в ее удаляющуюся спину. За хозяйкой последовал и ее зверинец.

Я проверил состояние Ворона. Без изменений.

Я лег на койку, закрыл глаза, попытался очистить рассудок от мыслей. Один раз, когда мне требовалось связаться с Госпожой, этот прием уже сработал.

Где она? Я знал, что недалеко,— прошлой ночью я ощутил ее присутствие. Но сейчас? Что за игру она затеяла?

Она сказала, что не уделяет этому внимания... но есть внимание, а есть внимание.

Глава 38 Крепость в Сделке

Бамм!! Опять эта дверь. На сей раз я услыхал, как человек-гора топочет по коридору, и не обратил внимания. Спросил только: «Тебя стучаться не учили, громила?»

Никакого ответа. В комнату вошла Шепот.

— Вставай, лекарь.

Я схокнул бы, но что-то в ее голосе превратило прохладу камеры в мороз.

Шепот выглядела ужасно. Не то чтобы она сильно изменилась внешне. Но что-то внутри ее стало мертвым, холодным... испуганным.

— Что это за тварь? — потребовала она ответа.

— Что за тварь? — ошарашенно переспросил я.

— С которой вы путешествовали. Говори.

Я молчал, не имея ни малейшего представления, о чем она толкует.

— Мы нагнали их. Вернее, мои люди. Я успела только пересчитать их трупы. Что за тварь раздирает двадцать гончих и сотню рыцарей за несколько минут и исчезает без следа?

Боги. Гоблин с Одноглазым превзошли сами себя.

Я все еще молчал.

— Вы пришли с Курганья. Где над чем-то колдовали. Что-то вызвали из могилы.— Кажется, она разговаривала сама с собой.— Сейчас мы это выясним. И выясним, насколько ты на самом деле несгибаем, солдат.— Она повернулась к великанию: — Взять его.

Я очень старался вести себя препоганейшим образом. Пай-заключенным я прикинулся ровно настолько, чтобы усыпить бдительность великана. Потом я наступил ему на ногу, проехавшись ребром подошвы по голени. Потом вывернулся и пнул великана в пах.

Старею я, не та уже реакция. А великан оказался намного проворнее, чем положено при его весе. Он отшатнулся, поймал меня за ногу и швырнул через комнату. Двое имперцев подошли, подняли меня и поволокли. Я с удовлетворением заметил, что великан хромает.

Я пытался вытворить еще несколько грязных трюков — просто чтобы за меня не сразу взялись. Били несильно. Меня привели в комнату, где Шепот обычно практиковалась в ведовстве, и привязали к деревянному креслу с высокой спинкой. Ничего особенно пытчного я не заметил, отчего ожидание стало совершенно непереносимым.

Из меня уже выжали два-три высококачественных вопля и хотели приняться за меня всерьез, когда идиллия оказалась нарушена. Имперцы стащили меня со стула, торопливо поволокли в камеру. Мне было так плохо, что я этому не удивился...

...Пока в коридоре у самых дверей камеры мы не натолкнулись на Госпожу.

Значит, так. Моя весточка попала по назначению. А я то думал, что ответ мне примерещился от большого желания. Но вот она — Госпожа.

Имперцы сбежали. Неужели она так пугает собственных людей?

Шепот осталась.

Все, что они хотели сказать друг другу, осталось непропиесенным. Шепот подняла меня на ноги, втолкнула в камеру. Лицо ее оставалось каменным, но глаза полыхали.

— Черт. Опять меня одолели, — прохрипел я и рухнул на койку.

Когда дверь захлопнулась, был день. Когда я проснулся, наступила ночь. Надо мной стояла Госпожа в прекраснейшем из своих обличий.

— Я предупреждала тебя, — сказала она.

— Ага. — Я попытался встать. Все тело болело — как от пыток, так и от перенапряжения перед поимкой.

— Лежи. Я не пришла бы, не требуй этого мои собственные интересы.

— Иначе я бы и не позвал.

— Снова ты оказываешь мне услугу.

— Только в интересах самосохранения.

— Ты, как это у вас говорится, попал в костер со сковородки. Шепот потеряла сегодня немало людей. Как?

— Не знаю. Гоблин и Одноглазый... — Я заткнулся.

Чертово головокружение. Чертов ее участливый голос. Я и так слишком много сказал.

— Это были не они. У них сил не хватит призвать нечто подобное. Я-то видела тела.

— Тогда и я не знаю.

— Я верю тебе. Но... Я видела такие раны прежде. Я покажу тебе до того, как мы отправимся в Башню. — Можно подумать, я сомневался. — И когда будешь смотреть — помни, что последний раз люди умирали так в те времена, когда миром правил мой супруг.

Ничего не стыкуется. Но меня беспокоило не это, а мое собственное будущее.

— Он уже зашевелился. Задолго до того, как я ожидала. Неужели он никогда не успокоится и не даст мне заняться своим делом?

А вот и стыкуется. Одноглазый говорил, что какая-то тварь выбралась. Из-за этого в ловушке оказался Ворон.

— Срань ты болотная, Ворон. Опять за свое.— Из-за его своеволия Властелин чуть не вырвался на свободу при Арче. Ворон тогда решил позаботиться о Душечке.— Что ты натворил?

Но почему «оно» последовало за нами и защищало Гоблина с Одноглазым?

— Так это Ворон?

Любимые ошибки Костоправа, номер 2. Ну почему я не могу держать закрытым свое проклятое хлебало?!

Госпожа наклонилась, положила ладонь ему на лоб. Я глядел на нее исподлобья, сбоку. Смотреть прямо я не рисковал. Она действительно могла очаровать и камень.

— Я скоро вернусь,— сказала она, направляясь к двери.— Не бойся. Ты будешь в безопасности и без меня.

Дверь закрылась.

— Вот-вот,— прошептал я.— От Шепот я буду в безопасности. А от тебя?

Я огляделся. Неужели я закончу свои дни в этой клетке?

Шепот вывезла меня посмотреть на место бойни — где имперцы с собаками догнали Гоблина и Одноглазого. Очень, доложу вам, неприятное зрелище. Последний раз я видел нечто подобное, когда мы схватились с форвалакой в Берилле, прежде чем присоединиться к Госпоже. Неужели тварь добралась до нас и теперь опять гоняется за Одноглазым? Но он же убил ее во время битвы при Чарах. Или нет?

Ведь Хромой-то выжил...

О да, без всяких сомнений. Он явился ко мне на второй день после отбытия Госпожи — держали меня, как я узнал, в старой крепости в Сделке. Милый, дружеский визит, прямо как в старые, добрые времена.

Его присутствие я ощутил еще до того, как увидел Взятое. И ужас едва не отнял у меня разум.

Как он узнал?.. Шепот. Почти наверняка Шепот.

Он вплыл в мою камеру на маленьком ковре-самолете. Своему прозванию он уже не соответствовал. Он и передвигаться-то мог лишь на своем ковре. Он стал тенью жи-

вой твари, человеческим обломком, который поддерживали лишь колдовство и безумная, пылающая воля.

Он впал в мою камеру, повисел, разглядывая меня. Я, как мог, изобразил безразличие — не получилось.

— Твое время истекло,— прошелестел призрак голоса.— Конец твоей повести будет долгим и мучительным. Я буду наслаждаться каждым его мгновением.

— Сомневаюсь.— Надо держаться выбранной роли.— Мамочке не понравится, что ты портишь ее пленников.

— Ее тут нет, лекарь.— Хромой отпрыгнул назад.— Мы скоро начнем. Пораздумав вначале.

Из-за его спины выплыл клок безумного смеха. Я не уверен, смеялся ли он, Шепот или кто-то еще. Из коридора на нас смотрела она.

— Но она здесь,— произнес голос.

Взятые застыли. Шепот побледнела. Хромой как-то сложился внутрь себя.

Госпожа материализовалась из ниоткуда, из облака золотой пыли. Она молчала. Взятые тоже не произнесли ни слова — что они могли сказать?

Я хотел было вставить одну из своих хохмочек, но лучшая часть доблести возобладала. Вместо этого я попытался стать совсем маленьким. Как таракан. Чтобы не заметили.

Правда, таракана можно раздавить и не заметив...

— Хромой,— произнесла наконец Госпожа,— тебе дали задание. И ты не получал позволения покидать свой пост. Но ты его покинул. Снова. С тем же результатом, что и в тот раз, когда ты отправился в Розы, чтобы напакостить Душелову.

Хромой скакал еще сильнее.

Это было чертовски давно. Одна из наших атак на тогдашних мятежников. А получилось, что мятежники напали на штаб Хромого, когда тот отлучился, пытаясь подложить Душелову свинью.

Значит, Душечка победила на равнине.

Настроение мое резко улучшилось. Теперь я знал, что восстание не подавлено.

— Иди,— приказала Госпожа.— И помни: больше прощания не будет. Отныне мы живем по тем жестким пра-

вилам, что установил мой супруг. Следующий раз будет для тебя последним. И для тебя, и для любого из моих слуг. Поняли? Шепот? Хромой?

Они поняли. И очень многословно заверили ее в этом.

Видимо, был еще один уровень разговора, в слова не облеченный и оттого мне недоступный, потому что вышли Взятые совершенно убежденными, что жизни их зависят от безусловного и беспрекословного выполнения не только буквы, но и духа приказов. Они потерпели поражение.

Госпожа пропала в тот самый миг, когда захлопнулась дверь камеры.

Во плоти она появилась незадолго до заката. Гнев ее еще не улегся. Из болтовни стражников я узнал, что Шепот тоже отослали на равнину. Там шли серьезные бои. Остальные Взятые справиться не могли.

— Покажи им, Душечка,— бормотал я.— Устрой им кровавую баню.

Я старательно готовился встретить любую судьбу, какую бы для меня ни подготовили на складе ужасов рока.

Сразу после заката стражники вытащили меня из камеры. Ворона тоже. Вопросов я не задавал — все равно не ответят.

На центральном дворе крепости лежал ковер-самолет Госпожи. Солдаты положили Ворона на ковер, привязали. Мрачный сержант взмахом руки приказал мне залезать. Я послушался, удивив его тем, что знал, как это делать. Сердце мое трепыхалось в пятках. Я знал, куда мы полетим.

В Башню.

Ждал я полчаса. Наконец она пришла. Она показалась мне задумчивой. Я бы даже сказал, взволнованной и неуверенной. Она заняла свое место на головном конце ковра, и мы взлетели.

Полет на ките намного удобнее и меньше треплет нервы. Летучий кит обладает массой, размерами.

Мы поднялись на тысячу футов и двинулись на юг, делая вряд ли больше трех десятков миль в час. Перелет будет долгим, если только нам не предстоят остановки.

Где-то через час Госпожа обернулась ко мне. В темноте я едва мог различить черты ее лица.

— Я побывала в Курганье, Костоправ, — сказала она.
Я промолчал, не зная, чего от меня ждут.

— Что вы сделали? Кого освободили ваши колдуны?
— Никого.

Она посмотрела на Ворона.

— Возможно, путь есть. — И после паузы: — Я знаю того, кто вырвался на свободу... Спи, лекарь. Поговорим в другой раз.

И я заснул. А проснулся уже в другой камере. По мундирам стражников я понял, что новой моей тюрьмой стала Башня в Чарах.

Глава 39 Гость в Чарах

За мной пришел полковник из личной охраны Госпожи. Он был почти вежлив. Ее слуги постоянно затруднялись определить мой статус. Бедняги. В их иерархический порядок я никак не вписывался.

— Она требует вас, — сообщил полковник.

С ним была дюжина солдат. На почетную гвардию мало похоже. Но и на палачей они не смахивали.

Впрочем, какая разница? Я пойду с ними, иначе им пришлось бы меня тащить.

Выходя из комнаты, я обернулся. Ворон был еще жив.

Полковник проводил меня до дверей во внутренней Башне, которая стоит в недрах Башни наружной; не многие бывали здесь, а еще меньше отсюда возвращались.

— Идите, — сказал он. — Я слыхал, вам тут доводилось бывать. Вот и ступайте.

Я шагнул за порог. Обернувшись, я увидел только глухую стену. На мгновение у меня закружилась голова, потом это прошло, и я оказался совсем в другом месте. Ее силуэт вырисовывался на фоне окна, хотя покой Госпожи находятся в самой середине Башни.

— Подойди.

Я повиновался. Госпожа указала в не-окно. Я выглянул, там полыхал город. Над ним парили Взятые, метали тут же

гаснущие разряды в фалангу опустошивших город летучих китов.

На одном из китов летела Душечка. Пока чудовища оставались в ее безмагии, они были неуязвимы.

— Они еще не победили, — напомнила Госпожа, прочтя мои мысли. — Оружие смертных достигает их. И твоей бандитки — тоже. Но это неважно. Я решила приостановить боевые действия.

Я рассмеялся.

— Тогда мы выиграли!

В первый раз мне удалось задеть ее своей болтовней. Большая ошибка — смеяться над Госпожой. Чувства могут заставить ее пересмотреть решение, принятое рассудком.

— Вы не выиграли ничего. Если смена приоритетов производит такое впечатление, я не стану отводить войска. Я изменю направление основного удара.

Чтоб ты сдох, Костоправ. Научишься ты когда-нибудь держать пасть на замке? Да ты любого уговоришь пропустить тебя через мясорубку.

Взяв себя в руки, она повернулась ко мне. Госпожа, в двух шагах от меня.

— Сарказм оставь для своих летописей, если желаешь. Но в разговоре со мной будь готов заплатить цену.

— Я понимаю.

— Так я и думала.

Она снова глянула в не-окно. На далекий город — похоже, на Стужу — рухнул, полыхая, летучий кит, попавший под залп невиданно огромных баллист. В сюрпризы могут играть и двое.

— Как продвигается перевод?

— Что?

— Документы, которые ты нашел в Облачном лесу, ~~отдал~~ мой покойной сестре по прозванию Душелов, отнял у нее, отдал своему приятелю Ворону, а теперь отобрал и у него. Те бумаги, в которых, как ты думаешь, скрыт ключ к вашей победе.

— Ах, те документы. Плохо продвигается. Почти никак.

— И не продвинется. Того, что ты ишешь, там нет.

— Но...

— Ты пошел по ложному следу. Да-да, я знаю: их собрал Боманц, так что в них непременно должно быть мое истинное имя. Так? Но мое имя стерто везде — кроме, возможно, памяти моего супруга.— Она внезапно отдалилась.— Победа при Арче обошлась дорого.

— Он слишком поздно усвоил урок Боманца.

— Так ты заметил? У него достаточно сил, чтобы вырвать сведения из случившегося... Нет, моего имени в бумагах нет. А вот его — есть. Потому-то они так привлекали мою сестру. Она увидела возможность свергнуть нас обоих. Она знала меня. Мы ведь с ней росли вместе. И друг от друга нас охраняла только тщательно сплетенная охранная сеть. Наняв вас в Берилле, она хотела всего лишь подсидеть меня. Но когда ты добыл эти документы...

Она не столько объясняла, сколько размышляла вслух. Меня озарило.

— Ты не знаешь его имени!

— Этот союз не был браком по любви, лекарь. Всего лишь неустойчивое перемирие. Скажи, как мне получить эти документы?

— Никак.

— Тогда проиграем мы все. Это правда, Костоправ. Пока мы тут спорим, пока наши с тобой сторонники режут друг другу глотки, общий наш враг стряхивает цепи. Все смерти, что ты видишь, будут напрасны, если Властелин вырвется на свободу.

— Уничтожь его.

— Это невозможно.— В городке, где я родился, ходит народная сказка о человеке столь могучем, что он осмелился потешаться над богами. Но в конце его мочь оказалась всего лишь гордыней, ибо есть сила, перед которой склоняются даже боги.

— Так в чем суть?

— Смерть побеждает всех, если переинчарить старинную поговорку. Даже Властелин не может каждый раз побеждать в борьбе со смертью.

— Есть способы,— признала Госпожа.— Но не без этих бумаг. А сейчас возвращайся к себе и поразмысли. Мы еще поговорим.

Как-то внезапно меня выставили. Госпожа повернулась к горящему городу, и я вдруг понял, где тут выход. Непреодолимая сила погнала меня к двери. Секунда голо-вокружения, и я снаружи.

Припыхтел полковник, провел меня в камеру.

Я плюхнулся на койку и, как мне было приказано, стал размышлять.

Властелин шевелится, тому свидетельств достаточно, но... Слишком потрясло меня, что бумаги не содержат того рычага, на который мы так надеялись. Эту новость я должен был либо проглотить, либо отвергнуть, и мой выбор будет иметь серьезные последствия.

Госпожа пользовалась мной в своих целях. Конечно. Мне представилось несколько возможностей — все мало-приятные, и все вполне осмыслиенные...

Она сама сказала: если Властелин вырвется — нам всем конец, что хорошим ребятам, что плохим.

Я заснул. И видел сны, но не запомнил. Проснувшись, я обнаружил еще горячий обед на столике, которого прежде не было. А еще на столике имелся полный набор письменных принадлежностей.

Она ожидала, что я продолжу свои Анналы.

Я умял половину обеда, прежде чем заметил отсутствие Ворона. Беспокойство впилось в меня с новой силой. Куда его унесли? Зачем? Для чего он мог понадобиться Госпоже? Как рычаг?

Странно течет время в Башне.

Когда я покончил с обедом, явился давешний полковник. Все с теми же солдатами.

— Она требует вас снова,— объявил он.

— Опять? Я же только что оттуда.

— Четыре дня назад.

Я потрогал щеку. В последнее время я носил только небольшую бородку. А теперь весь зарос. Вот так. Заснул, называется.

— Бритву никак нельзя достать?

Полковник чуть заметно улыбнулся.

— А как вы думаете? Можно позвать цирюльника. Идете?

Можно подумать, у меня есть выбор. Лучше идти самому, пока не потащили.

Процедура та же. Госпожа вновь стояла у окна. Теперь там виднелись осажденные укрепления Шепот в каком-то углу равнины. Тяжелых баллист там не было. Летучий кит держал гарнизон в укрытиях, в то время как бродячие деревья разбирали внешнюю стену простейшим способом — прорастая в нее до полного ее разрушения. Так джунгли разрушают покинутый город, только этот лес рушил камень в десять тысяч раз быстрее обычного.

— Вся пустыня поднялась против меня, — сказала она. — Атаки на форпосты Шепот до неприятного разнообразны.

— Подозреваю, что твое присутствие вызывает там неприязнь. Я думал, ты собираешься выйти из боя.

— Я пытаюсь. Твоя глухая крестьянка не пытается мне помочь. Подумал?

— Я спал, а не думал. Как тебе превосходно известно.

— Да-да. У меня были неотложные дела. Теперь я могу посвятить внимание этой проблеме.

Ее взгляд вызывал желание бежать подальше... Она махнула рукой. Я застыл. Она приказала мне отойти и сесть в кресло. Я подчинился, неспособный стряхнуть чары, хотя знал, что последует за этим.

Госпожа встала передо мной, закрыв один глаз. Открытый становился все больше и больше, надвинулся, поглотил меня...

Кажется, я завизжал.

Это стало неизбежностью с того момента, как меня схватили, пусть я и тешил себя надеждами. Теперь она выпьет мой разум, как паук высасывает муху...

Очнулся я в своей камере, чувствуя себя так, точно побывал в аду. Голова раскалывалась. Чтобы встать и проковылять к медицинской сумке (которую мне вернули, изъяв предварительно ядовитые препараты), потребовалось героические

усилия. Я приготовил себе настой ивовой коры — это заняло небольшую вечность, огня-то у меня не было.

Когда я, матерясь, посасывал слабый горький настой, пришел какой-то тип. Незнакомый. Тип, кажется, удивился, что я уже встал.

— Добрый день,— сказал тип.— Быстро вы оправились.

— А ты кто такой, твою мать?

— Лекарь. Обязан вас проверять ежечасно. Мы ожидали, что вы еще долго не очнетесь. Голова болит?

— Охрененно.

— Злитесь. Это хорошо.— Он поставил свой мешок рядом с моей сумкой, куда не преминул заглянуть.— Что принимали?

Я объяснил и поинтересовался:

— Почему хорошо-то?

— Иногда наступает полное безразличие. Так и уга-сают.

— Да-а? — А не вышибить ли мне из него дух, просто развлечения ради? Сплин разогнать. А толку? Обязательно влетит громила-стражник, и мне станет еще большее. Да и труд это слишком тяжелый.

— Вы тут на особом положении?

— Мне кажется, что да.

Слабая улыбка.

— Выпейте. Это получше настоя из коры.

Я выхлебал предложенную микстуру.

— Она очень волнуется. Первый раз вижу, чтобы она беспокоилась из-за подвергнутого глубокой проверке.

— Даже так? — Дурное настроение как-то улетучилось. Его микстура действовала быстро и сильно.— Что это за варево? Мне пригодилась бы пара бочек.

— Оно вызывает привыкание. Его получают из сока верхних четырех листьев травы парсифаль.

— Первый раз слышу. — Редкое растение,— ответил лекарь, продолжая меня осматривать.— Растет в каких-то Полых холмах. Туземцы используют его как наркотик.

Отряд проходил когда-то через эти жуткие места.

— Я и не знал, что там есть туземцы.

— Их еще меньше, чем этой травы. В совете поговаривали, что после войны траву будут выращивать на плантациях. Как лекарство.— Он щелкал языком, чем очень напомнил мне беззубого старца, у которого я учился лекарскому ремеслу. Странно. Я столько лет не вспоминал о нем.

И еще более странно — на поверхность сознания выплывали, как глубинные рыбы на свет, старые воспоминания. Госпожа хорошо взболтала мои мозги.

Я не стал расспрашивать о коммерческом выращивании лекарственных трав, хотя эта идея решительно не соответствовала сложившемуся у меня образу Госпожи. Злодеи обычно не стремятся унимать чужую боль.

— Как вы к ней относитесь?

— К Госпоже? Сейчас — не слишком ласково. А ты? Он не ответил на вопрос.

— Она желает увидеться с вами, как только вы приедете в себя.

— Ожидает — значит, приказывает,— парировал я.— Мне уже кажется, что я не совсем и пленник. Как насчет выпустить меня погулять по крыше? Оттуда я вряд ли убегу.

— Я выясню, разрешено ли это. А пока можете размяться здесь.

Ха-ха. Единственная моя разминка — кувырки извилин. Мне просто хочется выбраться за пределы четырех стен.

— Ну что, я еще жив? — спросил я, когда лекарь завершил осмотр.

— Пока — да. Хотя я очень удивлен, как вы при вашем отношении к делу выжили в таком подразделении, как Черный Отряд.

— Там меня любят. Боготворят. Волоска на моей голове не тронут.— Настроение мое опять ухудшилось, когда он помянул Отряд.— Ты не знаешь, давно ли я тут торчу?

— Нет. Полагаю, не меньше недели. Возможно, дольше.

Так. Подозреваю, не меньше десяти дней. Если наши колдуны, пугающие налегке, очень поторопятся и если

их путь останется неизвестен... за это время они могли пройти миль четыреста. Один шаг из многих. Дерьмо.

Тянуть время уже бесполезно. Госпожа знает все, что знаю я. Интересно, пригодится ли это ей? И удивит ли?

— Как там мой друг? — спросил я во внезапном приступе вины.

— Не знаю. Его перевезли на север, потому что связь с его душой готова была порваться. Я уверен, при следующей вашей встрече Госпожа поднимет этот вопрос. Я закончил. Счастливо оставаться.

— Весельчак ублюдочный.

Он вышел, ухмыляясь.

Профессионал.

Через пару минут вошел полковник:

— Мне передали, что вы хотите выйти на крышу.

— Ага.

— Когда надумаете прогуляться, скажите охраннику. — Что-то его еще томило. — В вашем отряде дисциплина какая-нибудь есть? — спросил он после короткой паузы.

Его раздражало, что я не обращаюсь к нему «сударь». Мне пришло в голову несколько хамских ответов, но я подавил желание их высказать. Мой статус не долго может оставаться загадочным.

— Да. Хотя и слабее, чем в прежние времена. После Арчи нас осталось слишком мало, чтобы такой порядок окупался.

Хороший ход, Костоправ. Пусть оправдываются. Напомни им, что в нынешнее жалкое состояние Отряд пришел, сражаясь за Госпожу. И напомни, что первыми сдавались сатрапы империи. Офицеры должны это знать. И думать об этом хоть иногда.

— Жаль, — сказал полковник.

— Вы мой личный сторожевой пес?

— Да. Она почему-то очень вас ценит.

— Я когда-то посвятил ей поэму, — соврал я. — И поставил кое-какие товары.

Полковник нахмурился, решив, что я над ним издаююсь.

— Спасибо. — Я предложил оливковую ветвь. — Прежде чем идти на крышу, я поработаю немного.

Здорово я отстал. С тех пор как мы покинули равнину, я набросал лишь несколько заметок в «Синелохе».

Я писал, пока руку не скрутила судорога. Потом поел — стражник принес обед как раз, когда я посыпал песком последний лист. Заглотав еду, я постучал в дверь и сказал охраннику, что готов пойти наверх. Когда дверь открылась, я обнаружил, что ее не запирали.

Даже если я выйду из комнаты, куда мне податься? О побеге и думать глупо.

У меня появилось чувство, что я готов принять пост официального историка. Нравится мне это или нет, но это меньшее из многих зол.

Мне предстояло принять немало тяжелых решений. Я хотел обдумать все как следует. Госпожа понимала — у нее хватит таланта и силы, чтобы обскакать по части предвидения старого лекаря, шесть лет просидевшего в глуши.

Закат. Пламенеет запад, полыхают облака. Небо расцвечено необычайными красками. Холодный и свежий северный ветерок заставляет ежиться. Охранник держался в отдалении, создавая иллюзию свободы. Я подошел к северному парапету.

Следов проходившей тут великой битвы почти не осталось. Там, где прежде стояли и пылали укрепления, колья, осадные машины, где люди гибли десятками тысяч, теперь был парк. Передовую отмечала черная каменная звезда в пятистах ярдах от Башни.

Мне почудились рев и грохот, я вспомнил орду мятежников, что накатывалась неутомимо, как море, волна за волной, разбиваясь о неподатливые ряды защитников. Я вспомнил Взятых в бою, их жуткие смерти, колдовство безумное, бешеное...

— То была битва битв, не так ли?

Я не обернулся к ней.

— О да. Я никогда не отдавал ей должного.

— О ней еще споют.

Госпожа глянула вверх. В небе начали появляться звезды. В сумерках ее лицо казалось бледным и напряженным. Никогда прежде я не видел на нем ничего, кроме самодовольства.

— Что случилось? — Вот теперь я обернулся. Группка солдат стояла в отдалении, глядя на нас — не то потрясенные, не то очарованные.

— Мне было прозрение. Несколько прозрений, с первого раза я не смогла получить удовлетворительного результата.

— И?

— Возможно, результата нет вовсе.

Я ждал. Не стоит торопить самое могущественное существо в мире. Достаточно поразительно уже то, что она намерена довериться смертному.

— Все течет. Я видела три будущих. Надвигается кризис, исторический миг.

Я глянул на нее почти в упор. Лиловые сумерки пали на ее лицо. Прядка темных волос лежала на щеке — не нарочно; желание прикоснуться, обнять, может, даже утешить затопило меня.

— Три будущих?

— Три. И ни в одном из них мне нет места.

Что можно сказать в такой момент? Что это может быть ошибка? Сами говорите Госпоже, что она своего дела не знает.

— В одном будущем победит твое глухое дитя. Но это наименее вероятный исход, и она погибнет ради победы вместе со всеми соратниками. В другом — мой супруг разорвет могильные оковы и восстановит свое Владычество. И тьма опустится на десять тысяч лет. А в третьем он сокрушен навеки. Это самое сильное, самое завораживающее видение... но цена высока. Скажи, Костоправ, есть ли боги? Я никогда не верила в богов.

— Не знаю, Госпожа. Я еще не встречал осмысленной религии. Они обычно непоследовательны. Боги, судя по описаниям их поклонников, большей частью — психопаты с манией величия и паранойей. Не знаю, как они живут со своим сумасшествием. Возможно, впрочем, что люди про-

сто неспособны правильно интерпретировать действия существа, настолько их превосходящего. Может быть, каждая вера — это искаженный и извращенный осколок истины. Может быть, и есть силы, лепящие наш мир. Но я никогда не мог понять, зачем богу в столь громадном мире волноваться из-за человеческих судеб или молитв.

— Когда я была девочкой... у нас с сестрами был учитель.

Заметил ли я? Да я весь обратился в слух, от макушки до пят.

— Учитель?

— Да. Он утверждал, что мы и есть боги, что мы творим собственную судьбу. И только мы определяем, что становится с нами. Изъясняясь просто, мы сами загоняем себя в ловушку.

— Интересно.

— Именно. Но есть и бог на свете, Костоправ. Не из сотрясателей тверди, нет. Он — отрицатель. Он завершает все повести. Его глад неутолим, и все вселенная соскользнет когда-нибудь в его пасть.

— Смерть?

— Я не хочу умирать, Костоправ. Все, что есть во мне, вопиет против несправедливости смерти. Все, что я есть, чем была и, наверное, буду, выплено стремлением избежать конца.— Она тихонько рассмеялась, сдерживая истерику.— Я построила бы себе мир, где я в безопасности. И краеугольным камнем его стала бы смерть.

Близился конец мечтаний. Я тоже не мог представить себе мир, в котором нет меня. И сердце мое гневалось. Гневается. Очень легко представить, как страх смерти становится манией.

— Я понимаю.

— Может быть. Перед вратами тьмы мы все равны, не так ли? Песок струится для всех. Жизнь — только всплеск, кричащий на зубах вечности. Но как же это все нечестно!

Я вспомнил Праотца-Дерево. Даже он сгинет когда-нибудь. Да, смерть жестока и ненасытна.

— Обдумал ли ты? — спросила Госпожа.

— Наверное, да. Я не некроман. Но я видел пути, которыми идти не желаю.

— Что ж, Костоправ, ты свободен.

Удар. Недоверие пронзило меня до самых пят.

— Что, простите?

— Ты свободен. Ворота Башни открыты. Достаточно выйти из них. Но ты можешь и остаться, занять свое место в борьбе, объединяющей нас всех.

Закат почти погас, только высокие облака еще озарялись снизу солнцем. По индигоовому восточному небу плыл на запад эскадрон ярких точек. Направлялись они, кажется, к Башне.

Я пробормотал что-то невнятное.

— Желает она того или нет, Госпожа Чар снова должна сразиться со своим супругом, — произнесла она. — И до тех пор, пока не придет к своему исходу эта борьба, иной не будет. Ты видишь, как возвращаются Взятые. Армии с востока движутся к Курганью. Войска за границами равнинны получили приказ отступить на позиции к востоку. Твое глухое дитя в безопасности, если только она не придет к нам с мечом. Наступает перемирие. Возможно, навсегда. — Слабая улыбка. — С кем станет сражаться Белая Роза, если не будет Госпожи?

С этими словами она оставила меня в полном ошеломлении и отошла поприветствовать своих ратоборцев. Ковры опадали из темноты, как осенние листья. Я придвигнулся было, но мой личный охранник заметил, что я не настолько близко знаком с Госпожой, чтобы позволить себе ее подслушивать.

Северный ветер становился все холоднее. Не наша ли приходит осень?

Глава 40 Принимая решение

Госпожа ничего у меня не требовала. Даже ее намеки были столь тонки, что додумываться до всего приходилось самостоятельно. Через два дня после нашего разговора на крыше я спросил полковника, могу ли я повидаться с ней.

Полковник ответил, что выяснит. Подозреваю, что он действовал по приказу,— иначе стал бы спорить. Прошел еще день; полковник явился, сказав, что Госпожа нашла время принять меня.

Я закрыл чернильницу, очистил перо, встал.

— Спасибо.

Он странно на меня покосился.

— Что-то не так?

— Нет-нет. Только...

Я его понял.

— Тоже не знаю. Но я уверен, что она хочет кое-что мне поручить.

Полковник просиял. Этот довод был ему понятен.

Обычная процедура. Когда я в очередной раз вступил в ее обиталище, Госпожа стояла у окна, открытого в сырье сумерки. Серый дождь, бурливые коричневые воды, налево едва различимы тени опасливо цепляющихся за высокий речной берег деревьев. Пейзаж сочился промозглым холодом. Очень знакомая картина.

— Великая Скорбная река,— произнесла Госпожа.— В разливе. Она всегда в разливе, не так ли?

Она поманила меня. Я подошел. Со времени моего последнего визита к обстановке добавился большой стол. На столешнице красовалась модель Курганья, выполненная с жуткой достоверностью — кажется, сейчас из казарм выбегут крошечные стражники.

— Видишь? — спросила она.

— Нет. Я почти не знаю тех мест, хотя был там дважды,— только город и казармы. Что я должен увидеть?

— Реку. Твой друг Ворон, видимо, осознал ее значение.— Ее тонкий палец описал дугу далеко к востоку от речного русла, вгрызшегося в гребень, на котором мы устроили тогда привал.— Во время моей победы при Арче река протекала здесь. На следующий год климат изменился. Постоянные разливы смешали русло сюда. Сегодня она гложет вот этот гребень. Я осматривала его лично — земля, в нем нет каменного остова. Он не продержится долго. Когда гребень смоет, река начнет подмывать курганы. Даже все заклятия Белой Розы не по-

мешают ей срыть Великий курган. И с каждым фетишем, который унесет течением, моему супругу все легче будет выбираться.

Я хмыкнул:

— Против природы не попрешь.

— Ну почему же? Надо только предвидеть. Белая Роза не предусмотрела этого. И я тоже, когда попыталась связать его понадежнее. Теперь уже слишком поздно. Итак — ты собирался поговорить со мной?

— Да. Я должен покинуть Башню.

— Что ж. Тебе не надо было приходить ко мне. Ты свободен, можешь идти или остаться.

— Я ухожу, потому что должен кое-что сделать. И тебе это отлично известно. Но пешком я не успею дойти вовремя, чтобы выполнить свое задание. И, скорее всего, сдохну по дороге. Я прошу перевезти меня.

Госпожа улыбнулась, и улыбка ее была искренней, светлой, чуть иной, чем прежние.

— Отлично. Я так и думала, что ты поймешь, где твое место. Когда ты будешь готов?

— Через пять минут. И есть один вопрос. Ворон.

— Его лечат в казармах Кургана. Пока мы ничем не можем ему помочь. Как только появится возможность, мы приложим все усилия. Достаточно?

Не спорить же мне с ней.

— Хорошо. Тебя перевезут. У тебя будет единственный в своем роде пилот. Сама Госпожа.

— Я...

— Я тоже раздумывала. Лучший для меня шаг — встретиться с твоей Белой Розой. Я отправляюсь с тобой.

— Тебя сомнут, — выдавил я, похватав немного воздух ртом.

— Нет, если не узнают. И не узнают, если им никто не скажет.

Ну, в лицо ее и впрямь не признает никто. Я единственный из Отряда, кто видел ее и остался жив, чтобы этим хвастать. Но... Проклятие, этих «но» целая гора.

— Если ты войдешь в безмагию, все твои заклятия спадут.

— Нет. Не работают новые чары. Постоянныe сохра-
няются.

Я не понял ее и так и заявил.

— При входе в безмагию спадет только мое очарование, потому что оно поддерживается активно. Но заклятие, которое изменяет и оставляет измененным, однако не работает в момент входа в безмагию, не спадет.

На задворках моей памяти что-то зашевелилось. Я не мог отбросить назойливой мысли.

— Если ты превратишься в лягушку и припрыгаешь в Крепость, то останешься лягушкой?

— Если превращение было истинным, а не иллюзорным, — да.

— Понимаю. — Я заложил эту мысль закладкой и решил позднее вволю побеспокоиться над ней.

— Я стану твоей подобранный по дороге спутницей. Скажем, я помогла тебе раздобыть документы.

Есть тут какой-то подвох. Или два. Не представлю, чтобы она доверила мне свою жизнь. Челюсть моя отпала.

— Начинаешь понимать. — Она кивнула.

— Ты слишком мне доверяешь.

— Я знаю тебя лучше, чем ты сам. По твоим меркам, ты человек чести и достаточно циничен, чтобы признать существование меньшего зла. Мое Око видело тебя.

Меня передернуло.

Она не извинялась. Мы оба знали, что извинения были бы пустыми.

— Ну? — спросила она.

— Я никак не пойму, зачем это тебе. Это ведь бес-
смысленно.

— Мир изменился. Раньше существовали два полюса — я и эта твоя крестьяночка. Война шла между нами. Но то, что шевелится теперь на севере, — это новый полюс. Продолжение линии, в которой я середина, или вершина треугольника. Я хочу сказать, что мой супруг намерен уничтожить как меня, так и твою Белую Розу. И я думаю, что нам с ней следует избавиться от общей угрозы, прежде чем...

— Достаточно, я понял. Но Душечка вряд ли окажется так прагматична. Слишком много в ней ненависти.

— Возможно. Но попробовать стоит. Поможешь?

Побывав в нескольких шагах от древнего мрака, увидев шляющиеся по Курганью призраков, — о да, я сделал бы все что угодно, чтобы тот жуткий дух не сбросил могильные оковы. Но как, как, как поверить ей?

То ли она прочла мои мысли, как это у колдунов в обычай, то ли догадалась.

— Я буду в пределах безмагии.

— Да. Мне надо подумать.

— Сколько угодно. Я пока не могу вылететь.

Подозреваю, не успела принять все меры предосторожности против дворцового переворота.

Глава 41 Городок Лошадь

Две недели прошло, прежде чем мы вылетели наконец в Лошадь, скромный городок между Ветреным Краем и равниной Страха, в сотне миль от западных границ последней. Лошадь служит перевалочным пунктом для тех не-нормальных купцов, что пытаются пересечь две пустыни. А в последнее время в городе расположился штаб тылового снабжения войск Шепот. Все подразделения, что были еще не на марше в Курганье, разместились здесь.

Ох и промокнут же на севере эти придуры.

Бесконечный перелет завершился, и мы тихо спланировали на землю. Глаза мои вылезали из орбит. Несмотря на то что несколько армий были уже выведены, база Шепот оставалась кишащим новосотворенным коврами муравейником.

Ковры-самолеты оказались дюжины разновидностей. На одном поле я видел пять ковров чудовищного размера — сотню ярдов в длину и сорок в ширину. На каждом красовались металлические и деревянные заросли. На выровненных площадках валились ковры необычной формы — вытянутые и довольно большие. Все с какими-то приспособлениями, и каждый заключен в клетку из тонкой медной сетки.

— Зачем это все? — спросил я.

— Мы приспосабливаемся к тактике врага. Твоя крестьянка не единственная, кто может воевать не по учебнику.

Госпожа сошла с ковра и потянулась. Я сделал то же самое. После трех часов полета затекают все мышцы.

— Возможно, у нас появится шанс испытать их в деле, несмотря на то что я отступила с равнины.

— Что?

— К Лошади движется крупный отряд мятежников. Несколько тысяч солдат и все, что может дать пустыня.

Несколько тысяч? Откуда они взялись? Неужели все так изменилось?

— Именно.— Опять это проклятое мозгокопание.— Оставленные мною города обеспечивают ее войско солдатами.

— А что значит «испытать в деле»?

— Я хочу остановить войну. Но я не избегаю сражений. Если твоя глухонемая продолжит движение на запад, я покажу ей, что даже с безмагией могу сокрушить ее.

Мы стояли недалеко от одного из новых ковров. Я проковылял к нему. Тот походил скорее на очень большую лодку. С настоящими сиденьями. Два впереди и одно на корме. На носу стояла небольшая баллиста, на корме — другая, побольше. К бортам и днищу ковра были прицеплены восемь тридцатифутовых копий. У каждого в пяти футах за наконечником имелось углышение размером с бочонок для гвоздей. И каждое было чернее, чем сердце Властелина. У лодоковра имелись плавники, а какой-то шутник подрисовал на носу глаза и зубы.

Соседние ковры, то бишь летающие лодки, строились явно по тому же образцу, хотя разные ремесленники явно поклонялись разным музам. Одна лодка имела вместо плавников нечто, напоминавшее круглые, прозрачные, паутинно-тонкие, сухие стручки футов пятнадцати в поперечнике.

Госпожа не располагала временем, чтобы показывать мне новейшее оборудование, и не намеревалась отпускать меня разгуливать без присмотра. Не столько из недоверия, сколько ради моей безопасности. Если я не буду держаться

у нее под боком, со мной может произойти несчастный случай.

В Лошади собирались все Взятые. Даже самые старые мои друзья.

Смелая девочка Душечка. Отвага стала ее подписью. Вся мощь равнины стояла в двадцати милях от Лошади, и кольцо смыкалось. Наступление, однако, оказалось медленным — приходилось приоравливаться к бродячим деревьям.

Вслед за Госпожой я вышел на поле, где вокруг замеченных мною утром чудовищ лежали в ряд прочие ковры.

— Я планировала провести показательный налет на ваш штаб, — заметила Госпожа, — но это, как мне кажется, будет убедительнее.

Вокруг ковров суетились люди, грузили на великанские самолеты что-то глиняное, вроде цветочных горшков в виде урн с очень узкими горловинами. Каждый горшок имел футов пятнадцать в высоту; горловины заливались воском, а из днищ торчали длинноющие шесты с перекладинами на концах. Укладывали их штабелями.

Я быстренько пересчитал — ковров больше, чем Взятых.

— Но как они все взлетят?

— С большими управится Благодетель. У него, как прежде у Ревуна, замечательные способности в управлении коврами-самолетами. Четыре свободных будут управляться им синхронно. Пойдем. Этот — наш.

Я произнес что-то очень мудрое, кажется, «Глк?!».

— Я хочу, чтобы ты это видел.

— Нас могут узнать.

Кружили на узких, лодкообразных коврах Взятые. На втором-третьем рядах сидений суетились солдаты; те, что на корме, проверяли баллисты, боеприпасы, пружины в устройстве, натягивавшем тетиву после выстрела. Средний ряд вроде бы ничем особыенным не занимался.

— А для чего клетка?

— Скоро узнаешь.

— Но...

— Взгляни на мир свежим взглядом, Костоправ. Без предвзятости.

Мы с Госпожой обошли наш ковер-самолет кругом. Не знаю, что она проверяла, но осталась довольна. Солдаты, готовившие ковер к взлету, просили от ее кивка.

— Залезай, Костоправ. На второе сиденье. И привяжись покрепче. Скоро придется туда.

Ну-ну.

— Мы прокладываем путь,— пояснила Госпожа, пристегиваясь к переднему сидению.

Сзади усился старый, опытный сержант; с сомнением глянул на меня, но промолчал. Передние места на каждом ковре занимали Взятые. На больших коврах экипаж состоял из четырех человек. Благодетель восседал на ковре посередине двойного клина.

— Готовы? — окликнула нас Госпожа.

— Да.

— Так точно.— Это сержант.

Ковер начал движение.

Первые несколько секунд были, мягко говоря, тряскими. Тяжелый ковер не хотел подниматься, не протащившись немного по земле.

Когда земля ушла вниз, Госпожа с улыбкой обернулась. Она наслаждалась полетом. Она попытала разъяснить мне назначение окружавшего меня немыслимого букета рычагов и педалей.

Потянуть и дернуть эти два — ковер начнет поворачиваться по продольной оси. Повернуть — и ковер свернет направо или налево. Суть состояла в том, что при помощи рычагов ковром можно было управлять.

— А зачем? — крикнул я ветру. Слова сорвало у меня с губ. Наши глаза защищали очки, но лица оставались открытыми. Полагаю, еще до конца полета ветер сожжет нам кожу.

Мы находились в двух тысячах миль над землей, в пяти милях от Лошади, намного оторвавшись от Взятых. Внизу пылила Душечкина армия.

— Так зачем? — проорал я снова.

Дно ушло у меня из-под ног.

Госпожа сняла летательные чары.

— Вот зачем. Поведешь лодку, когда мы войдем в безмагию.

Какого дьявола?!

После полудюжины проб я немного освоился, сообразил, что мы вообще собирались делать, и Госпожа ринулась на армию Душечки.

Мы промчались по кругу, раздирая воздух, далеко за пределами безмагии. Меня потрясло, сколько сил накопила Душечка. Полсотни летучих китов, включая нескольких тысячекуфовых чудовищ. Сотни мант. Громадный клин бродячих деревьев. Батальоны солдат-людей. Сотни менгиев мерцают огоньками, окружая защитным кольцом бродячие деревья. Тысячи тварей, прыгающих, и скачущих, и ползущих, и переваливающихся, и летящих. Зрелище мерзостное и величественное.

Когда мы пролетали над западным флангом, я заметил имперский отряд — фаланга числом две тысячи, на склоне холма в миле от первых рядов повстанческой армии. Смешно даже думать, что они устоят против Душечки.

Несколько мант посмелее кружили на границах безмагии, плевались молниями, пролетавшими мимо или гаснувшими по пути. Я прикинул, что Душечка находится на спине летучего кита на высоте примерно тысячи футов. За время моего отсутствия она стала сильнее — ее безмагия заметно увеличилась. Вся ошеломительная повстанческая армия маршировала под ее прикрытием.

Госпожа назвала нас первоходцами. Наш ковер был оборудован иначе, чем остальные, но я поначалу не понял, что она имеет в виду. Пока она не начала действовать.

Мы взмыли вертикально вверх. Старый сержант торопливо швырял за борт черные шарики, за которыми тянулись струйки красного или синего дыма. Сотни три, наверное. Дымовые шарики рассыпались, зависали на самой границе безмагии. Буйки, по которым могут лететь Взятые.

Те появились как по волшебству. Выше нас, двойной клин больших ковров в окружении стайки меньших.

Солдаты на больших коврах начали сбрасывать великанские горшки, десятками — вниз, вниз, вниз, — мы следовали за эскадрой, стараясь не попасть под глиняный град. Горшки в полете переворачивались шестами вниз. Манты и летучие киты уворачивались от них.

Ударяясь о землю, шест двигал поршень. Восковую пробку выбивала жидкость. Поршень высекал искру. Жидкость вспыхивала. Фонтан огня. И когда огонь достигал чего-то внутри горшков, те взрывались. Осколки выкашивали и людей, и чудовищ.

Я в ужасе наблюдал, как расцветают бутоны огня. Наверху Взятые шли на второй заход. В огне чародейства нет. Безмагия тут бесполезна.

На втором круге киты и манты засыпали снаряды молниями, но первые же несколько попаданий отучили их от этой повадки — от разрядов горшки взрывались в воздухе. Падали манты. Один кит едва не вспыхнул, но другие, поднявшись над ним, залили его балластной водой.

Взятые пошли на третий заход. Своими горшками они могут растереть Душечкино войско в пыль, если она ничего не предпримет.

Она пошла в атаку.

Дымные буйки заскользили по границе безмагии, обрисовывая ее полностью.

Рассекая ветер, Госпожа повела ковер вверх.

Двойной клин больших ковров отступил, летуны поменьше просто набирали высоту. Мы оказались позади Шепот и Хромого. Госпожа явно предугадывала реакцию Душечки.

Чувства мои были, мягко говоря, смешанными.

Ковер Шепот накренился носом вперед. Потом ковер Хромого. Потом наш. Потом — остальных Взятых.

Шепот устремилась к особенно громадному летучему киту — все быстрее, быстрее. В трехстах футах от границы безмагии колдовские чары сорвали с ее ковра тридцатифутовые копья и метнули вперед, так, что, войдя в безмагию, они летели по обычной баллистической траектории.

Шепот даже не пыталась уклониться от безмагии и нырнула прямо в нее. Падение ковра замедлил, управляя этими рыбьими плавниками, солдат на втором сиденье.

Копья Шепот вонзились в голову кита. И вспыхнули.

Пламя для этих чудовищ хуже чумы — наполняющий их газ исключительно горюч.

Хромой не отставал от Шепот. Он выпустил два копья за границей безмагии и еще два — в ее пределах, просто сбросив их, пока человек на втором сиденье разворачивал ковер в нескольких дюймах от китовой спины.

Мимо цели пролетело только одно копье.

На спине летучего кита горело пять костров.

Вокруг Шепот и Хромого трещали молнии.

Потом в безмагию вошли мы. Подъемные заклятия отказали. Меня охватила паника. И теперь я?..

Мы мчались к полыхающему киту. Я дергал, тянул и пинал рычаги.

— Не так сильно! — прокричала Госпожа. — Мягче! Спокойнее!

Лодка подчинилась мне за секунду до того, как кит промчался мимо.

Треснула молния — мимо. Мы пролетали между двумя китами поменьше. Госпожа дернула за спуск маленькой баллисты. В одного из монстров вонзился дрот. «За каким бесом?» — вяло изумился я. Для такой громады это даже не комариный укус.

Но к стреле крепилась проволока, разматывавшаяся с катушки...

Бздынны!

На мгновение меня ослепила вспышка. Зашевелились волосы. Прямое попадание манты... «Да нам конец», — подумал я.

Металлическая сетка поглотила энергию разряда, сбросив ее по разматывающейся проволоке.

Манта пристроилась к нам в кильватер. Сержант метнул в нее копьем, попавшим нашей преследовательнице под крыло. Манта дернулась и забилась, как бабочка со сломанным крылом.

— Смотри, куда летишь! — вскричала Госпожа.

Я обернулся. На нас мчался летучий кит, окруженный стайкой перепуганных мантенышней. Лучники повстанцев выпустили тучу стрел.

Я успел дернуть каждый рычаг, нажать каждую педаль и обмочиться. Помогло, наверное, последнее — мы задели бок чудовища, но не врезались.

Но чертов ковер принялся выписывать кренделя. Вокруг нас метались земля, небо и киты. На какое-то мгновение мне удалось разглядеть, как взрывается бок летучего кита, как огромный зверь складывается пополам, извергая потоки огня. Еще двое китов дымились... Но эта картина тут же исчезла. Когда ковер снова перевернулся, найти их взглядом я уже не мог.

Наше падение началось достаточно высоко, чтобы я успел прийти в себя. Я подергал за рычаги и педали, чуть притормозил кувырканье...

А потом это потеряло всякое значение. Мы вылетели из безмагии, и управление взяла на себя Госпожа.

Я обернулся глянуть на сержанта. Тот окрысился на меня и скорбно помотал головой.

Взгляд, брошенный на меня Госпожой, ободряющим назвать тоже было трудно.

Мы набрали высоту и двинулись на запад, где собирались Взятые, чтобы полюбоваться результатом трудов своих.

Уничтожен был только один кит. Остальных подранков товарищи залили балластной водой. Но несмотря на это, нападающие были деморализованы. Взятые не понесли вообще никаких потерь.

И все же повстанцы наступали.

В этот раз Взятые атаковали снизу, разгоняясь несколько миль над самой землей, чтобы перед самой границей безмагии резко взять вверх. Теперь я двигался между китами более осторожно, но близость земли действовала мне на нервы.

— Зачем мы это делаем? — проорал я.

Мы не атаковали, просто следовали за Шепот и Хромым.

— Просто так. Ради острых ощущений. И чтобы ты смог написать об этом.

— Я предпочел бы выдумывать.

Госпожа рассмеялась.

Мы поднялись и описали полный круг.

Душечка опустила китов. Вторая атака уничтожила еще двух. Так низко Взятые не могли проноситься через безмагию насквозь. Кроме Хромого. Тот решил показать себя. Он отлетел на пять миль и набрал огромную скорость, прежде чем вломиться в безмагию.

А с больших ковров тем временем метали последние горшки.

Мне не приходилось видеть, чтобы Душечка совершила глупости. Не изменила она этому правилу и на сей раз.

Несмотря на шум и суматоху, очевидно было, что при желании она и теперь может взять Лошадь. Взятые расстреляли большую часть боеприпасов. Хромой и большие ковры улетели — пополнять запасы. Остальные кружили высоко... Душечка овладела бы Лошадью, заплати она сколько нужно.

Но цена была слишком велика.

Душечка сделала верный выбор. Победа стоила бы ей, по моим прикидкам, половины армии. А летучие киты — слишком большая ценность, чтобы расставаться с ними ради столь ничтожного приобретения.

Душечка отступила.

Госпожа отвела свои войска и позволила противнице уйти, хотя могла бы продолжать атаки почти бесконечно.

Мы сели. Я перебрался через борт намного раньше Госпожи и с рассчитанно-мелодраматическим жестом поцеловал землю. Госпожа расхохоталась.

Она прекрасно провела время.

— Ты отпустила их.

— Я преподала им урок.

— Она сменит тактику.

— Разумеется. Но пока сила на моей стороне. Я не использую ее, и это кое о чем говорит. К тому времени, когда мы доберемся, твоя крестьянка хорошо обдумает все последствия.

— Мне так тоже кажется.

— Ты неплохо себя вел для новичка. А теперь пойди и напейся... или что-нибудь в этом духе. Только подальше от Хромого.

— Слушаюсь.

Я отправился в отведенную мне комнату и попытался унять дрожь.

Глава 42 Возвращение

В пределы равнины мы с Госпожой вступили через двенадцать дней после воздушного сражения над Лошадью. Мы ехали верхом на полуодыхах клячах по старой тропе, право свободного прохода по которой обитатели равнины обычно уважают. В обтрепанной дорожной одежде Госпожа уже не была красавицей. Не старая карга, конечно, но и внимания особого она не привлекала.

Мы ехали по равнине, твердо зная, что в самом худшем случае Великая Скорбная река подмоет Великий курган через три месяца.

Менгиры наше присутствие заметили немедленно. Я опустил их взгляды почти сразу же, а вот Госпоже пришлось показывать. Ради этой поездки она решилась научиться игнорировать все области восприятия, кроме чисто физических. За время нашей поездки ей предстояло вспомнить, как живут смертные, чтобы в Дыре она не надела ошибок.

Смелая женщина.

Как, наверное, любой человек, готовый сыграть с Властелином на его собственном поле.

Маячащих в отдалении менгиров я игнорировал, сосредоточившись на обычной жизни равнины, вскрывая тысячи крохотных ловушек, которые могли бы в худшем случае выдать Госпожу в женщине рядом со мной. Так всегда делают, когда на равнину приходит посторонний. Ничего необычного.

На третий день нас едва не застала буря перемен. Госпожу буря потрясла.

— Что это? — спросила она.

Я как мог объяснил. Приплел все теории, какие только слышал. Она, разумеется, знала все это и без меня, но... лучше один раз увидеть.

Вскоре после этого мы наткнулись на первый коралловый риф. Это значило, что мы забрались в самое сердце равнинны, в гущу кошмаров.

— Каким именем ты воспользуешься? — спросил я.— Мне бы лучше к нему привыкать.

— Думаю, Ардат.— Она усмехнулась.

— У тебя жестокое чувство юмора.

— Возможно.

Казалось, изображать обычную женщины доставляет ей удовольствие. Точно любовница вельможи, гуляющая по кабакам. Мы даже готовили с ней по очереди — к вящей скорби моего желудка.

Интересно, что думали о наших отношениях менгиры? Несмотря на все усилия, холод формальности растопить было не так-то легко. И большее, что мы могли изобразить,— товарищество, и уж этому менгиры точно удивлялись. С каких это пор мужчина и женщина путешествуют вместе, а спят врозь?

Вопрос о том, чтобы довести достоверность роли до такой степени, пока не вставал — к счастью. При одной мысли об этом меня охватывал такой ужас, что встать мог разве что вопрос.

Вскарабкавшись на гребень холма в десяти милях от Дыры, мы наткнулись на очередного менгра. Тот стоял себе у дороги и ничего не делал — двадцать футов ненормальной каменюги.

— Это и есть говорящий камень? — спросила Госпожа тоном усталой туристки.

— Ara. Эй, каменюга, я вернулся.

Менгир промолчал. Мы прошли мимо. Когда я обернулся, камня уже не было.

Изменилось не многое. Однако, перевалив через гребень последнего холма, я обнаружил у ручья лес бродячих деревьев. Брод охраняла толпа менгиров, как живых, так и мертвых; среди них носились вывернутые верблюдокентавры. Праотец-Дерево стояло в гордом одиночестве и зве-

нело, хотя был полнейший штиль. Под клочковатыми облаками одиноко парила стервятникообразная птаха — возможно, та самая, что уже несколько дней следила за нами. Но человеческого присутствия — ни следа. Куда Душечка дела свою армию? Не в Дыру же запихнула.

На мгновение меня охватил страх, что крепость оставлена. Но когда мы переехали через ручей, из кораллов вышли Ильмо и Молчун.

Я ласточкой слетел с коня и сграбастал их обоих в охапку. Мы молча обнялись. Ни единого вопроса не прозвучало — в лучших традициях Черного Отряда.

— Проклятие,— прошептал я.— Проклятие, как же хорошо вас снова видеть. Я уже слыхал, что вас на западе в порошок стерли.

Ильмо с легким любопытством глянул на Госпожу.

— Ох. Ильмо, Молчун — это Ардат.

Она улыбнулась:

— Очень приятно познакомиться. Костоправ так много о вас рассказывал.

Ни слова не промолвил. Но она-то читала мои Анналы. Спешившись, она протянула им руку, и мои товарищи обалдело пожали ее — по их понятиям, обращаться на равных можно было только с Душечкой.

— Ну, пошли вниз,— сказал я.— Пошли. Мне тысячу новостей надо сообщить.

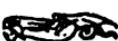
— Да-а? — произнес Ильмо.

В сочетании со взглядом на дорогу за моей спиной это подразумевало многое. Кое-кто из ушедших со мной не вернулся.

— Не знаю. За нами гналась половина Взятых. Нас разметало, и я так и не смог отыскать их. Но об их поимке тоже не слыхал. Пошли вниз. Мне надо доложить Душечке. Новости невероятные. И дайте покрять чего-нибудь. Приходилось терпеть готовку друг друга, а она — повар еще хуже, чем я.

— Бrr.— Ильмо вздрогнул и огrel меня по спине.— И ты жив?

— Да, я крепкий старый стервятник, Ильмо. Пора бы запомнить. Черт, я...— Я понял, что несу уже полный бред, и ухмыльнулся.

— Добро пожаловать домой, Костоправ, — прожести-
кулировал Молчун. — Добро пожаловать.

— Давай, — подбодрил я Госпожу, когда мы достигли
входа в Дыру, и взял ее за руку. — Пока глаза не привык-
нут, темно тут, как в могиле. И приготовься к вони.

О боги, какая мерзость! Тут и навозный червь задох-
нется.

Внизу бурлила жизнь; когда мы проходили мимо, на-
ступала внимательная тишина, за нашими спинами шум
возобновлялся. Молчун вел нас прямо в зал совещаний.
Ильмо откололся по дороге — пошел добывать нам обед.

Когда мы входили, я заметил, что все еще цепляюсь за
руку Госпожи. Та улыбнулась мне, но в улыбке этой было
больше половины нервного ожидания. Говорите мне по-
том про поход в логово дракона. Я тихо пожал ей руку —
такой уж я смелый.

Душечка выглядела измотанной. Как и Лейтенант. Было
там еще с дюжину человек, почти все незнакомые. Види-
мо, они явились после того, как имперцы эвакуировали
периметр равнины.

Душечка надолго припала ко мне. Так надолго, что я
покраснел. Мы с ней вообще-то к излияниям чувств не
склонны. Наконец она отпустила меня и глянула на Госпо-
жу с некоторой ревностью.

— Это Ардат, — показал я. — Она поможет мне пере-
водить. Она хорошо знает древние языки.

Душечка кивнула, не задавая вопросов. Уж настолько
мне тут доверяют.

Принесли еду. Ильмо приволок стол и табуреты, выг-
нал всех, кроме меня, Лейтенанта, Молчуна и Госпожи, —
да еще сам остался. Госпожу он тоже хотел отослать, но не
решился.

Пока мы ели, я урывками, когда рот и руки были сво-
бодны, рассказывал свою историю. Было несколько тяже-
лых моментов, особенно когда я сообщил Душечке, что
Ворон еще жив.

Теперь, задним числом, я полагаю, что для меня это
было тяжелее, чем для нее. Я ожидал, что она развалнется
или сорвется в истерику. Ничего подобного не случилось.

Вначале она просто отказалась мне верить. Я понимал ее — Ворон до своего исчезновения был центром ее мира. Она не могла представить, чтобы он включил ее в величайший спектакль своей жизни ради того, чтобы пошарить вокруг Курганья. Это казалось бессмысленным — Ворон никогда не лгал ей.

Я тоже не видел тут смысла. Но, как я уже отмечал, у меня возникало подозрение, что в этой истории есть двойное дно. Я догадывался, что Ворон бежал не к чему-то, а от чего-то.

Спорила Душечка недолго. Она не из тех, кто не способен признать неприятную истину. С этой болью она справилась лучше, чем я ожидал, — возможно, худшее уже отболело много лет назад.

Однако нынешнее состояние Ворона ничуть Душечку не успокаивало, а она и без того находилась в расстроенных чувствах после поражения под Лошадью — предвестника поражений более серьезных. Она уже подозревала, что ей придется сражаться против имперцев без помощи тех сведений, за которыми меня посыпали.

Всеобщее уныние я вызвал, объявив о провале миссии и добавив:

— Из достоверных источников мне известно: того, что мы искали, в бумагах просто нет. Хотя я не могу быть уверен, пока мы с Ардат не закончим наше дело.

Зато я кратко пересказал то, что вычитал в бумагах Ворона перед тем, как потерять их.

Прямой лжи я не допускал. Потом, когда правда раскроется — а она раскроется, — лжи мне не простят. Я только опустил некоторые детали. Я даже рассказал о плене, допросе и заключении.

— Так какого дьявола ты делаешь здесь? — осведомился Ильмо. — Почему ты вообще жив?

— Нас отпустили. Меня и Ардат. После той заварушки под Лошадью. Это было сообщение. Со мной передали другое.

— И какое?

— Если только вы не глупы и не слепы, то должны были заметить, что вас не атакуют. Госпожа приказа-

ла прекратить все боевые действия против повстанцев.

— Почему?

— Не хочет силы тратить. Властелин вновь шевелится.

— Кончай, Костоправ. Мы с ним разделялись еще под Арчой.

— Я был в Курганье. Я видел сам. Лейтенант, эта тварь скоро вырвется. Одно из ее созданий уже на свободе и, возможно, гоняется сейчас за Одноглазым с товарищами. Меня Госпожа убедила. Властелин вот-вот сорвется с цепи — и это будет пострашнее Арчи. — Я повернулся к Госпоже: — Ардат, как мы там считали? Я сбился со счета на равнине. Когда мы выезжали, оставалось девяносто дней.

— Сюда вы добирались восемь, — подсказал Ильмо.

Я поднял бровь.

— Менгиры.

— Ну да, конечно. Восемь дней. Из девяноста — это в худшем случае. Через восемьдесят два дня Великий курган отворится. — И я подробно рассказал, как разливается Великая Скорбная река.

Лейтенанта я не убедил. Ильмо — тоже. И я не винил их. Госпожа коварна, и замыслы ее хитроумны. А наши поганцы всех судят по себе. Я не входил в миссионерский раж — я и сам не до конца верил в грядущую катастрофу.

Верят мне эти двое или нет — неважно. Решения принимает Душечка.

Она потребовала, чтобы вышли все, кроме меня. Я попросил Ильмо показать Ардат подземелье и подыскать ей комнату. Он глянул на меня искоса — как и все остальные, он подумал, что я подружку домой приволок.

Мне с трудом удалось удержаться от улыбки. Столько лет меня изводили из-за романтической чепухи, что я кропал, когда мы только-только поступили к Госпоже на службу. А теперь я привел Госпожу в свой дом.

Мне казалось, что Душечка захочет поговорить о Вороне. Я не ошибся, но меня здорово удивило, когда пальцы ее показали: — Она прислала тебя, чтобы заключить союз?

Сообразительная чертовка.

— Не совсем, но практически — да.

Я постарался описать все подробности, как известные, так и домысленные. Язык знаков — очень медленная штука, но Душечка оставалась спокойна и терпелива, — то, что творилось в ее душе, никак не проявлялось внешне. Мы перешли к ценности — вернее, ее отсутствию — вороха бумаг в моей комнате. О Вороне она не сказала ни слова. Как и об Ардат, хотя моя спутница явно не выходила у нее из головы.

— Госпожа права в том, — показала Душечка, — что, когда Властелин готов восстать, старые свары отступают. Меня беспокоит другое: реальна ли угроза? Или это всего лишь хитроумная интрига, из тех, на которые, как мы знаем, Госпожа способна?

— Реальная, — ответил я. — Меня убедил Ворон. Он был уверен в этом задолго до того, как у слуг Госпожи появились первые подозрения. Сколько я знаю, их убедили именно собранные им свидетельства.

— Гоблин и Одноглазый — они живы?

— Я не слыхал, чтобы их поймали.

— Она должны быть где-то недалеко. Документы. Ключ все же в них.

— Даже если в них нет имени Госпожи, а только ее супруга?

— Она желала их видеть?

— Подозреваю, да. Меня отпустили по определенному поводу, но причины за этим поводом я не вижу.

— Так я и думала. — Душечка кивнула.

— Но я убежден — она искренна. Властелин представляет опасность более грозную и близкую. А предусмотреть, каким способом она может предать нас, несложно.

— Остается Ворон.

Вот мы и приехали.

— Да.

— Я подумаю, Костоправ.

— У нас мало времени.

— И все время в мире. Я подумаю. А вы с твоей подружкой пока переводите.

Я понял, что меня отсылают еще до того, как мы добрались до причины этой беседы наедине. Лицо у Душечки

было каменное. Что творится за камнем — не разберешь.
Я медленно двинулся к дверям.

— Костоправ, постой, — показала она.

Я остановился. Начинается.

— Кто она, Костоправ?

Проклятие! Опять меня обошли. Холодок по спине.
Чувство вины. Я не хотел вратить Душечке в лицо.

— Просто женщина.

— Значит, ничего особенного? А может быть, близкий
друг?

— Кое-что особенное в ней есть. На свой лад.

— Понимаю. Попроси Молчуна зайти.

Я снова поднялся, молча кивая. Она не останавливалася
меня, пока я не начал открывать дверь.

Она приказала мне сесть — я подчинился. Душечка
осталась на ногах.

— Ты думаешь, что я холодно отношусь к новостям, —
показала она, расхаживая по комнате. — Тебе неприятно,
что я встретила весть о том, что Ворон жив, без особенной
радости.

— Нет. Я думал, это потрясет тебя. Взволнует.

— Не потрясло. Я ожидала чего-то в этом роде. Расстро-
ило — да. Когда открываются старые раны, очень больно.

Я изумленно смотрел, как она мечтается.

— Наш Ворон. Он так и не вырос. Неколебим, как
скала. Лишен малейших следов обезвливающей совести.
Силен. Хитер. Жёсток. Жесток. Все это, и сверх того. Так?
Так. И трус.

— Что? Как ты можешь...

— Он сбежал. Много лет назад его жена оказалась за-
мешана в каких-то махинациях с Хромым. Думаешь, он
попытался узнать правду, во всем разобраться? Нет, он
убивал и записался в Черный Отряд, чтобы убивать. Он
бросил двух младенцев на произвол судьбы.

Теперь Душечка кипела. Она раскрывала тайны, вып-
лескивая наружку то, что я знал прежде лишь по смутным,
расплывчатым намекам.

— Не защищай его, — говорила она. — Я не премину-
ла выяснить.

Он бежал из Черного Отряда. Ради меня? Это был по-вод, а не причина. Он боялся привязанности. Почему он по-добрал меня в той деревне? Чувствовал себя виноватым оттого, что бросил собственных детей. Я была безопасным ребенком. И, оставаясь ребенком, я оставалась безопасной — вклад капитала чувств. Но я выросла, Костоправ. И все эти годы для меня не существовало другого мужчины.

А мне следовало догадаться. Я ведь видела, как он отталкивал людей, как только те пытались сблизиться с ним не на его условиях. Но после того кошмара, что он сотворил в Арче, мне показалось, что я смогу вернуть его. Когда мы бежали на юг от Госпожи и Отряда одновременно, я призналась ему в своих чувствах. Открыла копилку, где хранила мечты с тех самых пор, как начала думать о мужчинах.

И он переменился. Он походил на перепуганного зверя в клетке. Когда появился с остатком Отряда Лейтенант, Ворон тут же успокоился. А через пару часов был уже «мертв».

У меня уже тогда возникли подозрения. В глубине души я все знала. Только поэтому я сейчас не превратилась в тряпку, как ты ожидал. Ты знаешь, что иногда по ночам я плачу. Я плачу по детским мечтам. Потому что они не умирают, хотя я бессильна воплотить их. Я плачу, потому что не могу осуществить единственное свое настоящее желание. Понимаешь?

Я вспомнил Госпожу, вспомнил ее судьбу и кивнул. Ответить было некого.

— Я сейчас снова расплачусь. Уходи. Пожалуйста. И пусть Молчун подойдет.

Искать Молчуна не пришлось — он ждал в зале совещаний. Я посмотрел заходящему колдуну в спину, раздумывая, мерецится мне или это предвидение.

Душечка дала мне немало поводов для размышлений.

Глава 43 Пикник

Стоит установить крайний срок, и время летит к нему стрелой. Часы вселенной завертелись, точно лопнула туга

натянутая пружина. Четыре дня коту под хвост — фыть: А я ведь почти не тратил времени на сон.

Мы с Ардат переводили. И переводили. И переводили. Она читала вслух, переводя с листа. Я записывал, пока руки не сводила судорога. Иногда меня сменял Молчун.

Ради проверки я подсовывал иногда уже переведенные документы, особенно те, над которыми мы работали со Следопытом. Нередко попадались расхождения.

На четвертое утро я напал на след. Мы работали над одним из списков. Такой бал в наше время назывался *бы войной*. Или, самое меньшее, восстанием. Имя за именем. Имярек Такой-то из Оттуда-то, с госпожой Такой-то, шестнадцать титулов, из них действительности соответствуют четыре. К тому времени, когда герольды объявляли последнее имя, гости должны были скончаться от старости.

И где-то в середине списка Госпожа на мгновение сбилась. «*Ara!*» — сказал я себе. Что-то близко. Я насторожил уши.

Чтение продолжалось как ни в чем не бывало. Через несколько минут я уже не был уверен, что мне не померещилось. Разумно предположить, что насторожившее ее имя — не то, что она произносила в тот момент. Она вынуждена была подстраиваться под скорость моего письма. Ее глаза далеко обгоняли мою руку.

Но ни одно из имен в списке не показалось мне знакомым.

Я собрался позже просмотреть список еще раз, в одиночестве, надеясь, что Госпожа что-то пропустила.

Но так и не получилось.

— Перерыв, — сказала Госпожа после полудня. — Я хочу чаю. Костоправ, ты будешь?

— Обязательно. И хлеба ломоть. — Я царапал бумагу еще с полминуты, прежде чем сообразил, что произошло.

Что? Сама Госпожа подает мне чай? А я ей приказы машинально отдаю? Меня перекосило. Насколько же она вжилась в роль? И насколько ее играет? Она, наверное, уже несколько веков не заваривала себе чай. Если вообще это когда-то делала.

Я встал, собираясь пойти за ней, но у выхода замер.

В пятнадцати шагах вниз по коридору, под слабой до сквердности лампой, Госпожу прижал к стенке Масло. Нес какую-то ерепень. Почему я не предусмотрел этого — понятия не имею. Сомневаюсь, что и Госпожа предусмотрела. Вряд ли с ней обходились подобным образом.

Масло начал настаивать. Я хотел было развести их, потом раздумал. Не рассердить бы ее своим вмешательством.

Тихие шаги с другой стороны. Ильмо. Застыл. Масло был слишком занят, чтобы нас заметить.

— Надо что-то сделать, — прошептал Ильмо. — Этих хлопот нам еще не хватало.

Госпожа не проявляла ни беспокойства, ни испуга.

— Думаю, она справится сама.

Масло получил однозначное «нет». Не принял отрицательного ответа. Попытался лапнуть.

Получил за наглость мягкий шлепок. Это его только разозлило. Он решил взять желаемое силой. Мы с Ильмо уже двинулись вперед, когда Масло исчез в водовороте пинков и ударов, из которого тут же вывалился на грязный пол, правой рукой держась за живот, а левой — за правую. Ардат двинулась дальше, нимало не смущившись.

— Я говорил, что она справится.

— Напомни, чтобы я не переходил границы. — Ильмо ухмыльнулся и похлопал меня по плечу. — Но лежа она хороша, нет?

Будь я проклят, если не покраснел. Моя глупая ухмылка только подтвердила подозрения Ильмо. Да ну его к бесу — все равно мне его не переубедить.

Масло мы затащили ко мне в комнату. Я думал, его стошнит, но он удержался. Я проверил кости — не сломаны ли; нашел лишь несколько ушибов.

— Он твой, Ильмо, — сказал я, заметив, что старый сержант уже готовится к выступлению.

Ильмо взял Масло под локоток и проговорил:

— А пройдем-ка ко мне в кабинет, рядовой.

Когда Ильмо начинает учить уму-разуму, с потолка земля сыплется.

Вернувшись, Ардат вела себя так, точно ничего и не случилось. Возможно, она не заметила, что мы были свидетелями.

— Может, устроим перерыв? — спросила она через полчаса. — Выйдем на свежий воздух? Прогуляемся?

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Она кивнула:

— Надо поговорить. Без свидетелей.

— Ладно.

Честно говоря, когда я отрывал нос от бумаги, меня самого охватывала клаустрофobia. Путешествие на запад напомнило мне о радостях пеших прогулок.

— Ты голодна? — спросил я. — Или дело слишком серьезно, чтобы устроить пикник?

Идея ее сначала удивила, а потом очаровала.

— Отлично. Пошли.

Мы отправились на кухню и в пекарню, набили припасами корзину и вышли наверх. Не знаю, как Госпожа, а я прекрасно видел ухмылки приятелей.

На всю Дыгу приходится одна дверь. В зал совещаний, за которым находятся личные покой Душечки. Ни у меня, ни у Ардат не было даже занавески в дверях. Все решили, что мы ищем единения на просторах.

Мечты. Наверху наблюдателей не меньше, чем под землей. Просто они не люди.

Когда мы вышли, до заката оставалось часа три, и солнце ударило нам в глаза. Жестоко. Но я ожидал этого. А вот Госпожу следовало предупредить.

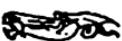
Мы побрали вверх по ручью молча, наслаждаясь чуть терпким воздухом. Пустыня молчала. Даже Праотец-Дерево не издал ни звука. Даже ветерок не вздыхал в кораллах.

— Ну? — выговорил я наконец.

— Мне надо было выйти. Стены смыкались. А от безмагии только хуже. Я чувствовала себя беспомощной. Это может разум.

— Ах так.

Мы обогнули мозговой коралл и наткнулись на менгра. Наверное, один из моих старых приятелей, потому что он отрапортовал:

— Чужаки на равнине, Костоправ.
— Правда? Какие чужаки, каменюга?

Менгир промолчал.

— Они всегда такие?
— Бывают хуже. Ну, безмагия слабее. Тебе лучше?
— Мне стало лучше, как только мы поднялись наверх.

Это место — врата ада. Как только вы можете жить здесь?

— Тут, конечно, паршиво, но это — дом.

Мы вышли на прогалину. Госпожа замерла.

— Что это?

— Праотец-Дерево. Ты знаешь, что о нас думают там, внизу?

— Знаю. Пусть думают. Назовем это защитной расцветкой. Это и есть твой Праотец-Дерево? — Она указала на Него.

— Он самый.— Я подошел к нему вплотную.— Как поживаешь, старик?

Я задавал этот вопрос уже с полсотни раз. Я хочу сказать: он примечательное, конечно, но всего лишь дерево, так? Я не ожидал ответа. Но листья зазвенели в ту самую секунду, как я сказал последнее слово.

— Вернись, Костоправ! — Голос Госпожи прозвучал повелительно, жестко и немного нервно.

Я развернулся и промаршировал к ней.

— Выходишь из роли?

Уголком глаза я заметил движение, скользящую тень в стороне Дыры и сосредоточенно принял разглядывать кусты и кораллы.

— Говори потише. Нас подслушивают.

— Ничего удивительного.— Она расстелила взятое нами с собой драное одеяло и усилась так, что кончики пальцев ног оказались на самой границе прогалины, потом сняла тряпку с корзины.

Я сел рядом, так, чтобы видеть ползущую тень.

— Ты знаешь, кто он? — спросила Госпожа, указывая на Дерево.

— Никто не знает. Просто Праотец-Дерево. Племена пустыни почитают его как бога. Мы не нашли этому подтверждений. Одноглазого с Гоблином, впро-

чем, зачаровал тот факт, что стоит Праотец точно в центре равнинны.

— Да, наверное... Так много стерлось при падении. Мне следовало знать. Мой супруг не первый в своем роде Костоправ. Как и Белая Роза — в своем. Мне кажется, это великий круг.

— Не понимаю.

— Давным-давно, даже по моим меркам давно, случилась война, подобная войне Властилина и Белой Розы. Свет превозмог тьму, но, как всегда, тьма оставила на победителях свой след. Чтобы завершить борьбу навеки, они призвали существо из другого мира, плоскости, измерения — называй как хочешь, — как Гоблин призывает демонов, только это был молодой бог. Или почти бог. В облике ростка. Уже во времена моей юности это была всего лишь легенда, а тогда еще сохранялось многое из прошлого. Так что о деталях можно спорить, но, чтобы призвать это существо, гибли тысячи, опустошались целые края. Призвавшие посадили пленного бога на могиле своего великого врага, чтобы он держал его в земле. Этот бог-Дерево проживет миллион лет.

— То есть... Праотец сидит на чем-то вроде Великого кургана?

— Я не связывала легенды с равниной, пока не увидела Дерево. Да. В этой земле лежит некто не лучше моего супруга. Теперь многое проясняется. Все сходится. Звери. Немыслимые говорящие камни. Коралловые рифы в тысяче миль от моря. Все это просочилось из иного мира. Бури перемен — это сны Дерева.

Она говорила долго, не столько объясняя, сколько осознавая. Я, разинув рот, вспоминал бурю перемен, захлестнувшую нас по пути на запад. Что за проклятие — попасть в кошмар бога.

— Это безумие, — прошептал я и в то же мгновение рассмотрел тень, которую так старался отделить от теней кустов и кораллов.

Молчун. Сидит на корточках, тихо, как змея в засаде. Молчун, который в последние три дня оказывался всюду, куда бы я ни сунулся, незаметный, потому что он же все

время молчит. Ну-ну. Вот вам и уверенность, что моя спутница не вызвала подозрений.

— Это дурное место, Костоправ. Очень дурное. Скажи своей глухой крестьянке, чтобы убиралась отсюда.

— Чтобы это сделать, мне придется объяснять причину, а заодно рассказать, кто мне такие советы дает. Вряд ли ее это впечатлит.

— Наверное, ты прав. Что ж, это ненадолго. Давай поедим.

Развернув сверток, Госпожа достала оттуда нечто, очень похожее на жареного кролика. На равнине кролики не водятся.

— Пусть наших и надрали у Лошади, но в кладовке добра прибавилось.

Я вгрызся в свою долю.

Молчун, за которым я искося следил, сидел неподвижно. «Ублюдок, — подумал я. — Чтоб ты слюнями истек».

Умяв третий кусок кролика, я сумел оторваться от еды настолько, чтобы спросить:

— Эта древняя история, конечно, интересна, но к нам-то она имеет отношение или нет?

Праотец-Дерево звенел как заведенный. Интересно, почему?

— Ты боишься его?

Госпожа не ответила. Я смахнул обглоданные кости с берега, встал.

— Секундочку.

Я подковылял к Праотцу-Дереву.

— Старик, у тебя семена есть? Или черенки? Чтонибудь, что мы могли бы посадить в Курганье на могиле нашего собственного врага?

За столько лет я привык играть в беседу с Деревом. Его возраст вызывал во мне почти религиозное почтение, но я не верил ни племенам пустыни, ни Госпоже. Просто старое-старое, скрюченное дерево с необычными листьями и дурным характером.

Характером?

Когда я прикоснулся к нему, пытаясь прислониться и поискать в странной листве плоды, или орехи, или еще

что-нибудь, Дерево меня укусило. Не зубами, конечно. Но искры полетели. Что-то ужалило мои пальцы; когда я вынул их изо рта, на кончиках виднелись ожоги.

— Твою мать,— пробормотал я, отступив на пару шагов.— Не твою, конечно. Я-то думал, ты поможешь.

Я даже не заметил, что рядом с укрытием Молчуна теперь стоял менгир. Еще несколько появилось на границах прогалины.

Что-то ударило меня по темени, как балласт, сброшенный летучим китом с высоты сотни футов. Я упал. Меня колотили волны силы, волны мысли. Я всхлипывал, пытаясь подползти к Госпоже, она протянула мне руку, но не могла пересечь границы...

Краешек этой силы стал мне понятен. Словно в меня втиснулись полсотни разумов, разбросанных по всему миру. Нет. По всей равнине. И не полсотни — больше. Они сплетались все плотнее, все туже... Я коснулся сознаний менгиров.

И все исчезло. Кувалда прекратила барабанить по наковальне моего черепа. Я ползком добрался до края прогалины, хотя знал, что безопасности это мне не прибавит. Я заполз на одеяло, перевел дыхание и, наконец, повернулся к Дереву лицом. Листья его возмущенно звенели.

— Что случилось?

— Попросту говоря, он сказал мне — дескать, делаю что могу, и не для вас, а для своих созданий. Иди, мол, к бесу, оставь меня в покое, не нуди, а то окажешься в дерьме по уши. О-ох.

Я обернулся посмотреть, как воспринял мою выходку Молчун.

— Я предупреждала... — Госпожа тоже обернулась.

— Кажется, у нас неприятности. Возможно, тебя узнали.

По тропе к нам приближалось почти все население Дыры. И менгиры, — больше, чем людей. Вокруг нас смыкалось кольцо бродячих деревьев.

И мы были безоружны — к нам приближалась Душечка. Гас окутала безмагия.

Силии белые шелка Душечки. Она обогнала Ильмо и Лейтенанта, двинулась ко мне. Рядом с ней возник Мол-

чун. А позади шли Одноглазый, Гоблин, Следопыт и пес Жабодав. Все еще в дорожной пыли.

Они уже несколько дней брели по равнине. А мне никто ни словом...

Говорят, что люк под повешенным открывается всегда неожиданно. Секунд пятнадцать я просто стоял, раскрыв рот, потом тихо выдавил:

— И что нам делать?

Удивительно, но Госпожа стиснула мою руку:

— Я проиграла. Не знаю. Это твои люди. Блеск. О-о! — Глаза ее сузились, взгляд напряженно застыл. Потом губы растянулись в тонкой усмешке. — Я вижу.

— Что?

— Ответы. Некоторые. Тень намерений моего супруга. Тобой вертели куда больше, чем ты думаешь. Он понимал, что о речных разливах догадаются. Когда он заполучил Ворона, он решил привести к себе и твою крестьянку. Да, думаю... Пошли.

На лицах моих старых товарищей не было враждебности — только недоумение.

Круг смыкался.

Госпожа вновь взяла меня за руку, отвела к стволу Протца-Дерева.

— Да будет мир между нами, пока чтишь ты его, о Древний. Идет тот, кого ты помнишь издревле! — И мне: — В мире много старых теней. Некоторые возникли еще в начале времен. Они слабы и редко привлекают внимание таких, как мой супруг или Взятые. Но в свите Душелова были те, кто старше этого Дерева. Они спали с ней в могиле. Я говорила, что узнаю способ, каким раздирались те трупы.

Я стоял в кровавом свете заходящего солнца и ничего не понимал. Она с тем же успехом могла изъясняться на ючителле.

Вплотную к нам подошли только Душечка, Молчун, Одноглазый и Гоблин. Ильмо и Лейтенант остановились на расстоянии броска. А вот Следопыт со своей дворнягой как-то растворились в толпе.

— Что творится? — показал я Душечке. Я испугался.

— Это мы и хотим выяснить. С тех пор как Гоблин, Одноглазый и Следопыт достигли равнины, донесения менгирам стали отрывочными и бессмысленными. С одной стороны, Гоблин и Одноглазый подтверждают твои слова — до того момента, как вы расстались.

Я покосился на своих друзей — и не нашел отзыва дружбы. Глаза их были стеклянно-холодны. Казалось, их вела чья-то исполинская рука.

— Отряд, — выкрикнул Ильмо негромко.

В отдалении пролетели на лодкообразных коврах двое Взятых, но приближаться не стали. Пальцы Госпожи дрогнули, но в остальном она держалась спокойно. Узнать летевших с такого расстояния было невозможно.

— Это варево помешивает не один повар, — заметил я. — Переходи к делу, Молчун. Пока что ты меня только пугаешь до усрочки.

— В империи ходит слух, — показал он, — что ты продался. Что ты привел сюда кого-то очень важного, чтобы убить Душечку. Может, даже одного из новых Взятых.

Я не сумел удержаться от ухмылки. Тот, кто распространял слухи, не осмелился сказать всю правду.

Моя ухмылка Молчуна убедила. Он меня знал. Поэтому, наверное, и следил за нами.

Душечка тоже расслабилась. Но не Гоблин с Одноглазым.

— Что с парнями, Молчун? Они похожи на зомби.

— Говорят, что ты их продал. Что Следопыт тебя видел. Что если...

— Что за херня?! Да кто такой этот Следопыт? Давай сюда этого здорового безмозглого сукина сына, пусть он скажет все мне в лицо!

Свет мерк, разбухший помидор солнца скатился за холмы. Скоро совсем стемнеет. По спине у меня побежали мурашки. Будет это проклятое Дерево действовать или нет?

Стоило мне подумать о Праотце-Дереве, как я ощутил его пронзительное внимание. И сгущающийся смутный гнев...

Внезапно повсюду замерцали менгиры, даже за ручьем, в густом кустарнике. Взвизгнула собака. Молчун пока-

зал что-то Ильмо, но он стоял спиной ко мне, и я не разобрал что. Ильмо потрусили на шум.

Менгиры двигались к нам стеной, загоняя... Ага! Следопыт и пес Жабодав! На физиономии Следопыта застыло тупое удивление. Дворняга все пыталась проскользнуть между менгирами. Те не пускали. Наши люди отскакивали, чтобы камни в спешке им не отдавили ноги.

Менгиры вытолкнули Следопыта и пса Жабодава на прогалину. Дворняга взвыла, отчаянно и протяжно, потом, поджав хвост, спряталась в тени Следопыта. Они стояли в десяти футах от Душечки.

— О боги,— прошептала Госпожа, так стиснув мою руку, что я едва не взмыл сам.

В спутанной шевелюре Праотца-Дерева вспыхнуло ядро бури перемен.

Огромной. Ужасной. Буйной. Буря поглотила нас, набросившись с такой яростью, что оставалось лишь терпеть. Облики пыли, менялись, текли; неизменным оставалось лишь пространство вокруг Душечки.

Следопыт взвизгнул. Пес Жабодав испустил вой, расположившийся метастазами ужаса, как раковая опухоль. Они изменились сильнее всего, превращаясь в тех бешеных и гнусных тварей, которых я видел по пути на запад.

Госпожа крикнула что-то; буря унесла слова, но я уловил в ее голосе торжествующие нотки. Она помнила эти обличья.

Я воззрился на нее.

Она не менялась.

Невозможно. Создание, по которому я вздыжал пятнадцать лет, не может быть настоящей женщиной.

Обнажив жуткие клыки, пес Жабодав кинулся в сердце бури, пытаясь добраться до Госпожи. Он тоже узнал ее. Он собирался покончить с ней, пока она беспомощна вблизи Душечки. Следопыт ковылял за ним, такой же обалденый, как и в человеческом облике.

Хлестнула ветвь Праотца-Дерева, смахнув пса Жабодава, как человек отпихнул бы нападающего щенка. Трижды пес отважно кидался на него и трижды был сметен. На четвертый раз в морду ему ударила праматерь всех мол-

ний, отшвырнув дымящуюся тушу к самому ручью, где она с минуту лежала, подергиваясь. Потом пес с востом ухромал в пустыню.

В то же время зверь-Следопыт кинулся на Душечку. Подхватив ее на плечо, он бросился на запад. И когда зверь, бывший псом Жабодавом, выбыл из игры, все взгляды обратились на Следопыта.

Может, Праотец и не бог, но голос у него подходящий. Когда он заговорил, начали рушиться коралловые рифы. Те, кто стоял за границей прогалины, вопили, зажав уши. Нам, оказавшимся ближе, было почему-то легче.

Не знаю, что говорил этот голос. Я не то что не понимал этого языка — я не мог его узнать. Но Следопыт понял. Он отпустил Душечку, вернулся, чтобы встать в самом сердце бури, перед лицом бога, пока его терзал могучий глас и бешенство лиловых молний перемывало его уродливые кости. Он поклонился Дереву, и пал ниц, и изменился по-настоящему.

Буря унялась так же неожиданно, как и возникла. Все рухнули на землю. Даже Госпожа. Но сознания мы не потеряли. В тусклом свете заката я увидел Взятых. Они решили, что настал их час. Отступив, они набрали скорость, пронеслись по баллистической через безмагию, и каждый выпустил четыре тридцатифутовых гарпуна для охоты на летучих китов. А я сидел на земле, держа за руку их мишень, и пускал слюни.

— Они читают будущее не хуже меня, — прошептала Госпожа — как мне показалось, с громадным усилием. — Я забыла об этом.

Тогда я не погимал, что она имеет в виду.

Восемь копий летели вниз.

Праотец-Дерево обратило на них внимание.

Копья рассыпались под седоками.

Копья взорвались так высоко, что горящие обломки даже не долетели до земли.

Взятые, впрочем, долетели. Спикировали по крутой дуге в плотные заросли кораллов на востоке. Потом меня объяло забытье. Последнее, что я запомнил, — что пустота покинула три глаза наших колдунов.

Глава 44

Пробуждение

И были сны. Бесконечные кошмары. Когда-нибудь, если я проживу достаточно долго, если я переживу кошмар грядущий, я, может быть, запишу их, ибо в них — история бога, что есть Дерево, и твари, скованной его корнями.

Нет. Наверное, нет. Достаточно описать одну жизнь, полную борьбы и ужаса. Мою собственную.

Первой пошевелилась Госпожа. Потянулась и ушипнула меня. От боли встрепенулись нервы.

— Встань, — выдохнула она едва слышно. — Помоги мне. Надо перенести твою Белую Розу.

Ничего не понимаю.

— Безмагия.

Меня трясло. Я подумал, что это реакция на то, что нас сразило.

— Тварь внизу — от нашего мира. Дерево — нет.

Трясло не меня. Трясло землю. Тихой и частой дрожью. Теперь я услышал звук. Далеко-далеко внизу.

Я начал понимать.

Страх — удивительная сила. Ноги подняли меня сами. Над головой заходилось звоном Праотец-Дерево. В голосе ветряных колокольцев звучала паника.

Госпожа тоже поднялась. Мы проковыляли к Душечке, поддерживая друг друга. Каждый неуверенный шаг разгонял медлительную кровь. Я посмотрел Душечке в глаза — она была в сознании, но парализована. Лицо ее застыло маской страха и недоверия. Мы подняли ее, держа под мышки. Госпожа начала отсчитывать шаги. Не припомню, чтобы я когда-нибудь так надрывался. И не припомню, чтобы такой подвиг я совершил благодаря только силе воли.

Земная дрожь быстро переросла в дробь конского галопа, потом в грохот лавины, потом в землетрясение. Почва вокруг Праотца-Дерева зашевелилась, вздыбилась. В небо ударили фонтаны огня и пыли. Дерево вызвонило вопль. Синие молнии бились в его кроне. Мы все быстрее отступали по ручью.

За нашими спинами кто-то завизжал.

Образы в моем сознании. Боль того, что ползло из глубины. Праотец подвергал его мукам ада. Но оно стремилось к свободе.

Я не оборачивался. Слишком я был испуган. Мне не хотелось смотреть, на что похож Властелин прежних лет.

Но мы успели. Слава богам. Мы с Госпожой как-то ухитрились оттащить Душечку достаточно далеко от Праотца-Дерева, чтобы тот обрел в полной мере свою иномировую силу.

Вопль налился силой и яростью — я упал наземь, захватывая уши, — и сгинул.

— Костоправ, — прошептала Госпожа немого спустя. — Пойди посмотри, не нужна ли помощь остальным. Мы в безопасности. Дерево победило.

Так быстро? После такого представления?

Чтобы встать, мне потребовалось немыслимое усилие.

В ветвях Праотца-Дерева все еще мерцал голубой нимб. Я с двухсот ярдов чувствовал его раздражение. По мере приближения это чувство росло.

Земля вокруг ствола почти не изменилась, несмотря на недавнее буйство. Только казалась свежевспаханной и пробороненной. Некоторых из моих товарищей присыпало землей, но раненых не было. Все хоть немного, но шевелились. На всех лицах — полное ошеломление. Кроме Следопыта. Уродливое создание так и не обрело своего прежнего облика.

Он встал одним из первых, спокойно помогал остальным, вытряхивал пыль из одежды дружескими шлепками. И не подумаешь, что только что он был нам смертельным врагом. Чудеса.

Помочи никому не требовалось. Кроме бродячих деревьев и менгиров. Деревья оказались повалены. Менгиры... в основном тоже. И подняться они не могли.

Я вздрогнул.

И вздрогнул еще раз — подойдя к древнему Дереву.

Из земли, цепляясь за корень Праотца, торчала человеческая рука до локтя — длинная, кожистая, зеленоватая, вместо ногтей — обломанные, кровоточащие когти. Таких рук не было ни у кого в Дыре.

Рука чуть подергивалась.

Наверху еще потрескивали синие искры.

Что-то в этой руке будило во мне животное. Мне хотелось бежать от нее с воплями. Мне хотелось взять топор и изрубить ее. Ни того, ни другого я не сделал. У меня сложилось впечатление, что Праотец-Дерево наблюдает за мной, сильно нахмурившись, возможно, даже обвиняя меня в том, что я разбудил тварь с рукой.

— Я ухожу, — сказал я. — Понимаю, что ты чувствуешь. Мне надо своего собственного гада утихомирить.

Я отступил, кланяясь через три шага на четвертый.

— Это еще что за спектакль?

Я обернулся. На меня плясался Одноглазый. Явно решил, что у старика Костоправа в очередной раз крыша поехала.

— Так, с Деревом болтаю. — Я оглянулся. Все уже встали, хотя многих здорово пошатывало. Наименее пострадавшие отправились помогать бродячим деревьям. Упавшим менгирам уже не помочь. Они уходят туда, куда уходят разумные камни. Потом их найдут поставленными прямо среди других мертвых менгиров у ручья.

Я вернулся к Госпоже и Душечке. Душечка приходила в себя медленно и была слишком ошеломлена, чтобы вступать в разговор.

— Все в порядке? — спросила Госпожа.

— Кроме того парня под землей. Но ему немного не хватило. — Я описал руку.

Госпожа кивнула:

— Эту ошибку повторят не скоро.

Вокруг уже собирались несколько человек во главе с Молчуном, поэтому почти все, что мы могли сказать, прозвучало бы подозрительно.

— И что теперь? — все же прошептал я.

На заднем плане Ильмо с Лейтенантом вопили, что надо принести факелы и работать при свете.

Госпожа покала плечами:

— Что со Взятыми?

- Хочешь их поискать?
- Ты что?! Но мы же не можем пустить их разгуливать по нашему двору. Никто не скажет...
- Менгиры проследят за ними, разве не так?
- Зависит от того, насколько зол старик. Может, после нынешнего он готов отправить нас всех в ад курьерской почтой.
- Тогда выясни.
- Я пойду,— пискнул Гоблин. Ему требовался повод оказаться от Дерева как можно дальше.
- Только не на всю ночь,— предупредил я.— А вы что стоите? Помогли бы лучше Ильмо с Лейтенантом.
- От большинства я избавился. Но не от Молчуна.
- Отогнать Молчуна от Душечки мне не удастся, хоть в лепешку расшибись. У него сохранялись подозрения.
- Я растирал Душечке запястья, делал прочие глупости, в то время как лечило ее время.
- Семьдесят восемь дней,— пробормотал я через несколько минут.
- Вскоре станет слишком поздно,— ответила Госпожа.
- Я поднял бровь.
- Без нее нам его не одолеть. А скоро наступит срок, когда она никаким способом не сможет добраться до места вовремя.
- Не знаю, что понял Молчун из этого диалога. Знаю только, что Госпожа подняла на него глаза и чуть улыбнулась — как всегда, читая чьи-то мысли.
- Нам нужно Дерево.— И мне: — Мы не закончили наш пикник.
- А?
- Она отошла на пару минут. Вернулась с окончательно измызганными одеялами и корзиной.
- Смотри за ловушками,— посоветовала она, таща меня за руку в ночь.
- Что за игру она затеяла?

Глава 45

Сделка заключена

Обломком лодки взошла луна. До этого мы не рисковали уходить далеко — звездного света для безопасности не хватало. Когда луна встала, Госпожа повела меня в обход к тому месту, где упали Взятые. Остановились мы на безопасной, хоть и песчаной прогалине. Госпожа расстелила одеяло. Мы находились вне безмании.

— Садись.

Я сел. Села и она.

— Что?..

— Молчи.

Она закрыла глаза и ушла в себя.

Интересно, оставил ли Молчун Душечку ради слежки за нами? И отпускают ли о нас грязные шуточки мои товарищи, поднимая бродячие деревья? И в какую адovу игру я впутался?

«Ну, кое-чему ты научился, Костоправ».

Потом я заметил, что Госпожа вернулась из того транса, в который ушла.

— Удивительно,— прошептала она.— Кто бы мог подумать, что у них хватит смелости?

— Что?

— Наши летучие друзья. Я ожидала Шепот и Хромого, судя по их старым грехам. Но это Волдырь и Ехидный. Хотя ее мне следовало подозревать. У нее большие способности к некромании.

Она снова размышляла вслух. Часто ли с ней такое бывает? Если часто, то она не привыкла иметь под боком свидетелей.

— Что ты имеешь в виду?

Она не обратила внимания.

— Но сказали ли они осталльным?

Я вслушался и сложил кое-что вместе. Прозрение Госпожи — три возможных будущих, и ни в одном нет для нее места. Быть может, это значит, что и Взятым там места нет. Быть может, они решили взять будущее в свои руки, избавившись от своей повелительницы.

Легкие шаги удивили меня, но не слишком. Я решил, что это Молчун решил за нами пошпионить. И оказался потрясен, когда рядом с нами села Душечка. Одна.

Как я не заметил возвращения безмагии? Отвлекся, наверное.

— Они еще не выбрались из кораллов,— продолжала Госпожа, словно не замечая Душечки.— Это занятие медленное, а они оба ранены. Коралл, конечно, не может их убить, но доставляет сильную боль. Пока они лежат и ждут рассвета.

— И?

— Они могут не выйти с равнины вовсе.

— Душечка читает по губам.

— Она уже знает.

Ну я ведь тысячу раз повторял, что девочка умница.

Думаю, именно это знание побудило Душечку занять место по другую сторону от меня.

О да.

Оказалось, что я играю роль переводчика.

Проблема только в том, что записать эту беседу я не могу. Кто-то потом подправил мою память. У меня выдался только один случай сделать заметки, но теперь и они для меня потеряли всякий смысл.

Шли какие-то переговоры. Сохранилось чувство глубокого изумления — Душечка желала заключить сделку. Госпожа — тоже.

Они достигли соглашения. Хрупкого, конечно, потому что в пределах безмагии Госпожа потом держалась все время рядом со мной — чаще за моей спиной. Очень мило — изображать живой щит... А Душечка держалась рядом с Госпожой, чтобы та не воспользовалась своей силой.

Один раз она ее все же отпустила.

Но я чуть забегаю вперед. Вначале мы вернулись, никому не сказав о встрече. Мы с Госпожой возвратились чуть позже Душечки, стараясь изобразить последствия сердечного и бурного свидания. Завистливые взгляды доводили меня до смеха.

На следующее утро мы с Госпожой вышли из безмагии; Душечка отвлекла Молчуна, Одноглазого и Гоблина,

отправив их торговаться с менгирами. Праотец-Дерево никак не могло решиться. А мы отправились в противоположном направлении. Искать Взятых.

Собственно говоря, их и искать не пришлось. Они еще из кораллов не выбрались. Госпожа возвзвала к власти, которую имела над ними, и они перестали быть Взятыми.

Ее терпение истощилось. А может, она сделала из них наглядный урок... Во всяком случае, когда мы возвращались в Дыру, в небе кружили стервятники — настоящие стервятники.

«Так легко,— подумал я.— Для нее. А для меня, когда я убивал Хромого и все шло как по писаному,— невозможнo».

Мы вернулись к переводам. Так замотались, что и не следили за новостями. Кроме того, у меня звенело в голове после того, как Госпожа промыла мне мозги после беседы с Душечкой.

А тем временем Белая Роза смогла как-то договориться с Праотцем-Деревом. Хрупкий союз устоял.

Но одно я заметил. Менгиры перестали надоедать мне «чужаками на равнине».

Все это время они имели в виду Следопыта и пса Жабодава. И Госпожу. Двое из трех перестали быть чужаками. Что стало с псом Жабодавом, не знал никто. Даже менгиры не сумели его выследить.

Я попросил Следопыта объяснить, откуда взялось имя, но тот не помнил. И самого пса Жабодава — тоже не помнил. Чудеса.

Теперь Следопыт был созданием Дерева.

Глава 46 Сын Дерева

Я нервничал. У меня началась бессонница. Дни утекали один за другим. Где-то на западе Великая Скорбная река подтачивала свой берег. Четвероногое чудовище мчалось к своему хозяину с вестью о том, что его план раскрыт. Душечка и Госпожа не делали ничего.

Ворон оставался в ловушке. Боманц все шел через неугасимый огонь, который и вызвал сам себе на горе. Приближался конец света. И никто пальцем о палец не ударили.

Я закончил перевод. Мне это не помогло. Так мне казалось. Хотя Молчун, Гоблин и Одноглазый продолжали возиться со списками имен, с перекрестными ссылками в поисках системы. Госпожа заглядывала им через плечо чаше, чем я. Я кропал Анналы. И маялся, как же мне попросить, чтобы она вернула мне те, что я потерял у моста Королевы. Я нервничал. Изводил себя и других. На меня начинали злиться. Чтобы успокоиться, я стал гулять при луне.

Той ночью было полнолуние, и жирный оранжевый пузырь только взошел над восточными холмами. Величественное зрелище, особенно когда на фоне диска пролетает стая мант. Горизонт почему-то светился сиреневым. На холодном ветру металась выпавшая днем тонкая пыль. Далеко на севере поблескивала буря перемен.

Рядом со мной возник менгир. Я подпрыгнул фута на три.

- Опять чужаки на равнине? — спросил я.
- Не больше чужаки, чем ты, Костоправ.
- Шутник нашелся. Что ты хочешь?
- Ничего. Отец Деревьев хочет видеть тебя.
- Да? До скорого.

Я двинулся к Дыре. Сердце мое заходилось.

Дорогу мне заступил другой менгир.

— Ну, раз вы в таком духе... — Я изобразил на лице героизм и пошел вверх по ручью.

Они все равно привели бы меня. Лучше принять неизбежное. И избежать унижений.

Вокруг пустоты гулял ветер, но стоило мне пересечь границу, и я вступил в лето. Полный штиль, хотя листва звенела. И жара как в горне.

Луна поднялась достаточно, чтобы затопить прогалину серебристым светом. Я подошел к Дереву. Я не мог оторвать взгляда от руки, все еще торчащей, сжимая корень, все еще, как мне казалось, живой. Но корень разросся и, кажется, обволакивал руку, как живое дерево обволакива-

ет обмотанную вокруг него проволоку. Я остановился в пяти шагах от ствола.

— Подойди ближе, — сказало Дерево. Нормальным голосом. Обычным тоном.

Я сказал «Ик» и поискал взглядом выход.

Прогалину окружала пара хрендилюнов менгира. Беги, коли охота.

— Стой спокойно, однодневка.

Ноги мои примерзли к земле. Однодневка, да?

— Ты просил помощи. Ты требовал помощи. Ты ныл, и клянчил, и молил о помощи. Стой спокойно и прими ее. Подойди.

— Решился?

Я сделал два шага. Еще один, и я ему на корни наступлю.

— Я обдумал проблему. То, чего вы, однодневки, так боитесь, то, что спит в земле так далеко отсюда, станет угрозой моим детям, если оно пробудится. Я не вижу силы в тех, кто противостоит ему. Поэтому...

Я не люблю прерывать собеседника, но не заорать я не мог. Понимаете, кто-то вцепился мне в лодыжку. Так вцепился, что у меня кости хрустнули. Действительно. Извини, старик.

Мир посинел. На меня обрушился ураган боли. Молнии засверкали в ветвях Праотца-Дерева. Над пустыней прокатился гром. Я поорал еще немного.

Синие разряды мелькали вокруг, едва не задевая меня вместе с моим мучителем. Но наконец рука разжалась.

Я попытался сбежать.

Упал на первом же шаге. И продолжал ползти, пока Праотец-Дерево извинялся и пытался меня вернуть.

К дьяволу. Я менгиров насквозь пробью, если придется...

Сознание мое наполнило видение. Праотец-Дерево передавал сообщение напрямую. И наступила тишина: только фьють — исчезли менгиры.

Со стороны Дыры несся гомон. Чтобы выяснить, кто устроил представление, выбежал весь Отряд.

Первым добежал Молчун.

— Одноглазый,— выдавил я.— Одноглазого мне.— Кроме меня, он единственный, кто что-то смыслит в медицине. И, несмотря на склонность, указания мои выполнит.

Тут же явился Одноглазый, а с ним еще человек двадцать. Дозорные не оплошали.

— Лодыжка,— сказал я.— Может, сломана. Света дайте сюда. И лопату, мать ее.

— Лопату? Головой ударился? — переспросил Одноглазый.

— Я сказал, принеси. И что-нибудь против боли.

Материализовался Ильмо, застегиваясь на ходу.

— Костоправ, что случилось?

— Старик захотел поболтать. Каменюги меня привели. Говорит, что решил нам помочь. Только, когда я уши развесил, эта рука в меня вцепилась. Чуть ногу не оторвала. А шум — это Дерево говорило: «Не хулигань».

— Закончишь с ногой — отпили ему язык,— приказал Одноглазому Ильмо.— Что ему надо, Костоправ?

— Уши в Дыре забыл? Помочь нам справиться с Властелином. Говорит, обдумал и решил, что оставить Властелина в земле — в его собственных интересах. Помоги встать.

Усилия Одноглазого начали приносить плоды. Он присосал к моей лодыжке — раздувшейся к этому времени втрое — один из своих травяных шариков, и боль спала.

Ильмо покачал головой.

— Если ты мне не поможешь встать,— прощедил я,— я тебе ногу сломаю.

Ильмо с Молчуном подхватили меня под мышки и поставили.

— Лопаты принесите,— приказал я. Мне тут же подали с поддюжины. Солдатских, конечно, не заступов.— Раз уж вы собрались мне помочь, волоките меня к Дереву.

Ильмо зарычал. На мгновение мне показалось, что заговорит Молчун. Я посмотрел на него с выжидающей улыбкой. Двадцать с гаком лет жду.

И ничего.

Но что бы ни случилось, на челюстях Молчуна всегда висел стальной замок. Я видел его таким злым, что он го-

тов был гладить гвозди, и таким возбужденным, что он терял контроль над сфинктерами, но нарушить молчание его не могло заставить ничто.

В ветвях Дерева еще метались синие искры. Звенели листья. Свет луны и отблески факелов смешивались, от каждой искры пускались в пляс немыслимые тени...

— На другой стороне,— скомандовал я своим носильщикам.

Раз я не вижу его отсюда, он по другую сторону ствола.

Ага, вот и он, в двадцати футах от комля. Росток. Немного выше человеческого роста.

Одноглазый, Молчун, Гоблин — все наши выпучили на него глаза, как стая обезьян. Кроме старины Ильмо.

— Притащите пару ведер воды и хорошо промочите землю,— приказал он.— И найдите старое одеяло, чтобы мы могли замотать им корни вместе с землей.

Прямо в точку. Крестьянин, чтоб его.

— А меня спустите вниз,— потребовал я.— Хочу сам посмотреть лодыжку, при свете.

На обратном пути мы с тащившими меня Ильмо и Молчуном повстречали Госпожу. Она изобразила трогательную заботу — все хлопотала вокруг меня. Пришлось вытерпеть уйму многозначительных ухмылок.

Даже тогда правду знала только Душечка. И, может быть, догадывался Молчун.

Глава 47 Тени в стране теней

В Курганье не было времени — только пламя и тень, бессолнечный свет, страх и отчаяние без конца. С того места, где он стоял, пойманый в собственной паутине, Ворон мог различить два десятка тварей Властелина. Он видел людей и зверей, захороненных во времена Белой Розы, чтобы зло не смогло вырваться. Он видел силуэт колдуна Боманца на фоне замерзшего драконьего пламени. Старый колдун все еще пытался сделать хоть шаг к сердцу Великого кургана. Разве он не знает, что проиграл много поколений назад?

Ворон пытался представить, давно ли он пойман. Достигли ли его письма адресата? Придет ли помошь? Или он всего лишь коротает время, пока не выплеснулась тьма?

Единственными часами служило растущее беспокойство тех, кто был поставлен на страже против тьмы. Река подкрадывалась все ближе. Они ничего не могли поделать — вызывать стихии было не в их власти.

Если бы он, Ворон, занимался тогда курганами, он бы все сделал по-иному.

Он смутно вспоминал проскальзывающие мимо тени, чем-то сходные с ним самим. Но он не смог бы сказать, давно ли это случилось или кому тени принадлежали. Все менялось, ничего постоянного не существовало здесь. С этой точки зрения мир выглядит совсем иначе.

Прежде он никогда не был так беспомощен, так напуган. Эти чувства бесили его. Он всегда был хозяином собственной судьбы, ни от кого не зависел...

Но в этом мире бездействия оставалось лишь думать. Слишком часто мысли его возвращались к тому, что значит — быть Вороном, к тому, что Ворон сделал, и не сделал, и должен был сделать иначе. Достаточно времени, чтобы определить и встретить лицом к лицу все страхи, и слабости, и боль скрытого в нем человека, все, что создавало повернутую к миру маску из льда, и стали, и бесстрашья. То, что стоило ему всего, что он ценил, что раз за разом загоняло его в пасть смерти, в состояние самобичевания...

Слишком поздно. Слишком поздно.

Когда мысли его прояснились и Ворон осознал это с кристальной ясностью, вопль ярости разнесся по миру призраков. И те, кто окружал его и ненавидел за то, чему он помог начаться, хохотали, радуясь его муке.

Глава 48 Полет на запад

Своего прежнего места среди товарищей я так и не восстановил, несмотря на то что был оправдан Деревом. Оставалась некоторая отчужденность — не только из-за медленно возвращающегося доверия, но и в результате

якобы подвалившего мне женского общества. Признаюсь, это терзalo меня. С этими парнями я жил с юности. Они — моя семья.

Само собой, меня пытались подковырнуть — дескать, взгромоздился на костили, только бы поостынивать. Но свою работу я мог и вовсе без ног делать.

Чертовы бумаги. Я их наизусть заучил, на музыку положил и все равно не находил искомого ключа или даже того, что искала Госпожа. Перекрестные ссылки занимали каждая целую вечность. Во времена Владычества и более ранние имена писались как бог на душу положит. Теллекурре — один из тех языков, в которых разные сочетания букв обозначают одни и те же звуки.

Одна боль, простите, в седалище.

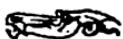
Не знаю, многое ли Душечка объяснила остальным. На общем собрании меня не было. И Госпожи — тоже. Но нам передали, что Отряд готовится выступить.

На следующий день.

Близился закат; я стоял на костилях у входа в Дыру и смотрел, как прибывают летучие киты. Восемнадцать штук призвало Праотец-Дерево. Со своими мантами и всей когортой разумных существ равнинны. Трое китов спустились к самой земле, и Дыру стошнило ее жителями.

Мы начали посадку. Меня пропустили без очереди, потому что меня пришлось поднимать на руках, вместе с бумагами, барахлом и костилями. Кит был маленький, и соседей у меня оказалось немного. Госпожа — само собой, кто же нас теперь разведет. И Гоблин. И Одноглазый. И Молчун, — выдержавший серьезный безмолвный спор, он очень не хотел расставаться с Душечкой. И Следопыт. И сын Дерева, которому Следопыт служил телохранителем, а я был *in loco parentis*¹. Подозреваю, что колдуны получили приказ присматривать за нами, хотя в случае неприятностей помочь от них все равно никакой.

¹Вместо родителей (лат.).

Душечка, Лейтенант, Ильмо и прочая братия сели на второго кита. На третьего погрузили несколько солдат и уйму всяческого снаряжения.

Мы поднялись, присоединяясь к воздушной эскадрилье.

Закат с высоты пяти тысяч футов не похож ни на что, видимое с земли. Ну разве что взгромоздиться на одинокий пик и взирать оттуда. Великолепно.

Стемнело, мы заснули. Одноглазому пришлось меня зачаровывать — опухшая нога здорово беспокоила.

Да. Мы находились вне безмании. Наш кит летел на изрядном расстоянии от Душечкиного. Специально ради Госпожи.

Пусть даже та себя и не выдавала.

Ветры нам благоприятствовали, и с благословения Прапотца-Дерева рассвет мы встретили над Лошадью. Там-то правда и выплыла наружу.

К нам ринулись на своих рыбообразных коврах Взятые, вооруженные до самых жабер. Паника меня и разбудила. Следопыт помог мне встать. Мельком глянув на костер встающего солнца, я высмотрел Взятых, летевших конвоем вокруг нас. Гоблин ожидал нападения и выл в голос. Одноглазый нашел повод обвинить во всем Гоблина, и они опять сцепились.

А время шло, и ничего не происходило. Почти к моему удивлению. Взятые просто летели рядом. Я покосился на Госпожу. Та подмигнула — я чуть не сел.

— Приходится сотрудничать, несмотря на разногласия, — произнесла она.

Гоблин услышал. Он в мгновение ока забыл о ругани Одноглазого, посмотрел на Взятых, потом — на Госпожу. И присмотрелся.

Я увидел, как до него дошло.

— Я вас помню, — пропищал он пронзительнее обычного.

Морда у него была ошелелая. Помнил он тот единственный раз, когда имел с Госпожой нечто вроде личной встречи. Много лет назад, пытаясь связаться с Душеволовом, он застал Взятую в Башне, в присутствии Госпожи...

Она улыбнулась своей очаровательнейшей улыбкой. Той, от которой статуи плавятся.

Гоблин отвернулся, прикрыв глаза ладонью. Потом глянул на меня совершенно жуткими глазами. Я не выдержал, рассмеялся.

— Ты всегда обвинял меня...

— Но я же не просил тебя это делать, Костоправ! — Голос Гоблина взвился ввысь, к полной неслышимости. Колдун хлопнулся на задницу.

Молния не размазала его по небу. Через несколько минут он поднял глаза, заявил: «Ильмо усрется» — и идиотски хихикнул.

Ильмо наиболее рьяно напоминал мне о моих романтических бреднях в отношении Госпожи.

Потом, когда юмор поулетучился, Одноглазый прошел через все стадии и подтвердились худшие страхи Молчуна, я задумался о своих товарищах.

В общем-то они двинулись на запад по Душечкиному приказу. Им и словом не обмолвились о союзе с нашим бывшим врагом.

Дурачье. Или сглутила Душечка? Что случится, когда Властелин будет повержен и мы вновь сможем вцепиться друг другу в глотки?..

Осади, Костоправ. Душечка училась играть в карты у Ворона. А Ворон мог любого раздеть.

К закату мы пролетали над Облачным лесом. Интересно, что о нас подумали в Лордах? Мы пролетели над самым городом. Зеваки так и выссыпали на улицы.

Розы миновали ночью. И другие города, знакомые по молодым годам, проведенным нами на севере. Разговоров было немного. Мы с Госпожой держались вместе; по мере того как наш необычайный флот близился к месту назначения, напряжение наше росло, а искомые ключи так и не находились.

— Долго еще осталось? — Я потерял счет времени.

— Сорок два дня, — ответила она.

— Мы так долго проторчали в пустыне?

— Когда веселишься, время так и летит.

Я вскинулся. Шутка? Да еще такая затрепанная? От нее?

Ненавижу, когда враги становятся людьми. Не положено им этого.

Госпожа вела себя со мной как человек уже два месяца. Как я мог ее ненавидеть?

До Форсберга погода оставалась почти пристойной. Потом началась тухлая гнусь.

Зима вступила в свои права. Освежающие ледяные ветры, заряженные картечью снежной крупы. Превосходный наездак для моего нежного лица. Под этой бомбардировкой передохли даже вши на спинах летучих китов. Все мы ругались, и ворчали, и проклинали все на свете, и жались друг к другу в поисках тепла, которого не осмеливались получить от давнего союзника человека — огня. Только Следопыту все было нипочем.

— Его хоть что-нибудь беспокоит? — спросил я.

— Одиночество, — ответила Госпожа самым странным тоном, какой я когда-либо слышал из ее уст. — Если хочешь безболезненно прикончить Следопыта, запри его в одиночке, а сам уйди.

Меня пробрал до костей мороз, который ничего общего не имел с погодой. Кто из моих знакомых был в одиночестве чудовищно долго? Кто, возможно — только лишь возможно, — начал сомневаться: а стоит ли абсолютная власть такой цены?

Я без всякого сомнения знал — она наслаждалась каждой секундой нашего спектакля на равнине. Даже в минуты опасности. Я знал, что, достань у меня наглости, я мог бы стать ей не только мнимым любовником. По мере того как приближался срок вновь становиться Госпожой, в ней росло тихое отчаяние.

Я мог бы приписать это чувство ее напряжению — ей предстояли тяжелые времена, и она знала нашего врага. Но дело было не только в напряжении. По-моему, я ей по-человечески нравился.

— У меня есть к тебе просьба, — тихо произнес я, когда мы жались друг к другу, стараясь не думать о том, какая женщина прижимается ко мне.

— Что?

— Анналы. Это все, что осталось от Черного Отряда. Много веков назад, когда создавались Свободные Отряды Хатовара, была дана клятва. Если хоть кто-то из нас переживет гибель Отряда, он должен их вернуть.

Не знаю, поняла ли она. Но она ответила:

— Они твои.

Я хотел объяснить, но не мог. Зачем возвращать их? Я не знаю толком, куда их возвращать. Четыре столетия Отряд дрейфовал на север, то набирая, то теряя силы, меняя бойцов. Я не знаю даже, существует ли еще Хатовар и что это такое — город, страна, человек или бог? Анналы начальных лет или сгинули в боях, или вернулись домой. Первое столетие известно мне только по выдержкам и обрывкам летописей... Неважно. Частью обязанностей анналиста всегда было возвратить Анналы в Хатовар, если Отряд прекратит существование.

Погода становилась все хуже. Над Веслом она казалась уже активно враждебной. Может, так и было. Тварь в земле знала о нашем походе.

Севернее Весла Взятые разом, как камни, рухнули к земле.

— Что за черт?

— Пес Жабодав,— ответила Госпожа.— Мы его напали. Он еще не добрался до своего хозяина.

— Им под силу остановить его?

— Да.

Я перегнулся через «борт» кита. Не знаю, что я там ожидал увидеть — мы летели в снежной туче.

Внизу несколько раз вспыхнуло. Потом вернулись Взятые. Госпожа поморщилась.

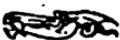
— В чем дело? — спросил я.

— Хитрая тварь. Он забежал в безмагию там, где она касается земли. Слишком плохая видимость, чтобы его можно было там достать.

— Это так важно?

— Нет.— Но прозвучало это неуверенно.

Погода все ухудшалась, но китам она была нипочем. Достигнув Курганья, мы с товарищами отправились в казармы Стражи, а Душечка остановилась в «Синелохе». Граница безмагии проходила как раз по стенам казарм.

Приветствовал нас полковник Сироп лично. Добрый старина Сироп! Я-то думал, мы его прихлопнули, но он только прихрамывал. Не могу сказать, что он был очень общителен — обстановка не способствовала.

А нашим ординарием был назначен мой старый знакомец Кожух.

Глава 49 Невидимый лабиринт

При нашем появлении Кожух чуть не запаниковал. Не успокоили его и мои манеры доброго дядюшки. Лицезрение Госпожи во всей ее силе едва не довело беднягу до истерики, да и вид Следопыта не способствовал укреплению нервов.

Утихомирил его, как ни странно, Одноглазый, переведя разговор на Ворона и его нынешнее состояние. Это решило дело.

А у меня появился собственный повод трястись от ужаса. Через пару часов после высадки — я еще вещи не успел разобрать — Госпожа привела Шепот и Хромого, чтобы те перепроверили наши переводы.

Предполагалось, что Шепот будет проверять, все ли бумаги на месте, а Хромой — вспоминать старые деньги на случай, если мы пропустили какую-либо связь. В первые века Владычества он явно вел бурную общественную жизнь.

Потрясающе. Я и не подумал бы, что этот ошметок ненависти и уродства мог быть чем-то еще, кроме воплощения гнусности.

Гоблин присматривал за этой парочкой, пока я выходил навестить Ворона. Все остальные у него уже побывали.

Там была и она. Прислонившись к стене, она грызла ноготь и совсем не походила на ту великолепную сукку, что столько лет терзала мир. Я уже говорил — ненавижу, когда враги выглядят людьми. А она была человеком. Перепуганным до смерти.

— Как он? — спросил я и, когда увидел, в каком она состоянии: — Что случилось?

— С ним все по-прежнему. О нем хорошо заботятся. Ничего такого, с чем не справится парочка чудес.

Я осмелился вопросительно поднять бровь.

— Все пути к бегству отрезаны. Я словно ухожу в подземелье — все меньше для меня открытых путей, и каждый — хуже предыдущего.

Я присел на стул, откуда обычно наблюдал за Вороном Кохух, принял изображать лекаря. Бессмысленно — не лучше мне убедиться в этом самому?

— Наверное, очень одноко — быть королевой мира, — пробормотал я про себя.

Тихий вздох.

— Ты слишком осмелел.

— Да ну?

— Извини. Думаю вслух. Нездоровая привычка, вызывает синяки и массивные кровотечения. Выглядит вполне здоровым. Думаешь, Хромой или Шепот нам помогут?

— Нет. Но испробовать следует все способы.

— Как насчет Боманца?

— Какого Боманца?

Я поднял глаза. Она действительно удивилась.

— Колдуна, который тебя освободил.

— Ах этот. А что насчет него? Чем может нам помочь мертвец? От своего некромана я избавилась... Или ты знаешь что-то, чего не знаю я?

Как же. Побывав перед ее Оком. Но все же...

С полминуты я спорил, не желая раскрывать крошечное свое преимущество, потом сдался.

— Гоблин и Одноглазый говорили, что Боманц здоровехонек. Он пойман Курганьем. Как Ворон, только вместе с телом.

— Как это возможно?

Неужели она не узнала об этом во время допроса? Наверное, не задавая нужных вопросов, не получишь и нужных ответов.

Я постарался припомнить все, что мы с Госложой делали вместе. Отчеты Ворона я ей пересказывал, но самих писем она не читала. В общем-то... Оригиналы, с которых Ворон и писал свой рассказ, лежали в моей комнате. Гоб-

лин с Одноглазым волокли их на равнину только ради того, чтобы теперь бумаги вернулись на место. Никто даже не заглядывал туда, потому что они лишь повторяли уже рассказалую историю...

— Посиди здесь,— произнес я, вставая.— Сейчас вернусь.

Когда я ворвался в комнату, Гоблин одарил меня недобрым взглядом.

— Я на секундочку,— пробормотал я.— Кое-что на-кlevывается.

Я порылся в ящике, где лежали раньше документы Ворона — теперь там валялась только рукопись самого Боманца,— и вылетел из комнаты. Взятые меня не заметили.

Пьянящее чувство — когда Взятые тебя не замечают. Плохо лишь, что причиной тому одно — они борются за жизнь. Как и мы.

— Вот... Вот оригинал рукописи. Я просмотрел ее только один раз, бегло, сверяя перевод Ворона. Довольно точно, хотя он слишком драматизировал, а беседы просто придумали. Но факты, характеры — это все от Боманца.

Госпожа читала с немыслимой быстротой.

— Принеси вариант Ворона.

Туда и обратно; Гоблин скривился и проворчал мне вслед: «Это у тебя называется секундочка, Костоправ?»

Сквозь вторую порцию бумаг Госпожа пронеслась в том же темпе, а дочитав, призадумалась.

— Ну? — спросил я.

— В этом кое-что есть. Вернее сказать, кое-чего нет. Два вопроса. Кто это написал? И где упомянутый его сынок камень из Бесла?

— Полагаю, большую часть оригинала записал сам Боманец. А закончила его жена.

— Он писал бы от первого лица.

— Необязательно. Может, это запрещали условности тогдашней литературы. Ворон часто стыдил меня, что я слишком много отсебятины вкладываю в Анналы. Он привык к иным традициям.

— Примем это за рабочую гипотезу. Следующий вопрос. Что стало с его женой?

— Ее семья жила в Весле. Я бы на ее месте туда и вернулся.

— На месте жены человека, который меня выпустил?

— А кто об этом знал? Боманц — не настоящее имя. Госпожа отмела мои возражения.

— Шепот нашла эти бумаги в Лордах. Одной кипой. Кроме рассказа, Боманца ничего с ними не связывает. Мне кажется, что вместе их собрали намного позже. Но бумаги — его. Где же они могли находиться между тем, как исчезли отсюда, и тем, как их нашла Шепот? Не потерялись ли какие-то документы? Нам пора посоветоваться с Шепот.

Ее королевское «нам» меня явно не включало.

Но искра разожгла пламя. Вскоре Взятые уже разлетались во все стороны. Через два дня Благодетель доставил упомянутый сыном Боманца камень, оказавшийся бесполезным. Камень присвоили стражники, приспособив его вместо ступеньки в барак.

До меня доходили отдельные слухи — южнее Весла искали путь, которым бежала из Курганья овдовевшая и ославленная Жасмин. Нелегко идти по столь старому следу, но Взятым многое доступно.

Искали и в Лордах.

На мою долю выпало сомнительное удовольствие болтаться вокруг Хромого, пока тот помечал ошибки, сделанные нами при переводе имен с ючителле и теллекурре. Оказалось, что в те времена различались не только написания, но даже алфавиты. А некоторые из упомянутых были не теллекурре или ючителле, а иноземцами, приспособившими свои имена к местному произношению. Хромой разматывал этот клубок изнутри.

И в один день Молчун подал мне знак. Он заглядывал Хромому через плечо еще старательнее меня.

Он нашел ключ.

Глава 50 Gnomen?

Самообладание Душечки меня потрясает. Она довольно долго пробыла в «Синелохе» и ни разу не поддалась

желанию увидеть Ворона. Каждый раз, когда произносилось это имя, в глазах Душечки проглядывала боль. Но она терпела месяц.

Но все же она пришла — мы знали, это неизбежно,— пришла с разрешения Госпожи. Я постарался не обращать внимания на ее визит. И заставил колдунов держаться от нее подальше. Труднее всего было уговорить Молчуна, но в конце концов согласился и он — это было ее дело, личное, и не в его интересах совать туда нос.

Я не пошел к ней — она пришла ко мне. Ненадолго, пока все остальные были заняты. Чтобы обнять меня, чтобы я напомнил ей, что мы заботимся о ней. Чтобы я поддержкала ее, пока она обдумывает решение.

— Теперь мне не отпереться, да? — показала она. И через пару минут: — Все еще мое слабое место. Но чтобы вернуться, ему придется это право заслужить. — Так она думает «вслух».

Молчуна я в тот миг сочувствовал больше, чем Ворону. Ворона я всегда уважал за бесстрашие и силу, но не мог заставить себя полюбить этого человека. А Молчуна я любил и желал ему только добра.

— Надеюсь, твое сердце не разобьется, если он окажется слишком стар, чтобы измениться, — показал я.

Слабая улыбка.

— Мое сердце разбилось давным-давно. Нет, я ничего не жду. Мы живем не в сказке.

Больше Душечка не сказала ничего. И я не воспринял ее слов всерьез — до тех пор, пока не рассмотрел в их свете случившееся потом.

И пришла она, и ушла, скорбя по мертвым мечтам, и не приходила более.

В те минуты, когда Хромой отошел по своим делам, мы переписали все, оставленное им на столе, сравнили с собственными диаграммами.

— О-хо! — выдохнул я. — Да.

Был в одном из далеких западных царств некий дворянин по имени барон Сенджак, и четыре его дочери, как

гласила рукопись, соперничали друг с другом в красоте. Одну из них звали Ардат.

— Она соглашалась, — прошептал Гоблин.

— Может быть, — согласился я. — Или не знала сама — на это похоже больше. Не могла знать. И никто другой не мог. До сих пор не могу понять, как Душелов могла быть уверена, что тут скрыто истинное имя Властелина.

— Желаемое за действительное? — предположил Одноглазый.

— Нет, — возразил я. — Видно было — знала она, что держит в руках. Только не могла отыскать нужное.

— Как и мы.

— Ардат мертва, — напомнил я. — Остаются три варианта. Но если припрет, выстрел будет один.

— Подытожь-ка все, что мы знаем.

— Одной из сестер была Душелов. Имени ее мы так и не знаем. Ардат могла быть близнецом Госпожи. Думаю, та старше, чем Душелов, хотя росли они вместе и много лет не разлучались. О четвертой сестре мы вообще ничего не знаем.

— У нас есть все четыре имени и фамилия. Проверьте генеалогии, — посоветовал Молчун. — Найдите, кто за кого вышел замуж.

Я застонал. Генеалогии лежали в «Синелохе». Душечка загрузила их на кита вместе с прочим баражлом.

Времени не хватало. Объем работы доводил меня до судорог. В эти генеалогии не сунешься с женским именем, чтобы отыскать что-то. Нет, искать приходится мужчину, который женился на нужной тебе госпоже, и надеяться, что летописец упомянет хоть ее имя.

— Как же мы с этим справимся? — взвыл я. — Я же единственный, кто разбирается в этих куриных следах! — И тут мне пришла в голову, простите за нескромность, гениальная идея. — Следопыт. Засадим Следопыта. Ему все равно нечего делать, кроме как за деревцем ухаживать. Пусть занимается этим в «Синелохе» и одновременно почитывает книжки.

Сказать легче, чем сделать. Следопыт находился очень далеко от своего нового хозяина. Втолковать что-либо это-

му безмозглому созданию — великий подвиг. Но когда задание ясно, его не остановить.

Однажды ночью, когда я ежился под горкой одеял, в мою комнату вступила она.

— Вставай, Костоправ.

— У?

— Мы отправляемся в полет.

— У?.. Прошу прощения, но сейчас же середина ночи!

У меня был тяжелый день...

— Вставай.

Приказы Госпожи не обсуждаются.

Глава 51

Знак

Дождь замерзл на лету, покрывая все вокруг ломкой, ледяной глазурью.

— Оттепель, надо полагать, — заметил я.

Той ночью у Госпожи было плохо с чувством юмора. Мое замечание она проглотила с трудом. Ковер, к которому она провела меня, имел хрустальный купол над передними сиденьями — новое приобретение Хромого.

Чтобы снять лед, Госпоже пришлось применить волшебство.

— Проверь, плотно ли закрыто, — приказала она.

— По-моему, в порядке.

Мы взлетели.

Меня швырнуло на спину. Рыбий нос нацелился на невидимые звезды. Мы поднимались с ужасающей быстрой. На мгновение мне показалось, что мы взлетим так высоко, что я не смогу дышать.

Именно это мы и сделали. И еще выше — проломившись сквозь облака. Тогда я понял, для чего нужен купол.

Чтобы удерживать воздух. Это значит, что летучие киты больше не смогут укрываться от Взятых на высоте. Госпожа и ее банда всегда что-нибудь придумают.

Но какого черта мы тут делаем?!

— Смотри. — Вздох разочарования. Тень, омрачившая надежду. Госпожа показала.

Я увидел. И узнал, потому что я уже видел это долгими ночами отступления, завершившегося битвой перед Башней. Великая Комета. Маленькая — но не узнать этот серебристый ятаган невозможно.

— Этого не может быть. До нее еще двадцать лет. Небесные тела не сходят со своих путей.

— Не сходят. Это аксиома. Значит, ошиблись те, кто ее установил.

Госпожа направила ковер вниз.

— Отметь это в своих Анналах, но людям не говори. Они и без того слишком встревожены.

— Согласен.— Одно имя Кометы помрачает умы.

Возвращение в слякоть курганской ночи. Мы пролетели над самым Великим курганом, в каких-то сорока футах. Проклятая река подобралась совсем близко. Призраки танцевали под дождем.

Я доковылял по грязи до барака, сверился с календарем.

Осталось двенадцать дней.

Старый ублюдок, наверное, хохочет сейчас от души вместе со своей любимой гончей — псом Жабодавом.

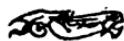
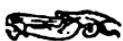
Глава 52 Ничего удивительного

Меня не оставляло нечто, сидящее обычно под сознанием. Я ворочался, вертелся, засыпал и просыпался, и только перед самым рассветом меня осенило. Я вскочил и принялся рыться в бумагах.

Я нашел тот список, на котором Госпожа задержала дыхание, и перепахивал бесконечный список гостей, пока не обнаружил лорда Сенджака и дочерей его Ардат, Веру и Сайлит. Младшая, Доротея, как заметил писец, прибыть не смогла.

— Ага! — каркнул я.— Поле поисков сужается.

Никаких иных сведений я добить не смог, но и это был триумф. Предполагая, что у Госпожи была сестра-близнец, зная, что Ардат мертв, а Доротея — младшая... Шанс пятьдесят на пятьдесят. Женщина по име-

ни Сайлит и женщина по имени Вера. Вера? Так оно и переводится.

Я так развелновался, что заснуть больше не смог. Даже забыл о Комете вне расписания.

Но возбуждение стерлось в жерновах времени. Взятые, выслеживавшие жену Боманца и записки, молчали. Я предложил Госпоже обратиться к первоисточнику. Но она еще не была готова рискнуть. Пока.

Через четыре дня после того, как я исключил сестренку Доротею, наш скудоумный дружище Следопыт добыл еще одну жемчужину. Великан корпел над генеalogиями день и ночь.

Молчун вернулся из «Синелоха» с такой рожей, что мне стало ясно — новости у него хорошие. Он выволок меня на улицу, в город, в безмагию, и сунул отсыревший лист бумаги.

«Три сестры были замужем, — гласила запись, сделанная четким почерком Следопыта.— Ардат сочеталась браком дважды. Первым супругом ее был барон Кэйден Дольменский, павший в бою. На шестом году после того Ардат вышла замуж за Эрина Безотчего из города Пращник в земле Вий, странствующего жреца бога Вансера. Вера была супругой известного колдуна Бартелме Вояжского. Мнится мне, что сказанный Бартелме Вояжский стал одним из Взятых, но память моя в сем ненадежна».

А ведь чистая правда.

«Доротея вышла замуж за Плота, наследного принца Начала. Сайлит же оставалась в безбрачии».

Тут Следопыт доказал, что, несмотря на тутодумие, иной раз в его умишке появлялись полезные мысли.

«Книги смертей показывают, что Ардат и муж ее Эрин Безотчий из города Пращник в земле Вий, странствующий жрец бога Вансера, были убиты разбойниками в пути между Резиом и Яичком. Ненадежная моя память подсказывает, что случилось сие за несколько месяцев до того, как Властелин провозгласил себя.

Сайлит утонула при разливе Сонной реки несколькими годами ранее и при множестве свидетелей унесена была течением. Однако тела ее так и не нашли».

У нас тоже был свидетель. Хотя мне никогда не приходило в голову воспринимать Следопыта в этом качестве. В его умишке хранились все эти сведения; знать бы только, как их оттуда добыть.

«Вера погибла в бою, когда Властелин и Госпожа захватили Вояж в первые годы своих завоеваний. О смерти Доротеи свидетельств не сохранилось».

— Черт,— вырвалось у меня.— Значит, старина Следопыт еще на что-то годится.

— Звучит довольно запутанно,— показал Молчун,— но, поразмыслив, можно разобраться.

Даже не рисуя схем, связывающих четырех сестер, я мог уверенно заявить:

— Мы знаем, что Доротея стала Душеловом. Мы знаем, что Госпожа — не Ардат. Я предположил бы, что сестра, устроившая ту засаду, в которой Ардат погибла...

Не хватало какой-то мелочи. Если бы только я знал, которые из них двойняшки...

— Следопыт роется в записях рождений,— ответил Молчун на мой невысказанный вопрос.

Вряд ли он что-то найдет. Лорд Сенджак не был телекурре.

— Одна из признанных мертвymi не погибла. Я поставил бы на Сайлит. Предполагая, что Вера была убита, потому что узнала якобы погившую сестру, когда Властелин и Госпожа брали Вояж.

— Боману упоминал легенду о том, что Госпожа убила свою сестру-близнеца. В той засаде? Или нечто более явное?

— Кто знает? — ответил я.

Очень уж запутано. «Интересно,— подумал я на мгновение,— а пригодится ли нам это все?»

Госпожа объявила общее собрание, чтобы сообщить, что наша первоначальная оценка оказалась излишне оптимистической.

— Мы были введены в заблуждение,— сказала она.— В бумагах Костоправа нет ничего, указывающего на истинное имя моего супруга. Что навело Душелова на эту мысль,

мы уже не узнаем. Мы не можем быть уверены, что ничего из документов не пропало. Если только в ближайшее время из Лордов или Весла не придут вести, можно считать этот путь закрытым и искать новый.

Я нацарапал записку, попросил Шепот передать вперед. Госпожа прочла ее и, задумчиво прищурившись, глянула на меня.

— Эрин Безотчий,— прочла она вслух.— Странствующий жрец из Пращника в царстве Вий. Это от нашего историка-любителя. То, что ты нашел, Костоправ, не так интересно, как то, что ты это нашел. Этим новостям уже пять веков. И уже тогда они были бесполезны. Кем бы ни был Эрин Безотчий до ухода из Вия, следы он замел мастерски. К тому времени, как его дела затронули окружающих настолько, что происхождением жреца начали интересоваться, он стер с лица земли не только Пращник, но и всех, кто жил в этом городишке с момента его рождения. Позднее он пошел так далеко, что опустошил весь Вий. Потому-то так удивило нас предположение, что в этих бумагах записано истинное имя Властелина.

Я ощутил себя карликом-кретином. Следовало бы догадаться, что имя Властелина пытались найти и раньше. И я сдуру отдал слабое наше преимущество. Вот вам и дух сотрудничества.

Вскоре прибыл один из новых Взятых — я их вечно путаю, они все на одно лицо — и передал(а?) Госпоже резной сундучок. Открыв его, Госпожа улыбнулась:

— Бумаги не уцелели. Зато у нас есть это.

Она вытряхнула на стол несколько странных браслетов.

— Завтра отправляемся за Боманцем.

Все поняли. А мне пришлось спрашивать:

— Это что?

— Амулеты, сработанные для Вечной Стражи во времена Белой Розы. Чтобы стражники могли безбоязненно заходить в Курганье.

Понятия не имею, почему все так разболновались.

— Его жена, должно быть, унесла их. Хотя как они попали к ней в руки — загадка. А теперь разойдитесь. Мне

надо подумать.— Она выгнала нас, как крестьянка — цыплят.

Я вернулся к себе. За мной в комнату вплыл Хромой. Не сказав ни слова, он зарылся в бумаги. Я из любопытства заглянул ему через плечо. Он свел в список все найденные нами имена, теми письменами, которыми пользовались в соответствующих странах, и, кажется, играл одновременно с подстановочными шифрами и нумерологией. Я недоуменно покачал головой, лег, повернулся к нему спиной и прикинулся, что сплю.

Уснешь тут, как же, когда он рядом.

Глава 53 Воскрешение

Той ночью опять пошел снег. Настоящий, полфута за час, и никаких просветов. Меня-то и разбудил шум, поднятый разгребающими снег с ковров и дорожек стражниками.

Несмотря на Хромого, я все же задремал.

Миг ужаса. Я вскинулся — Взятый по-прежнему корпел над бумагами.

В бараке было жарко — тепло не уходило, потому что снега навалило едва ли не до крыши.

Несмотря на погоду, жизнь продолжалась. Пока я спал, прибыли несколько Взятых. Стражники не только копали, но и чем-то еще занимались.

За скучным завтраком ко мне подсел Одноглазый.

— Так она собирается идти туда,— проговорил я.— Несмотря на погоду.

— Погода лучше не станет, Костоправ. Тот парень знает, что тут творится.

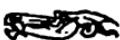
Колдун был мрачен.

— В чем дело?

— Я умею считать, Костоправ. Чего ты хочешь от человека, которому осталась неделя жизни?

У меня засосало под ложечкой. Да. Я старался гнать от себя подобные мысли, но...

— Мы уже бывали в безвыходных положениях. Лестница Слез. Арча. Берилл. Мы выкручивались.

- Я это себе сам повторяю.
- Как Душечка?
- Беспокоится. А ты что думал? Она же как мошка между молотом и наковальней.
- Госпожа о ней и забыла.
Он фыркнул.
- Не позволяй ее милостям разъесть твой здравый смысл, Костоправ.
- Хороший совет,— признал я.— Но ненужный. Даже сокол не присматривал бы за ней так, как я.
- Тоже пойдешь?
- Чтобы я да пропустил? Не знаешь, где тут можно снегоступы достать?
- Одноглазый ухмыльнулся. На мгновение в нем проснулся прежний бес.
- Некоторые — не стану называть имен, всякое бывает — этой ночью сперли со складов Стражи поддюжину пар. Часовые заснули, сам понимаешь.
- Я подмигнул и ухмыльнулся в ответ. Так, значит. Я не мог приглядывать за ними постоянно, но времени они не теряли.
- Парочку мы Душечке отнесли, так, на всякий случай. Осталось четыре пары. И ма-аленький такой планчик.
- Да?
- Да. Увидишь. Блистательный, если можно выразиться.
- Где снегоступы? Куда вы собирались?
- Встретимся в коптильне, как только Взятые взлетят.
- Заглянули перекусить несколько стражников, усталые и злые. Одноглазый ушел, оставив меня в глубоком раздумье. Что они там замышляют?
- Самые тщательно разработанные планы... ну, вы знаете. В столовую вступила Госпожа.
- Бери тулуп и варежки, Костоправ. Время.
У меня отпала челюсть.
- Ты идешь или нет?
- Но...— Я судорожно поискал оправданий.— Если я полечу, кому-то не хватит ковра.
- Госпожа как-то странно на меня посмотрела.

— Хромой остается. Пошли. Одеться не забудь.

Я не забыл, как меня ни огорошило. По пути на улицу я наткнулся на Гоблина; обалдело помотал головой, чтобы тот заметил.

Как только мы взлетели, Госпожа протянула мне что-то.

— Что это?

— Лучше надень. Если не хочешь без защиты отправиться в Курганье.

— О!

Не слишком внушительно. Дешевка, жад и яшма на ломком кожаном шнурке. Но, застегнув пряжку на запястье, я ощутил силу амулета.

Мы пролетали над самыми крышами — единственными нашими ориентирами. За городской чертой не было и их. Но у Госпожи были и другие способы.

Мы описали круг над границей Курганья, у реки снизились. Вода текла в ядре под нами.

— Льда много,— заметил я неуверенно.

Госпожа не ответила. Она изучала берег. Река уже вълась в Курганье. Вот рухнул сырой обрывчик, обнажив дюжину скелетов. Я поморщился. Через минуту скелеты прикрыли снег или унесла вода.

— Аккурат по расписанию,— произнес я.

— М-м-м.— Госпожа направила ковер по окружности курганов. Пару раз мне удавалось заметить другие ковры. Потом что-то внизу привлекло мое внимание.

— Внизу!

— Что?

— Показалось, следы.

— Возможно. Пес Жабодав близко.

О боги...

— Время,— бросила Госпожа, и мы повернули к Великому кургану.

Высадились мы у подножия кургана — сначала Госпожа, за ней я. Вокруг опускались другие ковры. Вскоре рядом стояли четверо Взятых, Госпожа и старый перепуганный лекарь — стояли в нескольких шагах от ужаса мира.

Один из Взятых привез лопаты. Полетел снег. Мы копали по очереди, не исключая никого. Собачья работа. Когда

мы добрались до засыпанного снегом кустарника, стало еще хуже. А когда пошла мерзлая земля — совсем паршиво. Копать приходилось осторожно. Госпожа сказала, что Боманица едва засыпало землей.

Казалось, это длится вечно. Копай, и копай, и копай. Но мы нашли сморщенное человекоподобное нечто, и Госпожа заверила меня, что это Боманица.

В последнюю мою очередь лопата наткнулась на что-то твердое. Я нагнулся посмотреть, думая, что это камень, отмел мерзлую землю...

И с воплем вылетел из ямы, тыча в нее пальцем. Госпожа спустилась туда. Вверх взмыл ее смех.

— Костоправ нашел дракона. По крайней мере, его челюсть.

Я продолжал пятиться к нашему ковру...

Там громоздилось что-то огромное, басовито рычащее. Я метнулся в сторону, утонул в снегу. Посыпались крики, рев... Когда я вылез, все уже кончилось. Израненный пес Жабодав умчался.

Госпожа и Взятые ждали его.

— Почему меня никто не предупредил? — проныл я.

— Он мог тебя прочесть. Жаль, что мы не сильно его задели.

Двое Взятых, наверное мужского пола, подхватили Боманица. Тот был тверд как статуя, но что-то в нем ощущал даже я — не то искру, не то что-то иное. За мертвого его никто бы не принял.

Колдуна погрузили на ковер.

Гнев внутри кургана был едва ощутимым, как жужжание мухи в другом углу комнаты. Теперь он обрушился на нас, как молот безумия. Один удар. Ни капли страха не было в нем. Полная уверенность в конечной победе. Мы были для него лишь надоедливой помехой.

Взмыл ковер с телом Боманица. Потом еще один. Я устроился на своем месте и принял молиться, чтобы мы поскорее взлетели.

Со стороны города донеслись рычание и вопли. Сквозь стену снегопада пробилась вспышка света.

— Так я и знал,— проворчал я. Один из моих страхов претворился в жизнь — пес Жабодав нашел-таки Гоблина и Одноглазого.

Поднялся еще один ковер. Госпожа заняла свое место, закрыла купол.

— Глупцы,— сказала она.— Что они там делали?
Я промолчал.

Она не заметила. Все ее внимание поглощал непокорный ковер. Что-то тянуло нас к Великому кургану. Но я видел. На уровне глаз промелькнуло уродливое лицо Следопыта. Он нес сына Дерева.

Потом появился пес Жабодав. Он шел по пятам Следопыта. Ему снесло полморды и ногу, но оставшегося хватило бы, чтобы разодрать Следопыта в клочья.

Пса Жабодава Госпожа заметила. Она развернула ковер и одно за другим выпустила восемь тридцатифутовых копий. Она не промахнулась. И все же...

Волоча за собой копья, окутанный пламенем пес Жабодав нырнул в Великую Скорбную реку. Нырнул и больше не вспыпал.

— Это его на какое-то время займет.

В каких-то двадцати шагах, не обращая ни на что внимания, Следопыт расчищал верхушку Великого кургана, чтобы посадить деревце.

— Идиоты,— пробормотала Госпожа.— Я окружена идиотами. Даже Дерево это дебильное.

Объяснять она не стала. Вмешиваться — тоже.

По пути домой я высматривал следы Гоблина и Одноглазого. Ничего не нашел. В казармах их не было. Само собой. Не успели бы они вернуться на снегоступах. Но когда колдуны не вернулись и часом позже, я уже с трудом мог сосредоточиться на оживлении Боманца.

Процесс начался горячими ваннами — чтобы прогреть и очистить его плоть. Предварительных этапов я не видел — Госпожа держала меня при себе и не заглядывала туда, пока Взятые не объявили, что все готово к заключительному пробуждению. Оказалось совсем не впечатляюще. Госпожа сделала над Боманцем — изрядно побитым молью — несколько пассов и произнесла пару слов на непонятном мне языке.

Почему это колдуны всегда используют непонятные языки? Даже Гоблин с Одноглазым. Оба признавались мне, что не понимают наречия, употребляемого соперником. Может, они их придумывают?

Но ее заклинание сработало. Странная развалина вернулась к жизни и с мрачным упорством попыталась продвинуться вперед, будто сражаясь с жестоким ветром. Он прошел три шага, прежде чем понял, что ветра нет.

Он замер. Медленно обернулся — на лице его отразилось отчаяние. Взгляд его уперся в Госпожу. Прошла пара минут, прежде чем он осмотрел вначале всех нас, а потом комнату.

— Объясняй, Костоправ.

— А он говорит...

— Форсбергский не изменился.

Я повернулся к Боманцу — к ожившей легенде.

— Меня зовут Костоправ. Род занятий — армейский лекарь. Ты — Боманц...

— Его зовут Сет Мел, Костоправ. Давай установим это сразу.

— Ты — Боманц, чье истинное имя, возможно, Сет Мел, колдун из Весла. С тех пор как ты попытался связаться с Госпожой, прошло почти сто лет.

— Расскажи ему все. — Госпожа пользовалась диалектом Самоцветных городов, вряд ли знакомым Боманцу.

Я говорил, пока не охрип. О взлете империи Госпожи. Об угрозе поражения и победе при Чарах. Об угрозе поражения и победе при Арче. И об угрозе нынешней. Колдун за все это время не промолвил ни словечка. Порой в нем проглядывал описанный в рассказе толстый, почти раболепствующий лавочник.

Первыми его словами были:

— Значит, я не совсем потерпел неудачу. — Он повернулся к Госпоже: — И тебя оскверняет свет, не-Ардат. — И снова повернувшись ко мне: — Отведешь меня к вашей Белой Розе. Когда я поем.

Госпожа ни единым словом не одернула его.

Ел он как толстый мелкий лавочник.

Госпожа лично помогла мне натянуть мокрый тулул.

— И не мешкай,— предостерегла она.

Стоило нам выйти за порог, как Боманц словно бы сжался.

— Я слишком стар,— произнес он.— Не позволяй моим выходкам обмануть тебя. Когда играешь с теми, кто сильнее тебя, приходится прикидываться. Что мне еще осталось? Сто лет... и меньше недели, чтобы обелить себя. Как мне успеть что-то сделать? Единственное знакомое лицо — это Госпожа.

— Почему ты думал, что ее имя Ардат? Почему не другая из сестер?

— А их было несколько?

— Четыре.— Я перечислил.— По твоим бумагам мы установили, что Доротея — это Душелов...

— Моим бумагам?

— Так называемым. Они посвящены большей частью тому, как ты пробудил Госпожу. До последних дней предполагалось, что собрал их ты, а твоя жена унесла их из города, думая, что ты погиб.

— Надо будет разобраться. Не собирал я никаких бумаг. И не писал. У меня не было ничего, кроме карты Курганья.

— Карту я хорошо помню.

— Я должен увидеть эти бумаги. Но сначала — Белую Розу. Расскажи мне о Госпоже.

Мне трудно было следить за его мыслями — слишком они петляли, расплескивая идеи.

— А что о Госпоже?

— Между вами заметно напряжение. Враги — и одновременно друзья. Или любовники, и одновременно враги? В общем, противники, хорошо знающие друг друга и глубоко уважающие. Если ты уважаешь ее, тому есть причина. Истинное зло уважать невозможно. Оно и само себя-то не уважает.

О-х. А он прав. Я действительно уважаю ее. Так что я рассказал ему кое-что. Не сразу заметив, что тема у меня была одна — что Госпожа осквернена светом.

— Она очень пытается быть злодейкой. Но в столкновении с истинной тьмой — той, что под курганом, — проявляется ее слабость.

— Нам почти так же нелегко погасить в себе свет, как победить тьму. Властелин рождается раз в сто поколений. Прочие же, вроде Взятых, — только подделки.

— Ты сможешь выстоять против Госпожи?

— Вряд ли. Подозреваю, что мне уготовано стать одним из Взятых, когда она выкроит время. — Старик, как кот, всегда приземлялся на ноги. — Боги! — Он споткнулся. — Однако она сильна!

— Кто?

— Твоя Душечка. Невероятное поглощение. Я беспомощен как младенец.

В «Синелох» мы забирались через окно второго этажа — столько насыпало снега.

Одноглазый, Гоблин и Молчун сидели с Душечкой в общем зале. Неразлучную парочку изрядно потрепало.

— Ну-ну, — заметил я. — Выбрались, значит. А я думал, пес Жабодав вами закусит.

— Никаких сложностей, — отмахнулся Одноглазый. — Мы...

— Что значит «мы»? — возмутился Гоблин. — С тебя толку было как от кабаньих сосков. Молчун...

— Заткнись. Это Боманц. Он хочет поговорить с Душечкой.

— Тот Боманц? — пискнул Гоблин.

— Тот самый.

Весь разговор уложился в три вопроса. Вела разговор Душечка, а как только колдун это понял, он тихонько свернулся беседу.

— Следующий шаг, — сказал он мне. — Я должен прощать якобы автобиографию.

— Так ее писал не ты?

— Нет. Если только память мне совсем не отказывает.

В бараки мы возвращались в молчании. Боманц пребывал в задумчивости. После первой встречи с Душечкой это в порядке вещей. Это для нас, тех, кто с самого начала ее знал, она Душечка.

Боманц прорвался сквозь манускрипт, по временам уточняя перевод некоторых абзацев. Он не знал ючителле.

— Так это не твоих рук дело?

— Нет. Но главным рассказчиком послужила моя жена. Вопрос. Выследили ли девчонку, Проныру?

— Нет.

— А надо бы. Она единственная из оставшихся в живых, кто имеет значение.

— Я передам Госпоже. Но сейчас не время. Через пару дней тут будет сущий ад.

Интересно, посадил ли Следопыт свой саженец? Хотя что толку, если Великая Скорбная смоет курган. Храбро, Следопыт, но очень глупо.

Однако последствия его усилий проявились очень быстро.

— Ты обратил внимание на погоду? — спросила Госпожа, когда я явился передать ей слова Боманца относительно Проныры.

— Нет.

— Улучшается. Саженец ослабил способность моего мужа влиять на климат. Слишком поздно, конечно. Вода не спадет и через несколько месяцев.

Она выглядела подавленной. Когда я сообщил ей, чего хочет Боманцу, она только кивнула.

— Так плохо? Или мы потерпели поражение, еще не вступив в бой?

— Нет. Но цена победы все растет. Я не хочу платить так дорого. И не знаю, смогу ли.

Я стоял, немного ошарашенный, и ожидал разъяснений. Которых не последовало.

— Сядь, Костоправ, — произнесла она чуть погодя.

Я опустился в указанное ею кресло, у гудящего камина, куда верный Кожух постоянно подбрасывал дрова. Потом она отослала Кожуха. И все молчала.

— Время затягивает петлю, — прошептала она лишь раз. — И я боюсь растянуть ее.

Глава 54 Домашний вечер

Дни шли. Никто не добился хоть мало-мальски заметного успеха. Госпожа свернула все исследования, часто совещаясь со Взятыми. Меня на совещания не приглашали.

Как и Боманца. Хромой участвовал в них только если его приказом выгоняли из моей комнаты.

Я оставил надежду заснуть у себя и переехал к Гоблину с Одноглазым. Это показывает, насколько пугало меня присутствие Взятого — жить с этой парочкой все равно, что обитать посреди небольшого мятежа.

Состояние Ворона по-прежнему не менялось, и о нем позабыли все, кроме верного Кожуха. Иногда еще по Душечкиному поручению заглядывал Молчун, но без особого энтузиазма.

Только в те дни я понял, что Молчун испытывал к Душечке не только верность и преданность, но и умел выражать свои чувства. Молчание его обуславливало не только клятва.

Я так и не узнал, кто из сестер были двойняшки. Слепопыт, как я и предполагал, ничего не обнаружил в генеалогиях. Колдуны так старательно заметают свои следы, что удивительно, как он вообще что-то обнаружил.

Гоблин с Одноглазым пытались его загипнотизировать в надежде докопаться до самых старых его воспоминаний. Все равно что гоняться за привидениями в тумане.

Взятые попытались усмирить Великую Скорбную. Вдоль западного берега начал громоздиться лед, отворачивая течение в сторону. Но колдуны переборщили, и образовался затор, грозивший поднять уровень воды. Два дня попыток дали нам от силы часов десять форы.

Порой вокруг Курганья появлялись гигантские следы, скоро исчезавшие под снегом. Небо расчистилось, но воздух становился все холоднее. Усилиями Взятых снег не таял и не покрывался настом. Восточный ветер постоянно шевелил сугробы.

— Госпожа желает вас видеть, сударь, — сообщил мне пробегавший Кожух. — Немедленно.

Я оторвался от тонка на троих — то есть с Гоблином и Одноглазым. Это помогало убить лениво ползущее время. А что нам еще оставалось?

— И будьте осторожны, сударь, — предупредил Кожух, когда мы отошли достаточно далеко.

— Кхм?

— У нее дурное настроение.

— Спасибо.

Я сбавил шаг. У меня самого на душе кошки скребли. Не хватало еще мне чужих горестей.

В комнатах Госпожи сменили обстановку. Принесли ковры, завесили гобеленами стены. Близ уютно потрескивавшего камина стоял диванчик. Точно рассчитанная атмосфера. Дом, каким он нам мнится, а не какой он есть на деле.

Госпожа сидела на диване.

— Присаживайся, — произнесла она, даже не глянув, кто пришел.

Я начал опускаться на стул.

— Нет. Здесь, со мной.

Я пристроился на краешке дивана.

— Что случилось?

Взгляд ее сосредоточился на чем-то невообразимо далеком. На лице отражалась боль.

— Я решила.

— И?

Я нервно поежился, не совсем понимая, что она имеет в виду, чувствуя, что мне здесь не место.

— Выбор невелик. Я могу сдаться и стать одной из Взятых.

Наказание менее жестокое, чем я ожидал.

— Или?

— Или вступить в бой, который невозможно выиграть.

— Если не можешь победить, зачем драться?

Никому из своих я не задал бы такого вопроса. Как ответили бы наши, я и так знаю.

Но она не из наших.

— Потому что я могу повлиять на исход боя. Я не могу победить. Но могу решить, кому достанется победа.

— Или хотя бы не дать победы ему?

Медленный кивок.

Я начал понимать причину ее мук. Я видел такие лица на поле боя, у тех, кто идет на смерть, чтобы помочь выжить другим.

Пыталась скрыть свои чувства, я сполз с диванчика и бросил в огонь три полешка. Если бы не наша грызущая тоска, в комнате было бы уютно, в хрустком тепле и пляшущем свете огня.

Мы посидели немного. Я нутром чуял, что болтать не стоит.

— Начнем с рассветом,— проговорила Госпожа наконец.

— Что?

— Последний бой. Смейся, Костоправ. Я попытаюсь убить тень. И не надеюсь выжить.

Смеяться? Никогда. Восхищаться. Уважать. Враг мой, неспособный погасить в себе последнюю искру света и умереть иначе.

Все это время она сидела очень прямо, сложив руки на коленях, глядя в огонь, словно надеялась узреть в нем разгадку некоей тайны. Теперь она задрожала.

Женщина, испытывавшая перед смертью такой невыносимый ужас, предпочла смерть капитуляции.

Как это повлияло на мою уверенность? Плохо. Паршиво. Если бы я получил то же прозрение, что и она, мне было бы легче. Но об этом Госпожа не рассказывала.

— Костоправ,— попросила она очень-очень тихо, почти робко,— обними меня.

Что-о-?

Нет, этого я не сказал, но определенно подумал.

Ничего я не сказал. Просто сделал как просили, неуклюже и неуверенно.

Госпожа расплакалась у меня на плече, тихо, почти неслышно, как пойманный крольчонок.

Прошло немало времени, прежде чем она заговорила вновь. Я сидел очень тихо.

— Никто не обнимал меня так с детства. Моя няня... Снова долгое молчание.

— У меня никогда не было друзей.

Снова долгая пауза.

— Мне страшно, Костоправ. И одиноко.

— Нет. Мы все с тобой.

— Но не все по одной причине.

Она замолчала совсем. Я долго держал ее в объятиях. Поленья в камине прогорели, свет померк. За окнами завыл ветер.

Когда я, решив, что она наконец заснула, попытался отпустить ее, Госпожа только вцепилась в меня еще крепче. Я замер, продолжая обнимать ее и стараясь не обращать внимания на боль во всем теле.

В конце концов она все же отстранилась от меня, встала, вновь разожгла камин. Я сидел. Она постояла немного за моей спиной, глядя на огонь, потом положила мне руку на плечо и отрешенно пробормотала:

— Доброй ночи.

Госпожа вышла в соседнюю комнату. А я еще минут десять-пятнадцать посидел, прежде чем кинуть в огонь последнее полено и вернуться в реальный мир.

Наверное, у меня было очень странное выражение лица, потому что ни Гоблин, ни Одноглазый ко мне не приставали. Я залез в спальный мешок, повернулся к ним спиной и долго еще ворочался, прежде чем заснуть.

Глава 55 Первый раунд

Проснулся я как от толчка. Безмагия! Я так давно не заходил в нее, что ее присутствие меня тревожило. Я поспешил свернуть мешок, обнаружил, что в комнате один. Потом оказалось, что не только в комнате. Барак почти опустел. Только несколько стражников сидели в общем зале.

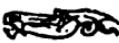
Солнце еще не встало.

Ветер еще завывал за стенами. Несмотря на бушевавшее в печах пламя, в воздухе попахивало морозом. Я глотал овсянку и раздумывал, что же я успел пропустить.

Я уже покончил с завтраком, когда явилась Госпожа.

— А вот и ты. Я уж думала, что придется отправляться без тебя.

Что бы там ни случилось прошлой ночью, сейчас Госпожа выглядела уверенной, сильной, готовой ко всему.

Пока я натягивал тулуп, безмагия склынула. У дверей своей комнаты я задержался. Хромой был там. Я задумчиво нахмурился.

На борт ковра. Сегодня каждый ковер был полностью оснащен, и экипажи набраны. Но меня больше заинтересовало полное отсутствие снега между городом и Курганьем. Воющий ветер унес его.

Мы взлетели, как только достаточно рассвело. Госпожа поднимала ковер, пока Курганье не начало походить на карту, проявляющуюся по мере того, как отступали сумерки. Мы облетали могильники кругом. Ветер, как я заметил, стих.

Великий курган готов был обрушиться в реку.

— Сто часов, — произнесла Госпожа, точно читая мои мысли.

Вот как. Теперь мы считаем часы.

Я провел взглядом по горизонту. Вот там.

— Комета.

— С земли ее не видно. Но ночью... придется нагнать облаков.

Внизу крохотные фигурки копошились на части расчищенного участка. Госпожа развернула копию с карты Боманица.

— Ворон, — напомнил я.

— Сегодня. Если повезет.

— Что они там делают?

— Обследуют.

И не только. На Курганье другой наступали стражники в полных доспехах. За ними двигались легкие осадные машины. Но некоторые и впрямь что-то обследовали, оставляя за собой вонзенные в землю копья. На копьях развевались разноцветные вымпелы. Я не стал просить объяснений. Все равно бы не получил.

На востоке, за рекой, парили летучие киты, с дюжину. Я-то думал, что они давно улетели.

Небо за ними полыхало зарей.

— Первая проверка, — сказала Госпожа. — Мелкая тварь.

Она сосредоточенно нахмурилась, и наш ковер начал светиться.

Из города выехала белая всадница на белом коне. Душечка. В сопровождении Молчуна и Лейтенанта. Душечка въехала в проход, отмеченный вымпелами. У последнего копья она остановилась.

Лопнула земля. На свет божий вырвалась тварь явно из числа родственников осьминога с одной стороны и пса Жабодава с другой. Тварь промчалась по Курганью к реке, подальше от безмагии.

Душечка поскакала к городу.

Ковры плеснули колдовской злобой. Через секунду от твари только пепел остался.

— Один есть,— заметила Госпожа.

Внизу разведчики начали устанавливать следующий проход из вымпелов.

Так длилось весь день, медленно и неотвратимо. Большая часть тварей Властелина прорывалась к реке. Те немногие, что кидались в противоположную сторону, наталкивались на стену стрел, прежде чем сгинуть от рук Взятых.

— Хватит ли времени уничтожить всех? — спросил я, когда солнце уже садилось.

От сидения на одном месте у меня уже все тело затекло.

— С избыгком. Но не все будет так просто.

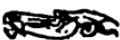
Я попросил разъяснений, но больше Госпожа ничего не сказала.

Мне все казалось не слишком сложным. Уделать монстров по одному, а когда кончатся, взяться за главного злодея. Как он ни силен, но что он сможет сделать в безмагии?

Проковыляв по бараку в свою комнату, я обнаружил, что Хромой еще корчит над бумагами. Взятым требуется меньше отдыха, чем смертным, но он скоро рухнет. Какого беса он там копается?

И еще Боманц. Которого сегодня ни слуху ни духу. Этот-то что пытается провернуть втихаря?

Я уминал ужин, ничем не отличающийся от завтрака, когда рядом возник Молчун и устроился напротив меня, сжимая миску с овсянкой, точно нищий — шапку. Он был бледен.

— Как Душечка? — спросил я.

— Ей почти понравилось,— показал он.— Рисковала без нужды. Одна из тварей едва не добралась до нее. Пока тварь отгоняли, ранили Масло.

— Ему нужна моя помощь?

— Одноглазый справился.

— А ты что тут делаешь?

— Этой ночью возвращаем Ворона.

— Ох.

Я снова забыл про Ворона. Как я только могу считать себя его другом, проявляя к его судьбе такое безразличие?

Молчун проводил меня до комнаты, где я поселился с Гоблином и Одноглазым. Те вскоре подошли. Вид у обоих был мрачный. В воскрешении нашего старого друга им отводились главные роли.

Молчун беспокоил меня больше. Его осенила тень. Он боролся с ней. Но хватит ли у него сил победить?

Часть его души не желала возвращения Ворона.

Как и часть моей.

Ко мне заглянула очень усталая Госпожа:

— Ты примешь участие?

Я покачал головой:

— Только под ногами буду путаться. Лучше поднимите меня, когда все кончится.

Госпожа сурово глянула на меня, потом пожала плечами и ушла.

Поздно вечером меня разбудил Одноглазый. Он еле стоял на ногах. Я подскочил на кровати.

— Ну?

— Мы справились. Не знаю, насколько удачно. Но он вернулся.

— Как все прошло?

— Тяжело.

Он заполз в спальный мешок. Гоблин уже храпел в своем. Пришедший с ними Молчун сидел у стены, завернувшись в одолженное одеяло, и издавал лесопильные звуки. К тому времени, как я проснулся окончательно, Одноглазый дрыхнул вместе с остальными.

В комнате Ворона не было никого, кроме храпящего Ворона и взволнованного Кожуха. От толпы колдунов осталась только вонь.

— Он в порядке? — спросил я.

— Я же не лекарь. — Кожух покал плечами.

— Зато я лекарь. Дай осмотреть его.

Пульс достаточно сильный. Дыхание слишком частое для спящего, но не настолько, чтобы беспокоиться по этому поводу. Зрачки расширены. Мышцы в тонусе. Кожа влажная.

— Особых поводов нервничать не вижу. Продолжай кормить его бульоном. Как только заговорит, немедля зови меня. Вставать не позволяй. У него мышцы как глина, упадет еще ненароком.

Кожух послушно кивал.

Я вернулся в свою кровать, долго лежал, волнуясь по-переменно о Вороне и о Хромом. В моей бывшей комнате все еще горела лампа. Последний из прежних Взятых продолжал свои маниакальные поиски.

Но больше я беспокоился о Вороне. Тот потребует от нас отчета, как мы заботились о Душечке. А я был настроен оспорить его право на это.

Глава 56 Время истекает

Когда хочешь, чтобы ночь длилась вечно, заря наступает на глазах. Когда хочешь, чтобы часы тянулись, они летят. Следующий день — опять истребление чудовищ. Только одно было необычно — Хромой вышел посмотреть. Кажется, наши успехи его удовлетворили. Он вернулся в мою комнату и задрых — на моей постели, к слову.

Состояние Ворона не менялось. Когда я вечером пришел его проводить, Кожух сообщил, что его подопечный несколько раз был на грани пробуждения и бормотал во сне.

— Продолжай накачивать его похлебкой, — посоветовал я. — Если я понадоблюсь — кричи, не бойся.

Заснуть я не мог. Пытался бродить по баракам, но там царила тишина. В общем зале маялись бессонницей несколько стражников, но при моем приближении замолкли. Я подумал было, а не пойти ли мне в «Синелож», но я знал, что лучшего приема не дождусь и там. Я уже мечтанный.

И будет только хуже.

Я понимал, что Госпожа подразумевала под словом «одиночество».

Если бы только у меня хватило храбрости прийти к ней, когда мне требовалось дружеское объятие.

Но я вернулся в постель.

И заснул; да так, что на следующее утро меня подняли только под угрозой физической расправы.

К полудню мы разделились с последними из зверюшек Властелина. Госпожа объявила отдых до вечера. На следующее утро нам предстояла репетиция главного представления. По оценке Госпожи, река вскроет Великий курган через сорок восемь часов. Времени хватает, чтобы отдохнуть, попрактиковаться и нанести упреждающий удар.

После обеда Хромой выбрался на улицу полетать. Он был в отменном настроении. Я воспользовался случаем посетить свою комнату и поискать улик, но обнаружил только пару стружек эбенового дерева и намек на серебряную пыль — и того, и другого едва хватало, чтобы я вообще что-то заметил. Хромой убирался очень поспешно. Я ничего не трогал — мало ли что случится — и больше ничего не выяснил.

Репетиция сражения проходила в весьма напряженной обстановке. Явились все, даже Хромой и Боманц, который держался так незаметно, что про него все забыли. Над рекой висели летучие киты, вокруг них кружили и парили манты. Душечка ринулась на Великий курган по заранее подготовленному проходу, остановилась на самой границе безопасной зоны. Взятые и стражники держали оружие на изготовку.

Выглядело все превосходно. Должно сработать. Так почему мне кажется, что нас ждут серьезные неприятности?

Стоило нашему ковру коснуться земли, как подскочил Кожух.

— Мне нужна ваша помощь,— выдохнул он мне, не обращая внимания на Госпожу.— Он меня не слушает. Пытается встать. Уже два раза падал.

Я покосился на Госпожу. Та кивнула — иди, мол.

Когда я вошел в комнату, Ворон сидел на краешке кровати.

— Я слыхал, ты парню житья не даешь. Какого беса мы тащили твою задницу из Курганья, если ты вознамерился с собой покончить?

Голова Ворона медленно повернулась ко мне, но он меня не узнавал. «Ох, черт,— подумал я.— Он лишился рассудка».

— Он говорил, Кожух?

— Немного. И не всегда разумно. По-моему, он не понимает, сколько прошло времени.

— Может, стоит связать его?

— Нет.

Мы удивленно обернулись к Ворону. Теперь он узнал меня.

— Без веревок, Костоправ. Буду вести себя хорошо.— Он повалился на спину и улыбнулся.— Давно не виделись, Кожух!

— Расскажи ему все,— сказал я.— А я пока микстуру одну сварганю.

Я просто хотел убраться от Ворона подальше. После того как душа вернулась к нему, он стал выглядеть намного хуже. Как покойник. Слишком сильное напоминание о том, что я тоже смертен. Мне об этом и без того многое напоминало.

Я намешал две микстуры. Одна, чтобы у Ворона не тряслись руки. А вторая — чтобы вырубить его, если Кожух не справится сам.

Когда я возвратился, Ворон посмотрел на меня мрачновато. Не знаю, насколько далеко забрался в своем рассказе Кожух.

— Не выпендривайся,— бросил я.— Ты понятия не имеешь, что случилось после Арчи. Да и вообще со времен

битвы при Чарах. Твои выходки героя-одиночки никому не нужны. Пей. Это против дрожки.

Вторую микстуру я сунул Кожуху, шепотом объяснив, для чего.

— Это правда? — спросил Ворон едва слышно.— Душечка и Госпожа завтра выступят против Властелина? Вместе?

— Да. Победить или умереть. Всем.

— Я хочу...

— Лежать будешь. И ты, Кожух, не высывайся. Нечего отвлекать Душечку.

До сих пор я как-то ухитрялся не думать о безбожно запутанных последствиях завтрашнего боя. Теперь они навалились на меня разом. Властелином дело не ограничится. Если только мы не проиграем. А если падет он, в следующую минуту война с Госпожой разгорится с новой силой.

Я мучительно хотел поговорить с Душечкой, узнать, что она планирует. Но не осмеливался. Госпожа держала меня на коротком поводке. В любой момент она может допросить меня.

Одиночко. Как же одиноко.

Кожух продолжил рассказ. Потом заглянули Гоблин с Одноглазым и рассказали то же самое, но со своей точки зрения. Зашла даже Госпожа, поманила меня.

— Да? — спросил я.

— Пошли.

Я последовал за ней в ее комнаты.

Уже наступила ночь. Примерно через восемнадцать часов Великий курган откроется сам. Если мы последуем плану — раньше.

— Садись.

Я сел.

— У меня мысли сходятся в точку,— проговорил я.— Бабочки размером с лошадь. Ни о чем больше думать не могу.

— Знаю. Я думала отвлечься, говоря с тобой, но ты — больше, чем просто развлечение.

Ну, это отвлекло меня.

— Быть может, твои зелья...

Я покачал головой.

— Против страха у меня ничего специфического нет.

Я слышал, колдуны...

— Эти противоядия слишком дорого обходятся. Нам потребуются ясные головы. Не все пойдет так гладко, как на репетиции.

Я поднял бровь. Госпожа разъяснять не стала. Подозреваю, ожидала от своих союзников немало импровизаций.

Явились кухари, вкатили столик на колесиках с роскошным ужином. Последнее желание приговоренного?

— Я приказала подать на стол все лучшее,— пояснила Госпожа, когда толпа рассосалась.— И нам, и твоим друзьям в городе. И на завтрак — тоже.

Она казалась спокойной. Впрочем, она привычнее к рискованным схваткам...

Я фыркнул про себя. Не меня ли она просила обнять ее? Госпожа боится не меньше нашего.

Она заметила, но ничего не сказала — верный признак того, что она ушла в себя.

Ужин был чудесный только если учесть, из чего поварам приходилось готовить. А так ничего особенного. За столом мы не обменялись и словом. Я закончил первым и задумался, облокотившись на стол. Госпожа последовала моему примеру. Я заметил, что съела она очень мало. Через пару минут она поднялась и ушла в спальню, чтобы вернуться с тремя черными стрелами. На каждой — серебряные письмена телекурре. Я уже видел такие стрелы. Душелов дала одну из них Ворону, когда мы ждали в засаде Хромого и Шепот.

— Стреляй из моего лука,— приказала Госпожа.— И держись рядом со мной.

Стрелы были одинаковые.

— Кого?..

— Моего супруга. Убить его им не под силу — на них нет его истинного имени. Но они его остановят.

— Ты думаешь, что план не сработает?

— Все возможно. Рассмотреть следует все возможности.— Наши взгляды встретились. Что-то было в ее... Она

отвернулась. — Лучше уходи. — сказала она. — Доброй ночи. Я хочу, чтобы завтра утром ты был в форме.

Я расхохотался:

— Как?

— Я обо всех позаботилась. Кроме дозорных, конечно.

— О...

Колдовство. Один из Взятых усыпит нас. Я встал, помешкал пару секунд, подкинул поленьев в огонь. Поблагодарил за ужин. Наконец выжал из себя то, что думал:

— Хочу пожелать тебе удачи. Но... не от всего сердца.

Госпожа слабо улыбнулась:

— Знаю.

Она проводила меня до дверей. Прежде чем выйти, я поддался импульсу, обернулся — она стояла за моей спиной, ожидая... Мы обнимались с полминуты.

Будь она проклята за свою человечность. Но мне тоже помогло.

Глава 57 Последний день

Нам разрешили выпасться, потом дали еще час — позавтракать, примириться с богами, или что там еще делают перед смертным боем. Великий курган должен был продержаться до полудня. Торопиться некуда.

Интересно, что там поделяет в земле эта тварь?

К бою протрубыли в восемь. Отсутствующих не было. Хромой порхал вокруг на своем коврике, причем путь его подозрительно часто пересекался с траекторией Шепот. О чем-то они там шептались. Боману держался в тени, пытаясь остаться незамеченным. Я не винил его. На его месте я бежал бы до самого Весла... На его месте? Да чем мое-то лучше?

Этот человек пал жертвой своей чести. Он верил, что должен отдать долг.

Забили барабаны — пора по местам. Я последовал за Госпожой, заметив по дороге, что последние гражданские уходят по дороге на Весло, прихватив все пожитки, какие можно унести на спине. На дороге, должно быть, сплош-

ное безумие творится. Многотысячные войска, призванные Госпожой, уже добрались, судя по донесениям, до Весла и двигались к нам. Они опаздывают. А остановить их никому не пришло в голову.

Круг внимания сузился. Внешний мир исчез. Глядя на гражданских, я задумался на мгновение, сколько трудностей придется преодолеть, чтобы сбежать отсюда. Задумалась ненадолго. После боя с Властелином беспокоиться будет уже не о чем.

Летучие киты заняли места над рекой. Манты рыскали в поисках восходящих воздушных потоков. Поднимались ковры Взятых. Но мои ноги сегодня остались на земле. Госпожа собиралась встретить своего супруга лицом к лицу.

Спасибо, подруга. А в ее тени притаился Костоправ с лучком и стрелочками.

Стражники уже были на позициях — за заграждениями, в окопах, у осадных машин. Вымпелы выются, направляя тщательно выверенную скачку Душечки. Напряжение нарастало.

Что еще можем мы сделать?

— Держись за мной, — напомнила Госпожа. — Стрелы пусть будут наготове.

— Так точно. Удачи. Если победим, угощаю тебя ужином в Садах Опала. — Не знаю, что меня дернуло это сказать. Судорожная попытка отвлечься? Несмотря на утренний холод, я взмок.

Госпожа сначала удивилась, потом улыбнулась:

— Если победим, я тебе об этом напомню.

Улыбка вышла вымученная. У нее не было причин полагать, что она переживает следующий час.

Госпожа шагнула к Великому кургану. А я, как верный пес, за ней.

Последняя искра света не угасла. Она не станет спасать себя, сдаваясь.

Боманц вначале обогнал нас, потом приотстал. Хромой — тоже.

В плане такие фортели не предусматривались.

Госпожа не обращала внимания. Я волей-неволей — тоже.

Ковры Взятых начали снижаться кругами. Летучие киты и манты искали ветер слишком нервно.

Край Курганья. Кожу под амулетом уже не покалывало. Все фетиши вокруг сердца Курганья сняты. Мертвые покоятся с миром.

Сырая земля хватала за башмаки. Я с трудом держал равновесие, приложившая стрелу на тетиву. Две оставшиеся я сжимал в той же руке.

Госпожа остановилась в нескольких футах от той ямы, откуда мы вытащили Боманца. Казалось, что окружающее совершенно не трогает ее, что она говорит с тварью из могилы. Обернувшись, я увидел, как Боманц остановился чуть севернее, в полусотне футов от меня. Руки он засунул в карманы, всем видом приглашая меня повозмущаться его присутствием. Хромой опустился на землю в том месте, где когда-то окружал Курганье ров,— он не хотел упасть, когда его захлестнет безмагия.

Я глянул на солнце. Около девяти. Три часа форы — если мы захотим ее использовать.

Сердце мое трепыхалось как бешеное. Руки тряслись так, что, казалось, сейчас загремят кости. Вряд ли я смог бы всадить стрелу в слона с пяти шагов.

И с чего мне такая удача — быть ее оруженосцем?

Я припомнил все свои грехи. Чем я заслужил это?
Столько раз я мог сделать иной выбор...

— ...Что?

— Готов? — переспросила она.

— Никогда.— Я выдавил блеклую улыбку.

Госпожа попыталась ответить тем же, но она была перепугана посильней моего. Она знала, против кого пошла. Она думала, что жить ей осталось несколько минут.

Сколько же отваги в этой женщине, чтобы идти вперед, когда невозможно выиграть ничего, кроме, может быть, искупления в глазах мира.

В мозгу моем мелькали имена. Сайлит. Вера. Кто? Через несколько мгновений это станет жизненно важным.

Я человек неверующий. Но я помолился про себя богам моей юности, чтобы не мне привелось завершать ритуал ее именования.

Госпожа повернулась к городу и подняла руку. Заныли трубы. Будто без них никто не заметит.

Рука опустилась.

Стук копыт. Душечка в белых одеждах проскакала меж-
ду рядами вымпелов, за ней следом Ильмо, Молчун и Лей-
тенант. Безмагия должна была накатиться неожиданно и
не отступать. Мы позволяли Властелину выбраться, но ли-
шали его сил.

Безмагию я ощутил. Я так отвык от нее, что она удари-
ла меня весьма ощутимо. Госпожа тоже пошатнулась, с губ
ее слетел крик страха. Она не желала расставаться с ору-
жием. Не сейчас. Но иного пути не было.

Земля мягко дрогнула, потом гейзером рванула вверх.
Я отшатнулся, с ужасом наблюдая за фонтаном грязи... и
очень удивился, узрев дракона вместо человека.

Проклятый дракон! Я про него и забыл совсем.

Голова змея колыхалась в пятидесяти футах над зем-
лей, в облаке пламени. Дракон взревел. И что теперь? В
безмагии Госпожа нас не прикроет.

Властелин окончательно вылетел у меня из головы.

Я натянул тетиву, прицелился в разверстую пасть змея...

Меня остановил чей-то голос. Я обернулся. Боманц при-
плясывал и кривлялся, выкрикивая оскорблений на телле-
курре. Дракон обозрел его с высоты. И вспомнил, что у
них осталось еще не оконченное дело.

Он ударил, подобно змее, и плюнул на нас пламенем.

Огонь окутал Боманца, не опаляя. Колдун стоял за гра-
ницией безмагии.

Госпожа сделала несколько шагов вправо, заглянула за
спину дракона. Передние лапы зверя уже выдирались из
земли и теперь рыли ее в попытках вытянуть из могилы
огромное тело. Нашей цели я не видел, но Взятые в возду-
хе вышли на траектории атаки. Сорвались с креплений
тяжелые огненосные копья, с ревом устремились вниз, взор-
вались.

— Направляется к реке, — возгласил громовой глас.

Госпожа кинулась вперед. Душечка двинулась вперед,
сдвигая безмагию к воде. Вокруг меня плясали и сквернос-
ловили призраки. Я не обращал внимания — не до них.

Манты стремительно пикировали парами, проскальзываю-
вая среди молний летучих китов. Воздух наполнился трес-
ком, запахом сухим и странным.

Откуда-то вынырнул Следопыт, бормоча, что надо спа-
сти Дерево.

Взревели рога. Я увернулся от дергающейся драконьей
лапы, проскочил под бьющим землю крылом, обернулся.

Из леса вырвались десятки одетых в рванье живых скелетов, следуя за хромым псом Жабодавом.

— Я знал, что этот ублюдок нам еще подгадит. — Я попытался привлечь внимание Госпожи. — Лесовики. Они напали на Стражу. — Властелин все-таки держал туза в рукаве.

Госпожа не слышала.

Схватка лесовиков и Стражки на нас пока не отражалась никак. Добыча пыталась ускользнуть, и мы не осмеливались оторваться от погони.

— В воде! — прогремел голос в небе.

Душечка продвинулась еще. Мы с Госпожой карабкались по содрогающейся от драконьих корч земле. Змей не замечал нас. Внимание его приковывал Боманц.

К земле спикировал летучий кит. Щупальца его пошарили в реке, схватили что-то; кит сбросил балластную воду.

В китовых щупальцах корчилась, визжа, человеческая фигурка. Настроение мое поднялось. Мы все же сделали это...

Кит поднялся слишком высоко. На мгновение его щупальца вынесли Властелина из безмании.

Смертельная ошибка.

Гром. Молнии. Ужас в перестуке копыт. Половина го-
рода и пустошь за границей безмании лопнули, разметались, вспыхнули и почернели.

Кит взорвался.

Властелин рухнул. И, падая в воду и безмагию, проревел:

— Сайлит! Я именую тебя!

Я выпустил стрелу.

В яблочко. Лучший выстрел навскидку, какой у меня получался. Стрела попала ему в бок. Властелин с воплем

схватился за древко. В этот миг он упал в воду. От молний мант вскипели воды Великой Скорбной. Еще один кит, снизившись, пошарил плавальцами по дну. На бесконечную секунду меня охватил ужас, что Властелин останется под водой и сбежит.

Но он показался снова, в китовых объятиях. Этот кит сделал ту же ошибку. И заплатил тем же, хотя магия Властелина сильно ослабела — от моей стрелы, вероятно. Он успел выпустить только одно заклятие, да и то пошло вкривь, спалив казармы Стражи. Стражники дрались с лесовиками в окрестностях казарм, и заклятие унесло десятки жизней с обеих сторон.

Второй стрелы я не выпустил. Я застыл. Я был совершенно уверен, что, если все ритуалы соблюдены, именование действует и в безмагии. Однако Госпожа даже не пошатнулась. Она стояла на берегу, глядя на тварь, бывшую ее супругом. Имя Сайлит не повредило ей ни в малейшей степени.

Не Сайлит! Властелин дважды ошибся, именуя ее... Осталась одна попытка. Но ухмылка моя вышла кривоватой. Я назвал бы ее Сайлит.

Третий кит схватил Властелина. Этот ошибки не сделал. Он вынес врага на берег, к Душечке и ее спутникам. Властелин яростно боролся. Боги! Что за силы в этом человеке!

За нашими спинами кричали люди и звенели мечи. Стражники поразились меньше, чем я. Они держали позиции. Взятые спешили им на выручку, поливая противника дождем губительных заклятий. Метили они в пса Жабодава.

Ильмо, Лейтенант и Молчун кинулись на Властелина в ту же секунду, когда летучий кит бросил его. Все равно что кидаться на тигра. Он отшвырнул Ильмо на три десятка футов. Я услыхал треск, когда он переломил Лейтенанту позвоночник. Молчун отскочил. Я всадил во Властелина вторую стрелу. Тот пошатнулся, но не упал, ошеломленно двигаясь к нам с Госпожой.

Следопыт остановил его на полдороге. Он бросил саженец и вцепился в восставшего из могилы, устроив матч

по борьбе, достойный войти в легенду. Оба орали, как проклятые души в аду.

Я хотел было кинуться на помощь Ильмо и Лейтенанту, но Госпожа движением руки приказала мне остаться. Взгляд ее шарил по полу. Она чего-то ждала.

Страшный вопль потряс землю. В небо рванулся ком маслянистого пламени. Дракон визжа стал корчиться, как полураздавленный червь. Боману куда-то пропал.

Смотреть надо было на Хромого. Каким-то образом он ухитрился подползти к нам незамеченным футов на десять. Я перепугался до того, что чуть не обгадился на месте. Хромой сбросил маску. Выжженная пустота его лица сияла злорадством. Ему казалось, что сейчас он расквитается со мной за все. Ноги мои подкосились.

Он поднял маленький арбалет, ухмыльнулся, потом прицелился — не в меня. Арбалетный дротик в точности походил на стрелы, данные мне Госпожой.

Это вывело меня наконец из транса. Я натянул тетиву.

— Вера, ритуал завершен! — взвизгнул Хромой. — Я именую тебя! — И он спустил крючок.

Я выпустил стрелу в тот же миг. Черт, ну не мог я наложить ее на тетиву быстрее! Острие вонзилось в черное сердце Хромого, и он упал. Но слишком поздно. Слишком поздно.

Госпожа закричала.

Ужас мой обратился в безрассудный гнев. Я кинулся на Хромого, бросив лук и схватившись за меч. Взятый даже не обернулся, чтобы встретить мою атаку. Он просто валялся, опершись на локоть, и пялился на Госпожу.

Я по-настоящему обезумел. Наверное, такое со всяким может случиться при определенных обстоятельствах. Но я уже много лет в армии. Я давно понял, что бешенство не продлевает жизнь.

Хромой лежал в безмагии. А значит, едва цеплялся за жизнь, едва мог существовать и был совершенно не способен защищаться. И он у меня расплатился за годы моего страха.

Первый удар наполовину рассек его шею. Я продолжал рубить, пока не оттяпал голову совсем, потом отрубал

конечности, кусками, пока не затупилась сталь и не отхлынула ярость. Начал возвращаться рассудок. Я кинулся посмотреть, что стало с Госпожой.

Она опустилась на колено, пытаясь вытащить стрелу Хромого. Я бросился к ней, отстранил ее руку.

— Нет. Позволь мне. Потом.

В этот раз я меньше удивился, что именование не сработало. Я убедился, что Госпожу ничто не берет.

Черт, ей давно пора было сдохнуть!

Меня начало неудержимо трясти.

Косившие лесовиков Взятые добились своего. Некоторые из дикарей уже бежали. Пса Жабодава окутывали разрушительные заклятия.

— Держись,— шептал я Госпоже.— Победа близко. Мы это сделаем.— Не знаю, верил ли я в это тогда, но именно это ей нужно было слышать.

Следопыт с Властелином продолжали кататься по земле, рыча и ругаясь. Вокруг них приплясывал вооруженный копьем Молчун, всаживая наконечник в тело врага, стоило появиться возможности. Ни одна тварь не сможет выносить это бесконечно. Душечка наблюдала, держась поблизости, но все же вне досягаемости Властелина.

Я побежал к остаткам Хромого, выдернул стрелу, которую всадил в него. Взятый злобно глянул на меня. Мозг его все еще жил. Я спихнул его голову в ров, оставленный выползшим драконом.

Змей прекратил биться. От Боманца — ни следа. Ни единого следа. Со второй попытки он нашел судьбу, которой так боялся. Он убил чудовище — изнутри.

Не надо думать, что Боманц не совершил ничего выдающегося, раз он держался в стороне от главной схватки. Думаю, Властелин ожидал, что дракон займет Госпожу и Душечку на те мгновения, что требовалось ему, чтобы вырваться за пределы безматии. Боманц отвел эту угрозу. С тем же упорством и достоинством, что и Госпожа, он встретил свою судьбу.

Я вернулся к Госпоже. Руки мои вновь обрели необходимую на поле боя твердость. Если бы со мной была моя сумка... Обойдусь и ножом. Я уложил ее на спину, начал

вытаскивать дротик. Пока я его не вытащу, тот будет грызть Госпожу изнутри. Несмотря на боль, моя пациентка выдавала благодарную улыбку.

Следопыта и Властелина окружила дюжина солдат с копьями. По-моему, не все из них смотрели, кого убивают.

С древним злом было почти покончено.

Я затампонировал и перевязал рану Госпожи обрывками ее собственной одежды.

— Сменю это, как только смогу, — пояснил я.

Лесовиков разбили наголову. Пес Жабодав утащился в холмы. Эту тварь убить не легче, чем ее хозяина. Вышедшие из боя стражники спешили к нам, неся дрова для погребального костра Властелина.

Глава 58

Финал

И тут я заметил Ворона.

— Клятый придурок.

Ковыляет, опираясь на Кожуха. С мечом наголо. И упертой мордой.

Плохо будет, точно. Не так уж у него ноги подкашиваются, как он изображал.

Не надо быть гением, чтобы сообразить, на кого он нацелился. Ворон по простоте душевной решил обелить себя в Душечкиных глазах, разделавшись с ее главным врагом.

Меня снова затрясло — и уже не от страха. Если кто-нибудь чего-нибудь не сделает прямо сейчас, разбираться со всем придется мне. Мне придется решать и действовать, а лучше от моих действий никому не станет.

Я попытался отвлечься, проверяя у Госпожи повязку.

На нас упала тень. Подняв глаза, я уперся взглядом в холодные зрачки Молчуна. И в чуть более снисходительное лицо Душечки. Молчун чуть покосился на Ворона. Им тоже придется разбираться.

Госпожа вцепилась в мою руку.

— Подними меня, — приказала она.

Я подчинился. Она была слаба, как молодое вино,— мне приходилось ее поддерживать.

— Еще не все,— втолковывала она Душечке, словно та могла ее слышать.— С ним еще не покончено.

У Властелина уже оттяпали ногу и руку, швырнули в костер. Следопыт держал его так, чтобы можно было добраться до шеи. Гоблин с Одноглазым ждали головы чуть поодаль, готовые чуть что дать деру. Часть стражников сажала сына Дерева. В небе парили летучие киты и манты. Все остальные вместе со Взятыми гнали по лесам пса Жабодава с его дикарями.

Ворон приближался. А я все не мог понять, что же мне делать.

Властелин, эта погань, был силен. Прежде чем его разделили на кусочки, он прикончил еще с дюжину человек. И даже тогда он не умер. Голова его жила, как голова Хромого.

Пришел час Гоблина и Одноглазого. Гоблин схватил еще живую голову, сел, зажав ее между коленями, и Одноглазый вбил Властелину в переносицу шестидюймовый серебряный шип. Прямо в мозг. Губы мертвца продолжали неслышно сипать проклятия.

Шип удержит черную его душу. А голова отправится в костер. Когда уймется пламя, шип найдут и вгонят в ствол сына Дерева. И еще один темный дух будет скован на миллион лет.

Стражники сволокли в костище и останки Хромого. Не нашли только головы. Ее засыпали обвалившимися стенами сырой траншеи, откуда восстал дракон.

Гоблин и Одноглазый подожгли костер.

Взметнулось пламя, будто радуясь порученному делу.

Стрела Хромого поразила Госпожу в четырех дюймах от сердца, между левой грудью и ключицей. Признаюсь, я горжусь тем, что извлек наконечник в такой жуткой обстановке, не лишив жизни пациентку. Но левую руку ей надо было обездвижить.

Теперь Госпожа подняла эту руку, потянулась к Душечке. Мы с Молчуном стояли мгновение недоуменно...

Госпожа притянула Душечку к себе. Она была так слаба, что, думаю, Душечка сама приблизилась к ней.

— Ритуал завершен,— прошептала она.— Я именую тебя, Тони Фиск.

Душечка беззвучно завизжала.

Безмагия заколебалась.

Лицо Молчуна почернело от видимой муки. Бесконечный миг он стоял, раздираемый обетом, любовью и ненавистью, и, быть может, высшим долгом. По щекам его потекли слезы. А потом исполнилось мое давнее желание, и я готов был расплакаться сам.

Молчун заговорил.

— Ритуал завершен.— Ему трудно было произносить слова.— Я именую тебя, Доротея Сенджак. Истинно имеющую тебя, Доротея Сенджак.

Мне показалось, что сейчас он упадет в обморок. Но этого не случилось.

Упала Госпожа.

Ворон приближался. Словно мало мне боли.

Мы с Молчуном смотрели друг на друга. Думаю, я выглядел не менее измученным, чем он. Потом он кивнул со слезами на глазах. Между нами был мир. Стоя на коленях, мы расплели тела наших женщиин. Я прощупал шею Душечки; Молчун нервно наблюдал.

— С ней все будет в порядке,— успокоил я его.

С Госпожой тоже, но ему это неинтересно.

Я до сих пор не знаю, чего обе женщины ожидали в тот момент. Сколько каждая из них отдала року. В ту минуту кончилась их власть над миром. Душечка лишилась безмагии. Госпожа лишилась волшебства. Онинейтрализовали друг друга.

До меня доносились вопли. Рушились наземь ковры. Всех этих Взятых Госпожа брала сама, и после случившегося на равнине она позаботилась о том, чтобы ее судьба стала их судьбой. Теперь они сгинули. Скоро к ним придет смерть.

На поле боя почти не осталось волшебства. Умирал Следопыт, забитый Властелином до смерти. Надеюсь, он ушел счастливым.

Но это был еще не конец. Нет. Оставался еще Ворон.

Когда ему осталось пройти еще полсотни футов, он пе-
честал цепляться за Кожуха и двинулся к нам, точно вог-
лощенное возмездие. Взгляд его не отрывался от Госпожи,
но по походке его видно было, что это представление, что
он сейчас будет совершать подвиг во имя Душечки.

Ну, Костоправ? Позволишь?

Рука Госпожи вздрогнула в моих ладонях. Пульс сла-
бый, но есть. Может быть...

Может быть, обойдется блефом.

Я подобрал свой лук и стрелу Хромого.

— Стой, Ворон.

Он не послушался. Наверное, не слышал. О чёрт! Если
он не... Все пойдет вразнос.

— Ворон! — Я натянул тетиву.

Он остановился. Воззрился на меня, точно пытаясь при-
помнить, кто я такой.

На поле боя воцарилась тишина. Все взгляды устреми-
лись на нас. Молчун опустил на землю Душечку, которую
нес в город, обнажил меч, держась между ней и источни-
ком угрозы. Почти забавно было наблюдать, как мы, точно
близнецы, защищали женщин, чьи сердца нам не завое-
вать.

Гоблин и Одноглазый осторожно двинулись к нам. Я
не знал, на чьей они стороне, но впутывать их не хотел в
любом случае. Это должна быть дуэль: Костоправ против
Ворона. Черт. Черт. Черт. Ну почему бы ему просто не
уйти?

— Все кончено, Ворон. Убийств больше не будет.—
Кажется, мой голос начал давать петуха.— Слышишь? Все
потеряно, и все выиграно.

Он смотрел не на меня — на Молчуна и Душечку. И
сделал шаг.

— Хочешь стать еще одним покойником? — Прокля-
тие, переблефовать Ворона еще никому не удавалось. Смо-
гу ли я? Придется.

Одноглазый благоразумно остановился в десяти футах
от нас.

— Что ты делаешь, Костоправ?

Меня трясло. Все тело, кроме рук, хотя плечи ныли от напряжения — так я натягивал тетиву.

— Что с Ильмо? — спросил я. Горло мое перехватило. — Что с Лейтенантом?

— Безнадежно, — ответил он то, что я и так чувствовал сердцем. — Оба мертвты. Отпусти лук.

— Не раньше чем он бросит меч. — Ильмо был моим лучшим другом столько лет, что и не сосчитать. Глаза мне застили слезы. — Они мертвты. Значит, я остаюсь командиром? Старший по званию из выживших, так? Мой первый приказ: мир! Немедля! Все это сделала она! Она отдала свою силу ради этого мира! И никто не посмеет ее коснуться. Пока я жив.

— Тогда мы это изменим, — проговорил Ворон. И двинулся вперед.

— Чертов упрямый осел! — взвизгнул Одноглазый, бросаясь к Ворону.

За моей спиной послышались шаги Гоблина. Слишком поздно. В Вороне было куда больше сил, чем можно было подозревать. И его подстегивало безумие.

— Нет! — заорал я. И спустил тетиву.

Стрела пронзила бедро Ворона. Ту самую ногу, на которую он якобы хромал. Он упал с изумленным видом. Меч его отлетел футов на восемь. Лежа в грязи, Ворон смотрел на меня, не в силах поверить, что я в кои-то веки не блефовал.

Мне и самому трудно было в это поверить.

Кожух завопил и попытался кинуться на меня. Я, не глядя, огrel его луком по голове. Мальчишка отбежал и захлопотал над Вороном.

Снова тишина и молчание. Все смотрели на меня. Я закинул лук за спину.

— Заштопай его, Одноглазый.

Я прохромал к Госпоже, опустился на колени, взял ее на руки — для владычицы мира она была страшно легкой и хрупкой — и последовал за Молчуном к городским руинам. Бараки еще горели. Странное зрелище мы представляли, с женщинами на руках.

— Вечером отрядный сбор, — рявкнул я оставшимся в живых братьям. — Явиться всем.

Я не поверил бы, что способен на такое, пока не сделал сам. Но янес Госпожу на руках до самого «Синелоха». И пока не опустил ее наземь, лодыжка меня не беспокоила.

Глава 59 Последнее голосование

Прихрамывая, я вошел в то, что осталось от общей залы «Синелоха», поддерживая плечом Госпожу и опираясь на лук. Лодыжка меня убивала. А я-то думал, что все давно зажило.

Госпожу я опустил в кресло. Она была слаба, бледна и, несмотря на все наши с Одноглазым усилия, с трудом держалась в сознании. Я твердо решил не выпускать ее из виду. Опасность не минула. У ее подчиненных больше не было причин с нами миндальничать. Да и сама Госпожа находилась в опасности — исходящей не столько с стороны Ворона или моих товарищей, сколько от нее самой. Она впала в глубочайшее отчаяние.

— Все пришли? — спросил я.

Присутствовали Молчун, Гоблин и Одноглазый. Бессмертный Масло, в очередной раз раненый после очередного боя, и его постоянный спутник Ведьмак. Мальчишка-знаменосец Мурген. Еще трое из Отряда. И, конечно, Душечка у Молчуна под боком. На Госпожу она старалась не смотреть.

Ворон с Кожухом высовывались из-за стойки — пришли без приглашения. Ворон оставался мрачен, но, кажется, взял себя в руки. Он не сводил взгляда с Душечки.

Душечка была страшна. Ее ударило сильнее, чем Госпожу. Но она победила. Ворона она игнорировала еще старателнее, чем свою противницу.

Между этой парой случилась стычка, и я кое-что подслушал — реплики Ворона. Душечка очень явно выразила свое недовольство неумением Ворона привязываться к людям. Она не выгнала его. И не изгнала из своего сердца. Но он не смог обелить себя в ее глазах.

Тогда Ворон сказал несколько гнусностей о Молчуне, хотя и дураку ясно, что Душечка испытывала к тому лишь дружеские чувства.

Вот тут она действительно взъярилась. Я не удержался, подглядел. Она долго и бурно разглагольствовала, что она, дескать, не приз в мужских играх и не принцесса из идиотских сказок, вокруг которой должны виться рыцари и совершать кретинские подвиги в ее честь.

Как и Госпожа, она слишком долго правила, чтобы стать теперь обычной женщиной. В глубине души она оставалась Белой Розой.

Так что Ворон себя чувствовал неуютно. Его не выставили впрямую, но намекнули, что для того, чтобы вернуть право голоса, придется потрудиться.

Первой задачей, которую поставила перед ним Душечка, было наладить отношения с его детьми.

Мне было почти жаль его. Он знал только одну роль — крутого парня. А теперь эту роль у него отняли.

— Это все, Костоправ,— прервал ход моих мыслей Одноглазый.— Все. Большие будут похороны.

Большие.

— Мне вести собрание, как старшему из оставшихся офицеров, или ты хочешь воспользоваться правом старшего брата?

— Давай ты.

Одноглазому хотелось тихо страдать.

Мне тоже. Но нас оставалось еще десять в окружении возможных врагов. Следовало принимать решения.

— Ладно. Это официальный сбор Черного Отряда, последнего из Свободных Отрядов Хатовара. Мы потеряли командира, и первое, что мы должны сделать,— избрать нового. Потом мы должны будем решить, что нам делать дальше. Кандидаты есть?

— Ты,— ответствовал Масло.

— Я лекарь.

— Ты последний настоящий офицер, что у нас остался. Ворон начал было подниматься со своего места.

— А ты сиди и молчи,— рявкнул я на него.— Тебя тут вообще нет. Ты дезертировал пятнадцать лет назад, забыл? Ладно, ребята, проехали. Кто еще?

Молчание. Доброволыев нет. И в глаза мне никто не смотрел. Все знали, что не хочу я в капитаны.

— Есть кто против Костоправа? — пропищал Гоблин.
Ни одного голоса. Как чудесно быть всеми любимым.
А меньшим из зол и вовсе замечательно.

Я хотел бы отказаться, но устав не предусматривал.

— Ладно. Следующий пункт повестки дня — как ноги унести. Мы в кotle, ребята. Стражка опомнится очень скоро. Нам надо смыться прежде, чем они начнут искать козла отпущения. Выберемся мы — а что потом?

Никаких предложений. Моих братьев потрясло не меньше, чем стражников.

— Ладно. Я знаю, что сделал бы я. С незапамятных времен одной из обязанностей анналиста было возвратить Анналы в Хатовар, если Отряд будет распущен или уничтожен. Нас уничтожили. Я предлагаю самораспуститься. Некоторые из нас взяли на себя обязательства, которые заставят нас рвать глотки друг другу, как только минет общая угроза.

Я глянул на Молчуна. Он встретил мой взгляд твердо. Только подвинул табурет, чтобы оказаться между Душечкой и Вороном. Смысл поняли все, кроме самого Ворона.

Я назначил себя временным охранником Госпожи. Удержать этих женщин в одном отряде надолго — дело немыслимое. Нам бы хоть до Бесла вместе дотянуть. До опушки леса, и то счастье. Пригодится каждая пара рук. В худшем положении мы просто не могли оказаться.

— Кто за роспуск? — осведомился я.

Это вызвало оживление. Все, кроме Молчуна, оказались против.

— Это формальное предложение, — встриял я. — Я хочу, чтобы те, кто выбрал собственный путь, ушли без клейма дезертирства. Это не значит, что мы обязаны разойтись. Я предлагаю лишь официально оставить имя Черного Отряда. Я направляюсь с Анналами на юг, искать Хатовар. Все желающие могут идти со мной. По уставным правилам.

Но никто не хотел отбрасывать имя. Все равно что избавиться от фамилии, которой тридцать поколений.

— Значит, название остается. Кто не желает искать Хатовар?

Поднялись три руки. Все — рядовые, записавшиеся к северу от моря Мук. Молчун воздержался, хотя ему хотелось идти своим путем, в поисках собственной недостижимой мечты.

— Потом поднялась еще одна рука — Гоблин запоздало сообразил, что Одноглазый не возражает. Колдуны начали перебранку, и я оборвал их.

— Я не настаиваю на том, чтобы большинство тащило за собой остальных. Как командир, я имею право отпустить со службы любого, кто намерен идти другим путем. Молчун?

Он был членом Черного Отряда еще дольше моего. Мы были его друзьями и семьей. Сердце его разрывалось.

Но наконец он кивнул. Он пойдет своей дорогой, пусть даже Душечка не обещала ему ничего. Кивнули и те трое, что не хотели идти в Хатовар. Я занес их увольнения в Анналы.

— Вы вышли из Отряда, — сказал я им. — Когда доберемся до южной опушки леса, я выделю вам ваши доли денег и вещей. До тех пор будем держаться вместе. — Я не стал разъяснять подробнее, иначе через минуту я повис бы у Молчуна на шее, рыдая в голос. Мы через многое прошли вместе.

— Ну? — Я обернулся к Гоблину, угрожающе воздев перо. — Тебя вычеркивать?

— Давай, — посоветовал Одноглазый. — Избавься от него, и побыстрее. Не нужен он нам. Толку с него как с козла молока.

Гоблин оскалился:

— Вот поэтому я и не ухожу. Я останусь; я еще тебя переживу и отправлю остаток твоих дней — чтоб ты еще сто лет мучился!

Я и не надеялся, что они расстанутся.

— Ладно, — пробормотал я, пряча ухмылку. — Ведьмак, возьми с собой пару человек и пригони лошадей. Остальные — соберите все, что может пригодиться. Вроде денег, если еще остались.

Мои братья смотрели на меня, все еще в тупом ошеломлении от случившегося.

— Уходим, парни. Как только лошадей наберем. Прежде чем на нас опять беды навалятся. Ведьмак — не скучись, бери побольше выочных. Я хочу унести все, что не прибито гвоздями.

Потом были еще споры, разговоры, треп, но официальные дебаты я на этом закрыл.

Я вообще-то хитрый бес — я заставил Стражку хороить наших братьев. Мы с Молчуном пролили не одну слезу, стоя над могилами Отряда.

— Никогда не думал, что Ильмо... Он был моим лучшим другом. — Теперь я осознал это. Наконец. Тяжело. Я раздал все долги, и ничто больше не удерживало боли. — Он поддержал меня, когда я пришел в Отряд.

Молчун мягко сжал мою руку. Больше сочувствия, чем я мог ожидать.

Стражники отдавали последние почести своим павшим. Их обаддение почти прошло. Скоро они начнут задумываться, что им делать дальше. Могут спросить об этом у Госпожи. Они ведь, по сути дела, остались без работы.

Они еще не знали, что их хозяйка обезоружена. И я молился, чтобы они не узнали, — я-то намеревался использовать ее имя вместо обратного билета.

Страшно даже подумать, что случится, когда разнесется весть о ее потере. В больших масштабах — раздирающие мир гражданские войны. В малых — попытки личной мести.

Когда-нибудь кто-нибудь заподозрит истину. Я хотел держать ее в секрете лишь до тех пор, пока мы не доберемся до границ империи.

Молчун взял меня за руку, собираясь уходить.

— Погоди минуту, — остановил я его.

Обнажив меч, я отсалютовал могилам и произнес древние слова расставания. А потом последовал за Молчуном к поджидающим нас товарищам.

Отряд Молчуна отправлялся с нами, как я и хотел. Наши пути разойдутся, когда нам перестанет угрожать Стражка. Я хотел бы оттянуть этот миг, но он неизбежен. Как удер-

жать в одном отряде Госпожу и Душечку, когда опасность не объединяет их?

Проклиная ноющу лодыжку, я взгромоздился в седло. Госпожа мрачно обозрела меня.

— Ну вот,— заметил я,— ты уже показываешь зубки.

— Ты меня похищаешь?

— Хочешь остаться одна со своими ребятами? И поддерживать порядок кинжалчиком? — Я выдавил ухмылку.— И у нас свидание. Забыла? Ужин в Садах Опала.

На мгновение за пеленой отчаяния в ее глазах промелькнул хитрый огонек. И отблеск придорожного костра. Потом тень вернулась.

Я нагнулся к ней и прошептал:

— И мне потребуется твоя помощь, чтобы вытащить Анналы из Башни.— От этой мысли меня передернуло. Я еще никому не говорил, что Анналов у меня пока нет.

Тень рассеялась.

— Ужин? Обещаешь?

Эта ведьма может пообещать все на свете одним только взглядом и голосом.

— Да,— каркнул я.— В Садах.

Я подал традиционный сигнал. Колонну возглавил Ведьмак, за ним следовали пререкающиеся, как обычно, Гоблин с Одноглазым. Потом Мурген со знаменем, потом Госпожа и я. За нами — все остальные и выючные лошади. Замыкали колонну Молчун и Душечка, в благоразумном удалении от нас с Госпожой.

Погоняя коня, я обернулся. Ворон стоял на обочине, опираясь на палку, необычайно одинокий и покинутый. Кожух все пытался втолковать ему, что случилось. Мальчишка-то понял. Наверное, поймет и Ворон, когда оправится от потрясения, что не все рады повиноваться ему и что старый Костоправ в конце концов не блефовал.

— Прости,— прошептал я, сам не зная зачем. Потом я повернулся к лесу и больше не оборачивался.

Думаю, что скоро Ворон отправится в путь и сам. Если Душечка действительно так много значит для него, как он пытался показать.

В ту ночь небо над северными землями расчистилось — впервые за много лет. Великая Комета озаряла наш путь. Теперь север знал то, о чем остальной империи было известно уже несколько недель.

Комета уже меркла. Роковой час прошел. И империя в страхе ожидала предвещенных им вестей.

Север. Три дня спустя. Во тьме безлунной ночи. Трехногий зверь выхрамывает из Великого леса. На остатках Курганья садится он и скребет землю единственной передней лапой. Выпленкивает бурю перемен сын Дерева.

Тварь убегает.

Но она вернется следующей ночью, и следующей, и следующей...

Игра теней

Глава 1 Распутье

Нас осталось семеро на распутье, наблюдающих за пылью, клубящейся по восточной дороге. Неразрешимость проблем потрясла почти на час даже неугомонных Одноглазого с Гоблином. Лошадь Масло заржала. Успокаивая животину, он прикрыл ее ноздри ладонью и другой рукой потрепал по холке. Настало время раздумий, последняя эмоциональная веха эпохи.

Но вот и пыль исчезла из виду. Они ушли. Запели птицы — только это заставило вспомнить, что мы-то все же остались. Я вынул из седельной сумы старую тетрадь, уложил ее на дороге. Дрожащей рукой написал: «Пришел конец. Мы разделились. Молчун, Душечка и братья Крученые держат путь к Лордам. Черного Отряда более нет.

Однако я стану продолжать летопись — хотя бы потому, что привык к этому за двадцать пять лет, и ломать такие привычки тяжело. И потом, как знать? Те, кого я обязан вести за собой, могут найти мой отчет интересным. Хоть сердце и остановилось, тело еще ковыляет вперед. Фактически Отряд мертв, но имя живо.

А уж мы-то, о жестокосердные боги, на собственной шкуре испытали могущество имен...»

Я убрал книгу в седельную суму.

— Н-ну, значица, так... — Отряхнув пыль со штанов, я бросил взгляд на нашу собственную дорогу в завтра. Ряд зеленых холмов выглядел как живая изгородь, над которой переплетались курчавые кроны деревьев. — Наш поиск начался. Пора уж покрыть первую дюжину миль.

Нас осталось лишь семеро из восьми тысяч.

Я оглядел моих товарищей. Одноглазый — колдун, сморщеный и черный, будто пыльная сущеная слива — был старше всех на добрые сто лет. Он носил повязку на глазу и мягкую сплющенную шляпу из черного фетра. Шляпа, судя по виду, претерпела в жизни все мыслимые невзгоды, однако стойко вынесла все унижения.

Так же, как и Масло, самый обычный человек. Тысячу раз был ранен, однако остался жив и уже почти уверился в особом благоволении богов к собственной персоне.

Обок с Масло находился Ведьмак, еще одна ничем особо не примечательная личность. И еще один потрясающий пример живучести... Надо же, слезы навернулись на глаза... Далее — Гоблин. Что вам такого сказать о Гоблине? Гоблин — он и есть Гоблин, прозвищем сказано все и в то же время ничего. Наш второй колдун, маленький, безобразный, постоянно в контраках с Одноглазым, без вражды с ним он тут же умрет в страшных конвульсиях. Видели когда-нибудь улыбку фасона «рот до ушей»? Это он ее изобрел.

Мы, пятеро, уже вместе двадцать с лишком лет, вместе состарились и, пожалуй, знаем друг друга даже слишком хорошо. Мы — конечности умирающего организма. Последние из могучих, великолепных, легендарных... Боюсь, сейчас, с нашим разбойниччьим обликом, совсем недопустимым для лучших в мире солдат, мы здорово пятнаем память Черного Отряда. И еще двое. Двадцативосьмилетний Мурген, которого Одноглазый порой зовет Щенком. Наш младшенький. Присоединился к Отряду во время бегства из Империи. Многопечальный тихоня, неразговорчив, нет у него в жизни ничего и никого, кроме Отряда, но даже от нас он отстранен и одинок.

Как и все мы. Как и каждый из нас.

И, наконец, Госпожа, настоящая госпожа. Заблудшая Госпожа, прекрасная Госпожа, плод моего воображения, мучение мое. Еще молчаливее Мургена, но тут случай другой — отчаяние. Когда-то она владела всем. И проиграла. И теперь у нее нет ничего.

Ничего действительно стоящего.

Холодный бриз развеял пыль на дороге к Лордам. Несколько любимых товарищей моих покинули мою жизнь навсегда.

Торчать здесь нет никакого резона.

— Проверить сбью! — С этими словами я, подавая пример, подтянул ремни на выючных животных. — Одноглазый, на-конь! Пойдешь направляющим.

Наконец-то хоть намек на оживление в рядах — Гоблин тут же окрысился:

— Чтобы мне глотать пыль от этого?!

Если Одноглазый идет первым, значит, Гоблин — замыкающий. Колдуны наши, в общем, всадники никакие, но — весьма полезны. Если один из них прикрывает фронт, а другой — тыл, я себя чувствую куда спокойнее.

— Да вроде бы очередь-то его, а? — Такие дела, как это, не нуждаются в соблюдении очередности.

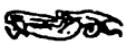
Гоблин хотел было выдавить смешок, но хватило его только на усмешку — эдакое жалкое подобие своеобразной улыбки жабы во весь рот.

Да и реакция Одноглазого напоминала высохшую тыкву. Он тронулся вперед без всяких комментариев.

Следом, ядрах в пятидесяти позади, ехал Мурген. Копье его, в двадцать футов длиною, торчало прямо вверх. Некогда на этом копье развевалось наше знамя. Теперь с древка свисают фута четыре драной черной тряпки. Сплошная символика на разных смысловых уровнях.

Впрочем, мы и так знаем, кто мы такие. И лучше бы другим этого не знать. Слишком много врагов у нашего Отряда.

За Мургеном тронулись Ведьмак с Масло, ведя на по-воду выючных. Далее — Госпожа и я, также с выючными. Ядрах в семидесяти за нами — Гоблин. Таким образом мы

двигались всегда, воюя со всем белым светом. Разве что местами менялись.

Не помешали бы, конечно, разъезды и передовые дозоры, однако возможности у семи человек весьма и весьма ограничены. Ничего, зато колдунов у нас даже двое. Все мы увесили себя оружием так, что выглядели так же безобидно, как для лисы — ежик. Восточная дорога скрылась из виду. Я был единственным, кто оглянулся в надежде, что в сердце Молчуна еще остались незанятые вакансии. Но надежда оказалась напрасной. И я прекрасно знал это. Говоря языком чувств и ощущений, пути мои и Молчуна с Душечкой разошлись еще много месяцев назад, на заливе кровью, пропитанном ненавистью поле битвы в Курганье. Там мы спасли весь белый свет, но столько было потеряно чего-то иного. По поводу точного соотношения цены с приобретением можно гадать всю оставшуюся жизнь. У разных сердец и пути разные...

— Костоправ! Похоже, дождь, — сказала Госпожа. Ее замечание изумило меня. Нет, оно в точности соответствовало истине — на дождь и вправду было очень похоже. Это было первое высказанное ею собственное наблюдение с того самого ужасного дня в северных краях. Может, наконец-то оживать начинает?

Глава 2 Дорога на юг

Чем дальше едем, тем больше на весну похоже, — заметил Одноглазый. Он был в добром расположении духа.

Чуть позже и в глазах Гоблина блеснула озорная искорка. Скоро эта парочка отыщет повод возобновить старинную свою вражду. Тут-то и полетят колдовские искры! Если не более этого, то пусть. Хоть остальные развлекутся...

Даже у Госпожи улучшилось настроение. Она была разговорчива как никогда.

— Конец привалу, — сказал я. — Масло, гаси костер. Гоблин, ты — направляющим.

Я взглянул на дорогу. Еще недельки две — и мы будем совсем недалеко от Чар. Я еще не разъяснил товарищам, чем мы там будем заниматься.

Вдали над дорогой кружили канюки. Мертвичина, значит, там, впереди...

Знамений и примет я терпеть не могу. Заставляют беспокоиться. Эти птицы меня тревожили.

Я указал взглядом вперед. Гоблин кивнул:

— Сейчас пойду разберусь малость.

— Давай.

Мурген увеличил дистанцию еще на пятьдесят ярдов. Масло с Ведьмаком тоже немного отстали. Но Одноглазый все так же едва не дышал в затылки нам с Госпожой, привстав в стременах и стараясь не выпускать Гоблина из виду.

— Нехорошие у меня предчувствия, Костоправ, — сказал он. — Ох, нехорошие...

Хоть Гоблин и не забил тревогу, Одноглазый оказался прав. Стервятники означали беду.

На обочине, перевернутая вверх колесами, лежала богато украшенная карета. Две из четырех лошадей, мертвые, лежали в колеях. Умерли, похоже, от ран. Двух других видно не было.

Вокруг кареты лежали тела шести охранников в униформах, кучер и еще одна лошадь. В карете находились мужчина, женщина и двое совсем маленьких детей. Все убиты. Дверца кареты была украшена затейливой работы гербом.

— Ведьмак, — сказал я, — займись следами. Посмотри, что здесь было. Госпожа! Ты их не узнаешь? Герб тебе не знаком?

— «Сокол Крепостной Стены». Проконсул Империи. Но он не из них. Стар и жирен. Должно быть, семья.

— Они направлялись на север, — сказал Ведьмак. — Разбойники напали на них. — Он продемонстрировал клок какой-то грязной одежки. — Но добыча досталась им нелегко.

Я не ответил, и тогда он попросил более пристального внимания к клочку.

— Серые, значит,— задумчиво протянул я. Серую форму носили в северных имперских войсках.— Далековато что-то для серых...

— Дезертиры,— сказала Госпожа.— Распад начался.

— Видно, так.

Плохо дело. Я-то надеялся, что Империя продержится и даст нам время начать жить по-новому.

— Три месяца назад,— заметила Госпожа,— невинная девушка спокойно могла проехать через всю Империю одна.

Здесь она преувеличила — но лишь самую малость. Перед битвой в Курганье великие силы, в этой самой битве и полегшие, держали провинции под неусыпным наблюдением, и всякие недозволенные проступки пресекались быстро и жестко. Однако в любой стране, в любую эпоху найдутся люди, достаточно смелые, либо глупые, чтобы пробовать законы на прочность, подавая дурной пример другим. И, едва Империя перестала нагонять цементировавший ее дотоле ужас, процесс пошел лавинообразно.

Оставалось от души надеяться, что убитых еще не хватились. Я планировал вернуть прежний облик.

— Начинать рыть? — спросил Масло.

— Минутку. Ведьмак, давно это случилось?

— Пару часов назад.

— И никого больше поблизости не было?

— Почему же, было. Объезжали.

— Хороша, небось, банда,— буркнул Одноглазый,— если не боятся разбрасывать трупы на виду у всех.

— Может быть, наоборот, нарочно оставили,— возразил я.— Может быть, разбойники желают добиться баронства для самих себя.

— Похоже,— согласилась Госпожа.— Езжай осторожнее, Костоправ.

Я приподнял бровь.

— Я не хочу потерять тебя.

Одноглазый гоготнул. Я покраснел. Однако хорошо уже то, что в ней пробуждается интерес к жизни.

Тела мы захоронили, но карету не тронули. Дань цивилизации отдана, а нам пора двигать дальше.

Часа через два Гоблин вдруг повернул обратно. Мурген остановил коня на повороте. Ехали мы лесом, но дорога была в хорошем состоянии, деревья по обочинам вырублены. Она явно была предназначена для перемещения войск.

— Впереди постоянный двор,— сообщил Гоблин.— И не нравится мне, как я его чувствую.

Дело было к ночи. Вечер мы потратили на захоронение трупов.

— Есть там кто живой?

По дороге мы не видели никого. Фермы, попадавшиеся на опушке леса, были брошены.

— Полн! Двадцать человек в гостинице. Еще пятеро — на конюшне. Тридцать лошадей. Еще двадцать человек — в лесах неподалеку. И сорок лошадей на выпасе. И прочей живности — кишмя.

Смысл был очевиден. Уйти от греха подальше, или рваться навстречу опасности?

Обсуждали положение недолго. Масло с Ведьмаком высказались за: прямо вперед. Если, мол, что не так, у нас есть Одноглазый с Гоблином.

Последним эта идея не слишком понравилась.

Тогда я поставил вопрос на голосование. Мурген и Госпожа воздержались. Масло с Ведьмаком были за ночлег на постоянном дворе. Одноглазый же с Гоблином все косились друг на друга, ожидая точки зрения другого, чтобы немедля взять противную сторону. Тогда я сказал:

— Ладно, едем и ночуем. Эти клоуны собираются разойтись во мнениях, в любом случае большинство — за ночлег на постоянном дворе.

И колдуны наши немедля скрестились и тоже проголосовали «за» — просто затем, чтоб я оказался в дураках.

Через три минуты впереди показался обветшавший постоянный двор. В дверях, изучающие глядя на Гоблина, торчал какой-то мрачный тип. Другой такой же восседал в расшатанном кресле, прислоненном спинкой к стене, и пожевывал соломинку или, может, щепку. Стоявший в дверях отодвинулся, пропуская нас.

Ведьмак назвал тех, чью работу мы видели на дороге, серыми. Но серую униформу носят как раз там, откуда мы прибыли. И я спросил того, в кресле, на форсбергском, самом употребительном в северных подразделениях:

— Постояльцев принимаете?

— Ага.

Глаза сидящего сузились. Он явно что-то прикидывал в уме.

— Одноглазый, Масло, Ведьмак, позабочьтесь о лошадях! — И мягенько: — Гоблин, ты что-нибудь почуял?

— Кто-то только что вышел с заднего хода. Внутри все встали. Но начнется, пожалуй, еще не сейчас.

Сидящему в кресле не понравились наши перешептывания.

— На сколько думаете оставаться? — спросил он.

Тут я углядел и татуировку на запястье — еще один верный признак северянина.

— До завтра.

— У нас переполнено, но уж как-нибудь вас устроим. Однако нахальства ему не занимать...

Паучары они, эти дезертиры. Постоялый двор — паутина, здесь они намечают жертву. Но всю грязную работу проделывают на дорогах.

Внутри царила тишина. Войдя, мы оглядели мужчин и нескольких женщин очень уж затасканного вида. Чернуха ощущаема во всем. Обычно придорожные гостиницы — предприятия семейные, в них полно детишек, старииков и прочих чудаков всех промежуточных возрастов. Здесь — ничего подобного. Только крепко сбитые мужики да дамы определенного сорта.

Неподалеку от двери в кухню стоял большущий свободный стол. Я сел, привалившись спиной к стене. Рядом плюхнулась Госпожа. Однако и зла же она! Не привыкла, чтобы смотрели на нее таким образом, как смотрят эти. Сохранила свою красоту, несмотря даже на дорожную пыль и походное тряпье...

Я положил руку поверх ее кисти — жест скорее умиротворения, нежели обладания.

Пухленькая девчушка лет шестнадцати с затравленным взглядом коровьих глаз подошла спросить, сколько нас, какая еда нам нужна и какое жилье, греть ли воду для мытья, надолго ли останемся и какого цвета наши монеты. Спрашивала она равнодушно, но правильно,— хотя безнадежно, переполненная страхом совершить случайную ошибку.

Интуиция моя определила ее как члена семейства, по праву управляющего постоянным двором.

Я бросил ей золотой. Этого добра у нас — после разграбления той самой имперской казны и бегства из Кургания хватало. Блеск монеты тут же отозвался блеском в глазах мужиков, изо всех сил старавшихся наблюдать за нами незаметно.

Тут подоспел Одноглазый с остальными, тащившими стулья для себя.

— Там, в лесу, сейчас суматоха! — шепнул Гоблин.— Они строят кое-какие планы насчет нас.

Левый угол его рта растянулся в лягушачьей ухмылке. Очевидно, у него имелись собственные планы. Он всегда любил заставлять врагов заманивать в засаду самих себя.

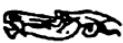
— Разные бывают планы,— сказал я.— Если они — бандиты, пускай перевешают друг друга.

Он попросил подробностей — порой мои замыслы еще отвратительнее его собственных. Это оттого, что я давно утратил чувство юмора и действую по правилу: чем не-пригляднее, тем смешнее.

Поднялись мы еще до рассвета. Одноглазый с Гоблином наложили на гостиницу свое любимое заклятие, повергающее всех вокруг в непробудный сон, и по-тихому смылись в лес прорепетировать представление. Остальные занялись лошадьми и амуницией. Между мной и Госпожой имела место небольшая стычка: она желала, чтобы я сделал что-нибудь для женщин, захваченных разбойниками.

— Если я стану исправлять все неправильное, что встречу на пути, мы не доберемся до Хатовара,— отвечал я.

Она не стала продолжать спор, и через несколько минут мы тронулись в путь.

Наконец Одноглазый сказал, что лес вот-вот кончится.

— Ладно, это место ничем не хуже прочих, — согласился я.

Далее мы с Мургеном и Госпожой свернули в лес, на запад. Ведьмак, Масло и Гоблин повернули на восток. Одноглазый же просто остановился и принялся ждать.

Ничего явного он не проделывал. Гоблин, казалось, был тоже занят.

— А если они не придут? — спросил Мурген.

— Значит, мы были не правы, а они не бандиты. С ближайшим попутным ветром пошло им мои извинения.

Некоторое время все хранили молчание. А выехав на дорогу, чтобы проверить обстановку, я увидел, что Одноглазый уже не один. За его спиной стояли с поддюжиной всадников. Сердце мое дрогнуло. Фантомы были хорошо знакомы мне. Они изображали старых товарищей, давным-давно мертвых.

Я ретировался в лес. И дрожь, обуявшая меня, была, противу ожиданий, сильной. Настроение мое отнюдь не сделалось лучше. Лучи солнца, пробивавшие сквозь полог леса, играли зайчиками на призраках моих мертвых друзей. Они ждали врага со щитами и копьями наготове, безмолвно, как и подобает призракам.

Но они были призраками лишь для моего сознания. На деле были они иллюзиями, созданными Одноглазым. А по другую сторону дороги Гоблин строил собственный легион теней...

Эта парочка — настоящие художники, если дать им время спокойно поработать. Сомнений более не было. Даже относительно личности Госпожи.

— Скачут, — без всякой надобности сообщил я. — Это они.

В желудке засосало. Стоит ли рисковать, подпуская так близко? Потом стрелять будет поздно. Если они решатся на драку... И если Одноглазый с Гоблином оплошают...

— Поздно, Костоправ.

Я взглянул на Госпожу, и тут меня обожгло воспоминание, кто она такая. Она улыбалась, зная, что творится в

моих мыслях. Сколько же раз сама она бывала в подобной ситуации, хотя бы на большей игральной доске?

Разбойники мчались вдоль дороги. И, сбитые с толку, осадили коней, завидев поджидающего их Одноглазого.

Я рванул вперед, а призрачные кони двинулись сквозь лес следом за мной. Зазвенела сбруя, затрецали ветви. Здорово сработано, Одноглазый. Как ты выражаяешься, направлена подобнейше.

Бандитов было около двадцати пяти человек. Лица у них и так были — краше в гроб кладут, но они сделались еще бледнее, углядев Госпожу и узнав призрачное знамя на копье Мургена.

Черный Отряд весьма знаменит.

Две сотни призрачных луков изогнулись. Пятьдесят рук поднялось к небу, словно в попытке уцепиться за брюхо неба.

— Вам, полагаю, следует спешиться и разоружиться, — сказал я их предводителю.

Тот некоторое время шумно глотал воздух, прикидывая шансы, затем подчинился.

— А теперь вы, грязные людишки. Живо с седел!

Разбойники повиновались. Госпожа махнула рукой. Лошади развернулись и рысцой устремились к Гоблину, на деле ими управлял он. Гоблин пропустил лошадей — пусть вернутся на постоянный двор в ознаменование того, что гнетут конеи.

Гладко сошло, ох и гладко! Без единой задоринки! Вот так мы управлялись с делами в былые деньги. Хитрость и маневр! Зачем утруждаться самим, когда достаточно мухлевать и надувать?

Построив плленных вереницей и связав веревкой для облегчения управления, мы направились на юг. Одноглазый с Гоблином расслабились, и разбойники пришли в крайнее возбуждение. Посчитали, что мы поступили нечестно.

Через два дня мы добрались до Риз. Здесь Гоблин с Одноглазым снова организовали ту же иллюзию, и Госпожа передала дезертиров в распоряжение командира гарнизона. При их сопровождении пришлось убить только двоих.

Все это ненадолго задержало нас, но теперь путь свободен, и до Чар всего около часа езды. Придется примириться с тем, что беда — ближе некуда.

Товарищи мои уверены, что основная часть Анналов находится у меня. А правда в том, что они остались в руках Империи. Их захватили у моста Королевы (старая рана, что болит по сию пору!). Перед самым кризисом в Курганные я пообещал вскоре вернуть их обратно.

И этот-то самый кризис помешал. И теперь уже ничего не остается, кроме как отправляться выручать Анналы самому.

Глава 3 Таверна в Таглиосе

Лозан поудобнее умостился в кресле. Девчонки хихикали, подбивая одна другую пощупать его шелковистую русую шевелюру. Одна, с самыми многообещающими глазами, наконец решилась провести пальцами по его волосам. Лозан подмигнул Корди Мотеру, сидевшему в противоположном конце гостиной.

Вот жизнь-то пошла с тех пор, как их отцы и братья поумнели! Не жизнь, а мечта. Все мечтали об этом, только пробираться сюда — смертельный риск... Если и дальше так пойдет и ничего не стрясется, он скоро будет весить фунтов этак четыреста и станет самым счастливым лодырем в Таглиосе.

Да кому бы пришло в голову?.. Простая таверна вот в таком простодушном городке. Дыра в стене, каких дома полно было на каждой улице, на каждом углу, здесь — новинка, на которой и не захочешь, и то озолотишься. Если только местные попы не раскачаются сунуть палку в колеса.

Конечно, они — экзотические чужестранцы, на которых не устает дивиться весь город, и даже те самые попы со своими пометами. А особенно их смуглЯНОЧКИ-дочери. Это здорово помогает в делах.

Что и говорить, путь сюда был долг и безумен, но теперь каждый шаг окупается с лихвой.

Лозан сложил руки на груди, предоставив девушкам делать что захотят. Этим он мог управлять. С этим он мог спрятаться.

Корди тем часом откупорил еще один бочонок горьковатого третьесортного зеленого пива: сам же и варил. И за это таглиосские дурни платят втрой против настоящей цены! Что же за место такое, если до них здесь и пива не видывали? Глушь! Несбыточная мечта ни на что не годных честоточных олухов.

— Знаешь, Лебедь, — сказал подошедший с новой кружкой для него Корди, — ежели дальше так пойдет, надо бы нанять кого-либо, чтоб пособлял мне варить. Через пару дней все запасы выйдут.

— Чего беспокоиться? Долго ль дело-то продержится? Попы эти что-то начинают просыпаться. Собираются найти приличный повод прикрыть нашу лавочку. Так что озабочться лучше, чем бы еще заняться таким же прибыльным. Э, что ты?

— Что «что»?

— Да ты как-то вдруг помрачнел.

— Черная птица рока только что вошла в наши двери.

Лозан быстро обернулся. Так и есть, Нож вернулся домой. Высокий, сухощавый, черноющий. Бритая голова сверкает, мускулы так и играют при каждом движении... Ни дать ни взять — отполированная статуя. Нож неодобрительно оглядел таверну, подошел и уселся за стол Лозана. Девчонки принялись строить глазки ему — он был не менее экзотичен, чем Лозан Лебедь.

— Пришел забрать свою долю и сказать, какие мы мерзкие, что разворачаем этих невинных детей? — поинтересовался Лозан.

Нож покачал головой:

— Этот старый наркоман Копченый снова видел сон. Ты нужен Бабе.

— С-свинство! — Лебедь спустил ноги на пол. Вот муха в сидячие! Баба никогда не оставит их в покое... — Что на сей раз? Что у него там? Хэш?

— Он — колдун. Ему и делать-то ничего не надо...

— С-свинство,— снова сказал Лебедь.— Как думаешь, может, просто слинять? Сбыть поскорее остатки той крысей мочи, что Корди наварил, и отправиться назад, в верховья реки?

На лице Ножа появилась широкая, довольная улыбка.

— Поздно, парень. Ты избран. Ног не хватит убежать. Этот Копченый шутом бы выглядел, открои он лавочку в твоих родных краях, но здесь он — большой человек и торговец дурью. Пустишься в бега — ноги узлом завяжут.

— Это — официально?

— Они этого не говорили. Они это имели в виду.

— Что ему опять такое приснилось? Мы-то при чем?

— Хозяева Теней. Снова. Он сказал, была большая встреча у Тенелова. Они намерены прекратить разговоры и начать действовать. Он сказал, Луннотень слышал зов. Сказал, мы увидим их на таглиосской земле — и очень скоро.

— Всего-то делов?! Он нам этим чуть не с первого дня плещь проел.

С лица Ножа разом пропало все веселье.

— На этот раз дела уже не те. Пугать можно по-разному, понимаешь? На этот раз и Копченый и Баба говорили серьезно. Теперь их волнуют не только Хозяева Теней. Просили тебе передать, что сюда движется Черный Отряд. Сказали, тебе известно, что это означает.

Лебедь всхрюкнул, словно от крепкого удара в живот. Поднявшись на ноги, он залпом осушил свою кружку и оглядел помещение, не осознавая видимое вокруг.

— Нож, я ничего глупее в жизни не слыхал! Черный Отряд? Движется сюда?

— Сказали, это-то и взбаламутило Хозяев Теней, Лозан. Сказали, они здорово перепуганы. Здесь, в низовьях, единственная свободная страна к северу от них. А кто против Хозяев Теней, тебе известно.

— Не верю! Это же в какую даль им переться?

— Вы с Корди прошли примерно столько же.

Нож присоединился к Лозану и Корди Мотеру после того, как те прошли около двух тысяч миль к югу.

— Ага. Ты, Нож, мне вот что скажи. Кому, кроме нас с тобой да Корди, взбредет в пустую башку тащиться в такую даль черт знает зачем?

— Они знают, зачем. Если верить Копченому.

— И зачем же?

— Не знаю. Сходи к Бабе, раз звала. Может, она объясният.

— Схожу. Все вместе сходим. Так, для виду. А при первом же случае — рвем когти из этого Таглиоса. Ежели здесь Хозяева Теней взваламутились да еще Черный Отряд сюда идет, я поблизости находиться не желаю.

Нож откинулся назад, чтобы одна из девушек смогла притиснуться к нему поплотнее. В глазах его было недоумение.

— Я же еще по дому знаю,— сказал Лебедь,— что эти ублюдки могут сотворить. Видел, как Розы между них встряли... Ч-черт... Ты, Нож, только послушай меня. Большая заварушка — и все летит в тартарары. Если они вправду придут, ты можешь кончить тем, что будешь жалеть, что моя в тот раз не отдали тебя крокодилам на закуску.

Нож так до сих пор и не понял, почему его бросили крокодилам. А Лозан, пожалуй, никогда не поймет, кой черт его дернул уговорить Корди вытащить Ножа и взять с собой. Хотя Нож оказался парнем правильным и должок тот сполна выплатил...

— Я считаю, ты, Лебедь, обязан помочь местным,— сказал Нож.— Мне нравится этот город. Мне нравятся здешние люди. В них только то плохо, что не хватает им соображения сжечь дотла все эти храмы.

— Нож, черт тебя возьми, ну какая от меня помощь?

— Здесь только вы с Корди хоть что-то смыслите в военном деле.

— Я прослужил в армии два месяца. Даже в ногу шагать не выучился. И Корди таких развлечений больше не хочет. А хочет, наоборот, навсегда забыть те два месяца.

Корди слышал большую часть беседы и подошел к ним.

— Нет, Лозан, не так уж я плох. Правому делу я согласен еще послужить. В тот раз я просто оказался не там, где следовало. Я считаю, Нож прав. Мне тоже нравится Тагли-

ос. И народ местный. И я сделаю что смогу, чтобы все это не порушили Хозяева Теней.

— Ты слышал, что он сказал? Про Черный Отряд?

— Слышал. И еще слышал, что с тобой хотят поговорить об этом. И полагаю, мы должны пойти и выяснить, что происходит, а уж потом разевать рот и говорить, чего не собираемся делать.

— Ладно. Уговорил. Нож, ты здесь держи оборону. А от той, рыжей, грабли убери. Я ее первый забил.

С этими словами он тихонько удалился.

— А ты, Нож, знаешь, как управлять Лозаном,— ухмыльнулся Корди Мотер.

— А им и не нужно управлять, если я не ошибаюсь. Когда местные выйдут против Хозяев Теней, он будет в первых рядах. Хоть режь его, хоть ешь, он в этом не признается, однако Таглиос и его задел за душу.

— Это так,— хмыкнул Корди Мотер,— он наконец нашел себе дом. И никто не попытается выжить его отсюда. Никакие Хозяева Теней или же Черный Отряд.

— Они вправду настолько плохи, как он говорил?

— Хуже. Много хуже. Вспомни все легенды, что слышал дома, прибавь все, что слышал здесь, да все, что только способен себе вообразить, да возьми еще столько же — тогда, может, будет похоже. Они себе на уме, они сильны и хороши во всех отношениях. И, что хуже всего, хитры. Так хитры, что представить себе невозможно. Они существуют четыре или пять столетий, а ни одна группа столько не продержится. Если только она не скверна так, что даже боги не хотят с нею связываться.

— Мамаши, прячьте деток,— протянул Нож,— Копченому сон приснился...

Корди потемнел с лица.

— Эт-точно. Я слышал, что разное там может стать правдой, если колдун это увидит во сне. Может, стоит этому Копченому глотку перерезать?

— Пожалуй,— сказал вернувшийся Лозан,— надо сперва понять, что происходит, а уж потом действовать.

Корди хмыкнул. Нож усмехнулся. Затем они принялись выгонять из таверны местных олухов, убедившись пред-

варительно, что одна или даже не одна юная леди на каждого понимает обстановку.

Глава 4 Темная Башня

Целых пять дней я занимался сущей ерундой и только затем раскачался завести после завтрака разговор о делах. Тему обрисовал в самых радужных тонах:

— Следующий привал будет в Башне.

— Что?

— Ты тронулся, Костоправ?

— Надо за ним присмотреть, когда солнце сядет.

И, понятно, все взгляды — в сторону Госпожи. Та слушала молча.

— Я-то полагал, это она с нами. Никак не наоборот.

Только Мурген не присоединился ко всеобщему бурчанию. Славный он парень, этот Мурген.

Госпожа, конечно, уже знала, что нам необходимо на некоторое время остановиться в Башне.

— Я — серьезно, ребята, — сказал я.

А если я веду разговор серьезно, Одноглазый последует моему примеру.

— Зачем? — спросил он.

Вот тут-то я поежился.

— Чтобы забрать Анналы. Я оставил их у моста Королевы.

Нас там здорово прищучили. И только будучи лучше, отчаяннее и подле, смогли мы тогда вырваться из имперского кольца. Ценою половины Отряда. Не до книг было...

— Я считал, она уже у тебя.

— Я попросил ее обратно. Мне сказали: приходи и забирай. Но в тот момент мы все были заняты. Помнишь Властелина? Хромого? Жабодава? И все прочее? Добыть Анналы не было ни малейшей возможности.

Госпожа согласно кивнула. Пожалуй, она и впрямь ожидает.

Гоблин слепил на физиономии самую свирепую гримасу, на какую был способен. Сделался похож на саблезубую жабу.

— Выходит, ты об этом знал еще до ухода из Кургана?

Я признал, что так оно и есть.

— Свинья ты безропая. Голову даю, все это время ты разрабатывал план относительно Анналов. Как одной задницей в три кресла умоститься и уж наверняка всех нас в этом процессе положить.

Я согласился, что и это, в основном, верно.

— Мы въедем туда так, словно Башня наша. Твоя задача — заставить гарнизон считать, что Госпожа и посейчас главная.

Одноглазый фыркнул и отправился к лошадям. Гоблин поднялся и сверху вниз воззрился на меня. Посмотрел-посмотрел... И глумливо захихикал.

— Значит, внахалку вспремся — и готово? Как говаривал Старик, наглость — второе счастье?

Но настоящего вопроса не задал.

Однако Госпожа дала ему ответ:

— Я дала слово.

И Гоблин заткнулся на следующем вопросе. Все промолчали. Поэтому и Госпожа повесила тему в воздухе.

Конечно, заманить нас и обмануть для нее будет легче легкого. Вот сдергит свое слово, а после съест нас на завтрак. При желании.

Мой план я тасовал исключительно на доверии к ней. Товарищи моей веры в нее не разделяли.

Однако они — хоть это, может быть, глупо — верили в меня.

Башня близ Чар — величайшая отдельная постройка в мире. Гладкий черный куб со стороныю в пять сотен футов. Первый проект, предпринятый Госпожой и Взятыми после возвращения их из могилы множество поколений назад. Из этой Башни Взятые отправились в поход со своими войсками и завоевали полмира. Тень их по сию пору нависает над половиной всего белого света, ведь лишь немногие знают, что сердце и кровь Империи были принесены в жертву ради победы над силой куда более древней и темной.

Въезд в Башню на уровне земли был всего один. К нему вела дорога — идеально прямая, как мечта геометра. Пролегала она через парк, и поверить в то, что именно здесь произошла кровавейшая в истории битва, могли лишь те, кто участвовал в ней сам.

Я был здесь в тот день. Я — помню.

Помнили это и Гоблин с Одноглазым, и Ведьмак, и Масло. Особенно Одноглазый. Именно на этой равнине он уничтожил чудовище, убившее его брата.

Я вспомнил грохот и топот, вопли ужаса и все страсти, описанные военными колдунами, и, не в первый уж раз, подумал:

— Так ли уж мертвы все те мертвые? Слишком легко ушли...

— О ком ты? — поинтересовался Одноглазый, котому для того, чтобы держать Госпожу зачарованной, вовсе не нужно было напрягаться.

— Об Взятых. Порой вспоминаю, каких трудов стоило отделаться от Хромого. А потом приходит мне на ум: отчего так много Взятых так легко поддалось? Все дела решились за пару дней и, в большинстве, там, где я этого не видел. Потому-то я и думаю иногда: может, обман? И двадцати до сих пор где-то поблизости?

— Костоправ, — квакнул Гоблин, — да ведь они действовали по шести разным планам одновременно! Вот сами же друг друга и...

— Однако я лично видел уход только двоих. А из вас, ребята, никто не видел, как ушли прочие. Только слыхали об этом. А если под шестью планами был скрыт седьмой? А если...

Тут Госпожа как-то странно взглянула на меня. Похоже было, что она не задумывалась об этом раньше, и теперь мои мысли вслух ей очень не понравились.

— По мне — так они достаточно мертвы, — сказал Одноглазый. — Я видел уйму тел. А вон, сам посмотри, их могилы отмечены.

— Это еще не значит, что в могилах кто-либо есть. Ворон дважды умирал на наших глазах. А чуть отвернешься — живехонек. Живее некуда.

— Если пожелаешь, Костоправ,— сказала Госпожа,— я разрешаю тебе выкопать их и убедиться.

Судя по выражению в глазах это она меня мягко по-журила. А может, даже поддразнила.

— Ладно. Как-нибудь, от нечего делать...

— Кхм! — кашлянул Мурген.— Ребята, вы о чем-нибудь другом не могли бы?

Зря он это сказал. Масло заржал. Ведьмак забубнил что-то себе под нос. Масло в тон ему запел:

*Черви жрут гнилое мясо,
На ввалившемся носу
Мураши танцуют-плещут...*

Гоблин с Одноглазым подхватили. Тогда Мурген пригрозил догнать всех и посадить на кол.

Мы старались отвлечь друг друга от мыслей о сгущающейся впереди тьме.

Одноглазый оборвал песню:

— Нет, Костоправ, ни один из Взятых не смог бы так тихо лежать столько лет. Если бы кто из них выжил, тут бы такие фейерверки пошли... Уж мы-то с Гоблином всяко бы что-то услышали.

— Пожалуй, ты прав.

Однако он меня не убедил. Возможно, какая-то часть меня просто не желала, чтобы все Взятые совсем кончились.

Мы подъехали к наклонной дорожке, ведущей к воротам в Башню. Тут Башня впервые подала признаки жизни. В верхних бойницах показались люди, разряженные, точно павлины. Несколько человек вышли к воротам, суетливо организовывая церемонию встречи хозяйки. Завидев их одеяния, Одноглазый насмешливо заулююкал.

В прошлый раз, пожалуй, не посмел бы.

Я наклонился к его уху:

— Ты потише. Униформу для своих людей она сама придумала.

Теперь оставалось всею душой надеяться, что они вышли лишь встречать Госпожу и не замышляют ничего дурного.

Это зависит от того, какие новости они получили с севера. Порой злые слухи летят быстрее ветра.

— Наглость и только наглость,— сказал я.— Ничего не бойтесь, держитесь высокомерно. Не давайте им опомниться.— Взглянув в темноту за воротами, я повысил голос: — Они знают, что я здесь!

— Это-то меня и пугает,— пропищал Гоблин, разражаясь кудахчущим смехом.

Когда въезжаешь в Башню, она словно поглощает мир. Мурген, не видавший ее прежде, озирался по сторонам, разинув рот в благоговейном страхе. Масло с Ведьмаком изо всех сил делали вид, что эта груда камня их ничуть не впечатляет. Гоблин с Одноглазым были слишком заняты, чтобы глядеть вокруг. Ну а Госпожа эту Башню сама же и построила, когда была личностью одновременно гораздо крупнее и гораздо мельче, чем сейчас.

А я полностью сосредоточился на принятии нужного вида. Полковник, возглавляющий группу торжественной церемонии, был мне знаком. Мы уже встречались, когда судьба приводила меня в Башню ранее. Взаимные наши чувства можно было назвать двоякими, в лучшем случае.

Он также узнал меня, чем был очень озадачен. Мы ведь с Госпожой покинули Башню вместе, и тому уже больше года.

— Как поживаете, полковник? — спросил я, изображая на лице широкую, дружелюбную улыбку.— Вот мы и вернулись. С победой.

Он взглянул в сторону Госпожи. Я тоже покосился на нее. Теперь у нее есть возможность...

Она приняла наинадменнейший вид. Я бы поклялсяся мог, что она и есть дьявол, обитающий в этой Башне. Да ведь так оно и было. Раньше. Такие, как она, не умирают с потерей могущества. Кстати, а была ли потеря?

Похоже, она играла мне на руку. Я глубоко вздохнул и на миг прикрыл глаза, а Башня тем временем приветствовала свою сеньору.

Я доверял ей, но... Как знать? Как залезть в чужую душу? Особенно когда человек теряет всякую надежду...

Все-таки не исключено, что она снова возьмет на себя управление Империей, укрывшись в своей потайной части Башни и предоставив своим людям считать, что она совсем не изменилась. Этому ничто не мешало.

Этот вариант я не исключал даже в выполнении обещания вернуть Анналы.

Товарищи мои были уверены, что так она и поступит. И несколько опасались того, какую форму может принять первый ее приказ в роли Императрицы Теней.

Глава 5 Цепи Империи

Госпожа сдержала слово. Я получил Анналы в первые же часы нашего пребывания в Башне, пока ее обитатели оставались в обалдении от возвращения хозяйки. Однако...

— Костоправ, я хочу ехать дальше с тобой.

Так сказала она на второй вечер, когда мы любовались закатом с крепостной стены.

Я ответил со всем красноречием лошадиного барышника:

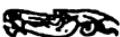
— Э-э... Кхм... Мнэ-э...

Вот так. Поразительно бойкий и красноречивый ответ. Какого ляда ей ехать с нами? Чего ей не хватает здесь, в Башне? Один-единственный тщательно провернутый обманенный трюк — и всю оставшуюся бренную жизнь она будет могущественнейшим созданием в мире. Что проку ехать незнамо куда, незнамо зачем с шайкой усталых стариков, которые, скорее всего, просто бегут от самих себя?

— Здесь нет больше ничего моего, — продолжала она, словно это что-нибудь объясняло. — Я хочу... Я просто хочу понять, что это такое — быть обычным человеком.

— Тебе не понравится. Совсем не то что — быть Госпожой.

— Но это мне никогда не доставляло особенного удовольствия, — после того, как я снова обрела это и увидела, что это такое на самом деле. Ты ведь не откажешь мне, правда?

Дурачится она, что ль? Я бы на ее месте не стал. Все равно это понимание поверхностно. После того как она воцарится в Башне, я думал, этому придет конец.

Скрытый смысл сказанного ею сбил меня с толку.

— Так ты позволишь?

— Ну, если хочешь...

— Только здесь некоторые трудности.

Ну да, как же с женщинами без этого?

— Я не могу отправляться прямо сейчас. Без меня здесь все наперекосяк, и мне нужно всего несколько дней — навести порядок, чтобы ехать спокойно.

Неприятностей, ожидаемых мною, мы здесь не встретили. Никто из ее людей не смел разглядывать ее поближе. С этой публикой все труды Одноглазого с Гоблином пропали даром. Все полагали, что Госпожа вернулась и вновь взяла в свои руки бразды правления, а Черный Отряд снова вернулся в Башню под ее покровительством. Этого было достаточно.

Поразительно! До Опала всего две-три недели пути! А оттуда — через Море Мук — совсем недалеко до портов, не принадлежащих Империи. По зрелом размышлении, надо бы пользоваться моментом и делать ноги.

— Ты ведь меня понимаешь, Костоправ? Всего несколько деньков. Честное слово. Только привести дела в порядок. Империя — вполне отлаженная машина и работает гладко, пока проконсулы полагают, что ею кто-то управляет.

— Ладно. Хорошо. Пару дней подождать можно. Только держи своих подальше от нас. И сама держись подальше от них, не давай времени приглядеться к тебе.

— Я и не собиралась... И знаешь, Костоправ...

— Чего?

— Поучи свою бабушку яичницу жарить.

От изумления я рассмеялся. Да, она все более очеловечивалась. И даже научилась смеяться...

Словом, намерения у нее были самые благие. Но тот, кто правит Империей, неизбежно становится рабом разных административных мелочей. Прошло несколько дней. И еще несколько миновало. И еще...

Лично я мог развлекаться, шаря в библиотеках Башни, роясь в редчайших, древних, эпохи Владычества или даже старше, текстах, распутывая хитросплетения загадок истории севера, но вот остальным пришлось туто. Им не оставалось ничего, кроме тревог да единственной заботы: прятаться от всех вокруг. Ну, еще изводить Гоблина с Одноглазым, хотя эти двое сами кого хочешь изведут. Помимо того, для тех, кто не наделен колдовским даром, Башня была просто темной и мрачной грудой камня. Но Гоблин с Одноглазым ощущали ее как гигантскую машину магии на полном ходу, и посейчас населенную бесчисленными мастерами темных искусств. Их жизнь здесь превратилась в непрестанный ужас.

Одноглазыйправлялся с этим лучше, чем Гоблин. Время от времени он все же находил силы подавить чувство ужаса, выходя наружу, на поле старой битвы, и ковыряясь в собственных воспоминаниях. Иногда и я присоединялся к нему и был уже почти готов воспользоваться разрешением Госпожи и вскрыть пару старых могил.

Однажды вечером Одноглазый спросил:

— Что, до сих пор беспокоишься?

Я в это время стоял, опершись на древко лука, воткнутого вместо памятника в могилу Взятого, которого, согласно надписи, звали Безликом. Тон Одноглазого был серьезен как никогда.

— Есть такое дело, — признался я. — Не совсем понимаю, почему, ведь все это в прошлом, однако мысли обо всем этом покоя не прибавляют. В то время я чувствовал иначе. Тогда все казалось само собой разумеющимся. Великая битва, избавившая мир от Мятежников и большинства Взятых, развязавшая руки Госпоже, делая ее в то же время Властелином. Но в контексте последних событий...

Одноглазый вдруг пришел в возбуждение и поволок меня за собой. Мы дошли до места, ничем не отмеченного, кроме его памяти. Здесь была повергнута тварь под названием «форвалака». Та, что — возможно — убила его брата в давние дни, когда мы в первый раз столкнулись с Душе-

ловом, послом Госпожи в Берилле. Форвалака — тварь наподобие вампира, леопард-оборотень, и родина ее — родные джунгли Одноглазого, где-то там, на юге. Одноглазому пришлось целый год охотиться за нею, чтобы отомстить.

— Ты вспоминаешь, как трудно было отделаться от Хромого, — задумчиво сказал он.

Он явно вспомнил нечто, что, мне казалось, он давно забыл.

Мы так и не узнали тогда, та ли форвалака, что убила Тамтама, понесла наказание за это. В те дни Взятая Душелов близко сошлась с другим Взятым, по имени Меняющий Облик, и по всему выходило, что в эту ночь Меняющий Облик будет в Берилле. И примет вид форвалаки, дабы убедиться, что царствующая фамилия уничтожена и победа достанется Империи дешево.

В общем, если Одноглазый и отомстил за Тамтама не той твари — плакать было поздно. Меняющий Облик стал одной из жертв Битвы при Чарах.

— Да, я вспоминаю Хромого, — согласился я. — Одноглазый, я ведь убил его в той гостинице! Наверняка. И, не появившись он снова, никогда бы не усомнился, что он мертв.

— И насчет этих не сомневаешься?

— Немного.

— Хочешь прийти, как стемнеет, и раскопать одну?

— А что толку? В могиле кто-нибудь да окажется. А как знать, тот или не тот?

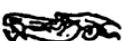
— Они были убиты другим Взятым и членами Круга. А это совсем не то, что, например, тобой, бесталанным.

Он имел в виду отсутствие колдовских способностей.

— Знаю... Те, кто считается их победителями, действительно могли сделать это. Потому только и могу еще думать о чем-то другом.

Одноглазый тупо уперся взглядом в землю. Когда-то здесь стоял крест с распятой на нем форвалакой. Через некоторое время он зябко поежился, и мысли его обратились к настоящему.

— Ладно. Теперь это уже неважно. Было это, если и недалеко, то давно... А мы, если нам удастся выбраться отсюда, будем очень далеко.

Он сдвинул свою черную мягкую шляпу на глаза, чтобы не мешало солнце, и поднял глаза на Башню. За нами наблюдали.

— С чего это она желает идти с нами? Вот что не дает мне покоя. Ей-то это зачем? — С этими словами он как-то странно поглядел на меня, затем, сдвинув шляпу на затылок и уперши руки в бока, продолжал: — Знаешь, Костоправ, иногда смотрю на тебя и глазам своим не верю. Какого черта ты здесь ее дожидаешься, когда мы могли быть уже далеко отсюда?

Хорош был вопрос. Сколько думал над этим — стесняясь как-то отвечать на него.

— Ну, пожалуй, она мне вроде как нравится. Я считаю, она заслуживает некоторой толики обыкновенной жизни. Да она, в общем-то, ничего. Правда.

Одноглазый, выдав мимолетную дурацкую усмешку, отвернулся к ничем не отмеченной могиле.

— Да, Костоправ, с тобой не соскучишься. Смотреть, как ты тут колбасишься, само по себе поучительно. Так скоро мы сможем отправляться? Мне здесь совсем не нравится.

— Не знаю. Этак еще через несколько дней. Ей прежде надо кое-что утрясти.

— Это ты так...

Тут я, боюсь, рыкнул на него:

— Когда будем отправляться — я тебя извещу!

Однако это самое «когда» все не наступало. Дни шли, а Госпожа никак не могла выпутаться из паутины административных забот.

Затем — в ответ на эдикты Башни — повалили вести из провинций. И каждая требовала первоочередного разбора.

Словом, мы провели в этом ужасном месте целые две недели.

— Костоправ, да вытащи же нас отсюда! — потребовал Одноглазый. — Нервы больше не выдерживают!

— Но пойми, у нас ведь дела...

— У нас тоже дела, ты сам говорил. Кто сказал, что наше дело — ждать, пока она со своими разделается?

Тут на меня наехал Гоблин. Обеими ногами.

— Костоправ, мы двадцать лет уже терпим твои завихи! — заорал он. — Потому, что было интересно! Когда становилось скучно, было над кем поиздеваться! Но смерти своей я не желаю, это я распроабсолютнейше точно тебе говорю! Если даже она нас всех в маршалы произведет!

Я подавил вспышку гнева. Конечно, сдержаться было тяжело, но Гоблин был совершенно прав. Зачем торчать здесь, подвергая людей величайшему риску? Чем дольше мы ждем, тем больше вероятности, что что-нибудь сквасится. Нам достаточно хлопот со Стражей Башни, весьма обиженной нашей близостью к хозяйке после того, как мы столько лет воевали против нее.

— Мы выходим завтра утром, — сказал я. — Извините, ребята. Я — не просто предоставленный сам себе Костоправ, а человек, выбранный вами главным. Простите, что я забыл об этом.

Ай да Капитан! Одноглазый с Гоблином были полностью сконфужены. А я усмехнулся:

— Так что — пакуйтесь и увязывайтесь! Выезжаем с рассветом.

Она разбудила меня среди ночи. Я было даже подумал...

Затем я увидел ее лицо. Она все слышала.

Она упрашивала меня оставаться еще — всего лишь на денек! Самое большее, на два. Ей ведь не больше нашего нравится пребывать здесь, в окружении всего того, что потеряла, что теперь терзает ее самолюбие. Она хочет уехать отсюда, с нами, со мной, с единственным другом всей ее жизни...

Мое сердце рвалось на куски.

На бумаге все это выглядит — глупее некуда, но что сказано, то сказано. Я даже гордился собой. Я не поддался ни на дюйм.

— Всему этому не будет конца, — сказал я. — Всегда будет оставаться еще одно дело, которое надо закончить. Пока мы ждем, Хатовар не становится ближе. Приближа-

ется только смерть. Да, ты дорога мне. Я не хочу уезжать... Но смерть здесь прячется за каждым углом, в каждой Тени. Она вписана в сердце каждого, кто обижен и возмущен моей близостью к тебе. А в Империи оно всегда так, и за последние дни множество старых императоров получили по-вод для глубочайшей ненависти ко мне.

— Ты обещал мне ужин в Садах Опала.

Да я тебе все, что хочешь, пообещаю, сказало мое сердце. А вслух я отвечал: — Я и не отказываюсь. Обещание в силе. Однако я должен вывести отсюда ребят.

Я впал в задумчивость, а она, кажется, начала нервничать, что ей обычно не свойственно. В глазах ее после отказа заплясали искорки — она явно что-то замышляла. Мной тоже можно управлять, и оба мы это понимали. Но она никогда не действовала личными путями в делах политических. По крайней мере, со мной.

Я думаю, каждый когда-нибудь находит человека, с которым он может быть совершенно честен, чье добroе мнение заменяет мнение всего мира. И это добroе мнение становится важнее всех подных, скользких замыслов, алчности, похоти, самовозвеличения — всего, что мы творим втихаря, тем временем убеждая мир в том, что мы — всего лишь простые, душевые люди. Так вот, я был ее объектом честности, а она — моим.

Одно лишь мы скрывали друг от друга — и только из-за боязни: а вдруг оно, будучи раскрытым, изменит все остальное и, быть может, вдребезги разобьет откровенность во всем остальном.

Да бывают ли любящие когда-нибудь до конца честны?

— По моим прикидкам, мы доберемся до Опала недели за три. Еще неделя, чтобы подыскать достойного доверия корабельщика и заставить Одноглазого согласиться пересечь Море Мук. Значит, через двадцать пять дней, считая от сегодняшнего, я буду в Садах. И закажу ужин в Камелиевом Гроте.

Я погладил шишку совсем рядом с сердцем. Шишка представляла собою прекрасно выделанный кожаный бумажник, в коем содержались грамоты, удостоверяющие,

что я, генерал вооруженных сил Империи, являюсь полномочным легатом, подчиненным лично Госпоже.

Именно так, а не иначе. Замечательный повод для ненависти со стороны тех, кто служит Империи всю жизнь.

Я и сам не слишком хорошо понял, как до этого дошло. Какой-то шутливый трюк в один из тех редчайших часов, когда она не занималась изданием декретов и рассылкой воззваний. А затем я вдруг обнаружил, что осажден тучей портных. Оказался при полном имперском гардеробе. Наверное, никогда не разобраться мне, что означают все эти бесчисленные канты, кокарды, пуговицы, медали и прочие побрякушки. Словом, в этой одежде я чувствовал себя крайне гаупо.

Однако совсем скоро я понял некоторые выгоды, извлеченные из того, что попервости показалось просто тонкой, затейливой шуткой.

У нее есть чувство юмора в этих делах, она не всегда относится серьезно к такой ужасающей серьезной штуке, как Империя.

И выгоды эти, я уверен, увидела задолго до меня.

Словом, мы беседовали о Камелиевом Гроте в Садах Опала, излюбленном в высшем обществе месте для обозрения людей и показа себя.

— Я каждый вечер буду ужинать там. Ты можешь присоединиться в любой момент.

В лице ее мелькнуло тщательно скрываемое напряжение.

— Хорошо,— отвечала она.— Если буду поблизости.

Вот в такие минуты мне становится очень неуютно. Что бы ни сказал в ответ, все выйдет не так. И тут я не нашел ничего лучше классического подхода Костоправа.

Просто повернулся и пошел.

Вот так я управляюсь со своими женщинами. Если они в расстроенных чувствах — немедля ищи укрытие.

Я почти дошел до двери.

Когда ей было нужно, она могла двигаться очень быстро и, преодолев дистанцию, обняла меня, прижавшись щекой к моей груди.

Вот так они управляют мной, дурнем чувствительным. Романтиком занюханным. Я хочу сказать, мне даже не нужно понимать их. Но на меня безотказно действует одно — если они распускают нюони.

Так я держал ее, пока было нужно. Мы и не взглянули друг на друга, когда я уходил. Тяжелая артиллерия ей не понадобилась.

Как правило, она играла по-честному. Этого у нее не отнять. Даже когда была Госпожой. Скользкой, хитрой, но более-менее честной.

Всякий приличный легат наделен кучей прав, вроде жалования поместий и перераспределения казенных денег. Я вызвал тех самых портных и спустил их на своих ребят. Роздал должности. Взмахом магического жезла я обратил Одноглазого с Гоблином в полковников. Ведьмак и Масло превратились в капитанов. Я даже не пожалел кое-каких чар на Мургена, и тот стал выглядеть совсем как настоящий лейтенант. Я выплатил всем нам жалованье за три месяца вперед. Всех прочих здорово передернуло. Хотя бы по этой причине Одноглазый еще больше возжалел поскорее оказаться где-нибудь, где можно от души злоупотребить новообретенными привилегиями. Но в тот момент он, в основном, препирался с Гоблином насчет того, чья должность выше. Эти двое всегда принимали везение как обязаловку.

Самый смех наступил, когда она призвала меня для вступления в должность и настояла на внесение в документы настоящего имени. Я это самое имя не сразу вспомнил.

Выезжали мы, словно бежали от погони. Только уже не той оборванной шайкой, что въехала в Башню.

Я расположился в карете вороненой стали, запряженной шестеркой бешеных вороных жеребцов, Мурген — за кучера, а Масло с Ведьмаком — на запятках. Далее — вереница оседланных лошадей. Одноглазый с Гоблином, презрев карету, заняли места направляющего и замыкающего и ехали верхом на зверях под стать запряженным в карету. И двадцать шесть конногвардейцев — в качестве эскорта.

Лошадей она нам пожаловала породы дикой и прекрасной; такими доселе жаловали лишь величайших героев ее Империи. Когда-то, давным-давно, я ездил на таком — в битве при Чарах, когда мы с Госпожой охотились за Душеловом. Такие могут бежать вовсе без отдыха. Волшебные звери! Подарок — просто за гранью вероятного.

И как вся эта непостижимость могла приключиться со мной?

Год назад я жил в земляной норе, в этом прыщце на заднице мира, под названием Равнина Страха, с полусотней других людей, в постоянном страхе быть обнаруженными Империей. Новой или хоть чистой одежды не имел лет десять, а уж баня с бритьем ценились на вес бриллиантов.

Напротив меня в карете лежал черный лук, первый подарок от нее. Она подарила его мне еще до того, как Отряд отошел от нее. И служил он мне верой и правдой... Колесо совершило оборот.

Глава 6 Опал

Ведьмак во все глаза глядел, как я заканчиваю свой туалет.

— Боги мои... Ты, Костоправ, и впрямь тянешь на легата.

— Удивительно, как меняют человека бритва и банька,— добавил Масло.— Я считаю, тебе вполне подходит слово «изысканный».

— Не, Масло, чудо небывалое!

— Что за сарказм, ребята?

— Да я,— заверил меня Масло,— только сказал, что ты вправду здорово выглядишь. Если только тебе удается добить хоть рогожку, чтобы прикрыть, где линия волос спускается к заднице...

Похоже, он не шутил.

— Ладно вам,— буркнул я и сменил тему.— Словом, я сказал: не спускайте глаз с этой парочки.

Мы только четыре дня как прибыли в город, а мне уже дважды пришлось своим ручательством избавлять Гоблина с Одноглазым от неприятностей. Даже легат не все может покрыть, замять и спустить на тормозах.

— Но нас только трое, Костоправ,— возразил Ведьмак.— Что поделаешь, если они не хотят быть под присмотром?

— Ребята, я вас знаю. Вы что-нибудь придумаете. А пока думаете, проследите, чтобы все это барахло упаковали и отправили на корабль.

— Слушаюсь, сэр, ваше высоколегатское превосходительство!

Я уже готов был выдать один из своих искрометных, остроумнейших, испепеляющих ответов, но тут в комнату заглянул Мурген:

— Капитан, карета подана.

А Ведьмак подумал вслух:

— И как удержать их под присмотром, когда мы даже не знаем, где они? Их с самого обеда никто не видел.

Я отправился к карете, от души надеясь, что не успею нажить себе язву до того, как выберусь из пределов Империи.

С грохотом промчались мы по улицам Опала: мой эскорт из двадцати шести конногвардейцев, мои вороные, звонкая стальная карета и я собственной персоной. Искры сыпались из-под копыт коней и колес кареты. Очень живописно, однако, ездить в этом металлическом чудище — все равно что сидеть в стальном ящике, по которому с энтузиазмом лупят обуянные страстью к разрушению великаны.

Мы подлетели к воротам Садов, распугав ротозеев. Я вышел из кареты, держась куда прямее, чем обычно, и выдал развинченный освобождающий жест, перенятый у какого-то принца, с которым как-то где-то свела меня извилистая судьба. Я прошел в поспешно распахнутые передо мной ворота и направился к Камелиевому Гроту, надеясь, что память прежних дней не выдаст.

Прислуго Садов едва не стелилась под ноги. Я не обращал на них внимания.

Путь мой лежал мимо гладкого и серебристого, словно зеркало, пруда. Тут я замер с отвисшей челюстью.

Да, я и вправду импозантен, если вымыть и приодеть. Но разве глаза мои — вправду две шаровые молнии, а разинутый рот — пылающее горнило?

— Этих двоих — во сне удушу, — пробормотал я про себя.

Мало мне огня в глазах — за спиной еще маячила едва различимая тень. Призрак, намекавший, что легат — все-го-навсего иллюзия, созданная куда более темной силой.

Будь проклята эта парочка со своими специфическими шуточками!

Отправившись дальше, я заметил, что в Садах полно народу, однако повисла абсолютная тишина. Все наблюдали за мной.

Я уже слышал, что Сады ныне не так популярны, как некогда.

Значит, собирались специально ради меня. Ну да, как же. Новый генерал. Никому не известный легат из темной башни. Волки желали взглянуть на тигра.

Этого следовало ожидать. Мой эскорт. У них было целых четыре дня, чтобы рассказывать небылицы по всему городу.

Я принял самый высокомерный вид, на какой только был способен. А внутри вовсю шелестел шепоток страха сопляка, впервые выходящего на подмостки.

Я устроился в Камелиевом Гроте, подальше от взглядов толпы. Меня окружали Тени. Служители подошли осведомиться, чего я пожелаю. Раболепны они были — до отвращения.

И какой-то отвратительной частице меня это весьма польстило. Частица была достаточно велика, чтобы я понял, отчего некоторые так жаждут власти. Что до меня самого — нет уж, премного благодарен. Я слишком ленив для этого. Да к тому же боюсь, неудачливая жертва чувства ответственности. Поставь меня во главу угла, и я ведь вправду стану добиваться целей, для которых предназначена эта должность. Наверное, страдаю недостатком социопатического духа, необходимого, чтобы стать важной шишкой.

А как вести себя за ужином из нескольких перемен блюд, когда являешься завсегдатаем таких мест, где — либо ешь что дают, либо подыхай? Это ведь искусство — иметь преимущество перед таким стадом, боящимся, что ты сожрешь их всех, если окажешься недоволен. Вопрос, другой, привычная врачебная интуиция относительно намеков и подтекстов — и дело сделано. Я отоспал служителей на кухню с наказом не слишком торопиться — попозже ко мне может присоединиться компаньон.

Нет, я не ждал Госпожу. Просто проделывал все по пунктам. То есть намеревался прокрутить свидание без партнерши.

Прочие гости продолжали искать повода пройти мимо и взглянуть на нового человека. Я даже пожалел, что не взял с собой эскорта.

Послышался рокот, наподобие отдаленного раската грома. Рокот приближался; по Садам прокатился шепоток, сменившийся гробовой тишиной, тут же нарушенной ритмичным цокотом стальных каблуков.

Поначалу я не поверил. Не верил даже встав, чтобы приветствовать ее.

Показались Стражи Башни, остановились, развернулись, замерли навытяжку. Меж ними, маршируя на «ать-дватри» и задавая такт, словно тамбур-мажор, показался Гоблин. Выглядел он — точь-в-точь как настоящий гоблин, только что выдернутый из некоего особо жаркого пекла. Он мерцал, будто раскаленное железо. За ним тянулся шлейф огненной дымки в несколько ярдов длиной. Он взошел в Гrot, сделал толпе оловянные глаза, а мне подмигнул. Затем он промаршировал через Гrot к противоположным ступеням и занял свой пост, лицом наружу.

Какого беса они опять затеваюят? Дожимают свою шуточку до конца?

Затем появилась Госпожа — ослепительная, словно мечта, и прекрасная, точно сон. Я, щелкнув каблуками, поклонился. Она спустилась в Гrot, дабы присоединиться ко мне. Да, на нее стоило посмотреть! Она протянула мне руку. К счастью, многие тяжкие годы не избавили меня от изящных манер.

Пожалуй, все это даст Опалу тему для пересудов!

Одноглазый, окутанный темной дымкой, где кишмя кишили глазастые тени, спустился вслед за Госпожой и тоже осмотрел Гrot.

Затем он повернулся к выходу, но я сказал:

— Пожалуй, я сожгу дотла эту шляпу.

Он был разодет, как лорд, однако на голове красовалась все та же шляпа тряпичника.

Он ухмыльнулся, занимая свой пост.

— Ты уже сделал заказ? — спросила Госпожа.

— Да. Но только на одного.

Тут в Гrot мимо Одноглазого пробежала небольшая орда перепуганных служителей, с хозяином Садов во главе. Если уж они гнусно раболепствовали передо мной, то теперь сделались неописуемо отвратительны. Самого-то меня никогда не впечатляли титулы и должности...

Ужин был долг, неспешен и большей частью прошел в молчании. Только я время от времени посыпал через стол недоуменные взгляды. Незабываемый был ужин, хотя Госпожа намекала, что ей доводилось пожрать и куртуазней.

Дело было в том, что мы были совсем уж как на сцене: не только для публики, но и друг перед другом. Как тут прикажете наслаждаться жизнью?

Между всем прочим, я признался, что не ожидал ее появления. Она сказала, что после того, как мы вихрем вылетели из Башни, поняла, что если сию же минуту не бросит все дела, то никогда не стряхнет с себя оков ответственности за Империю — разве что кто-нибудь убьет ее и тем самым освободит.

— Значит, просто так ушла — и все? Да ведь Башня рухнет!

— Нет. Я оставила ее под надежным присмотром. Я наделила властью достойных людей, чьим суждениям верю, но так, чтобы Империя перешла под их власть постепенно, до того, как они поймут, что я дезертировала.

— Надеюсь, так оно и будет.

Я, вы знаете, записной адепт той философской школы, каковая утверждает, что ежели что-то может скваситься, то оно обязательно забродит.

— Но для нас это будет уже неважно. Мы будем вне пределов их досягаемости.

— Но если половина континента будет охвачена гражданской войной — это как-то неуютно. В моральном смысле.

— Я считаю, что искупила этот грех загодя.

На меня дохнуло холодом. Ну когда я научусь держать мой проклятый рот на замке?!

— Извини. Ты права. Я не подумал об этом.

— Принимаю. Кстати, мне тоже есть в чем повиниться. Я несколько свободно обошлась с твоими планами.

— Э-э? — В этот момент я выглядел на редкость интеллектуально.

— Я отменила твое плавание на том торговом корабле.

— Как? Зачем?

— Легату Империи не подобает путешествовать на старой и грязной барже с зерном, Капитан. Дешевкой выглядит. Квинквирема, построенная Душеловом, «Крыло Тьмы», стоит в порту. Я приказала подготовить ее к плаванию в Берилл. Боги мои! Та самая роковая квинквирема, что доставила нас на север!

— В Берилле нас не слишком любят.

— Ныне Берилл — одна из провинций Империи. Теперь граница отстоит от берега моря на три сотни миль. Или ты забыл, что сам дрался за это?

Хотелось бы забыть!

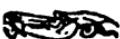
— Нет. Но за последние несколько десятков лет я где только ни был...

Если граница отодвинулась так далеко, значит, имперские сапожищи топчут асфальт на улицах моего родного города. Никогда не думал, что южные проконсулы смогут расширить границу дальше прибрежных вольных городов — ведь стратегически необходимы им были лишь сами Самоцветные Города.

— Ну а теперь что не дает тебе покоя?

— Мне? Нет, ничего. Давай наслаждаться цивилизованной жизнью. Нам ее и без того очень мало отпущено.

Наши взгляды встретились. В ее глазах мелькнули вызывающие искорки. Я отвел взгляд.

— Как тебе удалось привлечь к своей шараде этот клунский дуэт?

— Исключительно щедростью.

Я рассмеялся. Ну конечно! За деньги — все что угодно.

— Когда «Крыло Тьмы» будет готово к открытию?

— Через два дня. Самое большое, через три. Но нет, никакими делами Империи я здесь заниматься не стану!

— Эт-хорошо. Знаешь, я уже нафарширован по самые жабры, хоть в духовку сажай. Надо бы пойти прогуляться, для моциона. Есть тут безопасное место, куда мы могли бы пойти?

— Пожалуй, я знаю Опал хуже, чем ты, Костоправ. Я никогда прежде не бывала здесь.

Наверное, вид мой сделался удивленным.

— Не могла же я бывать везде! Некоторое время я была занята на севере и на востоке. Затем некоторое время воевала с мужем. Затем — ловила тебя. У меня никогда не хватало времени на пышные развлекательные туры.

— Благодарение звездам.

— За что?

— За то, что ты не успела испортить фигуру. Вроде как комплимент.

Она испытывающе взглянула на меня.

— Но ты и так отлично знал обо всех моих делах. Ты описывал все это в Анналах.

Я усмехнулся. Струйки дыма просочились наружу меж моих зубов.

Ну я им задам!

Глава 7 Копченый и Баба

Лозан полагал, что уж Копченого-то найдешь в любой толпе. То был сморщеный, маленький, тощий типчик; как кожура грецких орехов, подернутая чернотой. Разве что несколько пятнышек осталось — розовыми были его ладони, одно предплечье да пол-лица. Словно после покраски в него плеснули кислотой.

Копченый не сделал Лозану ничего дурного. Пока что. Однако Лозан его не любил. А Нож был просто равнодушен к нему. Тому вообще на всех плевать. Корди Мотер же говорил, что суждения свои держит при себе. Да и Лозан никак не проявлял свою неприязнь: Копченый все-таки был Копченым да еще якшался с Бабой.

Баба тоже ждала их. Она была еще темнее Копченого и, насколько Лозан мог судить, кого угодно в Таглиосе. Лицо ее обычно несло на себе выражение крайней неприветливости, отчего тяжело было смотреть ей в глаза. Габариты ее для таглиоски были почти предельными, то есть, по понятиям Лебедя, дамой она была не слишком-то крупной. Ничто в ней, помимо того, что вела себя уж очень похозяйски, не производило впечатления. Одевалась Баба не лучше любой уличной старухи, которых Корди прозвал воронами. Постоянно замотаны в черное, словно крестьянки, виденные друзьями по дороге через земли Самоцветных Городов.

Узнать наверняка, кто Баба такая, они не могли, однако понимали, что отнюдь не простая баба. Она имела связи во дворце Прабриндраха, на самом верху. Копченый работал на нее. А простые рыбачки колдунов на жалованье не держат. И вообще оба они были очень похожи на представителей власти, тщетно старающихся не выглядеть официально. Словно бы не вполне представляли, какими должны быть простые люди.

Местом встречи оказался дом, явно принадлежащий персоне важной, только Лозану не удалось вычислить, кому именно. Классовые и иерархические различия не много значили в Таглиосе — религиозные поборы съедали львиную долю доходов.

Войдя в комнату, Лозан взял себе кресло и уселся поудобнее. Пусть видят, что он им не мальчик, который прибежит, едва поманят. Нож и Корди проявили больше осмотрительности.

— Нож говорил, — начал Корди, подмигнув Лозану, — что вы, ребята, желаете порассуждать о кошмарах Копченого. Копченый их не из трубки высосал?

— Вы прекрасно понимаете, господин Лебедь, чем интересны для нас. Несколько веков в Таглиосе с прилежащими землями царил мир. Искусство войны забыто. Просто за ненадобностью. Поскольку наши соседи в равной мере пострадали от прохода...

Лозан обратился к Копченому:

— Это она — по-таглиосски?

— Как пожелаете, господин Лебедь.— Лозан уловил мелькнувшую в глазах Бабы злобную искорку.— Свободные Отряды по пути через наши земли творили такую хрень, что люди триста лет и взглянуть-то на оружие боялись.

— Угу,— промычал Лозан.— Так-то лучше. Уже можно говорить. Давай дальше.

— Нам нужна помощь, господин Лебедь.

— Так-так,— пробормотал Лозан.— Я слышал, будто этак семьдесят пять или сто лет назад здешние снова наконец начали играть в подобные игры. Стрельба из лука, то да се... Только не человек в человека. После того как явились Хозяева Теней, взяли Траджевец и Къяулун и поменяли названия на Бесплотие и Тенелов.

— Къяулун — означало Врата Тени,— сказал Копченый. Голос его, как и кожа, обладал странными контрастами, словно в горле Копченого иногда что-то поскрипывало. По спине Лозана пробежали мурашки.— Так что разница невелика. Да. Они пришли. И, подобно легендарному Кине, выпустили на волю опасное знание. В данном случае, военное искусство.

— Затем они принялись делить Империю, и кабы не та заваруха у Тенелова, кабы не были они так заняты друг другом, то были бы здесь еще пятнадцать лет назад. Это я знаю. Я тут поспрашивал по округе с тех пор, как вы, ребята, впервые завели подобный разговор.

— И?

— Значит, пятнадцать лет вы знали, что они в один прекрасный день придут. И за эти самые пятнадцать лет пальцем не шевельнули. Теперь вы вдруг узнаете точно, когда наступит этот день, хватаете трех парней с улицы и говорите, что они способны творить чудеса. Тут уж извини, сестренка. Лозана Лебедя на это не поднachiшь. На это у

тебя — вон — колдун имеется. Пусть-ка старичок хоть голубей со своей шляпы сгонит.

— Чудес нам от вас не требуется, господин Лебедь. Чудо уже произошло. Копченый видел его во сне. Нам требуется время, чтобы чудо подействовало.

Лозан хрюкнул.

— Мы смотрим на ситуацию реалистически, господин Лебедь. С тех пор как появились Хозяева Теней, иначе нельзя. Положение отчаянное, и политика страуса погубит все. Мы делаем то, что может быть полезным, в цивилизованном ключе. Мы вдохновляем массы принять и проникнуться мыслью, что отразить нападение — дело великое и славное.

— И они таки клюнули,— заметил Нож.— Они готовы отправиться навстречу смерти.

— И это все, на что они годятся,— заметил Лебедь.— Пойти и умереть.

— Почему? — спросила Баба.

— Никакой организации,— пояснил Корди Мотер.— И тут ничего не поделать. Ни один человек из главных религиозных семей не подчинится приказу члена другой семьи.

— Совершенно верно. Религиозные конфликты сделают создание армии невозможным. Может быть, три армии? Но тогда высшие священники могут использовать их для сведения счетов между собой...

— Им бы сжечь все храмы да попов передавить,— проворчал Нож.

— Такие же чувства часто выражает мой брат,— сообщила Баба.— Мы с Копченым полагаем, что они пойдут за чужаками, умеющими воевать, но не принадлежащими ни к какой фракции.

— Значит, ты хочешь сделать меня генералом?

— Лозан,— захототал Корди,— кабы боги думали о тебе хоть в половину того, что ты о себе мнишь, ты давно правил бы миром! Думаешь, ты и есть то чудо, которое Копченый видел во сне? Не собираются тебя производить в генералы. Успокойся. Может, разве для виду, пока не надоешь.

— Чего?!

— А кто говорил, что провел в армии лишь два месяца и даже в ногу шагать не выучился?

— А-а... — Лозан минуту поразмыслил. — Пожалуй, я понимаю.

— Вы действительно будете генералами, — сказала Баба. — И в основном нам придется полагаться на практический опыт господина Мотера. Но последнее слово будет за Копченым.

— Нам необходимо выиграть время, — подхватил колдун. — Целую кучу времени. Весьма скоро Луннотень движет объединенные пятитысячные силы на Таглиос. Нам нельзя быть побежденными. Если есть хоть какой-то шанс, мы должны выиграть.

— Если бы желание да было бы конем...

— И вы готовы заплатить за это? — спросил Корди, словно полагал, что задача выполнима.

— Готовы, — ответила Баба. — Какова бы ни оказалась цена.

Лозан все смотрел на нее и наконец не смог более удерживать за зубами тот самый вопрос:

— А вы, госпожа хорошая, все-таки кто такая будете? Обещания ваши и планы...

— Я — Радиша Драх, господин Лебедь.

— Мать честная, — пробормотал Лебедь. — Старшая сестра князя... — Та самая, которую многие называют истинной владычицей здешних мест... — Я что-то такое подозревал, но...

Он был потрясен, взванован и перепуган. Однако он был бы не он, кабы не развалился в кресле, не скрестил бы руки на брюхе и не спросил бы с широкой улыбкой:

— Так что же мы с этого будем иметь?

Глава 8 Опал. Воронье

На первый взгляд Империя сохранила свою целостность, однако развал старого порядка зашел далеко. Гуляя по улицам Опала, просто чувствуешь всеобщую расслаб-

лленность. Ходят наглые слухи по поводу «новой смены власти». Одноглазый говорил о повышении активности черного рынка — в этом вопросе он уже добрую сотню лет спеш. А сам я невзначай услыхал о каких-то преступниках, заключенных в тюрьму без всяких официальных санкций...

Госпожу, похоже, это вовсе не трогало.

— Империя возвращается в русло обычной жизни. Войнам конец. В строгостях прошлого времени более нет нужды.

— То есть пора и отдохнуть?

— Отчего нет? Ты же первый жаловался, что за мир заплачено дорого.

— Ну да. Но сравнительный порядок, обеспечение соблюдения законов об общественной безопасности... Этим всем я просто восхищался!

— Как ты мил, Костоправ! Значит, мы были не так уж плохи? Это сказал ты?

Она и раньше чертовски хорошо знала, что я об этом думаю!

— Я, понимаешь ли, не верю в зло в чистом виде.

— Тем не менее оно существует. Оно вспухает нары-вом на севере, под серебряной занозой, загнанной твоими друзьями в ствол отприска этого «божьего сына».

— Даже во Властелине может быть хоть самая малость хорошего. Может, он маму свою любил...

— Но скорее, вырвал из ее груди сердце и съел. Сырым.

Я хотел было сказать нечто вроде: «Но ты же была за ним замужем», но не следовало давать ей поводов для изменения мнения. Ей и без того хватит.

Но я отвлекся. Я заметил перемены в мире Госпожи. Последней каплей стала дюжина человек, явившихся с вопросом, нельзя ли им записаться в Черный Отряд. Все — опытные, обстрелянные бойцы. А это значит, что люди, годные по возрасту для воинской службы, ныне не у дел. Во времена войны были заняты все. Кто не носил серой формы, тот был в рядах Белой Розы.

Шестерым я отказал сразу, а одного, с золотыми коронками на передних зубах, принял. Гоблин с Одноглазым,

будучи самозванными распределителями имен, окрестили его «Ваше Сиятельство».

Из остальных пяти трое мне понравились, а двое — нет, однако веских доводов за или против кого-либо из них не нашлось. Пришлось сорвать, что все они приняты и пусть явятся на борт «Крыла Тьмы» к отплытию. Затем я посоветовался с Гоблином. Тот сказал, что приглядит, чтобы двое не понравившихся мне опоздали.

Вот тогда я впервые сознательно обратил внимание на воронье. Особого значения этому не придал, просто подивился: куда ни пойди, всюду вороны.

Одноглазый захотел со мной приватно потрепаться.

— Ты не пробовал сунуть нос туда, где остановилась твоя подружка?

Я уже устал оспаривать подобное определение Госпожи.

— А надо бы.

— Как-нибудь потом. И тебя с собой возьму. А что стряслось?

— А то, Костоправ, что это тебе — не жабу гвоздем заколоть. Тяжеленко будет сунуть туда нос, потому что она притащила с собой целую армию. Я думаю, куда бы мы ни направились, она всюду потянет ее за собой.

— Ну нет. Может, она и правит этими землями, но Черный Отряд ей не подчинен. Ни один человек, не подчиненный мне и только мне, не будет командовать этой частью.

Одноглазый захлопал в ладоши.

— Замечательно сказано, Костоправ! Ну совершенно как Капитан! Ты даже собирался точно так же подняться на дыбы, словно громадный старый медведь перед прыжком.

Я, конечно, оригинальностью не отличаюсь, но не думал, что могу быть уличен в плагиате.

— Так в чем дело, Одноглазый? Чем именно она тебя напугала?

— Не напугала, Костоправ. Просто осторожность не помешает. Взять хоть бы ее багаж. Вещей с собой взяла — на целый фургон.

— Ну, с женщинами всегда так.

— Только багаж-то там не женский. Если, конечно, она не носит где-нибудь магических кружавчиков; тут уж тебе лучше знать...

— Магических?

— Что бы у нее там ни было, оно несет в себе заряд силы. И, надо сказать, мощнейший.

— И что мне, по-твоему, делать?

Он покал плечами:

— Не знаю. Просто решил, что ты должен быть в курсе.

— Колдовство — это твоя компетенция. Глянь хоть одним глазком, — тут я хихикнул, — как там, и сообщи, если найдешь что-нибудь полезное.

— Иди ты, Костоправ, со своим чувством юмора...

— Что делать, такое вот оно стало. С кем поведешься...

Еще моя мама предостерегала меня насчет таких, как ты. П-шел прочь. Помоги Гоблину отвадить тех двоих или еще чем-нибудь займись. И не встrevай ни в какие неприятности. Или поплыvешь за кораблем на буксире, в верткой такой, шаткой шлюпке.

Вообще-то чернокожему трудно позеленеть. Одноглазому это удалось.

Угроза подействовала. Он даже удержал Гоблина от излишнего озорства.

Здесь я, хоть и нарушая хронологию событий, набро-саю некоторые заметки о четырех новых членах нашего Отряда. Это Ваше Сиятельство, Бадья (не знаю, почему его так окрестили, он пришел с этой кличкой), Рыжий и Шандал. Последний тоже пришел с этой кличкой. Как он ее получил — история долгая и не особенно интересная, поэтому приводить ее здесь смысла нет. Как новички, они в основном вели себя тихо, под ногами не пугались, выполняли всю грязную работу и приглядывались к нам. Лейте-нант Мурген был просто счастлив — у него наконец по-явились подчиненные.

Глава 9 Через бурное море

Наши черные стальные кареты прогрохотали по улицам Опала, наполняя раннее утро громом и ужасом. Гоблин превзошел самого себя. Вороные жеребцы на сей раз извергали из пастей и ноздрей огонь, а там, где копыта их касались дороги, к небу вздымались языки пламени, угасшего лишь после того, как мы уносились прочь. Горожане забились по норам.

Одноглазый, опутанный ремнями безопасности, тряслся рядом со мной. Напротив нас, сложив руки на коленях, сидела Госпожа. Казалось, тряска ничуть не волновала ее.

Затем наши кареты разделились. Ее свернула к северным воротам, направляясь к Башне. Весь город, как мы надеялись, сочтет, что она находится в этой самой карете. Потом она должна была исчезнуть где-то в малонаселенной местности. Кучер, получивший изрядную мзду, направится на запад, чтобы начать новую жизнь в одном из отдаленных городов на побережье. Мы надеялись, что след затеряется прежде каких-либо разборок.

Госпожа была одета так, чтобы выглядеть простой девкой, временно подцепленной легатом.

Она играла роль путешествующей куртизанки. Карета была битком набита ее вещами, а ведь Одноглазый доложил, что багаж, вместе с фургоном, чтобы его возить, уже доставлен на борт «Крыла Тьмы».

Одноглазый совсем раскис, доверху накаченный наркотиками.

Столкнувшись с необходимостью плыть морем, он заартачился. Как всегда. И Гоблин, издавна знакомый с повадками Одноглазого, все устроил. Сногсшибательная доза, подмешанная в стакан утреннего бренди Одноглазого, сделала свое дело.

Так с грохотом неслись мы пробуждающимися улицами, направляясь к морю, распугивая идущих в порт грузчиков. Подкатили к самому краю большого причала, взлетели на широченный трап. Подковы загремели по доскам палубы, и тут мы остановились.

Я вышел из кареты. Капитан встретил меня со всеми подобающими почестями — не преминув злобно выругаться из-за варварски искалеченной палубы. Я осмотрелся. Четверо наших новичков были на месте. Тогда я кивнул. Капитан заорал. Матросы бросились по местам. Другие принялись помогать нашим людям распрягать и расседливать лошадей. И тут я заметил ворону, устроившуюся на самой верхушке мачты.

Маленькие буксиры с гребцами-каторжниками оттащили «Крыло Тьмы» от пирса. Тут заработали наши весла. Забили барабаны. Квинквирема развернулась носом в открытое море. Через час мы, пользуясь отливом, уже были далеко в проливе, и попутный бриз наполнил громадный черный парус «Крыла Тьмы». Оснастка корабля не изменилась после нашего плавания на север, хотя сама Душелов была уничтожена Госпожой вскоре после битвы при Чарах.

А ворона все сидела на своем шестке.

Для плавания через Море Мук сезон был самый благоприятный. Даже Одноглазый признал, что путешествие прошло быстро и гладко. Мы были в виду Берилльского света на третье утро, а с полуденным приливом вошли в гавань.

Появление «Крыла Тьмы» подействовало на местную публику именно так, как я ожидал и опасался.

Когда это чудище в последний раз появлялось здесь, последний вольный, доморошенный царек этого города умер. Преемник его, назначенный Душеловом, стал имперской марионеткой. А уж его преемники имели должности губернаторов Империи.

Едва квинквирема подошла к причалу, гавань наполнилась имперскими чиновниками.

— Термиты, — сказал Гоблин. — Налогоборы и писаки. Крохотные подколодные насекомые, стыдливо прячущиеся от честной работы.

Где-то в глубинах его прошлого таялась причина для любой ненависти к сборщикам налогов. Разумом я его понимаю. То есть я хочу сказать, нет более низкого человеческого образа — возможно, за исключением своден,

чем те, кто упивается данной властью возможностью унижать, вымогать и причинять боль. Мне они внушают просто легкое отвращение к человеческому роду, однако у Гоблина это превратилось в пламенную страсть. Время от времени он пытается подбить наших на поимку нескольких сборщиков налогов с последующим преданием оных самым изощренным пыткам и казням.

Термиты наши были потрясены и перепуганы. Они не понимали, чем вызван этот внезапный и, очевидно, зловещий визит. Прибытие легата Империи могло означать сотню разных разностей, но для окопавшейся на местах бюрократии этот визит не сулил ничего хорошего.

Работы повсеместно остановились. Даже ругающиеся на чем свет стоит артельщики умолкли, чтобы взглянуть на корабль-предвестник.

Одноглазый оценил обстановку:

— Костоправ! Выводи нас поскорее из этого города. Иначе снова получим то же, что и в Башне. Только здесь гораздо больше народу, и вопросов к нам возникнет гораздо больше!

Карета была готова, и Госпожа уже сидела внутри. Все лошади были оседланы. Конногвардейцы собрали небольшой, легонький фургон и нагрузили его трофеями. Мы приготовились трогать, едва капитан причалит.

— По коням! — скомандовал я. — Одноглазый, едва спустят трап, организуй какие-нибудь адские трубы. Масло, гони так, словно за тобой сам Хромой гонится! — Я повернулся к командиру конногвардейцев: — А вы отсекайте слежку. У тех людей не должно быть никакой возможности задерживать нас.

Я поднялся в карету.

— Мудро, — сказала Госпожа. — Либо убираемся как можно скорее, либо рискуем попасть в ловушку, которой я едва-едва избежала в Башне.

— Именно этого я и опасаюсь. Я могу изображать легата, если только никто не станет рассматривать меня слишком пристально.

Гораздо лучше с грохотом пронестись по городу и умчаться прочь, и пусть себе думают, что это легат из Взятых,

со скверным характером, презрительный и надменный, отправляется на юг с миссией, которая есть не их, бериальских прокураторов, собачье дело.

Трап лязгнул о пирс. Завыли заказанные мною адские трубы. Мой отряд ринулся вперед. Ротозеи и чиновники одинаково были напуганы огненным зрелищем нашей кареты. Мы прогремели по улицам Берилла так же, как и в Опале, сея ужас на своем пути. «Крыло Тьмы» позади отчалило с вечерним отливом, повинуясь приказу следовать к Гранатовым Дорогам, в свободное патрулирование, отлавливать пиратов и контрабандистов. Мы же покинули город через Мусорные Врата. Обычные лошади уже устали, однако мы продолжали путь, пока нас не скрыли сумерки.

Несмотря на столь поспешный отъезд из города, мы не смогли встать лагерем достаточно далеко, чтобы избежать какого-либо внимания. Проснувшись поутру, я обнаружил Мургена, ожидающего моего пробуждения. Вместе с ним были три брата, желавшие записаться в Отряд. Звали их Клетус, Лонгитус и Лофтус. Во время прошлого нашего визита сюда они были еще пацанами, и как ухитрились узнать нас в дикой скачке через город — неизвестно. Они заявили, что ради шанса поступить в Отряд дезертировали из Городских Когорт. Мне не шибко хотелось заводить подробный допрос, поэтому я положился на мнение Мургена, сказавшего, что с ними, пожалуй, все в порядке.

— Если они такие дураки, что готовы очертя голову переть на рожон вместе с нами, то пусть их. Отдай их Ведьмаку.

Значит, теперь у меня два худосочных взвода. Четверо опальных с Масло во главе, да и эти трое под командованием Ведьмака. Такова вся история Отряда. Один человек — здесь, два — там, глядишь, дело пошло.

Забираемся все дальше на юг. Прошли Ребозу, куда Отряд уже ненадолго заглядывал и где были завербованы Масло и Ведьмак. Они решили, что город безмерно изменился и в то же время не изменился вовсе. Расстались они с Ребозой без сожаления. Здесь они привели в

Отряд еще одного бойца, племянника, быстро окрещенного Улыбой — за постоянный мрачный вид и саркастический тон.

Далее была Падора, а за ней — пересечение множества торговых путей, где я был рожден и где записался в Отряд перед самым окончанием его службы в наших краях. Молод был. Глуп. Но хоть мир посмотрел.

Я отдал приказ остановиться на день в просторном караван-сааре за городской стеной у западной дороги, а сам отправился в город и позволил себе малость побродить по улицам, где бегал еще мальцом. Как говорил Масло о Ребозе, все — то же самое, но как изменилось! Все перемены, конечно же,— это был я сам...

Украдкой заглянул в мой бывший квартал и посмотрел на бывшее свое жилище. Никого из знакомых не встретил — разве что, может быть, женщина, которую я видел мельком и внешне похожая на бабку, была моей сестрой? Я не окликнул ее, не спросил ни о чем. Для этих людей я мертв.

И возвращение в качестве имперского легата этого не изменит.

Мы стояли у последнего межевого столба Империи. Госпожа старалась убедить лейтенанта, командовавшего конногвардейцами, что его миссия выполнена и что переход солдатами Империи через границу может быть принят за провокацию, что совсем не желательно.

Порой ее люди слишком преданы ей.

Поддюжны ополченцев, равно распределенных по обеим сторонам дороги, одинаково оборванных и, очевидно, старых приятелей — стояли поодаль, в благоговейном страхе обсуждая нас. Наши нервничали.

Казалось, целую вечность не покидал я пределов Империи. Ныне такая перспектива навевала легкую грусть.

— Костоправ! А знаешь, куда мы идем? — спросил Гоблин.

— И куда же?

— В прошлое.

Назад, в прошлое. Назад, в нашу собственную историю. Утверждение достаточно простое, но мысль важная.

— Ага. Пожалуй, ты прав. Дай-ка я пойду шурану их там, а то, похоже, никогда не тронемся.

Я подошел к Госпоже. Она бросила в мою сторону раздраженный взгляд. Я же вылепил на физиономии сладчайшую улыбку и сказал:

— Так. Я гораздо старше вас по званию, лейтенант. В чем дело?

Лейтенант вытянулся в струнку. Мое звание и титул, хоть и незаслуженные, внущили ему большее благоговение, чем женщина, явившаяся вроде как его высшим начальством. Он свято верил, что должен выполнять определенные обязанности по отношению к ней, но при этом она не может быть выше его.

— В Отряде есть место для нескольких дельных людей, имеющих опыт службы,— продолжал я.

— Теперь мы вне пределов Империи и не нуждаемся в специальном разрешении на активную вербовку.

Он тут же уловил суть дела и подскочил ко мне, широко улыбнувшись Госпоже.

— Только вот что,— сказал я.— При этом вы должны присягнуть Отряду так же, как и при поступлении на любую службу. Это означает, что вы не имеете права на преданность кому бы то ни было еще.

Госпожа одарила его сладкой злобной улыбкой. Лейтенант отступил от меня, решив, что такой шаг надо серьезно обдумать.

— Это относится ко всем,— сказал я Госпоже.— Прежде я не осмеливался сказать, но если ты покидаешь Империю и продолжаешь путь с нами, то на тех же условиях, что и все прочие.

Каким взглядом она меня одарила!

— Но ведь я — только женщина...

— Прецедента ты, подруга, не создаешь. Конечно, случай редкий. Дам — искательниц приключений в мире не много. Однако в Отряде служили и женщины.— Я обратился к лейтенанту: — Если ты запишешься в Отряд, присяга твоя будет искренней. Едва ты, получив приказ, поищешь у нее одобрения и утверждения, немедля вылетишь вон. И останешься один в чужой стране.

В тот день я был самоуверен как никогда!

Госпожа пробормотала себе под нос какие-то совсем не подобающие для леди трах-тебедох-тебедох и сказала лейтенанту:

— Ступайте, обсудите это со своими людьми.

Когда он покинул пределы слышимости, она спросила:

— Это означает, что нашей дружбе — конец? После того как я приму вашу чертову присягу?

— Ты полагаешь, я перестал быть другом всем остальным, когда они выбрали меня капитаном?

— Да, пожалуй. Не много я слышала разных «так точно, сэр», «никак нет, сэр» и «слушаюсь, сэр».

— Однако они выполняют то, что сказано, когда видят, что я говорю серьезно?

— Нельзя не признать.

— Разве что Одноглазый с Гоблином изредка нуждаются в уговорах. Ну, так как? Ты собираешься поступать на службу?

— А у меня есть выбор? Ублюдок ты, Костоправ...

— Конечно, есть. Возвращайся со своими людьми и продолжай быть Госпожой.

Лейтенант тем временем поговорил со своими, и идея прогулки на юг оказалась менее популярной, чем я ожидал. Большая часть отряда выстроилась лицом на север еще до того, как он кончил говорить.

Наконец он подъехал к нам с шестью людьми, пожелавшими отправиться с нами. Себя он в эту группу не включил. Очевидно, совесть подсказала ему, как избежать того, что он минуту назад полагал своей обязанностью.

Я накоротко опросил людей. Похоже, тем в самом деле было интересно идти с нами. Тогда я зачислил их в Отряд и привел к присяге, устроив из этого представление специально для Госпожи. Насколько помню, прежде ни с кем не обходились столь формально.

Шестерых я передал Масло с Ведьмаком на предмет распределения между собой. Одного же приберег для себя. Позже, когда мы узнаем, как они хотят называться, я внесу их имена в Анналы.

Госпожа пожелала и впредь называться Госпожой все равно это на всех языках, за исключением одного, звучит совсем как имя.

А с дерева неподалеку за всем этим спектаклем наблюдала ворона...

Глава 10 Хозяева Теней

Несмотря на солнечный день и целую дюжину полу круглых окон, здесь, где собралась Тьма, было тускло.

В центре просторного зала мерцал бассейн расплавленного камня, озаряя кровавым светом четыре фигуры, покоящиеся в воздухе, в нескольких футах над полом. Обращенные лицом друг к другу, они образовывали равносторонний треугольник — одну из вершин его занимали двое. Эти двое зачастую объединялись. Были они союзниками и теперь.

Все четверо долго воевали друг с другом поодиночке — и без видимой пользы. Сейчас они заключили перемирие.

Вокруг каждого ползали, вились, плясали Тени, а посему различимы были лишь смутные, неопределенные очертания фигур. Все четверо предпочли скрыться под черными балахонами и черными масками.

Наименьший, один из двоих объединившихся, нарушил вот уже час царившую в зале тишину:

— Она идет на юг. Те, кто служат ей и до сих пор носят несмыываемое клеймо ее, идут с ней. Они переплыли море. Они несут с собой могущественные талисманы. И путь их делают с ними те, кто посвятил свои судьбы черному знамени. Включая и тех из них, чьей силой глупо пренебрегать.

Один из углов треугольника презрительно хмыкнул. Другой спросил:

— А что же с тем, на севере?

— Величайший остается в безопасности. Меньший же более не лежит в Тени древа неволи. Он был воскрешен и принял новое обличье. Тоже движется на юг, но он так безумен и жаждет мести, что его не стоит опасаться. С ним справится и ребенок.

— Имеем ли мы причины опасаться, что о нашем присутствии здесь известно?

— Нет. Даже в Трого Таглиосе лишь несколько человек убеждены в нашем существовании. За Первым же Порогом мы — лишь досужие сплетни, а за Вторым о нас и не слышали. Но тот, кто сделался повелителем великих болот, может почувствовать нас. Он может заподозрить, что грядет нечто большее, чем известно ему.

— Они идут, — добавил его компаньон. — Она идет. Но их связывает неповоротливость человека и лошади. У нас есть еще год. Может быть, и больше.

В противоположном углу снова презрительно хмыкнули:

— Болота как нельзя лучше подходят для их смерти. Позаботьтесь об этом. Вы можете подавить волю их ведущего величием и ужасом моего Имени.

И поплыл прочь.

Остальным поплохело. Злость, сгустившаяся в зале, стала почти ощутима.

Упыравший приостановился. Остальные внимательно следили за его дрейфом.

— Вы знаете, что столь беспокойно спит на моей южной границе. Я не смею ослаблять бдительности.

— Разве что ради того, чтобы нанести удар в спину одного из нас. Я заметил, что всякий раз та угроза отступала на второй план.

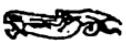
— У вас есть мой залог. Мое Имя. Мир не будет нарушен мною, пока живы несущие опасность с севера. Вы можете объявить меня союзником, когда руки ваши потянутся за Тенями. Я не могу, я не смею дать вам больше.

С этими словами он продолжил свое движение.

— Что ж, пусть будет так, — сказала женщина, и треугольник перестроился так, будто включал в себя и удалившегося. — По крайней мере, в одном слова его были истиной. Болота — весьма подходящее место для их смерти. Если раньше их не настигнет рука Рока.

Один из оставшихся засмеялся. Тени отчаянно засуетились вокруг, словно крепнувший смех причинял им нестерпимые муки.

— Прекрасное место для их смерти.

Глава 11 Поход в былое

Сначала названия городов звучали, как из детства. Ко-чан. Братец. Сумрак. Писк. Одним из них Отряд служил, с другими — враждовал. Мир менялся чем дальше, тем больше; становилось теплее, города встречались все реже и реже. Они хранили поблекшие легенды и страницы Анналов — Тир, Разл, Слайт, Наб и Ноб... Мы вошли по ту сторону карт, когда-либо виденных мною, где города были известны мне лишь из Анналов, и только Одноглазый бывал здесь раньше. Борос, Терис, Виг, Ха-джай...

А мы все стремились на юг в первом длинном переходе. Вороны следовали за нами. Мы набрали еще четырех рекрутов, профессиональных охранников караванов из ко-чевого племени под названием рои, дезертировавших к нам. Я начал формировать взвод и для Мургена. Его это совсем не порадовало. Он продолжал быть знаменосцем и укреплялся в надежде перенять от меня должность летописца. Сам я был слишком занят обязанностями капитана и лекаря. Я не осмеливался лишать его этой надежды — кроме Мургена на эту должность годился лишь Одноглазый, но на него и полагаться не стоило.

Еще дальше, еще южнее, и все же мы не добрались даже до родины Одноглазого, то есть до джунглей Длок-Алока.

Одноглазый клялся и божился, что никогда в жизни и названия-то такого «Хатовар» не слыхал. Возможно, он находится далеко, за поясом мира.

Есть же пределы выносливости бренной человеческой плоти!

Все эти многие лиги пути дались нам нелегко. Карета вороненой стали и фургон с багажом Госпожи привлекали к нам внимание бандитов, а также разных князьков и княгинь — тоже, впрочем, бандитов. Большей частью их брали на понт Гоблин с Одноглазым. Порой приходилось вынуждать их отступать, малость попугав. А был и такой отрезок пути, что магия вообще не действовала.

Если эта парочка и научилась чему за годы службы в Отряде, так это убедительности. Если уж они создают иллюзию, то у нее и из пасти разит аж за семнадцать футов.

Если бы еще не практиковались друг на друге...

Я решил, что нам пора сделать привал на несколько дней. Наш юношеский задор нуждался в подпитке.

— Тут впереди, неподалеку, есть такое место — Храм Отдыха Странствующих. Они принимают у себя путников вот уж две сотни лет. Там неплохо бы сделать привал и провести кое-какие изыскания,— предложил Одноглазый.

— Изыскания?

— Из бывальшин и небывальшин путешественников за двести лет должна была скопиться огромная библиотека. Рассказы — единственная плата, какую они когда-либо просили.

Да, он нашел чем меня взять. И самодовольно заухмылся по этому поводу. Старый подлец знал меня слишком хорошо. Ничто другое в мире не могло бы так верно заставить меня забыть хоть на время о решении добраться до Хатовара.

Я скроил Одноглазому непрошибаемую козью морду.

— Значит, ты хочешь бросить валить дурака и заняться делом.

— Чего?

— А кто, по-твоему, будет переводить?

Он со стоном закатил единственную глаз.

Храм оказался слегка укрепленным монастырем, уп-
нездившимся на вершине невысокого холма. Здание сияло
золотом в лучах клонявшегося к закату солнца. Лес позади и
 поля впереди Храма были так зелены — никогда прежде
 не видал я ничего подобного. Вот уж верно — место отды-
 ха странствующих!

Стоило нам войти — нас словно окутала волна покоя. То же самое чувствуешь, вернувшись после долгих странствий в родной дом. Я взглянул на Госпожу. Лицо ее светилось тем же, что чувствовал я, и это тронуло мое сердце.

— Вот здесь я мог бы уйти на покой,— сказал я ей на второй день нашего отдыха.

Вымывшись в первый раз за последние несколько месяцев, мы вышли на прогулку в сад, никогда не видавший битв серьезнее воробынных драк.

Она слегка улыбнулась в ответ и из вежливости не пустилась в рассуждения об иллюзорной природе мечтаний.

Здесь нашлось все, чего бы я только мог пожелать. Комфорт. Покой. Изолированность от язв мира. Цель. Громадное количество исторических материалов для утоления моей охоты разобраться, что и как происходило в прошлом.

И, самое главное, освобождение от ответственности. Каждый новобранец, казалось, удваивал тяжесть моего бремени — всех нужно накормить, содержать в полном здравии, следить, чтобы не попали в беду...

— Воронье,— пробормотал я.

— Что?

— Везде воронье, куда мы ни приходим. Может быть, я просто начал замечать их пару месяцев назад, однако везде, где мы идем, я вижу ворон. И никак не могу избавиться от чувства, что они следят за нами.

Взгляд Госпожи сделался озадаченным.

— Вон, взгляни. Вон на той акации. Целых две: расселись, словно черные вестники несчастья.

Взглянув на дерево, Госпожа посмотрела на меня еще более озадаченно.

— Но...— С этими ее словами одна из ворон взмыла в воздух и скрылась за монастырской стеной.— Там нет никаких...

— Костоправ! — Сквозь сад, распугивая птиц и белок, забыв о всяких приличиях, к нам ломился Одноглазый.— Эй, Костоправ! Угадай, что я нашел! Списки Анналов с тех дней, когда мы проходили здесь, направляясь на север!

Ну и ну. Усталому, старому разуму не подыскать подходящих слов. Восхищение? Пожалуй. Экстаз? Вы уж поверите, почти сексуальное возбуждение обуяло меня в эту минуту. Мои чувства сосредоточились примерно так же,

как если бы особо желанная женщина вдруг ответила взаимностью.

Несколько старейших томов Анналов потерялись либо пришли в негодность за многие годы. Некоторые из них я никогда не видел и даже не надеялся увидеть.

— Где? — выдохнул я.

— В библиотеке. Один монах решил, что тебе будет интересно. Не помню, как мы оставляли их здесь по дороге на север, но ведь тогда я вообще нешибко интересовался такими вещами. Тогда мы с Там-Тамом только назад успевали оглядываться.

— Пожалуй, мне будет интересно. Отпределенно — будет.

Здесь куртуазность изменила мне. Я сбежал от Госпожи, даже не буркнув: «Извини».

Хотя, возможно, я был вовсе не так увлечен, как старался изобразить.

И, когда понял, что сделал, почувствовал себя полным ослом.

Чтение этих списков потребовало работы колективной. Написаны они были языком, которым уже не пользовался никто, кроме храмовых монахов, ни один из которых не говорил на понятном мне языке. Поэтому чтецу пришлось переводить с листа на родной язык Одноглазого, а уж Одноглазый переводил мне.

Даже в отфильтрованном виде все было дьявольски интересно.

У них нашлась Книга Чоу, которая была уничтожена за пятьдесят лет до того, как я записался в Отряд, и после лишь частично восстановлена. И Книга Те-Лара, известная мне лишь по загадочной ссылке в позднейшем томе. И Книга Скета, прежде не известная вовсе. И еще поддюжины — равной ценности. Однако ни Книги Отряда, ни Первой или Второй Книги Одрика не нашлось. То были легендарные первые три тома Анналов, содержащие наши изначальные легенды. На них ссылались в последующих томах, однако никто не упоминал, что видел их после первых ста лет существования Отряда.

В Книге Те-Лара объяснено, отчего.

Была битва.

Без битвы не обходилось ни одно объяснение.

Топот и лязг оружия — все равно что еще один знак препинания в долгой повести Черного Отряды.

В данном случае люди, нанявшие нашу братию, удрали после первого же вражеского удара. И так быстро, что скрылись прежде, чем Отряд понял, что произошло. Наши с боем отступили в укрепленный лагерь. В ходе последовавшей осады враг несколько раз врывался в него. И в ходе одного из таких вторжений и исчезли эти самые тома. Летописец с учеником оба были убиты, и некому было восстановить Книги по памяти.

Ну, что ж...

Я с головой погрузился в работу.

Найденные Книги обрисовывали наше будущее до самых краев имевшихся у монахов карт — а уж они-то исходили все, до тех самых мест с пометкой «Водятся Драконы». Еще столетие, и половина путешествия в наше вчера... Со временем мы так далеко проследили маршрут следования Отряда, что я возымел надежду на то, что и мы послужим материалом для карты, на которой будет вычерчен наш путь.

Как только выяснилось, что мы напали на золотую жилу, я добыл письменные принадлежности и девственно чистый том Анналов. Писать я мог с той же быстротою, с какой Одноглазый переводил.

Время понеслось вскачь. Монах принес свечи. Затем на мое плечо опустилась рука, и Госпожа сказала:

— Ты не хочешь передохнуть? Я могу сменить тебя на время.

Примерно полминуты я сидел весь красный. После того, как практически выставил ее из библиотеки. А уж после этого целый день даже не вспоминал о ней.

Она сказала мне:

— Я понимаю.

Может, оно и так. Она ведь неоднократно читала разнообразные Книги Костоправа — или, как, может быть, вспомнят их потомки, Книги Севера.

Под диктовку Мургена и Госпожи перевод двигался быстро. Единственным ограничением была выносливость Одноглазого.

Это было не безвозмездно. Я выменял их Анналы на мои, более свежие. Госпожа подсластила сделку сотней анекдотов о мрачной северной Империи, однако монахи никак не связали ее с той самой Королевой Тьмы.

Одноглазый у нас хоть и стар, но сокол еще тот. Он держался. Через четыре дня после его великого открытия работа была закончена.

Я подключил и Мургена, и он отлично справился. Не забыть бы купить или выпросить четыре чистых тома, чтобы переписать все это.

Мы с Госпожой возобновили нашу прогулку с того же самого места, где прервали, только теперь я был несколько подавлен.

— В чем дело? — буркнула она и далее, к изумлению моему, пожелала знать, не нахожусь ли я в посткоитальной депрессии.

Она воткнула в меня легкую шпильку.

— Нет. Просто я отыскал множество фактов из истории Отряда, но не узнал ничего принципиально нового.

Она все поняла, однако продолжала молчать, чтобы дать мне выговориться. — Она описана сотнями способов, худо ли бедно ли, в зависимости от искусства каждого отдельного летописца, но, за исключением отдельных интересных подробностей, все — то же самое. Наступления, контрнаступления, битвы, празднования и бегства, и списки погибших, и разборки с очередным предавшим нас покровителем. Даже в том месте с непроизносимым названием, где Отряд прослужил пятьдесят шесть лет.

— Джии-Зле.

У нее выговорилось легко, словно она специально упражнялась.

— Да, верно. Где контракт длится так долго, там Отряд совершенно теряет лицо, переженившись на местных и всякое такое. Превращается в наследственных

телохранителей, передающих оружие от отца к сыну. Однако скоро истинная сущность морального разложения этих, так сказать, князей оказывается, и кто-нибудь решает обмануть нас. Тогда ему режут глотку, и Отряд движется дальше.

— Ты читал уж очень избирательно, Костоправ.

Я взглянул на нее. Она тихонько смеялась надо мной.

— Ну да. Ладно.

Я просто слепо принимал прочитанное к сведению. Князек попробовал надуть нашу братию, и ему перехватили глотку. Однако Отряд посадил на трон новую, дружелюбную и достойную династию и еще несколько лет прослужил ей, пока в тогдашнем капитане не взыграло ретивое и он не замыслил отправиться на поиски сокровищ.

— У тебя нет предубеждений против командования бандой наемных убийц? — спросила она.

— Иногда бывают, — признался я, мягко обходя ловушку. — Но мы никогда не обманываем покровителя. — Ну, это не совсем точно... — Однако каждый покровитель рано или поздно нас обманывает.

— Включая искренне вашу?..

— Один из твоих наместников обошел тебя в намерении. Но со временем нужда в нас сделалась бы менее насущной, и ты принялась бы искать на нас управу вместо того, чтобы по-честному расплатиться и просто расторгнуть договор.

— Вот за что ты мне нравишься, Костоправ! За неослабную веру в человечество!

— Точно. И каждая унция моего цинизма подтверждена историческими прецедентами, — проворчал я.

— А ты знаешь, Костоправ, ты действительно умеешь растопить сердце женщины.

— Чего? — Я всегда вооружен до зубов целым арсеналом столь блистательных, остроумных ответов.

— Я поехала с тобой, имея дурацкое намерение своротить тебя. Почему-то мне уже и пробовать не хочется.

Вдоль некоторых частей стены монастыря были устроены обзорные подмостики. Забравшись в дальний северо-

восточный угол, я привалился спиной к саманным кирпичам и принялся смотреть назад, туда, откуда мы пришли. Я был очень занят — я жалел самого себя. Каждую пару сотен лет такие вещи приводят к обострению проницательности.

Этого чертова воронья вокруг стало еще больше. Сегодня собралось около двадцати. Я от души проклял их — и, клянусь вам, они в ответ передразнили меня. А когда я швырнулся в них обломком самана, они взмыли вверх и направились...

— Гоблин!

Наверное, он не спускал с меня глаз — на случай, если задумаю наложить на себя руки.

— Что?

— Хватай Одноглазого и Госпожу и тащи сюда. Быстро!

Я отвернулся от него и вновь взглянул вверх по склону на предмет, привлекший мое внимание.

Он остановился, но, без сомнения, то была человеческая фигура в одеждах столь черных, что они выглядели прорехой в ткани всего сущего. Фигура несла что-то под мышкой — что-то наподобие шляпной картонки по габаритам. Вороны, штук двадцать или тридцать, так и вились вокруг фигуры, ссорясь за право устроиться на ее плечах. До фигуры от того места, где стоял я, было добрых четверть мили, однако я ощущал взгляд невидимых, укрытых под капюшоном глаз. Взгляд обжигал, точно пышущий жаром кузнецкий горн.

Тут явилась толпа во главе со сварливыми, как обычно, Одноглазым и Гоблином.

— Что случилось? — спросила Госпожа.

— Взгляните туда!

Все посмотрели в сторону фигуры.

— Ну и что? — квакнул Гоблин.

— Как это «ну и что»!?

— Что такого интересного в старом пне и стае птиц?

Я поглядел... Проклятие! Пень... Но тут внезапно возник едва уловимый блеск, и я снова увидел черную фигуру. Меня пробрала дрожь.

— Костоправ, что с тобой? — Госпожа все еще была зла на меня, однако всерьез встревожилась.

— Нет, ничего. Глаза со мной шутки шутят. Показалось, что этот треклятый пень движется. Забудьте.

Они примчались по первому моему слову, бросив все дела. Я смотрел, как они уходят, и на минуту усомнился в здравии собственных мозгов.

Но затем взглянул снова.

Вороны толпой улетали прочь — все, кроме двух, направлявшихся прямо ко мне. А пень шествовал по склону, точно намереваясь обойти монастырь кругом.

Я немного помолился про себя, но из этого ничего не получилось.

Я хотел было дать храмовой магии поработать над нами еще несколько денегков, однако еще сто пятьдесят лет странствий Отряда барабанной дробью гремели в моей голове. Да и передышка перестала быть живительной. Шило уже воткнулось в мою задницу. Я объявил о своем намерении. И возражений не встретил. Только согласные кивки. Возможно, даже облегченные.

Что же происходит?

Я наконец встряхнулся от замкнутости в себе, обычно я провожу там много времени, переставляя все ту же, исстари знакомую мебель, и не обращаю внимания на других.

А они тем временем тоже потеряли покой.

Что-то витало в воздухе. Что-то подсказывало каждому: пора сваливать. Даже монахам, пожалуй, не терпелось избавиться от нас. Любопытно.

На воинской службе выживает тот, кто прислушивается к подобным чувствам, даже когда они не имеют никаких видимых причин. Если чувствуешь, что пора двигаться, то двигайся. А если не прислушался, остался на месте и прищемили тебя, плакать будет поздно.

Глава 12

Мохнатые холмы

Чтобы добраться до джунглей Одноглазого, нам пришлось пройти сколько-то миль лесом, а потом — пересечь кольцо весьма странных холмов. Холмы были округлые, очень пологие, и ни единого дерева на них, несмотря на не слишком большую их высоту, не росло. Холмы покрывала странная короткая буроватая травка, очень легко подхватывающая огонь и потому исполосованная черными шрамами. Издали холмы казались стаей громадных рыжешерстых горбатых зверей, устроившихся поспать.

Я нервничал. Этот облик спящих зверей не давал мне покоя. Я почти ожидал: вот сейчас эти холмы проснутся и страхнут нас. Я даже спросил Одноглазого:

— С этими холмами ничего такого необычного нет? Может, ты просто случайно забыл предупредить?

Он насмешливо взглянул на меня:

— Нет. Хотя всякие невежды верят, что это — могильные курганы тех времен, когда по Земле бродили великаны. Однако это — просто так себе холмы. Внутри — только земля да камень.

— Тогда почему они внушают мне такое странное чувство? Он оглянулся — и тут же вид его сделался озадаченным.

— Холмы ни при чем, Костоправ. Это — что-то там, за ними. Я тоже чую. Словно мы только что увернулись от пущенной стрелы.

Я не спрашивал, что именно там было. Знай он это — объяснил бы без вопросов.

К концу дня я понял, что и всем нашим, подобно мне, беспокойно.

Впрочем, от тревог сейчас не больше проку, чем обычно.

На следующее утро мы встретили двух иссохшихся, сморченных карликов — соплеменников Одноглазого. Обоим с виду было по доброй сотне лет. Один беспрестанно перхал и одышливо сопел, словно вот-вот помрет.

— Наверняка незаконные внуки нашего крокодилища! — загоготал Гоблин.

Да, сходство наблюдалось. То есть мы и ожидали этого сходства, привыкнув, что наш Одноглазый — явление уникальное.

— Ах ты, торба похабная! — вызверился на Гоблина Одноглазый. — Тебе еще с этими черепашками по базарамходить!

Что за дьявольщина? Какой-то туманный хозяйствственный разговор? Однако Гоблин, похоже, тоже ничего не понял.

Одноглазый, улыбнувшись, продолжал тараторить со своими сородичами.

— Я так полагаю, это — проводники, за которыми посылали монахи, — сказала Госпожа.

Монахи оказали нам эту услугу, узнав о наших намерениях. Да, проводники нам понадобятся. Миновав джунгли Одноглазого, мы будем нуждаться в переводчике и для него.

Вдруг Гоблин издал возмущенный клекот.

— Что такое? — спросил я.

— Да он им врет бессовестно!

И что здесь необычного?

— Откуда тебе знать? Ты ведь не понимаешь их языка.

— И не нуждаюсь. Я знаю Одноглазого — еще с тех пор, как твой папаша был мал и зелен. Глянь! Классический его подходец — корчит из себя могучего волшебника из далеких земель. Секунд через двадцать он...

На лице Гоблина заиграла глумливая улыбочка. Он что-то пробормотал про себя.

Одноглазый воздел руку к небесам. В полусогнутых пальцах его появился светящийся шар.

Раздался громкий «чпок», словно из бутылки вышибли пробку.

Рука Одноглазого наполнилась болотной жижей, тут же просочившейся сквозь пальцы и потекшей к локтю. Опустив руку, он в недоумении взорвался на нее.

Затем завизжал и резко обернулся к Гоблину.

Тот, невинный, словно дитя, усиленно изображал беседу с Мургеном. Но не имея мочи притворяться, вороватые глаза Мургена выдали Гоблина с головой.

Одноглазый по-жабы раздулся, готовый взорваться. Но — случилось чудо: он сдержался. По губам его скользнула скверная улыбочка, и он вернулся к разговору с проводниками.

Сколько знаю его, то был второй случай, когда он сохранил самообладание и не поддался на подначку. Хотя Гоблин в этот раз был зачинщиком, что тоже бывало редко.

— Интересно,— сказал я Масло.

Тот утвердительно хрюкнул. Его все это нисколько не волновало.

Тогда я спросил Одноглазого:

— Ну? Уже объяснил, что ты — некромант Глас Северного Ветра, явившийся успокоить боль их сердец, приведенный сюда тревогами за их благосостояние?

Он действительно пробовал однажды купить на такой трюк племя дикарей, у которых случайно оказалось потрясающее количество изумрудов. И на горьком опыте убедился, что дикие — не значит тупые. Они совсем было собирались сжечь его, привязав к столбу, но Гоблин решил выкупить его. Вопреки самому себе, о чем он, с завидным постоянством, сожалел после.

— Да нет же, Костоправ, на сей раз — совсем не то. Разве стал бы я со своими такие шутки шутить?

Стыда в Одноглазом не было ни на грош. Ну зачем лгать тем, кто знает его насквозь? Он и со своими же проделает что угодно, да еще как! И вообще с кем бы то ни было, если ему это сойдет с рук. И совесть его мучить не станет.

— Да уж вижу. Только учти: нас слишком мало, и мы слишком далеко от безопасных мест, чтобы позволять тебе развлекаться обычным образом.

Голос мой звучал угрожающе — достаточно, чтобы заставить Одноглазого поперхнуться. И, когда он вернулся к болтовне с нашими возможными проводниками, тон его разительно переменился.

И все же я решил освоить хоть немножко этот язык. Просто для пригляда за Одноглазым. А то его зачастую ошибочная самоуверенность имеет свойство проявляться в самое неподходящее время.

Присмиревший на время Одноглазый выторговал условия, удовлетворившие всех. Мы получили проводников для похода сквозь джунгли и посредников-переводчиков для общения с жителями лежащих за джунглями земель.

Гоблин, положившись на свое идиотское чувство юмора, прозвал их Лысым и Сопатым — по причинам самоочевидным. К смущению моему, клички прижились. Эти старики, безусловно, заслуживают лучшего. Хотя...

Весь остаток того дня мы держали путь меж травянистых горбатых холмов. Темнота застала нас на выходе из самого высокого ущелья. Отсюда виден был закат, пятнающий кровавыми отблесками воды широкой реки, а за рекой — темную, густую зелень джунглей. Позади лежали рыжие горбы на фоне подернутого синей дымкой неба.

Настроение у меня было задумчивое, плоское какое-то, можно сказать, паршивое. Похоже было, мы можем дойти до водораздела не только в географическом смысле...

Много позже, не в силах заснуть из-за размышлений о том, что я вообще делаю в этих чужих землях, и о том, что мне все равно нечего больше делать и некуда податься, я оставил свою скатку у догорающего костра и направился к одному из холмов, возвышающихся на наших флангах, движимый тем смутным побуждением, что сверху мне будут лучше видны звезды.

Сопатый, стоявший на часах, беззубо оскалился на меня и выплюнул на уголья комок какой-то бурой жвачки. Не пройдя и полпути, я услышал его сопение.

Чахоточник несчастный...

Луна грозилась вскоре взойти. Круглая будет и яркая... Я выбрал место и принялся наблюдать за горизонтом, в ожидании пухлого оранжевого шара, который вот-вот перекатится через губу Земли. Слабенький про-

хладный бриз ерошил мне волосы. Вокруг было до боли спокойно и мирно.

— Тебе тоже не спится?

Я вздрогнул и обернулся.

Она была темным клубочком на склоне холма. Если я и заметил ее прежде, то принял за камень. Я подошел ближе. Она сидела, обхватив руками колени. Взгляд ее был устремлен к северу.

— Присаживайся.

Я сел.

— Что ты так пристально рассматриваешь?

— Жнеца. Лучника. Ладью Варго.

И, без сомнения, прошлое...

Все это были созвездия. Я тоже различал их. На севере они в это время года стоят высоко. Здесь же — были над самым горизонтом.

Да, мы и вправду зашли далеко. И впереди еще множество миль...

— Подумать страшно,— сказала она.— Как мы далеко...

Да уж.

Луна — чудовищно огромная, почти красная — выплыла из-за горизонта.

— Ух ты! — прошептала она, и рука ее скользнула в мою.

Ее била дрожь, и потому через минуту я придвинулся ближе и обнял ее. Она склонила голову мне на плечо.

Да, старая луна не жалела своей магии. Эта паразитка околдует кого угодно.

Теперь понятно, отчего Сопатый скалил зубы.

Пожалуй, момент был подходящим. Я повернул голову — и ее губы потянулись навстречу моим. Когда они встретились, я напрочь забыл, кто она и кем была. Руки ее, обвив меня, потянули книзу...

Она задрожала в моих объятиях, словно пойманная мышь.

— Что с тобой? — прошептал я.

— Ч-шиш,— ответила она, и лучшего ответа придумать было нельзя. Но оставить его так она не могла, и ей

пришлось продолжить: — Я никогда... Я никогда не делала так...

Ну да. Она наверняка знала, как сбить мужчину с толку и наполнить его мысли тысячью оговорок.

Луна карабкалась все выше. Мы понемногу успокаивались. Нас отделяли друг от друга лишь несколько тряпок.

Внезапно она напряглась. Поволока исчезла из ее взгляда. Она приподняла голову и лениво взглянула мимо меня.

Если кто из этих клоунов забрался сюда подглядывать — ноги переломаю!

Я обернулся.

Позади никого не было. Она наблюдала за далекими вспышками молний.

— Гроза там,— сказал я.

— Думаешь? Это примерно там же, где и Храм. А за все время в этой стране мы не видели ни одной грозы.

Зазубренные, изломанные молнии градом копий били в землю.

И опасения, которые я обсуждал с Одноглазым, вернулись.

— Не знаю, Костоправ,— продолжала она, собирая с земли одежду.— Кажется, мне все это знакомо.

Я с облегчением последовал ее примеру, не будучи уверен, что смог бы завершить начатое. Внимание мое было отвлечено.

— Наверное, лучше — в другой раз,— сказала она, не отрывая взгляда от молний.— А то этот шум слишком отвлекает.

Воротившись в лагерь, мы нашли всех проснувшимися, но ничуть не заинтересованными нашим уединением. Отсюда вспышки тоже были видны, хоть и не так хорошо. И не остались незамеченными.

— Это колдовство, Костоправ,— сообщил Одноглазый.

— И мощное,— кивнул Гоблин.— Краешки даже отсюда чувствуются.

— Далеко? — спросил я:

— Дня два пути. Возле того места, где мы останавливались.

Меня кинуло в дрожь.

— Что там такое, вы можете сказать?

Гоблин промолчал. Одноглазый покачал головой.

— Только то, что я рад, что меня там нет.

Невзирая на полное невежество в этом вопросе, я был согласен с ним.

Внезапно Мурген побледнел и указал поверх книги, которую перед тем изучал, а теперь держал перед собой, словно амулет-оберег:

— Видите!?

Я смотрел на Госпожу и размышлял о своем везенье. Пусть другие занимаются этой ерундой в полусотне миль от нас, вроде поединка каких-то проклятых колдунов, а у меня своих проблем хватает.

— Что? — буркнул я, зная, что он ждет ответа.

— Похоже на громадную птицу! Такую, с крыльями миль в двадцать! И совсем прозрачная!

Я поднял глаза. Гоблин кивнул. Он тоже видел ее. Я посмотрел на север. Молний больше не было, но там явно что-то здорово горело.

— Одноглазый! Твои новые дружки, слушаем, не знают, что происходит?

Черный карлик покачал головой. Он надвинул свою шляпу на лоб, чтобы ограничить угол зрения. Эти дела, чем бы они ни были, его здорово напугали. Сам он полагает себя могущественнейшим колдуном из всех, каких только рождала его земля. За исключением, может быть, лишь его покойного брата Там-Тама. И, что бы там ни творилось, оно — не местного происхождения. Чужое.

— Но времена меняются, — напомнил я.

— Только не здесь. А если бы изменились, эти двое знали бы об этом.

Сопатый усиленно закивал, хотя не понимал ни слова. Затем он отхаркнулся и выплюнул в огонь бурый комок.

Я почувствовал, что этот тип, как и Одноглазый, определенно не даст мне соскучиться.

— Что за гадость он постоянно жует?

— Кат,— пояснил Одноглазый.— Легкий наркотик. Нешибко полезно для легких, но, когда он жует, ему плевать, болят там легкие или нет.

Сказано было легко, но — достаточно веско.

Мне стало неуютно. Я снова взглянул на север.

— Вроде улеглось.

Остальные промолчали.

— Мы все равно не спим,— сказал я,— а потому давайте паковаться. Надо бы двинуться, как только развиднеется.

Никто не стал возражать. Сопатый кивнул и сплюнул. Гоблин, ворча, принялся собирать вещи. Остальные последовали его примеру. Мурген с заслуживающей одобрения бережностью отложил свою книгу. В конце концов из этого парня выйдет летописец.

И каждый из нас, когда думал, что прочие не заметят его беспокойства, украдкой поглядывал на север.

А я, когда не смотрел туда и не терзал себя, обмениваясь взглядами с Госпожой, пытался оценить реакцию наших новичков. Мы пока что не столкнулись с колдовством напрямую, однако Отряд вполне может набрести на него по пути. Новички, похоже, испугались не больше, чем ста-рослужащие.

Поглядывая на Госпожу, я размышлял, сможет ли то, что было, с одной стороны, неизбежно, а с другой — обречено, сгладить трещину между нами. А если сгладит — не перекорежит ли все прочие наши отношения? Черт побери, я просто люблю ее — как друга.

Нет на свете ничего столь непоследовательного, иррационального и слепого — и, кстати, просто глупого,— как мужчина, доведший себя до всепоглощающей страсти.

Вот женщины вовсе не выглядят глупо — им положено быть слабыми. А кроме того, положено превращаться в бешеных сук, если их разочаровать.

Глава 13 Немного о последней ночи Лозана

Лозан, Корди Мотер и Нож до сих пор владели своей таверной. В основном, потому, что получили одобрение Прабриндрах Драха. Но дела шли неважко. Жрецы обнаружили, что не могут управлять пришельцами напрямую, потому объявили их нежелательными персонами. А большинство таглиосцев повиновались тому, что говорят жрецы...

— Живой пример того, сколько в людях здравого смысла,— сказал Нож.— Если бы было хоть чуть-чуть, они бы давно этих попов окунули в реку да подержали часок, чтоб те знали, что они — просто трутни.

— Ты, Нож, кислый сукин сын, какого я только в жизни видел,— заметил Лозан.— Могу спорить, если бы мы тебя тогда не вытащили, так крокодилы бы тебя выблевали. Прогорклое в пищу не годится.

Нож, усмехнувшись, отправился в заднюю комнату.

— Корди,— спросил Лозан,— как ты полагаешь? Может, эти попы и швырнули его крокодилам?

— Ага.

— Ничего сегодня выручка. В кои-то веки...

— Ага.

— А завтра, значит...

Лозан налил себе полную кружку. Варево Корди в последнее время сделалось куда лучше. Поднявшись, выпил и ударил пустой посудой по стойке.

— Те, кто помрет, приветствуют вас,— сказал он потаглиосски.— Пейте и веселитесь, детки. До завтра — и далее. За счет заведения.

Он сел.

— Ты знаешь, как снова зазвать к нам публику? — спросил Корди.

— А ты думаешь, надолго мы ее зазовем? Этому быстро положат конец! Ты отлично это понимаешь. Все эти попы навозные... Ах, добраться бы до них!..

Корди молча кивнул. Лозан Лебедь куда больше рычал, чем кусался.

— Значит, вверх по реке,— буркнул Лозан.— Я тебе так скажу, Корди: вот эти ноги пойдут вверх по реке, пока еще в них будут силы двигаться.

— Ну конечно, Лозан. Конечно.

— Ты что — не веришь?!

— Верю, Лозан, верю. Если бы не верил — так не был бы здесь, по самую шею в рубинах, жемчуге и золотых дублонах...

— Слушай, а что ты хочешь от места, о котором никто раньше и не слыхивал? За шесть тысяч миль от границ любой карты?

— Нервы, ребята? — спросил вернувшийся Нож.

— Нервы? Какие нервы? Когда делали Лозана Лебедя, никаких нервов в него не вставили!

Глава 14 Через Длок-Алок

Мы вышли с первыми проблесками света. Путь наш легко катился под уклон, и только в нескольких местах нас ждали трудности с каретой да фургоном Госпожи. К полуночи мы достигли первых деревьев. Еще через час первая партия погрузилась на паром. К закату мы уже были в джунглях Длок-Алока, где всего-навсего десять тысяч видов различных букашек принялись терзать наши тела. И, что для нервов было еще хуже их жужжания, из Одноглазого забил неистощимый фонтан панегириков и од своей родине.

С первого дня моего в Отряде я пытался расспрашивать его о нем самом и его стране. И всякую — малейшую! — подробность приходилось вытаскивать клещами. Теперь же он изрыгал все, что кто-либо только пожелал бы знать, и еще более того. Кроме разве что причин, побудивших их с братцем сбежать из этакого-то земного рая.

То есть оттуда, где я сейчас сижу, вымучивая из себя самоочевидный ответ. Только безумец либо дурак станет подвергать себя пытке столь продолжительной.

А я-то тогда — который из двух?

Словом, мы прошли эти джунгли, что заняло два месяца. Сами они уже представляли собою значительное препятствие. Были они густы, и протащить сквозь них карету было, вежливо выражаясь, той еще работенкой. Другую трудность представляло местное население.

Нет, они не проявляли недружелюбия. Зачем? Нравы их были куда проще, чем наши на севере. Эти гладкие, восхитительные, смуглые красавица никогда не видали таких парней, как Мурген, Масло с Ведьмаком и их солдаты, а потому все желали чего-нибудь новенького. И наши пошли им навстречу.

Даже Гоблин имел достаточно успеха, чтобы с его уродливой физиономии не сходила обычная улыбка от уха до уха.

Ну а бедный, злополучный, угрюмый старый Костоправ твердо держался среди зрителей и сердечно безмерно страдал.

Я не склонен предаваться усладительным посказушкам от случая к случаю, когда надо мной простирает крылья нечто более серьезное. Мое поведение не вызывало прямых словесных комментариев: порой у наших находится достаточно такта. Однако я уловил немало насмешливых взглядов искоса. В настроении для самокопания я становлюсь молчалив и не подходящ для компании людей либо зверей. А когда я понимаю, что на меня смотрят, во мне пробуждается естественная застенчивость или же отвращение, и тогда я ничего не предпринимаю — неважно, сколь прозрачны намеки.

Так вот и сидел я сложа руки и чувствовал себя отвратительно — боялся, что ускользнет нечто важное, а я, собственно обстоятельствам, не смогу ничего сделать.

В старые дни жизнь, безусловно, была легче!

Но настроение мое улучшилось, стоило только нам отмерить последние мили непомерно буйной растительности, поднявшись по усеянному роями насекомых склону и вырваться наконец из джунглей на высокое степное плато.

Здесь я счел самой интересной стороной Длок-Алока тот факт, что Отряд не привлек там ни единого новобранца. Это показывает, насколько мирно тамошние люди ужи-

ваются со своим окружением. И до некоторой степени характеризует Одноглазого с его покойным братом.

Что же они такого натворили? Примечательно, что он избегал всяких разговоров о своем прошлом, возрасте и происхождении, пока мы были в джунглях, имея при себе Лысого с Сопатым. Словно кто-то мог вспомнить вдруг пару подростков, что-то натворивших множество лет назад.

Лысый с Сопатым надули нас, едва мы вышли за пределы их страны. Они заявили, что лежащих дальше земель не знают и не ведают. (И пообещали подыскать для нас пару достойных доверия туземцев.) Лысый объявил, что собирается повернуть назад, невзирая на все предыдущие договоренности. (Сказав, что в качестве посредника-переводчика нам и Сопатого за глаза хватит.)

Что-то ведь должно было случиться, чтобы он так поступил! Я не стал с ним спорить — он уже принял решение. Я просто выплатил ему только часть обещанного гонорара.

Пугало меня то, что Сопатый собирается оставаться. Этот тип оказался второсортным — как бы младшеньким — духовным братом Одноглазого. Проклизив был примерно так же. Наверное, есть что-то такое в воде Длок-Алока. Хотя Лысый и прочие, встреченные нами, были, в общем, вполне нормальны...

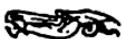
Возможно, это мой личный магнетизм привлекает таких, как Одноглазый с Сопатым.

В недалеком будущем нас, без сомнения, ожидало крупное веселье. Два месяца Одноглазый изгаялся над Гоблином и не получил в ответ ни единой искорки. Когда гром наконец грянет, это будет потрясающее!

— Ну вот, теперь все меняется местами, — сказал я Госпоже, когда мы вдвоем обсуждали текущие дела. — Пожалуй, Одноглазый — вроде как случайно — подхватит какую-нибудь паршу, а Гоблин окажется вроде как ни при чем.

— Может, это потому, что мы пересекли экватор. Времена года меняются местами.

Этой реплики я не понял и размышлял над нею многие часы. И тогда до меня дошло, что ничего она не значи-

ла. То была просто одна из чудных твердокаменных шуток Госпожи.

Глава 15 Саванна

На самом краю расстилавшейся по плато саванны мы ждали шесть дней. Дважды на нас являлись посмотреть банды темнокожих воинов. В первый раз Сопатый сказал нам:

— Будут с дороги сманивать — не ходите.

Сказал он это Одноглазому, не зная, что я стал малость разбираться в этом языке и кое-что из их болтовни понимаю. У меня несомненный талант к языкам.

Да и у многих старых солдат. Нужда, как говорится, научит.

— С какой еще дороги? — скривился Одноглазый. — С этой коровьей тропы?

Он указал на извилистые колеи, уходящие вдаль.

— Все, что между белыми камнями, это дорога. Она священна. Пока остаетесь на ней, вы в безопасности. На первой стоянке нам было велено не покидать круга, ограниченного белыми камнями. Пожалуй, я знаю, почему здесь такой обычай. Торговля требует безопасности дорог. Хотя, видно, не слишком бойко идет здесь торговля... Покинув границы Империи, мы весьма редко встречали достойные упоминания караваны. И вообще все двигались на север. За исключением того ходячего пня.

— И всегда берегитесь этих степняков, — продолжал Сопатый. — Им верить нельзя. Они всем мыслимым кощунством и обманом будут склонять вас покинуть дорогу. Бабы их особенно — всем известно, кто они такие. Помните: с вас тут глаз не спускают. Сойти с дороги — смерть.

Здесь разговором живо заинтересовалась Госпожа. Она тоже понимала язык. Да и Гоблин проскрипел:

— Ну, покойник ты, червячья пасть.

— Что? — взвизгнул Одноглазый.

— Вот как положишь глаз на такую пухленькую — считай, что уже в котле у людоедов.

— Они не людоеды...

Внезапный ужас исказил лицо Одноглазого.

Он не сразу въехал, что Гоблин понимает их с Сопатым беседу. Он взглянул на остальных. Некоторых выдали выражения лиц.

Крайне обеспокоенный, он что-то зашептал Сопатому.

Тот крякнул и рассмеялся. Смех его наполовину напоминал кудахтанье, наполовину — павлиний клекот. И стоял ему приступа кашля.

Причем — жестокого.

— Костоправ, — спросил Одноглазый, — ты точно ничего не можешь для него сделать? Повыплюет ведь все легкие и помрет. Тогда нам плохо придется.

— Нет, ничего. — Не надо было ему начинать... Хотя — что толку в этих разговорах? Он уже отказался взять им. — Ты либо Гоблин способны помочь ему куда скорее, чем я.

— Поди помоги тому, кто помоючи не хочет...

— Истинно так. — Я взглянул прямо в его единственный глаз. — Скоро у нас будут проводники?

— Я спрашивал. Было сказано только: «Вскоре».

Это оказалось правдой. В лагерь наш твердой, мощной рысцой вбежали два высоких чернокожих человека. Более здоровых и развитых образчиков гуманоидов я в жизни не видел! Каждый имел за спиной колчан с дротиками, а в левой руке — щит из черных и белых полос какой-то кожи. Конечности их мерно двигались в едином ритме, словно оба были единым чудесным механизмом.

Я взглянул на Госпожу. Выражение лица ее не отражало никаких мыслей.

— Великолепные солдаты могут выйти, — сказала она.

Эти двое рысцой подбежали прямо к Сопатому, прикинувшись полностью равнодушными ко всем остальным, однако непрестанно изучающе косясь на нас. По эту сторону джунглей белые люди весьма редки.

С Сопатым они заговорили надменно. Речь их напоминала отрывистый лай: множество щелкающих звуков и взрывных согласных.

Сопатый с заметным трудом отвесил несколько низкийших поклонов и отвечал им на том же языке хныгущим

тоном, словно раболепствующий перед раздраженным хозяином.

— Беда будет, — предсказала Госпожа.

— Точно.

Презрение к чужим — штука не новая. Следовало распределить роли.

Я тронул Гоблина за локоть и заговорил с ним на пальцах, языком глухонемых. Одноглазый, уловив суть, гоготнул. И это возмутило наших новых проводников.

Наступил ответственный момент. Теперь они должны были сами осознанно спровоцировать нас. Только после этого они примут как должное то, что их поставят на место.

Одноглазый явно замышлял что-то большое и шумное. Я жестом велел ему утихомириться и приготовить какой-нибудь простой, но впечатляющий фокус.

— Чего они там бухтят?! — сказал я вслух. — Ну-ка, разберись.

Одноглазый заорал на Сопатого.

Тот почувствовал, что попал меж молотом и наковальней. Он объяснил Одноглазому, что кхлата не торчатся. Просто, мол, пороются только в наших вещах и выберут, что покажется им подходящей платой за беспокойство.

— Едва попробуют — лишатся пальцев. По самые уши. Объясни им. Вежливо.

Но для вежливости было слишком поздно. Эти двое понимали язык Сопатого. Но рык Одноглазого смущил их. Они не знали, что предпринять.

— Костоправ! — окликнул меня Мурген. — Отряд!

То действительно был Отряд. Кое-кто из парней, ранее сделавших нам рыбий глаз.

Сделаны они были специально для уязвленных этого наших новых друзей. Они скакали, кричали и стучали древками копий по щитам. Они изрыгали ядовитейшие насмешки. Они гарцевали вдоль отмеченной камнями обочины. За ними рысил Одноглазый.

Сами рыбы не кусаются, нет. Однако некоторые служат приманкой для своих же. Это о чем-то говорит.

Воины с воплем атаковали, застав всех врасплох. Трое чужаков были повержены. Остальные быстро, хоть и не без дальнейших потерь, усмирили наших проводников. Сопатый стоял на обочине, заламывая руки и коря Одноглазого. Над нами, в высоте, кружили вороны.

— Гоблин! Одноглазый! — зарычал я.— Ну-ка, разберитесь!

Одноглазый захихикал, схватил себя за волосы и рванул.

Прямо из-под шляпы стащил он кожу со своей головы и сделался тварью — клыкастой, злобной и отвратительной достаточно, чтобы кого угодно вывернуло от одного взгляда на нее.

Пока он таким образом играл на публику, отвлекая внимание, Гоблин проделывал главную часть работы.

Казалось, его окружают гигантские черви. Даже я не сразу понял, что все это, извивающееся и кишащее, всего-навсего веревки. А когда я увидел, в каком состоянии наша упряжь, из горла, помимо воли, вырвался негодующий крик.

Гоблин весело заулююкал — и сотня кусков веревок скользнули в траву, взвились в воздух, готовые заполнить собою все, настичь, опутать, задушить.

Сопатый забился в настоящем апоплексическом припадке:

— Стойте! Стойте! Вы же нарушаете соглашение!

Одноглазый не повел и ухом. Он снова припрятал свой ужас под суровой личиной и теперь метал в Гоблина свирепые взгляды. Он отказывал ему в малейшей изобретательности.

Но Гоблин еще не сказал последнего слова. Повязав всех, кто не был мертв либо наш, он заставил свои веревки стащить группы на обочину.

— Свидетелей не было,— заверил меня Одноглазый. Ворон он не замечал. Он смотрел на Гоблина.— А вот что замыслил этот мерзкий лягушонок...

— Что же?

— Эти веревки. Это, Костоправ, не минутное дело. Чтобы все это зачаровать, нужен месяц. Я знаю, на кого он

нацелился. Раз — и нет больше замечательного, благожелательного, так много вынесшего на своем веку Одноглазого... Теперь маски сорваны, и я покараю его, не дожидаясь подлого, предательского удара в спину.

— Превентивный удар, значит? — Это, чтобы объяснить всем идею Одноглазого.

— Я же сказал: он явно замышляет недоброс И я не собираюсь сидеть и ждать...

— Спроси Сопатого, что делать с трупами.

Сопатый посоветовал закопать их поглубже и получше замаскировать.

— Беда,— сказала Госпожа.— С какой стороны ни посмотри.

— Лошади отдохнули. Пора двигаться. Уйдем.

— Надеюсь. Если бы...

В ее голосе было нечто такое, что не поддавалось дешифровке. Только много позже я понял. Ностальгия. Тоска по дому. По чему-то, безвозвратно утерянному.

Гоблин прозвал наших новых проводников Ишаком и Лошаком. И опять, вопреки моему неудовольствию, прозвища прижились.

Мы пересекли саванну за четырнадцать дней и без всяких неприятностей, хотя Сопатый с проводниками всякий раз, засыпав барабаны вдали, колотились в страхе. Ожидаемое ими послание не пришло, пока мы не покинули саванну, выйдя в гористую пустыню, лежащую южнее. Оба проводника немедленно возжелали остаться с Отрядом. Что ж, лишние копья не помешают.

— Барабаны говорят,— объяснил Одноглазый,— что они объявлены вне закона. А что говорится о нас — лучше и не слушать. Задумаешь возвращаться на север, попробуй найти другой путь.

Через четыре дня мы встали лагерем на какой-то высотке в виду большого города и широкой реки, текущей к юго-востоку. Мы добрались до Джии-Зле, находящемся в восьми сотнях миль за экватором. Устье реки располагалось в шести сотнях миль южнее, на самом краю света, согласно карте, сделанной мною в Храме Отдыха Странствующих. Последние известные земли назывались — очень

приблизительно — Троко Таллио и лежали на пути от побережья вверх по реке.

Как только лагерь принял удовлетворивший меня вид, я отправился на поиски Госпожи. Она нашлась среди каких-то больших валунов. Но вместо того чтобы любоваться видом, она неотрывно смотрела в крохотную чайную чашечку. На секунду из чашечки блеснуло искристое сияние, а затем Госпожа почувствовала мое приближение и с улыбкой подняла глаза.

В чашечке не оказалось никаких сияний. Померещилось мне, наверное.

— Отряд растет, — сказала она. — С тех пор как вы оставили Башню, ты навербовал уже двадцать человек.

— Ага. — Я сел рядом, устремив взгляд к городу. — Джии-Зле...

— Где Черный Отряд уже нес службу. Да где он только не служил...

— Верно, — хмыкнул я. — Мы пробираемся в наше прошлое. Отряд возвел на трон Джии-Зле нынешнюю династию. И ушел без обычных разборок. Что же будет, если мы въедем в город под развернутым знаменем?

— Есть лишь один способ выяснить. Надо попробовать.

Взгляды наши встретились. Множество мыслей и чувств искрами скользнули навстречу. С той потерянной минуты прошло много времени. Мы избегали подобных встреч, словно нами овладела запоздалая юношеская застенчивость.

Закат сиял великолепным заревом.

Я просто не мог забыть, кем она была.

Она же злилась на меня. Но все же хорошо скрывала это, присоединившись ко мне и наблюдая, как лицо города окутывает ночь. То было косметическое искусство, не синувшееся ни единой пожилой княгине!

Зачем ей было тратить силы, сводя меня с ума? Я и сам прекрасно справлюсь.

— Чужие звезды, чужое небо, — заметил я. — Все созвездия полностью покинули свои места. Еще немного, и я не смогу отделаться от мысли, что попал в иной мир.

Она тихонько фыркнула.

— Мне это уже кажется. Ч-черт... Пойду-ка я пошарю в Анналах, что там сказано об этом Джии-Зле. Не знаю отчего, но не нравится мне это место.

То была истинная правда, хотя я только что осознал это. Странно. Как правило, меня тревожат люди, а не места.

— Так что же тебе мешает?

Я почти слышал, что она думает. Иди. Прячься. Заройся в книги и дела давно минувших дней. Я останусь здесь, чтобы взглянуть в лицо дню нынешнему и грядущему.

То был один из таких моментов, когда что ни скажи, все будет не то. Поэтому я выбрал из двух зол меньшее — молча встал и пошел.

И по дороге к лагерю едва не налетел на Гоблина. Он был так занят, что не услышал меня, хотя я, пробираясь впотьмах, наделал немало шума.

Он, лежа за валуном, пожирал глазами сутулую спину Одноглазого и столь явно замышляя недобро, что я не смог пройти мимо. Нагнувшись к его уху, я негромко сказал:

— Бу-у-у!

Он всквакнул и подскочил футов на десять, а затем смерил меня злобным взглядом.

Придя в лагерь, я принялся за поиски нужной мне книги.

— Костоправ, какого дьявола ты суешь нос куда не просят? — спросил Одноглазый.

— Что?

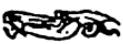
— Не суй нос в чужие дела! Я караулил этого пакостного жабеныша, и, если бы ты его не спугнул, он бы у меня...

Из темноты к нему скользнула веревка и улеглась кольцом на его коленях.

— Ладно, в другой раз не повторится.

Анналы ничем не смогли развеять моих опасений. Я нажал себе настоящую паранойю с нервным зудом между лопаток и уже стал вглядываться в темноту, пытаясь рассмотреть, кто следит за мной.

Гоблин с Одноглазым продолжали щетиниться друг на друга. Наконец я спросил:

— Ребята, вы не могли бы хоть немного делом заняться?

Да, конечно, еще бы не мочь, однако они не могли согласиться, что их склоки — вовсе не такое уж всесодрогающее событие, и потому просто взирали на меня, ожидая продолжения.

— Как-то мне не по себе. Не то чтобы я предчувствовал беду, но чувство похожее. И чем дальше, тем оно сильнее.

Они с каменными лицами хранили молчание.

Зато высказался Мурген:

— Я знаю, о чём ты, Костоправ. Как мы пришли сюда, я — тоже весь дерганный.

Я оглядел остальных. Гогот смолк. Прекратилась игра в «мясо». Масло с Ведьмаком слегка кивнули, подтверждая, что и они как бы не в своей тарелке. Прочие же постеснялись признаться, опасаясь выглядеть сопливыми.

Вот так. Может, моя медвежья болезнь — не совсем игра воображения.

— Я чувствую, что в этом городе наступит переломный момент в истории Отряда. Вы, два умника, можете мне сказать, отчего?

Гоблин с Одноглазым переглянулись и промолчали.

— Единственная странность этого места, описываемая в Анналах, заключается в том, что отсюда Отряд просто взял да ушел. Случай редкий.

— Это как понимать?

Нет, из Мургена вышел бы прекрасный базарный заезжала!

— Так, что нашей братии не пришлось отступать отсюда с боем. Они могли продлить срок службы. Но капитан услышал о чудесной горе на севере, усыпанной якобы серебряными самородками в фунт каждый.

Там еще было о чём порассказать, но меня просто не слушали. Мы более не были Черным Отрядом, а просто кучкой людей, родства не помнящих, собравшихся похожими способами. Насколько в этом виноват я? Насколько это неблагоприятное стеченье обстоятельств?

— Нечего сказать? — Оба лишь задумчиво смотрели на меня. — Ладно. Мурген, завтра расчехляй наше знамя. Со всеми регалиями.

У многих поднялись брови.

— Кончайте с чаем, ребята. Готовьте глотки для настоящего питья. Там, внизу, варят подлинный эликсир бессмертия!

Это вызвало некоторый интерес.

— Видите? Все же Анналы кое на что годны!

Я устроился сделать кое-какие записи в последнем из собственных томов Анналов, поглядывая временами на наших колдунов. Они забыли свою вражду и заняли мысли свои делами посерьезнее, чем измышление проказ.

В очередной раз подняв глаза, я внезапно увидел серебристо-желтую вспышку. И, похоже, именно у тех валунов, где мы с Госпожой любовались огнями ночных города.

— Госпожа!

Я с десяток раз ободрал колени, а после почувствовал себя круглым дураком, увидев, что она сидит себе на камне, обняв колени, опустив на них подбородок и предаваясь вечерним раздумьям. Свет только что взошедшей луны освещал ее сзади. Мое внезапное шумное появление привело ее в замешательство.

— Что случилось? — спросил я.

— Что?

— Я видел здесь какие-то странные вспышки.

Выражение ее лица в неверном лунном свете казалось искренне недоумевающим.

— Ладно. Наверное, просто шутки лунного света. Возвращайся поскорее. Завтра выходим рано.

— Ладно, — тихо, встревоженно отвечала она.

— Что-нибудь не так?

— Нет. Просто мне одиноко.

Я и без объяснений понимал, что она хочет сказать.

Возвращаясь назад, я наткнулся на Гоблина с Одноглазым, осторожно пробиравшихся вперед. В пальцах их плелись волшебные искры, а в глазах — тлел ужас.

Глава 16 Лозан воюет

Лозан был изумлен. Все действительно шло так, как и должно было. Таглиосцы отдали лежавшие за Майном земли, не шевельнув даже пальцем, даже не думая защищать их. Войска Хозяев Теней перешли реку и по-прежнему не встретили сопротивления. Тогда армия разделилась на четыре свои составляющие. Не встретив сопротивления и после этого, армии разделились на отдельные роты — так удобней грабить. И добыча была так хороша, что под грузом ее дисциплина не устояла.

Внезапно и повсеместно таглиосские мародеры принялись вырезать фуражиров и мелкие разведотряды. Армии вторжения понесли огромные потери, прежде чем разобрались в обстановке. План этот был разработан Корди Мотером, заявившим, что он подражает тактике своих военных кумиров — Черному Отряду. Когда же агрессор отреагировал увеличением фуражиров, он ответил заманиванием их в засады и ловушки. Наивысшей точкой его успеха стало уничтожение двух рот, завлеченных в специально подготовленные тесные городки, поджигавшиеся по входе в них неприятеля. В третий раз, однако, противник на эту приманку не клонул. В добавок доверенные Корди таглиосцы были истреблены. Сам он, раненый, вернулся в Таглиос, чтобы поразмыслить о поворотах фортуны.

Лозан в это время отправился в восточные земли с Копченым и двадцатью пятью тысячами добровольцев, держась поближе к неприятельскому главнокомандующему и усиленно изображая серьезную угрозу, силу, готовую при малейшей ошибке врага жестоко покарать его. Копченый не собирался вступать в бой и выказал такое упрямство, что даже Лозан склонен был возроптать.

Копченый объявил, что ждет, когда случится нечто, меняющее ситуацию. Что именно — не говорил.

Что касается Ножа — тот был на юге, в отдаленных без боя землях вдоль реки Майн. Он должен был собрать отряд из местных для перехвата вражеских гонцов. Это оказалось легко: мостов через Майн не было, а переправиться

вброд можно было лишь в четырех местах. Должно быть, Хозяева Теней были крайне заняты. Они ничего не заподозрили. А быть может, они просто решили, что отсутствие вестей — само по себе благая весть.

И то, чего ждал Копченый, наконец-то произошло.

Как выразился Нож, жрецы являли собою кошмар Таглиоса. Между распространенными основными тремя религиями согласия не наблюдалось. Когда же межконфессиональная вражда затихала, внутри каждой находились собственные раскольники, еретики и сектанты. Вся таглиосская культура вращалась вокруг различий в догматах веры и жреческих усилий, направленных на то, чтобы обойти остальных. Множество бедняков — особенно в провинциях — не принадлежали ни к одной конфессии, так же как и правящая династия. Кто хочет править и впредь, тот не может позволить себе никаких предпочтений.

Старый Копченый ждал, когда кто-нибудь из высших жрецов додумается попробовать обрести популярность для себя и своих присных, обезглавив неприятеля и тем самым лишив возможности продолжать войну.

— Совершенно циничный политический маневр, — пояснил он Лозану. — Прабрицдах долго выжидал оказии показать остальным, что получится, если не послушают его.

И он таки показал.

В конце концов одного из жрецов осенила эта гениальная идея. Убедив пятнадцать тысяч человек в том, что они способны справиться с опытными профессионалами, он взялся за дело. Он даже вывел всю эту толпу навстречу неприятелю. Найти врага оказалось легче легкого: главнокомандующий Хозяев Теней тоже решил воспользоваться удобным случаем. Все прочие завоеванные земли были полностью усмирены одним мощным ударом.

Лозан и Копченый с несколькими прочими стояли на вершине холма, где обе стороны могли видеть их, и полдня наблюдали, как две тысячи человек вырезают пятнадцать тысяч. Впрочем, части таглиосцев удалось уйти, но только потому, что неприятель слишком устал для погони.

— Вот теперь будем драться, — сказал Копченый.

И тогда Лозан выдвинул свои силы и принялся допекать противника, пока тот, в раздражении, не начал преследование. Лозан бежал, пока враг не остановился. Тогда он ударил снова. И снова побежал. И так далее. Он перенял этот трюк из некоей полузабытой былины, когда Черный Отряд отступал целых десять тысяч миль, прежде чем заманил противников в ловушку, где те и полегли — все, до единого, — хотя до последнего момента считали, что победа — факт уже решенный.

Однако неприятель, вероятно, тоже знал эту историю. Во всяком случае, не пожелал быть заманенным. Перед первыми же препятствиями враги просто стали лагерем, прекратив движение. Лозан переговорил с Копченым, тот кликнул по ближайшим деревням добровольцев и начал окружение чужеземцев стеной.

В следующий раз враг просто повернулся назад и маршем направился к Таглиосу. Это следовало сделать с самого начала, оставив на время охоту за богатством. И Лозан принялася наскакивать с тыла и продолжал досаждать врагам, пока их командир не убедился, что от него лучше бы избавиться, иначе покоя не предвидится никакого.

Лозан сказал Копченому:

— Я ни хрена не смыслю ни в тактике, ни в стратегии, но я себе представил, что против меня — один-единственный человек. То есть их главный. Если заставить его делать, что мне надо, он поведет за собой остальных. А уж как раздразнить человека, чтобы полез драться, — это я знаю.

Это было правдой.

Генерал Хозяев Теней наконец загнал его в городишко, специально подготовленный к этому маневру. То была более масштабная разновидность трюка Корди. Только без пожаров. Из города было выведено все население, а его место заняли двадцать тысяч добровольцев. Эти, пока Лозан с Копченым играли с неприятелем в кошки-мышки, строили стену.

Лозан вошел в город и показал врагам нос. Он сделал все, чтобы разозлить неприятельского командира. Хотя и не сразу это удалось. Неприятель окружил город, мобили-

зовал всех, подвернувшихся под руку и способных хотя бы ноги переставлять, и двинулся штурмом.

Получилась кровавая свалка. Врагам пришлось туго, так как тесные улочки не позволяли использовать преимущество сплоченности и дисциплины. Со всех крыш в них стреляли из луков. Их кололи копьями из-за каждого угла и каждой двери. Однако как солдаты они были на голову выше. Они положили множество таглиосцев прежде, чем осознали, что попали в западню и обороняющихся — раз в шесть больше, чем ожидалось. Отступать было поздно. Однако большую часть оборонявшихся враги забрали с собой в могилу.

Когда все было кончено, Лозан вернулся в Таглиос. Воротился домой и Нож. Они снова открыли свою таверну и недели две праздновали победу. Тем временем Хозяева Теней поняли, что произошло, и это их вовсе разозлило. В ход пошли все мыслимые угрозы. Но таглиосский князь, Прабриндрах Драх, в основном показывал им нос и предлагал приберечь все это для тех мест, где не светит солнце.

Лозан же с Ножом и Корди отдохнули с месячишко, а затем настала пора следующей части плана, заключавшейся в долгом походе на север с Радишей Драх и Копченым. Лозан полагал, что веселого по пути будет мало, однако лучшего способа никто предложить не смог.

Глава 17 Джии-Зле

Поутру я поднял всех и заставил нарядиться в лучшие, праздничные одежды. Мурген развернул наше знамя. Как раз для этого случился кстати достаточно крепкий бриз. Громадные вороные жеребцы наши били копытами и грызли удила — им не терпелось отправиться в путь.

Страсть их сама собою передалась меньшим братьям.

Все было упаковано и погружено. Ждать долее не было никаких причин — кроме, разве, той, что нам, возможно, предстояло не просто так себе въехать в город.

— Волнуешься, Костоправ? — спросил Гоблин. — Словоно скоро выходить на сцену?

Это было правдой, и он это отлично понимал. Мне хотелось демонстративно плюнуть в лицо своим предчувствиям.

— Что ты придумал?

Вместо прямого ответа он обратился к Одноглазому:

— Когда спустимся к той седловинке, где они уже смогут видеть нас, сработай парочку громов и «трубу рока». А я зайдусь «скаккой сквозь огнь». Пусть видят, что Черный Отряд вернулся.

Я взглянул на Госпожу. Та наблюдала за происходящим отчасти насмешливо, отчасти покровительственно.

На минуту мне показалось, что Одноглазый сейчас затеет свару, однако он проглотил командирский тон Гоблина и коротко кивнул.

— Давай, Костоправ. Иди — так иди.

— Тронулись! — скомандовал я.

Что они задумали, я не понял, однако они могут производить впечатление, если захотят.

Они поехали вперед вместе. В дюжине ярдов позади скакал Мурген со знаменем. Остальные построились в обычный порядок. Мы с Госпожой ехали бок о бок, ведя на поводу запасных лошадей. Поймав краешком глаза блеск спин Ишака с Лошаком, я подумал, что теперь у нас имеется даже кое-какая пехота.

Сначала мы ехали, подчиняясь изгибам и пеглям узкого пологого овражка, но мило спустя он начал расширяться, пока не превратился в пристойную дорогу. Мы миновали несколько домиков, принадлежащих, по-видимому, пастухам, но вовсе не таких уж убогих и простых.

И вот, едва перевалили мы за склон указанной Гоблином седловинки, началось представление. Оказалось оно почти таким, как он и обещал.

Одноглазый пару раз хлопнул в ладоши, и в ответ прогремели удары грома, заставившие содрогнуться сами небеса. Затем он прижал ладони к щекам, и вострубила труба — с такой же примерно громкостью. В это время Гоблин проделал нечто, наполнившее седловинку густым

черным дымом, превратившимся затем во внушающее страх, однако безвредное пламя. Мы поскакали сквозь него. Я подавил искушение пустить коней галопом, а Гоблину с Одноглазым — велеть, чтобы лошади извергали огонь и вышибали молнии из-под копыт. Да, возвращение Отряда следовало сделать зрелищным, однако нельзя переигрывать — может оказаться больше похожим на объявление войны.

— Это произведет на них впечатление,— сказал я, оглянувшись на своих людей, выезжающих из пламени, причем обычные лошади становились на дыбы и кидались в стороны.

— Если только не перепугает до чертиков. Осторожнее бы надо, Костоправ.

— Ничего. Сегодня с утра я дерзок и опрометчив.

Может, этого не стоило говорить после вчерашних нехватки дерзости и недостатка опрометчивости. Но она промолчала.

— Они говорят о нас.

Госпожа указала на две приземистые сторожевые башни, выстроенные по сторонам дороги, в трех сотнях ярдов впереди. Хочешь не хочешь, а придется ехать между ними, сквозь узкий проход, осененный тенью смерти. На верхушках башен вовсю работали гелиографы, переговариваясь между собой и, без сомнения, с городом также.

— Надеюсь, они говорят что-нибудь приятное. Наподобие: «Ура, они вернулись!».

Отсюда я уже мог разглядеть и людей. С виду они не собирались драться. Двое-трое сидели между зубцов, свесив ноги наружу. Один, которого я определил как офицера, стоял в амбразуре, поставив ногу на зубец и облокотившись на колено, и внимательно наблюдал за нами.

— Вот примерно так делаю и я, когда нужно устроить действительно надежную и коварную ловушку,— проворчал я.

— Не у всех же в мире такой змеиный ум, Костоправ!

— Да-а? Да я сущий простак в сравнении с некоторыми моими знакомыми!

Она одарила меня испепеляющим взглядом огненной Госпожи старых времен.

И, поскольку рядом не было Одноглазого, я сам сказал себе: «Да в змеях-то смысла куда больше, чем в Костоправе. Они-то только ради позавтракать на охоту выбираются...»

Мы уже приблизились к одной из башен; Мурген и Гоблин с Одноглазым уже миновали ее.

Я поднял шляпу в приветственном салюте.

Офицер на миг отвернулся, нагнулся и бросил вниз какой-то предмет. Вращаясь, летел он прямо в меня, поэтому я подхватил его в воздухе.

— Каков молодец! Неплохо бы нам пару таких...

Я посмотрел, что же такое поймал.

Предмет оказался черным стеком, около дюйма с четвертью в толщину и дюймов пятнадцати в длину, вырезанным из какого-то тяжелого дерева и изукрашенным какой-то неуклюжей резьбой.

— Будь я проклят!..

— Будешь. Что это?

— Офицерский жезл! Никогда прежде не видал! Но в Анналах они повсюду упоминаются до самого падения Шама — это такой таинственный затерянный город на плато, по которому мы прошли...

Я поднял жезл и еще раз отсалютовал человеку на верху.

— Отряд бывал там?

— Там-то он и кончился после ухода из Джии-Зле. Капитан не нашел своей серебряной горы. Он нашел Шам. Анналы об этом рассказывают крайне невнятно. Похоже, населяла Шам какая-то заблудшая белая раса. И, кажется, дня через три после того, как Отряд отыскал Шам, его нашли и предки наших Ишака с Лошаком. Они ввергли себя в какое-то религиозное неистовство и напали на город со всех сторон. Первая волна к тому времени, как Отряд отразил ее, повырезала почти все население и большинство офицеров Отряда. Уцелевшие отправились на север, так как с юга наступала еще одна орда, не дававшая вернуться в Джии-Зле. После этого о жезлах никто и не упоминал.

На это она ответила только одно:

- Они знали, что вы приедете, Костоправ.
- Ну да.

В этом было что-то загадочное. Загадок и тайн я терпеть не могу, но тут наличествовала всего одна из целой серии, которая никогда не выплывет на поверхность и не окажется у меня на глазах.

За сторожевыми башнями, в трети мили от городской стены, у дороги ждали два человека. Прилежащие к городу земли, ясное дело, были совершенно голы. Наверное, земля была истощена. В отдалении, к северу и к югу, было полно зелени...

Между тем один из двоих ожидавших вручил Гоблину старое отрядное знамя. Я не разобрал символики, но это, несомненно, было оно, только совсем истлевшее,— чего же еще ждать от вещи столь древней...

Что за дьявольщина?

Одноглазый попробовал заговорить с ними, однако это было все равно что беседовать со скалой. Они развернули лошадей и поскакали к городу. Одноглазый оглянулся, и я кивнул, подтверждая, что намерен следовать за ними.

На въезде в город нас встретил почетный караул из двадцати человек, однако больше никто не торопился с приветствиями. Под гробовое молчание ехали мы по улицам. Люди замирали, дивясь на бледнолицых пришельцев. Половину всего их внимания привлекала Госпожа.

Да, она этого заслуживала. Она была просто чертовски хороша. Утром она надела облегающий черный костюм. И ему, должен заметить, было что облегать!

Наши провожатые привели нас к казармам с конюшнями. Казарменные помещения явно содержались в порядке, но с давних пор не использовались. Похоже, нам предлагалось чувствовать себя как дома. Ладно...

Пока мы осматривали новые квартиры, наши провожатые слингали.

— Ну что ж,— сказал Гоблин,— пускай теперь танцовщиц ведут!

Но танцовщиц не было. Вообще ничего не было, если только не считать равнодушия. Весь остаток первого дня мы держались настороже, но ничего не произошло. Расквартировали нас — и забыли. На следующее утро я отправил в город Одноглазого и Сопатого при двух самых последних новобранцах с наказом подыскать барку для сплава вниз по реке.

— Ну вот, послал козла в огород,— запротестовал Гоблин.— Надо было и меня послать, для пригляду за этим.

Масло захохотал.

Я усмехнулся, однако более никого не выпустил.

— Ты для здешних краев бледноват, малыш.

— Ишь ты, поди ж ты! Ты хоть по сторонам-то смотрел, пока ехали? Здесь есть белые, бесстрашный ты наш!

— Это правда, Костоправ,— подтвердил Ведьмак.— Не то чтоб много, но нескольких я видел.

— Кой черт их сюда занес?

Я направился к двери. Ваше Сиятельство с Шандалом расступились. Они стерегли вход на случай нежданных и нежелательных гостей. Выйдя наружу, я облокотился о вымытую добела стену и принялся жевать стебелек лошадиного щавеля, сорванный по дороге.

Да, парни говорили правду. Я увидел пару белых — старика и женщину лет двадцати пяти, идущих по улице. Все прочие разинув рты воззрились на меня, но эти выказали полнейшее равнодушие.

— Гоблин! Пошевели-ка хвостом, поди сюда!

Мрачный Гоблин выглянул из казармы:

— Ну?

— Взгляни-ка осторожненько. Старика с девушкой видишь?

— Белых?

— Да.

— Вижу. И что с того?

— Раньше их не встречал?

— В моем возрасте кажется, что любого где-то встречал прежде. Но в здешних краях мы никогда не бывали. Значит, они, наверное, просто похожи на кого-то, кого мы

встречали. По крайней мере, она. — Эге. А вот мне... Что-то не нравится мне, как он движется...

Гоблин сорвал стебель конского щавеля для себя. Я в тот момент смотрел на него, а когда снова обратил взгляд на улицу, странная парочка успела скрыться. Зато в нашу сторону направлялись трое черных мужиков, и выглядело все точь-в-точку по поговорке: пришла беда — отворяй ворота.

— Ох, боги мои. Крупные люди у них тут, однако, получаются!

Гоблин что-то пробормотал себе под нос, глядя мимо троицы. Озадаченно нахмурившись, он склонил голову набок, словно плохо слышал.

Трое здоровяков, подойдя к нам, остановились. Один что-то сказал. Я не понял ни слова.

— Не понимаю, парень. Попробуй другой язык.

Он попробовал. И я снова ничего не понял. Он пожал плечами и переглянулся со своими приятелями. Один из них произнес какую-то щелкающую фразу.

— Снова не угадали, ребята.

Самый здоровый исполнил некую устрашающую пляску разочарования. Приятели его о чем-то затараторили. А Гоблин, даже «до свидания» не сказав, бочком-бочком отошел в сторонку. Краем глаза я заметил его спину, скрывающуюся в проулке.

А новые друзья мои тем временем решили, что я — либо глухой, либо туп, и начали что-то объяснять мне хором и нараспев. На эти звуки наружу выглянули Сиятельство с Шандалом, а за ними и прочие. Попрепиравшись о чем-то меж собой, трое здоровяков решили удалиться.

— О чём это ты с ними? — поинтересовался Ведьмак.

— О том, что ты мне надоел.

Вернулся, печатая шаг, Гоблин с широкой, самодовольной лягушачьей улыбкой на лице.

— Изумительно, — сказал я. — Я-то думал, неделя пройдет, пока я отыщу местную каталажку и ценою души своей вытащу тебя оттуда.

Гоблин, сквасив обиженнную мину, проквакал:

— Мне показалось, что я вижу, как твоя подружка тайком уходит. Я просто пошел проверить.

— И, судя по твоей довольной роже, это вправду была она.

— Ну да! И я видел, как она встретилась с тем стари-каном и его цыпичкой.

— Вот как? Идем-ка внутрь, поразмыслим.

Я проверил все сам, дабы убедиться, что Гоблину не приметилось.

Госпожи не было. Что за дьявольщина?

Одноглазый с приданный командой, важно выступая, вошел в казарму лишь к вечеру. Он сладко улыбался, словно кот с перьями в усах. Ишак с Лошаком тащили большую закрытую корзину. Сопатый работал челюстями, отхаркивался и улыбался так, словно вот именно сию минуту происходила какая-то крупная проказа, к коей он, может быть, изрядно приложил руку.

Гоблин, дотоле мирно дремавший, вскочил, точно ужаленный, с протестующим визгом:

— Ты, Перегар-из-Глотки! Немедля убирайся за дверь с этой — что-там-за-гадость-у-тебя! Или я превращу паучье гнездо, которое ты считаешь мозгами, в игрушку для навозных жуков!

Одноглазый не удостоил его и взглядом.

— Взгляни, Костоправ. Ты не поверишь, что я достал!

Парни поставили корзину на пол и откинули крышку.

— Да уж,— согласился я, приближаясь к корзине и ожидая увидеть клубок гремучих змей или еще что в том же роде.

Внутри оказалась точная копия Гоблина объемом в пинту. Хотя — пусть лучше будет гилл; в Гоблине и в самом не больше пинты.

— Что за черт? Откуда оно взялось?

Одноглазый воззрился на Гоблина.

— Этот вопрос я задавал себе многие годы,— сказал он.

Одноглазый так и сиял улыбкой, яснее всяких слов говорящей: «Эк-к я его!»

Гоблин взмыл, словно разъяренный леопард, и принял-
ся проделывать какие-то таинственные пассы. Пальцы его
так и чертили в воздухе огненные загогулины.

Даже я не обратил на него внимания.

— Что это?

— Да бесенок же, Костоправ! Самый что ни на есть
обыкновенный мелкий бес. Ты что, бесов никогда не ви-
дел?

— Нет. Откуда он у тебя?

Хотя стоит ли выяснять, зная Одноглазого?

— Тут, по пути к реке, возле ближайшего базара, нам
попалась кучка лавчонок, торгующих разными разностями
для колдунов, гадателей, духовидцев, духослыщцев и так
далее. Вижу, в первой же витринке — вот просто в такой
дырке в стене — стоит этот малыш. И прямо-таки про-
сится к новому хозяину. Я не смог устоять. Скажи: «При-
вет капитану», Жабомордый!

— Привет капитану, Жабомордый! — пропищал бес и
захихикал точь-в-точь как Гоблин, только тоненько.

— Давай, малыш, выбирайся, — велел Одноглазый.

Бес, словно подброшенный пружиной, вылетел из кор-
зины. Одноглазый хрюкнул, поймал бесенка за ногу, пере-
вернул вниз головой, будто ребенок — куклу, и посмотрел
на Гоблина. Того чуть кондрашка не хватила — он даже
пассы чудные свои прекратил.

Одноглазый разжал кулак. Бес, кувыркнувшись в воз-
духе, приземлился на ноги, колесом прошелся по казар-
ме — и уставился на Гоблина, словно юный ублюдок во
внезапном откровении — к личности папаши. Через минуту
он, опять же колесом, подкатился обратно к Одноглазо-
му и объявил:

— Ребята, мне у вас начинает нравиться!

Тут я сгреб Одноглазого за ворот и приподнял.

— А с судном — как?! — Я слегка встряхнул его. —
Тебя послали нанять судно, а не покупать всякую говоря-
щую ерунду!

То была одна из вспышек ярости, длящихся обычно
секунды три, редких для меня, но достаточно сильных, чтобы
я успел выставить себя совершенным ослом.

С моим папашей такое случалось куда чаще. Будучи маленьким, я порой прятался под стол на целую минуту, пока он не утихомирится.

Я опустил Одноглазого на пол.

Он изумленно взглянул на меня:

— Да нашел я судно, нашел. Отправляется послезавтра, на рассвете. Отдельного рейса найти не удалось. Мы не можем себе позволить ничего достаточно большого, чтобы всем поместиться со всеми лошадьми и каретами, если барка не повезет больше ничего. Словом, я заключил кое-какую сделку.

Бесенок Жабомордый спрятался за Сопатого, обхватив его ногу и выглядывая из-за нее, словно напуганный ребенок. Хотя было у меня такое чувство, словно он смеется над нами.

— Ладно. Извини. Расскажи, в чем сделка.

— Она, понимаешь, поможет добраться только до места, что местные называют Третьим Порогом. Это такое место, примерно в восьми с половиной сотнях миль ниже по реке, где барка не пройдет. Там — восемь миль пешком, а затем придется снова что-то нанимать.

— Наверняка — до Второго Порога.

— Ну да. Но все равно. Нас провезут до Третьего, обеспечив пищу и фураж, если согласимся охранять эту самую барку в пути.

— Ах, охранять. Зачем же им охрана? Да еще в таком количестве?

— Пираты.

— Ясно. То есть нам все равно пришлось бы драться, даже заплатив за проезд.

— Возможно.

— Ты смотрел судно? Как у него с обороноспособностью?

— Сойдет. За пару дней мы из него плавучую крепость сделаем. Это самая большая барка, какую я в жизни видывал.

Задней мыслью тоненько зазвенел сигнал тревоги.

— Утром посмотрим еще раз. Все вместе. Твоя сделка слишком хороша, чтобы это было правдой. Хотя — чем черт не шутит...

— Я уж прикидывал. Потому и купил Жабомордого. Его можно послать, чтобы разведал как и что. — Он улыбнулся и взглянул на Гоблина, надувшегося и отошедшего в угол поразмыслить. — К тому же, имея его, нам ни к чему тратиться на переводчиков и проводников. Он все сработает в лучшем виде.

У меня приподнялись брови.

— Точно?

— Еще как. Вот видишь, и Одноглазый порой на что-нибудь годен.

— Или же только грозится. Так, говоришь, твой бес готов к работе?

— Готовее некуда.

— Идем-ка выйдем. Я найду ему с десяток дел.

Глава 18

Барка

Я повел Отряд к воде прежде, чем солнце выставило свой огузок из-за заречных холмов. Город мирно спал, но чувствовалось какое-то движение в ту же сторону, куда направлялись и мы. По мере приближения к реке вокруг становилось все оживленнее, а уж порт гудел, словно улей. Ворон и здесь хватало.

— Пожалуй, они всю ночь не расходились, — заметил я. — Одноглазый, которая?

— Вон та, большая.

Я двинулся в указанном направлении. Да, барка была чудовищно велика! Она оказалась громадной деревянной посудиной, выстроенной, главным образом, для плавания по течению. По такой полноводной тихой реке путешествовать придется долго.

— Похоже, недавно построена...

Мы вошли в оазис удивительного молчания. По дороге я внимательно вглядывался в лица рабочих. Кроме легкой настороженности, они мало что выражали. Заметил я и нескольких вооруженных человек, примерно тех же габаритов, что и наша вчерашиняя троица. Эти грузились на барки поменьше. На борт нашей вереницей поднимались грузчики.

— Одноглазый, зачем им столько леса?

— Моя идея,— отвечал он.— Чтобы мантелеты надстроить. А то у них против стрельбы только щиты плетеные были. Удивительно мне, что они вняли и пошли на расходы да хлопоты. Может, они все мои пожелания выполнят? Если так — живем!

— Меня это не удивляет.

Теперь я был уверен, что здешняя публика не просто предвидела наше прибытие — весь город включил нас в свои планы на ближайшее будущее. Пираты, как оказалось, не просто досаждали время от времени, а прямо-таки обложили город. И местные решили положить этому конец посредством банды искателей приключений, которых не обольстит ничья слеза.

Совершенно не понимаю, зачем им надо было с нами играть? Это — наша работа. И в низовья реки нам все равно нужно добраться.

Может быть, в этом обществе так принято. А может, они просто не могли поверить в очевидное.

С помощью Жабомордого мне минут за шесть удалось вызвать на откровенность хозяина барки и делегацию местных шишек, ждавших нас вместе с ним. Я выторговал огромное вознаграждение.

— Как только увидим деньги — тут же возьмемся за дело,— сказал я.

Увы! Деньги появились словно по волшебству.

— Мог бы и побольше содрать,— упрекнул меня Одноглазый.

— Да, они в отчаянчи,— согласился я.— Должно быть, очень уж им что-то такое занадобилось. Давай, за дело.

— Тебя не интересует, что именно?

— Неважно. Так и так — плыть нужно.

— Может быть. Однако я пошлю Жабомордого, пусть пошарит по округе.

— Как хочешь.

Я осмотрел среднюю палубу. Масло с Ведьмаком увязались за мной. Мы поговорили об укреплении обороноспособности.

— Надо бы побольше разузнать, против кого идем. Нужно подготовиться к пиратской тактике. Например, если они нападают флотилией мелких судов, можно поставить за мантелетами машины...

Я остановился у пирсового ограждения. Очевидно было, что за нашей баркой пойдут суда сопровождения, а сама она была построена специально для того, чтобы прокладывать путь. Никогда им не поднять ее обратно к верховым. Весел едва хватит, чтобы держать курс.

Над всем хаосом, царившим в порту, кружили вороньи. Я игнорировал их. А то уже начал подозревать, что подцепил навязчивую идею.

Затем я заметил островок пустоты у стены одного из складов. Люди непроизвольно избегали его. Там, в тени, неясно виднелась фигура. Вороны так и сновали вокруг нее.

А затем я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Было ли то игрою воображения? Никто, кроме меня, не видел этих проклятых ворон.

— Пора, пожалуй, выяснить, что за чертовщина происходит. Одноглазый! Мне нужна твоя зверушка.

Я велел Жабомордому пойти и просечь, что там такое. Через минуту он вернулся и насмешливо взглянул на меня:

— А что я должен был увидеть, Капитан?

— А что вообще видел?

— Ничего.

Я снова взглянул туда. И тоже ничего не увидел. Но тут в поле зрения появились трое здоровяков, пытавшихся заговорить со мной еще вчера. Вместе с ними явилось около трех десятков похожих, но чуть помельче. Они наблюдали за нашей баркой. Кажется, они не потеряли интереса к нам.

— Ты, поросенок худосочный! Иди-ка переводить!

Самый здоровый из них, как выяснилось, звался Могаба. Он и его дружки желали записаться в Отряд. И по домам, как он сказал, остались еще желающие. Если только мы согласимся принять их. А затем он объяснил, с какой, собственно, стати. Он сказал, что все эти крепко сбитые, вооруженные мужики, которых я немало видел в го-

роде, потомки солдат Черного Отряда, служивших Джии-Зле в старые времена. Назывались они «нарами» и представляли собою городскую касту военных. У меня сложилось впечатление, что я для них — вроде святого. Как же, настоящий Капитан! Почти что полубог.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я Одноглазого.

— Такие нам пригодятся. Ты только взгляни — звери! Бери всех, кто пожелает, — если, конечно, они это всерьез.

— Жабомордый может выяснить?

— Еще как.

Проинструктировав беса, он послал его на разведку.

— Костоправ!

Я так и подскочил — Одноглазый вошел совсем неслышно.

— Чего тебе?

— Эти самые нары — не шутка. Расскажи, Жабомордый.

И бес загнусавил словно бы голосом Гоблина, но куда тоньше.

Нары вправду оказались потомками нашей братии. Они образовали замкнутую касту воинского культа, выстроенного на основе оставленных Отрядом легенд. Они вели свои собственные Анналы и, очевидно, куда лучше нашего соблюдали древние традиции.

А затем Жабомордый и вовсе добил меня.

Некто Элдон Ясновидящий, знаменитый местный колдун, оказывается, предсказал наше появление еще несколько месяцев назад, когда мы пересекали те мохнатые холмы на пути к Длок-Алоку. И нары (нар — на местном языке «черный») устроили для своих множества испытаний и состязаний, дабы отобрать из каждой сотни лучших, достойных встать под знамя отцов и под ним совершить поход в Хатовар. Если только мы примем их.

Этот Элдон Ясновидящий и цель нашего похода расшифровал издалека!

Я не люблю того, чего не понимаю. Впрочем, поди пойми их всех...

Могаба же, как лучший во всей касте, был выбран командром делегации.

Тем временем, пока нары готовились к священному паломничеству, отцы города вместе с купечеством готовились использовать нас для прорыва пиратской блокады, сквозь которую за последние годы и мыши стало не прошмыгнуть.

Словом, мы были «великой надеждой с севера».

— Ну, Одноглазый, не знаю, что и сказать...

— А я тебе, Костоправ, одно скажу: к тому клонится, что ты не сможешь сказать «нет» этим ребятам.

Я и не склонен был отказывать. Пираты, о которых никто ничего не мог толком сказать, обещали быть препятствием серьезным и пакостным. Где-то в моем сознании тело смутное предчувствие, что они способны вызвать на помощь сильную магию, если увидят, что дела плохи.

— Отчего же?

— Ребятки-то все это — всерьез, Костоправ. До религиозного — всерьез. Они что-нибудь безумное выкинут — например, на собственные мечи побросаются, — если ты не возьмешь их в Отряд.

— Ну, скажешь тоже...

— Верно тебе говорю. Для них это — словно религия. Ты же сам постоянно твердишь о былых временах, когда знамя было чем-то вроде божества, хранящего нас... Они пошли другим путем. Отряд, ушедший на север, превратился в обычную шайку головорезов, ты сам видел. А оставшиеся здесь ребятишки превратили их в богов...

— Это ужасно.

— Ты уж лучше мне поверь.

— Они ведь разочаруются в нас! Из тех, кто относился к традициям серьезно, остался один я. — Ер-рунда, Костоправ. Поплевать да оттереть, да ударить в барабан славы прежних дней — еще далеко не все. Пойду отыщу этого уродца Гоблина и погляжу, хватит ли его на то, чтобы прекратить дуться и измыслить на пару со мной, что да как делать с этой посудиной, если, скажем, получит пробоину. Дьявольщина, пираты, похоже, знают обо всем, что тво-

рится здесь. Может, наша репутация напугает их настолько, что пропустят без боя.

— Думаешь, могут?

Это было бы просто замечательно.

— Нет, не думаю. Жабомордый! Поди сюда. Ч-черт его возьми; ну, как ребенок!.. Жабомордый, остаешься с Костоправом. Будешь делать, что он прикажет, словно он — это я. Ясно? Ослушаешься — задницу надеру.

Бес, при всех своих талантах, обладал разумом пятилетнего ребенка. И внимание его, соответственно, так и скакало с места на место. Он обещал Сдногмазому держаться подле меня и помогать, однако я не ждал, что иметь с ним дело будет легко.

Я пошел на причал, где принял в наше братство по оружию тридцать два новобранца. Могаба был так счастлив — я уж думал, сейчас кинется обнимать меня.

Ряды наши пополнились тридцатью двумя весьма впечатляющими бойцами: каждый — чудовищного сложения и быстр и ловок, словно кошка. Если это — всего лишь полукровки от наших, служивших в Джии-Зле, каковы же были папаши?

Будучи приведен мною к присяге, Могаба первым делом спросил, можно ли его братьям по касте взять на себя охрану других судов. После, мол, они смогут рассказать внукам, что провожали наш поход до самого Третьего Порога.

— Конечно. Отчего нет?

Этот Могаба со своими парнями вскружил мне голову. В первый раз с тех самых пор, как связался с этой должностью, я почувствовал себя настоящим Капитаном.

Отряд разошелся по домам за своей амуницией, а также — разнести по городу добрую весть.

Здесь я заметил, что хозяин с носа барки наблюдает за всем происходящим с широкой, плотоядной улыбкой на лице.

Для его команды все складывалось просто отменно. Они полагали, что уже сгребли нас за шкирку и теперь держат за узду.

— Эй, Костоправ! Твоя блудная подружка вернулась!

— И ты, щенок? Ох, брошу я тебя в реку...

Если только смогу догнать. Бесенок обладал, соответственно, и энергией пятилетнего.

Всеобщий ажиотаж, вызванный ее появлением, подсказал мне, что это именно она. Точнее, его отсутствие. Люди, мимо которых она проходила, прерывали разговоры, провожали ее мечтательными взглядами, вздыхали, качали головами. Ни свиста, ни воя, ни грубых замечаний не наблюдалось.

Оглядев окрестности, я выбрал жертву.

— Мурген!

— Чего тебе? — подскочил тот.

— Когда Госпожа появится здесь, покажи ей ее жилище. Соседняя каютка — для ее гостей.

— Я думал...

— А ты не думай. Просто делай что говорят.

Сам я не хотел попадаться ей на глаза. Я пока не был готов к неизбежной схватке.

Глава 19

Река

Ночь над рекой. Лунный луч плещется в темном зеркале вод. Тишина, порою сверхъестественная, вдруг разражается какофонией какого-то адского оркестра: хрюкают крокодилы, пятьдесят разных пород лягушек тянут свою песнь, птицы ухают и клекочут, бегемоты фыркают — и все прочие, богам одним известно, кто еще.

И насекомые жужжат. Здесь с ними едва ли не хуже, чем было в джунглях. И будет еще хуже, когда достигнем южных болотистых низин. Нам сказали, что река — хоть это и незаметно — течет сквозь болото от десяти до восьмидесяти миль в ширину и три сотни миль в длину. Пока что вдоль западного берега все еще тянулись пахотные земли, а восточный на три четверти зарос дикой растительностью. В устьях проток и проран нам попались люди на лодках — подобно своей земле, окультуренные лишь слегка.

Меня заверяли, что этих, живущих под самой сенью города, опасаться не стоит. Когда они с криком приближались на своих лодках к нам, то лишь для того, чтобы предложить на продажу крокодильи кожи и плащи из перьев попугаев. Я под влиянием минуты купил один такой — самый большой и самый наипестрый. И весил он фунтов шестьдесят. Облачившись в него, я стал в точности похож на классический тип вождя дикарей.

Могаба, осмотрев плащ, объявил его очень мудрым приобретением. Он сказал, что такой плащ защищает от дротиков и стрел лучше стальной брони.

Кое-кто из наров купил крокодильих кож для укрепления щитов.

А Гоблину взбрендилось приобрести пару высушенных крокодильих голов. Одна была просто гигантская, словно драконья. Теперь, пока я сижу на верхней палубе, описывая красоты ночной реки, он там, на носу, пристраивает свою чудовищную покупку на голову носовой фигуры. Наверное, измышляет какой-то фокус про запас.

С головой помельче он подошел ко мне.

— Костоправ, примерь-ка!

— Что?

— Примерь, говорю. Когда пираты нападут, появившись здесь в этой штуке и в своем плаще, дышащий огнем, словно какое-нибудь там мифическое чудовище.

— Великолепный трюк! Мне нравится. Нет, я в него просто влюблен. Посмотрим, найдется ли идиот вроде Бади, чтоб его исполнить.

— Но...

— Ты полагаешь, я собираюсь торчать здесь, и пусть все, кто хочет, в меня целятся?

— Но мы с Одноглазым обеспечим тебе защиту!

— Правда?! Услышаны наконец мои молитвы! Долгие годы я не нуждался ни в чем, кроме твоей с Одноглазым защиты! «Заштите меня, о святые отцы-покровители нашего Отряда» — воскликнул я тысячу — да что там, десять тысяч раз! И вот...

Он плонул и, прервав меня, переменил тему.

— Те люди,— проквакал он,— которых твоя подружка притащила на борт...

— Следующий идиот, который назовет Госпожу моей подружкой, отправится к крокодилам — на предмет выяснения, нельзя ли поставить их под седло. Улавливаешь?

— Улавливаю. Правда жизни больно бьет по твоим чувствам.

Я промолчал. Но — скрепя сердце.

— Эти двое — дурная новость, Костоправ,— беззвучно зашептал Гоблин; так мы переговаривались, пробираясь мимо постов противника.— Там, в их каюте, такое заваривается!

Он изо всех сил старался быть полезным. Жабомордый, появиввшись в Отряде, совершенно затмил его. И потому я не стал говорить, что уже предупрежден и имею пару идей на этот счет.

Из воды, спасаясь от какого-то хищника, выпрыгнула рыба. И награда ее вполне соответствовала затраченным усилиям: ее подхватила в прыжке кружившая над рекой ночная птица.

Я крякнул. Надо ли оповещать Гоблина, насколько я осведомлен о положении вещей, а что — лишь подозреваю? Или лучше просто прикинуться дурачком и по-тихому все уладить? Сейчас, когда Отряд начал разрастаться, особенно важно окружить себя ореолом загадочности. На некоторое время это подействует. Старослужащие просто не заподозрят меня в столь циничном и прагматическом подходе к командованию...

А Гоблин тем временем изливал мне все имеющиеся у него факты, подозрения и домыслы. Нового я услышал очень и очень мало. Да и это новое только делало мои представления о настоящем положении дел четче.

— Пожалуй,— наконец сказал я,— тебе, Гоблин, пора создать шедевр всей твоей жизни. Нечто простое, щеленаправленное и мощное, и готовое быть пущенным в ход всего за пару секунд.

Он растянул губы в своей знаменитой улыбке:

— Отстаешь от жизни, Костоправ. У меня в работе пара штучек, которые изумят всех, когда я применю их.

— Вот и замечательно.

Думается мне, где-то в конце пути Одноглазого ждет крупное потрясение.

До Третьего Порога было, самое меньшее, две недели пути — скорость течения не превышала скорости неспешной ходьбы. Если учесть и пиратов, путешествие наше могло вообще никогда не закончиться.

К вечеру четвертого дня обороноспособность барки была усиlena так, что дальше некуда. Бревенчатые щиты укрыли за собой главную палубу. Нижние края их спускались до самой воды, чтобы препятствовать высадке абордажных команд. Сквозь амбразуры в щитах тоже не смог бы пролезть ни один человек. На каждом борту ребята смонтировали по четыре баллисты. Благодаря проницательности Одноглазого мы изготовили десятки зажигательных бомб, и теперь они хранились в надежно защищенных гнездах на крыше рубки. Троє братьев из Берима смастерили «дельфина» — остроконечное тяжелое грузило в форме рыбы на длинной цепи; его сбрасывают с гика, чтобы прошибать днища мелких судов. Но более всего мне понравилась машина, выдуманная Терпилой, бывшим охранником караванов.

То была обойма со множеством маленьких отравленных дротиков, выбрасываемых шлепком упругой доски по ее днищу. Яд был таков, что малейшей царапины наконечником хватит, чтобы вызвать мгновенный паралич. Единственным недостатком этого орудия являлась неповоротливость. Придется ждать, пока цель сама не попадет на траекторию выстрела.

По завершении работ я посадил всех наших на диету из моих любимых (еще с тех времен, когда я был ведомым, а не вел за собой) раздражений и придиорок. Стреоявая и боевая подготовка. Усиленное изучение языка. Одноглазого с его любимцем я вогнал в пот, потребовав установить среди моих людей хотя бы один общий для всех язык. Ох, и ругались они!.. Только на наров все это производило благоприятное впечатление.

Госпожа не показывалась. Можно сказать, вообще не существовала для нас.

Утром шестого дня мы достигли болотистых низин, поросших кипарисами. Теперь все держались настороже.

Еще два дня пиратов и духу не было. А к тому времени, как они появились, Одноглазый с Гоблином успели множество раз всех предупредить.

Мы проходили там, где кипарисы вплотную подступали к воде. И тут из-за поворота появились нападающие на двадцати суденышках. Я смог развернуть на них лишь две баллисты. Это остановило одну лодку. Стрельба из луков с крыши рубки — занимавшей, кстати, почти всю длину и ширину барки — особой пользы тоже не принесла. Лодки были укрыты навесами из крокодильих кож.

Они подошли к нам с бортов. После долгих усилий им все же удалось забросить кошки на верхние края щитов. Пираты пошли на абордаж.

Этого-то я и ждал.

В щитах мы проделали множество маленьких отверстий. Могабины нары кололи через эти дырки ступни пиратов. Несколько пиратам, уже добравшимся до верхнего края щитов, пришлось какое-то время балансировать на торцах бревен в четыре дюйма толщиною, прежде чем прыгать на крышу рубки.

Это было все равно что стрелять куропаток. Прыгнуть не успел ни один.

Гоблин с Одноглазым пока что не пускали в ход волшебство — они забавлялись метанием бомб. С подобным пираты раньше не сталкивались. И бежали прежде, чем мне понадобилось включать в игру мои резервы.

По моим оценкам, пираты потеряли пять-шесть десятков человек. Потери немалые, однако меньше, чем хотелось бы. А ведь добрые купцы из Джии-Зле надеются, что мы искореним пиратство на реке...

Едва пираты показали спины, словно призрак из небытия, возник шкипер. Ни его, ни матросов во время заварухи видно не было. Барка свободно дрейфовала по течению.

Тут появился и Жабомордый. С его помощью я провел штурмана через девять кругов ада. Мой гнев несколько умерил его жалобы на то, что мы дали стольким пиратам уйти.

— Вам придется драться с ними снова. И теперь они знают чего ожидать.

— Значит, первая атака была лишь пробной. Что за дьявольщина там?

Река так и кипела от некоей подводной заварухи. Что-то заколотило в обшивку барки.

— Иглозубы... — Штурмана передернуло. И даже Жабомордому сделалось не по себе. — Такие рыбы, с руку длиной. Собираются на кровь в воде. Когда их много, боятся и нападают на все, что подвернется. Бегемоты могут сожрать в минуту — с костями и всем прочим.

— Вот как?

Река бурлила все сильнее и сильнее. Мертвые пираты, а также раненые, не сумевшие забраться в лодки, исчезли. Те, что были пробиты и горели вместе с плавником, пошли в рыбью глотку. По крайней мере, иглозубы предприняли героическую попытку пожрать и их.

Убедившись, что и в следующий раз команда склонна бросить нас ради спасения своих шкур, я потолковал об этом с нашими доморощенными колдунами.

Следующее нападение произошло ночью. На этот раз за нас взялись всерьез.

Первая вздрючка настроила пиратов пленных не брать.

Конечно, мы были предупреждены. Одноглазый с Гоблином не забывали своих обязанностей.

Здесь русло реки снова сужалось, и на сей раз пираты перегородили его бревном. Как только Гоблин заметил это бревно, я приказал отдать якоря. Мы остановились в двух сотнях ярдов от сердца ловушки и принялись выжидать.

— Гоблин! Одноглазый! Ваши люди на местах?

Мы заготовили пиратам некоторые сюрпризы.

— Готовы, мамаша, готовы.

— Клетус, дельфин готов?

Мы еще не пускали его в ход.

— Так точно, сэр!

— Масло! Что-то не слыхать этой треклятой помпы.

Что там за чертовщина?

— Я приглядываю за командой, Костоправ.

Вот и ладно. Значит, снова хотели слинуть? Надеялись откупиться от пиратов тем, что не сопротивляются?

— Мурген! Волоки-ка их главного из норы! — Я знал, где он прячется. — Пусть будет здесь. Одноглазый! Давай своего беса!

— Как только из разведки вернется.

Жабомордый появился первым и до того, как Мурген привел за шиворот хнычащего шкипера, успел рассказать, что против нас собирались все взрослые мужчины с болота. Едва засвистели первые стрелы пиратов, я сказал:

— Объясни ему: если через две минуты матросы не примутся за дело, по одному будут отправляться за борт. А первым вышвырну его.

Именно так я и собирался поступить.

Это подействовало. Помпы заквакали и залязгали, как раз когда мы с Мургеном начали прикидывать, далеко ли надо выбрасывать этого типа.

Стрелы сыпались все гуще. Они не причиняли нам никакого вреда — просто должны были не давать нам поднять головы. Затем из темноты раздался чудовищный взрыв брани и завываний — это Гоблин испробовал на пиратах свой излюбленный еще со времен Белой Розы фокус. Заклинание, заставляющее всякое насекомое в определенных границах немилосердно жалить ближайшего человека.

Однако крик и вой быстро стихли. Значит, проба удалась, и ответ получен. У пиратов имеется некто, способный расколдовывать простенькие чары.

Одноглазый же должен был разнюхать, кто именно, дабы они с Гоблином могли скучковаться и прибить шкуру виновного к ближайшему кипарису.

Обстрел прекратился. И сразу — вот помяни черта, и он уж тут как тут — появился Одноглазый.

— Беда, Костоправ! Этот тип — из тяжеловесов. Уж и не знаю, что нам с ним делать.

— Делайте что можете. Отвлеките, что ли. Видишь, обстрел прекратился.

В болотах, чтобы заглушить плеск весел, началась настоящая катавасия.

— Ara.

Одноглазый помчался на место. Вверх взмыл багровый огонек. Я облачился в заготовленную Гоблином крокодилю голову. Настало время поднимать занавес.

Подать себя подобающим образом — половина победы.

Огонек разросся и залил реку тусклым багровым светом.

К нам пробирались, пожалуй, около сорока лодок. Пираты расширили навесы из крокодильих кож в надежде отразить зажигательные бомбы.

Я весьискрился и дышал пламенем. И, будьте уверены, вид у меня был чертовски впечатляющий.

Ближайшие лодки были уже футах в десяти от нас. Увидев лестницы, я ухмыльнулся за крокодильей пастью. Моя догадка оказалась верной.

Я воздел руки к небу и опустил их.

Одинокая бомба, описав дугу, разбилась о навес лодки.

— Кончай бросать, идиоты! — заорал я.

Бомба была липовой.

Я повторил свой жест.

Со второго раза — подействовало. Во все стороны полыхнуло огнем. В несколько секунд всю поверхность реки, за исключением небольшого пространства вокруг барки, охватило пламя.

Ловушка оказалась едва ли не слишком хороша. Огонь мигом сжег весь воздух вокруг, а оставшийся — раскалил невыносимо. Но благодаря отсутствию энтузиазма у людей на помпах, качавших нефть, пламя вскоре погасло.

В огне погибла едва ли половина нападавших, однако остальные раздумали продолжать бой. Особенно после того, как «дельфин» и баллисты начали разбивать лодки. Они устремились к укрытию. Медленно. Едва ли не ползком. Баллисты и дротикометы порядком поклевали их.

Над болотами раскатился дикий вой. Злобе их понадобилось некоторое время, чтобы исчерпать себя.

Стук, лязг и плеск весел объявили о приближении второй волны.

К этому мы тоже были готовы. Поганейшей должна была оказаться третья, если только на второй их возмож-

ности не исчерпаются. Она-то, с обнаруженной Одноглазым неизвестной величиной, меня и тревожила.

Пиратские суденышки были в сотне футов от барки, и тут Гоблин подал мне главный сигнал.

Он собрал иглозубов. Тысячи.

Передовые лодки подошли достаточно близко, и я начал свою пляску.

«Дельфин» обрушился вниз, расколов днище большой деревянной болотной лодки. Все наши орудия ударили залом. Полетели бомбы и дротики.

Суть была в том, чтобы несколько раненых пиратов попали в воду, к иглозубам. Так оно и вышло.

И река — словно взбесилась.

Половина пиратских лодок была сделана из шкур, натянутых на деревянные рамы. Эти не прожили и минуты. Деревянные продержались дольше, но лишь самые тяжелые выстояли под градом ударов. И даже они остались брошенными на милость паники, овладевшей экипажами.

Самые сообразительные и шустрые пираты атаковали барку. Если им удастся проникнуть на борт и овладеть ею... Но я только и ждал, чтобы они додумались до этого.

Они загодя подготовились, запасшись лестницами из планок, закрепленных на сплошном основании. Если втянуть такую на мантелет и закрепить, то это основание защитит ноги и руки нападающих от копий наров.

Однако я велел нарам выставить в щели между бревнами мантелетов острые планки и колышки. Поднять лестницы наверх будет нелегко. И Клетус с братьями разбили «дельфином» около десятка лодок, прежде чем пираты поняли, какая чудесная опора для рук и ног эти самые колышки.

Нары получили приказ не трогать пиратов, пока те только карабкаются. Их присутствие сбьет прицел их братьям, отцам и прочим свойственникам.

Это заняло некоторое время, и ночь окуталась тишиной, а река успокоилась. Лишь обломки плыли вниз по течению, собираясь у перегородившего реку бревна. Мои ребята присели отдохнуть. Одноглазый убрал с неба багровые огни, а после вместе с Гоблином, Жабомордым, ко-

мандирами взводов, Могабой и (о чудо!) шкипером барки явился ко мне, дабы обмозговать положение. Последний предложил сняться с якоря и двинуться вперед.

— Сколько мыостояли? — спросил я.

— Два часа, — отвечал Гоблин.

— Тогда можно малость отдохнуть.

Конвой должен был приотстать, пока не окажется в восьми часах пути от нас. Теоретически, он должен был подойти и застать пиратов на последнем издыхании, чтобы с легкостью перебить их, если нас уже не окажется в живых.

— Одноглазый! Что с их волшебником?

Ответ его звучал не слишком весело:

— Мы можем попасть в большую беду, Костоправ. Этот тип еще сильнее, чем мы думали поначалу.

— Вы пробовали его прищучить?

— Дважды. По-моему, он и не почесался.

— Если так, отчего же он держится в сторонке, а не прихлопнет нас?

— Не знаем.

— Может быть, нам стоит взять на себя инициативу?

Попробовать выманить, наконец...

— А почему бы просто не разбить бревно и не продолжить путь? — спросил Мурген. — Мы их столько положили, что всем болотам на год оплакивать хватит.

— Не дадут, вот почему. Просто не позволят этого. Одноглазый, ты можешь отыскать их ведуна?

— Да. Только зачем? Я согласен с малышом. Ломаем бревно. Иначе могут напасть врасплох.

— Значит, врасплох? Ты, деревянная башка, как думаешь, для чего здесь это бревно? Зачем, по-твоему, я здесь остановился? Так. Ты можешь загнать такой маленький, багровый огонек ему в волосы?

— Ну, если надо... Где-нибудь через полминуты.

— Надо. Когда я велю.

Все это время я старался найти в нашем положении нестандартные параметры и, пожалуй, нашел. И теперь готовил интереснейший, хотя, возможно, смертельный, эксперимент.

— Ведьмак! Вы с Масло разворачивайте все баллисты на восток. Сбавьте натяжение на сорок процентов, чтобы бомбы не разбивались прямо в этом корыте.— С помощью Жабомордого я приказал Могабе собрать своих лучников на крыше рубки.— Когда Одноглазый обозначит цель, начинайте обстрел. Половина прямого угла, навесной огонь, траектория полуплоская. И бомб не жалеть, словно хотим сжечь все болото.

Отчаянно закричал пират, сорвавшийся с мантелета. Взбурлившая вода показала нам, что иглозубы знают, где лучше, и держатся поблизости.

— Давайте, все по местам.

Гоблин задержался возле меня.

— Похоже, я знаю, что ты хочешь попробовать. Надеюсь, потом об этом не придется жалеть.

— А чего надеяться? Если провалится, мы все — по-крайности.

Я отдал приказ. Одноглазый отправил в полет свою вешку. И тут же расцвел, распустился обстрел!

На минуту я даже решил, что мы накрыли этого лоха.

Внезапно на крыше рубки материализовалась Госпожа. Я сдвинул на затылок крокодилю голову.

— Эх-х, хо-ор-рош балаган, а?

Мох и кипарисы — словно разом взорвались.

— Ты что делаешь?

— Что, рядовой? Решила наконец приступить к несению службы?

Левая щека ее дернулась. Моя тактика была направлена вовсе не на пиратского кодуна.

Меж нас скользнула стрела — меньше чем в шести дюймах от наших носов. Госпожа вздрогнула.

Тут пираты, карабкавшиеся по мантелетам, наконец забрались наверх. С подюжины тех, кого миновали стрелы лучников, прыгнули на крышу — и были тут же приняты на ощетинившиеся копья.

— Я устроил все так, что им остался лишь один способ разделаться с нами.— Здесь я дал ей секунду подумать.— У них имеется волшебник громадной убойной силы. Пока

что он не высовывался. Ну, я просто сказал ему, что знаю, что он здесь, и постараюсь его накрыть.

— Костоправ, ты сам не ведаешь, что творишь!

— Неверно. Отлично знаю.

Госпожа, изрыгнув означавший сомнение эпитет, развернулась и удалилась.

— Жабомордый!

Бес немедля возник передо мной.

— Начальник, ты лучше надень назад свою крокошляпу. А то заклинание не убережет тебя от стрел.

При этих словах несколько стрел свистнули мимо.

Я надел головной убор снова.

— Ты сделал, что должен был, с теми штуками?

— Все в порядке, начальник! Я это отправил в такое место, которое не это место. Через минутку услышишь, как завопят!

Огонь среди кипарисов замерцал, будто задуваемая свеча. С десяток огоньков Одноглазого проплыли меж них — и просто исчезли. Ночь начала наполняться подавляющим ужасом присутствия колдовства.

Единственная оставшаяся искорка скользнула ко мне и закружила у пасти крокодильей головы.

Примчалась Госпожа:

— Костоправ! Что ты наделал?

— Я уже говорил: я знаю что делаю.

— Но...

— Что, пропали все твои игрушки из Темной Башни?

Назовем это интуицией, любовь моя. Выводом, сделанным на основе неадекватной и разрозненной информации. Хотя играть легче, если уже знаком с партнером.

Тьма сгущалась. Исчезли звезды. Однако сама ночь блестела, словно отполированный кусок антрацита. Блики видны были повсюду, хотя никакого света не наблюдалось — даже с головы носовой фигуры.

— Ты ведь погубишь всех нас!

— С тех пор как меня избрали капитаном, вероятность этого существует. Она существовала, когда мы уходили с Курганья. Существовала, когда мы покидали Башню. И когда выходили из порта Опала. И когда ты присяга-

ла Отряду. И возросла до предела, когда я принял поспешное и умышленно жульническое предложение купцов Джии-Зле. Так что ты, подруга, не сказала ничего нового.

Что-то наподобие черных плоских камней заскакало по воде, выбрасывая в воздух фонтаны серебристых брызг. Гоблин с Одноглазым позорно бежали.

— Чего ты хочешь, Костоправ?

Голос ее звучал натянуто, точно готов был вот-вот лопнуть под острым лезвием страха.

— Хочу знать, кто командует Черным Отрядом. Хочу знать, кто принимает решения насчет того, кого брать с собой, а кого — нет. Хочу знать, кто дает солдатам Отряда право уходить на несколько дней, кто дает им право прятаться целую неделю, манкируя всеми своими обязанностями. А более всего хочу знать, в какие, собственно, авантюры и интриги теперь замешан Отряд.

Прыгучие камни продолжали приближаться, разбрасывая по сторонам серебро брызг. Все они стремились к барке.

— Кто же будет командовать, Госпожа? Я или ты? В чью игру мы будем играть? В мою или в твою? Если в твою — все твои драгоценности останутся там, откуда ты не сможешь достать их. А все мы отправимся к иглозубам. Сию минуту.

— И ты не блефуешь?

— Когда сидишь за столом с таким же, как ты сам, нет нужды блефовать. Просто ставишь все, что есть, и смотришь, заровняет ли.

Она меня знала. Она отлично знала, что варится в моей голове. И понимала, что я способен на эту игру, будучи вынужден.

— А ты переменился, — сказала она. — Стал жестче.

— Чтобы быть капитаном, надо быть Капитаном. Не летописцем и не ротным лекарем. Хотя где-то там, в глуби, кое-какая романтика еще дремлет. Ты могла бы пробудить ее — той ночью, на холме.

Один из камней толкнул барку.

— Пока что я у тебя еще есть, — сказал я.

— Ты идиот. Та ночь ничего не могла изменить. И тогда я не думала, что может. Там, на том холме, была женщина — с мужчиной, о котором заботилась и которого желала. И думала, что этот мужчина...

Еще один камень гулко бухнул в борт. Барку тряхнуло.

— Костоправ!!! — завопил Гоблин.

— Мы собираемся делать ход? — спросил я.— Или мне раздеваться и готовиться поплавать наперегонки с иглозубами?

— Ты победил, будь ты проклят.

— На этот раз твое обещание будет выполнено? Оно — для всех?

— Да, будьте вы прокляты.

И я ухватился за этот шанс.

— Жабомордый! Волоки назад. Верни все на место.

Очередной камень ударил в барку. Бревна застонали. Я пошатнулся, а Гоблин снова завопил.

— Госпожа, твои игрушки на месте,— сказал я.— Веди сюда Меняющего Облик с подружкой.

— Так ты знал?

— Я ведь тебе сказал: догадался. Шевелись.

На палубу вышел тот самый старик по имени Элдон Ясновидящий — только в истинном своем облике. Он и был тем самым, предположительно мертвым, Взятым по имени Меняющий Облик, в половину рубки ростом и в полроста шириной, чудовищным человеком в алом. Заросли его бороды слиплись от грязи. Он опирался на светящийся посох в форме непомерно вытянутого и тонкого женского тела со всеми подробностями. Этот посох был среди вещей Госпожи. Он-то и послужил мне последним намеком, когда Жабомордый описал его мне. Теперь Взятый простер его к берегу.

Среди кипарисов точно вспыхнуло нефтяное пятно в сотню футов в попечнике.

Барка покачнулась под ударом очередного камня. Бревна полетели в воду. В трюме панически заржали лошади. Им вторил кое-кто из команды. Товарищи мои при свете пламени выглядели мрачновато.

А Меняющий Облик продолжал сажать в болото пятно за пятном, пока заросли не превратились в сплошной погребальный костер, перед которым оба моих костерка выглядели на редкость нищенски. Рев пламени заглушил вопли пиратов.

Я выиграл эту ставку.

А Меняющий Облик продолжал жечь.

В реве пламени возник оглушительный вопль, затихший через некоторое время вдали.

Гоблин взглянул мне в глаза. Я ответил ему взглядом.

— Второй за десять дней, — пробормотал я. В последний раз мы слышали этот вопль в битве при Чарах. — А что до друзей... Госпожа, что я нашел бы, если бы вскрыл те могилы?

— Не знаю, Костоправ. Теперь — не знаю. Я не ожидала снова увидеть Ревуна. Это правда.

Тон ее был в точности похож на лепет напуганного, попавшего в беду ребенка.

Я верил ей.

На светлом фоне скользнула какая-то тень. Ворона, летающая ночью? Что же тогда последует дальше?

Спутница Взятого тоже видела тень. Глаза ее были прищурены и внимательны.

Я взял Госпожу за руку. Теперь, когда к ней вернулась ее ранимость, она нравилась мне гораздо больше.

Глава 20 Лозан в плавании

Лозан хмуро осмотрел лодку.

— Не обосраться бы со страху...

— Что такое? — осведомился Корди.

— Терпеть не могу лодок.

— Так чего пешком не пойдешь? Мы с Ножом тебе помашем, где бы ты ни встретился нам, с пыхтением бредущий по берегу...

— Имей я твое чувство юмора, Корди, повесился бы и избавил мир от многих мук. Ладно, плыть так плыть. — Он направился к выходу из гавани. — Ты видел Бабу с ее выкормышем?

— Конченый немного раньше тут ошивался. Наверное, они уже там. Пробрались втихаря, крадучись... Не желают, чтобы кто-нибудь знал, что Радиша покидает город.

— А мы?

— Он сейчас заплачет оттого, что девочки не пришли его не пускать,— ухмыльнулся Нож.

— Он и дальше постоянно будет рыдать,— добавил Корди.— Без этого у старика Лозана просто ноги не шевелятся.

Баркас был не так уж плох. Шестидесяти футов в длину, он был очень удобен для своего груза, состоявшего всего из пяти пассажиров. На это Лозан тоже пожаловался — как только выяснил, что Радиша не захватила с собою взвода слуг.

— Я-то рассчитывал, что обо мне будет кому заботиться...

— Ну, ты совсем раскис,— сказал Нож.— Ты, может, еще захочешь нанять кого, чтоб драился за тебя, когда попадешь в беду.

— Оно бы неплохо... Мы за других драились достаточно. Корди, скажи?

— Да, пожалуй.

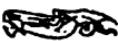
Команда шестами вытолкала баркас на стрежень, но здесь, у самого устья, течения почти не существовало. Затем они подняли линяной парус и развернули баркас носом к северу. Дул крепкий бриз, и суденышко пошло быстрее течения — примерно со скоростью шага с лентой.

Небыстро — однако никто особенно и не торопился.

— Не понимаю, зачем было вообще отправляться? — сказал Лозан.— Все равно не попадем, куда она хочет. Голову даю: река все еще перекрыта выше Третьего Порога. И дальше Треша нам не пробраться. Хотя для меня и это достаточно далеко.

— Учитывая, что продолжать путь пешим ходом ты не согласен,— заметил Корди.

— Не-ет, он помнит, что его ждет в Джии-Зле,— сказал Нож.— У ростовщиков чувства юмора нет.

Две недели занял путь до Каторца, города чуть ниже Первого Порога. Копченого с Радишей друзья за это время почти не видели. А команда чертовски наскучила им. То была самая угрюмая банда речников на всем белом свете. Все они приходились друг другу отцами, сыновьями, дядями и братьями, и им просто нельзя было давать воли. Радиша не позволяла даже остановок на ночь: кто-нибудь мог проболтаться, вследствие чего весь белый свет узнал бы, кто путешествует по реке без всякой охраны.

Это ранило чувства Лозана сразу с обеих сторон.

Первый Порог являл собою препятствие лишь для тех, кто поднимался вверх по реке. Течение здесь было слишком быстрым для парусов и весел, а отмели — слишком редки и топки для бурлака. Радише пришлось оставить баркас в Каторце с тем, чтобы команда дожидалась их возвращения, и восемнадцать миль до Дадица, города, лежавшего за порогом, они проделали пешком.

По дороге Лозан с тоской глядел на несущиеся вниз по течению барки и ворчал.

Нож с Корди лишь посмеивались над ним.

Для плавания ко Второму Порогу Радиша наняла другую лодку. Здесь они с Копченым перестали прятаться ото всех. Она посчитала, что так далеко от Таглиоса их вряд ли кто-нибудь узнает. Первый Порог все же был четырьмястами восемьюдесятью милями севернее.

Через полдня после отплытия из Дадица Лозан подошел к Ножу и Корди, стоявшим на носу.

— Ребята, вы не заметили там, в городе, таких смуглых карликов? Вроде бы следили за нами.

Корди кивнул. Нож утвердительно хрюкнул.

— А то я боялся, что у меня просто воображение разыгралось. А может, и хотел, чтоб так оно и оказалось. Вы никого из них не узнали?

Корди покачал головой.

— Нет,— сказал Нож.

— Да вам, ребята, и челюстью шевельнуть лень!

— Лозан, ну откуда им знать, за кем следить? Кто бы они там ни были. Единственный, кто знает, куда мы на-

правились, это Прабриндрах Драх, и даже он не знает, зачем.

Лозан хотел было что-то ответить, однако решил прежде поразмыслить.

— А Хозяева Теней? — сказал он через минуту. — Они могли как-нибудь прознать...

— Ага. Эти — могли.

— По-вашему, они могут нам помешать?

— А ты бы на их месте что сделал?

— Да. Пойду-ка вздрючу этого Копченого.

Копченый вполне мог оказаться крапленой картой. Он заявлял, что Хозяева Теней не знают о нем ничего, а если и знают, то не могут верно оценить его компетенции.

Они с Радишей удобно расположились в тени и наблюдали за течением воды. Да, на реку стоило полюбоваться, с этим Лозан был согласен. Даже здесь она была в добрых полмили шириной.

— Копченый! Дружкище! Кажется, у нас возникли трудности.

Колдун прекратил жевать какую-то жвачку, которую с утра не выпускал изо рта, и, сузив глаза, посмотрел на Лозана. Такой стиль общения ему не нравился.

— В Дадице за нами следили маленькие — вот такие примерно — смуглые людишки, тощие и сморщеные. Я спрашивал Корди с Ножом; они тоже заметили.

Копченый перевел взгляд на женщину. Та посмотрела на Лозана.

— Вы по пути на юг не нажили себе врагов?

— Ну нет. — Лозан рассмеялся. — Нет у меня никаких таких врагов. Между Белой Розой и Таглиосом такие муди не живут. Я вообще подобных никогда не видел. Сдается мне, не я их интересовал.

Она перевела взгляд на Копченого:

— Ты заметил?

— Нет. Но я и не присматривался. Думал, нужды нет.

— Э-э, Копченый, всегда ко всему надо присматриваться, — возразил Лозан. — Таков наш старый и, в основном, недружественный мир. Когда ты в пути, лучше ни на

минуту глаз не смыкать. Тут, понимаешь ли, плохие парни водиться могут. Веришь ли, нет ли, но не всем же быть такими вежливыми, как ваши таглиосцы.

Лебедь вернулся на нос.

— Этот болван колдун даже не заметил ничего. Мозги у него в сало превратились...

Нож вытащил тесак и оселок и принялся за работу.

— Лучше уж наточить. Еще снова затупиться успеет, пока этот старый хрен проснется и увидит, что на нас напали.

От Второго Порога их отделяли три сотни миль неровно петляющей меж темных, мрачных холмов реки. Сами по себе места не располагали к долгим остановкам. С правого берега над рекой возвышались развалины Чон Делора, напомнившие Лозану кучу старых черепов. Со времен падения Болибога вдоль правого берега не плавал никто. И даже звери избегали этих мест.

На холмах по левому берегу располагались руины Тройственного Союза трех городов: Нечета, Случая и Лишка. По дороге на юг Корди слыхал, что эти города принесли себя в жертву ради победы над Болибогом.

Теперь же люди обитали лишь на узкой полоске обок с Порогом, в городе из одной десятимильной улицы, и постоянно опасались призраков погибших в ту войну. Свой причудливый городок они назвали Идоном, а сами являли собою редчайшую коллекцию самых разных людских вывертов. Путники не останавливались в Идоне дольше совсем уж необходимого срока, так же, в общем, как и многие постоянные граждане города.

По пути через город Лозан, делая вид, что глазеет на местные странности, заметил шныряющих повсюду смуглых карликов.

— Эй, Копченый! Ублюдок ты наш востроглазый... Теперь видишь?

— Что?

— Да не видит он ничего,— сказал Нож.— Пожалуй, одного режика мне не хватит.

— Старичок, обрати внимание. Они же — всюду, словно тараканы.

На самом деле Лозан заметил всего восьмерых или девятых, но и этого было достаточно. Особенно если за ними стоят Хозяева Теней.

А за этими карликами явно кто-то стоял. Это стало совершенно очевидно вскоре после того, как Радиша нашла лодку для плавания к Трешу и Третьему Порогу.

Стоило им миновать излучину, где река текла через земли, не затронутые войной между Тройственным Союзом и Чон Делором, как откуда ни возьмись появились две быстрые лодки, наполненные смуглыми карликами. Те работали веслами, словно на гонках, первым призом которых являлось бессмертие.

Команда, нанятая Радишей, секунд за двадцать сообразила, что встrevать в драку не стоит, и попрыгала за борт, направившись затем к ближайшей отмели.

— Ну, теперь-то видишь, Копченый? — спросил Лозан, готовясь принять бой. — Надеюсь, ты хоть в половину такой хороший колдун, каким себя мнишь.

Каждая лодка несла по крайней мере два десятка смуглых.

Челюсть Копченого заработала быстрее. Он чавкал своей жвачкой и ничего не предпринимал, пока лодки не поправлялись с ним. Тогда он протянул руки к одной из них, смякши веки и шевельнув пальцами.

Гвозди и клинья, скреплявшие лодку, так и брызнули во все стороны. Смуглые завопили. Большая их часть явно не имела никакого понятия о плавании.

Копченый перевел дух и обернулся к другой лодке. Та уже поворачивала к берегу.

Копченый развалил на части и ее, одарил Лозана мрачным взглядом и вернулся на свое сиденье в тени паруса. После этого случая он сладко улыбался всякий раз, как слышал воркотню Лозана по поводу тяжести матросской работы.

— Ладно, — ворчал про себя Лозан. — Теперь мы хоть знаем, что он настоящий колдун.

Положение дел в Треше оказалось именно таким, как предсказывал Лозан. Дальше к северу река была перекрыта.

Пиратами. И Радиша не нашла никого, согласного рискнуть, отправившись в долгое плавание до Джии-Зле, где она намеревалась ждать. Все ее послы никого не привлекли. Даже ее спутников, когда она пытаясь подбить на угон лодки.

Она пришла в бешенство. Могло бы подумать, что своды мира обрушатся, если она не попадет в Джии-Зле.

Но тем не менее в Джии-Зле она не попала.

На несколько месяцев они застряли в Треше, прячась от смуглых карликов и внимая слухам о том, что купцы из Джии-Зле отчаялись достаточно, чтобы хоть что-то предпринять против речных пиратов. Треш превратился в угрюмое змеиное гнездо. Без торговли с северными землями городу грозило увядание. Но все надежды на прорыв блокады северянами выглядели абсурдно. Все, кто пробовал, погибали.

Однажды утром Копченый вышел к завтраку задумчивым.

— Я видел сон,— объявил он.

— Р-ррасчудесно! — зарычал Лозан.— Все эти месяцы я только и молился о том, чтобы тебе привиделся очередной кошмар! Что же нам делать на сей раз? Идти воевать в Страну Теней?

Копченый игнорировал его. Ему приходилось делать так постоянно, общаясь через Радишу — единственный способ в общении с Лебедем не дойти до рукоприкладства. Он сказал женщине:

— Они вышли из Джии-Зле. Целый конвой.

— Они смогут пробиться?

Копченый покал плечами:

— Это — сила, столь же могучая и жестокая, как сами Хозяева Теней на болотах. Может, даже более могучая. Я не смог разглядеть этого во сне.

— Надеюсь, что эти смуглые дурни не курят, в отличие от тебя. А то, если поймут, кому мы навстречу вышли, могут стать куда амбициознее.

— Лебедь, они не знают, зачем мы здесь. Я пошарил по округе и уж это-то выяснил. Им нужны только ты да мы с Корди. Они бы прикончили нас и в Таглиосе, если бы нашли там.

— А не один ли хрен... Скоро этот конвой придёт сюда?

— Скоро ли, Копченый? — спросила Радиша.

Колдун ответил со всей твердокаменной уверенностью, присущей колдунией породе. Он — весьма уверенно — пожал плечами.

Передовое судно было замечено кем-то, рыбачившим на реке. Новость достигла Треша за несколько часов до прихода барки. Лозан со товарищи, вместе с половиной города, отправились на пирс встречать прибывших. Толпа вопила, приветствуя победителей, пока они не началиходить на берег. После этого немедля воцарилась глубокая, гробовая тишина.

Радиша — судя по всему, болезненно — вцепилась в плечо Копченого.

— Вот это и есть твои хваленые избавители?! Старик, ты, пожалуй, вывел меня из терпения...

Глава 21 Треш

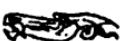
Сломав бревно, мы направились к торговому городу под названием Треш, лежащему чуть выше Третьего Порога. Река мирно несла свои воды на юг. Казалось, в мире, кроме как на нашей барке, нет никого живого. Но обломки, плывущие обок с нами, являли собою вопиющее напоминание о том, что мы не одни на белом свете и принадлежим к виду мрачному и кровожадному. Компания, как говорится, не подходящая ни человеку, ни зверю.

Я стоял под изрядно пострадавшей крокодильей головой, присобаченной Гоблином на носовую фигуру. Ко мне подошел Одноглазый.

— Скоро прибудем, Костоправ.

Я порылся в своей торбочке с остроумными отповедями и отвечал ему скептическим хмыком.

— Мы с постреленком составили впечатление об этом месте впереди.

Я ответил новым хмыканьем. В этом заключались его обычные обязанности.

— Не по-хорошему оно ощущается. — Тут нам на глаза попалась еще одна рыбачья лодчонка, поспешно поднявшая якорь и на всех парусах унесшаяся к югу с новостью о нашем приближении. — Не то чтоб настоящая опасность... Не так уж плохо... Просто как-то не так ощущается. Как бы что-то такое там происходит...

Слишком уж неуверенно звучали у него окончания фраз.

— Если полагаешь, что это касается нас, так пошли своего беса разузнать. Он ведь для этого куплен?

Одноглазый ехидно улыбнулся.

Ленивое течение на плавном повороте реки поднесло нас под правый берег. Две вороны чопорно наблюдали за нами с одинокого сухого дерева. Скрюченное, уродливое дерево навевало мысли о петлях и висельниках.

— Ну неужели я бы об этом не подумал, Костоправ? Как раз сейчас он в городе, оценивает обстановку.

То есть — поучи, Костоправ, свою бабушку яичницу бить...

Бес вернулся из города с настораживающей вестью. Там, в Треше, нас ждали какие-то люди. Именно нас, Черный Отряд.

Что за дьявольщина? Похоже, каждый знает, что мы идем на юг!

Когда мы подошли к городу, на берегу было полно народа, хотя никто не верил, что мы взаправду пришли из Джии-Зле. Наверное, полагали, что мы спонтанно возникли прямо посреди реки, за ближайшим поворотом. Я держал наших на борту и подальше от посторонних глаз, пока не подтянулся весь конвой.

Их по дороге никто не тронул. Матросы и охранники так и кипели рассказами о том, какое опустошение мы произвели на болотах. Город охватило всеобщее ликование: блокада едва не задушила его.

Я наблюдал за добрыми обывателями из-за мантелета. Тут и там в толпе мелькали неприметные смуглые карлики, явно куда менее остальных очарованные нашим явлением.

— Ты этих имел в виду? — спросил я Одноглазого.

Он, скроив на них козью морду, покачал головой.

— Нет, наши не таковы должны быть. А, вон один.

Странный такой.

Я понял, что он хотел сказать. Среди них был человек с длинными русыми волосами. Какого черта ему здесь нужно?

— Приглядывай за ними.

Собрав отряд из Могабы, Гоблина и еще двоих такого облика, словно завтракают исключительно малыми детьми, я отправился на совещание с прочими главами конвоя. Они меня приятно удивили. Они не только без звука выплатили наш гонорар, но, и добавили премию с каждой добравшейся до места назначения барки. Затем я собрал своих, занимавших ключевые посты, и сказал:

— Давайте-ка выгружаться — и в путь. От этих мест меня в дрожь бросает.

Гоблин с Одноглазым заняли. Ну естественно: они-то желали задержаться здесь и попраздновать.

Местные поняли, в чем дело, когда стальная карета, запряженная громадными воронами, съехала по трапу и над дорогой в город взвилось отрядное знамя. Вся радость и веселье мигом улетучились. Я этого ожидал.

С каменными лицами взирали собравшиеся на наше незабываемое знамя.

Треш был нашим противником, когда Черный Отряд служил в Гоэсе. И наша братия здорово отпинала их. Так здорово, что они вспомнили Отряд через столько лет, хотя и Гоэса-то больше не существовало.

По дороге к южному выезду из города мы остановились у рынка под открытым небом.

Могаба послал пару своих лейтенантов за различными припасами. Тут Гоблин расквакался, едва не заходясь от негодования, — Одноглазый настропалил бесенка держаться за его спиной, передразнивая каждое слово и жест. Вот и сейчас бес тащится за Гоблином, изображая глубокую задумчивость на лице. Масло с Ведьмаком и Шандалом утрясают детали сложного спора, в результате которого боль-

шие деньги должен выиграть тот, кто точнее всех угадает время определенного Гоблина контрудара. Трудность заключалась в определении, что же считать определенностью.

Одноглазый обозревал происходящее с кроткой улыбкой на губах. Он был весьма доволен собой. Он уверен, что наконец-то утвердил свое первенство. Нары стояли вокруг, по-военному угрюмые, однако слегка озадаченные тем, что прочие выказывали куда меньше дисциплинированности — то есть держались как обычно. Ранее, на реке, у них не было случая разочароваться в нас.

Одноглазый подкатился ко мне:

— Эти люди опять на нас кисляк мочат. Теперь я всех вычислил. Четверо мужчин и женщина.

— Окружить и взять. Посмотрим, что у них на уме. Где Сопатый?

Одноглазый показал на него и исчез. Приблизившись к Сопатому, я заметил пропажу дюжины своих. Одноглазый желал работать наверняка.

Я приказал Сопатому объяснить Могабе, что нам все же не полгода воевать, к чему столько запасов? Достаточно на раз или два, пока не минует Порог. Он заболтал в обе стороны. Могаба героически боролся с диалектом Самоцветных Городов, который уже начал осваивать. Умом и сообразительностью он не был обделен. Мне он нравился. Мыслил он достаточно гибко, чтобы понимать: за двести лет легко могли возникнуть две различные версии Отряда. И, соответственно, старался отнести к нашей без предубеждений.

Как и я сам.

— Эй, Костоправ! Иди сюда!

Явился Одноглазый, ухмыляясь, словно опоссум, волокущий домой добычу. Добычей оказались трое мужчин помоложе, причем двое из них были белыми, и все — весьма бескуражены. Женщина — здоровово разозленная. И старик, точно спящий на ходу.

Я смерил взглядом белых, снова задаваясь вопросом: какого дьявола им здесь понадобилось?

— Есть им что сказать в свою защиту?

Подошедший Могаба задумчиво осмотрел черного.

Тут выяснилось, что женшине, безусловно, есть что сказать, да еще как! Белый с волосами потемнее слегка поник духом, но прочие лишь ухмылялись.

— Проверим их на разных языках,— сказал я — Наши знают почти все северные наречия.

Откуда ни возьмись, выскоцил Жабомордый:

— Попробуй на розеанском, начальник! Нутром чую.

Затем он что-то протаращел, обращаясь к старику. Тот подскочил едва ли не на фут. Жабомордый захрюкал от смеха. Старик взирал на него, словно на привидение.

Прежде чем я успел спросить, чем это он так вербально уязвил старца, блондин заговорил по-розеански:

— Вы — Капитан этой части?

Я понял его, однако мой розеанский, много лет пролежавший без дела, здорово заржал.

— Да. Каких языков еще знаешь говорить?

Он попробовал еще пару. Форсбергский его оказался паршивеньким, но лучше моего розеанского.

— Что за дьявольщина с вами, ребята?

Тут же он пожалел о сказанном.

Я взглянул на Одноглазого. Тот пожал плечами.

— О чём ты говоришь? — спросил я.

— Э-э... О вашем сплаве по реке. Вы совершили невозможное. Года два до вас никто не мог пробраться. Я да Корди с Ножом — мы были из последних.

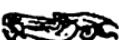
— Нам просто повезло.

Он нахмурился. Он слышал, что рассказывали наши матросы.

Глава 22

Таглиос

Добравшись до реки, мы поплыли ко Второму Порогу. Обгонявшие нас разносили вести о нашем возвращении. Идон, длинный и узкий обрывок настоящего города, оказался городом призраков. Живых душ там набиралось едва ли с дюжину. И это было еще одно место, где Черный Отряд до сих пор помнили. Внутреннего покоя это не прибавляло.

Что же наша братия им такого сделала? Анналы изрядно распространялись о Нежных Войнах, но не упоминали ничего, что могло бы ужасать потомков, переживших их.

За Идоном, пока искали шкипера, набравшегося бы духу отвезти нас на юг, я велел Мургену поднять знамя над лагерем. Могаба, подходя к делу со своеобычной серьезностью, окружил наш бивак рвом и слегка укрепил оборону. А я тем временем взял лодку, переправился через реку и поднялся на холмы, к развалинам Чон Делора. Там, в полном (если не считать ворон) одиночестве, я целый день скитался по этому весьма популярному мемориалу мертвых собаки и все думал: какие же люди служили в Отряде в прежнее время?

Подозрения, что они не многим отличались от меня, внушали опасения. Захваченные ритмом походного марша настолько, что свернуть в сторону просто не могли...

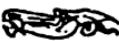
Летописец, описывавший эпическую борьбу, имевшую место в те времена, когда Отряд служил Болибогу, написал множество всякого, порою уж слишком увлекаясь сиюминутными подробностями, но почти ничего не сказал о людях, с которыми нес службу бок о бок. Большинство солдат упоминалось лишь в списках выбывших.

Впрочем, и меня упрекали в подобном. Мне часто говорили, что я — если и позабочусь упомянуть кого в отдельности, то только в списках погибших. И в этом, может быть, есть правда. А может, просто больно писать о тех, кого пережил. Даже о просто ушедших — и то больно. Отряд — это моя семья. Теперь — почти что мои дети. Мои Анналы — памятник им, а мне — повод выговориться. Но, даже сам будучи ребенком, я мастерски глушил и скрывал свои чувства...

Впрочем, я говорил о развалинах Чон Делора, следах былой битвы.

Нежные Войны, должно быть, были столь же жестоки, как и те, что мы вынесли на севере, однако затронули меньшую территорию. Шрамы их до сих пор выглядели устрашающие. Такое зарубцовывается тысячелетиями.

Дважды во время этой прогулки мне казалось, что краем глаза я вижу тот ходячий пень, который наблюдал со

стены Храма Отдыха Странствующих. Попробовал подойти поближе и разглядеть, но он всякий раз исчезал.

Да и было то всего лишь мельканием в самом уголке глаза. Может, просто показалось.

Осмотреть развалины так тщательно, как хотелось бы, мне не удалось. Я склонен был остаться здесь подольше, но какой-то старик крестьянин, оказавшийся неподалеку, сказал, что на ночь в развалинах застревать не стоит. Он поведал, что по ночам Чон Делор полон злобных созданий, и я, вняв предупреждению, вернулся на берег. Там меня встретил Могаба, желавший знать, что мне удалось найти. Он не меньше моего интересовался историей Отряда.

С каждым часом я все больше любил и уважал этого черного здоровьяка. Этим же вечером я формально утвердил его фактически настоящий статус командира пехотного подразделения Отряда. А заодно утвердился в решении посерьезней взяться за обучение Мургена премудростям летописца.

Может, то было просто интуицией, но именно тогда я решил, что внутренний распорядок в Отряде приведен к надлежащему уровню.

До сего момента местные жители боялись нас, культивируя в себе старую неприязнушку. Возможно, в низовьях реки найдется кто-либо не столь пугливый, но куда более недоброжелательный.

Мы подошли к самому началу тех земель, которые описывались в первых, утраченных томах Анналов. Самый ранний из оставшихся в наличии продолжал повествование о странствиях Отряда в городах на севере от Трого Таглиоса — этих городов уже не существовало. Как хотелось мне отыскать способ разузнать от местных о подробностях! Но они не больно-то разговаривали с нами...

Пока я бродил по Чон Делору, Одноглазый нашел какого-то южного шкипера, согласившегося доставить нас прямиком в Трого Таглиос. Цеину он заломил несусветную, но Лозан Лебедь заверил меня, что дешевле мы не найдем. Наследие прошлого Отряда неотвязно преследовало нас.

И Лебедь со товарищи ни словом об этом не обмолвились.

Дело выявления сути этой кампании продвинулось вперед не намного. Женщина запретила своим общаться с нами, к вящему неудовольствию Корди Мотера, жаждущего послушать, что нового в Империи. Я узнал, что старика зовут Копченым, но имя женщины не упоминалось ни разу. Иначе Жабомордый бы слышал.

Осторожный, однако, народец...

В то же время они так старательно следили за нами —казалось, замечают даже, сколько раз за день я подходил к борту и увеличивал количество жидкости в реке.

И не только это мне досаждало. Вороны, которые были повсюду. Госпожа, почти ни с кем не разговаривавшая все эти дни. Она выполняла служебные обязанности наравне с прочими, но все остальное время и видна-то была лишь изредка.

Меняющий Облик с подружкой вообще не показывались. Они исчезли, когда мы выгрузились в Треше, но я пребывал в тревожащей уверенности, что они по сию пору с нами, и достаточно близко.

Из-за всех этих ворон, да и вкупе со всеобщей осведомленностью о нашем походе, меня не покидало чувство, что за нами следят, и постоянно. Как тут не стать параноиком...

Миновав стремнины Первого Порога, мы отправились дальше — к рассвету истории Отряда.

На моих картах город назывался Троко Таллиос. Местные выговаривали: Трого Таглиос, хотя чаще всего — для краткости — говорили просто: Таглиос. Как утверждал Лебедь, район Трого представлял собою более старый город, поглощенный «младшим братцем», более энергичным Таглиосом.

То был самый большой изо всех виденных мною городов. Он не был опоясан стеной и потому неуклюже раскинулся по местности, быстро разрастаясь вширь. Вот северные города растут ввысь — никто не желает строиться за городской стеной.

Таглиос располагался на юго-восточном берегу, на некотором расстоянии от реки, оккупировав змеящуюся меж

полудюжины холмов протоку. Мы высадились в городке-сателлите под названием Махеранга, выстроенном при порту на великой реке. Пожалуй, вскоре эта Махеранга разделит судьбу Трого.

Последний сохранил хоть какую-то индивидуальность лишь потому, что являлся резиденцией повелителей княжества, правительственным и религиозным центром.

Таглиосцы с первого взгляда казались точно такими, как описывали их в обрывочных дорожных беседах Лебедь с Мотером: дружелюбными, мирными и здорово набожными. Однако за всем этим чувствовался страх. Об этом Лебедь ни словом не упоминал.

И боялись они вовсе не Отряда. Нас встретили уважительно и вежливо.

Лебедь со своими исчез, едва мы подошли к пристани. И Одноглазому даже не пришлось напоминать, чтобы присматривал за ними.

Мои карты показывали, что от Таглиоса до моря всего сорок миль, но то — по прямой к западу, через реку. А вниз по реке, со всеми излучинами и лабиринтом дельты, до соленых вод выходило все двести. На карте дельта была похожа на на многопалую паучью лапу, вцепившуюся в брюхо моря.

Пожалуй, вам нелишне узнать о Таглиосе побольше, потому что Отряд провел здесь куда больше времени, чем кто-либо из нас намеревался, и срок этот превзошел даже самые смелые ожидания таглиосцев.

Я двинулся в Таглиос, как только убедился в нашей безопасности. Остальные задержались в Махеранге, а мне предстояло провести кое-какие изыскания. Мы, как-нибудь, дошли до самого края карты, имеющейся в моем распоряжении.

Первым делом я обнаружил, что в деле знакомства с Таглиосом мне придется прибегнуть к помощи Лебедя с Мотером. Без них оставалось лишь полагаться на Одноглазого чертеныша, а это мне вовсе не улыбалось. По причине, в которую трудно просто ткнуть пальцем, я не слишком доверял бесу. Возможно, из-за его чувства юмора, столь

близкого к чувству юмора его владельца. Одноглазому же можно верить только, если нет другого выхода, а на карту поставлена сама жизнь.

Я надеялся, что мы зашли достаточно далеко на юг, чтобы получить возможность картографировать остаток маршрута до Хатовара перед возобновлением путешествия.

После столкновения на реке Госпожа прекрасно несла службу, но в остальное время по-прежнему почти ни с кем не общалась. Возвращение и враждебность Ревуна здорово потрясли ее. В старые времена он был ей верным другом.

Она все еще пребывала как бы в чистилище, между прежней Госпожой и будущей, и веления сердца ее слишком явно расходились с доводами разума. Сама она не могла выбраться из этого состояния, а я, как ни болел за нее душою, просто не понимал, каким образом взять ее за руку и вывести.

Пожалуй, она заслужила вечерок отдыха. Я отправил Жабомордого на поиски местного заменителя Садов Опалы, и он, к немалому моему изумлению, отыскал таковой. Тогда я спросил Госпожу, не хотелось бы ей провести вечер в обществе.

После стольких месяцев походной жизни она проявила небывалую говорчливость — если не сказать «восхищение». Нет, не прыгала от восторга, просто: «Ну, раз все равно больше нечего делать...»

Светская жизнь ее никогда не привлекала. А мой маневр на реке и бегство от нее к своим обязанностям командира вовсе не могли внушать особо теплых чувств ко мне.

Высадку мы провели с обычной помпезностью, но без шума и грома, что устроили в Опале. Я не желал, чтобы местные властители приняли это за оскорбление. Словом, Одноглазый с Гоблином вели себя тихо. Единственным свидетельством присутствия колдовства был Жабомордый. Никаких угроз, никакой опасности. А Жабомордый — просто наш толмач-универсал.

К высадке Одноглазый приготовил своему дружку костюм — столь же пышный, как и его собственный. Вдова-

вок слегка, но явно смахивающий на одеяние Гоблина. Помоему, бес был живым свидетельством того, что Гоблин может выглядеть просто шикарно, если только перестанет лениться на сей предмет.

Местная элита «смотрела свет и показывала себя» в аллее давно уж не плодоносивших олив. Она вела на холм близ старого Трого, на его вершине был горячий источник, снабжающий водой бесчисленное множество публичных бань. Будучи в свете неизвестными, нам пришлось потратить уйму денег — в основном, в виде взяток — на то, чтобы попасть туда. Но даже после этого понадобилось два дня ждать свободных мест!

Мы выехали в карете, с Одноглазым и Гоблином на запятах, двумя взводами наров — впереди и позади — и Мургеном в качестве кучера. Доставив нас на место, он отогнал карету назад. Остальные присоединились к нам в этой оливковой аллее. Я облачился в свой костюм легата, а Госпожа была одета, что называется, «на поражение», только — во все черное. Всегда во всем черном... Цвет, не спорю, был ей к лицу, но порой хотелось, чтобы она прикинула какой-нибудь другой.

— Наше появление, — заметила она, — возбудило куда больше интереса, чем ты думал.

На улицах наше появление особого внимания не привлекло.

Однако она была права. Хотя аллея и была популярнейшим местом времяпрожждения, большая часть светской публики явилась специально ради нас. Пожалуй, собрались все, кто только смог.

— Интересно, почему?

— Здесь что-то происходит, Костоправ.

Я и сам не слепой. Я это видел. Я понял это через пару минут после встречи с Лозаном Лебедем там, в Треше. Но что именно — понять никак не мог. Даже с помощью Жабомордого. Если что-то и замышлялось против нас, он при этом присутствовать не мог.

Все мы, кроме наров, привычных к церемонной жизни еще в Джии-Зле, под взглядами стольких глаз чувствовали себя неуютно.

— Да,— признал я,— пожалуй, это была не самая гениальная из моих идей.

— Напротив. Происходящее подтверждает, что нами интересуются гораздо больше, нежели простыми путешественниками. Они хотят извлечь из нас какую-то пользу.

Госпожа, очевидно, была обеспокоена.

— Добро пожаловать в жизнь Черного Отряда, серденько мое,— сказал я.— Теперь ты понимаешь мой цинизм относительно власть имущих. И теперь-то осознаешь, что приходилось испытывать мне множество раз.

— Возможно. Немного. Я чувствую себя униженной. Словно я — не человек, а предмет, который может оказаться полезным...

— Повторюсь: добро пожаловать в жизнь Черного Отряда.

И то была лишь одна из ее проблем. Мысли мои вернулись к этому бродяге Взятыму, Ревуну, столь неожиданно — и враждебно! — воскресшему из мертвых. Никакие доводы не убедили бы меня в том, что его появление на реке было случайностью. Он ждал нас с определенным намерением навредить.

И, пуще того, странный, неожиданный интерес к нам — по крайней мере, с самого Опала... Я оглянулся в поисках ворон.

Вороны преспокойно, тихонько так, восседали на ветвях олив. Следят. Постоянно следят...

И Меняющий Облик, еще один оживший покойник, ждавший Госпожу в Джии-Зле... Здесь явно — чьи-то непонятные планы. И убедить меня в обратном... Для этого слишком уж многое должно произойти.

Все-таки я не стал давить на Госпожу. До времени. Служила она справно. Вероятно, выжидает...

Чего?

Давным-давно мне стало ясно, что о dame такого сорта гораздо больше узнаешь, слушая, наблюдая и сопоставляя, чем путем прямых расспросов — ведь непременно постается солгать и запутать, даже там, где и не нужно бы. К тому же я не более ее представлял, что могло привлечь к нам подобный интерес. Кроме, разумеется, нее самой.

Прислуга аллеи проводила нас в отдельный будuar с горячим минеральным бассейном. Нары распределились по окрестностям. Гоблин с Одноглазым подыскали неприметные наблюдательные посты. Жабомордый остался поблизости, чтобы, в случае надобности, переводить.

Мы сели.

— Как продвигаются твои изыскания? — спросила Госпожа, поигрывая кистью зелого багрового винограда.

— Странно. Иначе не скажешь. Похоже, мы — у самого края Земли. Того гляди, свалимся.

— Что? Ах, это — снова твое пресловутое чувство юмора...

— Таглиос битком набит картографами. И работают они замечательно. Однако я не нашел ни одной карты, по коей можно добраться туда, куда нам нужно.

— Может, ты просто не смог объяснить, чего хочешь?

— Нет. Они все понимали. Но, стоило заикнуться о нашем деле, становились глухи. Новые карты описывают лишь земли до южных границ таглиосской территории. Если удается отыскать старую, она оказывается выцветшей миль за восемьсот к югу. Одно и то же — даже с самыми прекрасными картами, на которых показано каждое дерево!

— Они что-то скрывают?

— Кто — они? Весь город? Не похоже на то. Однако другого объяснения на ум не приходит.

— Но ты задавал правильные вопросы?

— Небывалого красноречия! Змеиного лукавства! Но, едва доходило до дела, возникали проблемы с переводом.

— И что ты собираешься предпринимать?

Сгостились сумерки. Фонарщики принялись за работу. Я некоторое время наблюдал за ними.

— Может, Жабомордый окажется полезным. Не знаю. Мы зашли так далеко, что от Анналов пользы нет. Но, по всему судя, нам нужно именно туда, в это белое пятно. У тебя есть какие-нибудь мысли?

— У меня?

— Именно. Вокруг Отряда творится что-то непонятное. Не думаю, что из-за моего важного вида.

— Чепуха.

— Нет, не чепуха. Я имею основания так полагать. Без нужды не стал бы и говорить об этом. Но было бы просто чудесно, кабы я знал, почему некий давно умерший Взятый выслеживал нас, а другой — твой бывший закадычный дружок, кстати — пытался погубить нас в тех болотах. Интересно: он знал, что ты путешествуешь с этой баркой? Или же дрался исключительно против Меняющего Облик? Или просто не желал пускать кого-либо в низовья реки? Интересно также, не набредем ли мы на него снова? Или еще на кого-нибудь, не умершего, когда это полагалось?

Все это я старался говорить тоном мягким и спокойным, но злость все же малость вырвалась наружу.

Тут нам принесли первую перемену — пропитанные бренды замороженные ломтики дыни. Пока мы брались, кто-то весьма догадливый доставил пищу и нашим охранникам. Не столь изысканную, пожалуй, но — все-таки.

Госпожа над чем-то размышляла, катая во рту ломтик дыни. Внезапно встрепенулась и закричала:

— Не есть этого! Никому — не есть!

Кричала она на диалекте Самоцветных Городов, который к тому времени понимали даже самые тупые из наров.

В аллее мгновенно стало совсем тихо. Нары побросали свои тарелки.

Я поднялся.

— В чем дело?

— В эту пищу что-то подмешано.

— Яд?

— Скорее, наркотик. Нужно проверить детальнее.

Я подошел к ближайшему латнику и взял его тарелку. Под обычной для наров маской равнодушия он кипел от негодования. Ему здорово хотелось кого-нибудь пристукнуть.

Такая возможность представилась, когда я повернулся спиной, намереваясь уйти с добычей.

Последовал быстрый шорох шагов, затем — глухой удар дерева по живому и мягкому. И крик боли раздался от-

нюдь не шуточный. Обернувшись, я увидел моего нара стоящим над распластертым навзничь человеком, к горлу которого приставлено было острие копья. В человеке я узнал одного из фонарщиков.

Около откинутой руки его лежал длинный нож.

Я окинул взглядом аллею. Со всех сторон на нас смотрели, при этом вежливо улыбаясь.

— Одноглазый! Жабомордый! Ко мне! — Они явились. — Мне нужно что-нибудь нешумное. Дабы не испортить кому-нибудь ужин. Но оно должно привести этого типа к готовности отвечать, когда я стану спрашивать. Можете?

— Знаю я одну штучку... — Одноглазый захихикал, потирая руки в жестоком веселье, а Гоблин тем часом призадумался. — Знаю я одну такую штучку... Идите ужинайте, ни о чем не тревожьтесь. Старик Одноглазый обо всем позаботится. Он у меня кенарем запоет.

Он щелкнул пальцами, и некая неведомая сила, ухватив за лодыжки, потянула фонарщика вверх. Тот зашелся в беззвучном крике, немо разевая рот, словно рыба на крючке.

Я сел напротив Госпожи и кивнул головой:

— Идея Одноглазого. Не позволяет жертве кричать.

С этими словами я положил в рот ломтик дыни.

Одноглазый поднял фонарщика футов на двадцать от земли и на том остановился.

Госпожа принялась ковыряться в пище, доставленной нарам.

Целесообразность предания пленника воле Одноглазого вызывала сомнения: мне не удалось сохранить тот настрой, в каком я организовывал вечер. И Госпожа оставалась встревоженной.

Я, словно бы невзначай, взглянул через плечо.

С фонарщика, словно сухие листья, опадали клочья одежды. В прорехах видны были, во множестве ползающие по его коже, тонкие, сияющие лимонно-желтым и канареечным, черви. Столкнувшись, два червя разных оттенков вспыхивалиискрами, и неудачливый покуситель

пытался дернуться. Когда он пришел в нужное расположение духа, Одноглазый «уронил» его так, что от носа пленного до земли осталось около фута. Жабомордый что-то пошептал в ухо висящего, вслед за чем тот вновь был поднят в воздух.

И вправду, нешумно. Какую же дьявольщину сотворил бы Одноглазый, потребуй я зрелищности?

Гоблин взглянул мне в глаза. Я поднял бровь. Он языком глухонемых просигналил:

— Идут. Похоже, из важных.

Изобразив на лице полную незаинтересованность, я внимательно смотрел на Госпожу. Та, с виду, ни на что не обращала особого внимания.

К нам подошли двое, изысканно и дорого одетых. Один был туземцем, черным, словно чернила из ореховой кожуры, однако не негроидного типа. Таглиосцы все таковы. Все виденные нами в Таглиосе негроиды были только приезжими с верховьев реки. Ну а с этим явился наш старый знакомец, Лозан Лебедь, с желтыми, словно кукуруза, волосами.

Лебедь заговорил с подвернувшимся под руку нарром, а его спутник тем временем оценил старания Одноглазого. Я кивнул Гоблину, и тот отправился поглядеть, нельзя ли вытянуть чего из Лебедя.

Вернулся Гоблин в задумчивости.

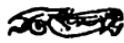
— Лебедь сказал: этот черный хрен, что с ним, здесь главный. Именно этими словами и сказал.

— Пожалуй, здесь он слегка перегнул.

Я переглянулся с Госпожой. Она, как в былье времена, приняла облик твердокаменной Императрицы, которая выше всяческих низких чувств. Мне ужасно захотелось встряхнуть ее, обнять — хоть что-то сделать, дабы высвободить ее страсть, показывавшуюся лишь на миг и снова прячущуюся как можно глубже. Она пожала плечами.

— Пригласи их присоединиться к нам, — сказал я. — И пусть Одноглазый подошлет сюда своего беса. Чтобы проверял, правильно ли этот Лебедь переводит.

Прислуга, едва наши гости приблизились, пала ниц. До этого я не встречал в Таглиосе подобного. Если так, князь здесь — это действительно князь.

Лебедь приступил к делу без околичностей.

— Вот этот тип — Прабриндрах Драх; он тут у них главный.

— И ты ему служишь.

— Ну да, — улыбнулся он. — Как бы халтурка такая. Призывом ведаю. Он хочет знать, не ищете ли вы службы.

— Ты знаешь, что не ищем.

— Я ему говорил. Сам хочет убедиться.

— У нас свой путь.

Я постарался, чтобы это прозвучало достаточно величественно.

— По велению богов?

— Что?

— Эти таглиосцы — здорово суеверны. Вы это должны бы уже уяснить. Значит, подать ваш путь надо, словно бы это боги вам повелели. Выполняете, мол, волю богов. А вы точно не можете на время этот путь прервать? Отдохнули бы... Я-то знаю, как устаешь в этих походах. А этому мужику как раз надо бы кой-какую нешибко чистую работенку провернуть. А вы, по слухам, хорошо управляетесь с подобными делами.

— Лебедь, что ты знаешь о нас на самом деле?

Он пожал плечами:

— Что рассказывают.

— Рассказывают. Хм...

Прабриндрах Драх что-то сказал.

— Он хочет знать, зачем этот тип болтается в воздухе.

— Затем, что хотел ударить меня в спину ножом. После того, как кто-то пытался отравить мою охрану. Через некоторое время я спрошу его, для чего.

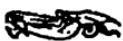
Лебедь с Прабриндрам о чем-то залопотали. Последний, видимо, был раздражен и устал. Взглянув на бесенка, он пропрещал что-то еще.

— Он хочет знать, что такое ваш путь.

— Ты об этом достаточно наслышан. И, несомненно, уже сказал ему.

— Да ты пойми, это он — из вежливости.

Я пожал плечами:

— Чем же несколько простых путешественников привлекли такой интерес князя?

Лебедь занервничал. Похоже, разговор почти коснулся самой сути дела.

Прабриндрах произнес несколько фраз.

— Прабриндрах говорит, вы рассказывали о том, где побывали, и он очень хочет узнать о тех краях побольше. Это его весьма интригует, как и ваш путь, хотя вы так и не сказали, куда именно идете.

По тону было похоже, что он старается переводить как можно точнее. Жабомордый слегка кивнул мне.

По дороге от Третьего Порога к Таглиосу мы рассказывали Лебедю и его компании очень мало. Мы скрытничали с ними так же, как и они с нами. И я решил, что из раскрытия нашей цели может выйти прок.

— Мы идем в Хатовар.

Лозан даже не удосужился перевести.

Прабриндрах снова залопотал.

— Он говорит, что вам не следует идти туда.

— Поздно останавливаться, Лебедь.

— Тогда вы, Капитан, попадете в беду, какую даже не в силах вообразить себе.

Лебедь перевел князю мой ответ. Тот подал очередную реплику. Он был весьма взволнован.

— Начальник говорит: голова — ваша, хотите — то-пором ее брейте, но ни один человек, если только он в своем уме, не произносит вслух этого названия. Иначе смерть может настичь, прежде чем успеешь выговорить его.— Он покал плечами и глупо ухмыльнулся.— Хотя, если будете упорствовать в погоне за этой химерой, вас куда скорее погубят силы вполне земные. Земли, лежащие между здешними и тамошними, очень уж плохи.— Лебедь взглянул на князя и закатил глаза.— Нам рассказывали о чудовищах и колдовстве.

— Да ну? — Я оторвал несколько волоконцев мясца от маленькой жареной птички, прожевал, проглотил.— Лебедь, я вел этот Отряд сюда от самого Курганья. Ты помнишь, где это и что это. Значит, чудовища и магия? Мы прошли семь тысяч миль, и я не потерял ни единого

человека. Река не вспоминается! Тот, кто встает на моем пути, не успевает даже пожалеть об этом после. Слушай меня внимательно. Я в восьми сотнях миль от края карты. И не остановлюсь. Я не могу остановиться.

То была одна из самых длинных моих речей — если не считать тех случаев, когда я читал нашим вслух из Анналов.

— Капитан, твои трудности и заключаются в этих восьми сотнях миль. Те семь тысяч можешь считать прогулкой на природу.

Прабриндрах сказал что-то очень краткое. Лебедь кивнул, но переводить не стал. Я взглянул на Жабомордого.

— Сверкающий камень, — сказал тот.

— Что?

— Он так сказал, начальник. Сверкающий камень. Не знаю, что это значит.

— Лебедь!

— Это такое местное выражение. По-розеански примерно то же, что «ходячий мертвец». Тут что-то, связанное со старыми временами и чем-то таким, под названием «Свободные Отряды Хатовара», оставившими по себе очень уж плохие воспоминания.

Я поднял бровь:

— Лебедь, Черный Отряд — последний из Вольных Отрядов Хатовара.

Он недобро взглянул на меня и перевел.

Князь, не отводя взгляда от жертвы Одноглазого, что-то ответил.

— Капитан, он говорит, что всякое, пожалуй, возможно. Однако возвращение Отряда, которого никто не видел с тех пор, как дед его деда был еще сосунком... Хотя он думает, что вы, может быть, и вправду — Черный Отряд. Ваше явление было предсказано. — Он искоса глянул на беса, словно упрекая того в предательстве. — И Хозяева Теней предостерегали его от сделок с вами. Хотя то, что он желал бы такой сделки, вполне естественно, учитывая разорение и отчаяние, сеемые этими фанатиками старого...

Я взглянул на Жабомордого. Тот кивнул. Лебедь старался быть предельно точным.

— Он ходит вокруг да около, Костоправ, — сказала Госпожа. — Ему что-то нужно. Скажи ему, пусть переходит к делу.

— Лебедь! Это и вправду было бы неплохо.

Тот продолжал переводить:

— Но вчерашний ужас сегодня не значит ничего. Вы не похожи на давних фанатиков. Это вы сейчас показали на реке. И Трого Таглиос ни перед кем не склонится. Если эта чума с юга страшится банды грабителей, он склонен забыть старые счеты и объединиться с принадлежащими его времени. Если и сами вы забудете.

Я ни сном ни духом не понимал, о чем это он.

— Костоправ! — зарычала Госпожа, как-то уловив, что кроется в моей голове, еще до того, как мысль моя успела оформиться. — У нас нет времени на удовлетворение твоего любопытства насчет прошлого! Здесь что-то происходит. Держись ближе к этому, пока в наши задницы не запустили из пращи!

— Она определенно становится одной из нас!

— Лебедь, ты вообще-то представляешь, на каком мы свете? Ты ведь не считаешь, что мы верим в случайность встречи с тобой и той женщиной? Давай-ка поговорим попросту.

Конечно, попросту заговорили не сразу. Стало совсем темно, взошла луна. Все выше и выше карабкалась она в небо... Прислуга аллеи окончательно потеряла терпение, однако просить владетельного князя слинуть поскорей не позволяла хотя бы простая человеческая вежливость. Те же, кто пришел посмотреть на нас, понятное дело, не ждали раньше нас покидать аллею.

— Определенно, здесь что-то происходит, — шепнул я Госпоже. — Только вот — как же вытащить из него, что именно?

Прабриндрах преуменьшал все, о чем рассказывал, но присутствие отцов города прямо-таки вопило: Таглиос вплотную приблизился к опаснейшему распутью. Подтекст услышанного мною я определил так: князь хочет плюнуть в лицо несчастью.

— Давно, — попытался объяснить Лозан, — никто не может точно сказать, когда именно, потому что никто не старался уточнять — в городе под названием Питиус, что в четырехстах милях к юго-востоку, появилась, так сказать, Тьма. Никто и не почесался. Затем она распространилась на Траджевец и Кьяулун, каковые были весьма важны, и на Секст с Фридом. Тут все вдруг вспокоились, но было уже поздно. Громадным куском страны стали править четверо колдунов, которых спасшиеся называли Хозяевами Теней. Пунктик у них был насчет Тени. Траджевец переименовали в Бесплотие, а Кьяулун — в Тенелов, а в наши дни почти все называют их Империю Страной Теней...

— Ты наконец объяснишь, каким образом все это касается нас?

— Примерно через год после завоевания тех городов, ни разу не воевавших с самого Хатоварского террора, Хозяева Теней вооружили население и принялись за обычные имперские игры. За год своей власти они захватили большую часть земель, лежащих между южной границей Таглиоса и краем карты.

— Кажется, улавливаю, — сказала Госпожа, чье лицо мрачнело прямо на глазах.

— Я тоже. Продолжай, Лебедь.

— Ну, прежде чем они добрались до нас... Прежде чем взяли Таглиос в оборот, их земли порядком пришли в упадок. Междуусобица, по рассказам бежавших оттуда, была крупная. Интриги, предательства, подрывная деятельность, покушения, союзы — словом, там все здорово переменилось. И если один из них вырывался вперед, то остальные объединялись против него. Так было лет пятнадцать-восьмнадцать, и Таглиосу ничто не угрожало.

— А теперь?..

— Теперь они поглядывают в нашу сторону. В прошлом году пробовали воевать, да не заладилось у них. — Он самодовольно улыбнулся. — А Таглиос имел лишь все мыслимое мужество и — ни малейшего представления, куда его девать. Мы с Ножом и Корди вроде как ведали рекрутским набором в прошлом году. Но я-то в службе мало что

смыслу, и они — не более моего. Как генералы мы — все равно, что сиськи на кабане.

— Значит, дело не в охранных функциях и не в грязных трюках во славу князя. Так? Он хочет нанять нас воевать на своей стороне. Он что, полагает, что это обойдется ему дешево? Разве ты не доложил ему о нашем путешествии сюда?

— Он — из таких, кому нужно самим во всем убедиться. Может, хотел посмотреть, не дешево ли себя ставите. Я рассказал ему все, что когда-либо слыхал о ваших ребятах. Но он все желал увидеть своими глазами. Нет, он — правильный старикан. В первый раз я вижу такого князя, который старается сделать то, что полагается князю...

— Ну, так он — редкость куда большая, чем волосатая жаба. Но ты сам сказал, Лебедь: мы выполняем волю богов. У нас нет времени встrevать в местные раздоры. Разве что — на обратном пути.

Лебедь рассмеялся.

— Что тут смешного?

— На самом-то деле, выбора у вас нет.

— Вот как? — Я внимательно пригляделся к нему, но ничего не смог прочесть на его лице. Взглянул на Госпожу — та только пожала плечами. — Отчего же?

— Чтобы попасть, куда вы хотите, надо пройти прямиком сквозь Страну Теней. Семь или восемь сотен миль... По-моему, на Хозлев Теней даже вас, ребята, не хватит. А Прабриндраха — тем более.

— Ты говорил, они в четырехстах милях отсюда.

— Это Питиус в четырехстах милях. Где все это началось. Теперь они убрали с южной границы все. До Страны Теней сейчас миль семьсот-восемьсот. И как я уже говорил, они принялись за нас в прошлом году. Забрали все, что южнее Майна.

Я уже знал, что Майн — это большая река на юге от Таглиоса, естественная пограничная — а также и оборонительная — линия.

— Их войска, — продолжал Лебедь, — кое-где стоят всего в восьмидесяти милях от Таглиоса. Мы знаем, что

они нападут, едва в реках понизится уровень. И вряд ли церемониться с нами станут. Все четверо Хозяев Теней заявили, что очень разозлятся, если Прабриндрах будет иметь дело с вами, ребята.

Я взглянул на Госпожу:

— Ну просто уймища народу осведомлена, куда и зачем я иду! Причем лучше, чем я сам.

Не отвечая мне, она спросила:

— Лебедь, отчего он вообще обратил на нас внимание? Зачем послал тебя навстречу?

— О, он нас не посыпал. Он вообще ничего не знал об этом, пока мы не вернулись. Он просто подумал: если Хозяева Теней вас боятся, значит, с вами нужно дружить.

Хозяев Теней пугал явно не я, но признаваться в этом было незачем. И для чего Лебедю с приятелями и хозяином знать, кем была Госпожа?

— Смелости ему не занимать.

— Им тут всем смелости не занимать. Жаль только, не знают, куда ее применить. Я им объяснить, куда, не в состоянии. Он сказал: если Хозяева Теней все равно рано или поздно явятся, зачем облегчать им жизнь? Зачем давать им время на сборы?

— А что в этом господину Лозану Лебедю? Ты не похож на того, кто работает задаром.

— Ладно. Корди не услышит, поэтому скажу как есть. Я не хочу больше бродяжить. Я нашел себе дом. И не желаю его потерять. Хватит вам этого?

Может быть.

— Здесь и сейчас дать ответ я не могу. Ты это понимаешь, если хоть что-то знаешь о Черном Отряде. Но не думаю, что мы возьмемся за это. Не наше это дело. Но положение я честно обдумаю и оценю. Скажи князю, что мне нужна неделя и требуется содействие его людей.

Я полагал необходимым задержаться в Таглиосе еще на одиннадцать дней, чтобы дать людям отдых и привести в порядок амуницию и оружие. Мое обещание не значило ровным счетом ничего. Кроме того, что и мне неплохо было бы отдохнуть.

— И это все? — спросил Лебедь.

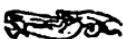
— Чего же тебе еще? Или ты думал, я соглашусь только ради того, что ты — такой замечательный парень? Лебедь, мы идем в Хатовар. Я сделаю все, что понадобится, чтобы попасть туда. А ты занимайся своим делом. А теперь — пора разойтись и дать клиенту подумать.

Он заговорил с князем. Чем дальше, тем больше мне хотелось просто отказать им и кончить дело. Костоправ стар, немощен и новых языков учить отнюдь не желает.

Прабриндрах Драх кивнул, соглашаясь со мной. Он поднялся, я тоже, мы раскланялись, и они с Лебедем удалились, останавливаясь по пути возле прочих ужинающих полуночников. Ничто не выдавало содержания их разговоров. Возможно, он говорил им то, что они желали слышать. Насколько я видел, его собеседники улыбались.

Усевшись поудобнее, я принялся наблюдать за представлением, разыгрываемым Одноглазым. Его червяки вовсю ползали по голове жертвы.

- Что ты об этом думаешь? — спросил я Госпожу.
- По-моему, здесь не место для раздумий.
- На чью сторону ты склонна встать?
- Я — солдат Черного Отряда. О чем ты склонен постоянно напоминать.
- Подобно Ворону. Пока это его устраивало. Давай поговорим серьезно. Ты знаешь, кто такие эти Хозяева Теней? Не Взятые ли это, посланные тобой сюда строить для тебя новую Империю?
- Нет! Я спасла Меняющего Облик и отправила его на юг — просто на всякий случай, когда войны и злобы Зовущей Бурю было достаточно для объяснения его исчезновения. И это — все.
- Однако Ревун...
- ...сам спланировал свое освобождение. Зная мое состояние и питаясь своими амбициями. Это очевидно. Но Хозяева Теней... О них я не знаю ничего. Абсолютно. Тебе следовало подробнее расспросить о них.
- Расспросим. Если они и не из Взятых, то, по всему судя, не многим отличаются. Потому я желаю знать: на чью сторону встанешь ты?

— Я — солдат Черного Отряда. Они уже объявили себя моими врагами.

— Ответ неопределенный...

— Но другого не будет.

— Как я и полагал. А что же с Меняющим Облик и его подружкой? — Я не видел их с самого Треша, но нутром чуял, будто они прячутся за ближайшим углом. — Если обстановка на самом деле так плоха, нам понадобятся все наличные ресурсы.

— Меняющий Облик сделает то, что я прикажу.

Ответ опять-таки можно было толковать по-разному, однако я не стал настаивать на определенности. Лучшего и на этот раз не предвиделось.

— И вообще: ешь свой ужин, Костоправ, и отважись.

Я взглянул в свои тарелки. Теплое давно остыло, а холодное — согрелося.

Жабомордый, плотоядно улыбнувшись, отправился помогать хозяину сломить волю неудачливого покусителя.

Одноглазый перестарался. Как обычно, когда вокруг множество публики. Лишку хватил. Пленник просто мигновал пик ужаса, и мы ничего не добились, кроме дурной славы о нас.

Хотя — тоже может пригодиться.

Глава 23 Лозан, летучие мыши и прочие

Время было позднее. Плюхнувшись в кресло, Лозан зевнул. Нож, Корди и Баба выжидающие смотрели на него, словно Прабриндрах не в силах был говорить сам.

— Разговор состоялся, — сказал Лозан.

— И? — требовательно спросила Радиша.

— А ты что, думала, он запрыгает и заорет: «Боги мои, наконец-то!»?

— Что он сказал?

— Сказал, подумает. И это, пожалуй, лучшее из того, чего можно было ждать.

— Надо было пойти самой.

— Сестра,— вмешался Прабриндрах,— другой вообще не стал бы слушать нас, если бы его только что попытались убить.

Радиша пришла в крайнее изумление.

— Не дурачки же они,— продолжал Лозан.— Они поняли, что мы что-то замышляем, когда мы навязались к ним в попутчики. И следили за нами так же, как и мы за ними.

Копченый, согласно своему имени, сидел в уголке, в облаках дыма. Совещание проходило в подвале дома одного из друзей Радиши, невдалеке от оливковой аллеи. Хотя пахло в подвале, скорее, загородной свежестью. Копченый приблизился к освещенному лампой кругу; сморщенное лицо его выглядело хмуро. Он подозрительно оглядел подвал.

— Что такое? — спросил Корди.

Он заметно дрожал. Лебедь тоже ощутил холодок в животе.

— Не уверен... Но на секунду мне показалось, что кто-то смотрит на меня.

Радиша переглянулась с братом и посмотрела на Лозана.

— Лозан, вот эти два чудных старика... Одноглазый и Гоблин. Жулики? Или как?

— Середина на половину. Верно, Нож? Верно, Корди? Корди кивнул.

— Малыш,— сказал Нож.— Вроде ребенка. Жабомордый. Вот кто опасен.

— Что он такое? — спросила Баба.— Более странного ребенка в жизни не видывала. Порой он вел себя словно столетний.

— Ему может быть и все десять тысяч,— сказал Копченый.— Это бес. Я не осмелился прощупывать его, после того как он понял, что я не просто выживший из ума старик. Я не знаю, на что он способен. Но наверняка он — сверхъестественное существо величайшей силы. Загадка для меня в том, как тварь ученического уровня, этот Одноглазый, получил в свои руки власть над ним. Я превосхожу его по таланту, мастерству и образованию, но ни вызвать, ни управлять таким не смогу.

Внезапно в темном углу раздались писк и хлопанье крыльев. Вздрогнув от неожиданности, все обернулись туда. В круг света ворвались и заплясали в воздухе летучие мыши. Среди них мелькнул темным сгустком ночной тьмы некий гораздо больший силуэт — и одна из мышей оказалась разорванной пополам на лету. Затем еще силуэт прошел сквозь другую мышь. Прочим удалось вылететь наружу сквозь решетку подвального окна.

— Что за черт?! — прохрипел Лозан. — Что это?

— Вороны, — сказал Нож. — На мышей охотились.

Голос его звучал совершенно спокойно, словно вороны каждую ночь охотились по подвалам за летучими мышами — и над самой его головой.

Вороны больше не показывались.

— Не нравится мне это, Лозан, — сказал Корди. — Вороны по ночам не летают. Тут что-то не так.

Все посмотрели друг на друга, ожидая, когда кто-нибудь заговорит. Никто не заметил за окном силуэта леопарда, заглядывающего одним глазом в подвал. И уж тем более никто не заметил детскую фигурку, уютно развалившуюся в корзине за пределами светлого круга и довольно ухмыляющуюся. Только Копченый снова задрожал и принялся описывать плавные круги по подвалу. Его не оставляло чувство, что за ним наблюдают.

— Насколько мне помнится, — заговорил Прабрин-драх, — кто-то говорил, что встречаться поблизости от аллеи — не столь уж хорошая мысль. Помню и предложение собраться для совета во дворце, в комнате, защищенной Копченым от проникновения посторонних. Не знаю, что здесь произошло, но происхождение всего этого естественным не было, а посему я не желаю разговаривать здесь. Идемте. Уж эта-то задержка делу не повредит. Что ты думаешь, Копченый?

Старика била крупная дрожь.

— Возможно, так будет мудрее, мой князь. Гораздо мудрее. Здесь — нечто большее, чем можно разглядеть глазами... Впредь следует считать, что за нами следят.

— Кто следит, старик? — раздраженно спросила Радиша.

— Не знаю. Но есть ли разница, Радиша? Это дело может интересовать многих. Первожрецов. Или тех солдат, которыми ты намерена воспользоваться. Или Хозяев Теней. Возможно, и некие вовсе не известные нам силы.

Все взорвались на него.

— Объясни,— приказала Баба.

— Не могу. Разреши лишь напомнить, что эти люди преуспели в одолении речных пиратов, долгое время перекрывавших реку. Никто из них не рассказывал об этом, но случайные фразы, собранные вместе и сопоставленные, свидетельствуют, что обе стороны пустили в ход магию высшего порядка. Их — оказалась более действенной. Однако, помимо беса, при них не было ничего, указывающего на это, когда мы присоединились к ним. Если они обладают такой силой, где же она? Может ли быть так хорошо спрятана? Возможно, но я в этом сомневаюсь. Быть может, эта сила путешествует с ними, не будучи с ними, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Нет, не понимаем. Ты снова взялся за старые фокусы. Тщательно отмеренные дозы тумана...

— Я говорю туманно оттого, что не имею ответов, Радиша. Лишь вопросы... Я все чаще думаю: может быть, банда, которую видим мы, только иллюзия, созданная специально для нас? Горстка людей — конечно, крепких, сильных, искушенных в науке убивать — чем она могла напугать Хозяев Теней? Что так обеспокоило их? Либо они знают больше нашего, либо же больше нашего видят. Вспомните историю Свободных Отрядов. То не были просто банды убийц! А эти люди твердо решили дойти до Хатовара. Их Капитан перепробовал все способы, кроме насилия, стараясь выведать дорогу...

— Эй, Копченый! — перебил его Нож. — Ты предлагал пойти разговаривать в другое место. Может, пойдем наконец?

— Ага,— поддержкал его Лебедь. — В этом клоповнике меня просто дрожь берет. Не понимаю я вас, Радиша. Вроде как вы с князем правите Таглиосом, а прячетесь в каких-то дырах...

Радиша встала.

— Наш трон не так уж прочен. Мы правим в согласии со жрецами. И им не следует знать обо всем, что мы делаем.

— Да ведь все мало-мальски значимые лорды и попы были нынче вечером в аллее. И все знают.

— Они знают то, что им было сказано. А сказана им была лишь часть правды.

Корди наклонился к уху Лозана:

— Слушай, кончай. Не видишь, что делается? Тут игра покрупнее простого отражения Хозяев Теней.

— Угу.

Следом за ними беззвучно, как сама смерть, кралась от одного темного закоулка к другому тварь, похожая на леопарда. Вороны скользили от ветки к ветке. А по мостовой, совершенно не скрываясь, однако оставаясь незамеченной, двигалась детская фигурка. Но летучих мышей в воздухе не было.

Предупреждение Лозан понял. Баба с братцем полагают, что борьба с Хозяевами Теней захватит и жрецов с паствой. Пока те будут отвлечены, им удастся взнудить все государство единой уздой, и...

Он не жалел. В жрецах, действительно, не было никакого толку. Возможно, Нож что-то затевает. Ну да, конечно. Всех их следует утопить, и тогда Таглиос избавится от своего нынешнего ничтожества.

Через каждую дюжину шагов он оборачивался. Улица позади всякий раз оказывалась пуста. И все же он был уверен, что за ним следят.

— Ж-жокуть,— пробормотал он, удивляясь тому, что вообще влез в эти дела.

Глава 24 Таглиос. Княжеская настойчивость

Этот Прабриндрах Драх вполне мог быть просто замечательным парнем, но склизким, совсем как любой негодяй. Через два дня после нашего разговора я носа наружу высунуть не мог без того, чтобы меня тут же не начинали шумно приветствовать как «защиту нашу и оборону», «спасителя» и «избавителя».

— Одноглазый, что за дьявольщина?

— Подловить тебя намерен.— Он метнул в Жабомордого свирепый взгляд. Бес накануне ночью осрамился — не смог подобраться ни к кому, кроме Лебедя с дружками в их же пивнушке. А там они о делах не разговаривали.— Так ты уверен, что хочешь в эту библиотеку?

— Еще как.

Помимо всего прочего, таинственность прониклась мыслью, что я — великий целитель и воин мессианского толка.

— Что с ними стряслось? Князь может кормить их любым дернем, но отчего они клюют на это?!

— Хотят, вот и клюют.

Матери протягивали ко мне детей, дабы я, прикоснувшись, благословлял их. Юноши лзгали всем под руку попавшимся железом и орали песни в маршевом ритме. Девицы усыпали цветами мой путь, а порой сыпались под ноги и сами.

— Вон та — ничего,— заметил Одноглазый, извлекая меня из тенет мечты шестидесятилетней давности.— Не хочешь, так уступи мне.

— Охолони. Прежде чем предаваться основным инстинктам, поразмысли над тем, что происходит.

Крайности его порой сбивают с толку. Возможно, он смотрел на происходящее как на простую иллюзию. Или, по крайности, подслащенную пилюлю. Он у нас глуповат, но не такой уж дурак. Порою.

А он хмыкнул:

— Эх, пленик соблазнов... Не может же Госпожа все время заглядывать тебе через плечо.

— Но я просто обязан не разочаровать людей, которые так стараются уговорить нас... Ведь верно?

— Вроде так.

Однако не похоже было, что он верит самому себе. Неожиданная удача причиняла ему беспокойство.

Мы вошли в библиотеку. В ней ничего не обнаружилось достойного. То есть настолько ничего, что подозрения мои порядком усилились. От Жабомордого проку было тоже не много, однако он мог хоть что-то подслушать. И пересказанные им беседы еще усилили мою тревогу.

Для солдат, однако, наступили чудесные времена. Перед некоторыми из соблазнов не устояла даже превосходнейшая дисциплина наров. Могаба несколько ослабил узду. Словом, как однажды утром заорал мне в ухо Гоблин:

— Костоправ! Небо горит!!!

Чувство чего-то, происходящего прямо за моей спиной, никак не оставляло меня.

Геополитическая обстановка была ясна. Она оказалась точно такой, как описывал ее Лебедь.

Добраться до Хатовара можно было лишь пробив себе семисотмильный путь сквозь земли, управляемые Хозяевами Теней. Если эти Хозяева Теней вообще существовали.

Лично я слегка сомневался в их существовании. Все, с кем я беседовал при посредстве Жабомордого, в них верили, однако не видели никаких конкретных доказательств.

— Ведь и богов никто никогда не видел,— сказал мне один жрец.— Но все мы в них верим, не так ли? Мы видим воочию плоды трудов их...

Тут до него дошло, что на слова о том, что в богов верят все, я осклабился. Глаза его сузились, и он поспешил прочь. В первый раз здесь кто-то не дрожал от счастья, общаясь со мной. И я сказал Одноглазому, что из слежки за первожрецами может выйти больше толку. Князь и Лебедь, в отличие от них, знали, когда нужно держать язык за зубами.

То, что нами манипулируют, стараясь поднять против каких-то волшебников-тяжеловесов, мне вовсе не доставляло удовольствия. И более того, нам приходилось бороться с лучшим противником за последние двадцать лет. Противником этим было мое собственное невежество.

Я не знал местного языка. Я не понимал таглиосцев. История их представляла собою сплошную тайну, и Лебедь с приятелями, пускавшие порой солнечных зайчиков в густую тень, здесь подмогой не были. Конечно же, я ничего не знал о Хозяевах Теней и народе, которым они правили. То есть ничего, кроме того, что мне было сказано, а это еще хуже, чем ничего. А самое худшее — я не имел ни малейшего представления о землях, где, возможно, при-

дется воевать. И для поиска ответов на все эти вопросы времени не оставалось.

Закат третьего дня. Мы переехали на новые квартиры в южном конце города, предоставленные государством. Я собрал всех, кроме полуодюжины часовых. Пока ребята ужинали — ужин был приготовлен и подан людьми, присланными Прабриндрахом, — сидевшие за моим столом сдвинули головы поближе. Прочие имели приказ держать таглиосцев в состоянии постоянной занятости. Вряд ли, конечно, они могли бы понять нас, однако такая возможность не исключалась.

Я сел во главе стола. По левую руку от меня села Госпожа, а правую — Могаба с двумя своими лейтенантами, а за Госпожой устроились Гоблин с Одноглазым, причем тем вечером Гоблин сидел ближе ко мне. О месте за столом у них каждый раз разгорался спор. Далее сидели Ведьмак и Масло, а Мургену, в качестве ученика летописца, был отведен дальний конец стола. Я сделал вид, что рассказываю за едой некую историю, как отец семейства, развлекающий чад.

— Ночью я выведу наружу имперских жеребцов. Госпожа, Гоблин, Ведьмак и Масло идут за мной. По одному. Также — один из лейтенантов Могабы с одним солдатом. Они должны держаться в седле.

Одноглазый испустил жалобный вздох. Мурген — тоже. Но Могаба заговорил первым:

— Украдкой?

— Я хочу провести разведывательный рейд на юг. Возможно, эти люди пытаются продать нам кота в мешке.

На деле я этого не думал, но зачем полагаться на чужие слова, если можно взглянуть самому? Особенно если этот говорящий пытается воспользоваться тобой...

— Одноглазый, останешься здесь и будешь держать беса в работе. Днем и ночью. Мурген, записывай все, что он будет докладывать. Могаба, будешь нас прикрывать. Если местные рассказывали правду, наш рейд продлится недолго.

— Ты обещал Прабриндраху дать ответ через неделю. Осталось четыре дня.

— Вернемся вовремя. Выезжаем после следующей смены часовых, когда Одноглазый с Гоблином отключат всех, кто может увидеть нас.

Могаба кивнул. Я взглянул на Госпожу. Она ничего не желала добавить. Хочешь, мол, быть главным — будь им, а она оставит свое мнение при себе.

— Несколько моих людей,— сказал Могаба,— обратились ко мне с некоторым деликатным делом. Я полагаю, нам необходимо выработать политику.

Это было по меньшей мере неожиданно.

— Политику? Касательно чего?

— В какой мере наши люди вправе применять силу для самообороны. Несколько наших людей подверглись нападениям. Они хотят знать, до каких пределов им, в силу политических причин, необходимо проявлять сдержанность. Будет ли им позволено демонстрировать силу?

— Ох как! Когда это началось?

— Первый рапорт я получил около полудня.

— Все случай, значит, сегодня?

— Так точно, сэр.

— Давай посмотрим на подвергшихся нападениям.

Он привел их к столу. Все оказались нарами. Их было пятнадцать. Пожалуй, такое могло произойти не только с нами. Я послал Мургена к нашим. Вскоре он вернулся.

— Три случая. Они сами справились. Говорят, не подумали, что такие мелочи стоят рапорта.

Это кое-что говорит о состоянии дисциплины...

Примерно через полминуты было установлено, что нападавшие, судя по всему, не являлись таглиосцами.

— Такие сморщенные смуглые карлики? Мы видели подобных на реке. Я спрашивал Лебедя; тот сказал, что не знает, откуда они. Однако медвежью болезнь они ему устроили. Если они не таглиосцы, не спускайте им ничего. И пару пленных возьмите. Одноглазый! Если сумеешь изловить парочку, возьми их в работу, и...

Все это говорилось, пока таглиосские подавальщики сновали туда-сюда. Как раз в этот момент несколько человек подошли забрать пустые тарелки, удержав Одноглазого от жалоб на столь непомерное количество работы для него

одного. Впрочем, и после их ухода он не успел даже вякнуть.

Первым заговорил Мурген:

— Тут одно дело, Костоправ.

Могаба слегка поморщился. Гибкий-то он гибкий, но никак не мог привыкнуть к тому, что я позволяю кому-либо называть меня иначе чем «Капитан».

— Что за дело?

— Летучие мыши.

Гоблин хихикнул:

— Заткнись, коротышка. Что за мыши?

— Ребята постоянно находят вокруг мертвых летучих мышей.

Уголком глаза я заметил, что Госпожа внимательно прислушивается к разговору.

— Не понимаю.

— Наши люди с самого приезда сюда каждое утро находят мертвых летучих мышей. Все разодраны, не просто упали мертвыми. И — только там, где мы. В городе этого больше нигде не бывает.

Я посмотрел на Одноглазого. Он тоже взглянул на меня и сказал:

— Понятно. Все понятно. Еще работенка для старого, доброго Одноглазого. И как этот Отряд обойдется без меня, когда помру?

Уж не знаю, купились ли на это остальные или как.

Между мной и Одноглазым существовало нечто такое, во что были посвящены не все.

— Еще проблемы есть?

Проблем ни у кого не нашлось, однако у Мургена был вопрос:

— Ничего, если мы малость поработаем над Лебедем? Я поглядел на эту забегаловку, где он — хозяин. Пожалуй, кое-кто из наших ребят там посидит. Может, удастся выяснить что-нибудь интересное.

— В крайнем случае, хоть понервничает. Хорошая идея. И из наров кого-нибудь возьмите. Пусть приглядятся к этому Ножу.

— Страшноват парень,— заметил Масло.

— И, голову кладу, самый опасный. Наподобие Ворона. Убьет — глазом не моргнет, а через пять минут и не вспомнит.

— Вы должны рассказать мне побольше об этом Вороне, — сказал Могаба. — С каждым разом, когда вы упоминаете о нем, он все больше интригует меня.

В разговор, не донеся вилки до рта, вмешалась Госпожа.

— Обо всем этом написано в Анналах, лейтенант, — сказала она с предостерегающей мягкостью.

При всей его преданности всему, связанному с Черным Отрядом, Могабе еще только предстояло предпринять попытку серьезного ознакомления с Анналами, написанными после того, как Отряд покинул Джии-Зле.

— Конечно, — отвечал он.

Голос его звучал по-прежнему ровно, однако взгляд затвердел, словно сталь. Между ними явственно чувствовался некоторый холодок. Я и прежде замечал это. Негативный химизм, так сказать. Причин для нелюбви друг к другу у них не было. Хотя, может, и были: в те дни я проводил с Могабой куда больше времени, нежели с Госпожой.

— Значит, решено, — сказал я. — Выходим после ближайшей смены караулов. Готовьтесь.

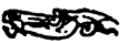
Большинство, молчаливо кивнув, встали из-за стола. Гоблин некоторое время хмуро взирал на меня, затем тоже поднялся.

Он подозревал, что взят в разведку в основном для того, чтобы не смог без меня напоказать.

И был процентов на шестьдесят прав.

Глава 25 Таглиос. Разведка на юг

Попробуйте как-нибудь выехать откуда-нибудь незаметно, хотя бы на кляче, на каких обычно пашут крестьяне. Тогда примерно наполовину сможете понять трудности попыток выскользнуть из города на подаренных Госпожой чудищах. Бедняга Гоблин, обеспечивающий прикрытие, уработался до предела. После того как мы покинули город,

я начал думать, что мы и карету без опаски могли бы взять с собой.

Впрочем, незаметность нашего отъезда была лишь относительной. Вороны не покидали своего поста. Казалось, эти проклятые птицы повсюду, где бы мы ни ехали, на каждом дереве и каждой крыше.

Ехали мы быстро, и округа в темноте была видна не слишком хорошо, однако деревни к югу от Таглиоса выглядели зажиточно, а земли вокруг были отлично возделаны. Как же иначе снабжать такой большой город. Хотя и в самом городе имелись сады, особенно в богатых его частях. Удивительно, но мяса таглиосцы ели мало, хотя такую еду можно просто-напросто приводить на рынок своим ходом.

Две или три крупнейшие религиозные семьи запрещали мясоедение.

Кони наши, вдобавок ко всем прочим достоинствам, могли видеть в темноте и ничуть не затруднялись идти кентером, когда я даже рук собственных не мог разглядеть. Рассвет мы встретили в сорока милях к югу от Таглиоса, и задницы наши были здорово побиты о седла.

Крестьяне, поразевав рты, смотрели, как мы проносимся мимо.

Лебедь рассказывал мне о вторжении Хозяев Теней прошлым летом. Дважды мы пересекали тропы той войны, проезжая полностью вырезанные деревни. Уцелевшие, конечно, отстроились заново, но места поменяли.

У второй такой мы остановились. Пока мы завтракали, на нас подошел взглянуть местный староста. У нас просто не нашлось слов. Убедившись, что его не собираются никуда забирать, он только с улыбкой пожал мне руку и пошел прочь.

— Он знает, кто мы такие, — сказал Гоблин. — И думает о нас точно так же, как и городские.

— Дураками считает?

— Да нет, Костоправ, никто нас за идиотов не держит, — сказала Госпожа. — Может, в этом-то и проблема. Может, мы просто не так умны, как они полагают.

— И что же?

Я швырнул камнем в одну из ворон и промазал. Она насмешливо покосилась на меня.

— По-моему, ты был прав, говоря о заговоре молчания. Но быть может, они прячут не так много, как ты думаешь. Возможно, они просто считают, что мы знаем больше, нежели они.

Зиндаб, лейтенант Могабы и третий после него по значимости, поддержал ее:

— Я чувствую, капитан, что в этом и есть самая суть. Я много времени провел на улицах, и видел это в глазах всех, смотревших на меня. Они думали обо мне гораздо лучше, чем я есть.

— Ну, на меня-то они не просто смотрели... Стоило выйти — тут же начинали кричать, наделяя меня такими эпитетами и званиями, разве что не императорскими. Это здорово смущает.

— А вот говорить не станут,— заметил Гоблин, собираясь в дорогу.— И раскланяются, и разулыбаются, и заднице твою расцелуют, и отадут тебе все, кроме девственниц-дочерей, но стоит спросить о чем-нибудь конкретном, ни слова не дождешься.

— Правда — смертельное оружие,— сказала Госпожа.

— Потому-то жрецы и князья ее боятся,— подтвердил я.— Если мы куда значимее, чем кажемся... За кого же они нас принимают?

— За тот Отряд, что проходил здесь, направляясь на север,— сказала Госпожа.

— Ответ должен быть в пропавших томах летописи,— согласился Зиндаб.

— Это верно. Однако их у нас нет.

Имей я при себе экземпляры своих, я бы продлил привал, чтобы еще раз просмотреть ставшее мне известным в Храме Отдыха Странствующих. Те самые первые книги должны были пропасть где-то здесь.

Названия на моей карте не напоминали мне ничего. И никак не перекликались с другими, слышанными ранее. Чон Делор, так сказать, был концом нашей истории. И началом неведомой страны, хотя и до Нежных Войн написано было очень много.

Что же они, все названия поменяли?

— Ох, жопа моя, жопа,— застонал Гоблин, забираясь в седло.

На то, как такой коротыш оседливает подобного жеребца, стоит посмотреть. Масло всякий раз посмеивался над ним, спрашивая, не подать ли ему лестницу.

— Костоправ, есть у меня идеяка...

— Тревожная новость.

На шпильку он не отреагировал.

— Не уйти ли нам в отставку? Не так уж мы молоды для подобных дел...

— Те, которых мы встретили по пути из Весла, так и поступили,— сказал Ведьмак.— Только долго не продержались. Нам бы город захватить... Или заключить постоянный договор...

— Уже раз пятьдесят пробовали. Ничего не вышло. Разве что в Джии-Зле... И то потом пятки зачесались...

— Могу спорить, зачесались не у тех, кто туда прибыл.

— Все мы состарились и устали, Ведьмак...

— Ты, дедуля, за всех не расписывайся,— заметила Госпожа.

Швырнув в ворон еще камень, я вскочил в седло. Приглашения к шуткам принимать не хотелось. На этот счет я также устал и состарился. Пожав плечами, Госпожа тоже оседлала коня. Я погнал животину вперед, размышляя, на каком же мы с ней свете. Пожалуй, ни на каком. Может, той самой искоркой пренебрегали слишком долго. Может, наша близость оказалась контпродуктивной...

Дальше к югу началось нечто необычное: сторожевые разъезды, да такие крупные, каких я нигде никогда не видывал. В каждой деревне нас узнавали, поднимая такой же точно шум и гам, как и в Таглиосе. Молодые выходили на улицы с оружием.

На этику и мораль мне, в общем, плевать. Однако как-то совестно становилось при виде такого, словно бы это из-за меня тихие, смиренные люди превратились в милитаристов с горящими глазами...

Масло полагал, что оружие их было захвачено в отражении прошлогоднего нападения. Может быть. Отчасти. Однако большая его часть была так истощена ржой и временем — врагу не пожелал бы подобного.

Разведка наша с каждым часом выглядела все невероятнее.

Все таглиосцы, каких мы только видели, были милыми, дружелюбными людьми, благословенными землею, где жизнь не есть непрестанная борьба. Однако даже деревенские, похоже, посвящали большую часть свободного времени батальонам своих божеств...

— Единственная хоть сколь-нибудь значимая победа, — сказал я Госпоже, когда мы удалились от города миль на восемьдесят, — если эти люди спятят настолько, чтобы противостоять любым испытаниям, какие только смогут предложить Хозяева Теней.

— А если мы примем эту разведку, но проиграем первое сражение, все равно не будет никакой разницы. Нас уже не будет в живых, и последствия нас не коснутся.

— За что люблю мою девочку, так это за позитивность мышления.

— А ты действительно собираешься подрядиться на эту работу?

— Нет, если только смогу избежать ее. Затем мы и выехали на разведку. Однако есть у меня такое поганое чувство, что желаемое будет иметь мало общего с действительным.

Гоблин крякнул и проворчал что-то насчет произвола когтистой лапы судьбы. Сущая правда. Единственной возможностью ни во что не встремать было отыскать иной путь на юг. Черт с ними, с этими Хозяевами Теней.

Мы не слишком торопились и остановились на обед, еще не переварив завтрак. Тела наши не выдерживали испытания непрерывной скачкой. Стареем...

Масло с Ведьмаком предложили разложить костер и приготовить горячее. Я сказал: «Валайте», а сам, усталый и разбитый, устроился поблизости, положил голову на камень и принялся разглядывать облака, плывущие через чужое небо, ничем в свете дня не отличавшееся от родного.

События неслись вскачь и были столь странны, что я никак не мог докопаться до их сути. Мною прочно завладел ужас, внушавший мне, что я влез не в свое дело, что для Отряда наступили далеко не лучшие времена и способностей моих не хватает, чтобы справиться с тем, что угрожает Таглиосу. Смогу ли я повести в битву целый народ? Пожалуй, нет. Даже если все мужчины, женщины и дети Таглиоса объявят меня своим спасителем.

Я пытался успокоиться, внушая себе, что не меня первого из капитанов обуревают сомнения и, уж конечно, я далеко не первый из вовлеченных в местные дрязги, имеющий на вооружении лишь осознание масштабов проблемы и того, что поставлено на кон. Пожалуй, мне даже повезло больше, чем остальным: со мной была Госпожа, а для нее интриги — родная стихия. Здесь она все равно что рыба в воде. Если только удастся воспользоваться ее талантами. Такое со мной Могаба, который, несмотря на не изжитые до сей поры культурный и языковой барьеры, становится прямо-таки идеальным солдатом. Со мною — Гоблин, Одноглазый, Жабомордый и, не исключено, Меняющий Облик. А в сумке моей хранятся все трюки нашего Отряда за четырнадцать лет.

Однако все это не прибавляло душевного покоя.

Что, собственно, втравило нас в это возвращение к началу боевой деятельности Отряда?

Не в том ли источник беды, что мы достигли неизвестных земель, о которых Анналы ничего не говорят? Не в отсутствии ли исторических документов?

У меня имелось множество вопросов по поводу нашей братии и этой страны. Но почти не было возможностей добить информацию. Из разрозненных намеков явствовало, что наши старики не были такими уж славными ребятами. Складывалось впечатление, что диаспора изначальных Свободных Отрядов была совсем не так уж религиозно предана знамени и почему в том же роде. Расхожая доктрина, ее следы несли нары, похоже, имела до ужасного мало общего с действительностью. Само имя Отряда до сих пор внушало страх и чувство напряженности.

Усталость наконец одержала верх, и я незаметно для самого себя уснул. Разбудила меня воронья беседа.

Я вскочил. Все прочие удивленно взорвались на меня. Они ничего не слышали. Обед подходил к концу. Масло держал на огне мою порцию.

Приглядевшись к одинокому дереву близ нашей стоянки, я заметил несколько ворон. Склонив свои безобразные головы, они смотрели на меня. Внезапно они разразились карканьем. Я определенно почувствовал, что они желают привлечь мое внимание.

Я направился к ним.

Когда до дерева оставалось примерно полпути, две вороны взлетели, по-вороньи неуклюже набрав высоту, и понеслись к небольшой рощице в миле от нас. Над рощицей той кружила добрая полусотня ворон.

Последняя, убедившись, что я все видел, также покинула одинокое дерево. Я вернулся к обедавшим в задумчивом настроении. Прикончив половину подгоревшего тушеного мяса, я решил, что получил предупреждение. Дорога проходила лишь в нескольких ярдах от той рощи.

Когда мы начали рассаживаться по седлам, я заговорил:

— Ребята! Оружие держать наготове. Гоблин! Видишь те деревья? Не спускай с них глаз. Точно от этого зависит твоя жизнь.

— В чем дело, Костоправ?

— Не знаю. Предчувствие. Может, оно и не оправдается, однако осторожность не помешает.

— Ну, как скажешь.

Он подозрительно взглянул на меня, словно сомневаясь в здравости моего ума.

А Госпожа посмотрела на меня еще подозрительнее, когда мы приблизились к роще и Гоблин квакнул:

— Ух ты! Да их тут полно! Засада!

Больше он ничего не успел сказать. Подстерегающие нас вырвались из укрытия. Это были те самые смуглые карлики. Около сотни. В военной сметке им было не отказать: пешим никак не справиться с конницей без подавляющего численного превосходства.

— И-ик! — сказал Гоблин.

Затем он пробормотал что-то еще, и карликов окутало облако насекомых.

Им бы из луков по нам стрелять...

Масло с Ведьмаком избрали, по-моему, наиглуший путь. Они атаковали, и инерция внесла их в толпу нападающих. Мой способ был мудрее, и остальные последовали моему примеру. Мы просто развернулись и рысью поскакали прочь, оставив карликов на милость Гоблина.

Мой конь споткнулся. Будучи мастером верховой езды, я тут же вылетел из седла и, прежде чем успел подняться на ноги, был окружен смуглыми. Однако Гоблин свое дело знал крепко. Не ведаю уж, что он проделал, но толк из этого вышел. Оставив мне на память несколько приличных синяков, карлики решили нагнать тех, у кого хватило ума остаться в седлах.

Мимо, чтобы атаковать с тыла, промчались Масло и Ведьмак. Я поднялся на ноги и огляделся в поисках коня. Тот мирно пасся поодаль, озадаченно поглядывая на меня. Я побежкал к нему.

Карлики располагали лишь ерундовыми чарами, а действовали они на редкость глупо. Просто навалились толпой. Мерли, словно мухи, однако когда нападающих — дюжины к одному, поневоле начнешь тревожиться не только о том, как положить их побольше.

Будучи занят, я не совсем разглядел, что там творилось. А взгромоздив наконец избитое тело на спину коня, увидел, что весь рататуй скрылся в узкой низенькой долинке.

А я непонятным образом ухитрился запутаться. Словом, когда я поехал следом за нашими, то не нашел их. Хотя времени на поиски судьба мне отмерила не много. Явилась она в образе полудюжины смуглых карликов верхами, что было бы ужасно смешно, не размахивай они мечами и копьями да не несись на меня с намерениями, однозначно заслуживающими порицания.

В другое время я перестрелял бы их из лука, не подпустив ближе чем на сорок ярдов. Однако, будучи в неподходящем расположении духа, я просто хотел спокойно отыскать своих.

Я пустил коня галопом и, обогнув несколько холмов, легко оторвался от погони. Но в этом процессе заблудился окончательно. Во время наших забав небо плотно затянуло тучами. Пошел отвратительный мелкий дождь. Просто так, чтобы еще пуще очаровать меня избранным мною образом жизни. Я принялся за поиски дороги, надеясь обнаружить на ней следы товарищей.

Поднявшись на холм, я снова увидел эту проклятую фигуру в окружении воронья, преследующую меня от самого Храма Отдыха Странствующих. Она парила вдалеке, удаляясь прочь от меня. Тут я, позабыв об остальных, пришпорил коня. Тот пустился в галоп. Фигура, приостановившись, оглянулась. Я буквально кожей почувствовал направленный на меня взгляд, но не замедлил хода. Уж теперь-то я разгадаю эту тайну!

Скатившись с невысокого холма, я влетел в ложбинку, где пузырилась жидкая грязь. Фигура на минуту скрылась из виду. Поднявшись же на вершину другого, я не увидел в воздухе ничего, кроме нескольких ворон, круживших безо всякого смысла. То, что я сказал после этого, безмерно расстроило бы мою матушку.

Я продолжал скачку, пока не достиг того места, где видел фигуру в последний раз. Осадив коня, я спешился и принялся искать следы. Как следопыт я велик и могуч, однако на столь мокрой земле не могло не остаться следов. Если, конечно, я не сошел с ума и все это мне не причудилось.

Следы я, конечно же, нашел. И ощущение того самого взгляда меня не оставляло. Но искомой твари нигде не было. Это меня озадачило. Включая даже вероятность вмешательства волшебных сил, как ей удалось полностью сгинуть? Вокруг совершенно негде было укрыться!

Тут я заметил ворон, кружящих в четверти мили от меня.

— Ладно, сук-кин ты сын. Сейчас посмотрим, быстро ли бегаешь...

Там тоже не обнаружилось ничего.

Так повторилось три раза, и ровным счетом ничего я не достиг. В последний раз я остановился на гребне холма,

откуда был виден лес — этак в сотню акров. Спешившись, я встал рядом со своим жеребцом. Дыхание его, подобно моему, было неровным.

— Что? Тоже устал? — спросил я.

А ведь эти чудища никогда не выдыхаются...

Внизу же было на что посмотреть. Столько воронья сразу я видел разве что над полем только что кончившейся битвы.

За свою долгую, в странствиях проведенную жизнь я слыхал около полусотни рассказов о населенных призраками лесах. Леса всегда описываются как темные, густые и старые, или деревья в них почти все мертвы, а ветви их словно руки скелетов, подъятые к небесам. Этот лес, пожалуй, похож был только по густоте, однако, судя по ощущениям, призраков в нем хватало.

Пристегнув поводья к луке седла, я вытащил из седельных ножен меч и направился к лесу. До него было около четверти мили. Жеребец тронулся следом, футах в восьми за спиной, склонив голову так, что ноздри его едва не касались земли, словно он принюхивался к следу.

Больше всего ворон оказалось над центром леса. Я уже не слишком доверял собственным глазам, однако там, среди деревьев, виднелось некое темное приземистое строение. По мере приближения к нему я двигался все медленнее. Возможно, какая-то доля здравого смысла во мне еще оставалась. Эта самая доля и подсказывала мне, что для подобных вещей я не гожусь. Я вовсе не походил на бравого рыцаря, коему под стать пробираться в самое логово зла.

Нездоровое любопытство — мое сущее проклятие. Не взирая ни на что, оно тащило меня за бороду вперед.

Здесь обнаружилось дерево, подходящее под все описания: древнее, полузасохшее, в мой рост толщиной. Словно часовой, возвышалось оно над лесом по крайней мере футов на тридцать. Его подножие окружали кустарники и молодые деревца по пояс мне в высоту. Прислонившись к его стволу, я попробовал уговорить себя продолжать путь — а может, наоборот, удержаться от неосмотрительных поступков. Жеребец брел за мной, пока не уткнулся мордой в мое плечо. Я обернулся к нему...

Последовало краткое змеиное шипение, а следом — глухой удар.

С отвисшей челюстью взирал я на стрелу, еще дрожавшую в стволе в трех дюймах от моих пальцев, и уж совсем собрался броситься наземь, но тут до меня дошло, что стрела эта предназначалась вовсе не для моей груди.

Наконечник ее, древко и оперение — вся стрела была чернее сердца жреца, словно сделанная из черной эмали. В дюйме от наконечника древко было обернуто белым. Выдернув стрелу из дерева, я поднес послание к глазам.

«Еще не время, Костоправ».

Писано это было на диалекте Самоцветных Городов.
Интересно.

Пожалуй, и впрямь еще не время.

Я ободрал бумагу с древка, скатал ее в шарик и забросил в кусты, а затем огляделся в поисках стрелка. Естественно, вокруг никого не было.

Я вложил стрелу в свой колчан, вскочил в седло, развернул коня и шагом поехал вперед.

Мелькнувшая в воздухе воронья тень заставила меня поднять глаза — и увидеть семерых смуглых карликов, поджидавших меня на вершине холма.

— Все вам, ребята, неймется...

Я снова спешился, встал позади коня, достал лук, согнулся его, вынул из колчана только что подобранный стрелу и двинулся через склон, все так же прикрываясь конем. Карлики развернули свои игрушечные лошадки и двинулись ко мне.

Приблизившись на подходящее расстояние, я высунулся из-за коня и выстрелил в ближайшего. Стрелу он увидел и попытался увернуться, чем только навредил себе. Я метил в шею пони, а стрела пронзила его ногу насквозь, достав и животинку также. Пони взмыкнул, выбросив седока из седла, и понесся, волоча за собой карлика, чья нога застяла в стремени.

Вскочив в седло, я направил коня в образовавшуюся брешь. Карликовые лошадки бежали слишком медленно, чтобы хотя бы приблизиться.

Словом, мы понеслись вперед, и за час я перестрелял всех их лошадок, причем мой жеребец шел легким галопом и, по-моему, развлекался от души. Никогда прежде я не видал лошади, которая оглядывалась бы, чтобы посмотреть, как там погоня, и соразмеряла аллюр в дразнящей близости.

Я не имел никакого понятия, откуда взялись эти карлики, однако их было немало, судя по тому, что они продолжали появляться. Из соображений осторожности я продолжал снимать их по одному. Если понадобится, можно потом послать Отряд и набрать пленных сколько заблагорассудится.

Интересно, как там Госпожа, Гоблин и остальные? Вряд ли, учитывая превосходство наших зверюг, им причинен какой-либо вред, но все же...

Мы разминулись, поэтому не было смысла тратить остаток светового дня на их поиски. Лучше вернуться на дорогу, повернуть к северу и найти какой-нибудь городок, и обсушиться.

Мерзкая мелкая морось раздражала куда пуще, чем преследователи.

А пуще дождя — стрела из лесу. Тайна ее пугала до мурашек по коже.

Вороны с ходячим пнем были реальны. В этом сомнений больше нет. И пень к тому же знал меня по имени.

Пожалуй, стоило бы привести сюда весь Отряд и прощесать все в округе.

Дорога была из тех, волшебных, что обращаются в грязь по пояс, стоит только плюнуть на нее. В этой части света ограды были не в обычае, и потому я просто поехал по обочине. Сразу показалась в виду деревня.

Можно назвать это судьбою. Или же — совпадением ритмов. Ритмов жизни. Вот моя жизнь идет в весьма странном ритме. С севера в деревню въезжали всадники, перемазанные грязью еще сильнее, чем я. То были не сморщеные смуглые карлики, однако я взглянул на них с подозрением и огляделся в поисках укрытия — они везли с собой гораздо больше оружия, чем я, а моего хватило бы на целый взвод.

— Йо-о! Костоправ!

Черт возьми! То был Мурген. Приблизившись, я узнал в остальных троих: Лозана Лебедя, Корди Мотера и Ножа. Какого черта они здесь делают?

Глава 26 Вершина

Даже того, у кого отнято все, моральная поддержка не лишает права на жалобы и критику.

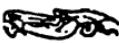
Сбор Хозяев Теней проходил в возносящейся к небесам резиденции, называемой Вершина, выстроенной хозяином под новую столицу и фортификацию в двух милях к югу от Тенелова. То было необычайное мрачное крепостное сооружение, превосходящее размерами и некоторые города. Толстые стены его достигали тысячи футов в высоту. Всякая вертикальная поверхность была облицована плитами из полированной бронзы либо железа, где уродливыми серебряными литерами алфавита, известного лишь нескольким, выполнявшим насечные работы, провозглашались устрашающие запреты и налагались проклятия.

Хозяева Теней встретились в зале, вообще-то не отвечающем их пристрастиям к темноте. Сквозь прозрачные потолки и хрустальные стены ослепительно сияло солнце. Троє прибывших съежились в его лучах, даже укутанные в самые темнейшие из своих одеяний. Хозяин парил в воздухе рядом с южной стеной, устремив взгляд вдаль и лишь изредка оглядывая зал. Его отрешенность была навязчивой.

Снаружи, за многие мили от башни, однако видимая с такой огромной высоты, лежала просторная, ровная долина, ярко блестевшая в лучах солнца. Она была бела и напоминала дно давно исчезнувшего моря.

Гости полагали, что страх и навязчивые идеи хозяина не сулят ничего, кроме опасности. Если только они не притворство. Не средство маскировки. Не холодная стратегия... Однако великолепие возводимых им укреплений не могло не произвести впечатления.

Крепость строилась уже семнадцать лет и до сих пор была выстроена не более чем на две трети.

— Теперь снаружи спокойно? — спросила женщина маленького роста.

Она говорила на языке, на котором были высечены надписи на стенах крепости.

— Днем всегда тихо. Но с приходом ночи... С приходом ночи...

Воздух словно покернел от страха и ненависти.

Во всем ужасе своего положения хозяин винил приведших. Это они извлекли Тени из глубин и разбудили ужас, а затем бросили его перед лицом последствий.

Он повернулся к ним:

— Вы проиграли. И не в первый раз. Радиша беспрепятственно совершила поездку на север. Они проплыли сквозь болота словно воплощение возмездия, да так легко, что Ей не пришлось пошевелить и пальцем. Они идут куда желают, без всяких препон, в столь блаженной уверенности, что даже не замечают ваших потуг. Теперь они — вместе с Нею — в ваших пределах творят смуту. И вы пришли ко мне.

— Но кто же мог думать, что Величайший — с нею? Его считали поверженным...

— Глупцы! Будто он не мастер перемен и иллюзий? Вы обязаны были знать, что он дожидается их! Как может такой укрыться от всех глаз?

— Значит, ты знал, что он там, но не предупредил нас? — насмешливо спросила женщина.

Он отвернулся к окну. Он не отвечал. Вместо ответа он произнес:

— Сейчас они в пределах вашей досягаемости. На этот раз вы справитесь с ними?

— Они — всего лишь полусотня смертных.

— Вместе с Ней. И Величайшим.

— Однако нас четверо. И каждый имеет армию. Вода в реках скоро спадет. Тогда десять тысяч человек переправятся через Майн и уничтожат само имя Черного Отряды.

Сидящий у окна исторг из себя зловещее шипение, все усиливающееся и переходящее в холодный, презрительный хохот.

— Вот как? Это пытались исполнить бесчисленное множество раз. Постоянно! Однако ж они выстояли. Выстояли в продолжение четырех веков! Десять тысяч? Не смешите меня. И миллиона может оказаться мало. Их не удалось уничтожить и в северной Империи.

Трое пришедших обменялись взглядами. Он был — само безумие. Безумие и одержимость. И, когда угроза с севера будет уничтожена, он, пожалуй, разделит ее судьбу.

— Подойдите сюда, — сказал он. — Взгляните туда. Где призрак старой дороги змеится через долину к белым, сияющим землям.

На дороге вращалось, свиваясь в спираль, нечто. Сгусток тьмы, куда темнее их нарядов.

— Видите?

— Что это?

— Ловушка для Теней. Они идут через врата, пробитые вами. Древние, великие и могучие. Не под стать игрушкам, подчиняющимся и призываляемым вами. Я могу высвободить их. И так и сделаю, если вы снова не сможете справиться.

Троими овладело беспокойство. Он не шутил.

Хозяин, словно прочтя их мысли, расхохотался.

— Ключ к ловушке, братья мои, есть Имя мое. Будь я повержен, ловушка рухнет, и врата в мир останутся открытыми.

Он снова разразился хохотом.

Тот, кто больше помалкивал, злобно сплюнул и двинулся к выходу. Двое остальных, поколебавшись, последовали его примеру. Говорить более было не о чем.

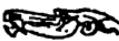
Безумный смех преследовал их, пока они спускались по бесконечной спирали винтовой лестницы.

— Может быть, мы и не завоюем его, — подытожила женщина. — Но, пока он упирает свое внимание на юг, он нам не помеха. Впредь не стоит принимать его в расчет.

— Значит, трое против двоих, — буркнул ее спутник.

Шедший впереди согласно хмыкнул.

— Но есть еще тот, в болотах, и любой его можно манипулировать, сложись слишком отчаянная ситуация. К тому же у нас есть золото. Когда золоту дают сказать свое

слово, в рядах врагов всегда находятся подходящие орудия.
Не так ли?

Она рассмеялась. И смех ее был почти так же безумен,
как тот, что доносился сверху.

Глава 27 Ночная гонка

Когда Мурген подскакал ко мне, я одарил его одним из самых злобных своих взглядов. Он понимал, за что. Позже еще поговорим.

Замявшись на секунду, он сказал:

— Ты велел глаз с них не спускать...

Тут подъехал и Лебедь.

— Боги мои, ну и ездите же вы! Я уже в седле еле держусь... — Он показал небу непристойный жест. — Мы выехали через пять минут после вас, а вы еще пару привалов сделали успели — и все одно держались впереди! — Он покачал головой. — Железные вы ребята. Корди, я же говорил, что меня не под то делали.

— А где все? — спросил Мурген.

— Не знаю. Мы попали в засаду и разминулись.

Мотер, Лебедь и Нож переглянулись.

— Маленькие такие, смуглые? — спросил Лебедь. — Сморщенные все?

— Ты их знаешь?

— Да, стыкнулись мы с ними на реке, по пути на север. Есть совершенно бредовая идея. Надо поговорить, только пошли спрячемся от дождя. А то люмбаго меня вконец прикончит.

— Какое люмбаго? — спросил Мотер. — Откуда у тебя люмбаго?

— Забыл однажды шляпу дома, и тут дождь пошел. Нож, ты в прошлом году бывал здесь. Есть у них тут постоянный двор или еще что?

Нож, не отвечая, развернул коня и поехал вперед. Странный он тип, безусловно. Однако Лебедь полагал, что с ним все в порядке, а сам Лебедь нравился мне — настолько, насколько вообще может нравиться тот, кто

работает на человека, играющего с тобой в подобные игры.

Я хотел было тронуться вслед за всеми, но тут Мурген сказал:

— Постой-ка. Кто-то едет.

Я взгляделся в дождь. С южной стороны к нам приближались фигуры троих всадников. Кони их были так высоки, что не могли оказаться никем, кроме скакунов Госпожи. Лебедь выругался, будучи недоволен задержкой, однако мы придержали коней.

Троє всадников оказались Ведьмаком, Масло и рои — Шадидом. Этот последний был порядком потрепан, а Масло и Ведьмак — ранены.

— Чтоб вас обоих черт побрал! Вы без ран уж и обйтись не можете!

Вот уж около тридцати лет их знаю, и раны они все это время получают раза по три в год. И до сих пор живы. Я уже начал подозревать, что оба они бессмертны, а бессмертие покупают ценою крови.

— Та засада, Костоправ, была прикрытием для другой, — объяснил Ведьмак. — Они оттеснили нас в долинку — прямиком на другой отряд, верхами.

Желудок мой сжался в тугой ком.

— И — что?

Он слабо улыбнулся:

— Пожалуй, им пришлось в этом раскаяться. Мы их порядочно покромсали.

— Где остальные?

— Не могу знать. Мы разъехались. Госпожа велела нам с Шадидом ехать сюда и ждать. А она, мол, уведет этих коротышек.

— Ладно. Нож, показывай наконец, где этот их курятник.

Мурген вопрошающе посмотрел мне в глаза.

— Именно, — тихо сказал я. — Пристроим этих, а сами отправимся.

Место, куда привел нас Нож, оказалось не то чтобы постоянным двором, а просто большим домом, его хозяин прирабатывал, пуская на постой путников. Восхищения от на-

шего появления он явно не испытывал, хотя он — как и все прочие в мире — знал, кто мы такие. Однако блеск наших монет осиял его день и добавил любезности к его улыбке. И все-таки мне казалось, что пустил он нас лишь из боязни применения силы в случае отказа.

Здесь я заштопал и перевязал Масло с Ведьмаком и прописал им обычный режим, который они уже давно знали наизусть. Хозяин меж тем принес еду, за что Лебедь выиграл ему нашу искреннюю признательность.

— Темнеет, Костоправ, — сказал Мурген.

— Вижу. Лебедь, мы едем искать остальных. Хочешь ехать с нами — возьми запасную лошадь.

— Шутите? В такую мокреть да по собственной воле...

Черт возьми. Ладно. Пожалуй...

Он заворачался, поднимаясь с кресла.

— Сиди уж, Лозан, — сказал Мотер. — Я поеду. Я в лучшей форме.

— Уговорил, красноречивый ты сукин сын, — немедля отклинулся Лебедь. — Не знаю уж, как ты это делаешь, ублюдок золотоязыкий... Но я тебе ни в чем не могу отказать. Будь осторожен.

— Вы готовы? — спросил Мотер, слегка улыбнувшись.

— Ага.

Мы вышли наружу и оседали малость подуставших коней. Я поехал вперед, однако скоро Шадид обогнал меня, сказав, что лучше направляющим будет он, так как знает, куда ехать. День, стало быть, продолжался. Солнце почти скрылось. Погода стояла предельно мрачная. Чтобы отвлечься, я велел Мургену:

— Объясни-ка теперь, что происходит.

— Корди расскажет лучше. Я-то просто увязался за ними.

Седалище Шадида, судя по аллюру, заданному коню, вовсе не было стерто о седло. К тому же я изо всех сил боролся с нарастающим беспокойством. Я старался убедить себя, что она девочка уже взрослая, и сама о себе позаботится, и была взрослой еще при моем рождении, однако мужчина во мне продолжал твердить, что, раз это твоя женщина, именно ты должен заботиться о ней.

Что было полностью верно.

— Корди! Я знаю, что ты со своими друзьями работаешь не на меня, у вас свои интересы, однако...

— Мне нечего скрывать, Капитан. До нас дошел слух, что несколько ваших собираются уезжать. Бабу это переполошило. Она решила, что вы намерены всей толпой перевправиться через Майн и добыть сведения о Хозяевах Теней путем собственного горького опыта. А вы просто поехали на разведку. Она считала вас глупее.

— Это та старушка, которую вы везли вниз по реке? Радиша?

— Да. Мы называем ее Бабой. Нож навесил ей эту кличку, еще не зная, кто она такая.

— И она знала, что мы уезжаем, еще до нашего отъезда. Интересно... Вообще не было в моей жизни времени удивительнее, господин Мотер. В прошлом году весь мир как-то пронюхал, куда мы направляемся, а мы еще даже не тронулись в путь. Тут и не захочешь, а занервничаешь.

Мы проезжали мимо каких-то деревьев. На одном я заметил ворону, невероятно перепачканную. Засмеявшись, я вслух выразил надежду, что она выглядит еще хуже моего.

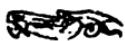
Остальные неуверенно взорвались на меня. Я подумал: а может, начать создавать себе новый образ? Весь мир безумцы приводят в ужас. Если сыграть правильно...

— Эй, Корди, старый мой товарищ и спутник! Ты действительно ничего не знаешь об этих смуглых карликах?

— Все, что я знаю: они пытались остановить нас по пути на север. Никто из нас раньше не видел подобных. Они наверняка из Страны Теней.

— Но отчего Хозяева Теней так боятся нас? — Ответа я, как и ожидалось, не получил. — Корди, ваши ребята серьезно намерены победить их на благо Прабриндраху?

— Я — да. На благо Таглиоса. Здесь я нашел то, чего не мог найти нигде. И Лозан тоже, хотя он в этом не признается, хоть ты его жарк на угольях. Насчет Ножа — не знаю. Наверное, он ввязался в это за компанию с нами. Во всем мире у него — лишь полтора друга, и в этом весь смысл его жизни. Так что он просто с нами.

— Полтора?

— Лозан — это целый, а половинка — я. Мы выручили его, когда кто-то бросил его крокодилам. Он с нами, потому что обязан нам жизнью. Но после того, что мы прошли с тех пор, если бы даже и вели счет, то не могли бы сказать, кто перед кем в долгу. Поэтому я ничего не могу сказать наверняка о Ноже. Он ни перед кем не раскрывается.

— Но что творится вокруг нас? Или об этом, по-твоему, тебе говорить нельзя?

— Что?

— Да, эта ваша Баба с Прабриндраком стараются зачухаться нашей поддержкой в отражении Хозяев Теней. Однако здесь — нечто большее. Иначе они не стали бы хитрить, а просто предложили сделку.

Пока он размышлял, мы успели проехать около мили. Наконец он сказал:

— Наверняка не знаю. Думаю, они поступают так оттого, что Черный Отряд прежде воевал с Таглиосом.

— Я тоже так полагаю. Но не знаю, что наша братия сделала здесь. И никто об этом не рассказывает. Кажется, весь Таглиос объединился против нас во всеобщем заговоре молчания. Однако в таком большом городе должен найтись хотя бы один человек, который польстится на подкуп...

— Да вы целый взвод таких найдете, если будете искаать в верном месте. Все это будут попы, проводящие ценные жизни в поисках способов перерезать глотки конкурентам.

Этим он что-то хотел сказать, однако я не был уверен, что именно.

— Я это запомню. Хотя не знаю, смогу ли поладить со жрецами.

— Да они точно такие же люди и точно так же клюют на блеф.

Сумерки становились все гуще. Однако я так вымок, что уже не обращал на это внимания. Наконец дорога сузилась в тропу, где следовало ехать колонной по одному. Корди с Мургеном пропустили меня вперед, причем Мурген шепнул:

— Я кое-что вызнал. Позже расскажу.

Я догнал Шадида и спросил, далеко ли еще. Казалось бы, всего день прошел, а вымотался я точно после недельного перехода.

Тут что-то выскочило на тропу — столь неожиданно, что невозмутимая лошадь Шадида попятилась и заржала.

— Что за дьявольщина? — заорал он на своем родном языке.

Я понял его, поскольку еще в молодости запомнил несколько слов.

Сам яглядел лишь мельком: зверь был похож на громадного серого волка со щенком-уродцем, примостившимся у него на загривке. И он тут же скрылся, так что я даже не смог разглядеть получше.

Интересно. Волки в самом деле носят своих щенков на спине?

Я рассмеялся почти истерически. О чем я, черт возьми, думаю? Не лучше ли подумать о том, бывают ли волки размером с доброго пони?

Подскакавшие Мурген с Корди спросили, что стряслось. Я отвечал, что не знаю, поскольку больше не верю своим глазам.

Однако загадка отложилась в дальнем уголке моего сознания. Ей нужно было дозреть.

Шадид остановился в двух милях от того места, где нас ожидала первая засада. Вокруг уже ничего толком не было видно. Он спешился и принялся читать следы. Вскоре, что-то буркнув про себя, он двинулся налево, в сторону от дороги. По неким признакам то был путь, где они ехали с Ведьмаком и Масло.

Мы устремились за ним.

Еще через полмили тропа спустилась в небольшую долинку. Вдоль нее протекал узенький ручеек. Там и сям из земли выглядывали валуны. Деревья тоже росли поодиночке, без всякого порядка. Стенило к тому времени настолько, что видимость была — не более двадцати футов.

Мы принялись за поиски тел.

Великое множество смуглых карликов полегли за свое дело. В чем бы оно там ни заключалось.

Шадид снова остановился.

— Мы привели их с другой стороны. А вот здесь мы разделились. Мы поехали сюда, а прочие остались, чтобы дать нам оторваться.

Снова спешившись, он принялся обшаривать долину. К тому времени, как он отыскал след, стемнело вовсе. Не успели мы покрыть и мили, темнота стала непроглядной.

— Может, стоит вернуться и подождать, — предложил Мурген. — Не многое мы добьемся в поисках наoubум.

— Если желаешь — возвращайся, — зарычал я с яростью, почему сам подивился. — А я останусь здесь, пока не отыщу...

Я не видел его, но подозревал, что во мраке он ухмыляется.

— Нет, пожалуй, не стоит нам раздеяться, — сказал он. — Иначе потом каждого искать придется.

Та ночная езда по незнакомому пути — не самое умное из моих решений. Особенно когда поблизости болтается целая орда врагов. Но боги, наверное, дураков берегут.

Наши кони остановились, прядая ушами. Мой жеребец негромко заржал, а через секунду слева и спереди донеслось ответное ржание. Животные бестревожно двинулись на звук.

Вскоре мы обнаружили Зиндаба и еще одного, укрывшихся под сляпанным на скорую руку навесом из сучьев. Оба были ранены, причем Зиндаб — тяжело. Мы быстро переговорили, пока я накладывал швы и повязки. Оказалось, Госпожа велела им отступать. Гоблин обеспечивал прикрытие, пока погоня не унеслась на юго-восток. Утром они собирались двигаться на север.

Я сказал им, где нас следует ждать, и снова вскочил в седло.

Задница моя была совсем стерта, я еле держался в седле, однако что-то толкало меня вперед. Что-то, чего мне не хотелось рассматривать вблизи, разве что посмеяться над собственной сентиментальностью.

Возражать никто не стал, хотя Мотер, пожалуй, масть усомнился в здравости моей головы. Я слышал, как он шептался с Мургеном и тот велел ему заткнуться.

Я поехал направляющим, бросив поводья и велев коню искать коня Госпожи. Никогда не определял степень разумности этих зверюг, однако попробовать стоило. Конь мой пошел шагом — пожалуй, несколько медленнее, чем хотелось бы мне.

Не знаю уж, сколь долго мы ехали. Не было способа измерять время. Довольно скоро я задремал, затем вдруг проснулся и снова задремал. Насколько я мог судить, то же было и с остальными. Конечно, можно было всех (и меня в том числе) вздрючить и заставить бодрствовать и бдить, но какой в том толк? Хотя, с другой стороны, толковые-то в деревне остались, в тепле, десятый сон наблюдают...

Наконец, сквозь полудрему, я увидел, как гребень холма в полукилометре впереди озарился пламенем, словно взорвавшись. Затем — секунда темноты, а после вспыхнули еще несколько акров земли, вместе с людьми и лошадьми. Магией пахло так явно, что даже я чувствовал.

— Вперед, конь мой!

Света было достаточно, чтобы отважиться на рысы.

Через минуту мы достигли участка земли, усеянного дымящимися, корчащимися телами. Смуглые карлики. Целая чертова уйма.

Пылающие деревья высветили во тьме мчащийся силуэт гигантского волка с волчонком на спине, клыками и когтями вцепившимся в шкуру старшего.

— Что за дьявольщина?! — воскликнул Мотер.

— Может, это Меняющий Облик? — предположил Мурген.

— Может быть. Вероятно. Он где-то рядом. Госпожа!

— крикнул я в сторону полыхавших деревьев.

Пожар угасал под дождем.

Сквозь треск едва пробился звук, который мог быть ответом на зов.

— Где вы?

— Здесь!

Что-то зашевелилось среди россыпи валунов. Я спрыгнул с коня:

— Гоблин! Где ты там, черт тебя подери?

То был не Гоблин. То была Госпожа. И я даже не видел, сильно ли она ранена,— не хватало света. Но ранена она, без сомнений, была. И, как это ни глупо, что мне, как лекарю, надо бы знать в первую очередь, но я присел, подхватил ее на руки и начал укачивать, словно младенца. Совсем из ума выжил.

Стоит человеку записаться в Отряд, и через минуту он начинает заниматься разными бессмысленными вещами; маршировка, учения и муштра приводят к тому, что, едва доходит до дела, нужное действие выполняешь автоматически, без размышлений. Сознание отключается. Вот я и не думал ни о чем и ничегошеньки, кроме утраты, не чувствовал. То есть и нужных действий не совершил.

Счастлив я, что хоть у товарищей моих мозги еще не сквасились.

Они собрали достаточно способных гореть дров, подали мне лекарскую снасть и, посредством рассудительного вопля, принудили оставить ерунду и приниматься за дело.

Впрочем, не так уж она была плоха, как могло показаться в темноте. Несколько порезов, множество синяков и, учитывая полубессознательное состояние, пожалуй, не-тяжелая контузия.

Выработанные многолетней практикой рефлексы мои одержали верх над чувствами, и я снова стал военным лекарем.

Вскоре и Мурген присоединился ко мне.

— Я нашел ее коня. Однако от Гоблина — ни слуху ни духу. Как она?

— Лучше, чем кажется. Побита, конечно, но ничего критического. До свадьбы заживет.

Примерно в этот момент она приподняла веки, взглянула на меня, узнала, обхватила руками и зарыдала.

Шадид что-то сказал. Мурген хмыкнул:

— Угу. Пойдем-ка Гоблина поищем.

Корди Мотер, соображавший не так быстро, тоже ушел с ними.

Успокоилась она, надо заметить, быстро. Все-таки не привыкла Госпожа, будучи Госпожой, вот так изливать чувства. Она отстранилась от меня.

— Прости, Костоправ.

— Да не за что. Ты была на волосок от гибели.

— Что произошло?

— Я собирался спросить тебя об этом.

— Они загнали меня в тупик, Костоправ. Я думала, мы ускользнем, но они точно знали, где мы. Они разъединили нас, загнали меня сюда, а потом нападали и откатывались целыми дюжинами. Пытались взять живьем. Пожалуй, мне повезло, иначе я была бы мертва. А после — ничего не помню. Как вы подошли, как их разогнали...

— Мы их не разгоняли. Насколько я помню. Тебя спас Меняющий Облик.

Я рассказал ей о внезапном пожаре и о волке.

— Может быть. Но я не знала, что он поблизости.

— Где Гоблин?

— Не знаю. Мы разделились примерно в миле отсюда. Он пытался сбить их с толку иллюзиями. Костоправ, мы сегодня убили, наверное, около сотни человек. Никогда еще не видела таких бестолковых. Но они все шли и шли... Куда бы мы ни бежали, повсюду были засады, и многочисленные. Если мы вступали в бой, они давили нас численным превосходством, и вместо каждого убитого подходили двое новых... Словно в кошмарном сне. Они словно чуяли, где мы.— Она снова прижалась ко мне.— Здесь явно не обошлось без колдовства. Я никогда не испытывала такого страха.

— Ладно, теперь-то все хорошо. Все кончилось.

Это было лучшее, что я только мог выдумать. Нервы мои успокоились, и я снова вспомнил о том, что она — женщина.

В нескольких милях к востоку сверкнуло нечто похожее на молнию. Однако за все время от начала этой мелкой мороси никаких молний не наблюдалось. Я услышал, как перекликаются меж собою Шадид, Мурген и Мотер, а затем — стук копыт их коней.

— Гоблин там, наверное,— сказал я, опираясь о землю и поднимаясь.

Она удержала меня, обняв крепче.

— Они сами справляются.

Я взглянул на нее. Лица ее, за недостатком света, было толком не разглядеть.

— Да, пожалуй.

И, после секундного колебания, я сделал то, чего она хотела.

Наконец, выбившись из сил, я перекатился на бок.

— Слушай, в твоем состоянии ты...

— Заткнись, Костоправ.

И я, заткнувшись, вернулся к делу.

Глава 28 Снова разведка

О чём они только думают, эти безголовые боги?!

Я, понимаете ли, не из скорострелов, и Госпожа тоже, естественно, подустала... Словом, небо вдруг, ни с того ни с сего, разверзлось, точно кто-то взрезал его брюхо ножом, и на нас обрушился ливень — сильный и холодный, да вдобавок ветер в качестве предупреждения пару раз дохнул пронизывающим холодом. Я, конечно, и так уже промок до нитки, однако...

Едва мы остановились, дабы найти какое-нибудь укрытие, из тьмы ночной появился Мурген с остальными.

— Верно, — сказал он, — это был Гоблин, только, когда мы добрались туда, он уже смылся. — Подразумевалось, что я понимаю, о чём он говорит. — Костоправ, я понимаю: мы, в Чёрном Отряде, ребята железные; ни дождь, ни снег, ни черные карлики не помешают нам делать что возжелаем, но этот ливень меня доконал. Привед, как ты выразился тогда в Курганье, в определенное состояние. Словом, с меня на сегодня хватит. Тошнит меня уже со всего этого.

Меня эта ночь также доконала. Особенно теперь, когда стихии разгулялись всерьез. И все же...

— Но как же Гоблин?

— Как Гоблин? Давай, Костоправ, заложимся. Этот скверный поросенок сейчас в полном порядке. А-атнюдь не в пример нам. Споришь?

Вот вам пример случаев, когда должность командующего особенно в тягость. И приходится делать выбор, который по всем ощущениям похож на поиск легкого пути. Тут и начинаешь считать, что манкируешь обязанностями.

— Хорошо. Давайте искать дорогу обратно в город.

Я выпустил руку Госпожи. Мы принялись наскоро приводить себя в порядок. Ребята сделали вид, что ничего не замечают. Наверняка те, кто остался в Таглиосе, узнают обо всем еще до рассвета, уж не спрашивайте, как. Слухи — штука такая.

Эх, черт возьми, жаль только, что слухам-то этим опоры нет!..

С первыми серыми проблесками утра мы добрались до той деревушки. Все вымотались зверски — даже наши сказочные скакуны. Мы запихнули их в конюшню, которой хватило бы от силы на поддюжины обычных лошадей, а сами отправились в тесный дом. Я был уверен, что хозяин до смерти обрадуется новым клиентам, да еще — с виду — всю ночь валявшимся в грязи.

Однако старика видно не было. Вместо него из кухни выглянула пухленькая невысокая женщина. Вначале она взиралась было на нас словно на вторгшихся в дом варваров, но тут увидела Госпожу.

Вид Госпожи не обещал ничего хорошего в той же мере, что и наш. В той же мере, можно сказать, сулил недобroe. Однако принять ее за парня было никак невозможно. Стальная клуша кинулась к ней, закудахтала по-таглиосски, потянулась погладить по спине, и мне даже не понадобилось перевода Корди, чтобы понять: «Ох ты, батюшки-светы, как же это такое возможно...», и далее в том же духе. Мы проследовали за ними на кухню.

В кухне тихо-мирно, уютно развалившись в креслице, задрав ноги на полено, лежавшее у очага, и попивая что-то из громадной кружки, обустроился наш друг Гоблин.

— Взять ублюдка! — воскликнул Мурген, притопнув еще ногой, и направился к нему.

Гоблин так и подпрыгнул, но тут же пискнул:

— Костоправ!

— Ты где был, коротышка? Мы там грязь месим, задницу его спасаем от разных мерзавиев, а он тут сидит, пивко погиваёт!

Мурген загнал его в угол.

— Э-э! Не надо! Я просто решил сам сюда добраться!

— Где твоя лошадь? В конюшне одной не хватало, когда мы ставили туда своих.

— Там, снаружи, погода такая мерзопакостная; я с лошади слез и — сразу в дом...

— А для лошади, значит, не мерзопакостная? Мурген, выстави его на двор и не пускай обратно, пока не устроит лошадь как полагается.

Собственно, мы и сами проделали не все, что надо бы, однако хоть под дождем животин не бросили!

— Корди! Когда старая курица кончит причитать над Госпожой, спроси, далеко ли до Майна.

— До Майна? Ты еще не...

— Я еще не. Только вот схаваю чего да сосну пару часиков. За этим я сюда пришел и именно это намерен делать. Твои друзья по каким-то своим резонам втягивают нас в свою игру, и мне это не нравится. И я, если только смогу, проведу Отряд здесь, не встrevая ни в чьи свары.

Он неопределенно улыбнулся:

— Ладно. Как пожелаешь. Только будь осторожен.

Вернулся Гоблин — сконфуженный, смиренный и мокрый.

— Куда дальше пойдем, Костоправ?

— Куда шли. К реке.

— Пожалуй, я сберегу всем силы.

— Сомневаюсь, однако рассказывай. Ты что-то выяснил, пока блуждал в одиночку?

Глаза его сузились.

— Извини. Ночка была — далеко не лучшая в моей жизни.

— Да у тебя, Костоправ, вообще мало хороших времен за последние годы. То ли несварение у тебя от капитанской должности, то ли еще что...

— Да, пожалуй.

Мы уставились друг на друга, и эти «гляделки» я выиграл.

— После того как мы с Госпожой расстались,— начал он,— я проскакал только полмили и тут понял, что карлики не обманулись. Если они не кинулись за мной всем кагалом, значит, у них где-то есть свое колдовство. Я подозревал и раньше — взять хоть, как они всюду поспевали за нами. Тогда я решил: если вернуться к Госпоже не могу, остается только выслеживать того, кто их направляет и руководит. Найти-то его оказалось чертовски легко, и карлики не помешали. Наверное, решили оставить меня в покое, если я брошу Госпожу. Только некоторые держались поблизости. Я к ним обернулся и потратил на них кое-что особенное — для Одноглазого берег, когда в следующий раз с цепи сорвется. Потом дождался, когда перестанут дрыгаться, и пробрался на холм. Там такой холм был, с ямой наверху вроде чаши, и в чаше этой сидели вокруг маленького костерка шестеро. Только было кое-что странное: не разглядеть их никак. Словно смотришь сквозь туман; черный такой туман. Вроде того. Множество маленьких таких... теней, тенечков, что ли. Не больше мыши. Так и кищели вокруг, будто пчелы.

Говорил он так быстро, как только язык позволял, однако я чувствовал, что ему очень трудно описывать виденное. Идеально подходящих для этого слов не было — по крайности, в языках, понятных нам, мирским.

— По-моему, они видели в пламени, что мы делаем, а затем посыпали эти Тени сказать карликам, что с нами делать и как до нас добраться.

— Ага?

— Наверное, тебе повезло, что днем не пришлось столкнуться с ними всерьез.

— Эт-точно.— Мне за глаза хватило и гонки за ходячим шнем.— А ворон ты там, поблизости, не видел?

— Ага.— Взгляд его сделался озадаченным.— И еще как. Лежал я, значит, в той грязи, прикидывал, что у меня еще осталось в загашнике для этих шестерых, и тут, откуда ни возьмись, вороны. Штук двадцать. И все взорвалось, словно дождило из туч не водой, а лигроином. Прилично

их поджарило. Только вороны эти, пожалуй, были не вороны. Понимаешь?

— Нет. Лучше уж объясни.

— Я видел их всего секунду, но они, кажется, просвещивались нас kvозь.

— Да ты все всегда нас kvозь видишь, — проворчал я. Он снова как-то странно на меня поглядел. — Значит, по-твоему, теперь остатки этих карликов просто бродят по окрестностям без всякого смысла? Словно щенки без хозяев?

— Я бы не сказал. Они не глупее нас с тобой. Ну тебе-то уж точно. Просто они лишились своего преимущества.

Хозяйка все еще хлопотала вокруг Госпожи. Она уже успела где-то вымыть ее и залатать одежду. Словно Госпожа нуждалась в заплатах!

— Так как же все это может заменить поездку к Майну?

— Слушай дальше, премногонетерпеливейший наш. Сразу после взрыва явился по моему следу один из тех, кого я полагал приконченными. Скучно ему стало в одиночестве. Вижу: бредет и за голову держится, словно та вот-вот отвалится. Я его и повязал. И еще изловил пару оставшихся бесхозными Теней. Одну малость прибил и послал к Одноглазому, сказать, что мне нужна эта его тварь. А другую Тень научил, как заставить карлика говорить. Когда этот маленький монстр появился, мы порасспросили карлика. Подробно.

— Так Жабомордый здесь?

— Нет, назад отправился. Могаба им там порядок-то навел!

— И правильно сделал. Значит, ты его расспросил. Он ответил?

— Ну, смысла в его ответах не много. Эти карлики — из города под названием Тенелов. Точнее, из какой-то немыслимой сверхкрепости, называемой «Вершина». Их повелитель — один из Хозяев Теней. Длиннотень, как он его назвал. Этот самый Длиннотень дал Тени тем шестерым, в яме на холме. Эти Тени — маленькие и немощные, годны разве что в качестве гонцов. Пожалуй, имелись у них и другие, покрупнее.

— Да-а... Чем дальние, тем забавнее. Ты выяснил, что творится? В общем?

— Этот Длиннотень, что-то задумал. Он и еще несколько подобных стараются не допустить Отряд до своих земель. Карликам не известно, чего они так боятся. Однако он ведет и свою собственную игру. Такое впечатление, что он послал карликов взять тебя с Госпожой и притащить к нему в замок, где он, пожалуй, предложил бы вам некую сделку. Такие вот дела.

За время его рассказа у меня возникли этак сотен пять вопросов. Я принял спрашивать, но Гоблин не знал ответов. Вернее, допрашиваемый их не знал: большинство моих вопросов Гоблин успел задать ему.

— Ну, так как? Пойдем мы к Майну?

— Да. Ты меня не разубедил. И эти коротышки — также. Без своих ворожеев они нам не помеха. Так?

— Ох, наверное,— застонал Гоблин.

— Тогда что за стоны?

— В чем, в чем... Не ехать же вам без прикрытия. А задница — не железная.

Он растянул рот в широкой лягушачьей ухмылке. Я улыбнулся в ответ.

По словам наших хозяев, до Годжийского брода, ближайшей и удобнейшей переправы через Майн, было часа четыре верхом. Лебедь говорил, что на восьмидесятимильном отрезке Майна есть четыре брода: Терийский, Нумсий, Годжийский и Ведна-Ботский. Терийский располагался выше всех по реке. Выше него Майн тек сквозь непроходимые каньоны, слишком крутые и холодные для военных операций. Хотя, по рассказу Гоблина, наши маленькие друзья прошли именно там, дабы не привлечь внимания остальных Хозяев Теней. И по дороге потеряли треть личного состава.

Ведна-Ботский, как ближайший к морю, был полезен лишь в самый сухой сезон.

Восемьдесят миль от Ведна-Боты до моря были непроходимы полностью. Кстати, Ведна-Бота и Тери были деревнями, брошенными во время прошлогоднего втор-

жения Хозяев Теней. Они остались пустыми и поныне.

Нума же с Годжей располагались за Майном, на бывшей таглиосской земле, ныне оккупированной. Годжийский брод был основной переправой. Вдобавок и Лебедь, и Мотер, и Нож были там и рассказали мне все, что могли. Спрашивая их о других бродах, я сделал забавное открытие: каждый из троих не знал, самое меньшее, одного. Х-ха!

— Мы с Гоблином разведаем Годжийский. Мурген, ты с Корди отправишься к Ведна-Ботскому. Шадид с Лебедем — к Нумскому. Зиндаб с Ножом — к Терийскому.

Каждого из троих приятелей я послал в незнакомую ему сторону.

Корди рассмеялся. Лебедь нахмурился. А Нож... Интересно: если сунуть его ногами в огонь, отреагирует?

Мы разъехались. Госпожа, Масло, Ведымак и солдат Зиндаба остались на постоялом дворе, залечивать раны. Гоблин ехал рядом, но почти не разговаривал со мной — только высказал надежду, что уж сегодня погода не испортится. И, судя по тону, надежда его была слабовата.

Лебедь сказал, что слышал, будто Хозяева Теней укрепляют южный берег Годжийского брода. Еще один признак того, что противник двинет основные силы туда. Я от души надеялся, что так и выйдет. На картах место выглядело — лучше не придумаешь.

Через два часа с небес снова заморосило. Настала отличная погода для мрачных мыслей.

Невзирая на вчерашнее приключение, я, казалось, в первый раз был оставлен в покое и получил возможность всласть предаваться унынию. Гоблин был нем, как надгробие, и я ожидал, что в голове сейчас заварятся мрачные раздумья по поводу взаимоотношений с Госпожой, однако она, противу ожиданий, никак не шла на ум. Вместо этого я принял обдумывать, во что же такое я втравил Отряд и влез сам.

Я стоял во главе, однако не управлял. Начиная с посещения монастыря вокруг начали происходить вещи, не поддававшиеся ни управлению, ни осмыслению. Джии-Зле и

плавание по реке только усугубили это. И теперь я чувствовал себя бревном, плывущим по течению. Я лишь слегка представлял себе, кто, что, с кем и зачем делает, однако сам был замкнут этим кругом. Если только это последнее отчаянное усилие не высвободит меня.

Наверняка я знал одно: если позволить Прабриндраху втянуть меня в свои дела, я заведомо примкну «не к той» стороне. Теперь я понял, что чувствовал капитан, когда Душелов заманила нас на службу Госпожи и, прежде чем ребята начали подозревать, что совершили ошибку, мы уже дрались в форсбергской кампании.

Наёмнику нет надобности понимать, что происходит. С него хватит — выполнять работу, за которую платят золотом. Именно это вдалбливали в меня с того момента, как я записался в Отряд. Нет ни правых, ни неправых; ни добрых, ни злых; а есть лишь наши и не наши. Честь Отряда — понятие внутриотрядное, она существует только между братьями. Вне Отряда честь лишь в том, чтобы честно обходиться с нанимателем.

Ничего подобного не происходило до сих пор с Отрядом. В первый раз, в основном моими стараниями, мы дрались в первую голову за себя. Этот же контракт, если мы его примем, будет соответствовать нашим собственным желаниям. Станет нашим орудием. Если я буду действовать в правильном направлении, Таглиос со всеми своими таглиосцами станет орудием исполнения наших желаний.

Хотя на этот счет меня одолевали сомнения. Мне нравилось то, что я наблюдал в таглиосцах, особенно их дух. После всех потерь, понесенных в борьбе за независимость, они все еще были готовы сражаться с Хозяевами Теней. Которые, узнай я их поближе, вряд ли понравились бы мне. Итак, еще до начала дела я нарушил первое правило наёмника и дал волю чувствам. Что с моей стороны глупо.

Проклятый дождь, казалось, затаил против нас личную злобу. Он не усиливался, однако от этого было не легче. К востоку же и к западу от нас виднелись светлые места, явно означавшие чистое, солнечное небо. Боги, если только таковые существуют, видимо, организовали эту пакость специально для меня.

Последние обитаемые места, встреченные нами по пути, лежали в шести милях от Годжийского брода. Далее попадались лишь заброшенные деревни, пустовавшие уже много месяцев. Хотя земли были неплохи. Значит, местные были порядком напуганы, если с концами бросили такие владения. Обыкновенно для крестьян смена повелителя не слишком-то ощутима.

Видимо, те пять тысяч, что бежали на север и не вернулись, знали, от чего бегут.

Земля здесь была ровная, как стол, и дорога, хотя она и в хорошем состоянии, не предназначалась для передвижений войск. Никаких укреплений — ни рукохватных, ни естественных — на глаза не попадалось. Я и подобия их нигде на таглиосских землях не наблюдал. То есть бежать некуда и прятаться, в случае катастрофы, почти негде. И я проникся большим уважением к Лебедю со товарищи, решившимся совершить то, что совершили.

Земля, размокнув, превращалась в глинистую, топкое месиво — сущее испытание для сил и терпения даже моего неутомимого скакуна. К сведению начальника штаба: для битья выбирают ясные, сухие дни.

Точно. И противников заказывать только слепых.

Однако в нашем деле приходится брать что дают...

— Ты чертовски мрачен сегодня, Костоправ, — заметил Гоблин после продолжительного молчания.

— Я? Ты и сам не болтливей булыжника.

— Да, не нравится мне все это...

Он был порядочно встревожен. Замечание его было совсем не Гоблиновым. И значило это, что его тревога бьется в кончиках ногтей.

— Думаешь, не справимся, если возьмемся за эту разведку?

Он покачал головой:

— Не знаю. Может быть. У тебя всегда находится что-нибудь в загашнике. Только устали мы, Костоправ. Утратили вкус к таким делам. А что если мы все сделаем, пронемемся, дойдем до Хатовара, и все закончится просто большим кукишем?

— Ну, это с самого начала не исключалось. Я никогда и не говорил, что выйдет какой-то прок. Просто я полагаю, что это надо сделать, потому что я поклялся сделать это. А когда передам Анналы Мургену, то и с него возьму такую же клятву.

— Наверное, нам больше нечего делать.

— До конца мира и обратно. Вот завершение Анналов.

— Только насчет первой цели я как-то сомневаюсь...

— Я тоже, дружище. Анналы обрываются где-то между событиями в Джии-Зле и Таглиосе. И сдается мне, таглиосцы что-то знают об этом. Но молчат. Надо бы попробовать на них старую отрядную двойную тасовку...

В дожде, надо сказать, было и нечто положительное. Он снижал видимость. Прежде чем я понял, где мы, гребень последнего холма остался позади и мы спускались к Майну и Годжийскому броду. Часовые с южного берега тут же заметили бы нас, будь погода получше. Гоблин получая это первым.

— Приехали, Костоправ. Река — прямо здесь, внизу. Мы осадили коней.

— Чуешь что-нибудь на той стороне?

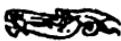
— Люди. Нешибко-то бдят. Только парочка бедных дурачков стоит на часах.

— Как по-твоему, что это за часть?

— Раздолбай. Третьего сорта. Будь у меня время, сказал бы больше.

— Время у тебя есть. Я пока поброджу вокруг и посмотрю.

Место оказалось именно таким, как мне рассказывали. Дорога отлого спускалась к броду, расположенному чуть выше излучины реки. За излучиной с нашей стороны в реку впадал ручей, хотя к нему пришлось спуститься, чтобы убедиться — его загораживала небольшая возвышенность. Ручей, как обычно, зарос по обоим берегам. По другую сторону от дороги также была возвышенность; таким образом, дорога шла по дну неглубокой ложбинки. Выше брода река плавно, широко поворачивала к югу. С нашей стороны ее берег был высотою от двух до восьми футов и

везде, кроме самого брода, зарос деревьями и кустарником.

Все это я облизил и осмотрел тщательнейшим образом, оставив коня на попечение Гоблина за холмами. Подобрался даже к самому броду и полчаса просидел в мокрых кустах, рассматривая укрепления на том берегу.

Нас явно не желали пропускать через брод. По крайней мере, без боя.

Неужели они ожидали нашего появления? Почему?

При помощи старого триангуляционного приема я определил, что высота сторожевой башни крепости достигала примерно семидесяти футов, а затем принялся подсчитывать, что можно обозреть с ее вершины. Закончил только к закату.

— Ну как? Выяснил что надо? — спросил Гоблин, когда я вернулся к нему.

— Пожалуй. Однако не то, что хотелось бы. Если только твои новости не окажутся обнадеживающими. Сможем мы, по-твоему, пробиться через брод?

— При нынешних условиях? Возможно. Когда вода спадет. Если двинемся на исходе ночи и застанем их спящими.

— Когда вода спадет, они еще десять тысяч человек сюда приведут.

— Значит, плохо дело?

— Да. Пойдем поищем, где бы спрятаться от дождя.

— Да я выдержу обратный путь. Если и ты...

— Давай попробуем. Если доедем, хоть выснимся в тепле и сухости. Что ты думаешь о тамошнем гарнизоне? Профессионалы?

— По-моему, лишь слегка получше, чем просто люди, переодетые солдатами.

— И на мой взгляд слишком раздолбайски выглядят. Хотя, возможно, здесь лучших и не требуется.

Прячась у брода, я заметил четверых. И они меня совсем не впечатлили. Как и фортификационные сооружения. У Хозяев Теней явно недоставало профессионалов для обучения солдат, потому-то те и не в лучшей форме.

— Может быть, конечно, мы видели то, что нам жела-ли показать.

— Не исключено.

Интересная мысль, стоявшая, пожалуй, рассмотрения, тем более, что как раз в тот момент я заметил пару здорово изгвазданных грязью ворон на ветке ближайшего ильма. Оглянулся было и в поисках пня — да черт с ним. Придет время — разберемся.

— Гоблин! Помнишь женщину Меняющего Облик?

— Ага. А что?

— В Джии-Зле ты говорил, что знакомо выглядит. Сейчас мне что-то такое в голову пришло... Пожалуй, ты был прав. Мы, точно, где-то сталкивались с нею раньше. Но — хоть убей — не могу вспомнить, когда и где.

— А какая разница?

— Наверное, никакой. Просто привязалась мысль почему-то... Давай-ка здесь налево свернем.

— За каким чертом?

— По карте тут должен быть город, Веджагедхья. Хочу взглянуть.

— Я думал, мы назад возвращаемся.

— Это всего на несколько минут.

— Ладно уж,— пробухтел он.

— По всему выходит, нам придется драться. Надо изучить территорию.

Ответом мне был еще один раздраженный ворчок.

На ходу мы накоротко перекусили. Не часто со мной такое бывает, но в подобные минуты я завидую людям с домами и женами.

За все нужно платить. Местность, по которой мы ехали, была землей призраков. Рука человека видна была повсюду, даже при наступивших сумерках. Некоторые из осмотренных нами домов выглядели так, словно их оставили только вчера. Но людей мы ни разу не встретили.

— Удивительно, что воры этих мест не трогают.

— Одноглазому этого не говори.

Я выдавил смешок.

— Ну, жителям, наверное, хватило ума все ценное забрать с собой.

— Сдается мне, местные готовы платить любую цену...
Судя по тону, он был впечатлен

Я неохотно развел тему уважения к местным:

— А мне сдается, что Отряд — последний их козырь в игре с судьбой.

— Если ты им позволишь.

Впереди показался город Веджагедхья. Некогда он мог бы вместить и тысячу жителей. Теперь он был еще призрачнее окрестных деревень. В деревнях-то жизнь хоть и дикая, но все же встречалась. В городе мы не видели ничего, кроме нескольких ворон, перелетавших с крыши на крышу.

Городские оставили двери незапертными. Мы проверили, наверное, две дюжины домов.

— Вот этот подойдет для штаба, — сказал я.

Гоблин крякнул и через некоторое время спросил:

— Стало быть, решился?

— Начало осмотра местности уже определило решение. Верно? Однако еще посмотрим, что скажут остальные.

Мы поехали на север. Гоблин опять заткнулся, словно закрылся на замок, и у меня появилось время вжиться и глубже прочувствовать предстоящую роль капитана и, возможно, главнокомандующего-воеводы.

Если не остается ничего, кроме как вступать в бой и вести за собой весь народ, надо выставить условия. Я не собирался позволять таглиосцам обдумывать и обсуждать каждое мое решение. Видел я, как мои предшественники допускали подобные безумства. Если уж им удалось подцепить меня на крючок, я их за леску еще потаскаю.

Назвать это можно как-нибудь помягче, однако я намеревался быть военным диктатором.

Именно я, Костоправ. Бродячий военный лекарь и историк-любитель. Вполне способный на все то, что всю жизнь проклинал в князьях...

Мысль оказалась отрезвляющей.

Если мы возьмем прикуп, примем заказ и я получу то, что затребую, придется приказать Сопатому ни на шаг от меня не отходить и постоянно напоминать, что я — всего

лишь простой смертный. Больше он все равно ни на что не годен.

Едва мы приехали в деревню, дождь кончился.

Нет, боги, определенно, питают ко мне особую любовь!

Глава 29 Убежище Копченого

Копченый восседал на высоком табурете, склонившись над огромным древним фолиантом.

Комната была полна книг. Казалось, некая книжная волна пронеслась сквозь нее, оставив за собою озерца. Книги не только стояли на полках — они грудами лежали на полу, на столах и креслах, и даже на подоконнике узкого высокого окна. Копченый читал при свете единственной свечи. Воздух в комнате был так густо насыщен дымом, что глаза Копченого слезились, а из носу текло.

Порою он бурчал что-то себе под нос и левою рукой — так как был левша — делал заметки на клочке бумаги.

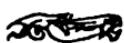
Во всем дворце не было комнаты, лучше защищенной от слуха и взора посторонних. Копченый сплел множество колдовских паутин и возвел целые стены из заклинаний, дабы обеспечить покой. Предполагалось, что об этой комнате не должен знать никто. Ее не было ни на одном из планов дворца.

Копченый почувствовал, как что-то очень легкое, не тяжелее комара, коснулось внешних защитных чар. Прежде чем он успел уделить этому больше внимания, нечто пропало, так что он даже не смог убедиться, не почудилось ли ему. После инцидента с летучими мышами и воронами у него здорово усилилась мания преследования.

Интуиция подсказывала, что осторожность отнюдь не повредит. В дело включились силы, превосходящие его возможности. Лучшим его оружием был простой факт: о его, Копченого, существовании никто не знал.

Он от души надеялся на это.

Последние дни сделали его весьма пугливым. Каждая тень вокруг кишела ужасом.

Дверь отворилась. Подпрыгнув, он тоненько заверещал.

— Копченый!

— Ты напугала меня, Радиша.

— Копченый, где они? От Лебедя нет никаких вестей. Они ушли с концами?

— Оставил здесь большую часть своих? Имей терпение, Радиша.

— Мое терпение иссякло. Даже брат начал беспокоиться. До того, как спадет вода, осталось всего несколько недель.

— Я знаю это, моя госпожа. Сосредоточься на том, что ты в силах свершить, а не на том, что свершить хотелось бы. Все возможные силы были применены к ним, но мы не можем склонить их помогать нам.

Радиша пихнула ногой груду книг на полу.

— В первый раз чувствую себя столь бессильной. И чувство это не нравится мне.

Копченый пожал плечами:

— Добро пожаловать в мир, где все мы, прочие, обитаем.

Маленькое — не шире булавочного острия — отверстие в верхнем углу комнаты вдруг принялось источать черный дым. Вскоре дым принял форму маленькой птицы. Вороны.

— Чем заняты остальные?

— Военными приготовлениями. На всякий случай.

— Интересно... Тот черный офицер, Могаба... Он способен стать настоящим капитаном?

— Нет. Зачем?

— Он делает то, чего хотелось бы мне. Судя по его действиям, они намерены служить нам.

— Вот как... Значит, если их Капитан вернется, убедившись, что они не смогут ускользнуть, то за время его отсутствия они здорово опередят нас.

— Что же, он готовится бежать назад? На север?

— Ну конечно!

Радиша заметно встревожилась.

— Ты набралась духу обойтись с ними решительно? — улыбнулся Копченый.

От ее взгляда колдуна пронзило холодом,

— Пожалуй, нет. То есть для княжеского пути. Слишком это просто, слишком прямо, логично и честно.

— Ты становишься дерзок, Копченый.

— Возможно. То, как я получил полномочия от твоего брата, должно иногда напоминать тебе...

— Достаточно.

— Они — именно то, чем кажутся. Они в абсолютном неведении относительно своего прошлого.

— Я знаю. Но разницы — никакой. Они могут стать тем, кем были, если мы допустим это. А мы скорее преклоним колени перед Хозяевами Теней, чем еще раз вынесем такое.

— Как угодно.— Копченый пожал плечами.— Может быть.— Он слегка улыбнулся.— И несомненно, как будет угодно Хозяевам Теней.

— Ты что-то узнал?

— Я связан необходимостью оставаться незамеченным. Но я разглядел кое-что из похождений наших северных друзей. Они столкнулись с карликами, подобным тем, на реке. Ужасные вещи творились невдалеке от Майна.

— Колдовство?

— И высочайшего разбора! Вспомни, что рассказывали о их столкновении с речными пиратами по дороге в Треш. Далее я просто не решился подглядывать.

— Проклятье! Проклятье!!! С ними все в порядке? Или мы потеряли их?

— Я не решился вмешиваться далее. Время покажет.

Радиша в бешенстве пнула еще одну груду книг. Невозмутимое дотоле лицо Копченого исказилось в гримасе сильного раздражения.

— Извини,— сказала она.— Просто я разочарована.

— Как и все мы. Возможно, разочарование твое уляжется, если ты удовлетворишь свои амбиции.

— О чём ты говоришь?

— Возможно, если ты пойдешь путем своего брата — то есть в одно и то же время будешь подниматься лишь на одну вершину...

— Ба! Неужели я, женщина, единственный кандидат на этот насест?

— С тебя, женщины, не спросят за неудачу. Платить за нее придется твоему брату.

— Будь проклят ты, Копченый! Почему ты всегда оказываешься прав?

— По условиям контракта. Отправляйся к брату. Переговори с ним. Разочти все. Сосредоточься на враге сегодняшнем. Хозяева Теней могут уйти. Жрецы не денутся никуда. Если, конечно, ты не возжелаешь разделаться с ними настолько, что пойдешь на то, чтобы сдаться Хозяевам Теней.

— Если бы обвинить хоть одного из первожрецов в измене... Ладно. Я понимаю. Хозяева Теней показали, что знают, как поступать с попами. Но, кроме меня, этого никто не заметил. Если наберешься смелости, выясни, что там произошло. Если они погибли, нам придется торопиться. Этот треклятый Лебедь поехал за ними следом, так?

— Ты ведь послала его.

— А какого черта все будут выполнять то, что я прикажу? Иногда я такую дичь несу... Прекрати улыбаться.

Копченому это не удалось.

— Пни еще одну кучу книг.

Радиша в гневе вышла из комнаты.

Копченый со вздохом вернулся к чтению. Автор книги с любовью, пространно, описывал сажания на кол, сдирание кожи и прочие пытки, с чем довелось познакомиться бессчастному поколению, что жило во времена похода Свободные Отряды Хатовара, из того странного уголка мира, что породил их.

Книги, собранные в его комнате, были конфискованы, дабы не попасть в руки Черного Отряда. Однако Копченый сомневался, что наличие их у него останется в секрете навсегда. Но может быть, тайна продержится достаточно, чтобы дать ему время предотвратить повторение кровопролитных старых времен. Может быть...

Величайшая из его надежд, однако, заключалась в том, что Отряд со временем переменился. Что он не просто налепил безобидную маску. Что он, на самом деле, забыл

свое мрачное прошлое, а поиск его — более инстинкт, нежели определенное решение вернуться, как в случаях с прочими, уже вернувшимися раньше в Хатовар, Отрядами.

Где-то в дальнем уголке сознания постоянно шевелилось, не давая покоя, искушение последовать собственному совету, привести сюда этого Капитана и позволить всласть рыться в этих книгах. Просто так, да посмотреть, как он воспримет истину.

Глава 30 Таглиос пробуждается

Мы достигли Таглиоса на рассвете, через день. Все пребывали на грани срыва, причем Лебедь с приятелями чувствовали себя еще хуже остальных. Их обычные коняшки были совсем загнаны. Я спросил Лебедя:

— Думаешь, Прабриндрах плонет на мою непунктуальность?

В Лебеде было немного перцу.

— А какого хрена ему остается? Клопов тебе в рубаху подбросить? Проглотит и не поморщится. Вот Бабы — бойся. Она неприятностей устроить может. Если вообще хоть кто-то может. У нее не всегда с головой порядок.

— Попы, — сказал Нож.

— Ага. И попов берегитесь. С того самого дня, как вы прибыли, это все против них заваривается. Они ничего такого сделать не могут, разве что тоже ввяжутся в заваруху. Но подумать об этом — подумают, хоть на собственную задницу закладывайся. Как найдут возможность, так и начнут путаться под ногами.

— А с чего Нож их так не любит?

— Не знаю. И знать не желаю. Однако я тут довольно долго, и так полагаю, он прав. Утопить хоть половину — мир бы лучше стал.

Что делало наше положение просто невообразимым с военной точки зрения — это полное отсутствие оборонительных сооружений. Таглиос раскинулся по своим землям слишком уж вольготно, а фортификаций не было и помину.

Народ со столетиями паутизма за спиной... И враг с обученными армиями при поддержке мощной магии. И я с месяцем на раздумья, как помочь первому одолеть второго.

Нет, невозможно. Немыслимо. Когда вода в реке спадет настолько, что неприятель сможет переправиться сюда, выйдет просто-напросто массовая резня.

— Так ты уже решил, что будешь делать? — спросил Лебедь.

— Ага. Хотя Прабриндраху мое решение не понравится.

Ответ его удивил. Я не стал ничего объяснять. Пусть его понервничает. Отведя своих в казармы, я отослал его объявить о нашем возвращении. Не успели мы сойти с седел, вокруг собралась половина Отряда. Все ждали, что мы скажем.

— Пожалуй, Гоблин для себя уже решил, — заметил Мурген.

Маленького нашего колдуна что-то терзало. Всю дорогу домой он был мрачнее тучи. Теперь же он с улыбкой принялся копаться в своих сумах.

Ко мне подошел Могаба.

— Мы порядочно продвинулись вперед за время вашего отсутствия, Капитан. Я отдам подробный отчет, когда вы сможете принять его.

Своего вопроса он так и не задал.

Но я не видел нужды тянуть с ответом.

— Пробраться тайно мы не сможем. Нас обложили. Либо принимать бой, либо поворачивать назад.

— Значит, выбора нет, верно?

— Пожалуй, с самого начала не было. Но следовало убедиться самому.

Он понимающие кивнул.

Прежде чем заниматься делами, я осмотрел раненых. Госпожа оправилась быстро, хотя синяки не делали ее привлекательнее. Странно я себя чувствовал, осматривая ее. Она почти не разговаривала со мною после нашей ночи под дождем. Она снова погрузилась в продолжительные раздумья.

Могаба многое поведал мне о спорах с религиозными лидерами Таглиоса и своих соображениях по поводу армии. Ничего, заслуживающего неодобрения, я в его рапорте не нашел.

— И еще одно, — сказал он. — Жрец по имени Джакамарадж Джаках, номер два в культе Шадара. У него есть дочь, будто умирает. Похоже, предоставляется возможность заручиться другом.

— Или нажить злейшего врага.

Никогда не стоит недооценивать могущество человеческой неблагодарности.

— Одноглазый видел ее.

Я взглянул на нашего ведуна-недомерка.

— По-моему, просто аппендиц виноват, — пояснил он. — Далеко пока что не зашло, но эти здешние клоуны ни хрена ведь не смыслят. Пытались демонов из нее изгонять.

— Я уже много лет никого не вскрывал. Когда должно быть прободение?

— По крайности, завтра, если только не случится крупного невезения. Боль я как мог унял.

— На обратном пути из дворца погляжу. Сделай мне карту... Нет, лучше езжай со мной. Можешь пригодиться.

Мы с Могабой оделись для появления при дворе. Госпожа должна была сделать то же.

Лебедь, еще даже не умытый с дороги, появился сопровождать нас к князю. Мне уже не хотелось ничего на свете, кроме как вздрогнуть. Я вовсе не готов был к политическим игрищам. Однако поехал.

Народ Трого Таглиоса как-то прознал, что близок момент принятия решения. Едва ли не все вышли на улицы взглянуть на нас. И все хранили молчание, отчего мне сделалось не по себе.

В глазах, устремленных на нас, ясно читался ужас, но и надежда. Все знали, насколько велик риск. Может, даже понимали всю тяжесть своего положения. Жаль только, не понимали, что поле боя — малость не то, что борцовский ринг...

Во всеобщей тишине заплакал ребенок. Я вздрогнул и от души понадеялся, что это — не знамение. А когда мы

подъезжали к Трого, из толпы выступил старик, вложил что-то в мои пальцы и с поклоном отступил назад.

То была наша отрядная кокарда старых времен. Офицерская кокарда; возможно, трофей какой-то забытой битвы. Я укрепил ее рядом с той, какую уже имел,— огнедышащим черепом Душелова, еще сохранившимся у нас, хотя мы более не служили ни Взятым, ни Империи.

Мы с Госпожой были одеты в самое лучшее: на мне красовались все регалии имперского легата, а Госпожа облачилась в свой имперский наряд. На толпу мы произвели впечатление. Могаба рядом с нами выглядел просто-напросто неряшливо. А уж Одноглазый — вовсе огрязком, выкопанным из самой глубокой ямы на самой грязной свалке. Но счастлив он был — точно улитка в скорлупе.

— Зрелищность,— напомнила мне Госпожа мою же старую максиму, хотя и в несколько ином смысле,— это мощнейшее оружие как в бою, так и в политике.

Она понемногу оживала. Я уж думал, смуглые карлики совсем вышибли из нее волю к жизни.

Она была права. Орудиями нашими будут показуха и ремесло — и не только в традиционном смысле. Если уж идти против опытных солдат Хозяев Теней, то нужно одержать победу над их воображением. Не один век требуется на создание отряда с такой уверенностью в себе, которая позволяет, невзирая ни на что, идти и побеждать.

Несмотря на наше опоздание, Прабриндрах Драх встретил нас весьма гостеприимно. Угостил обедом, какого я впредь и увидеть-то не надеюсь, а затем перешел к зрелищам. Танцовщицы, глотатели сабель, фокусники, музыканты, чья музыка показалась моему слуху слишком уж непривычной... Он не спешил получать ответ, будучи уже осведомленным. В течение вечера Лебедь представил мне кое-кого из первых персон Таглиоса, включая и Джакамараджа Джака. Последнему я сказал, что осмотрю его дочь, как только освобожусь. Благодарность на лице его меня здорово сконфузила.

В остальном я не уделил этим людям внимания. Не было у меня никакого желания обстряпывать какие-либо сделки.

И вот время пришло. Нас пригласили в тихий кабинет, подальше от глаз и ушей толпы придворных. Поскольку со мною прибыли два лейтенанта, Прабриндрах тоже пригласил с собой двоих. Одним оказался тот самый чудак, Копченый, его князь представил по титулу. В переводе: Лорд-хранитель общественной безопасности. Что, пожалуй, должно было означать «начальник городской пожарной команды».

Только Одноглазый не сумел удержать серьезное выражение на лице.

Второй лейтенант Прабриндраха оказался его загадочной сестрицей. Когда они оказались сведены вместе, стало очевидным, что она старше и, пожалуй, посильнее. Даже приодетая, она выглядела словно на ней минуту назад воду возили.

Когда Прабриндрах спросил о моих спутниках, я представил Могабу как командующего моей пехотой, а Госпожу — как начальника штаба. Сама идея женщины-солдата изумила его. Интересно, как бы он удивился, узнав ее подлинную историю?

Госпожа искусно скрыла удивление неожиданному назначению. Скорее для нее, чем для Прабриндраха, я сказал:

— В Отряде нет никого более квалифицированного. За исключением Капитана, все должности замещаются наиболее достойными.

Лебедь переводил и при этом скомкал конец ответной реплики Прабриндраха, который, по-моему, означал несколько ограниченное согласие. Его собственным мозговым трестом, покоже, являлась сестра.

— Давай к делу, — сказал я Лебедю. — Если мы намерены отражать нападение, времени у нас весьма и весьма мало.

Тот улыбнулся:

— Значит, собираешься принять заказ?

Ты же, шакал, в этом ни минуты не сомневался.

— Ты, парень, с надеждами повремени. Я хочу сделать контрпредложение, и обсуждаться оно не будет.

Улыбка его пропала.

— Не понял.

— Я осмотрел земли. Я говорил со своими людьми. Несмотря на ситуацию, многие хотят продолжать путь. Мы знаем, что делать для достижения Хатовара. И потому решили принять работу, предложенную вашим князем. Но возьмемся мы за нее только на наших условиях. Объясни ему это, а затем я перейду к плохим новостям.

Лебедь перевел. Прабриндраха услышанное вовсе не порадовало. Сестра его выглядела так, словно вот-вот кинется драться. Лебедь обратился ко мне:

— Выкладывай.

— Если уж мне придется набирать армию из всякого мусора и командовать ею, мне нужна власть делать это. Главным должен быть я. Вмешательство кого-либо другого недопустимо. Никаких политических сvar. Никакой культовой неприязни. И даже никакой княжьей воли, пока длится война. Не знаю, имеется ли таглиосское слово, описывающее то, что мне нужно, да и на розеанском такого не помню. В Самоцветных Городах нужные мне полномочия называют диктаторскими. Диктатора там выбирают, в случае нужды, примерно на год. Переведи.

Был ли Прабриндрах рад услышанному? Еще бы! Насколько это возможно для князя в таком положении. Он принял за крючкотворство, стараясь запутать меня разнообразнейшими «если», «также» и «но». Я лишь улыбался в ответ.

— Я уже сказал, что торговаться не намерен, Лебедь. И я действительно не намерен. Единственный шанс добиться победы — сделать то, что должно быть сделано, в надлежащие сроки. То есть не позднее чем через шесть недель перышки должны быть почищены, большие-малые нужды — спралены, тогда птичка куда-то да полетит.

Могаба широчайше улыбался. Услышанное его весьма развескало. Наверное, он всегда хотел вот так разговаривать с властями Джии-Зле.

— Как мне было сказано, — продолжал я, — через пять недель вода в реках спадет настолько, что Хозяева Теней смогут переправить войска на нашу сторону. Внутренних проблем, могущих помешать им, у них нет. На их стороне — все мыслимые преимущества, кроме Черного Отряда. Итак, если Прабриндрах желает хотя бы надеяться на победу, ему придется обеспечить мне возможность выиграть. Если нет — мне остается только распрошаться и искать другой путь в Хатовар. Я не самоубийца.

Лебедь перевел. Мы, крепкие, неподатливые профессионалы, сидели молча. Госпожа с Могабой были на высоте. Я боялся, что нервы не выдержат и взорвусь, однако не пришлось. Прабриндрах не отважился пробовать мой блеф на прочность. Он спорил, да, но не так уж упрямо, чтоб я мог выйти из себя и затопать ногами. Я не поддался ни на дюйм. И искренне верил, что единственный, да и то призрачный, шанс заключен в абсолютной военной диктатуре. И благодаря Жабомордому был малость в курсе их внутренних бесед.

— Эй, Лебедь! Может, эти ребята влипли куда сильнее, чем показывают?

— Что?

Он нервно покосился на беса.

— Твой хозяин не пытается меня уговорить. Он крючкотворствует, политиканствует и вообще попусту тратит время. Такое чувство, что в глубине души он до смерти перепуган. Он соглашается со мной. Только не желает делать выбор из двух зол. Потому что после придется жить с этим выбором.

— Ага. Может быть. Хозяева Теней придут, помня, как мы управлялись с ними прошлым летом. Возможно, захотят остеречь остальных на нашем примере.

— Мне нужны все, участвовавшие в том деле. Будут командирами взводов. Если, конечно, главнокомандующим буду я.

— Есть древнее таглиосское слово, наподобие воеводы. То есть ты держи свою линию, об этом будет уйма споров на совете. Первожрецам это не понравится, однако выбирать им не из чего. Попов Хозяева Теней в случае победы

первым делом сотрут в порошок. И князь может навязать им любую сделку. Они боятся. Здорово. Вот после того, как ты победишь, тебе придется тут.

Итак, все, что от меня требовалось, это — сидеть и не поддаваться. Но в этом Жабомордый заверил меня еще перед выездом на совещание.

Треклятый бес ухмыльнулся и подмигнул мне.

Время шло к ночи, и пора было уже снова поесть, однако мы были заняты скреплением пакта.

В первый раз с самой Арчи Отряд получил настоящий заказ.

Или же — наоборот.

Прабриндрах пожелал узнать, что я намерен предпринять. Он вовсе не был дураком. Он знал, что Могаба работал по двадцать часов в сутки.

— В основном — организовать большое красочное представление для тех банд, что придут из-за Майна. Одновременно, на черный день, то есть на случай, если справимся с первой волной, навербовать и обучить побольше рекрутов. Когда займемся этим вплотную, будем смотреть, какими ресурсами располагаем и как их лучше всего задействовать. Вычистим Таглиос от вражеской агентуры и постараемся заслать к противнику свою. Получше изучим вероятные места боевых действий. Лебедь, тут все твердят о том, как мало времени до спада воды в реках. А сколько вообще длится этот спад? Сколько времени до следующего разлива?

Он перевел мои слова, затем сказал:

— Еще шесть-семь месяцев воды не хватит, чтобы перекрыть броды. Даже после начала сезона дождей броды еще два-три месяца проходимы.

— Чудесно. Мы прибыли в разгар безопасного сезона.

— Около того. Может, у нас и больше пяти недель.

Пять недель — по самым худшим оценкам.

— Значит, на них можно твердо рассчитывать. Скажи ему: нам понадобится много помощи от государства. Нужны: оружие, доспехи, лошади, пайки, подводы, обозы и прочая снасть. Потребуется перепись всех мужчин от шестнадцати до сорока пяти, с указанием профессий и состо-

яния. Я должен знать, кого призывать на службу, если не хватит добровольцев. Неплохо бы переписать и лошадей. Такоже и все наличное оружие и снасть. Нужны фортификационные сооружения и места, возможные для использования в качестве крепостей. Обо всем этом ты с прошлого лета должен знать многое. Ты умеешь писать на местном языке?

Он перевел и ответил:

— Нет, азбуке так и не выучился. Собственно, я и по-розеански никогда не учился.— Он ухмыльнулся.— И Корди — тоже.

— А Нож?

— Шутишь?

— Ч-чудесно. Тогда отыщи того, кто умеет. Если будет из соглядатаев Радиши — ничего. Двух зайцев убьем. Оба будете со мной неотлучно, пока я не выучу язык. Ладно... Что мне от князя нужно сию же минуту: следует оповестить жителей, что сбор добровольцев состоится на площади Чандри завтра, через час после рассвета.— Чандри находилась поблизости от наших казарм и была одной из самых больших в Таглиосе.— Пусть несут с собой любое оружие и амуницию, у кого есть. Нам понадобятся двадцать пять тысяч для немедленного обучения, а остальных наберем позже.

— Ты, может быть, слишком оптимистичен.

— А я-то полагал, местным просто не терпится отправиться на войну...

— Это так. Но завтра у гуннитов — святой праздник. Культ Гунни исповедуют четыре десятых всех бедняков. Хотя, когда эти засядут праздновать, остальным тоже делами не заняться.

— Какие еще праздники в военное время? Лучше начинать привыкать сразу. Кто не явится, тем придется тяжелее. Отстанут от прочих. Пусть князь оповестит всех: кто запишется первым, тому будет куда как лучше. Но все начнут с самого низа. Даже он сам, если запишется добровольцем. Здешней классовой структуры я не знаю и знать не хочу. Самого князя поставлю рядовым копейщиком, а пацана с фермы — командовать легионом, если справится лучше.

— Такой подход может создать трудности, Капитан. Если даже тебя выберут богом, с попами надо поосторожнее.

— С ними я разберусь, если потребуется. И с политиками управлюсь. Когда нужно, я могу и руки выкручивать и по шерстке гладить, хотя обычно с этим не связываюсь. Скажи князю: пусть покрутится в моей штаб-квартире: Все пойдет гляже, если наши будут думать, что он участвует в деле.

Лебедь заговорил с князем. Радиша испытующе взиралась на меня и улыбнулась, что означало: она понимает, что у меня на уме. Бесенок в моем характере заставил меня подмигнуть.

Улыбка ее сделалась шире.

Я решил, что о ней стоит разузнать поподробнее. Нет, не оттого, что она меня привлекала, просто ее образ мыслей мне, пожалуй, нравился. Люблю людей со здоровой долей цинизма.

Ну а старина Копченый, так сказать, местный брандмейстер, весь вечер только и знал, что кивать да не засыпать. Я, будучи циником, отвел ему должность уполномоченного по связям с общественностью. Вообще, лучше всего такие, кто не путается под ногами и не толкает под локоть. Для всех постов, кроме моего.

— На сегодня осталось только одно,— сказал я Лебедю,— финансовая часть. Черный Отряд обходится недешево. Как и набор, вооружение, обучение и содержание армии.

— Все будет оплачено, Капитан,— ухмыльнулся Лебедь.— Они сразу, как только ваше появление было предсказано, принялись копить деньги. Здесь проблем не возникнет.

— Здесь они всегда возникают.

Он разулыбался:

— Ты потратить этого всего не сможешь. Считай, бочка с деньгами — бездонная. Здесь казной распоряжается Баба, которая всем известна своей бережливостью.

— Хорошо. Спроси князя, что он еще желает узнать прямо сейчас. У меня много дел.

Последовала говорильня еще примерно на час. Ничего важного: просто Прабриндрах с Радишей пытались вызнать, что я намерен делать, составить представление о моем характере и компетенции. Передавать чужестранцу власть над жизнью и смертью в масштабах государства — для них было словно рискованная, затяжная игра. Пожалуй, организую я кое-что в помощь их тайным планам.

Я дошел до крайней точки нетерпения, однако был горд собою. Наконец-то я управлял положением!

По дороге домой, без всяких толп вокруг, в ночной темноте, я спросил Госпожу:

— Мы можем рассчитывать на помощь Меняющегося Облик?

— Он сделает то, о чем я попрошу.

— Точно?

— Не то чтоб абсолютно... Но, пожалуй, сделает.

— Может он провести разведку в землях Хозяев Теней? Оборотившись во что-нибудь летающее?

— Может быть,— улыбнулась она.— Только ему не хватит сил везти на спине тебя. Я же тебя знаю — ты ничьим рапортам, кроме собственных, не веришь...

— Ну-ну...

— Здесь придется рисковать, дабы не упустить никаких шансов. Доверься ему насколько сможешь. Если я буду командовать им, он будет служить мне. Однако он мне **не** раб. Теперь у него есть собственные цели. И они могут не совпадать с твоими.

Я решил, что представляется удобный случай проникнуть в то, вокруг чего я брожу с тех пор, как застал ее играющей с огнем в чашке, в виду Джии-Зле.

— Ну а твой возобновившийся дар?

Застать ее врасплох не удалось.

— Шугиши? Я, может быть, справлюсь с Гоблином, если подползу поближе и тресну его молотком. В остальном от меня — никакой пользы. Конечно, даже крохотный дар может быть полезен, если его развить. Но у меня нет времени упражняться.

— Я думаю, каждый просто сделает все, на что годен. В разговор вступил Могаба:

— У меня возникла идея по поводу решения проблемы религиозных трений. По крайней мере, временного решения.

— Кстати о религии. Надо резать дочурку этого попа. Одноглазый, мне понадобится твоя помощь. Могаба, излагай.

Идеи его были ясны и прямолинейны. Мы можем поднять собственную армию, наплевав на все религии, и с нею отражать нападение на главном направлении. Можем также вдохновить культовых лидеров на сбор собственных армий, дабы противостоять возможным атакам со второстепенных переправ. Однако ни за что нельзя отдавать в чужие руки полномочия верховного главнокомандующего.

Я рассмеялся:

— Такое ощущение, что ты хочешь добиться повторения прошлогоднего краха, когда...

— Ничто не разоружит их так надежно, как провал и демонстрация полной некомпетентности. Я считаю, мы должны предоставить им такую возможность.

— С виду — неплохо. Продумай пару вопросов для новобранцев, чтобы выяснить их культовые обеты, вертерпимость и прочее в этом роде. А пока скажи-ка, как найти дом этого Джахамарааджа Джаха?

Глава 31

Таглиос превращается в военный лагерь

Ох, как давно не отваживался я на полостную хирургию! Еще до начала операции у меня начали дрожать руки, а в голове возник целый рой сомнений. Однако привычка взяла свое. А Одноглазый, подавив натуральную тягу к размножению, применил свои таланты на благо общества, останавливающая кровотечение и успокаивая боль.

За мытьем рук я сказал:

— До сих пор не верится, что все сошло гладко. Я же, можно сказать, с юных лет такого не делал.

— Оправится, думаешь? — спросил Одноглазый.

— Должно быть. Если не даст осложнений. Тебе следует осматривать ее каждый день, ради уверенности, что все идет как надо.

— Слыши, Костоправ, у меня тут такая мысль... Может, ты мне метлу купишь?

— Зачем?

— Будет мне нечего делать — стану чистоту наводить...

— Пожалуй, я и себе метлу куплю.

Я наскоро, через Жабомордого, переговорил с родителями девочки, втолковав им, что от них требуется. Благодарность в них малость приугасла. Я и с самого начала сомневался в ее долговечности. Таков уж есть человек. И все же, уходя, я сказал отцу, что рассчитываю на нее.

— Все, что угодно!

— Это будет не пустяк. Когда придет срок.

Он понял меня. И лишь мрачно кивнул.

Мы уже выходили на улицу, когда Одноглазый сказал:

— Глянь-ка!

Я опустил глаза. На земле, разложенные аккуратным равносторонним треугольником, лежали три мертвые летучие мыши.

— Может, ребятам и не чудилось...

Сами трупы выглядели отнюдь не аккуратно.

Где-то неподалеку каркнула ворона.

— Принимаю помощь отовсюду, где нахожу, — пробормотал я про себя. — Одноглазый! Ты сможешь заставить летучую мышь следить за людьми?

— Я — нет, — отвечал он, поразмыслив. — Однако это возможно. Хотя — мозгов у них маловато...

— Это — все, что мне нужно знать.

Кроме того, кто управляет мышами? Следует полагать, это Хозяева Теней.

Теперь и для меня началась работа по двадцать часов в сутки. В свободное время я учил местный язык. Языки, стоит только заложить основу, идут легко. Ну уж всяко легче.

В организации обороны мы держались принципа: чем проще, тем лучше. Все свидетельствовало, что Хозяева Теней воспользуются Годжийским бродом как основной пе-

реправой. От обороны прочих бродов я отрекся в пользу культовых лидеров, а сам сосредоточился на том, что, по моему мнению, было необходимым для препятствования перемещению основных сил врага. Если они переправятся и двинут на север, нам, боюсь, придется повторять кампанию Лебедя. То есть платить за победу по высочайшей цене.

Начал я с формирования двух кадровых легионов, основываясь на модели Драпгоценных Городов — из тех еще времен, когда армии их состояли из простых граждан с минимумом воинского опыта. Структура командования была самой простой из возможных: чисто пехотная. Могаба получил в подчинение всю пехоту и, помимо того, занял должность командира первого легиона. Его лейтенант, Очиба, получил второй. Каждый взял по десятку наров для сержантского состава, а каждый десяток отобрал из таглиосских добровольцев по сотне кандидатов. Таким образом, в каждом легионе образовалась база для наращивания личного состава с той же быстротой, с какой только нары смогут учить местных ходить строем. Могаба взял для штабной работы Сопатого и Когтя с Сердцем. Я не знал, куда еще можно деть этих троих. Они, конечно, горели желанием работать, однако практической ценности не представляли.

Зиндаб с остальными нарами формировал третий легион — учебно-резервный, который я собирался использовать лишь в самой отчаянной ситуации.

Масло, Ведьмака, кавалергардов и рои я определил на приведение в надлежащий вид кавалерии.

Ваше Сиятельство, Шандал, Клетус и остальные опальцы с бериллыами возглавили саперов, квартирмейстеров и прочее в том же роде. Ведьмаков племянник держался при дяде: еще один, ни на что не годный.

Все делалось, главным образом, по рекомендациям, разработанным Могабой во время моего разведрейда. Кое с чем я не был согласен, однако посчитал за грех расточать впустую то, что он сделал. Все равно надо было что-то делать. И незамедлительно.

Он все просчитал. Легион Зиндаба будет готовить солдат для двух ведущих, но сам — развиваться медленнее. В

то, что мы сможем собрать более трех легионов, пока не разовьем достаточно местных талантов, он не верил.

Ну а Госпоже, Гоблину с Одноглазым и мне осталось все остальное. Все важнейшее и интереснейшее, вроде переговоров с Прабриндрахом и его сестрицей, организации поисков годных к употреблению местных колдунов, определения стратегии, плюс еще множество хитрых штучек. Могаба-то, добрый такой, оставил мне только стратегию да прочую штабную деятельность...

Хотя все шло, как должно. Я не уставал удивляться его компетентности.

— Гоблин! — сказал я. — Пожалуй, тебе следует возглавить контрразведку.

— Х-хе! — всхрипал Одноглазый. — Там ему самое и место.

— Бери Жабомордого, когда понадобится.

Бес застонал. Работать он вообще не любил.

Гоблин самодовольно улыбнулся:

— Я, Костоправ, в этой зверушке не нуждаюсь.

Это мне очень не понравилось. Коротышка Гоблин, очевидно, что-то затевал. С тех самых пор как мы вернулись в город, он даже во сне излучал самодовольство. Значит, беда близко. Они с Одноглазым так поглощены своей распрай, что склонны забывать обо всем остальном мире.

Ладно, время покажет, что там с ним такое.

— Делай как хочешь, — сказал я. — Пока делаешь все как нужно. Опасных агентов Хозяев Теней вывести из строя. С краткосрочниками организуй так, чтобы скармливали хозяевам ложную информацию. Еще нам следует хоть одним глазком, да приглядывать за высшими жрецами. Они склонны доставить нам неприятности, едва поймут, как. Такова уж человеческая натура.

Госпожу я назначил командовать внешней, показной деятельностью, а также планированием. Я уже определил, где встречусь с противником, и еще до того, как подготовлю то, чем его встречать. Ей я велел разработать детали. Как тактик она лучше меня. Имперскими армиями, помнится, командовала с успехом, достойным всяческого изумления.

Я хорошо понимал, что немаловажная часть работы Капитана заключается в передаче полномочий. А гений Капитана — в том, чтобы поручать каждое дело тому, кто справится с ним лучше всех прочих.

У нас осталось около пяти недель. И время все убывает, убывает и убывает.

И в шансы наши мне, надо сказать, не верилось.

Недосыпали все. Общая раздражительность резко повысилась. Но так уж всегда в нашем деле. С годами привыкаешь понимать это и сглаживать. Могаба регулярно докладывал, что у него дела идут великолепно, однако мне никак не хватало времени на осмотр его частей. Ведьмак с Масло были не столь довольны своим прогрессом. Их рекрутты были набраны из классов, понимавших дисциплину как нечто приличествующее лишь их подчиненным. Пришлось Масло и Ведьмаку, в целях приведения людей к надлежащему послушанию, прибегнуть к пинкам под зад. Они подкинули пару интересных идей, вроде усиления кавалерии слонами. Княжеская перепись домашнего скота выявила наличие нескольких сотен рабочих слонов.

Я же постоянно носился по городу, более политиканствуя, чем командую. Где возможно, я не прибегал к диктатуре, предпочитая убеждать, однако двое из первожрецов чаще всего не оставляли мне выбора. Я им: «черное», они мне: «белое» — просто, чтобы показать, что хозяевами Таглиоса полагают исключительно себя.

Будь у меня время, я бы поспорил с ними. Но, за неимением такого, не стал и возиться. Я собрал их и их первых помощников и в присутствии князя с сестрой сказал, что на позы их мне плевать, что неповиновения я не потерплю, а те, кто не желает умирать, должны повиноваться Костоправу. Если им это не по нраву, пусть пробуют на мне любое из своих безумств, после чего немедля будут изжарены на медленном огне перед всем народом.

Популярности мне это не прибавило.

Вообще-то, здесь я больше блефовал. В случае надобности, конечно, так и сделал бы, но не думал, что до этого дойдет. Горячий нрав мой должен был устрашить их на

время, пока я занят делом. А вот после отражения нападения придется их опасаться.

Никогда не следует отступаться от позитивизма в мышлении.

Это я — себе.

Я бы умер с голоду, съедай я по фунту хлеба каждую минуту, в продолжение которой верил бы в наши шансы.

Несколько человек доставили верные новости о том, что игра началась. Пошли слухи, что некоторые храмы закрылись за недостатком посетителей. Другим приходилось сдерживать натиск разозленных толп.

Великолепно.

Но долго ли так продержится? Страсть местных к сверхъестественной ерунде была куда древнее и неподатливее страстей милитаристского толка.

— Что за дьявольщина там у них? — при первой же возможности спросил я Лебедя. Местный язык я уже знал, но не настолько, чтобы улавливать религиозные тонкости.

— По-моему, Нож там у них...

Казалось, он был озадачен происходящим не менее моего.

— Что это значит?

— С первого дня, как мы здесь, Нож сеет смуту. Говорит, что попам положено заботиться о душах и кармах, а в политику соваться нечего. В нашей таверне постоянно об этом говорил. А когда услыхал, что ты с первожрецами по-свойски побеседовал, пошел по улицам распространять, как он назвал, «истину». Местные полностью преданы своим богам, ты этого не забывай, но к некоторым попам особой любовью не горят. Особенно к таким, которые досуха выжимают их кошельки.

Я рассмеялся:

— Скажи ему, пусть перестанет. Мне тут еще только религиозных революций не хватало.

— Верно. Я как-то не подумал, что тебя это будет волновать.

Но меня волновало буквально все. Таглиосское общество подверглось жесточайшим потрясениям, хотя увидеть это можно было лишь со стороны. Слишком многое пере-

мен в такой краткий срок претерпел этот народ ограниченных традиционалистов. Никакой постепенности, никакого времени на привыкание. Спасение Таглиоса подобно было скачке на смерче. Туговою мне придется, если страх и безысходность, направленные против Хозяев Теней, вдруг поменяют направленность.

Как-то, посреди моего четырехчасового сна, меня разбудил Одноглазый.

— Джахамарадж Джах пришел. Говорит, должен прямо сейчас увидеться с тобой.

— Что, дочурке его стало хуже?

— Нет. Он полагает, что должен тебя отблагодарить.

— Веди сюда.

Жрец вошел едва ли не крадучись. Он поклонился мне почтительно и неловко, словно бродяга с улицы. Он поименовал меня всеми титулами, до каких только додумались таглиосцы, включая и Исцелителя — аппендэктомии здешние хирурги не знали. Он опасливо оглядывался, словно ожидал увидеть уши, растущие из стен. Наверное, опасение сие было профессиональным. А уж вид Жабомордого ему не понравился вовсе.

Значит, кое-кто знает, что представляет собою наш бес. Это следует принять к сведению.

— Здесь можно говорить?

Это-то я понял без перевода.

— Да.

— Я не могу задерживаться надолго. За мною могут следить, зная, что я в большом долгу перед тобою, Исцелитель.

Ну, так не тяни, подумал я.

— Я слушаю.

— Первожрец Шадара, старший надо мною, Годжаринди Годж, чья покровительница — Гада, одно из чьих воплощений — Смерть, был очень расстроен тобою в тот вечер. Он сказал Детям Гады, что Гада жаждет твоей ка.

Жабомордый, переведя, прокомментировал:

— Гада — шадарская богиня смерти, разрушения и разложения, Капитан. Дети Гады — secta, идущая по пути убийств и пыток. Доктрина их гласит, что они должны

быть случайны и бессмысленны. Хотя на практике умирают попавшие в хреновый список главного жреца.

— Ясно.— Я слегка улыбнулся.— А кто покровительствует тебе, Джахамарадж Джак?

Он улыбнулся в ответ:

— Хади.

— Надо думать, воплощение Света и Благости.

— Хрен там, начальник. Она — сестра-близняшка Гады.

И как бы даже не мерзее. И к морю лапку приложила, и к голоду, и к прочим таким штучкам. Одна из самых крупных свар между культурами Шадара и Гунни — считать ли Гаду и Хади разными божествами, или же это одно такое в двух лицах.

— Ну, мне это нравится! Пожалуй, еще и много народа через это полегло... И жрецы еще удивлялись, что я их всерьез не принимаю... Одноглазый! Как по-твоему, я верно догадался, что наш приятель здесь в рассуждении вылезти из долгов?

— Сдается мне, он желает стать следующим главным шадаритом,— хмыкнул Одноглазый.

Я велел Жабомордому задать этот вопрос впрямую. Жрец, даже не зарумянившись, признал, что он, как преемник Годжариинди Годжа, предпочтительнее всех.

— В таком случае, я полагаю, он ничего особенного не сделал, только предупредил. Словом, спасибо ему за это, но я считаю, он нам еще должен. Скажи, если он однажды утром проснется главным шадаритским жрецом, пусть на год-два умерит амбиции и гаврикам своим то же накажет.

Жабомордый перевел. Улыбки как не бывало. Губы жреца скались в маленький, сморщененный греческий орех. Однако он согласно кивнул.

— Одноглазый, проводи его до дороги. Не хотелось бы, чтоб он попал в беду благодаря начальнику.

Сам я отправился будить Гоблина.

— Тут со жрецами проблемы. Один тип, по имени Годжариинди Годж, наускал на меня убийц. Бери Мургена, отправляйся в Лебедеву пивную, подыми ихнего ненавистника жрецов, пусть укажет тебе этого негодника. Он явно нуждается в переводе на высший план бытия. Особой зре-

лишности не нужно, просто — понеприятнее. Ну пустъ, например, весь изойдет на кровавый понос.

Гоблин, ворча, пошел за Мургеном.

Одноглазый с Жабомордым — наблюдать, не появятся ли предполагаемые убийцы.

Какие они там ни были профессионалы, мимо Жабомордого не проскользнешь. Их оказалось шестеро. Я послал кое-кого из наров, не питавших отвращения к подобным вещам, отвести их на людную площадь и посадить на колъя.

Днем позже ушел на закат Годжаринди Годж. Скончался от внезапного сильнейшего приступа фурункулеза. Урок не прошел незамеченным.

Однако и впрок не пошел.

Никто особенно не расстроился и не вознегодовал. Все согласились на том, что Годж знал, на что идет. Однако Радиша как-то задумчиво поглядывала на меня, когда мы в очередной раз спорили, так ли уж мне нужна очередная тысяча мечей и особенно реквизированные мною сто тонн древесного угля.

Хозяйственно-политические игрища были в самом разгаре. Я запрашивал сотню тонн, если нужны были десять, стараясь не мытьем, так катаньем или некоторыми уступками получить на руки побольше, дабы иметь запас.

Рекрутчи наши являлись с собственной экипировкой. От государства я, в основном, хотел финансирования таких вещей, каких гражданским не понять. Мне хватило мороки с Могабой, когда я доказывал ему, что легкая артиллерия на колесах может принести пользу.

Я и сам не был в этом уверен. Это зависело от того, что предпримет противник. Если то же, что и ранее, артиллерия вовсе пропадет даром. Но схема организации копировала легионы Самоцветных Городов. Там ребята везде таскали за собой легкие катапульты для пробивания брешей в строю противника.

О-оххххх, боги мои... Кое-что приходилось утрясать, просто-напросто заявляя: я, мол, здесь командую, и будь любезен подчиняться.

Могаба не возражал.

У нас оставалось приблизительно семнадцать дней. Меня посетила Госпожа.

— Успеваешь подготовиться? — спросил я.

— Я уже почти готова.

— Хоть один позитивный доклад из сотни. Ты — свет жизни моей.

Она озадаченно взорвалась на меня.

— Я виделась с Меняющим Облик. Он был за рекой.

Одноглазому с Гоблином, напрягшим все свои шпионские способности, это не удалось. В основном оттого, что Майн был непроходим. В добровольцах-то недостатка не было...

Что до очищения Таглиоса от вражеской агентуры — на это им потребовалось меньше десятка дней. Отряд смуглых карликов был стерт в порошок. Несколько таглиосцев оставлены. Мы снабжали их почти правдивой информацией, добавляя лишь толику брехни, призванной склонить их хозяев переправлять главные силы там, где мне нужно.

— О-о. Но узнал ли он что-нибудь, что мы желали бы услышать?

Она усмехнулась:

— Еще как. Ты добился своего. Они поведут основные силы через Годжийский брод. Самих их при армиях не будет. Не настолько они доверяют друг другу, чтобы оставлять базы без защиты.

— Прекрасно. Пожалуй, теперь я верю, что шанс у нас имеется. Может, один из десяти, но настоящий.

— Теперь перейдем к плохим новостям.

— Так я и думал. Излагай.

— Они посыпают на нас еще пять тысяч. Значит, десять тысяч на Годжийском направлении, по тысяче — на Терийском и Ведна-Ботском, а остальные пойдут через Нумский брод. Говорят, он станет проходимым на два дня раньше Годжийского.

— Скверно. Значит, когда дойдет до дела, они могут вывести к нам в тыл еще три тысячи.

— И так и сделают, если не полные идиоты.

Смежив веки, я представил себе карту. Именно Нуму я отвел Джакамарарадж Джаку и его шадаритам. Он чудо-

вищным напряжением сил собрал двадцать пять сотен. Прочие шадариты решили подождать и влиться в наши экуменические силы. Три тысячи опытных воинов пройдут сквозь них играючи.

— А если — кавалерию? Скажем, Джах встречает их на берегу, делает все, что может, отходит, а затем наша кавалерия атакует их с фланга, когда они уже готовы выйти на оперативный простор?

— Я предполагала неявно перебросить туда легион Могабы, разбить их, а затем пусть марш-броском идут к Годже. Но ты прав. Кавалерия будет эффективнее. Ты можешь поручить командование Масло и Ведьмаку?

Я не мог. В их части назрели серьезные проблемы, и без кровожадных рои, отпускающих пинки направо и налево за малейшее прегрешение, это подразделение превратится в сущий бродячий цирк.

— Хочешь — ты? Справишься с обязанностями полевого командира?

Она жестко взглянула на меня:

— Там, где справлялся ты?

Да, с этим я справлялся неоднократно...

— Ты хочешь?

— Если ты хочешь, чтобы этим занялась я.

— Жар твоего энтузиазма совсем растопил мое сердце. Ладно. Но об этом никому не скажем, пока не придет время. В особенности, Джахамараджу Джаху. Иначе не станет так стараться, зная, что помочь подойдет.

— Хорошо.

— Есть ли еще новости от нашего, столь редко видимого, друга?

— Нет.

— Кто та женщина, которую он всюду таскает за собой?

Она колебалась слишком долго.

— Не знаю.

— Странно. Кажется мне, где-то я ее уже видел. Только никак не вспомнить...

Она пожала плечами:

— С возрастом каждый встречный кого-то напоминает...

— Кого же напоминаю я?

Здесь она не замешкалась ни на миг:

— Гастрара Теслара из Новок-Дебракена. Голос другой, но суть, пожалуй, та же. И он точно так же морализировал и спорил с самим собой.

Возражать я не имел возможности — никогда не слыхал об этом типе.

— Когда же он начал морализировать слишком часто, муж мой содрал с него кожу.

— По-твоему, я излишне морализирую насчет Годжа?

— Да. Вообще, ты способен, уже сделав дело, довести себя черт знает до чего. Впрочем, не худший вариант. По крайней мере, ты набрался достаточно ума, чтобы вначале получить доход, а уж после — плакать.

— Пожалуй, в такие игры я играть не хочу.

— И не придется. Кстати, удели мне некоторое время. Для портных. Мерки снять.

— На кой? Роскошная униформа у меня уже имеется...

— Но не такая. Новая — для запугивания подданных Хозяев Теней. Часть психологического воздействия.

— Хорошо. Когда захочешь. Я и во время этих примерок могу заниматься делами. Меняющий Облик будет участвовать в представлении у Годжийского борда?

— На опьте придется выяснить. Он не сказал. Я ведь предупреждала: у него теперь собственные планы.

— Взглянуть бы хоть одним глазком... Он не снабдил тебя экземпляром?

— Нет. Сегодня Могаба устраивает учебный бой между легионами. Ты пойдешь?

— Я пойду выкачивать из Радиши еще подводы. Древесный уголь мы получили, теперь его нужно отвезти туда.

— В мое время все было иначе, — фыркнула она.

— У тебя было большие власти.

— Истинно так. В общем, портных и закройщиков я подошлю.

Интересно, она это нарочно? И мне не почудилось? Это — вправду? Она действительно крутанула задом, выходя? А, черт побери, должно быть, воображение разыгралось...

На еженедельном совете я спросил Мургена:

— А что там теперь с летучими мышами?

— Что? — Вопрос застал его врасплох.

— Ты, было дело, поднимал эту мышиную проблему.

Я полагал, ты и сейчас уделяешь ей внимание.

— Мышей уже некоторое время не видать.

— Замечательно. — Значит, Гоблин с Одноглазым вычистили тех, кого надо. С моего, так сказать, места все выглядит гладко. Пожалуй, проволочек даже меньше, чем ожидалось.

Последнее время я вовсе не слышал индивидуальных жалоб. Госпожа смогла выкроить время, дабы помочь Масло с Ведьмаком нагнать страху и сбить спесь с их кавалеристов.

— Могаба, говори.

— У нас осталось минимум двадцать дней. Пора отряжать команды для наблюдения за рекой.

Возможно, мы располагаем не только этим минимумом.

— Радиша опередила тебя. Я говорил с ней вчера. Она просто отправила туда половину конных дозоров. В настоящее время уровень воды выше, чем ожидалось. Погода пока благоприятствует.

— Каждый лишний день — это еще одна лишняя сотня человек в каждый легион.

— Сколько у тебя сейчас?

— По тридцать три сотни в каждом. Остановимся на четырех тысячах. Все равно уже пора будет выступать.

— Думаешь, пяти дней на дорогу хватит? Выходит по двадцать миль в день. Для непривыкших это...

— Привыкнут. Они уже сейчас делают по десять в день, с полной выкладкой.

— На этой неделе устрою смотр. Обещаю. Политические дела у меня почти утрясены. Ведьмак, успеваешь подготовить своих?

— Мы им вогнали ума. Они уже поняли, что мы вправду стараемся выучить их, как оставаться в живых.

— Ну, если люди перестали считать, что их в игры играть собрали, тогда — порядок. Бадья, как с твоими?

— Нам бы еще полсотни фургонов, Капитан, и можем выступать хоть завтра.

— Ты смотрел планы того города?

— Так точно, сэр.

— Сколько времени понадобится на все обустройство?

— Это — как с материалами. Для частокола. Ну и с рабочей силой. Траншей много придется рыть. В остальном проблем никаких.

— Будет тебе рабочая сила. Возьмешь Зиндабовых. Пойдут с тобой, а после подойдут к нам, в качестве резерва. Хотя, сказать по чести, с ресурсами у нас уныло. Придется налекать больше на траншеи, чем на частокол. Клетус, что у нас с артиллерией?

Клетус с братьями ухмыльнулись. Они были горды собой.

— Есть артиллерия! По шесть машин на каждый легион, уже построены. Сейчас обучаем расчеты для них.

— Великолепно. Пойдете с квартирами и саперами, посмотрите на тот город. Кое-какие машины разместите там. Бадья, отправляй своих как только сможешь. Дороги в полном ничтожестве. Если действительно нужны еще фургоны, забирай у горожан. Быстрее выйдет, чем у Радиши клянчить. Итак... Плохие новости имеются? Вы же знаете, мне без тревог и забот жизни нет.

Собравшиеся недоумевающие посмотрели на меня. Наконец Мурген выпалил:

— Но мы собираемся встретить их десять тысяч наших восемью. Это — не повод для тревоги? Сэр...

— Десять?

— Ходит слух. Что Хозяева Теней увеличили армию вторжения.

Я покосился на Госпожу. Та только плечами пожала.

— Разведданные по этому поводу неясны. Но, считая кавалерию, у нас больше восьми тысяч. А с Зиндабом мы даже имеем численное превосходство. У нас — возмож-

ность занять удобную позицию. Вдобавок у меня в рукаве имеется парочка трюков.

— Тот древесный уголь? — спросил Могаба.

— Среди прочего.

— Нам знать не нужно?

— Нет. Слова имеют дурную привычку разлетаться по всему свету. Если никто, кроме меня, не будет осведомлен, то и пенять мне, в случае раскрытия противником моих планов, будет больше не на кого.

Могаба улыбнулся. Он очень хорошо понимал меня. Я просто хотел оставить это себе.

Порой командирам приходится скрытничать.

Мои предшественники никогда никому ничего не рассказывали, пока не приходила пора действовать.

После совета я спросил Госпожу:

— Что думаешь?

— Думаю, в бою они все поймут. Я до сих пор весьма и весьма сомневаюсь в победе. Но быть может, капитан из тебя — лучше, чем кажется. Ты ставишь каждого туда, где от него больше всего пользы.

— Или меньше всего вреда.

Сопатый с Ведьмаковым племянником до сих пор не выказали пригодности к чему бы то ни было.

У нас осталось семь дней. Квартирьеры, саперы и Зиндабов резерв уже два дня как выступили. Прибывшие в город дозоры оценили их продвижение вперед как не обещающее ничего хорошего. Дороги — в безнадежном состоянии. Однако они пользуются помощью всех, попадающихся на пути. Кое-где солдаты с местными тащат груз на горбах, пока обозные вытаскивают из грязи порожние фуругоны.

Все-таки хоть в чем-то нам везет. До сих пор льют дожди, хотя должны бы кончиться еще неделю назад. Докладывают, что вода все еще слишком высока для переправы. По оценкам наблюдателей, у нас в запасе, по меньшей мере, пять лишних дней.

Я сообщил об этом Могабе, нуждающемуся во времени более кого бы то ни было. В ответ он буркнул,

что к сроку надеется выучить людей хотя бы держать строй.

По-моему, это умение — решающее. Если наши смогут удержать боевые порядки на поле боя...

Подаренное судьбою время не прибавляло душевного покоя. Дни уходили неумолимо, и каждый следующий приносил новые рапорты о трудностях, встреченных нашими отрядами по пути.

За два дня до запланированного выступления я вызвал к себе Могабу.

— Лишнее время тебе хоть немного поможет?

— Нет.

— Легче от него не станет?

— Нет. Если мы выступим на пять дней позже, они подготовятся на пять дней лучше.

— Хорошо.

Я откинулся на спинку кресла.

— Ты обеспокоен.

— Грязь... Я посыпал Жабомордого на разведку. Зин-даб до сих пор в двадцати милях от Веджагедхы. Что же будет с толпой, какую мы поведем?

Он кивнул.

— Ты думаешь выйти раньше?

— Я твердо решил выступать как планировали. Хотя бы — ради пущей уверенности. Придя раньше, успеем отдохнуть. А может, и попрактиковать людей в полевых условиях.

Он снова кивнул. А затем здорово удивил меня.

— Ты иногда разыгрываешь интуитивные предчувствия, верно?

Я поднял брови.

— Я наблюдаю за тобой от самого Джии-Зле. И теперь понял твой образ мыслей. Кажется. Иногда ты сам себя как следует не понимаешь. И вот сейчас ты уже неделю в беспокойстве. Верный признак, что твоя интуиция пытается прорваться наружу. — Он поднялся. — Значит, я действую исходя из того, что нам нужно выступить раньше.

Он ушел. Интересно. Понимает, значит, мой образ мыслей... Что же, это для меня лестно или как?

Я подошел к окну, распахнул его и устремил взгляд в ночное небо. Среди бегущих к горизонту туч изредка проглядывали звезды. Возможно, каждодневным дождям — конец. А может, просто временно прояснилось...

Я вернулся к работе. Текущий мой проект, «лови как можешь», был разработан на пару с Жабомордым. Мы старались вычислить, что же должно быть в книгах, пропавших из всех библиотек города. Была у меня такая мысль, что некое безымянное официальное лицо собрало их все во дворце Прабриндраха. Вопрос: как до них добраться? Применить власть военного диктатора?

- Р-реку игнор-рируй.
- Что? — Я оглянулся. Что за дьявольщина?
- Р-реку игнор-рируй.

В оконном проеме сидела ворона. За нею — еще одна, принесшая то же самое сообщение.

Вообще-то, вороны — птицы умные. Однако — всего лишь птицы. Я спросил, что они хотят сказать, но они снова велели мне игнорировать реку. Хоть на дыбу их вешай, большего толку не добьешься.

- Ладно. Понял. Реку — игнорировать. К-шишш!

Вороны... Все время — эти проклятые вороны. Ясное дело, они хотят мне что-то сказать. Но что? Ведь и раньше предупреждали. Следует ли понимать, что они советуют не обращать внимания на речные плацдармы?

Я все равно так и хотел поступить, учитывая непролазную грязь на дорогах.

- Я распахнул дверь:
- Одноглазый! Гоблин! Ко мне!

Они с угрюмыми физиономиями, стараясь держаться подальше друг от друга, вошли в кабинет. Недобрый знак. Вражда их, стало быть, возобновилась. Или вот-вот возобновится. Если вспомнить, как долго они ее сдерживали, взрыв назрел порядочный.

— Завтра — начинаем. Ликвидируйте остатки агентуры Хозяев Теней.

— Я считал, у нас времени побольше, — буркнул Одноглазый.

— Может, да. А может, нет. Я желаю, чтобы это было сделано сей момент. Займитесь.

— Слушаю, ваше предиктавосходительство,— пробормотал себе под нос Гоблин.

Я нехорошо взглянул на него, и он вышел. Обернувшись к окну, я посмотрел на проясняющееся небо.

— Такое ощущение, что все идет слишком уж хорошо...

Глава 32 Бесплотие

Спешка порядком утомила Хозяев Теней. Встреча была назначена загодя, но по дороге их преследовал волль, напоминающий, что теперь слишком поздно для ленивой, комфортаельной езды.

Встретились они в том же зале с бассейном, тучами Теней и где все было неопределенных размеров.

Женщина беспокойно кивала. Спутник ее был взволнован еще более. Тот, кто говорил реже всех, на сей раз заговорил первым:

— Что за паника?

— Источники в Таглиосе уничтожены,— сказала женщина.— Все, кроме самых последних. В мгновение ока.

— Они вот-вот выступят,— добавил ее спутник.

— Таким образом, им были известны все наши источники,— продолжала она.— Посему полученные нами сведения надлежит подвергать сомнению.

Ее спутник:

— Мы должны выступить раньше, чем предполагали. Нельзя давать им ни минуты форы.

Молчаливый:

— Источников не осталось?

Женщина:

— Нет. Есть один, ближайший к сердцу, до сих пор не раскрытый, так как им почти не пользовались. В его донесениях не было ни намека на подозрительность.

— Мы должны пойти с нашими армиями. Ничего нельзя оставлять на волю случая.

— Это уже обсуждалось. Нет. Мы не станем рисковать собой. Нет никаких причин полагать, что они выстоят против наших ветеранов. Я усилила армию вторжения на пять тысяч человек. Этого достаточно.

— Есть еще одно. То, для чего ты созвала нас.

— Да. Наш товарищ в Тенелове и Вершине не так уж пристально взирает на юг, как утверждает. В прошедшем году некоторые его части вторглись на таглиосские земли и напали на вождей Черного Отряда. И потерпели ужасное поражение. Все их усилия, помимо того, что выявили его замыслы, принесли лишь одну пользу. Они дали мне возможность ввести в ряды противника вот этот самый источник. Переживший все остальные.

— Значит, при следующей встрече и у нас будет повод осмеять его.

— Возможно. Если это будет уместным. Его стараниями выяснилось одно обстоятельство. С ними — Доротея Сенджак.

Последовало продолжительное молчание. Наконец тот, кто говорил реже всех прочих, заметил:

— Одно это уже объясняет, отчего наш друг тайно посыпал людей на север. Как он жаждет обладать ею!

— Есть тому и не столь очевидные причины, — отвечала женщина. — Ее связь с Капитаном Отряда. Она была бы весьма полезна, если связь сильна настолько, чтобы быть рычагом давления на Капитана.

— Ее следует убить при первой же возможности.

— Нет! Мы должны взять ее в плен. Если он мог бы ее использовать, то же можем и мы. Вспомните, что она знала и кем была. Она может хранить ключ к избавлению мира от него и к закрытию врат. Возможно, она потеряла силу, но не память.

Молчаливый расхохотался. Смех его был столь же безумен, как тот, что звучал им вслед в Вершине. Ему пришло в голову, что воспоминаниями Доротеи Сенджак может воспользоваться каждый. Каждый!

Женщина узнала смех и, понимая, что происходит в сознании молчаливого, решила: отныне ей и ее компаньону следует быть вдвое осторожными. Однако пока что

она, сделав вид, что не замечает ничего, спросила своего спутника:

— Ты связался с тем, на болотах?

— Он ничего не желает знать ни о нас, ни о наших заботах. Он доволен своей зловонной, сырой, игрушечной Империей. Однако он придет.

— Хорошо. Значит, все согласны? Мы утверждаем новый план?

Все согласно кивнули.

— Я разошлю приказы немедля.

Глава 33 Таглиос. Пьяные колдуны

День уже не был добрым, к заходу солнца лучше не сделался, потому что солнце — и то закатилось. Лучшую новость принес Жабомордый, доложивший, что Зиндаб наконец-то пришел в Веджагедхью. Но за этой новостью незамедлительно последовала и худшая: материала для фортификаций нет. Значит, кроме рва, укреплений не будет.

Но при таком мокром грунте стенки рва обрушатся...

Ох-хох-хо... Если уж боги на тебя ополчились, то добра вовсе не жди. Сколько ни трепыхайся на крючке, не поможет.

Я уже готовился рухнуть в койку, но тут в спальню мою ворвался Мурген. От усталости у меня двоилось в глазах, и два Мургена вовсе не делали вселенную краше.

— Что еще?! — зарычал я.

— Пожалуй, большая беда. Гоблин с Одноглазым — у Лебедя в пивной, оба в жопу пьяные, и кажется, вот-вот начнут. Не нравится мне это.

Я встрихнулся, предвкушая очередную бессонную ночь. Неприязнь их слишком уж застоялась и вполне могла вырваться из-под контроля.

— Что они делают?

— Пока все как обычно. Но на этот раз — уж не до смеха. За всем этим скрывается желание поднасрать покруче. Эти игры могут принять дурной оборот.

— Лошади готовы?

— Я распорядился.

Я схватил офицерский жезл, брошенный мне кем-то из наров на подходе к Джии-Зле. Никаких особых резонов брать его с собою не было — просто то была первая удобная для сокрушения голов вещь, подвернувшаяся под руку.

Мы миновали тихие, по ночному времени, казармы. Но люди почуяли заваривающуюся кашу, и у самых конюшн к нашему шествию присоединились Могаба и Госпожа. Пока они ругательствами поднимали конюхов, чтобы те приготовили еще пару лошадей, Мурген объяснил им, в чем дело.

Факт выхода их вражды из-под контроля стал очевиден еще за несколько кварталов до таверны. Ночь полыхала огнями. Таглиосцы выглядывали посмотреть, что происходит.

Колдуны наши заняли боевые позиции на улице подле таверны Лебедя. Забегаловка его имела самый плачевный вид. Вдоль улицы так и свистели заряды магического пламени, при этом особых разрушений не наблюдалось, кроме подпалин на фасадах домов, свидетельствовавших о том, что у подгулявших колдунов и точность стрельбы малость подгуляла.

Эти маленькие говнюки и на ногах-то держались с трудом, не говоря уж о том, чтоб как следует целиться. Пожалуй, боги вправду благоволят дуракам и пьяным. Будь они потрезвей — давно бы поубивали друг друга.

Вокруг валялись в беспорядке бесчувственные тела. Среди них были и Лебедь с Метером и Ножом, а также несколько наших. Попали, видно, под горячую руку, пытаясь разнять.

Одноглазый с Гоблином разбушевались не на шутку. Одноглазый науськивал на Гоблина болезненно морщащегося Жабомордого. У Гоблина же было нечто вроде змеи из черного дыма, выросшей из кисета на его поясе. Змея бросилась было к Одноглазому, минуя Жабомордого, но тот перехватил ее, и улицу озарил сноп искр, высветивших таглиосцев, притаившихся по относительно укромным уголкам и наблюдавших за ходом поединка.

Я осадил лошадь, прежде чем дерущиеся заметили меня.

— Госпожа! Что это у Гоблина?

— Отсюда не понять. Но оно ему явно не по чарам.

Ровня Жабомордому, который тоже далеко не по магическим силам Одноглазому.

В голосе ее чувствовалась смутная тревога.

На это я уже и сам обращал внимание. Как-то не верилось, что можно просто так зайти в лавку и выбрать себе подобного Жабомордого с полочки. Но ведь Одноглазого это вовсе не смущало, а специалист по таким вещам у нас — он...

Жабомордый со змеей схватились на полути между своими хозяевами и принялись кряхтеть, тужиться, визжать и вообще подняли невероятный гвалт.

— Так вот, значит, что Гоблин привез из нашей поездки, — вслух подумал я.

— Что?

— После того как он обнаружил тех карликов, направлявших Тени, у него с физиономии не сходит этакое самодовольство. Словно нашел наконец способ весь мир прижать к ногтям.

Госпожа некоторое время размышляла.

— Если он это подобрал после людей Хозяев Теней, эта штука может шпионить за нами. Вот Меняющий Облик сказал бы наверняка...

— Его здесь нет. Мы можем предполагать, что это подсадка.

Последний сполох погас. Гоблин с Одноглазым были полностью поглощены борьбой своих тварей. Одноглазый даже наступил на собственный шнурок. Похоже было, что верх будет за Гоблином: Жабомордый отражал удары змеи с заметным трудом.

— Хватит. Без них нам не обойтись, как бы мне ни хотелось похоронить обоих и покончить наконец с подобной хренью.

Я пришпорил лошадь. Гоблин был ближе ко мне. Он едва успел обернуться. Наклонившись с седла, я от души треснул его по башке, результат меня не волновал, подскакал к Одноглазому, и тот тоже получил свою порцию.

Я было развернул лошадь для второго захода, но Госпожа, Могаба и Мурген уже скрутили их. Битва Жабомордого со змеей угасла сама собой. Однако они не успокоились, а злобно пожирали глазами друг друга. Между них было футов десять мостовой.

Я сошел с седла.

— Жабомордый! Ты говорить можешь? Или вовсе чокнулся, подобно хозяину?

— Нет, Капитан, у нас он один чокнутый. Но у меня ж — договор. Должен выполнять, что он приказывает.

— Вот как? Скажи-ка мне, что за штука у Гоблина в кисете?

— Тоже вроде беса. В другой форме. Где он ее откопал, Капитан?

— Сам гадаю. Мурген, посмотри, как остальные. Не понесли ли мы потерю... Могаба, тащи сюда этих засранцев. Я им сейчас...

Колдунов усадили бок о бок, причем Госпожа с Могабой держали их сзади за вороты. Они начали приходить в чувство. Подошедший Мурген сказал, что никто из лежавших без сознания не ранен.

Уже хорошо.

Одноглазый с Гоблином смотрели на меня. А я не торопясь прохаживался взад-вперед подобающей диктатору походкою и пошлепывал концом жезла по ладони. Наконец я повернулся к ним:

— При повторении подобного — посажу обоих в один мешок, физиономиями друг к другу, и велю бросить в реку. Лопнуло мое терпение. Завтра, похмелье там или нет, с утра явитесь сюда и приведете все в надлежащий вид. Все расходы — из ваших карманов. Понятно?

Гоблин, глуповато моргая, слегка кивнул. Одноглазый не отвечал.

— Одноглазый! Хочешь еще по башке получить?

Он угрюмо кивнул.

— Вот и ладно. Далее. Гоблин, насчет той штуки, что ты привез из разведки. Не исключено, что она принадлежит Хозяевам Теней. Подсадка. Прежде чем пойдешь спать,

засунешь ее в бутылку — или еще куда — и закопаешь.
Поглубже.

Он вытаращил глаза:

— Костоправ...

— Ты слышал, что я сказал.

Яростное, на грани рева, шипение наполнило улицу.
Змея, взмыв над мостовой, метнулась ко мне.

Жабомордый, перехватив с фланга, сбил ее прицел.

Во внезапной пьяной панической суете Гоблин с Одноглазым заметались, стараясь справиться со змеей. Я отступил в сторону. Минуты три, пока Гоблину наконец не удалось запихнуть ее обратно в кисет, на улице царил дичайший кавардак. Гоблин унес кисет в Лебедеву забегаловку и вскоре вернулся с плотно закупоренным винным кувшином.

— Я закопаю, Костоправ.— Он глянул на меня эдак стыдливо.

Голос его звучал смущенно и виновато.

Одноглазый также окончательно пришел в себя.

— Я ему помогу,— сказал он с глубоким вздохом.

— Правильно. Только постарайтесь много не болтать.

А то еще снова начнете.

Ему хватило чуткости тоже смутиться. Он задумчиво взглянул на Жабомордого. Но тут я отметил, что беса он с собой для тяжелой работы не прихватил.

— Что теперь? — спросил Могаба.

— Мне чертовски больно это сознавать, но теперь придется положиться на их сознательность. Пока что. Не будь они так нужны мне, я бы устроил им такую ночь, чтоб на всю оставшуюся жизнь запомнили. Мне в Отряде такого говна не надо. А ты чего ухмыляешься?

Госпожа улыбнулась еще шире:

— Масштабы — мельче, однако это то же самое, что и прежние попытки обуздать Десятерых Взятых.

— Да? Может быть. Мурген, ты все равно здесь пьянствовал, так что заканчивай наводить порядок сам. А я наконец хоть немножко посплю.

Глава 34 К Годже

Все обстояло куда хуже, чем я предполагал. Дорогу совсем развезло. В первый день похода, после торжественных проводов, мы сделали двенадцать миль. После этого я еще не пал духом, однако дальше пошло труднее. Близ города дороги были получше. Но потом идти стало труднее. Одиннадцать миль на следующий день, и по девять — в каждый из трех последующих. И то только потому, что у нас имелись слоны.

В день, на который я планировал прибытие к Годжийскому броду, до него оставалось еще тридцать миль.

Тут появился Меняющий Облик в своем волчьем обличье, выскочив откуда-то из лесной глухи.

Дожди кончились, но тучи все так же закрывали небо, так что земля ничуть не высохла. Даже погода против нас!

Меняющий Облик прибыл с младшим товарищем. Пожалуй, дублер его клюнул на смену облика.

До того как мы тронулись, он провел с Госпожой около часа, а затем снова унесся прочь.

Беседа явно не порадовала Госпожу.

— Плохие новости?

— Хуже плохих. Возможно, они пустят одного против нас.

У меня все съежилось внутри, но я тщательно это скрыл.

— Что?

— Вспомни карту Майна. Заливные луга между Ну-мой и Годжей.

Я представил себе карту. Миль на двадцать вдоль обоих берегов тянулись луга, которые заливало, когда вода в реке поднималась хотя бы на несколько футов. В самом высоком месте река разливалась миль на четырнадцать, причем больше в южную сторону. Луг этот превращался в громадное водохранилище, по причине которой Нумский брод и открывался для переправы раньше Годжийского. Но, по последним новостям, их, в основном, осушили.

— Ну? И что же?

— Даже если они возьмут южный берег, им придется строить дамбу, от самой нижней точки этих лугов и прямо вдоль береговой линии. Об этом здесь говорили уже целую вечность. Прабрийдрах хотел сделать это и отдать земли под сельское хозяйство, но не мог найти средств. Перед Хозяевами Теней такой проблемы не стоит. У них для этого имеются пятьдесят тысяч пленных таглиосцев, не бежавших за реку в прошлом году, да плюс враги с прежних земель. На это никто не обратил внимания, потому что в проекте нет ничего особенного, кроме затрат.

— Но?

— Но... Они выдвинули дамбу на восемь миль к востоку. Это — не столь уж великое дело, как кажется, высота ведь нужна не больше десяти футов. Через каждые полмили они вставляли утолщения, может, ярдов по сто пятьдесят протяженностью, типа башен в крепостной стене. На этих площадках держат пленных и хранят материалы.

— Не понимаю, куда ты клонишь.

— Меняющий Облик заметил, что дамбу тянуть перестали, однако материалы до сих пор подвозят. А потом и понял, зачем. Они намерены частично перекрыть реку. Настолько, чтобы отвести воду на заливные луга, и тогда уровень воды у Годжийского брода снизится до нужного раньше, чем мы ожидаем.

Я подумал на эту тему. Идея была хитра и практична. Отряд в свое время проделывал кое-какие трюки с реками. И работы-то всего на несколько дней. Если они перевправятся беспрепятственно, нам крышка.

— Вот ублюдки... Мы сможем попасть туда вовремя?

— Может быть. Пожалуй, попадем, учитывая, что ты поторопился с выходом из Таглиоса. Но, судя по скорости продвижения, мы поспеем едва-едва, и грязь эта нас здорово вымотает.

— Они уже начали эту запруду?

— По словам Меняющего Облик, начали сегодня утром. Сама работа займет пару дней, да еще день — на отвод воды.

— На Нумский брод это повлияет?

— Нет. По меньшей мере, на неделю. Меняющий Облик полагает, что там они начнут переправу днем раньше.

Мы взглянули друг другу в глаза, и она поняла, что я думаю о том же. Хозяева Теней украли у нас ту самую ночь перед битвой...

— Будь они прокляты!

— Я понимаю. Поскольку с этой грязью так уж получилось, мне надо отправляться сегодня, чтобы успеть вовремя. И к Годже я, возможно, вернуться не успею. Значит, используй вместо нас Зиндаба. Все равно на этот город не стоит тратить сил.

— Мне нужно как-то ускорить движение.

— Брось фургоны.

— Но...

— Оставь позади квартирьеров и саперов. Пусть идут как могут. Я оставлю им слонов. Слоны мне все равно не пригодятся. Пусть каждый возьмет немного больше груза. В общем, все, что даст хоть какой-то выигрыш. Фургоны даже смогут добраться до места вовремя, если не будут останавливаться в Веджагедхье.

— Верно. Так и сделаем.

Я собрал своих и объяснил, как будем действовать дальше. А через час уже провожал взглядом Госпожу, направляющуюся во главе кавалерийского отряда на юг. Пехотинцы Могабы, принявшие на спины по пятнадцать фунтов лишних, ворча, пошлепали к Годже.

И даже престарелый воевода нес свою долю.

Я от души радовался, что, по счастью или же повинуясь интуиции, отправил основную массу обозов несколькими днями раньше.

Я шагал наравне с остальными. Мой жеребец нес две сотни фунтов разного барахла, что немало оскорбляло его конское достоинство. Обок со мной трохал Одноглазый. Жабомордый был выслан вперед — высматривать, где грязь окажет наименьшее сопротивление нашему продвижению.

Мысленно я был с Госпожой. На душе после ее ухода стало как-то пусто и неуютно. Оба мы считали, что ночь перед битвой — наша ночь. Та самая. Теперь, судя по всему, у нас ее не будет.

И может быть, не будет никогда. Всегда ведь находится нечто, нежданно встающее на пути. Может быть, богам хмуро оттого, что творится с нами и нашими чувствами...

Сифилис в глотку им всем и всем их незаконным детям.

Ничего, будь оно все проклято. Настанет когда-нибудь и наше время.

Ну а потом — что? Потом придется от уймы всего отказываться. Придется сталкиваться с разными проблемами, решать их, рассматривать возможные последствия различных обязательств...

В общем, о спасении Таглиоса я в тот день почти не думал.

Глава 35 У Годжийского брода

Возьмите земельный участок. Хорошенько, до самого ядра земли, вымочите. Затем несколько дней подержите под солнцем. Как полагаете, что получится?

Насекомые!

Я, оскальзываясь, поднимался на гребень холма, откуда виден был Годжийский брод, а насекомые тучами взмывали в воздух из-под ног. Комары здорово проголодались, а те, что поменьше, просто желали поуютнее расположиться в моем носу.

Трава с прошлого раза подросла, и теперь высота ее достигала двух футов. Я раздвинул стебли перед собою мечом. То же сделали Могаба, Зиндаб, Очиба, Одноглазый и Гоблин.

— А и велика ж толпа! — заметил Одноглазый.

Ну, это мы знали и прежде. До нас доносились запахи дыма их костров. Наши пытались всухомятку. Если на том берегу еще не знают о нашем появлении, оповещать их никакому.

Толпа — понятие оперативное. Та публика без всякого порядка и дисциплины расположилась на равнине, начинаяющейся от ворот крепости и простирающейся на юг по обеим сторонам дороги.

— Могаба, твое мнение?

— Если только это — не нам напоказ, шансы у нас есть. Если удержим гребень холма. — Он прополз чуть вперед и глянул вниз. — Ты уверен, что мне лучше встать на левый фланг?

— Я исхожу из того, что твой легион подготовлен лучше. Очибу поставим направо, там склон покруче. Естественное намерение атакующего — избирать самое легкое направление.

Могаба только крякнул.

— Если они отеснят кого-либо из вас, не слишком затронув другого, то тем самым подставятся под обстрел с фланга и фронта. Если артиллерия подойдет к сроку, я поставлю несколько орудий здесь, а остальные — на том холмике. Чтобы держать противника под перекрестным обстрелом. Пока шарниры держатся.

Легионы должна была разграничивать рассекающая поле дорога.

— Для стрел и дротиков тоже охота выйдет неплохая.

— Планы стоят не больше бабочек, когда сталь поет свою песнь, — буркнул Могаба.

Перекатившись на бок, я взглянул в его глаза.

— Твои нары выстоят?

Щека его дернулась. Он понял, что я хотел сказать.

Кроме той стычки на реке, где было совсем не то что здесь, люди Могабы пока не видели настоящего боя. Случая для выявления их боевых качеств до сих пор не представлялось. Их предки так жестоко встряхнули Джии-Зле и его окрестности, что одного вида наров было достаточно для поддержания надлежащего порядка. Нары до сих пор были уверены, что лучших солдат, чем они, не сыскать, однако в бою этого пока не доказали.

— Выстоят, — сказал Могаба. — Что им еще остается? Не отступать ведь после всей той поквальбы.

— Эт-точно.

Порой человек способен на глупейшие поступки — исключительно из-за того, что похвастался справиться.

Ну а что до остальных наших... Большинство были ветеранами, хотя в таких переделках довелось участвовать не

многим. На реке они держались неплохо, но никогда с уверенностью не скажешь, на что и кто способен в деле. Я и в себе-то не был до конца уверен. Всю жизнь, конечно, провел в битвах, однако много раз видел, как ломались опытнейшие вояки.

Вот генералом я не был никогда. Ни разу не приходилось мне принимать решения, стоящие многих жизней. Хватит ли духу посыпать людей на верную смерть во имя высших целей?

На своем месте я был столь же зелен, как и всякий таглиосский солдат.

— Ух ты,— тихонько сказал Очиба.

Я раздвинул траву.

С южной стороны к броду приближались около дюжины человек. Одеты богато. Капитаны противника?

— Одноглазый! Пора Жабомордому сходить послушать.

— Марш!

Бес ужом скользнул в траву.

Гоблин взглянул на меня. За невыразительным взглядом его скрывалось сильное раздражение. Еще бы: у него игрушку отняли, а Одноглазому — оставили. Любимчиков, мол, завел, да? Ох, старые — что малые... А что его змеюка чуть не погубила меня — это как? Без разницы?

Жабомордый воротился из разведки.

Они прибыли утром. Рано. Сопротивления не ждут. Предвкушали, что именно будут делать в Таглиосе.

Услышанное Жабомордым я в подробностях довел до всеобщего сведения.

В ту ночь всем было не до сна.

А не переборщили ли с подготовкой нашей маленькой армии? Я видел в людях достаточно тревоги, приходящей в преддверии кровавых дел, но вот рвение было чем-то необычным. Таглиосцы знали, что шансы наши мизерны. Как вышло, что они так самонадеяны перед лицом грядущей катастрофы?

И я решил, что просто не так уж хорошо разбираюсь в их культуре.

Поройся же в хитрой торбочке с фокусами, Костоправ! Давай, Капитан!

Я прошелся по лагерю, как всегда, в сопровождении ворон, останавливаясь и беседуя с солдатами, выслушивая истории из жизни любимых жен и детишек. Многие в первый раз видели меня так близко.

О Госпоже я старался не думать. Естественно, она не шла у меня из головы.

Завтра они двинутся через Годжийский брод. Значит, через Нумский переправились сегодня.

Возможно, прямо сейчас она ведет бой. А может, бой уже кончен и она мертва, а три тысячи вражеских солдат заходят ко мне в тыл...

Поздним вечером начали подходить наши обозы. Из Веджагедхьи прибыл Зиндаб, и на душе у меня стало легче. Ничего. Попробуем.

Отставшие подтягивались всю ночь.

Если мы проиграем этот бой, обозы придется бросать. Грязь не даст увезти с собой.

Одноглазый беспрестанно гонял Жабомордого за реку, но без особой пользы. Стратегия врага заключалась в одном: форсировать реку. И все. Черт с ними, с мулами, знай грузи телегу.

По наступлении темноты я поднялся на холм, уселся в сырую траву и начал наблюдать за огнями на том берегу. Возможно, они меня слегка заворожили — когда бы ни поднял я глаза, казалось, что звезды кружатся в вихре...

Разбудило меня ощущение присутствия чего-то, леденящего кровь и нагоняющего ужас. Я ничего не видел, ничего не слышал и не чуял — просто знал, что оно здесь.

— Меняющий Облик? — шепнул я.

Нечто тяжелое грузно опустилось в траву рядом со мной. Я вовсе не боялся. Я был изумлен. То был один из двух величайших волшебников нашего времени, один из Десятерых Взятых, сделавший Империю Госпожи разве что не несокрушимой; ужасное, безумное чудовище... Однако он не страшил меня.

Я даже отметил, что пахнет он не так скверно, как обычно. Влюблен, должно быть.

— Они двинутся с рассветом, — сказал он.

— Я знаю.

— Волшбы при них нет. Совсем. Только сила оружия. Ты можешь одержать верх.

— Да уж, надеюсь. Ты хочешь поучаствовать?

Последовало молчание. Затем:

— Но лишь неявно. Самую малость. Я не желаю быть замеченым Хозяевами Теней. Пока.

Я подумал, что эти самые малости, доступные ему, могут многое значить.

Невдалеке что-то задвигалось. Таглиосцы стаскивали к подножию холма у реки пятидесятифунтовые мешки дровесного угля.

— Как хочешь. Не мог бы ты организовать толику туманица?

— С погодой я не силен. Может, самую малость, если есть резон... Объясни.

— Было бы прекрасно иметь полосу вдоль реки, поднимающуюся по склону футов на двести. Закупоривающую дистанцию между тем ручьем и вон тем холмом. Просто чтобы им пришлось идти сквозь туман.

Я посвятил его в подробности своего трюка. Идея ему понравилась. Он издал негромкий звук, хотя явно желал бы зареветь, словно вулкан.

— Ребята, вы всегда были хитрыми, хладнокровными, жестокими ублюдками. По виду и не скажешь, что такие сообразительные... Мне это нравится. Попробую. Внимания это не привлечет, а результат, может статься, выйдет изумительный.

— Спасибо,— сказал я в пустоту.

А может, ближайшей вороне. Оборотень исчез беззвучно.

Так сидел я на холме и терзал себя, пытаясь придумать, что бы еще я мог сделать, не думать о Госпоже и найти извинение собственной слабости. Солдаты, таскавшие уголь через холм, почти не шумели.

Чуть позже я увидел сгущающиеся полосы тумана. Хорошо.

Небо на востоке слегка посветлело, заставив поблекнуть звезды. За спиной моей Могаба с нарами поднимали солдат. За рекой тем же занимались сержанты противни-

ка. Еще чуть-чуть развиднеется — и я увижу артиллерийские батареи, готовые занять огневые позиции. Они поспели вовремя, только из фургонов со снарядами прибыл пока лишь один.

Оборотень организовал туман — правда, не совсем так, как я просил. Пятнадцать футов в высоту от уровня реки и двести пятьдесят ярдов в ширину, так что полоса тумана чуть-чуть не доставала до полосы угля десяти футов шириной, выложенной солдатами за ночь по дуге от речного берега на востоке до берега ручья.

Настала пора последней речи перед битвой, для поднятия духа. Ползком спустившись с холма, я наткнулся на...

Госпожу.

На нее страшно было смотреть, однако она улыбалась.

— Ты справилась.

— Только что прибыла.

Она взяла мои руки в свои.

— Ты победила.

— Едва-едва.— Она села.— Шадарит справился хорошо. Дважды отбрасывал их назад, за реку. С третьим вышло хуже. Таглиосцев погнали, как цыплят, прежде чем мы подоспели. А при виде нас солдаты Хозяев Теней построились и... Словом, мы провозились почти целый день.

— Уцелевшие есть?

— Немного. Но они не переправились обратно. Я сразу же послала к броду людей, мы застали врага врасплох и взяли их крепость. А после отправила Джакха на ту сторону.— Она улыбнулась.— Дала ему сотню солдат для разведки и сказала, что, согласно твоему приказу, они должны выйти в тыл врага у Годжийского брода. Если вообще дойдет, к полуночи должен быть на месте.

— Как тяжелы его потери?

— Восемьсот из тысячи.

— Если мы здесь продержим, он — покойник.

Она снова улыбнулась.

— Политически говоря, это было бы ужасно. Не правда ли?

Брови мои приподнялись помимо воли. Никак не привыкну мыслить в подобном ключе.

— Я отправила гонца к Терийскому броду, передать гуннитам приказ овладеть переправой. Другого гонца — к Ведна-Боте.

— Ты обладаешь милосердием паучихи.

— Да. Уже почти время. Тебе лучше начинать одеваться.

— Одеваться?

— Не забывай о зрелищности.

Мы направились к лагерю.

— Ты привела кого-нибудь из своих?

— Немногих. Основная масса еще подтянется.

— Хорошо. Значит, не придется использовать Зиндаба.

Глава 36 Годжийский брод

В наряде, припасенном для меня Госпожой, я почувствовал себя полным идиотом. То было полное облачение одного из Десяти Взятых: причудливый черный доспех с кроваво мерцающими нитями волшебного пламени на нем. Верхом на своем вороном буду казаться футов девятыиростом. Хуже всего был шлем. По бокам его украшали большие черные крылья, сверху — высокий гребень, увенчанный пышными черными перьями, а за забралом его вроде как полыхало пламя.

Одноглазый заметил, что издали будет выглядеть чертовски устрашающе. Гоблин же сказал, что враги просто все до единого помрут — со смеху.

Госпожа тоже облачилась в нечто похожее, с черным гротескным шлемом и пламенем.

Чувствуя себя все так же глупо, я взгромоздился на коня. Мои люди были готовы. Одноглазый отправил беса наблюдать за врагом. Оруженосцы Госпожи принесли нам щиты, мечи и копья. На щитах красовались мрачные символы, на кольях разевались вымпела.

— Я создала двух отвратительнейших. При некотором везении облик Взятых на что-нибудь да пригодится. Имена этих двух — Вдоводел и Жизнедав. Которым ты хочешь быть?

Я захлопнул забрало.

— Вдоводелом.

Она испепеляюще взирала на меня добрых десять секунд и только затем приказала оруженосцам подать мне мое добро. Старые свои привычные железяки я прихватил тоже.

Тут появился Жабомордый:

— Готовься, начальник. Сейчас пойдут.

— Ладно. Оповести всех.

Я взглянул направо. Налево. Все и вся были готовы. Я сделал все, что только мог. Все остальное — в руках богов. Или же — в клыках судьбы.

Когда первые солдаты противника ступили в воду, Жабомордый нырнул в туман, затем вынырнул обратно, и я подал знак. Сотня барабанов забили дробь. Мы с Госпожой выехали на гребень холма. Выглядели, на верное, на славу. В крепости за рекою засуетились, указывая на нас.

Я вытащил из ножен данный мне Госпожой меч и простирая его к реке, повелевая врагу повернуть назад. Они поворачивать не стали. И я бы на их месте не стал. Однако, могу спорить, занервничали. Спустившись к подножию холма, я коснулся пламенеющим клинком полосы древесного угля.

Пламя рванулось через склон. Секунд через двадцать, конечно, уляжется, однако угли останутся раскаленными. Я быстро ретировался. Испарения были очень уж едки.

Ко мне подлетел Жабомордый:

— Идут через реку, начальник.

Пока что туман скрывал от меня неприятеля.

— Скажи им, пусть барабаны замолчат.

В разом наступившей тишине до меня явственно доносились лязг и плеск. И следом — кашель и проклятия тех, кто глотнул серных паров. Жабомордый вернулся ко мне.

— Передай Могабе, чтобы выдвигался навстречу, — приказал я.

Вновь забили барабаны.

— Держи строй, Могаба, — пробормотал я. — Больше ничего не прошу, только строй держжи!

Появился его легион. Я боялся обернуться, дабы взглянуть на них. Но скоро они миновали меня. И строй держали.

Легионы заняли позиции поперек склона — от ручья справа и от реки слева с небольшим зазором там, где проходила дорога. Ну-ну, просто верх безупречности!

Из тумана в полном беспорядке, отчаянно кашляя и ругаясь, начали появляться солдаты противника. Наткнувшись на препятствие из углей, они остановились, не зная, что делать.

Я взмахнул мечом.

Полетели снаряды.

Казалось, крепость охватила совершенно беспринципная паника. Вражьи капитаны видели, что ждет их солдат на нашем берегу, но не знали, что предпринять. А потому просто подняли страшную суматоху и не предпринимали ничего.

Солдаты их прибывали и прибывали, до последнего момента не зная, что ждет впереди, и, выйдя из тумана, настykались на полосу углей.

Туман начал сползать вниз по реке — Меняющий Облик не мог удерживать его долее. Но и того, что осталось, хватало.

Видно, на нашем берегу нашлось-таки несколько знающих сержантов. Противник принял таскать воду и расчищать в углах проходы шланговым инструментом. Другие солдаты, рассредоточившись небольшими группами, укрылись от стрел и дротиков щитами. Я снова подал знак. В бой вступили баллисты на колесах.

Могаба с Очибой, пренебрегая опасностью, разъезжали взад-вперед перед своими легионами, вдохновляя солдат стоять насмерть и держать боевой порядок.

Моя же роль сделалась жестокой: я не мог сделать ничего. Я только сидел на коне под легким ветерком и символизировал.

Враги наконец расчистили в угольях проходы и ринулись вперед. За это время баллисты, положившие многих, расстреляли все снаряды и отступили, однако стрелы и дротики продолжали дождем сыпаться на при-

бывающих через брод, взимая с них ужасную пошлину.

Давление на наш строй нарастало по всему фронту. Но легионеры наши не подавались никуда и делали все, что только могли. Их легкие не были обожжены серными парами.

Больше половины врагов перебралось на наш берег. И примерно треть перебравшихся была уничтожена. Их капитаны в крепости до сих пор ничего не предпринимали.

Силы Хозев Теней все прибывали и прибывали. Восьмидесят процентов. Девяносто. Ярость и отчаяние добавили им пылу. Таглиосцы то там то тут начали подаваться назад — где на шаг, где на полшага. Я непоколебимым железным символом все так же недвижно сидел в седле.

— Жабомордый, — едва ли не про себя пробормотал я, — ты мне нужен.

Бес возник буквально из ничего, словно материализовавшись на холке моего жеребца.

— Чего тебе, начальник?

Я напичкал его приказами для передачи Мургену, Масло с Ведьмаком, Зиндабу и вообще всем, кого только смог вспомнить. Некоторые шаги были запланированы загодя, некоторые — представляли собою необходимые инновации.

Утро было примечательно отсутствием ворон. Теперь ситуация изменилась. Две чудовищные, едва ли не с курицей каждая, уселись на мои плечи. И были отнюдь не илюзорны, судя по весистости. И все остальные тут же увидели их. Даже Госпожа обернулась посмотреть.

Стая ворон пронеслась над полем битвы и, описав круг над крепостью, расселась по росшим вдоль берега деревьям.

Вражеская пехота завершила переправу. Обозы выстраивались у брода, готовясь последовать за ней.

Тысячи солдат Хозев Теней полегли на нашем берегу. Пожалуй, враг лишился численного преимущества. Однако опыт давал о себе знать. Мои таглиосцы сдавали поле боя. Я чувствовал первые вспышки паники в своих рядах.

Явился Жабомордый:

— Прибыли два фургона с бревнами для баллист, начальник!

— Отошли их к машинам. Потом передай Масло с Ведьмаком: пора.

И совсем скоро в бой со стороны Нуны ворвались около семи сотен кавалеристов. Они смертельно устали. Однако прибыли вовремя и были готовы к бою.

Они сделали то, что от них требовалось. Выдвинувшись из-за ручья, они прошли сквозь хаос вражьих тылов, словно острый горячий нож сквозь мягкое масло. Затем, развернувшись, понеслись по склону, атаковав врага со спины. Словно коса, почувствовав траву...

Позади меня на гребне холма возник Мурген под разевающимся знаменем Черного Отряда. За ним показались люди Зиндаба. Мурген осадил коня между мною и Госпожой, в нескольких шагах позади.

Наша артиллерия начала пристреливаться к крепости. Гоблин с Одноглазым — а может, и Меняющий Облик — принялись крошить известь, скреплявшую камни в стенах.

— Получается, — пробормотал я. — Похоже, мы таки победим.

Кавалерийский налет решил дело. Они даже не успели перестроиться для новой атаки — неприятельские солдаты устремились к броду. Атака пришла в самую гущу спасающихся бегством.

Ну. Могаба!.. Ай да Могаба!

Солдаты, коих он муштровал, все так же не ломая строя, пошли в атаку. Они с Очибой носились вдоль фронта, подстегивая солдат и отгоняя раненых с дороги.

Бревна, пущенные из баллист, начали вышибать камни из крепостной стены. Капитаны на башне поразевали рты. Несколько самых боязливых убрались из бойниц.

Я поднял меч и указал им вперед. Забили барабаны. Я двинул коня шагом. Госпожа держалась сбоку, а Мурген со знаменем — чуть позади. Одноглазый с Гоблином еще прибавили ужаса в окружавшие нас чары. Мои вороны пронзительно заорали. Пожалуй, их даже было слышно во всей этой суматохе.

Весь неприятельский обоз сгрудился у брода на том берегу. Обозные команды бежали, бросив подводы и тем самым заблокировав своим товарищам пути к отступлению.

Враг был в бутылке, пробка была заткнута, и большая часть вражьих солдат показала спины.

Началась мрачная, кровавая работа.

Я продолжал неспешное движение вперед. Люди старались не приближаться к нам с Госпожой и к знамени. Лучники из бойниц пытались достать меня, но кто-то наложил на мой доспех весьма прочное заклятие. Ни одна стрела не пронзила его, вот только для ушей это было — точно сидишь в бочонке, по коему лупят молотком.

Неприятельские солдаты начали прыгать в реку, спасаясь вплавь.

Баллисты пристрелялись на славу; бревна ложились кучно. Сторожевая башня заскрипела, затрещала, задрожала; из нее разом вывалился порядочный кусок стены, а затем и вся она рухнула, увлекая за собою части стены крепостной.

Я въехал в реку, миновал брод и оказался среди подвод и фургонов. Знамя и солдаты Зиндаба неотступно следовали за мной. Враги, попадавшиеся на глаза, все бежали на юг. Удивительно. Сам я не нанес ни одного удара.

Зиндабову отряду осталась только самая будничная работа: растащить фургоны, дабы хоть кто-то смог, просочившись сквозь них, прикрыть Мургена, пока тот водружал над крепостью наше знамя.

На северном берегу бой еще продолжался, но победа была за нами. Все кончилось благополучно, во что мне никак не верится и по сию пору. Очень уж просто все вышло. Пожалуй, слишком просто. Я даже не использовал все стрелы, имевшиеся в колчане.

И потому, невзирая на творящийся вокруг хаос, я полез за картой, дабы проверить, что находится дальше к югу.

Глава 37

Угольно-черные слезы

В фонтанном зале близ Бесплотия злоба соперничала со страхом. Луннотень хныкал и ныл, пророча страшное. Грозотень исходил злобой. Третий хранил глубочайшее, гробовое молчание.

Четвертого не было вовсе; за него насмешливо и мрачно говорил Глас:

— Я предупреждал: и миллиона может быть недостаточно.

— Молчи, червь! — рыкнул Грозотень.

— Они уничтожили ваши непобедимые армии, детки. Они перешли реку везде, где только можно. Что вы предпримете теперь, дрожащие псы? Ваши провинции — словно женщина, нагая и распостергая навзничь. Двухсотмильная прогулка за Копье Страсти, и они — у ваших ворот! Что вы будете делать тогда? Что?! Что?!! О горе, горе, как избыть тебя?

Безумный смех, издаваемый сгустком Тьмы, подобным дыре в пространстве, наполнил зал.

— Но от тебя не много мы получили помощи, не так ли? — зарычал Грозотень. — Ты, со своими играми... Пытался пленить Доротею Сенджак? Как, успешно? А? И что же ты хотел предпринять относительно ее Капитана? Может, поторговаться желал? Продать нас за силу, которую они несут в себе? Думал, сможешь с их помощью закрыть Врата? Если так, ты — величайший из глупцов всего света!

— Плачете, детки. Стенайте и завывайте. Они идут на вас. Может быть, вам удастся умолить меня и на этот раз спасти вас.

— Это — всего лишь дерзкая болтовня того, кто не в силах спасти сам себя, — огрызнулся Грозотень. — Да. Согласно традициям этого Отряда, они поймали нас в точке дисбаланса. Они совершили то, что обычно и привычно для них, то есть невозможное. Но битва при Майне — всего лишь ход в игре. С доски снята лишь пешка. Если они двинутся на юг, каждый шаг их будет лишь приближать неизбежный конец.

Смех был ему ответом.

Самый молчаливый из четверых наконец отверз уста:

— Нас трое, и мы полны сил. Но двое величайших следуют путем Черного Отряда. И дальнейшие цели его не интересны им. А она — хрупка и слаба, словно мышь.

Смех не прекращался.

— Давным-давно некто назвал истинное имя Доротеи Сенджак. Таким образом, она более — не Госпожа. И сил в ней — не больше, чем в одаренном ребенке. Но уверены ли вы, что с силой она утратила и память? О нет! Иначе не обвиняли бы меня так, как обвиняете. Возможно, она отчаялась — или же напугана — настолько, что поведала ведомое ей величайшему, Меняющему Облик.

Возражений не последовало. Именно этого панически боялись все четверо.

— Донесения неясны,— сказал Луннотень.— Ясно лишь то, что армию нашу постигла великая катастрофа. Но мы управимся с Черным Отрядом. Такая возможность существовала всегда, и мы подготовились к этому. Мы сохраним спокойствие и разделемся с ним. Но вот загадка битвы при Годже: там видели два ужасных темных существа на громадных вороных скакунах, извергавших пламя. Стрелы не брали их. Именами Вдоводела и Жизнедава веет от тех, кто был там с Черным Отрядом.

Для остальных это оказалось новостью.

— Об этом нужно узнать подробнее,— сказал Грозотень.— Может, в этом — разгадка их везения?

— Вы должны действовать, если не желаете быть пожранными,— вымолвила дыра в воздухе.

— Я предлагаю отставить страхи, остеречься ссор и умерить страсть ко взаимообвинениям. Предлагаю подумать о путях к их горлу.

Все хранили молчание.

— Возможно, я тоже приму участие, когда судьба в следующий раз подведет нас поближе к нему.

— Что ж,— протянул Грозотень,— наконец-то страх добрался и до Вершины.

Ругань возобновилась, однако — без прежней злобы. Мысли всех четверых обратились к предотвращению явления рока с севера.

Глава 38

Вторжение в Страну Теней

Усталость не так уж важна, когда выиграно безнадежное дело. Силы на то, чтобы отпраздновать победу, найдутся всегда.

Однако я не хотел устраивать празднеств. Вражеские солдаты до сих пор пытались уйти. И нашим следовало бы закончить дела, пока они еще мнят себя сверхлюдьми. Еще до того как улегся хаос, я собрал свой штаб.

— Масло! Ведьмак! Утром отправляйтесь на воссток, вдоль берега, и перебейте силы, поставленные на охрану пленных, сооружающих дамбу. Бадья! Шандал! Вы со своими вычистите берег по эту сторону брода. Осмотрите обозы, выясните, чем мы теперь располагаем. Могаба, за тобой — поле боя. Оружие — сбрать. Одноглазый! Организуешь доставку раненых в Веджагедхью. Будет время — и я помогу. Присмотришь, чтобы эти таглиосские мясники не наделали глупостей.

В армии практиковали около дюжины таглиосских лекарей-добровольцев. Их представления о медицине были самыми примитивными.

— Госпожа! Что нам известно об этом Деджагоре? — Деджагор был ближайшим к Майну крупным городом и располагался в двух сотнях миль от крепости. — Кроме того, что он обнесен стеной?

- Там — штаб-квартира Хозяина Теней.
- Которого?
- Луннотени. Нет, Гроздотени.
- Вот, значит, как...
- Если берешь пленных, у них можно кое-что выспросить.

Я поднял бровь. Она упрекает меня в несдержанности?

- Кстати, о пленных. Масло, когда закончите, приведи тех пленных сюда.
- Все пятьдесят тысяч?

— Всех, кто не сбежит. Надеюсь, некоторые из них обозлены настолько, что присоединятся к нам. Остальных используем как рабочую силу.

— Ты собираешься вторгаться в Страну Теней? — спросил Могаба.

Он понимал, что так оно и есть, но желал получить официальное подтверждение.

— Да. Предположительно, они имеют армию в пятьдесят тысяч. Треть мы только что нашинковали. Не думаю, что они успеют собрать еще одну такую же толпу вовремя, если мы возьмемся за них быстро и всерьез.

— Наглость, — кивнул он.

— Именно. Продолжай бить и не давай подняться.

— Они — маги, Костоправ, — с упреком напомнила Госпожа. — Что, если явятся сами?

— Тогда придется подключаться и Меняющему Облик. Черт с ними, с мулами, знай грузи телегу. Бывали мы и чародеев.

Никто не стал спорить. А пожалуй, зря. Но все чувствовали, что судьба подарила нам отличный шанс, и не воспользоваться им — сузий идиотизм. Кроме того, я полагал, что если мы не должны были выстоять в первом бою, то, двигаясь вперед, ничего не теряем.

— Интересно, насколько любими эти Хозяева Теней своими подданными? Поддержки от местных ждать стоит?

Комментарии не последовало. Придется выяснить на опыте.

Разговор все продолжался. Наконец я отправился помочь лекарям. Латая и штопая, рассыпал приказы с целой тучей гонцов. Ночью мне даже удалось урвать часика два для сна.

Кавалерия отправилась на восток, тогда как легион Могабы начал продвигаться к югу. Госпожа присоединилась ко мне.

— Меняющий Облик провел разведку. Сказал, что с распространением новостей о битве все меняется буквально на глазах. Уйма народу — в восторге. Те, кто сотрудничал с Хозяевами Теней, ныне в смятении и страхе. Вероятно, при нашем приближении запаникуют и ударятся в бега.

— Хорошо. Великолепно.

Дней через десять, значит, выясним наверняка, как сильно подействовала Годжа на местные умы. Я предполагал продвигаться к Деджагору, делая по двадцать миль в день. К югу от Майна дороги высохли. Эх, как им было удобно тянуть к броду войска...

Джакхамарадж Джак вывел своих уцелевших шадаритов на позицию вовремя и устроил серию неплохих засад, выловив две тысячи бежавших неприятельских солдат.

Моими захватническими планами он остался недоволен. Еще более он был недоволен, когда я изъял его последователей на предмет пополнения потерь в личном составе легионов. Однако почти не спорил.

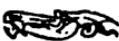
Сопротивления мы не встретили. На землях, ранее принадлежавших Таглиосу, нас тепло встречали в деревнях, до сих пор населенных прежними жителями. Южнее туземцы относились к нам прохладнее, однако без враждебности. Они полагали, что мы слишком хороши, чтобы быть настоящими.

Первые патрули противника мы встретили через шесть дней пути от Годжи. Они избегали контакта. Всем нашим было велено выглядеть профессионально и злобно.

Масло с Ведьмаком нагнали нас, приведя со строительства дамбы около тридцати тысяч человек. Я устроил им смотр. Обращались с ними явно не лучшим образом. Была толпа из озлобленных и обиженных. Ведьмак доложил, что все они готовы помочь одолеть Хозяев Теней.

— Будь я проклят,— сказал я.— Полтора года назад нас было семеро. Теперь — вон какая орда. Отбери тех, кто в лучшей форме. Вооружи трофеинным оружием. Распределите по легионам так, чтобы каждый четвертый у Могабы с Очибой был новичком. Это значит, что останутся обученные — их передашь Зиндабу. Также по одному в каждую четверку. Будет у него полноценный легион. Всех остальных, годных к службе, определим во вспомогательные части и в гарнизоны для маленьких городков.

Земли меж рекой и теми местами, куда мы добрались, были заселены негусто, однако ближе к Деджагору это должно измениться,

— Остальные могут просто идти с нами. Найдем и им применение.

Только чем будем кормить? Наши собственные припасы мы уже подъели и принялись за трофеиные.

Теперь Деджагор выглядел менее многообещающим. Кое-кто из освобожденных уж очень расхваливал его. Говорили, что городские стены достигали в высоту сорока футов и местный Хозяин Теней чертовски старался содержать их в полном порядке.

— Будь что будет, — решил я.

Страсти в наших рядах поутихли. У всех было время на размышления. И все же боевой дух был выше того, с каким мы шли к Годжийскому броду.

В следующие несколько дней произошли пара-другая мелких стычек, но ничего серьезного.

В основном Масло с Ведьмаком охотились за вражескими частями, не потрудившимися вовремя убраться с дороги. Наконец-то кавалерия наша слегка оветеранилась.

Фуражировку и ремонтнерство я разрешал лишь в рамках строжайших правил, а грабеж — лишь в местах, покинутых населением. Большею частью наши так и действовали. Трудности возникли лишь там, где они ожидались с самого начала — девизом Одноглазого было: что не прибито гвоздями, то — его, а под неприбитым понималось все, что он в силах был отодрать.

Несколько деревушек и небольших городков мы заняли без труда. На последние из них я спустил освобожденных нами пленников, цинически позволив им сорвать зло на врагах, дабы поберечь лучшие легионы.

Чем ближе мы подходили к Деджагору — официально наименованному Хозяевами Теней Штормгардом, — тем более оккультуренными становились окрестные земли. Последний день мы двигались по дороге меж покатых холмов, превращенных в ступенчатые террасы и изборожденных ирригационными каналами. Тем поразительнее оказалось увидеть за очередным поворотом сам город.

Штормгард окружала плоская, словно стол, равнина, простирающаяся на милю во всех направлениях, над ней возвышались лишь несколько курганов, не выше десяти

футов каждый. Вся равнина выглядела словно подстриженная лужайка.

— Не нравится мне все это,— сказал я Могабе.— Как-то оно... Госпожа, тебе это ничего не напоминает?

Она равнодушно взглянула на меня:

— Похоже на Башню.

— Именно. Однако здесь есть пространство для маневра.

— Пока светло, давай подъедем и посмотрим поближе.

— Как укреплять лагерь? — спросил Могаба.

Леса мы по пути почти не видели.

— Перевернуть фургоны набок.

Никакого движения на равнине не наблюдалось. Только легкая дымка над городом выдавала наличие жизни.

— Да, надо взглянуть поближе. Госпожа! Пока спускаемся, готовь наряды.

Орда моя хлынула на равнину. И снова — ни малейшего признака интереса на стенах. Я послал за Мургеном и знаменем. Учитывая, что здесь, на юге, думают о Черном Отряде, Штормгард может сдаться и без боя.

Госпожа в облачении Жизнедава выглядела весьма устрашительно. Пожалуй, и я — так же.

Наряды наши были чертовски эффектны. Я бы, например, испугался при виде такого. Могаба, Очиба и Зиндаб поехали с нами. Они вырядились в свою форму времен Джии-Зле, да и сами по себе вид имели внушительный.

— Я тоже хочу взглянуть на стены,— пояснил Могаба.

— Конечно.

Затем подтянулись и Гоблин с Одноглазым. Я сразу понял, что мысль эта пришла на ум Гоблину, а Одноглазый потащился за ним на всякий случай, чтобы ни в чем ему не уступать.

— Только без клоунад. Ясно?

Гоблин по-лягушачьи улыбнулся:

— Конечно, Костоправ. Конечно. Ты же меня знаешь.

— Именно. Даже слишком хорошо. Обоих. Поэтому и предупреждаю.

Гоблин скроил оскорблennую мину.

— Над костюмами нашими поработайте как следует. Слышите?

— Ты перепугаешь их до глубины души, — заверил Одноглазый. — Они с воплями разбегутся со стен.

— Еще бы. Все готовы?

Получив подтверждение общей готовности, я скомандовал:

— Мурген, поезжай кругом, справа. Кентером. Как можно ближе к стене.

Он тронул коня. Мы с Госпожой поехали следом, в двадцати ярдах позади. Стоило коню моему сделать первый шаг, как две чудовищные вороны плохнулись мне на плечи. Стая, поднявшись из-за холмов, принялась кружить над городом.

Мы подошли достаточно близко, чтобы заметить суetu на стенах. И впечатляющие же то были стены! Чего никто не удосужился упомянуть — это того, что город выстроен на холме, возвышавшемся над равниной еще на сорок футов.

Судя по всему, здесь нам придется туда.

Со стены свистнули несколько стрел. Недолет.

Изощренность. Блеф. Мухлеж. Только так можно справиться с этими стенами, Костоправ.

Освобожденные пленники составили мне план города, так что о его внутреннем расположении я был подробно осведомлен.

Въездных ворот — четыре. К ним по четырем румбам компаса, словно спицы в колесе, подведены мощеные дороги. Ворота защищены препротивнейшими бастионами и башнями. И еще — башни вдоль стены, для ведения продольного обстрела по всему фронту. Плохо дело...

На стенах было спокойно. Наблюдая одним глазом за нами, защитники их следили и за нашей ордой, все текущей и текущей из-за холмов. Наверное, гадали, откуда нас столько взялось.

К югу от Штурмгарда нас ждал небольшой сюрприз.

Там располагался воинский лагерь. Большущий. Выдвинутый, наверное, ярдов на четыреста от городской стены.

— Ах ты ж...

Я заорал Мургену, предупреждая его об опасности.

Тот не рассыпал. Скорее всего, намеренно, хотя этого я никогда доказать не смогу. Он пришпорил коня и направил его в промежуток меж лагерем и стеной.

С обеих сторон полетели стрелы. И чудесным образом попадали наземь, не причинив ему никакого вреда. Въезжая в брешь, я оглянулся.

Этот маленький засранец Гоблин стоял в седле, спустив штаны, перегнувшись пополам и тем самым демонстрируя всему миру, какого он мнения о Хозяевах Теней и их солдатах.

Естественно, неприятель обиделся. Небо, как поется в «шансонах», потемнело от стрел.

Я был уверен, что на сей раз судьба возымеет свое. Но мы ехали слишком быстро, и весь этот дождь из стрел упал позади. Гоблин издевательски заулююкал.

Это оскорбило кого-то покрупнее.

Молния, непонятно откуда взявшаяся, выжгла в грунте перед нами порядочную дыру.

Мурген перепрыгнул ее. Я — тоже, причем желудок мой подскочил к самой глотке. Я был уверен, что следующая молния уж наверняка поджарит кого-нибудь.

А Гоблин продолжал вовсю потешаться над незадачливыми штурмгардцами. Из лагеря начали выезжать всадники. Они не представляли собою помехи — мы запросто могли уйти от них. Я постарался сосредоточиться на стене. Просто так, на случай, если удастся уйти отсюда живым.

Вторая молния сверкнула по моим глазам, однако также прошла мимо. Хотя мне показалось, что она изменила курс перед самым моментом удара.

Когда взор мой прояснился, я увидел громадного волка, несшегося справа от нас и мерившего землю прыжками, превосходившими и галоп наших скакунов. Старина Меняющий Облик... Вот кстати!

Еще две молнии прошли мимо. То-то садовник расстроится, когда увидит, как обошлись с его газоном. Завершив обезд города, мы устремились к нашему лагерю. Преследователи отстали и плонули на свою затею.

Сходя с седла, Могаба сказал:

— Мы вызвали на себя огонь. Теперь мы знаем, против чего предстоит драться.

— Один из Хозяев Теней здесь.

— Может быть, еще один — в лагере,— сказала Госпожа.— Я чувствую что-то...

— А где Меняющий Облик? — Тот снова незаметно скрылся. Все только плечами пожали.— Надеюсь, он сейчас на их военном совете. Гоблин! Шутка была тупая.

— Ну еще бы! Словно лет на сорок помолодел...

— Мне бы его заботы,— проворчал Одноглазый.

— Что ж. Они знают, что мы здесь и нас следует бояться. Но похоже, ничего не предпринимают. Пожалуй, надо бы определиться, как их тут отпинать.

— Очевидно, они намерены драться вне стен города,— сказал Могаба.— Иначе того лагеря бы не было.

— Ага.

В сознании моем вихрем завертелись разнообразные штуки, трюки и стратегмы, словно я родился уже с сотнями таковых в голове.

— На эту ночь оставим их в покое. Утром поднимемся и построимся, однако пусть сами к нам идут. Где эти планы города? Я кое-что приметил...

Так мы проговорили несколько часов, а хаос лагеря все бушевал вокруг. С наступлением темноты я послал людей проделать кое-какие штуки и установить вехи для построения и ориентации легионов, а затем сказал:

— Не стоит слишком утруждаться. Не думаю, что они пойдут на нас, пока мы не подойдем под самые стены. Давайте выпивимся. Утром посмотрим, как и что.

Множество глаз разом устремились на меня, а затем одновременно обратились к Госпоже. По лицам собравшихся прошла волна улыбок, и все удалились, оставив нас наедине.

Бадья со своими людьми отнюдь не валял дурака. Они отправились в холмы и отвели один из ирригационных каналов так, чтобы он снабжал лагерь водой. Я подсчитал в уме: если каждому по чашке, то нужно около двух с поло-

виной тысяч галлонов. Считая и животных — три с половиной. Только чашки на каждого — мало. Уж не знаю, сколько воды нес тот канал, однако даром пропадало не много.

Да и рабочей силой разбрасываться не приходилось. Опальские ребята выкопали несколько прудов для хранения воды. Один, в сторонке, — для мытья. Я, как большое начальство, пролез без очереди.

Не успев обсохнуть, я удостоверился, что Могаба не забыл ничего. Что часовые расставлены, ограждения устроены, ночной порядок соблюден, Жабомордый не лодыгрничает, а отправлен хозяином на разведку. Все было хорошо.

Я мог отправляться на покой.

Наступила Та Самая Ночь.

Не в силах изобрести, чем бы еще заняться, я отправился к себе в палатку, достал план Штормгарда, снова внимательно изучил его, затем взялся за переписывание Анналов. Работы с ними накопилось больше чем надо бы, но сами Анналы стоили трудов. Может быть, Мурген возьмет часть трудов на себя... Я сделал три с чем-то страницы и уже начал успокаиваться, думая, что она, может, и вовсе не придет. Тут-то она и вошла.

Она тоже успела вымыться. Волосы ее были влажными. Вокруг нее витал легкий аромат лаванды, а может лилий. Она была слегка бледна, и слегка дрожала, и как-то избегала встречаться со мной взглядом, и не знала, что надо сказать, что сделать теперь, когда она — здесь. Она застегнула клапан палатки.

Я закрыл книгу. Отправил ее в окованный бронзой сундук. Закрыл чернильницу. Почистил перо.

Я и сам не мог придумать, что сказать.

Вся обычная конфузная ерунда была глупой. Играем в такие вещи, хотя стареем ведь с каждым годом... Черт побери, оба мы — взрослые люди. Я по возрасту уже в деды тожусь. А может, и довожусь кому-нибудь дедом. Не исключено. А уж она — и подавно кому угодно в бабушки годится.

Кому-то надо было брать быка за рога. Не вечно же нам ждать, пока другой на что-нибудь отважится...

Так что ж она тогда стоит столбом?
Э-э, Костоправ, парень ведь — ты...
Ага.

Я загасил свечи, подошел к ней и взял ее за руку. В палатке было не так уж темно: свет костров пробивался сквозь ткань.

Вначале она задрожала, словно пойманная мышь, однако для того, чтобы достичь той точки, с которой поздно отступать, ей не понадобилось много времени. И, как на зло, не случилось ничего, способного нам помешать.

Старый генерал удивил сам себя. Но женщина удивила его еще более.

Где-то в продолжение часа фей усталый генерал пообещал:

— Завтрашней ночью — снова. В стенах Штормгарда. Может, и в собственной кровати Грозотени.

Она попросила поделиться основаниями для такой уверенности в себе — она-то с течением времени становилась лишь живее и бодрее. Но старик заснул прямо на ней.

Глава 39 Штормгард (бывший Деджагор)

Даже сам я ворчал, поднимаясь в такую рань. Мы спешно позавтракали, причем мои героические командиры скучковались, дабы выведать хоть что-нибудь о моих замыслах. Напротив моей палатки на палаточном шесте сидела ворона, кося глазом на меня — а может, на Госпожу. Косится, подлая, подумал я. А что? Мало ли на нас косились?

Я чувствовал себя великолепно. Однако Госпожа, похоже, двигалась уже не столь изящно и плавно. И все вокруг, уроды хреновы, знали, что это означает.

— Я не понимаю, капитан, — настаивал Могаба. — Почему бы не объяснить все попросту?

— То, что знаю только я, и выдать могу только я. А вы просто держитесь поставленных вех и готовьтесь к бою. Если они примут вызов, посмотрим, что из этого выйдет. Если нас не отпинают, станем думать над дальнейшими шагами.

Он поджал губы: Я, очевидно, совсем не нравился ему в тот момент. Решил, что я ему не доверяю. Он оглянулся на Клетуса с его людьми, собирающими корзины, мешки и тряпки в количестве, которого хватило бы на целую армию. Еще тысяча человек была выслана на окрестные фермы за шанцевым инструментом и новыми корзинами и ведрами. Еще сколько-то народу шили из тентов от фургонов холщовые мешки.

Все они знали только то, что им приказано подготовиться к каким-то масштабным земляным работам.

Еще тысяча человек была отправлена на заготовку леса. Для захвата городов его всегда требуется много.

— Терпение, друг мой. Терпение, — промычал я. — В свое время все узнаешь.

— Выучился от старого капитана, — пробормотал Одноглазый, — никому ничего не говорить, пока жареный петух в жопу не клюнет.

Но в то утро мне никто ничем не мог досадить. Они с Гоблином могли бы устроить заваруху пожше, чем в Таглиосе, и я бы только улыбнулся. Я подобрал куском хлеба соус с тарелки.

— Ладно. Айда одеваться, да пойдем кое-кому задницу порвем.

Когда тебе одному из сорока тысяч что-то обломилось, нужно помнить две вещи. Остальные тридцать девять тысяч девяносто девять человек ненавидят тебя до глубины души. Однако сам ты в таком хорошем настроении, что окружающие невольно заражаются им.

К тому же им всегда можно сказать, что их доля — во-он за теми стенами.

Пока я влезал в прикид Вдоводела, вернулась разведка. Ребята сообщили, что неприятель выходит из города и из лагеря. Что этими гадами кишмя кишит. Не менее десяти тысяч в лагере плюс к тому каждый способный нести оружие горожанин.

Вряд ли эта банда так уж рвется в бой. Да и опыта у них маловата.

Я выстроил легион Могабы на левом фланге. Очиба занял правый, а обновленная часть Зиндаба — середи-

ну. Меж ними я поместил всех бывших плених, кого мы смогли вооружить, и надеялся, что выглядят они не такими уж олухами. Строй наш был внушителен: все — в белом, все — профессиональны, все — держат строй и готовы к бою.

Игра на запугивание.

Каждый легион я выстроил посменно, с осями между рот, питая надежду, что противная сторона не додумается напасть прямо сейчас.

Прежде чем вскочить в седло, Госпожа сжала мою руку:

- Вечером — в Штормгарде.
- Эт-точно.

Я поцеловал ее в щеку.

— Кажется, я не вынесу сидения в седле. Все болит.

— Такова уж женская доля.

Я оседлал коня.

На плечи мои немедля опустились две крупные черные вороны. Я вздрогнул от неожиданности. Все поразевали рты. Я оглядел холмы, но ходячего пnia нигде не было. Однако кое-какой прогресс наблюдался: уже во второй раз ворон видел не я один.

Я нахлобучил шлем. Одноглазый опутал мои доспехи сетью магических огней. Я занял место впереди легиона Могабы. Госпожа встала перед легионом Очибы. Мурген со знаменем — перед Зиндабовой частью, на десяток шагов впереди всех остальных.

Меня так и подмывало атаковать тут же, пока противная сторона в авральном порядке пыталась построить своих. Но я дал им немного времени. Судя по виду, подавляющая часть штормгардских вовсе не желала быть здесь. Пусть же посмотрят на наш белоснежный строй, готовый в любую секунду двинуться вперед и всех повырезать. Пусть поразмыслят, как хорошо было бы вдруг оказаться за их невероятными стенами...

Я подал знак Мургену. Он поскакал вперед и свернул в сторону, вдоль строя противника, демонстрируя знамя. Мимо него свистнули несколько стрел. Он заорал врагам нечто оскорбительное. Но это, конечно, никого не обратило в бегство.

Мои вороны устремились за ним, присоединившись к тысячам своих каркающих сестер, неизвестно откуда взявшись. Братство смерти, осеняющее крылами своими обреченных ей... Здорово сделано, старина пень! И все же никто не торопился отступать.

Мои вороны вернулись ко мне на плечи. Я почувствовал себя чем-то вроде памятника и понадеялся, что у ворон манеры не столь скверны, как у голубей.

Первого захода оказалось недостаточно, поэтому Мурген, развернувшись, понесся вдоль строя в другую сторону, крича громче прежнего.

В рядах противника что-то зашевелилось. Кто-то — или что-то, — сидя в позе лотоса футах в пяти над землей, выплыл из вражеского строя примерно на двенадцать ярдов. Один из Хозяев Теней? Должно быть. Достаточно одного взгляда на это нечто, чтобы внутри все похолодело. И я — против него, со своею сворой, способной разве что взять на понт...

Мургеновы шпильки наконец зацепили кого-то за живое. Несколько, затем и куча всадников покинули строй и рванули за ним. Обернувшись в седле, он что-то заорал, обращаясь уже непосредственно к ним. Конечно же, им было не догнать его. На таком-то жеребце...

Я только крякнул. Разброд и шатания в стане врага были не так уж всепоглощающи, как того хотелось бы.

А Мурген нарочно придерживал скакуна, подпуская погоню поближе, но, стоило им приблизиться на дюжины ярдов, внезапно погнал во всю прыть. И погоня вслед за ним влетела прямехонько в лабиринт проволочных ограждений, которые я приказал протянуть в траве ночью.

Люди и лошадисыпались наземь. Скакавшие следом налетали на упавших и, в свою очередь, падали. Мои лучники подняли в воздух тучу стрел, поразивших большую часть людей и лошадей.

Вынув из ножен свой дымящийся и мерцающий раскаленнойстью меч, я дал сигнал атаки. Барабаны забили медленный ритм. Первая шеренга, разрезав проволочные заграждения, без пощады прикончила раненых. У Масло с

Ведьмаком, на флангах, затрубили трубы, однако они пока не атаковали.

Мои парни умеют держать строй. По такой замечательной, плоской поверхности они пройдут ровной по всему фронту шеренгой из конца в конец. С той стороны будет выглядеть очень впечатляюще — у них там еще не все и место-то свое в строю отыскали.

Мы миновали первый из курганчиков, возвышающихся над равниной. На нем предполагалось разместить артиллерию, чтобы подвергать массовому огню нужные участки фронта. Я надеялся, что Клегус и его ребята догадаются потревожить Хозяина Теней.

Этот страшненький тип являл собою неизвестную, однако, без сомнения, крупную величину.

Также надеялся я, что Меняющий Облик — где-то поблизости. Если же его нет и тот ублюдок сможет в плотную заняться нами, все пойдет к чертям.

Двести ярдов пройдено. Вражьи лучники порою постригали в нас с Госпожой. Осадив коня, я снова подал знак. Легионы тоже остановились. Хорошо. Значит, нары не дремлют.

Боги мои, сколько же их там!

И этот Хозяин Теней плавает себе в воздухе и ждет, может быть, когда я споткнусь. Казалось, взгляд мой был устремлен прямо в его ноздри.

Пока что он ничего не предпринимал.

Задрожала земля. Ряды противника пришли в смятение. Они увидели, что надвигается на них, однако слишком поздно было что-либо предпринимать.

Слоны, наращивая скорость, тяжкой поступью устремились к врагу сквозь проходы меж легионов. Когда эти чудища миновали меня, в первых рядах противника уже вопили от ужаса и высматривали куда бежать.

Двадцать баллисты выстрелили залпом, метнув бревна в Хозяина Теней. Наши здорово взяли прицел: четыре бревна даже задели его. Конечно, защитные чары отклонили их, однако контузило его изрядно. Похоже, вялый какой-то этот Хозяин Теней. Наверное, защищать себя самого — его предел.

Второй залп накрыл его за миг до того, как слоны достигли его солдат. Баллисты были нацелены еще точнее прежнего.

Я подал сигнал: четырем тысячам передовых и кавалерии идти вперед.

Остальные сформировали нормальный фронт и двинулись вперед.

Бойня началась невероятная.

Мы гнали, гнали и гнали врагов, но их было так много, что разбить их нам не удалось. Бежавшие в основном укрылись в лагере. В город не вернулся никто: Штурмгард не открыл им ворота. Своего хваленого Хозяина Теней они уволокли с собой. Не стоило и беспокоиться на его счет: толку от него было — словно кабану от собственных сисек.

Конечно, одно из пущенных вторым залпом бревен пробило его защиту. Пожалуй, это его и отвлекло.

Но скорее всего, его бесполезность — заслуга Меняющего Облик.

На поле боя они оставили, наверное, тысяч пять человек. Воитель, дремавший во мне, остался неудовлетворенным. Мне хотелось нанести им больший ущерб, однако для этого я не собирался штурмовать лагерь. Я отозвал легионы для восполнения потерь, расставил кавалерию для перехвата любого, кто пожелает покинуть город либо лагерь, и занялся делами.

Свое правое крыло я разместил в нескольких ярдах от дороги, ведущей к Штурмгарду, едва-едва вне досięгаемости стрел с барбикена, защищающего ворота, в несколько щепей, под прямым углом к дороге. Теперь можно было дать людям передышку.

Мои строители дамбы принялись за дело, пустив в ход приобретенные навыки. С дальней стороны дороги они повели траншею. Начиналась она в полете стрелы от стены и шла к подножию холмов. Траншея обещала выйти широкой и глубокой и могла прекрасно прикрыть меня с фланга.

Другие рабочие начали таскать к дороге землю и соружать длинную, пологую насыпь. Еще партия взялась за возведение мантелетов, способных защитить строителей насыпи по мере того, как она приблизится к стене.

Столько людей могут перенести уйму земли. Защитники города поняли, что через несколько дней наша наклонная насыпь приведет нас прямо на стену, и им это сильно не понравилось. Но как остановить нас, они не знали.

Люди мелькали вокруг, словно муравьи. Бывшие заключенные желали свести кое-какие счеты. Казалось, они жаждут крови не позже чем к закату.

Часов через пять после полудня длина траншеи превысила длину половины городской стены. Тогда ее, одновременно углубляя, повели к городу, с нескрываемым намерением подкопаться под стену и пройти под землей так же, как и поверху. Вместе с этим начали выбирать землю, колая траншею и с левого фланга.

Через три дня моя армия будет защищена двумя глубокими траншеями, под прикрытием которых я спокойно смогу штурмовать стену, поднимаясь по насыпи. Тогда нас не остановит ничто.

Противник срочно должен был что-то предпринимать. Но я надеялся сделать что-нибудь с ними быстрее.

К вечеру небо заволокло тучами. На юге в холмы начали лупить молнии. Недобрый знак. На моих людях гроза скажется хуже, чем на врагах.

Однако строители, невзирая на холодный ветер и мерзкую морось с неба, прервали работу лишь для спартански скромного ужина, а затем расставили фонари и соорудили костры, чтобы продолжать работы по наступлению темноты. Во избежание неожиданностей я расставил пикеты и начал по очереди отводить части с позиций для принятия пищи и отдыха.

Ну и денек! Все, что от меня требуется, это элегантно восседать на коне, отдавая заранее разработанные приказы.

Да еще раздумывать, что стоит за этой мерзопакостной ночкой с такими погодными условиями.

Она должна была стать ночью ночей, но ожиданий не оправдала. Чувствовалось даже легкое разочарование.

Нет, я не собирался что-либо переигрывать либо отменять. Совсем нет.

Когда я стану стар и уйду на покой, и нечем мне будет заняться, кроме как философией, я засяду этак на годик и поразмыслю: отчего это предвкушение всегда многое приятнее, чем достижение?

Я отоспал Жабомордого оценить настроение в рядах противника. Оказалось, черным-черно. Будучи отброшены нашими слонами, солдаты более не желали драться.

Стены Штормгарда, как оказалось, охранялись лишь слегка. Подавляющая часть его мужского населения выступила утром против нас и не вернулась в город. Однако в центральной крепости, где располагалась резиденция другого Хозяина Теней, Жабомордый не заметил особенного упадка духа. Он полагал даже, что там насчет исхода сражения в свою пользу не сомневались.

Гроза — да такая сволочная, что и описать трудно,— двигалась на север. Я собрал своих капитанов.

— На нас движется препакостнейшая гроза. Может здорово усложнить нам задачу, однако мы все равно будем действовать, как предполагали. Тем неожиданнее оно выйдет. Гоблин, Одноглазый, стряхните пыль со старого, добрового заклятия «Дрыхни».

Они подозрительно уставились на меня.

— Ну вот, опять,— проворчал Гоблин.— Опять какие-то дела на ночь глядя...

— Когда-нибудь я таки на него самого это заклятие наложу,— отвечал ему Одноглазый.— И громче: — Ладно уж. Что делать будем?

— На штурм пойдем. Вы усыпите часовых, мы переберемся за стену и откроем ворота.

Даже Госпожа была поражена.

— Хочешь сказать, вся возня с насыпью и траншеями пойдет прахом?

— Я и не собирался ими пользоваться. Хотел лишь убедить врага, что собираюсь.

Могаба улыбнулся. Пожалуй, он вычислил все это заранее.

— Не получится,— тихо сказал Гоблин.

Я мельком глянул на него.

— Люди, работавшие на траншеях и насыпи, вооружены. Я обещал, ради сведения счетов, пустить их первым-

ми. Откроем ворота, а дальше остается только сесть и любоваться.

— Не получится. Ты запамятовал, что здесь Хозяин Теней. Думаешь, так просто незаметно подобраться к нему?

— Да. Наш ангел-хранитель об этом позаботится.

— Меняющий Облик, что ли? Я верю ему настолько же, насколько в силах поднять да бросить беременную слониху!

— Я сказал хоть слово о доверии к нему?! Мы — тягловая лошадь для какого-то его замысла. Поэтому ему нужно сохранить нас в добром здравии. Что еще неясно?!

— Что-то такое с твоими мозгами, Костоправ, — заметил Одноглазый. — Наверное, около Госпожи много вертишься.

Она хранила на лице бесстрастное выражение. Выскакивание Одноглазого вполне могло быть и не комплиментом.

— Могаба, мне понадобится дюжина наров. После того как Гоблин с Одноглазым усыпят часовых, Жабомордый вскарабкается на стену с веревкой и закрепит ее там. Твои ребята возьмут с тыла тот барбикен и откроют ворота.

Он кивнул.

— Как скоро?

— В любой момент. Одноглазый, пошли Жабомордого на разведку. Нам нужно знать, что поделывает Хозяин Теней. Если наблюдает за нами, операция отменяется.

Выступили мы часом позже. Все прошло совсем как операция, описанная в учебных пособиях. Словно сами боги постановили, что быть посему. Еще через час все вооруженные нами и не включенные в состав легионов бывшие заключенные были в городе. Достигнув крепости, они вломились внутрь прежде, чем противник успел организовать сопротивление.

Они вихрем пронеслись по Штормгарду, невзирая на дождь, громы и молнии, изливая гнев на все и вся, попавшееся на пути, без разбору.

Сам я, в облачении Вдоводела, проследовал через ворота пятнадцатью минутами позже. Жизнедав ехал обок со мной. Местные прятались от нас, хотя некоторые, похоже,

вышли приветствовать избавителей. На полпути к крепости Госпожа сказала:

— Ты и в этот раз обманул меня, сказав: «Этим вечером — в Штормгарде»...

Плотная ревущая стена ливня заглушила ее слова. Часовые молнии с внезапной жестокостью обрушились на город. В сплохах я заметил двух бегущих леопардов. Кабы не молнии — не разглядел бы. По спине пробежал холодок — отнюдь не от дождя. Того, что побольше, я уже видел раньше, еще в молодости, в другом охваченном битвой городе.

Они тоже направлялись к крепости.

— Что они задумали? — спросил я.

Моя уверенность в себе на сей раз была далеко не полной. Сейчас с нами не было ворон. Только тут я понял, что уже начал считать их вестницами удачи.

— Не знаю.

— Лучше выяснить.

Я подстегнул коня.

У въезда в крепость лежало множество трупов. Большею частью — мои рабочие. Изнутри до сих пор доносились отзвуки боя. Охрана, улыбаясь, неуклюже отсалютовала мне.

— Где эта Хозяйка Теней? — спросил я.

— Я слышал, она — в той большой башне. Наверху. Ее люди дерутся, как безумные. Но она им не пособляет.

Последовало не менее минуты буйства грома и молний. Огненные стрелы сыпались на город. Может, бог грома сошел с ума? Если бы не ливень, весь город бы выгорел.

Я от души пожалел легионы, назначенные в наружное охранение. Может, Могаба догадается снять их?

После последнего припадка бури гроза разом превратилась в обычный дождь. Молнии сверкали лишь изредка.

Я поднял глаза на башню, вздымающуюся над крепостью, и — *deja vu!* — при вспышке молнии увидел громадную кошку, карабкающуюся наверх.

— Будь я проклят!

Раскат грома заглушил стук копыт подскакавших лошадей. Оглянувшись, я увидел Одноглазого, Гоблина и Мур-

гена с отрядным знаменем. Одноглазый пристально разглядывал башню. Судя по лицу, увиденное не привело его в восторг.

Он вспоминал то же, что и я.

— Костоправ! Форвалака...

— Меняющий Облик.

— Знаю. Я вот думаю: он ли то был? В прошлый раз...

— О чём это вы? — спросила Госпожа.

— Мурген, — сказал я, — водрузи знамя так, чтобы ~~весь свет~~ видел его, когда взойдёт солнце.

— Слушаюсь.

Мы вошли в крепость. Госпожа настаивала на ответе, что же такое мы обсуждали с Одноглазым. У меня возникла временная потеря слуха, а Одноглазый шёл первым. Мы поднимались темными, скользкими от крови и усыпанными трупами лестницами. Наверху больше не слыхать было шума битвы.

Недобрый знак.

Последние бойцы с обеих сторон обнаружились в покоях двумя этажами ниже вершины башни. Все — мертвые.

— Колдовство, — пробормотал Гоблин.

— Идем наверх, — рыкнул Одноглазый.

— Да знаю, знаю...

Ну хоть раз они достигли полного согласия...

Я вынул из ножен меч. Он больше не силл пламением. Доспехи также. Гоблин с Одноглазым были заняты другим.

На вершине башни мы увидели Меняющего Облик и Хозяина Теней. Первый, приняв человечий облик, загнал Хозяина Теней в угол. Тот оказался субтильным существом в черном и с виду вовсе не представлял угрозы. Спутница Меняющего Облик нигде видно не было.

— Одна пропала, — сказал я Гоблину. — Будь начеку.

— Сам знаю.

Он понимал, что происходит, и был предельно, невиданно серьезен.

Меняющий Облик двинулся к Хозяину Теней. Тому некуда было отступать. Я подал Госпоже знак заходить спра-

ва, а сам пошел слева. Уж не знаю, чем занимался Одноглазый.

Я взглянул на лагерь с южной стороны города. Пока мы поднимались на башню, дождь кончился, и лагерь был ясно виден в свете своих костров. Похоже, там знали, что в городе что-то неладно, однако идти выяснить, что именно, и не собирались.

Они были в порядке и прикрыты. Поставить на стены нашу артиллерию, и жизни им вовсе не будет.

Хозяин Теней прижался спиной к парапету башни. Похоже, он не в силах был что-либо предпринять. Отчего же они все-таки бессильны? Это кто? Грозотень?

Приблизившись на расстояние вытянутой руки, Меняющий Облик выбросил руку вперед и рванул черный балахон, раздирая его в клочья.

Я разинул рот. Услышал, как с расстояния пятнадцати футовахахнула Госпожа.

— Будь я проклят! — сказал Одноглазый. — Зовущая Бурю! Ее же полагали мергвой!

Зовущая Бурю... Еще одна из изначальных Десяти Взятых. Еще одна, погибшая, как предполагалось в битве при Чарах, после смерти Повешенного и...

...и Меняющего Облик!

Ага, сказал я себе. Ага. Сведение счетов. Меняющий Облик с самого начала знал, против кого идет воевать...

Если уж одна таинственным образом оставшаяся в живых Взятая снова принялась за свое, почему бы и остальному не появиться? Как насчет еще троих?

— Что за дьявольщина? Они опять здесь! Все, кроме Повешенного, Хромого и Душелова!

Я видел этих троих поверженными собственными глазами.

Госпожа только качала головой.

Но — умерли ли те трое? Я сам однажды убил Хромого, а тот ожила...

Меня снова пробрал холод.

Будучи Хозяевами Теней, они казались мне всего лишь безымянными противниками, самыми обычными и ничем особенным против меня не располагающими. А вот Взя-

ты... Кое-кто из них имел особые, личные причины для ненависти к Отряду.

Момент истины совершенно переменил обстановку. Война приняла другой оборот.

Я не имел никакого представления, что там такое творится между Меняющим Облик и Зовущей Бурю, однако воздух трещал, наэлектризованный искрами ненависти. Зовущая Бурю казалась лишенной всяких сил. Почему? Несколько минут назад она напустила на нас такую чудовищную грозу... Меняющий Облик был не сильнее ее. Если только не превозмог проклятие всех Взятых — свое Истинное Имя.

Я взглянул на Госпожу.

Она знала. Она знала Истинные Имена всех. Потеряв силу, она сохранила память.

Сила... Я и не думал, что у меня с собой, под боком, можно сказать, все время имелось такое. Знания Госпожи стоили выкупа за сотню князей. Тайны, хранящиеся в ее голове, могли крушить либо создавать Империи.

Если только знать, что знания эти у нее есть.

Кое-кто знал.

Да, чтобы покинуть Башню и Империю и уйти со мной, нужно было куда как больше характера!

Пожалуй, следовало произвести стратегическую переориентацию. И Хозяева Теней, и Меняющий Облик, и Ревун — все они знали то, о чем я только что догадался. И ей чертовски повезло, что ее до сих пор не схватили и не выжали досуха.

Меняющий Облик положил громадные, ужасные руки на плечи Зовущей Бурю. Только теперь она начала сопротивляться. С неожиданной, изумляющей силой она швырнула Меняющего Облика к противоположному зубцу, через весь парапет башни. Несколько мгновений он лежал недвижно, и глаза его стеклянно поблескивали.

Зовущая Бурю получила возможность перевести дух.

Меч мой, описав полукруг, достал ее брюхо. Клинок даже не оцарапал ее, однако отвлек от колдовства. Тут ее наотмашь ударила Госпожа. Зовущую Бурю опрокинуло наземь, и я снова сделал выпад. Но она поднялась и направ-

вилась прочь. Палыцы ее заплясали, меж них засверкали искры.

Ох, дьявол!

Одноглазый остановил ее. Мы с Госпожой снова взяли ее в клинки, но без особого эффекта. Затем Мурген достал ее наконечником копья, служившего древком нашему знамени.

И тут она взвыла, как проклятая.

Что за черт?

Она снова двинулась прочь, однако Меняющий Облик уже был на ногах. Он принял облик форвалаки, громадного черного леопарда-оборотня, которого почти невозможно убить или ранить, прыгнул на Зовущую Бурю и принял-ся рвать ее когтями.

Она сопротивлялась как могла. Мы отодвинулись в сторонку, чтобы не подвернуться под горячую руку.

Не знаю уж, что именно такого и в какой момент Меняющий Облик сделал. Может быть, Одноглазому просто-напросто почудилось. Но он скользнул ко мне и прошептал:

— Это он, Костоправ. Это он убил Тамтама.

То было давно. Я и забыть успел. Но Одноглазый не забыл и не простил. Тамтам был его братом...

— Что ты намерен делать?

— Не знаю. Но что-то делать надо.

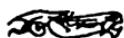
— А что будет с остальными? Мы ведь лишимся нашего ангела-хранителя...

— Мы его всяко лишимся, Костоправ. Все, что ему нужно, он завершит здесь. Будет ли жив, нет ли, но, как только он ее прикончит, мы его лишимся.

Он был прав. Все шансы были за то, что Меняющий Облик перестанет быть старым, верным псом Госпожи. Если уж кончать с ним, то именно сейчас. Удобнее случая не представится.

Бьющиеся рвали друг друга минут пятнадцать. Похоже было, все шло не столь гладко, как на то надеялся Меняющий Облик. Зовущая Бурю дрались чертовски хорошо.

Но он победил. Вроде бы. Она перестала сопротивляться. Он лежал задыхаясь, не в силах двинуться. Она об-

хватали его руками и ногами. Из сотни маленьких ран на его теле сочилась кровь. Он негромко выругался. Мне послышалось, что он проклинает кого-то за помощь Зовущей Бурю и обещает сразу после нее прикончить этого кого-то.

— Ты ему еще для чего-нибудь нужна? — спросил я Госпожу. — Я не имею представления, сколько ты знаешь, и мне, в общем, на это плевать... Но лучше подумай, что он задумал на тот момент, когда перестанет нуждаться в нас в качестве тягловой лошади.

Она медленно покачала головой.

Что-то скользнуло через край парапета за ее спиной. Еще одна форвалака, поменьше. Я уж думал, что мы — в большой беде, но ученица Меняющего Облик допустила тактическую ошибку: начала менять облик. И закончила как раз вовремя, чтобы крикнуть Одноглазому:

— Нет!

Тот где-то добыл себе дубинку и двумя быстрыми героическими ударами вышиб сознание из Меняющего Облик и Зовущей Бурю. Настолько они вымотали друг друга.

Спутница Меняющего Облик бросилась к нему.

Но Мурген подсек ее ногу наконечником копья, несшего наше знамя. И здорово ранил ее. Хлынувшая кровь залила все полотнище знамени. Она закричала, словно в адских муках.

И тут я узнал ее. Давным-давно, когда я видел ее в последний раз, она кричала часто и много.

В какой-то момент схватки на зубцах собралась целая стая ворон. Они издевательски захочотали.

Все бросились на женщину, пока она не успела что-либо предпринять. Гоблин живо сварганил что-то вроде крепких магических пут, лишивших ее способности двигаться. Она могла лишь вращать глазами.

Одноглазый обернулся ко мне:

— Костоправ, есть у тебя при себе нить для шивания ран? Игла у меня имеется, но ниток, боюсь, не хватит.

Это еще к чему?

— Есть немного.

Я всегда ношу при себе кое-какой лекарский припас.

— Дай-ка.

Я отдал ему нить.

Он снова отвесил Меняющему Облик и Зовущей Бурю по удару.

— Чтобы уж наверняка вырубились. Не могут они, пока без сознания, пользоваться особыми силами...

Присев на корточки, он принялся зашивать им рты. Покончив с Меняющим Облик, он сказал:

— Разденьте его. Защевелится — гасите.

Что за черт?

Процесс становился все отвратительнее и отвратительнее.

— Что за дьявольщину тытворишь? — спросил я.

Вороны веселились вовсю.

— Зашиваю все отверстия. Чтобы дьяволы не выбрались наружу.

— Что?!

Может, он и находил в этом резон, но я — нет.

— Старый трюк, известный на моей родине. Избавляет навсегда от злых колдунов.

Покончив со всеми отверстиями, он сшил вместе пальцы их рук и ног.

— Теперь следует завязать в мешок с сотней фунтов камней и бросить в реку.

— Тебе придется сжечь их, — сказала Госпожа. — Все, что не сгорит, размолоть в прах, а прах развеять по ветру.

Секунд десять, не меньше, Одноглазый взирал на нее.

— То есть я все это делал зря?!

— Нет, это тоже будет полезно. Тебе, пожалуй, не понравится, если они очнутся во время сожжения.

Я изумленно взглянул на нее. Это было совсем не похоже на Госпожу. Затем я обратился к Мургену:

— Так ты собираешься поднимать знамя?

Одноглазый ткнул ногой ученицу Меняющего Облик.

— А с этой что? Может, мне и ее обработать?

— Нет, она ничего не сделает. — Я присел возле нее на корточки. — Теперь я тебя вспомнил, дорогуша. Процесс затянулся, потому что не часто мы видели тебя тогда, в Арче. Ты весьма скверно обошлась с моим приятелем, Каш-

таном Шедом.— Я взглянул на Госпожу.— Как думаешь, что с нею делать?

Она не отвечала.

— Молчишь? Ладно. После поговорим.— Я перевел взгляд на ученицу.— Лиза-Делла Бовок. Ты слышишь, как называю я твое имя? — Вороны о чем-то затараторили между собой.— Я дам тебе некоторое время. Чего ты, скорее всего, не заслуживаешь. Мурген, найди, где ее запереть. Когда будем готовы к выступлению, выпустим. Гоблин, поможешь Одноглазому.— Я поднял глаза на отрядное знамя, снова обагренное кровью и снова дерзко реющее по ветру.— Ты,— я указал на Одноглазого,— обо всем позаботишься на совесть. Если не желаешь, чтоб эта пачка, подобно Хромому, наладилась мстить нам.

Он слогнулся:

— Так точно.

— Госпожа, я обещал. Вечером — в Штормгарде. Идем отыщем себе место.

Что-то со мною было не так. Я чувствовал легкую тоску и усталость. Я снова стал жертвой падения, пустопорожней победы. Отчего? Два величайших воплощения зла вроде как стерты с лица земли. Удача снова марширует в рядах нашего Отряда. И к перечню наших побед мы добавили еще два невероятнейших триумфа.

Мы зашли на две сотни миль дальше, то есть стали на две сотни миль ближе к цели нашего похода, чем имели право надеяться. Очевидных причин ожидать больших трудностей со стороны войск, укрывшихся в лагере, нет. Их командир, Хозяин Теней, ранен. Население Штормгарда в большинстве принимает нас как избавителей.

О чём, казалось бы, беспокоиться?

Глава 40 Деджагор (бывший Штормгард)

Вечером — в Штормгарде...

Вечером в Штормгарде кое-что было, однако прочно привязавшееся ко мне чувство неудовлетворенности не проходило. Заснул я поздно, а разбужен был звуком горна.

Первым, что я увидел, разлепив веки, была крупная, мерзкая ворона, глазевшая на нас с Госпожой. Я запустил в нее, что под руку попалось.

Снова затрубил горн. Я высунулся в окно. Затем бросился к другому. — Госпожа! Поднимайся. Пришла беда, откуда не ждали.

Беда, в облике еще одной неприятельской армии змеилась из-за южных холмов. Могаба уже выстроил наших. Клетус со своими успели установить на южной стене машины для обстрела лагеря, но помешать прибывшей армии готовиться к бою они не могли. Местные жители повылезали из домов и направились на стены, поглядеть.

Повсюду было черно от ворон.

Госпожа, едва глянув в окно, рыкнула:

— Давай одеваться! — и принялась помогать мне облачиться.

Я, в свою очередь, помог ей с ее костюмом.

— Попахивать эта штука начинает, — заметил я о своем наряде.

— Может, тебе не придется больше ее носить.

— Это как?

— Армия, идущая через холмы, похоже, включает в себя всех, кого им только удалось найти. Разбить их — и конец войне.

— Ну да. Считая и троих Хозяев Теней, каковым, не бось, такой исход никак не желателен.

Я подступил к окну и прикрыл глаза от солнца. Кажется, среди солдат виднелось плывущее в воздухе пятно Тьмы.

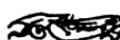
— Теперь с нами никого нет. Может, не стоило так спешить с Меняющим Облик?

— Все сделано правильно. Своей цели он достиг. Мог даже присоединиться к остальным против нас. Против них он зла не держал.

— Ты знала, кто они?

— Даже не подозревала. Правда. Заподозрила лишь день-два назад. Тогда этими подозрениями, пожалуй, уже не стоило делиться.

— Ладно, идем уж.

Она поцеловала меня. Поцелуй ее нес в себе живительную силу. Сколько же мы прошли...

Она надела шлем — и превратилась в мрачное, темное существо по имени Жизнедав. Я завершил свое превращение, и стал Вдоводелом. Суетящиеся крысы, то бишь народ Штормгарда, — кстати, название, когда осядет пыль, надо бы поменять — взирали на нас, шагающих по улицам, с благоговейным ужасом.

Нас встретил Могаба, тут же подведший нам коней.

— Ну? Насколько плохо? — спросил я.

— Пока сказать не могу. Имея за плечами две битвы и две победы, я бы посчитал состояние нашей армии более благоприятным. Однако их там очень уж много, а трюков в твоем хитром рукаве, похоже, больше не осталось.

— Эт-точно. Такого я меньше всего ожидал. Если этот Хозяин Теней вздумает применить свою силу...

— При людях об этом не говори. Они предупреждены, что обстоятельства битвы могут несколько отличаться от обычных и что этого не стоит замечать. Ты хочешь снова пустить в ход слонов?

— Все. Все, что у нас есть. Эта битва может решить исход всей войны. Выиграв ее, мы сбросим их с холки Таглиоса и откроем себе путь на юг по всей его протяженности. У них просто не останется солдат.

Могаба только крякнул. Нечто подобное должно было произойти и с нами.

Мы вышли в поле. В мгновение ока я разослал гонцов во все концы, причем большинство их должны были сбратить по городу вооруженных нами рабочих. Нам понадобится каждый меч.

Кавалерию Могаба уже отоспал на разведку и заодно подергать противника. Умница Могаба.

Вороны, наверное, от души развлекались, глядя, как готовится грандиозное представление.

Новоприбывший Хозяин Теней не спешил. Он вывел своих людей из-за холмов и построил их, несмотря на все старания нашей кавалерии, а затем отправил против нее свою. Масло с Ведьмаком могли бы изничтожить его всадников, однако я дал им приказ и не пытаться. Они просто

отступили, подманивая врага и стреляя по нему из коротких луков. Я хотел дать отдых их лошадям, прежде чем начнется главное. У нас не так много запасных лошадей, чтобы вести кавалерийский бой по всем правилам.

Я отрядил нескольких человек собрать вместе бывших пленников, когда те явятся, и отослать их на отлов всех, кто попытается покинуть лагерь. За ночь мы успели вооружить захваченным накануне оружием еще больше народу. Они, конечно, ничего толком не умели, зато полны были решимости драться.

Клетус с парнями получил приказ переместить артиллерию так, чтобы поддерживать нас огнем и одновременно иметь возможность бомбардировать выезд из лагеря.

Я оглядел новую армию.

— Могаба! Мысли есть?

Противника было этак тысяч пятнадцать. С виду неприятельские солдаты казались, по крайней мере, столь же опытными, как и те, которые нам встретились у Годжийского брода. Опыт ограничен, но — не дилетанты.

— Нет.

— Кажется, они не спешат.

— А ты бы — спешил?

— Имея Хозяина Теней при себе — нет. Надеялся бы, что мы пойдем навстречу. Вопрос всем остальным: какие-нибудь соображения есть?

Гоблин лишь покачал головой. Одноглазый сказал:

— Хозяева Теней — ключ ко всему. Надобно их убрать, иначе — без шансов.

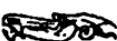
— Поучи бабушку яичницу стряпать. Гонец! Поди сюда.

У меня возникла кое-какая мысль. Я отоспал гонца взять одного из наров и направить в город, с тем чтобы собрать там тысячу вооруженных пленников и занять позицию у западных ворот. С началом битвы они должны были ударить по лагерю с тыла.

По крайней мере, это хоть что-то.

— Одноглазый прав, — сказала Госпожа с таким видом, словно ей было это признавать. — И сосредоточиться следует на здоровом. Это время мистерий.

Она обрисовала свою идею.

Через десять минут я приказал кавалерии выдвигаться вперед и поклевать противника с целью потянуть на себя его кавалерию, и поглядеть, что Хозяин Теней склонен предпринять, а от чего — воздержаться.

Эх, как хотелось бы вправду рассчитывать на то, что пленники смогут запереть тех, кто в лагере...

Еще через полчаса кавалерийские наскоки лишили терпения Хозяина Теней, и Гоблин с Одноглазым взялись за обустройство грандиознейшей за всю свою службу иллюзии.

Начали с воссоздания призраков Отряда старых времен, что было использовано в лесах севера, когда мы захватили бандитов. Наверное, и из сентиментальных соображений, и потому, что испробованное ранее воплотить проще. Они создали свой мираж перед строем, чуть позади нас с Госпожой и знами. Затем я приказал вывести вперед слонов, расставив их по всему фронту, и к каждому придать по десятку лучших и кровожаднейших солдат. Со стороны казалось, что зверюг у нас — неисчислимое множество. Конечно, Хозяин Теней, надо полагать, видит эти иллюзии насквозь, но — что с того? Солдаты его никакой разницы не заметят, а нагнать ужасу требовалось именно на них. К тому времени, когда они поймут, в чем дело, будет уже поздно.

Скрести пальцы, Костоправ...

— Готова? — спросил я.

— Готова, — отвечала Госпожа.

Кавалерия наша отступила — и как раз вовремя: Хозяин Теней принял выражать свое раздражение явно. На миг я сжал руку Госпожи. Склонившись голова к голове, мы прошептали друг другу те самые три слова, какие люди стесняются говорить громко. Я, глупый старый хрен, дико-вато себя чувствовал, произнося их перед публикой из одного человека. Проснулась на миг грусть по утраченной молодости, когда я мог говорить эти слова кому угодно и значило это, что я душой и сердцем принадлежу этому кому-то этак на час.

— Ладно. Мурген, давай.

Мы с Госпожой вздели к небесам пылающие клинки.

— Таглиос! Таглиос! — закричали нараспев легионы.

И наша призрачная армия качнулась вперед.

Зрелищность! Все эти слоны напугали бы меня до полусмерти, будь я на той стороне!

И кой только черт навел меня на мысль, что генерал должен вести армию за собой? Нас — чуть больше тысячи, и мы собираемся положить пятнадцать тысяч неприятельских солдат?

Первые стрелы понеслись к нам с приветом. Фантомам они не повредили. Настоящих слонов миновали. Они обрушились на Мургена, Гоблина, Одноглазого и на нас с Госпожой и отскочили, так как нас защищали специальные чары. Может, наша неуязвимость хотя бы озадачит противника.

Я подал сигнал к ускорению движения. Вражеский фронт дрогнул в ожидании удара всей этой массы слонов. Боевые порядки начали ломаться.

Пожалуй, пора бы этому Хозяину Теней взяться за дело.

Я придержкал коня. Слоны пронеслись мимо, трубя, нарашивая скорость, и свернули чуть в сторону, устремляясь прямиком на Хозяина Теней.

Черт, этакие затраты ради одной-единственной боевой единицы!

Он понял, куда направлена атака, когда слонам оставалось до него еще около сотни ярдов. Слоны стремились сойтись в одной точке, и точкой этой был он.

И тогда он спустил на нас все заклятия, что держал наготове. Секунд десять казалось, что небо рухнуло и земля всталла дыбом. Слоны разлетелись на куски, словно детские игрушки.

Но весь фронт противника пришел в полный беспорядок. Я слышал сигналы, приказывавшие кавалерии снова выдвигнуться вперед, а пехоте — переходить в наступление.

А уцелевшие слоны накатились на парящего в воздухе Хозяина Теней.

Мощный хобот обвил его тело и подбросил футов на тридцать в воздух. Завертелся, закувыркался, что твой акробат! Затем, упав меж двух серых туш, закричал и снова взмыл вверх, на этот раз, пожалуй, уже по собственной

вole. Тут его накрыла туча стрел: солдаты, сопровождавшие слонов, словно практиковались в стрельбе по движущейся мишени. Несколько стрел даже пробили его защиту. Он продолжал колдовать, накручивая заклятие за заклятием, словно фейерверк, однако все они, похоже, были оборонительного толка.

Я со смехом подъехал ближе. Теперь этот ублюдок вместе со всеми своими детками был наш. Значит, мой генеральский послужной список останется безупречным.

Мурген подоспел к месту действия, когда Хозяин Теней взмыл в воздух в третий раз. И принял этого сукина сына на копье, когда тот в очередной раз упал.

Хозяин Теней завизжал. Боги, что это был за визг! Он корчился и бился на копье, словно насаженный на иголку жук. Собственная тяжесть заставила его съехать по древку копья до самой поперечины, поддерживающей знамя.

Мурген изо всех сил старался удержать знамя прямо и избавиться от тяжести. Злейшими врагами его в тот момент были наши же ребята. Все, у кого только имелся лук, продолжали держать на мушке Хозяина Теней.

Я пришпорил коня, подскакал к Мургену и помог увезти наш трофей.

Этому ублюдку было уже не до колдовства.

Наши легионы, надвигающиеся на врага, с удвоенной силой закричали:

— Таглиос!!!

Масло с Ведьмаком врубились в сумятицу вражеского фронта перед легионом Могабы. Конечно, сумятица там была не такой повальной, как я рассчитывал. Солдаты противника уже поняли, что им натянули нос. Однако построиться еще не успели.

Они выдержали удары слонов и кавалерии ценою тяжелых потерь, но бежать раздумали. Масло и Ведьмак отошли, уступая дорогу подходящим легионам, но слоны продолжали давить врага. Ну, что поделать, теперь ими невозможно управлять. Стрелы, мечи и наконечники копий нанесли достаточно ран, чтобы звери обезумели от боли. Теперь им уже было все равно, кого топтать.

— Туда, наверх его давай! — заорал я Мургену. — Что-бы все видели, что мы взяли его!

Один из возвышающихся над равниной курганов был всего в сотне ярдов от нас.

Мы протолкались сквозь подходящую пехоту, въехали на курган и развернулись к полю боя. Знамя приходилось держать вдвоем, потому что Хозяин Теней на древке слишком уж извивался и корчился.

Это был хороший тактический ход — выставить его всем напоказ. Его парни увидели, что лишились своего мощнейшего оружия, как раз когда их уже порядочно отпинали, тогда как мои поняли, что на его счет тревожиться больше не стоит. И, соответственно, взялись за дело, чтобы уж к обеду закончить, да поесть вовремя. Масло с Ведьмаком, закусив удила, двинулись огибать врага с правого фланга, дабы ударить с тыла.

Черт бы их побрал! Я вовсе не желал, чтобы они заходили так далеко. Но теперь я уже не мог управлять положением.

В стратегическом смысле наш ход был не из самых удачных. Засевшие в лагере как раз учудили поражение и решили, что им очень даже пора хоть что-то предпринять.

Они вывалили из лагеря толпою с парящим впереди собственным убогоньким Хозяином Теней, нетрезво качающимися из стороны в сторону, однако захватившим с собою парочку убийственных заклинаний, весьма смущивших наших вооруженных освобожденных.

Клетус с братьями открыли огонь со стены и малость потюкали Хозяина Теней номер два, да так разозлили, что тот бросил все прочие дела и соорудил им заклинание, разом сдувшее со стены и людей, и машины. Затем он отвел свою толпу в сторону, стремясь причинить оставшимся как можно больше бед.

Его люди так и не сформировали строй. Наши бывшие пленники тоже. Вышло нечто вроде обычной кабацкой драки, знай только — успевай махать мечом.

Тогда парни от западных ворот тихонько подошли и ударили по лагерю с тыла, быстро и легко проникнув за его укрепления. Далее они занялись охраной лагеря, ранены-

ми и прочими, попавшими под руку, но хода основных событий их успехи не изменили. Вышедшие из лагеря просто-напросто зашли нам в тыл.

Надо было срочно что-то предпринимать.

— Давай-ка как-нибудь укрепим эту штуку, — сказал я Мургену, окинув взглядом хаос, царивший на поле боя, прежде чем спешиться.

Госпожи нигде не было видно. Сердце мое едва не выскоило через глотку.

Земля на кургане оказалась влажной и мягкой. Кряхтя и пыхтя, мы вдвоем смогли воткнуть древко копья достаточно глубоко, чтобы оно держалось прямо само по себе, поворачиваясь, когда Хозяином Теней овладевал новый припадок сопровождаемых визгом корчей.

Атака с фланга сказалась на бывших пленных плоховато. Самые боязливые побежали к ближайшим городским воротам, чтобы присоединиться к товарищам, вовсе не удосужившимся выйти в поле. Очиба пытался растянуть и развернуть часть своего строя лицом к нападающим, но успех имел весьма ограниченный. Менее дисциплинированная часть Зиндаба начала расползаться в нетерпении ускорить смерть находящихся впереди врагов. Об угрозе с фланга они и не ведали. Только Могабе удалось сохранить дисциплину и единство строя. Будь у меня хоть капля мозгов, я бы поменял его легион местами с легионом Очибы, прежде чем все это начинать. Там, где он находился сейчас, толку от него было мало. Ну конечно, весь правый фланг противника уничтожен, но это не помешает всему остальному взять да рухнуть.

У меня возникло нехорошее предчувствие, что дело наше — кисло.

— Мурген, я не знаю, что делать.

— По-моему, сейчас ты и не можешь ничего сделать, Костоправ. Только скрестить пальцы, да дождаться конца боя.

Над участком Очибы заполыхали огни. Сполохи были так яростны, что должны были, пожалуй, положить половину вышедших из лагеря. Одноглазый с Гоблином не дремали. Однако увечный Хозяин Теней сумел утихомирить буйство огня.

Что же такое с ним сделать? А что вообще я могу?
Ничего. Ничего у меня больше не осталось.

Даже смотреть не хотелось.

Однокая ворона уселась на Хозяина Теней, корчащегося на копье. Поглядела на меня, на него, на поле боя и вроде бы озадаченно хмыкнула. Затем она принялась клевать маску Хозяина Теней, стремясь добраться до глаз.

Я не обращал внимания на птицу.

Мимо нас побежали солдаты. Были они из Зиндабова легиона — в основном бывшие пленные, записанные в легион в последние несколько дней. Я заорал на них, обругал трусами и приказал повернуть назад и построиться. Большинство подчинилось.

Ведьмак и Масло атаковали теснивших Очибу, наверное, в надежде обеспечить ему возможность развернуться и покончить с угрозой, исходящей из лагеря. Однако атака с тыла побудила противника резвее устремиться вперед. Пока Масло с Ведьмаком развлекались, те, кого они резали, прорвали строй Очибы и ударили по бывшим пленным с фланга.

Легион Очибы даже после этого старался держаться, но, судя по всему, дела его были плохи. Зиндабовы воины решили, что они собираются бежать, а потому их во что бы то ни стало надо обогнать или еще как-то остановить. Словом, строй смешался.

Могаба начал разворот, для поддержки Зиндаба с фланга, но к концу маневра поддерживать было уже некого.

В несколько секунд его легион остался последним островком порядка в море хаоса. Противник был организован не более нашего. Все превратилось в громаднейшую беспорядочную бойню.

Еще больше наших устремилось к городским воротам. Некоторые откровенно бежали. Стоя под знаменем, я и ругался, и вопил, и махал мечом, и пролил пару кварт слез. И боги помогли мне: сколько-то самых глупых услышали, вняли и подчинились, начали вставать в строй вместе с теми, кого мне уже удалось организовать. Они развернулись лицом к врагу и небольшими плотными отрядами устремились вперед.

Дух! Мне же с самого начала говорили, что присутствия духа таглиосцам не занимать!

Все больше и больше солдат выстраивали мы с Мургеном под ротным знаменем. Все больше и больше врагов собиралось вокруг Могабы, чей легион не желал сдавать позиций. Трупы солдат Хозяев Теней валом окружили его людей, которые нас, похоже, не видели. Несмотря на все противодействие, он двинулся к городу.

Мы с Мургеном собрали, пожалуй, тысячи три, но тут судьба решила, что пора бы снова запустить зубы в наши ляжки.

На нас навалилась громадная вражеская масса. Я занял позицию рядом со знаменем и поднял меч. Теперь я выглядел далеко не так впечатляюще: видимо, Одноглазый с Гоблином, если были живы вообще, занимались спасением собственных задниц.

Казалось, мы легко сможем отразить атаку. Наш строй был накрепко сомкнут. Противник же несся на нас беспорядочной толпой.

Но вдруг словно бы из ниоткуда пущенная стрела ударила меня в грудь и выбила из седла.

Глава 41 Госпожа

На поле битвы, думала Госпожа, не всегда хорошо быть старым и мудрым. Она отчетливо понимала, что происходит, еще задолго до того, как остальные поняли это. После того как Мурген поддел на копье Хозяина Теней, у нее появились мимолетные проблески надежды на благоприятный поворот судьбы, но появление войска из лагеря повернуло события так, что переменить их ход было уже невозможно.

Костоправ не должен был атаковать! Ему следовало ждать до последнего, чтобы потянуть противника на себя, а не зацекливаться так на Хозяевах Теней. Если бы новая армия с юга перегородила путь тем, находящимся в лагере, он мог быпустить вперед слонов без риска быть атакованым с правого фланга...

Однако было слишком поздно ныть о том, что было бы, если бы... Пришла пора для чудес.

Один Хозяин Теней был выведен из строя, другой же — здорово изувечен. Если бы у нее осталась хоть десятая, хоть сотая часть былой силы!. Если бы только было время развить то, что только лишь стало возрождаться в ней.

Если бы... Если бы... Вся жизнь в этих «если бы...».

Где же этот треклятый Одноглазов бес? Он мог бы изменить ход событий. На той стороне нет никого, способного удержать его, если он пойдет косить вражьих солдат. По крайней мере, надолго...

Но Жабомордого нигде не было видно. Одноглазый с Гоблином работали в паре, пытаясь заткнуть пальцем дыру в прорванной плотине. Жабомордого с ними не было. И они, похоже, были слишком заняты, чтобы полюбопытствовать, куда он подевался.

Отсутствие беса было слишком важным, чтобы оказаться случайной оплошкой. Почему? В самый критический момент!.

Но не было времени на поиски смысла и упреки по поводу отсутствия либо присутствия беса, что так долго беспокоило ее. Времени хватало лишь на осознание факта, что бес был загодя подсунут Одноглазому и приказам его подчинялся исключительно по своему усмотрению.

Но кто же был его истинным хозяином?

Нет, не Хозяева Теней. Те применили бы этого беса по прямому назначению. Не Меняющий Облик. Этому просто не было нужды. И не Ревун. Он бы за это поплатился.

Какая же сила вырвалась наружу?

Мимо, хлопая крыльями, пролетела ворона. Птица закаркала на лету так, что Госпоже показалось, будто ворона насмехается над ней.

Костоправ со своими воронами... Целый год он все твердил про ворон. А затем вороны начали появляться возле него всякий раз, когда предстояло нечто важное.

Госпожа взглянула на курган, где Мурген с Костоправом водрузили знамя. На плечах Костоправа восседали две вороны. А над холмом описывала круги целая стая. Он выглядел весьма внушительно под маской Вдоводела, с ве-

стницами горя над головой, с пламенеющим мечом в руке, пытающийся поднять смятые легионы...

Пока разум гонялся за одним противником, тело разделялось с другими. Она орудовала мечом с грацией танцовщицы и мастерством полубогини. Вначале она ощущала возбуждение, не посещавшее ее много лет, если не считать тантрического пути достижения подобного состояния вчерашней ночью. Затем оно перешло в полное спокойствие, мистическое отделение Себя от плоти, растворившейся в некоем величайшем, восхитительнейшем и смертоносном целом.

Ни страху, ни прочим чувствам не было места в таком состоянии. Оно было подобно глубочайшей медитации, где Я блуждает по полю блистающих сущностей, пока плоть выполняет свои тленные задачи с точностью и такой силой, что вокруг нее и ее коня громоздятся горы трупов.

Враги, отталкивая друг друга, спешили убраться с ее пути. Друзья старались пробиться в безопасное пространство, окружающее ее. Таким образом, несмотря на то что правый фланг развалился по кирпичику, один упрямый камешек все же остался на поле боя.

Ее Я покоилось на воспоминаниях о наслаждении, извлеченном из двух тел, взмокших, тесно прижатых друг к другу, и об абсолютном изумлении во время и после того. Всю жизнь она абсолютно владела собой, и все же иногда ее плоть выходила из всякого повиновения. В ее-то годы...

Взгляд ее снова устремился к Костоправу, на которого навалились враги.

И только тень, вкрашиваясь в ее сознание, когда Госпожа действовала с убийственным совершенством, подсказала, почему она до сих пор отказывала себе в главном.

Разум замутился мыслью о потере.

Эта потеря была для нее важной.

Ее значительность вторглась в Я, отвлекая его, возжелала управлять плотью, чтобы привести все в нужное соответствие со своими желаниями.

Госпожа начала пробиваться к Костоправу, увлекая за собой сплотившихся вокруг нее людей. Но враг почудял, что она уже не прежнее ужасное существо; а, значит, уязвима.

И навалился на ее отряд с новой силой. Товарищи падали один за другим.

Затем она увидела, как стрела, ударив Костоправа в грудь, повергла его к подножию знамени. Вскрикнув, она прищпорила коня, давя без разбора своих и чужих.

Боль и гнев только ввергли ее в кучу врагов, тут же атаковавших со всех сторон. Некоторые пали под ударами меча, но остальные стащили ее с седла и отогнали жеребца. Она дралась отчаянно и мастерски против едва обученных противников, однако одной неумелости их было недостаточно. Они грудами падали к ее ногам, но все же вынутили рухнуть на колени...

Волна беспорядка пронеслась над местом боя. Кто-то бежал, кто-то догонял, и, когда все стихло, видна стала лишь ее рука, простиравшаяся из-под груды мертвых тел.

Глава 42 Снова пень

Лежа по большей части на спине, я ухватился левою рукой за древко копья. Знамя всколыхнулось, и Хозяин Теней затрепыхался там наверху. Похоже было, стрела не задела ничего жизненно важного, однако эта пакость пробила навылет меня вместе с доспехом. Пожалуй, на добрую пару дюймов торчала из спины.

Что за дьявольщина там с защитными заклятиями?

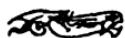
У меня еще никогда не было столь тяжелого ранения.

Вороны не покидали Хозяина Теней. Развлекались, все стараясь добраться до глаз. Еще пяток с гордым видом расхаживали вокруг, словно часовые. Впрочем, мне они не мешали.

Когда первые солдаты противника миновали знамя, тогда-то и появилась вся стая. Все кружили и кружили над нами, пока враги не скрылись.

Черт, как больно от этой проклятой стрелы! Смогу повернуться так, чтобы сломать древко? А потом вытащить эту пакость?

Нет, лучше не стоит. Древко, может быть, сдерживает внутреннее кровоизлияние. Такое случалось.

Что происходит вокруг? И не пошевелился, чтобы оглянуться как следует. Слишком уж больно. А так видно только равнину, усеянную телами. Слоны, лошади, сколько-то солдат в белом и куда больше не в белом... Пожалуй, мы забрали с собой целую прорву. Наверное, продержись наши до этого момента, мы бы здорово напинали им задницы.

Ничего не слышу. Полная тишина. Кстати, как там говорилось? Безмолвие камня? Где я это слышал?

Устал. Ох, чертовски устал. Хочется только спать. Но не могу. Стрела. Хотя скоро, наверное, ослабну. Жажда. Спасибо, хоть не такая, как при ранении в брюхо. Чего не хотел больше всего, так это умереть от раны в потроха. Х-ха. И вообще умирать. Все мысли крутятся вокруг сепсиса. Что, если их лучники мажут наконечники чесноком или фекалиями? Заражение крови. Гангрена. Еще дышишь, а воняешь уже так, точно дней шесть мертв. Ну а грудь — ее не ампутируешь...

Стыд-то, стыд какой! Стыд и срам! Втравить Отряд в такое... Не желаю быть последним ее Капитаном. Пожалуй, никто такого не хотел бы. Не стоило сегодня драться. Уж атаковать-то точно не следовало. Хотя... Думал, иллюзий да слонов хватит. И ведь почти что хватило!

Теперь-то понятно, что надо было делать. Стоять в холмах, где нас было бы не видно, и ждать, пока сами не подойдут. А можно было пробраться в обход и учинить все, как делал Отряд в былье времена. Знамя показать с одной стороны, напасть с другой. Но я сам спустился к ним...

И вот лежу, как дурак, в одних доспехах поверх исподнего. Может, стоило переодеть Мургена Вдоводелом, а самому попробовать организовать контратаку? Могаба имеет понятие о том, что есть знамя...

Но я — здесь. Со стрелой в груди.

Может быть, кто-нибудь придет за мной, прежде чем отойду в мир иной? Пусть даже противник, и то бы хорошо. Проклятая стрела. Кончить бы с этим поскорей. Со всем...

Что-то движется. Нет, это лишь мой треклятый жеребец. Обедает. Траву на яблоки перерабатывает. Для него нынче — просто еще один день жизни. Сходил бы, ублюдо, спер для меня ведерко пива! Если уж такой чертовски разумный, отчего пивка напоследок не принесешь?

Да как же белый свет может быть столь ярок, приветлив и покоен, когда здесь умирает столько людей? Посмотри же на все это! Вот же, прямо здесь, полсотни жмуротов на травке да диких цветочках! Через пару дней миль на сорок вокруг завоняет!

И как я вообще протянул так долго? Может, я из тех, кто всю жизнь помирают, а помереть не могут?

Там! Там что-то движется. Во-он там... Вороны кружат... О, это же наш старый товарищ, пень, парадным маршем шествует через долину мертвых. Легко ступает. Настроение у него хорошее. А раньше-то где был? Еще не время? Вороны? Может, он — сама Смерть? Так я ей всю дорогу сюда в глаза, выходит, смотрел?

Несет что-то. Ага, ящик. Этак — фут на фут на фут. Помнится, я и раньше замечал этот ящик, но нешибко-то обратил внимание. Никогда не слыхал, чтобы Смерть расхаживала с ящиками. Обычно говорят, что меч носит. Или косу.

В общем, кем бы он там ни был, а идет прямиком ко мне. Ради меня, значит, появился. Держись, Костоправ! Может, и рано еще помирать.

Этот урод на копье все корчился. Не думаю, правда, что последствия его радовали.

Вот ближе, ближе... Нет, определенно, не ходячий пень. Человек, или, по крайности, нечто двуногое. Маленький. Забавно. Издали всегда все больше кажется. Вот подошел так близко, что можно в глаза друг другу посмотреть. Если только я различу, где там у него глаза, под этим капюшоном. Похоже, под ним и вовсе ничего нет.

На колени опустился. Точно, пустой капюшон в нескольких дюймах от моих глаз. И ящик свой проклятый мне под самый бок поставил...

Голос, словно легчайший шорох весеннего бриза в ветвях ивняка, мягкий, ласковый, веселый:

— Теперь пора, Костоправ.

Затем полусмешок, полуухмыканье, взгляд на утода, извивающегося на копье.

И совсем другим голосом:

— Тебе тоже пора, старый ублюдок!

Нет, не просто другим тоном или же с другой интонацией. Совершенно другим голосом...

Наверное, все прочие ожившие покойники подготовили меня к этому. Я узнал ее тут же. Словно бы что-то во мне ожидало именно ее.

— Ты?! — ахнул я.— Не может быть! Душелов!

Я попытался подняться. Уж не знаю, зачем. Может, бежать? Но как? Куда?

Боль пронзила насквозь, заставив обмякнуть.

— Да, любовь моя. Это я. Ты ведь ушел, так и не закончив...

И смех, словно девичье хихиканье.

— Я долго ждала, Костоправ. И наконец она обменялась с тобою волшебными словами. Теперь я отомщу, забрав у нее то, что важнее самой жизни.

Снова хихиканье, словно речь шла всего-навсего о дружеском розыгрыше.

У меня не было сил возражать.

Она повела рукою в перчатке, точно поднимая что-то:

— Идем, милый.

Я воспарил над землею. На грудь мою приземлилась ворона, немедля устремившая взгляд туда, куда мы направились, словно капитан этакого летучего корабля.

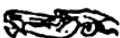
Впрочем, была в происходящем и хорошая сторона: боль утихла.

Я не мог видеть ни копья, ни его груза, однако чувствовал, что за нами плывут и они. Пленившая меня летела впереди. Полет наш был скор.

То-то зрелище, наверное, представляли мы собою для сторонних наблюдателей!

Затем где-то на самом краешке сознания возникла тьма. Я начал отчаянно бороться с нею, в страхе, что это последняя, окончательная тьма...

И проиграл.

Глава 43 Вершина

Безумный смех раскатисто гремел в хрустальном зале, венчавшем башню Вершины. Некто до глупого хихиканья веселился, забавляясь происходящим на севере.

— Троє повержены. Половина работы проделана. Труднейшая ее половина... Еще троих — и все станет моим!

И снова шумное, безумное веселье.

Хозяин Теней устремил взгляд к огромному, белому и сияющему.

— Не пора ли выпустить вас на свободу, мои ночные прелестницы? Не пора ли снова выпустить вас в мир? Нет, нет. Еще не время. Этот островок безопасности еще слишком уязвим...

Глава 44 Сияние камня

Равнина сия полна каменного безмолвия. Никто и ничто не живет здесь. Но в часы глубокой ночи Тени порхают меж каменных столпов и восседают на вершинах колонн, и тьма окутывает их плащами тайны.

Ночи эти не для неосведомленного чужеземца. Ночи эти порой оглашаются криком, раскалывающим каменное безмолвие, и Тени пирут, хоть никогда не утолить им своего яростного голода.

Охота их никогда не бывает обильна. Порою месяцы проходят, прежде чем неосмотрительный путник ступит на гладь сияющего камня. С годами голод все яростнее терзает Тени, и устремляются взоры их на запретные земли, лежащие вне их пределов. Но не могут они покинуть пределов своих, как и не могут умереть от голода, как бы им ни хотелось умереть. Не могут они умереть, вечно живые и скованные безмолвием камня.

Случается и такое бессмертие.

Содержание

Белая роза	
Третья книга Севера	5
Игра теней	
Первая книга Юга	337

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высыпает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ

СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно ЗАКАЗАТЬ по
адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ -
"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГОБЛИНЫ

На основе телесериала
КРИСА КАРТЕРА

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир парапротивного ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ
ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ
СТАЖЕРЫ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначено именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ -"Книги по почте".
Издательство высылает бесплатный каталог.

Вы — поклонник «чёрной литературы» — мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии
«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология «Темная любовь» — двадцать две истории страсти-Одержанности, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология «Холод страха», которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и чёрного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и «Смеющийся труп» Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

**Кук Глен
Белая Роза
Игра теней**

Ответственный редактор А.М. Лактионов

Редактор И.В. Васильева

Художественный редактор О.Н. Алаккина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор Ю.Ю. Смирнов

Корректор Г.А. Разумова

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,

с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома

«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,

Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».

Электронные адреса:

WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

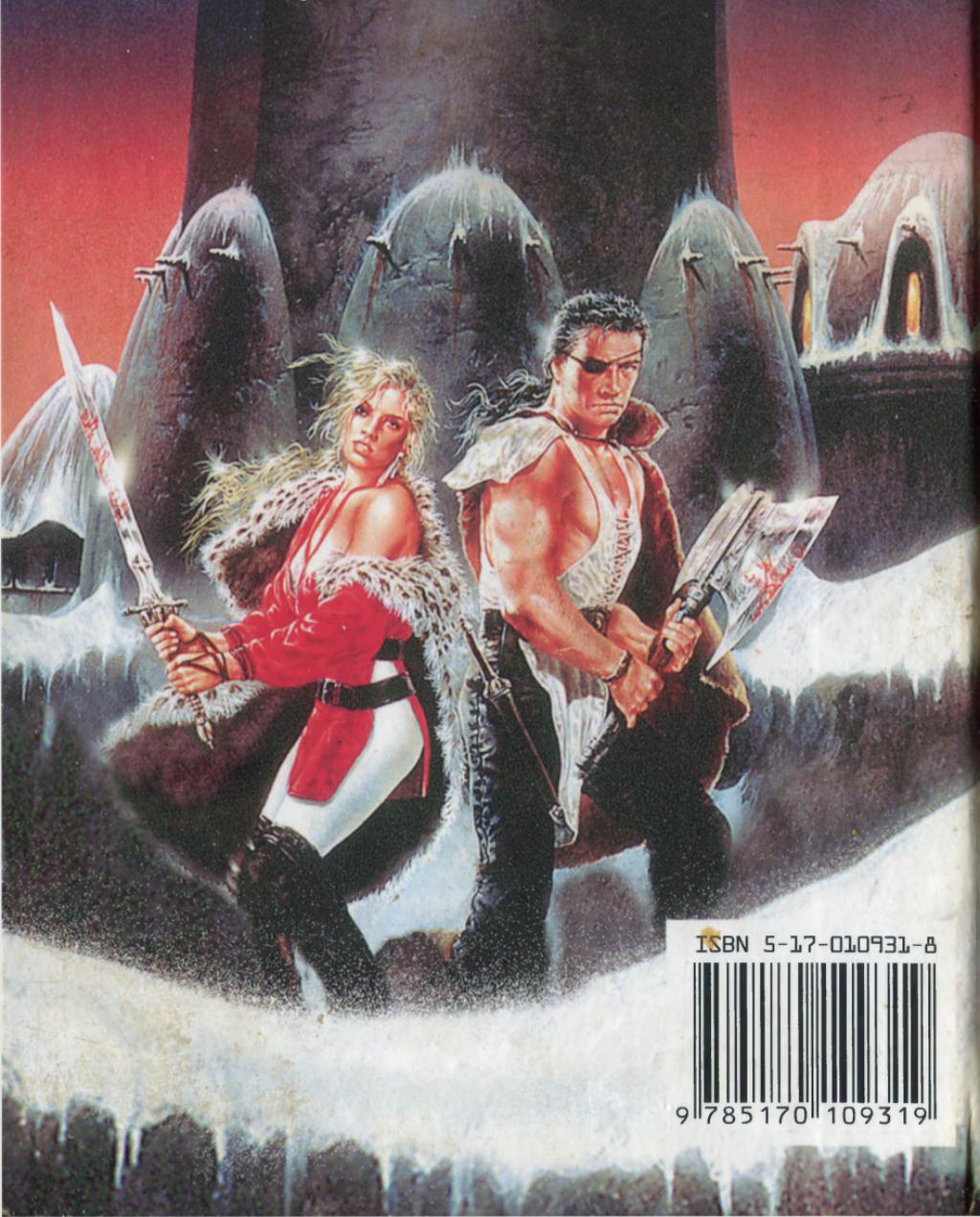
Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равнодушны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда — лучшей роты наемников на службе у злой Госпожи и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!

ISBN 5-17-010931-8

9 785170 109319